

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

В ФОКУСЕ НАСЛЕДИЯ

Сборник статей,
посвящённый 80-летию
Юрия Александровича Веденина
и 25-летию создания Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва

МОСКВА • 2017

УДК 911.3 + 911.53 + 502.4 + 502.8 + 930 + 908

ББК 79

В 11

Составитель и ответственный редактор
кандидат географических наук *М.Е. Кулешова*

Редколлегия:

*П.М. Шульгин, Е.Д. Андреева, И.И. Крупник, М.Е. Кулешова,
Т.Г. Нефёдова, В.П. Новиков*

Рецензенты:

*доктор географических наук, профессор Е.Ю. Колбовский
доктор культурологии, профессор И.В. Кондаков*

В 11 В фокусе наследия. Сборник статей, посвящённый 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. — М.: Институт географии РАН, 2017. — 688 с., ил.

Сборник содержит работы историографического, научно-исследовательского, мемуарно-публицистического характера, объединяющим лейтмотивом которых является деятельность по изучению и сохранению природного и культурного наследия, проводившаяся в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва в 1992—2013 гг. под руководством его первого директора, Ю.А. Веденина, при сотрудничестве с другими организациями и исследователями, посвятившими себя защите природного и культурного достояния России и развитию теории рекреационной географии, одним из основоположников которой является Ю.А. Веденин.

В сборнике представлены результаты исследований по основным направлениям работы института в 1992—2013 гг., серия работ по рекреационной географии, некоторые методические подходы к решению проблем защиты наследия и обсуждение его роли в общекультурном контексте, ряд оригинальных исследований по культурным ландшафтам. Даны примеры применения обозначенных научных подходов в деятельности музеев-заповедников и национальных парков; и в завершение — личные высказывания и оценки в адрес юбиляра.

Обложка: *рисунок Ю.А. Веденина «Тотьма историческая».*

Передний форзац: *объекты, с которыми работал Институт Наследия.*

Задний форзац: *местоположение Института Наследия на космическом снимке.*

ISBN 978-5-8125-2375-6

© Институт географии РАН, 2017

© М.Е. Кулешова, ред., сост., 2017

© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
Введение (Кулешова М.Е.)	10
Часть 1. Историография Института Наследия в исследованиях сотрудников	
<i>Шульгин П.М., Штеле О.Е.</i> Роль Института Наследия в изучении и сохранении национального достояния России	17
<i>Пископфель А.А., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П.</i> Ломать — не строить	37
<i>Ельчанинов А.И.</i> Ю.А. Веденин и картографирование культурного и природного наследия России	48
<i>Максаковский Н.В.</i> Разработка проблематики Всемирного наследия ЮНЕСКО в Институте Наследия	67
<i>Туманов В.Е.</i> Школьное краеведение в Институте Наследия	84
<i>Шульгин П.М.</i> Комплексные региональные программы в работах Института Наследия	96
<i>Безруков М.Г., Голиков В.П., Максимова Т.В., Орфинская О.В., Ярош В.Н.</i> Исследование исторических традиционных технологий и экспертиза объектов наследия, 1992—2013 гг.	113
<i>Мозговой С.А.</i> Исследование проблем военно-исторического и морского наследия	127
<i>Волков И.В., Лопан О.В.</i> Основные итоги работы Сектора Юга России: золотоордынские города от Кубани до Волги	135
<i>Саликов Е.А.</i> Археологические и памятниковедческие исследования Соловецкого отряда МАКЭ Института Наследия	149
<i>Кулешова М.Е.</i> Памяти двух десятилетий культурно-ландшафтных исследований	163

Часть 2. Феномен наследия: исследовательские стратегии

<i>Замятин Д.Н.</i> На краю вечности: образ наследия в культуре	193
<i>Колосов В.А.</i> Сражения за историю, памятные места и государственное строительство на постсоветском пространстве	205
<i>Душкина Н.О.</i> Историческая реконструкция: теория, реалии и фантомы	219
<i>Веденин Ю.А.</i> К проблеме сохранения и реставрации исторических парков	242
<i>Нащокина М.В.</i> Проблемы воссоздания памятников русского садово-паркового искусства	254
<i>Андреева Е.Д., Белошеева А.А., Ведерникова Н.М., Никитина С.Е., Рябов С.А., Черенков Л.Н.</i> Живые народные традиции в контексте современной культуры	268
<i>Глазунова О.Н.</i> Этнографические исследования в проектах по охране культурного наследия (на примере историко-культурного заповедника Аркаим)	290
<i>Рахматуллин Р.Э.</i> Бабочка Урала	303

Часть 3. Ландшафт в наследии vs наследие в ландшафте

<i>Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н.</i> Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте	313
<i>Родоман Б.Б.</i> Культурный ландшафт России: географическая специфика и уникальность (в прошлом, настоящем, будущем)	330
<i>Лавренова О.А.</i> «В пространствах таятся пространства»: грани научной школы Ю.А. Веденина	341
<i>Богословская Л.С., Крупник И.И.</i> Культурные ландшафты морских охотников Берингова пролива (по итогам исследований 1970-х—2000-х гг.)	359
<i>Нефёдова Т.Г.</i> Горожане-дачники в деревне и сохранение традиционных культурных ландшафтов в сельской местности	382
<i>Вендина О.И., Гриценко А.А.</i> Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы утверждения суверенитета	398

Захаров Ю.С., Кулиев А.Н.
Культурные луга и мелиоративные системы как феномены наследия
в монастырском ландшафте Соловков (на примере острова Большая Муксалма)... 417

Часть 4. Под сенью географии: наследие и туризм

Мажар Л.Ю.
Рекреация и туризм в фокусе личности Юрия Александровича Веденина.. 439

Веденин Ю.А., Голубчиков Ю.Н., Тишков А.А.
Туристическая география как новое постмодернистское направление
в системе географических наук..... 450

Эльдаров Э.М.
Параметрический аспект пространственно-временной
концепции туризма Ю.А. Веденина 462

Зотова М.В., Себенцов А.Б.
Туризм и культурное наследие Калининградской области:
пути и перспективы развития 478

Дроздов А.В.
Смыкающиеся круги..... 489

Часть 5. Научные основы охраны наследия в действии: музеи-заповедники, достопримечательные места и особо охраняемые природные территории

Грамолина Н.Н.
Заповедные люди 495

Горбунов А.В.
Концепция культурного ландшафта в развитии
Бородинского музея-заповедника..... 499

Гриценко В.П., Наумов А.Н.
Актуальные аспекты сохранения и обустройства культурного ландшафта
поля Куликовской битвы..... 517

Дмитриева Е.Н., Жучков К.Б.
Миссия Пушкинского Заповедника — сохранение
мемориального ландшафта 537

Гроза А.Б., Агафонова И.С.
Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр
и село Владимирское». К истории сохранения и развития..... 550

Шатковская Е.Ф., Мелютина М.Н.
«Заповеданное Кенозерье» в научном и личном пространстве
Ю.А. Веденина..... 577

Новиков В.П.
Памятники природопользования как объекты культурного наследия и компо-
ненты историко-культурной среды на особо охраняемых территориях 595

<i>Зименко А.В.</i> Заповедное дело в постсоветской России: факторы и тенденции	615
--	-----

Часть 6. И ещё о юбиляре

<i>Василевич Г.Н.</i> Диалог с Юрием Александровичем Ведениным	633
---	-----

<i>Гудима Т.М.</i> Юрий Александрович Веденин — олицетворение лучшего в науке.....	640
---	-----

<i>Богданов Е.В., Кочергин А.С.</i> Старший товарищ, коллега и настоящий человек	645
---	-----

<i>Плужников В.И.</i> Зеленщик	651
---	-----

<i>Родоман Б.Б.</i> Моя благодарность Юрию Веденину	655
--	-----

Заключение (<i>Кулешова М.Е.</i>)	657
--	-----

Список основных изданий Института Наследия и книг его сотрудников за период с 1992 по 2013 г. (подготовлен <i>Штеле О.Е.</i>).....	659
--	-----

Сведения об авторах	674
---------------------------	-----

Пресс-релиз конференции «Роль науки в изучении и сохранении наследия», посвящённой 25-летию Института Наследия (Москва, 20 апреля 2017 г.)	684
---	-----

ОТ РЕДАКТОРА

Этот сборник объединил тех, кто по долгу своей профессии занимается очень важной и чувствительной субстанцией — наследием, а именно тем, что человеческое общество полагает ценным, достойным сохранения и стремится передать последующим поколениям. Как это часто случается — мы начинаем ценить то, что утрачено или что находится под угрозой утраты. А пока имеем, владеем, общаемся — не придаём значения окружающей нас обыденности: полям, садам, древним городам и деревушкам (пока их не поглотит галопирующая урбанизация); пению, стрекотанию и аромату живого мира (пока по нему не проложат скоростную магистраль); творческой рабочей атмосфере научного коллектива (пока на смену знанию и умению не придёт «эффективный менеджмент»).

Этот сборник объединил тех, на чью судьбу, творческий выбор и профессиональные достижения повлияла яркая неординарная личность — Юрий Александрович Веденин, первый директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (1992–2013 гг.), которому в 2017-м году исполняется 80 лет, — а это повод подвести некоторые итоги, расставить акценты и высказать своё отношение к достигнутому, а также к научным концептам юбиляра и к нему самому. Правда, он тоже представлен в нашем сборнике, и это его рисунок украшает обложку, но на этот раз мы его «отстранили от руководства».

Юрий Александрович — очень разносторонняя личность, что поспособствовало его научному лидерству. Знарок искусства, один из основоположников рекреационной географии, основатель одной из школ культурного ландшафта, исследователь наследия во всех его проявлениях — эти, казалось бы, различные направления связаны в его исследованиях наукой географией. Иногда её называют «наукой о связях». У юбиляра очень тесные, продуктивные и плодотворные связи с Институтом географии РАН (откуда он пришел директорствовать в Институт Наследия) и географическим сообществом — среди статей сборника около трети написаны географами. Трое из них, ныне уважаемые учёные, когда-то — аспиранты Юрия Александровича (О. И. Вендина, О. А. Лавренова и Э. М. Эльдаров), а трое (А. В. Дроздов, А. А. Тишков и Б. Б. Родоман) знакомы с ним уже около полувека и более. В нашем сборнике

Веденин с коллегами-географами предлагает развить ещё одно научное направление — туристическую географию. Научная жизнь продолжается в созидании новых исследовательских направлений и новых ракурсов интерпретации накопленного знания. Многие представители географической отрасли благодаря заданному нашим сборником ракурсу посмотрели на свои исследования через призму наследия — ведь оно пронизывает всю нашу жизнь и может быть обнаружено буквально у себя «под носом».

Четверть века тому назад, 13 апреля 1992 г., было подписано постановление Правительства Российской Федерации о создании Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (Института Наследия). Это важное историческое событие, и многие участники сборника к нему причастны. Потому как подписать постановление и назначить руководство организацией — пусть значимая, но формальность, а быть сопричастным созданию — значит наполнять форму содержанием, задавать содержимому целеполагание и ориентиры развития, выращивать 21 год «цветник» исследователей и добиться, чтобы всё их противоречивое разнообразие заговорило на одном языке. Так что создание «контор» и создание исследовательских школ суть явления разного аксиологического масштаба. В мае 2013 г. плодотворная работа институтского коллектива была прервана «оптимизаторами» от науки и под вывеской института получили развитие явления, с наукой и государственными интересами мало совместимые.

У руководимого Ю. А. Ведениным коллектива Института Наследия за годы его работы появилось много не просто партнёров и соратников, но настоящих друзей среди руководителей и сотрудников как музеев-заповедников, так и национальных парков — именно тех территориальных форм охраны наследия, где наиболее очевиден континуум природных и культурных ценностей, где наиболее выражена комплексность объекта охраны и может осуществляться всё многообразие наследиеведческих функций. К представителям таких территорий присоединились и представители общественных организаций и образовательных учреждений, чья правозащитная и исследовательская практика имеют непреходящую ценность в деле изучения и защиты наследия. К сожалению, далеко не все, кого хотелось бы видеть на страницах этого издания, смогли принять в нём участие. На самом деле нас, готовых к профессиональному сотрудничеству и взаимопомощи, являющихся носителями определённого мировоззрения и знаний о наследии, спаянных памятью о работе или контактах с Ю. А. Ведениным и веденинским институтом, гораздо больше представленного здесь авторского состава.

Выходу в свет этого сборника, не стоящего ни в каких официальных планах и представляющего собой творческую самореализацию составившего его авторского коллектива, помогли и способствовали многие люди, и мы им искренне благодарны. И прежде всего — нашему бессменному за много лет работы в Институте Наследия редактору Юлии Бенционовне Виниченко, затратившей немало своих сил и терпения на приведение наших умных мыслей в должный порядок. Редактор-составитель этой книжки очень признательна своим коллегам — П. М. Шульгину, И. И. Крупнику, В. П. Новикову, Т. Г. Нефёдовой, Е. Д. Андреевой, Е. В. Андреевой, Н. В. Максаковскому, которые не просто высказывали ценные замечания, но принимали непосредственное участие в редакторской работе и в решении возникающих организационных проблем. Многие иллюстрации к статьям, предоставленные авторами, пришлось приводить в пригодное

к публикации состояние — и в этом неоценимую помощь оказали О. В. Глазунова, А. А. Парамонова, Г. М. Платова, С. А. Пчёлкин. Многие участники нашего коллективного проекта оказали ему прямую финансовую поддержку — спасибо им!

Институт, в котором так творчески занимались исследованиями наследия в 1992—2013 гг., с 1999 года носит имя Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Вспомним его слова: «Дом наш! Но ведь Земля — дом миллиардов и миллиардов людей, живших до нас! Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание сотен тысяч музеев, тесное скопище произведений сотен тысяч гениев <...>! Сколько обычаев, милых традиций. Сколько всего накоплено, сохранено. Сколько возможностей. Земля вся засыпана бриллиантами, а под ними столько алмазов, которые ещё ждут, что их огранят, сделают бриллиантами. Это нечто невообразимое по ценности»¹. Будем стараться, чтобы этот галактический корабль вконец не растерял по дороге в будущее свои сокровища — в этом случае его полёт станет бессмысленным. Надеюсь, это издание не только понравится, но принесёт пользу всем тем, кто работает с наследием и для наследия России, и кто интересуется историей его исследований.

¹ Дмитрий Лихачёв. Заметки о русском. — М., 2014. — С. 306.

ВВЕДЕНИЕ

Мы живём в очень интересную эпоху, когда в очередной раз изменяется система общественных ценностей — материальных, этических, духовных. Через систему общественных ценностей определяется и категория наследия, но при этом предполагается его неизменность, сохраняемость, «закоренённость» — как защита от энтропии через поддержание информативности и разнообразия окружающего нас мира; как камертон, чтобы не заблудиться на путях цивилизационного выбора; как способ самоидентификации личности, общества, государства. Однако оказалось, что наследие антиномично, представления о его ценности могут содержать в себе принципиально различные суждения, оно может служить средством политических манипуляций, да ещё и подвержено «развитию». То, что для одних является «рухлядью под снос», для других представляет сокровище аутентичности, причём это касается не только материальных объектов, но и целых идеологем.

Казалось бы, во всём мире признаны 10 вариантных критериев выдающейся универсальной ценности Всемирного наследия, действует своя система критериев для отбора нематериального наследия человечества, эти принципы и подходы могут быть применимы и применяются на национальном, региональном и локальном уровнях. Однако есть ещё и обязательные условия — целостность и аутентичность, которые в ряде случаев начинают противоречить друг другу (в этом тоже своеобразно проявляется антиномия, как в единстве и борьбе противоположностей). Мы наблюдаем, как принцип аутентичности, которому когда-то посвящались целые форумы и принимались судьбоносные резолюции (конференция в Наре (Япония) в 1994 г.), уступает свои позиции. Подлинники поновляют, меняют, «развивают». Научная реставрация заменяется реконструкцией. Профессиональное знание о наследии заменяется компилятивными симулякрами и политически ангажированными инсинуациями. Что же мы хотим от наследия и что сохраняем? Оболочки, формы, образы, смыслы или подлинники?

В нашей юбилейной книге «В фокусе наследия» затронуты многие проблемы его выявления, инвентаризации, интерпретации, охраны. Рассмотрены его функции, семантика, изменчивость и устойчивость. Его смысл и влияние на нашу жизнь, равно

как и влияние нашего жизненного выбора на наследие — природное и культурное, материальное и нематериальное, движимое и недвижимое, очевидное и не очень. Об этом пойдёт речь в книге.

Книга имеет шесть разделов, статьи которых в ряде случаев тематически было сложно однозначно отнести к какой-то рубрике, но мы старались, чтобы каждый из разделов обладал внутренней целостностью и самодостаточностью. Поскольку Ю. А. Веденин является первым директором-основателем Института Наследия, со сменой руководства стремительно изменившего имидж, книга открывается разделом, посвящённым истории тематических исследований института. Общая оценка роли и значения этих исследований представлена в статье П. М. Шульгина, заместителя директора по науке в 1992–2013 гг., и О. Е. Штеле — учёного секретаря института в 1994–2013 гг. Последующие статьи содержат обзор отдельных тематических направлений, из которых складывалась научная жизнь института. Это методология наследия (А. А. Пископфель с соавт.), картографирование наследия (А. И. Ельчанинов), краеведение (В. Е. Туманов), традиционные технологии (М. Г. Безруков с соавт.), разработка комплексных региональных программ (П. М. Шульгин), археологические исследования юга России (И. В. Волков, О. В. Лопан), комплексные исследования в северных регионах, проводившиеся Соловецким сектором (Е. А. Саликов), изучение уникальных исторических территорий и объектов всемирного наследия (Н. В. Максакowski), культурно-ландшафтные исследования (М. Е. Кулешова). Ряд направлений представлен в последующих двух разделах, где основной акцент переходит с истории исследований на их проблематику.

Второй раздел развивает тему исследовательских стратегий с обсуждением научных подходов к решению поставленных задач, отчасти отдавая дань и историографии, как это сделано в статье Е. Д. Андреевой с соавторами или статье О. В. Глазуновой, посвящённых живой культуре и этнографии. Авторство статей в этом разделе принадлежит исследователям как дореформенного института, так и других научных и градозащитных организаций. Интересна подборка, образовавшая своеобразный полемический локус: статьи Ю. А. Веденина, Н. О. Душкиной и М. В. Нащокиной о проблемах реставрации в её соотношении с реконструкцией, о подлинности и целостности. В работе В. А. Колосова актуализируются политические аспекты конструирования мест памяти. Статья Д. Н. Замятина, которой открывается раздел, содержит размышления о смысле и роли наследия в культуре, а завершающая статья Р. Э. Рахматуллина показывает, как культурологические ассоциации задают смысл географическому положению уральских столиц.

Третий раздел, посвященный ландшафтным исследованиям, очень важен для нашего издания, поскольку Ю. А. Веденин признан основоположником одной из культурно-ландшафтных школ, обзор которых скрупулёзно исполнен В. Н. Стрелецким и М. Е. Кулешовой. Авторству Ю. А. Веденина принадлежит и концепция ландшафтного подхода к наследию. Ландшафтные и, шире, географические методы служат важным методологическим подспорьем при работах с любыми феноменами наследия. География — одна из базовых дисциплин при исследованиях территориальных комплексов наследия, что нашло своё отражение в таких раз-

личных сферах как оценка перспектив сохранения наследия сельской местности (статья Т. Г. Нефёдовой), изучение культурного ландшафта пограничий (статья О. И. Вендиной и А. А. Гриценко), рассмотрение монастырских сельскохозяйственных угодий как феномена наследия (статья Ю. С. Захарова и А. Н. Кулиева). Здесь же представлена работа известного теоретика географии Б. Б. Родомана, посвящённая обоснованию целесообразности экологической специализации России. Новый оригинальный взгляд на этнокультурные ландшафты российского Севера содержит статья Л. С. Богословской и И. И. Крупника. Именно с их работами связано введение в научный лексикон термина «ледовые культурные ландшафты». В исследовании О. А. Лавреновой рассмотрены важные аспекты ландшафтных репрезентаций и интерпретаций: через географию искусства, локальные тексты культуры, семиотический анализ ландшафта; показаны разнообразные методы «прочтения» ландшафта.

Защитники наследия очень надеются, что его экономическому процветанию поможет туризм, а туризму — географические методы исследований, о чем речь пойдёт в четвёртом разделе. Его открывает статья Л. Ю. Мажар, посвящённая развитию методов рекреационной географии и вкладу Ю. А. Веденина в это направление, подробно обсуждаются проблемы динамики территориальных туристско-рекреационных систем. От географии туризма к туристической географии как новому научному направлению подводят рассуждения и аргументы трёх авторов — Ю. А. Веденина, Ю. Н. Голубчикова и А. А. Тишкова. В статье Э. М. Эльдарова рассмотрены очень неожиданные взаимосвязи между циклами туристского освоения территорий и геополитическими стратегиями. Работа М. В. Зотовой и А. Б. Себенцова на конкретном примере Калининградской области посвящена непростым отношениям наследия и туризма, выбору брендов региона в условиях эксклавности. Небольшое изящное эссе А. В. Дроздова завершает эту рубрику, переходя от научных проблем к жизни в науке юбиляра и его научному становлению в Институте географии.

Теоретические и методические наработки Ю. А. Веденина и его коллег получили своё прикладное воплощение в сотрудничестве с коллективами многих музеев-заповедников, национальных парков и других правовых форм территориальной охраны природного и культурного наследия — некоторые из них представлены в нашей книге. В этом была сила руководимого Юрием Александровичем коллектива — не замыкаться в создании научных доктрин о наследии, а работать на местах с теми, кто это наследие защищает. Это и музеи-заповедники на полях сражений, с их коллективами на полях Бородинском и Куликовом состоялось долгое и плодотворное сотрудничество (статьи А. В. Горбунова, В. П. Гриценко и А. Н. Наумова). Это и столь любимые Ведениным усадьбы: экс-директор усадьбы Поленово Н. Н. Грамолина открывает пятый раздел книги вступительной статьёй «Заповедные люди», а коллеги из пушкинского Михайловского повествуют о своих достижениях по защите пушкинского литературного ландшафта (статья Е. Н. Дмитриевой и К. Б. Жучкова). Очень интересная методическая разработка получена из Нижегородской области о создании достопримечательного места на легендарном озере Светлояр (статья И. С. Агафоновой и А. Б. Грозы). В статьях, полученных из двух

замечательных национальных парков, «Кенозерский» и «Угра» (Е. Ф. Шатковская и М. Н. Мелютина, В. П. Новиков), продемонстрировано, насколько важно в работе природоохранных организаций понимание связи с проблемами культуры и культурного наследия. В завершение раздела дан критический обзор состояния дел в заповедной системе России (статья А. В. Зименко) и обозначены угрожающие природному наследию факторы.

Во многих строках этой книги высказаны добрые слова в адрес юбиляра, а ряд авторов посвятили свои статьи целиком Юрию Александровичу — в диалоге с ним о будущем культурного наследия (Г. Н. Василевич), в оценке его роли в сфере государственного культурного строительства (Т. М. Гудима), в зарисовках к его не только научному и деловому, но человеческому образу (Е. В. Богданов и А. С. Кочергин, В. В. Плужников), в обычных словах благодарности (Б. Б. Родоман). Они образуют заключительный раздел.

За двадцать один год работы (1992—2013) института при директорстве профессора Ю. А. Веденина были заложены методические основы охраны наследия, многочисленные издания института знали во всех российских регионах, без ссылок на труды института и его специалистов не обходилась ни одна работа по наследию. Под руководством его ведущих специалистов или при их активном участии разрабатывались многие программы по наследию, ставшие базовыми для большого числа российских регионов, муниципальных образований, музеев-заповедников, национальных парков. Благодаря институту внедрялся территориальный комплексный подход к охране и использованию наследия, была разработана оригинальная концепция культурного ландшафта как объекта наследия, заложена методическая база к целостному рассмотрению природной и культурной, материальной и нематериальной составляющих наследия.

Были заложены новые направления исследований в гуманитарной географии, нацеленные на изучение роли наследия в развитии территорий и жизни общества, активно развивались направления исследований живой традиционной культуры и традиционного природопользования, обрабатывались новые документы и открывались новые страницы истории объектов наследия. Через публикации, выступления, проекты специалисты института вели огромную просветительскую работу, знакомили своих коллег по отрасли с международными подходами и стандартами, с зарубежным опытом комплексной охраны наследия. Много труда и внимания требовало участие в законодательческих проектах, ряд позиций закона «Об объектах культурного наследия» внесен туда благодаря участию института, он оказал влияние и на закон «Об особо охраняемых природных территориях», и на закон «О территориях традиционного природопользования». Это влияние отражено в правительственной «Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий на период до 2020 г.», специалисты института разработали формат и сделали первые государственные доклады по наследию, ими разработана Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников.

Далеко не обо всех аспектах деятельности руководимого Ю. А. Ведениным института рассказано в книге. Но они составляли важные штрихи к его портрету, и их следует назвать. Помимо классических проектных, исследовательских, экспедиционных практик, основанных на текстовом или картографическом оформлении результатов, стали

разрабатываться проекты образной реконструкции исследуемых феноменов, их электронной авторской презентации/визуализации, сочетающей научные подходы с практиками искусства (проекты С. А. Пчёлкина «Земля Ломоносова», «Богородицкий парк А. Т. Болотова», «Тихий Дон — роман под открытым небом», «Пушкин Сегодня», фотореконструкции Ясной Поляны и др.). Наряду с такими экспериментальными направлениями разрабатывались остро необходимые для текущей жизни музейных учреждений проекты и программы их краткосрочного развития (рук. работ, директор ООО «Экокультура» и зав. Сектором экологического мониторинга — Г. А. Зайцева). Подобные работы были выполнены для большинства российских музеев-заповедников.

В институте был создан собственный музей (заведующие — Е. К. Дмитриева, затем — Т. И. Чернова), экспозиция которого начиналась с арктических экспонатов МАКЭ, а затем была дополнена экспонатами из других подразделений — предметами прикладного искусства, документами, археологическими находками и пр. Арктическая тематика доминировала и в Секторе археологических исследований, руководитель которого, С. В. Гусев, сделал не одно интересное открытие на Чукотке, изучая культуры древних морских зверобоев. Археологические методы исследований легли в основу работ ряда подразделений, в их числе подразделение МАКЭ (И. Барышев) и Сектор комплексных исследований Центрального региона России (С. Э. Чернов).

Никогда не прерывалась очередь желающих быть представленными в камерном институтском выставочном зале, где бессменным организатором и вдохновителем выставок живописи, графики, прикладного искусства, иконописи, фотографии была Е. Д. Андреева. И даже подразделения, ответственные не за науку, а за институтское делопроизводство, оказались под влиянием уникальной творческой атмосферы института и стали разработчиками пакета предложений по музеефикации имени Боткиных «Таволжанка» в Белгородской области (руководитель — И. Н. Быльченко) и по видеофиксации традиционных практик природопользования и кухни Кенозерья (автор проекта — А. А. Денисова). В институте работали специалисты, достижения которых уже можно считать наследием — среди них назовём К. Т. Сулимова, автора монографии «Культура отечественного собаководства XX—XXI вв.» (2016), выведшего новую служебно-розыскную породу — шалайку, обладающую повышенной чувствительностью к запахам опасных веществ.

В руководимом Ю. А. Ведениным институте творили, созидали, спорили друг с другом очень разные люди, царили творческая атмосфера и взаимоуважение, подразделения взаимодействовали друг с другом и обменивались результатами своих работ, исследованиями руководили ведущие авторитетные специалисты. Это сотворчество людей разных специальностей открыло широкие возможности к комплексному изучению наследия в самой широкой его трактовке. Разработки института нашли применение и отклик во множестве научных организаций, а также у практиков охраны наследия. Преимущество этих исследований была прервана учредителем в лице Министерства культуры РФ, но в сообществе профессионалов высокого класса, сформировавшемся под руководством Ю. А. Веденина или в сотрудничестве с ним, она будет продолжена, а накопленный опыт и знания — переданы последующим поколениям.

A black and white photograph of a stone archway leading to a window with a metal grille. The archway is made of rough-hewn stone and has a decorative, scalloped top. The window is also arched and has a metal grille with a grid pattern. The background is a textured stone wall.

Часть 1

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОТРУДНИКОВ**

РОЛЬ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОЯНИЯ РОССИИ

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА И ЕГО СТРУКТУРЫ

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия был создан постановлением Правительства Российской Федерации № 241 от 13 апреля 1992 г. Этим постановлением была определена основная цель деятельности института — научное обеспечение государственной культурной политики и региональных программ по сохранению и использованию национального наследия в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия. Этим же постановлением директором института был назначен известный учёный-географ, специалист по культурной и рекреационной географии, исследователь и ландшафтный реставратор русских усадеб и других памятников истории и культуры, доктор географических наук профессор Юрий Александрович Веденин.

Идея создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия относится к концу 1980-х годов и связана, прежде всего, с именем выдающегося учёного и гражданина нашей страны академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва и деятельностью Советского Фонда Культуры под его руководством.

В рамках Фонда Культуры был сформирован Научно-общественный совет по уникальным историческим территориям, деятельность которого с первых же шагов была направлена на комплексное изучение наследия и культуры различных российских регионов. Методологическую основу работы этого общественного совета составили идеи и предложения Дмитрия Сергеевича, отражённые в основном издании Фонда Культуры, — журнале «Наше Наследие». В них обосновывался подход к наследию как к явлению, включающему не только выдающиеся объекты и памятники истории и культуры, но и природно-историческую среду в целом, историю и жизнь местных сообществ, язык, обычаи и многие другие аспекты.

Именно этот общекультурный подход и отличал уже первые экспедиции Фонда Культуры, которые были направлены на Соловки и Валаам. Соловецкая и Валаамская экспедиции были организованы по личной просьбе Дмитрия Сергеевича (после его по-

ездки на Соловки, где он вспоминал места своей лагерной жизни), они включали историков, философов, природоведов, музейщиков, экономистов, социологов. В состав этих экспедиций вошли и будущие руководители Института Наследия. Именно совместный подход учёных разных специальностей к анализу проблем этих территорий позволил уже по материалам работы первых экспедиций выйти как на научное обобщение проблемы, так и на принятие необходимых правительственных решений. Результатом проведённых в 1988—1989 годах экспедиций стали не только комплексные программы возрождения этих северных территорий, но и формирование группы специалистов, готовых к коллективной работе по сохранению и развитию системы культурного и природного наследия России. Именно во время экспедиций была разработана концепция уникальных исторических территорий, построенная на признании того, что подлинное сохранение и эффективное использование наследия может быть осуществлено только при сохранении всего исторического пространства и учёте современных экологических и социально-экономических процессов.

Существенным фактором продолжения подобных исследований стало одобрение выработанных предложений со стороны руководства Фонда культуры. Была поддержана деятельность Научно-общественного совета по уникальным историческим территориям, в обязанности которого входили разработка методологии, теории и методического аппарата, ориентированных на решение задач по сохранению и возрождению историко-культурных территорий, а также проведение исследований на тех территориях, представители которых обращались в Фонд культуры с подобными просьбами.

Когда в 1992 г., благодаря обращению в правительство Д. С. Лихачёва, стало возможным создание государственного научного учреждения — Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (Института Наследия), в основу его деятельности были положены именно те принципы, которые были апробированы во время работы в Фонде культуры. Созданный в 1992 году институт сохранил именно этот комплексный, общекультурный подход.

Ситуация начала 1990-х годов в развитии культуры характеризовалась достаточно противоречивыми тенденциями. С одной стороны, финансовое положение этой сферы было очень незавидным, не хватало средств на реставрацию многих памятников истории и культуры, на реализацию ранее задуманных интересных проектов, на поддержание в нужном состоянии деятельности учреждений культуры. Многие интересные предложения по развитию этой сферы, доведённые даже до стадии технико-экономических обоснований или проектных решений, в связи с отсутствием финансирования остались нереализованными. Не были воплощены в жизнь и планы туристского развития многих территорий, которые были связаны с возрождением исторических городов, старинных усадеб, освоением забытых исторических мест, восстановлением памятников культуры и возрождением традиций.

С другой стороны, этот период, несмотря на все трудности, несомненно явился периодом раскрытия многих ранее находившихся в забвении пластов исторического прошлого, развития новых тенденций в культурной жизни страны. По-новому происходила оценка исторического наследия, возрождались ранее забытые имена и исторические события. Россия переживала духовное возрождение и восстановление религиозных па-

мятников и святынь. Очень заметным фактором в жизни практически всех регионов России стало появление большого количества изданий по истории, краеведению, изучению природы родного края. Такая противоречивость обычно характерна для переходных периодов развития общества. В подобные периоды важной задачей исследователя становится, прежде всего, выявление основных тенденций, которые определяют особенности развития культуры страны в ближайшее время, возможно — даже на несколько ближайших десятилетий. Происходящие изменения становятся импульсами формирования новой модели культурного развития.

Представляется важным отметить следующие основные тенденции культурного развития того периода, связанные с изучением и сохранением наследия.

Первой из них следует назвать тенденцию, отмеченную ещё в конце 1980-х годов академиком Д. С. Лихачёвым, — *переход от исследования и сохранения отдельных памятников культуры и природы к изучению и сохранению наследия в его целостности и многообразии*. Это очень важный фактор, который, как нам представляется, определяет и многие другие аспекты развития сферы сохранения наследия начала нового тысячелетия.

Целенаправленной в этой связи является работа по выявлению всей совокупности наследия, включающей не только выдающиеся памятники истории и культуры, но и другие важнейшие элементы: народную культуру, традиции, ремёсла и промыслы, историческую городскую среду, сельскую застройку и систему расселения, этнокультурную среду, природное окружение и пр. Все эти явления должны рассматриваться не только как необходимый фон или условия сохранения памятника, наоборот, они выделяются как непосредственная и существенная часть национального культурного достояния, как особые элементы, определяющие самобытность культуры страны или её отдельного региона.

Рассмотрение не отдельного памятника, а всего комплекса наследия позволяет также говорить о неразрывности культурного и природного наследия. Это относится как к ситуационному единству собственно памятника и окружающей его среды, в которой он был создан и которая составляет его естественное ландшафтное окружение, так и к функциональному единству памятника и среды, с которой он связан различными нитями своего функционального предназначения. Чёткое понимание единства культурного и природного наследия позволяет говорить о ещё одной тенденции новой культурной политики — *формировании системы охраняемых историко-культурных территорий*.

Необходимость их организации связана с тем, что такой комплексный объект как бы выпал из существующей структуры охраняемых категорий памятников. Вместе с тем становится ясным, что охрана и использование единичных («точечных») объектов не может быть эффективной вне окружающего их исторического и природного пространства. Оно необходимо с точки зрения не только восприятия памятника, но, прежде всего, его жизнеспособности (будь то природная система или архитектурный комплекс). Каждый памятник был живым организмом, и его современное функционирование также невозможно без подключения окружающей территории, причём не как охранной зоны, а как естественной, традиционной природно-исторической среды. Поэтому создание охраняемых историко-культурных территорий призвано одновременно решать вопросы и охраны, и рационального использования памятников истории, культуры и природы.

Такая территория может быть определена как особый целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социально-культурной среде находятся природные и историко-культурные объекты исключительной ценности и значимости. Она формируется на основе комплекса памятников и территории, объективно связанной с ними в силу этнических, экономических, исторических, географических факторов. Её уникальность определяется наличием и сочетанием комплекса мемориальных, архитектурных, археологических объектов, памятников науки, инженерных сооружений, исторической застройки, традиций народных промыслов и хозяйственной деятельности, фольклора и обрядовой национальной культуры, природных достопримечательностей или исторических форм природопользования, представляющих исключительную ценность с точки зрения истории и культуры народов нашей страны или даже мирового культурного наследия.

Под историко-культурными территориями мы понимаем такие объекты, как, например, малый исторический город с окружающими его старинными сёлами и природными угодьями; старинные усадебные или монастырские комплексы; островные уникальные территории, такие как Кижы или Соловецкие острова, где природа, архитектура и человек составляют единое целое; поля великих сражений; этноэкологические территории проживания малочисленных народов и т.д. Во всех случаях мы можем отметить здесь единство трёх факторов: историко-культурного наследия, природного окружения и проживающего на этих территориях населения — носителей наследия. Опыт исследований и проектных разработок позволил определить создание различных типов историко-культурных территорий в качестве ведущего направления сохранения наследия, обеспечивающего не только его необходимую сохранность, но и эффективное социально-экономическое использование.

В основу концепции научно-исследовательской деятельности Института Наследия были положены именно эти основные тенденции, связанные с наследием, положено представление о фундаментальном значении наследия и о необходимости более активного его включения в жизнь современного общества. Новое понимание наследия базировалось на следующих принципах:

— представление о наследии, как о широком отражении исторического опыта взаимодействия человека и природы, что предполагает включение в категорию наследия не только недвижимых и движимых памятников истории и культуры, памятников природы, но и объектов живой традиционной культуры, традиционных технологий, исторически сложившихся форм хозяйства и природопользования, культурного ландшафта в целом;

— отношение к наследию как к системному образованию, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды; при этом подчёркивается органичная взаимосвязь между культурным и природным наследием и носителями живых культурных традиций;

— главенство пространственного подхода к сохранению наследия; основным объектом при этом становятся территории — от особо охраняемых историко-культурных и природных территорий до отдельных исторических городов и сёл;

— отношение к культурному и природному наследию как к особому ресурсу территории и важному фактору регионального развития в контексте современных социально-культурных и социально-экономических процессов.

В соответствии с этими представлениями была сформирована структура института, которая оставалась в основном неизменной в течение 20-летнего периода его существования. В этой связи также следует отметить, что при её формировании необходимо было избежать тематических повторений и заимствований структур других научно-исследовательских институтов, существовавших в то время в системе Министерства культуры Российской Федерации.

В начале 1990-х годов в системе Минкультуры России успешно действовали следующие научно-исследовательские учреждения: Институт искусствознания, который являлся главным центром страны по комплексному изучению практически всех видов российского и зарубежного искусства; Институт истории искусств в Санкт-Петербурге, Институт культурологии, занимавшийся преимущественно анализом современных тенденций развития культуры, а также Государственный научно-исследовательский институт реставрации, ведущий работу в сфере реставрации и консервации памятников истории и культуры и хранения музейных ценностей.

В Институт Наследия также пришли специалисты по изучению различных видов искусств и различных видов наследия, специалисты по изучению проблем сферы культуры, реставраторы и др. Однако при формировании института была поставлена задача не повторять тематику уже существовавших научных отделов и секторов, а сформировать научные подразделения, отвечающие современным российским и мировым тенденциям изучения наследия, решающим такие проблемы, которые ещё не были представлены в практике отечественных научных исследований.

К середине 1990-х годов сложилась следующая структура научных подразделений Института Наследия:

- Сектор теоретико-методологических проблем изучения наследия;
- Центр документации наследия;
- Центр традиционной культуры природопользования;
- Центр исследования исторических и традиционных технологий;
- Сектор живой традиционной культуры;
- Сектор охраны и использования археологического наследия;
- Сектор военно-исторического наследия;
- Сектор правовых и экономических проблем сохранения наследия;
- Сектор рекреационных и туристских форм использования наследия;
- Центр экологических проблем сохранения наследия;
- Сектор уникальных исторических и природных территорий;
- Сектор комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия;
- Сектор краеведения;
- Сектор географии культуры и искусства;
- Исследовательский центр «Морская арктическая комплексная экспедиция»;
- Сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России;
- Сектор российского национального атласа культурного и природного наследия.

По этой структуре можно говорить об условном формировании двух основных блоков исследовательских подразделений — «отраслевого» и «территориального». В первый блок вошли подразделения, занимающиеся проблемами отдельных видов наследия (традиционного природопользования и исторических технологий, археологического и военно-исторического наследия и др.), а также вопросами экологического состояния наследия, правовых и экономических проблем его сохранения, рекреационных форм использования. Другой блок был сосредоточен на исследовании территориальных форм сохранения и использования наследия и включал подразделения, специализирующиеся на проблемах изучения историко-культурных территорий, формирования региональных программ использования наследия, комплексного краеведческого изучения регионов, экспедиционные подразделения (не только проводящие конкретные экспедиции, но и специализирующиеся на методике экспедиционного исследования различных по условиям выявления и сохранения наследия регионов России), а также научно-практическую группу, занимающуюся картографированием наследия.

Конечно, деление это являлось довольно условным, так как и в практике деятельности «отраслевых» подразделений явно присутствовал территориальный аспект изучения проблемы и проводились экспедиционные исследования в различных регионах России (например, в секторе археологических проблем сохранения наследия, секторе живой традиционной культуры), а работа подразделений «территориального» блока (сектор региональных программ, экспедиционные сектора) никогда не обходилась без специалистов отраслевых направлений. Нередкими являлись случаи, когда в комплексных разработках программ сохранения и использования наследия какого-либо региона страны одновременно участвовали представители до десяти научных подразделений института.

Нужно отметить, что выбранная с первых лет существования структура Института Наследия позволила ему выделиться по тематике исследования среди других научно-исследовательских центров Министерства культуры РФ, а также среди академических подразделений, в той или иной мере связанных с проблемами изучения наследия. Фактически эта структура отвечала задачам, заявленным в правительственном постановлении о создании Института Наследия. Она позволила, с одной стороны, сформировать базовый коллектив специалистов, владеющих вопросами архитектуры, археологии, истории, искусствоведения, природоведения и другими специальностями, связанными с исследованиями наследия в его многообразии, а с другой стороны, направить эти исследования на малоизученные проблемы наследия, проблемы, отвечающие современным мировым тенденциям в этой сфере.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Время формирования института, несомненно, являлось достаточно трудным с точки зрения экономической ситуации перехода от социалистического уклада к новым общественным отношениям. Предстояло решать вопросы финансирования созданного института, поиска заказчиков (что также было непросто в связи с экономическим кризисом переходного периода), ориентации на договорные условия выполнения исследовательских

работ. С другой стороны, общая демократизация жизни страны давала совершенно иные возможности для формирования нового коллектива, для свободного творчества и постановки новых и интересных исследовательских проблем, нацеливала на действительно нужные и полезные для общества работы, создавала возможности широких контактов с зарубежными специалистами. Всё это позволило уже за достаточно короткое время выстроить основные направления перспективных работ творческих подразделений института, получить первые интересные результаты и развивать эти исследования в дальнейшем.

Активно развивались исследования в рамках разработки *методологических основ сохранения и использования культурного и природного наследия*. Подтверждением роли Института Наследия в этой сфере стало признание его в качестве ведущей научной школы Российской Федерации в области методологических и теоретических основ изучения, охраны и использования объектов культурного и природного наследия (№ 96—15—98634 в реестре государственной поддержки ведущих научных школ России). Уже в 1994 году институт смог представить и защитить свою научную концепцию перед Российской академией наук и получил академический статус. Оставаясь в рамках системы Минкультуры России, он одновременно имел научное руководство со стороны РАН, работы института и его планы ежегодно рассматривались и обсуждались академическим профильным отделением (исторических наук, литературы и языка).

В проводимых институтом работах рассматривались вопросы теории выявления и сохранения природного и культурного наследия; специфические подходы к выявлению различных видов культурного наследия; особенности проявления национальных, профессиональных и региональных исторических традиций в наследии России; взаимосвязь культурного наследия и этносоциальных процессов; роль наследия в социально-культурном и социально-экономическом развитии регионов; методы сохранения и использования наследия, в том числе, с помощью современных информационных технологий.

Институтом было предпринято издание нескольких серий периодических сборников, содержащих теоретические и практические результаты проводимых разработок по проблемам наследия. Среди них: «Наследие и современность» (ответственный редактор П. М. Шульгин, издавался с 1995 г., к 2013 г. 20 выпусков), «Этнометодология: проблемы, подходы, концепции» (ответственный редактор Л. П. Щедровицкий, издавался с 1994 г., 17 выпусков), «Архив наследия» (ответственный редактор В. И. Плужников, издавался с 2000 г., 13 выпусков), «Гуманитарная география» (ответственный редактор Д. Н. Замятин, издавался с 2004 г., 6 выпусков) и др.¹

Значительный объём исследований по детальному изучению различных видов историко-культурного наследия был проведён в рамках Центра документации наследия (руководитель — кандидат искусствоведения В. И. Плужников). В Центре исследовались проблемы архитектурного наследия, проводилось архивное и натурное обследование многих памятников, анализировались материалы и документы по памятникам истории и культуры, собранные ещё в рамках Научно-методического совета по охране памятников культуры, начиная с его возникновения во второй половине 1940-х годов.

¹ Общий список изданий института, подготовленный учёным секретарём О. Е. Штеле, помещён в конце книги.

Рассматривались научно-техническое и инженерное наследие страны, были исследованы многие промышленные и транспортные сооружения именно в качестве объектов архитектурного наследия, затрагивались такие аспекты отечественного наследия, как мостостроение, сооружение первых водопроводных систем в российских городах, наследие выдающегося российского инженера В. Г. Шухова. Значительное внимание уделялось малоизвестным и забытым историческим событиям, в том числе, вопросам политических репрессий, истории труда заключённых (например, на строительстве «мёртвой дороги» Салехард — Игарка), историческим событиям Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., неизвестным фактам Карибского кризиса 1962 г. и др.

Следует отметить и другие направления работы института по исследованию специфических видов культурного наследия, которые не входили в систему традиционных представлений о памятниках истории и культуры. Уникальные работы по исследованию традиционного природопользования проводились под руководством доктора биологических наук Л. С. Богословской. Исследование традиционного природопользования ранее получило активное развитие, как правило, при этнографических исследованиях народов Севера или других малочисленных групп и народов страны. Однако следует говорить о традиционном природопользовании как об особом элементе наследия, который не только активно влиял на формирование материальной культуры различных народов, но и во многом определил особенности национального языка, духовного наследия, заложил местные особенности экологического хозяйствования, что особенно важно в связи с современным экономическим освоением различных территорий.

Исследования Сектора традиционного природопользования позволили рассматривать традиционный образ жизни как культурный процесс, исследовать культурные ландшафты живущих в них малочисленных этнических общностей (например, поморов российской Арктики или морских охотников Чукотки), современные негативные природные и антропогенные воздействия, ведущие к деградации этих ландшафтов как исконной среды обитания. Этнокультурные ландшафты соединяют в себе, с одной стороны, традиционные и современные схемы расселения и хозяйственного использования территорий, с другой — материальные объекты, связанные с исторической, культурной и духовной памятью народов. Был сделан важный вывод о необходимости сохранения этнических экосистем, которые должны быть встроены в локальные культуры и менталитет местных сообществ.

Сектором были изданы такие уникальные монографии, как «Пусть говорят наши старики», составленную И. И. Крупником (2000 г.) с записями рассказов эскимосов Чукотки, описывающими традиционную культуру, способы охоты и передвижения в упряжках и на байдарках, ландшафты своей территории; «Основы морского зверобойного промысла» Л. С. Богословской (2007 г.), в качестве пособия для морских охотников Чукотки с описанием традиционного снаряжения, приёмов и способов выслеживания и охоты на китов и морского зверя; «Наши льды, снега и ветры. Народные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки» под редакцией Л. С. Богословской и И. И. Крупника (2013 г.). Сотрудники сектора приняли активное участие в подготовке и принятии Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001 год), в разработке региональных законодательных актов о родовых землях и др.

Исследование исторических технологий, которое является важнейшим условием возрождения традиционных школ в живописи, возрождения ремесленных традиций (в гончарстве, ткачестве, искусстве краснодеревщиков и др.), проводилось в рамках специализированного Центра исторических и традиционных технологий (руководители: доктор химических наук М. Г. Безруков, кандидат биологических наук В. П. Голиков, кандидат химических наук В. Н. Ярош). Основной задачей исследования являлось определение места и роли технологий в культуре и культурном наследии. Можно говорить о ведущей роли ряда технологий (керамика, живопись, обработка текстиля) в формировании культуры на самых ранних этапах человеческой цивилизации, когда другие информационные технологии практически отсутствовали.

Исследование технологий находит важное применение в решении вопросов идентификации произведений искусства. Так, общероссийскую и даже мировую известность получили работы сотрудника центра Т. В. Максимовой «Голландские живописцы XVII века и их немецкие имитаторы в XVIII столетии» (2002 г.), «Технология голландской живописи XVII века: деревянная и тканая основы» (2013 г.), основанные на изучении технологических процессов написания картин.

Исследования проблем формирования и сохранения культурной памяти и поддержания культурного разнообразия в человеческом сообществе вёл Сектор живой традиционной культуры (руководитель — Е. Д. Андреева). Живая традиционная культура — это совокупность фактов и явлений духовной и материальной культуры, актуальных для определённой части общества или общества в целом применительно к определённому временному периоду. Один из важнейших механизмов воспроизведения в культуре — традиция — своего рода генетический код в культуре. Его «работа» обеспечивает преемственность и непрерывность культурного развития, обуславливает процессуальность и изменчивость культурного ландшафта.

Работа сектора включала экспедиционные исследования, выставочную деятельность (в институте действовал выставочный зал и постоянно проводились выставки, затрагивающие разные аспекты культуры и культурного наследия), аудиовизуальную фиксацию культурных процессов. Примеры проводимых комплексных исследований отражены в материалах сборников серии «Живая культура российской провинции», посвящённых исследованию Козельского района Калужской области, Одоевского района Тульской области, Дорогобужского района Смоленской области. В монографии «Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах: проблемы синхронного описания» (С. Е. Никитина, 2013 г.) приведены результаты исследований устной традиции трёх русских народных конфессиональных групп — молоканской, старообрядческой и духоборческой. Исследованию образа Соловецких островов в народной культуре посвящена книга «Соловки в памяти поморов» (Н. М. Ведерникова, С. Е. Никитина, 2013 г.)

Важнейшим направлением методологических исследований Института Наследия стала разработка *научной концепции культурного ландшафта как комплексного объекта культурного и природного наследия*. В институте была сформирована теоретическая и методологическая база выявления, изучения и охраны культурных ландшафтов как нового типа объектов наследия, сохранение которых может быть обеспечено только через создание системы особо охраняемых историко-культурных и природных территорий. Для

обеспечения научных работ по этой тематике в 1999 г. был сформирован специализированный сектор, возглавивший исследования по проблемам управления культурными ландшафтами (под руководством кандидата географических наук М. Е. Кулешовой).

Важным результатом этого направления стало издание первой в России монографии по данной теме — «Культурный ландшафт как объект наследия» (2004 г.), обобщившей вопросы методологии изучения культурных ландшафтов как объектов наследия, типологии культурных ландшафтов и их выявления и описания, практических работ по выделению культурных ландшафтов в различных регионах страны и их охране. Институт выступил организатором проведения в нашей стране Международного научно-практического семинара ЮНЕСКО «Управление Всемирным наследием и глобальные вызовы современности» (март 2011 г.), на котором была выдвинута программа внедрения в сферу сохранения наследия культурно-ландшафтного подхода.

В течение многих лет институт участвовал в разработке документов по сохранению культурных ландшафтов и проявлял активность по продвижению этой номинации в списки Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО от Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что в последние годы номинирование объектов Всемирного наследия по категории «культурный ландшафт» приобрело всё большее распространение в различных странах мира. Как показали работы института, и в нашей стране имеются такие возможности, к сожалению, не реализуемые государством.

Одним из приоритетных направлений исследований института стала *разработка научных основ картографирования наследия*. Интересно, что первоначально при формировании картографического подразделения перед ним ставились в основном прикладные вопросы, связанные с обеспечением комплекса научно-исследовательских работ института. Однако благодаря научным и организационным способностям первого руководителя сектора, доктора географических наук А. А. Лютого, одного из виднейших советских и российских картографов, работы Института Наследия в этой области приобрели фундаментальный академический характер (руководство сектором Российского национального атласа культурного и природного наследия было продолжено кандидатом географических наук А. И. Ельчаниновым).

Впервые в Российской Федерации и в мировой практике были разработаны научные принципы картографического отображения объектов наследия, идеология и программа организации работ по созданию карт национального наследия России. Были подготовлены и изданы первые в России региональные карты культурного и природного наследия, такие как «Новая Земля. Культурное и природное наследие. История открытий и исследований» (1995 г.), «Москва. Историко-культурное и духовное наследие» (2000 г.), «Ярославская область. Природное и культурное наследие» (2001 г.), «Соловецкие острова: духовное, культурное и природное наследие» (2001 г.) и др.

Была отработана методика создания отраслевых карт, одним из примеров которых можно назвать карту театрального наследия Москвы — «Москва театральная на рубеже веков» (2001 г.), карт регионов различного масштаба, например, карта культурного и природного наследия города Уфы (2006 г.), карта культурного и природного наследия Республики Башкортостан (2007 г.), карта культурного и природного наследия Шатурского района Московской области (2003 г.) и др.

Результаты научных исследований по этой теме были опубликованы в нескольких специальных изданиях, подготовленных институтом: «Культурное и природное наследие России (концепция и программа национального атласа)» (1995 г.), «А. А. Лютый и картографирование наследия в России» (2003 г.), а изданные картографические произведения неоднократно получали российские и зарубежные награды, в том числе награды Международного картографического конгресса.

Коллектив учёных Института Наследия в течение 10 лет работал над реализацией государственного проекта по изданию четырёхтомного Национального атласа России. Институт участвовал в подготовке всех томов Национального атласа и был ответственным исполнителем четвёртого тома «История и культура». Этот том — уникальное картографическое и научное произведение — вышел в мае 2009 г., он содержит 300 карт культурного наследия и карт, показывающих развитие культуры, из которых почти 90% являются оригинальными и ранее никогда не выполнялись.

С начала 2000-х годов в институте стала активно проводиться разработка методов электронного картографирования и представления наследия, учитывая возможности современных информационных технологий. Для этих целей было создано специализированное подразделение — Сектор электронных публикаций наследия (руководитель С. А. Пчёлкин). Примером такой инновационной работы является проект «Земля Ломоносова», подготовленный к 300-летию выдающегося российского учёного-энциклопедиста (2011 г.).

Ведущим направлением в сфере научно-практических работ Института стала *разработка комплексных региональных программ сохранения и использования культурного и природного наследия*, ориентированных на сочетание деятельности по охране наследия с обеспечением социально-экономического и социально-культурного развития регионов различного типа (см. статью руководителя направления П. М. Шульгина в настоящем разделе).

Институтом разрабатывались комплексные региональные программы по заданию Минкультуры России (например, программа «Культура Русского Севера»), по заданию субъектов Российской Федерации (программы сохранения и использования наследия для Тюменской области, Самарской области), а также программы для небольших исторических городов и территорий. Программы разрабатывались для муниципальных образований и даже органов общественного самоуправления (например, Берёзовский район Ханты-Мансийского автономного округа или ГОС сельского поселения Кимжа в Архангельской области). Программами государственной важности явилась разработка концепции развития и обустройства истока реки Волги (2008 г.), разработка материалов по Рюрикову Городищу в Великом Новгороде к 1150-летию зарождения российской государственности.

Комплексность программ заключалась в анализе современного состояния и перспектив развития различных сфер деятельности и отраслей, связанных с существованием и развитием историко-культурных территорий. Региональность таких программ определялась тем, что в качестве объекта исследования выбиралась именно территориальная единица регионального уровня: область, административный район, город с его окружением, места проживания малочисленных народов или этнографических групп с землями традиционного природопользования и т.п.

Сочетание специалистов разного профиля позволило в каждом конкретном случае грамотно выделить ключевые проблемы территории и обозначить пути их решения. Фактически работы над отдельными комплексными региональными программами стали заметным явлением в научной жизни института, объединили специалистов сразу нескольких секторов, а в дальнейшем эти территории послужили своеобразным полигоном для более углублённых специализированных исследований.

В разрабатываемых институтом комплексных региональных программах был важен как конкретный результат, связанный с сохранением и использованием наследия, так и методический подход к регионам различного типа.

Большую часть выполненных разработок составляют программы по историческим городам, но достаточно много проектов было осуществлено для сельских территорий, усадебных комплексов, мест проживания малочисленных народов, археологических территорий. Интересные исследования проводились для полей исторических сражений, для исторических производственных территорий. Результатом этих работ стали не только перспективные планы в сфере культуры и сохранения наследия отдельных территорий, но и предложения по общей стратегии развития различных городов и регионов страны, принятие организационных и законодательных решений на федеральном уровне, на уровне субъектов федерации и органов местного самоуправления.

Ежегодно исследования по составлению и реализации таких программ велись в нескольких российских регионах, высок их внедренческий эффект.

Особое внимание в тематике комплексных исследований института уделялось *развитию сети музеев-заповедников*. Российские музеи-заповедники — это уникальный тип учреждения культуры. Современный музей-заповедник определяется как учреждение культуры, созданное для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде.

Отличие музеев-заповедников от других учреждений культуры заключается в том, что в их ведении находятся не только музейные предметы и коллекции, но и недвижимые объекты культурного наследия, а также окружающая их территория. Музеи-заповедники являются комплексными по своим функциям учреждениями, они призваны сохранять в неприкосновенности не только архитектурные, археологические или мемориальные памятники, но и собственно историческую территорию, в том числе уникальные культурные и природные ландшафты, исторические городские и сельские поселения. Современная практика показывает, что музеи-заповедники являются наиболее эффективной формой сохранения и одновременно использования культурного и природного наследия.

Разработки Института Наследия стали основой перспективного развития ряда ведущих музеев-заповедников России и создания новых. Уже в середине 1990-х годов были подготовлены долгосрочные программы, определяющие перспективы развития музея-заповедника Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и пушкинского «Михайловского», которые получили статус федеральных целевых программ. В их рамках была определена не только концепция музейного развития, но также было обосновано увеличение

территорий музеев-заповедников, рекомендована система мероприятий по сохранению культурного ландшафта и возрождению традиционного усадебного природопользования, детально разработаны инвестиционные проекты и предложения, а также проекты по развитию окружающей музей-заповедники территории. Были разработаны детальные программы перспективного развития таких известных музеев-заповедников, как «Бородинское поле», Кирилло-Белозерский музей-заповедник, музей-заповедник М. А. Шолохова в станице Вёшенская, лермонтовский музей-заповедник в «Тарханах», Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник в Республике Татарстан и др.

На основе предложений института в 1996 году был создан музей-заповедник «Куликово поле», а реализация разработанной для него концепции развития принесла этому музею-заповеднику Государственную премию Российской Федерации (2008 г.). Впоследствии на базе музея-заповедника «Куликово поле» совместно с Институтом Наследия был проведён первый Конгресс полей исторических битв и мемориалов на полях исторических сражений, который стал действенной площадкой международного общения музеев и музеев-заповедников, сохраняющих территорию ратных полей. На этих научно-практических встречах рассматривались вопросы мемориализации полей исторических сражений, сохранения ландшафта поля сражения, предложения по перспективному музейному развитию. Благодаря этим конгрессам (пять встреч прошло в различных регионах России) ландшафтный подход стал ведущим принципом в практике деятельности по сохранению полей сражений. В качестве примера других работ по военно-исторической тематике можно привести уникальные исследования российского пограничья и издание монографии «Российское пограничье — особый объект культурного и природного наследия» (С. А. Рябов, 2007), а также практическое использование этих исследований при создании национальным парком «Угра» музея пограничных Козельских засек в Калужской области.

Институтом Наследия были предложены принципы формирования ландшафтных археологических музеев-заповедников, которые были реализованы при создании музея-заповедника «Ирендык» в Республике Башкортостан, музея-заповедника «Аркаим» в Челябинской области, музея-заповедника «Гнёздово» в Смоленской области. Были сформулированы предложения по созданию этноэкологических музеев-заповедников (фактически музеев-заповедников нового типа, основанных на сохранении земель традиционного природопользования) в местах проживания малых народов и этнографических групп. Подобные предложения разрабатывались для территории проживания салымских хантов (территория «Пунси» в районе Нефтеюганска), сибирских татар (Абалакский природно-исторический комплекс в районе Тобольска).

На основе поручения администрации Президента Российской Федерации Институт Наследия в 2006—2007 гг. разработал *Государственную стратегию формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ*. В данной стратегии сформулирована концепция формирования опорного каркаса культурного пространства России, ведущую роль в которой должны сыграть музеи-заповедники и другие ценные историко-культурные территории. Формирование разветвлённой системы музеев-заповедников и историко-культурных территорий разных типов (исторические города, сельские поселения, усадьбы, поля битв, исторические пути и дороги, исторические производственные, этноэкологические,

археологические территории и пр.) должно способствовать обеспечению должной охраны и целесообразного использования ресурсов историко-культурного и природного наследия. Такая система историко-культурных территорий способна сформировать запоминающийся культурный образ региона. Одновременно она должна стать основой активного развития туризма, может сыграть очень важную роль в социально-экономическом развитии исторических малых и средних городов, сельской местности. Этот документ не потерял актуальности и в наше время, при создании новых музеев-заповедников в российских регионах часто опираются именно на положения и предложения, представленные в Стратегии.

Институт единственный в системе научных учреждений Минкультуры России *проводил исследования культурно-природных территорий и экологических проблем сохранения наследия* — от методологии до конкретных разработок, касающихся воздействия факторов окружающей среды на памятники истории и культуры.

Проводимые исследования включали разработку предложений и концепций по созданию отдельных национальных парков, где охрана природного наследия сочетается с сохранением культурного наследия. С использованием разработок института были созданы национальные парки: «Водлозерский», «Угра», «Русская Арктика», велись детальные проработки перспектив развития национальных парков «Плещеево озеро», «Кенозерский», работы на других особо охраняемых природных территориях.

По поручению Минкультуры России Институт Наследия с 1994 года формировал разделы ежегодного Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации». В основу этой работы был положен постоянно осуществляемый экологический мониторинг объектов культурного наследия с целью выявления экологического риска и возможностей его предотвращения. Основную работу по этой тематике вели Сектор уникальных исторических и природных территорий (руководитель — доктор географических наук Ю. Л. Мазуров, а затем кандидат географических наук Н. В. Максаковский) и Центр экологических проблем сохранения наследия (руководитель — кандидат биологических наук Г. А. Зайцева). Институтом были подготовлены издания с научными рекомендациями по экологическому мониторингу объектов культурного наследия: «Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы»; «Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия»; была организована серия научных конференций «Экологические проблемы развития музеев-заповедников» (всего состоялось 11 подобных конференций), по материалам которых регулярно выпускались научные сборники.

Накопленный опыт позволил Институту Наследия стать головным центром подготовки первого в стране «Ежегодного государственного доклада о состоянии культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Этот доклад разрабатывался в соответствии с Федеральным законом от 16 ноября 2011 г. № 316-ФЗ и на основании постановления Правительства Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 424 «Об утверждении Положения о подготовке, распространении, в том числе опубликовании, ежегодного государственного доклада о состоянии объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Подготовленный институтом доклад содержал следующие разделы:

- характеристика системы органов охраны объектов культурного наследия в субъектах Российской Федерации;
- характеристика нормативной базы, регулирующей вопросы сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия в каждом субъекте Российской Федерации;
- организация работ по выявлению объектов культурного наследия и их государственному учёту;
- разработка зон охраны объектов культурного наследия;
- характеристика состояния объектов культурного наследия и данные об утраченных объектах культурного наследия;
- воздействие факторов внешней среды на объекты культурного наследия и примеры наиболее существенных негативных воздействий, а также примеры вандализма;
- данные о реализуемых в субъектах федерации целевых программах, мероприятиях и проектах, направленных на сохранение объектов культурного наследия;
- финансирование работ по сохранению объектов культурного наследия;
- характеристика форм собственности и использования объектов культурного наследия;
- характеристика контрольно-надзорной деятельности в сфере охраны объектов культурного наследия;
- международная деятельность в сфере охраны объектов культурного наследия, в том числе сохранение объектов, включённых в список Всемирного наследия ЮНЕСКО;
- популяризация объектов культурного наследия;
- характеристика научных, исследовательских, образовательных и иных учреждений и организаций и кадрового потенциала в сфере сохранения и охраны объектов культурного наследия;
- предложения по улучшению ситуации в сфере охраны памятников истории и культуры.

Подготовка такого всеобъемлющего доклада, основанного на детальных сведениях, представленных каждым субъектом Российской Федерации, а также на мнениях экспертов, впервые позволила оценить реальное (не вполне радужное) состояние культурного наследия в стране, выявить основные проблемы этой сферы, подтвердить конкретными цифрами экспертные оценки.

Второй ежегодный доклад (в 2013 году) также выполнялся институтом. В нём были собраны дополнительные данные, позволяющие конкретизировать и уточнить ряд положений доклада предыдущего года, добавленные новые проблемы и аспекты, характеризующие сферу культурного наследия страны. В дальнейшем с 2014 года было принято решение о подготовке ежегодного государственного доклада по проблемам сферы культуры в целом, раздел, посвящённый культурному наследию, составлял в нём не более 20 страниц (тогда как ежегодный доклад о состоянии культурного наследия имел объём более 400 страниц). К сожалению, уникальные разработки 2012–2013 гг. не получили продолжения в рамках современной государственной культурной политики.

Деятельность Института Наследия в выполнении правительственных заданий и поручений администрации президента Российской Федерации проявлялась и в различных других работах. Так, институт в 2005 и в 2009 гг. выполнял основную роль по подготовке Государственных советов, посвящённых вопросам культурного наследия. Государственный совет, проведённый в Костроме в 2005 году, рассматривал вопросы взаимодействия культуры и туризма в деле сохранения культурного наследия страны, Государственный совет в Великом Новгороде в 2009 году рассматривал проблематику формирования историко-культурных территорий. В рамках предварительной работы по проведению этих советов институт готовил информационные материалы, положения для основного доклада для действующего президента страны, который заслушивался Государственным советом, предложения по перспективной стратегии решения обсуждаемых вопросов. Институт также неоднократно готовил заседания советов по культуре при руководителях Совета Федерации и Государственной Думы, посвящённых проблематике культурного и природного наследия.

Сотрудники института активно участвовали в работе по совершенствованию законодательной базы в рамках различных комитетов Совета Федерации и Государственной Думы, осуществляли экспертные и консультативные работы, оказывали научно-методическую помощь региональным органам культуры и охраны наследия, отдельным учреждениям культуры, местным краеведам, общественным организациям.

Институт имел тесные связи с системой образования. Особое внимание в работе института уделялось развитию школьного краеведения. В рамках деятельности Сектора краеведения (руководитель — кандидат исторических наук В. Е. Туманов) были разработаны пособия и методические указания по организации школьного краеведения и формированию школьных музеев. Анализировался опыт деятельности различных краеведческих объединений по воспитанию у молодёжи чувства «малой родины», ответственности за судьбу своего села, города, укреплению чувства патриотизма. Ежегодно в Институте Наследия проводились итоговые пленарные заседания по школьному краеведению и съезды учителей-краеведов. По этой тематике институт тесно сотрудничал с Союзом краеведов России и его бессменным председателем С. О. Шмидтом, историком и краеведом, одним из самых близких друзей Д. С. Лихачёва.

Институт проводил экспедиционные исследования в разных российских регионах. В его рамках действовали:

— Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) под руководством кандидата физико-математических наук П. В. Боярского;

— экспедиционная группа по исследованию, проектированию и охране исторических территорий Центрального региона России под руководством доктора исторических наук С. Э. Чернова;

— экспедиция по комплексному исследованию культурного и природного наследия Юга России — первоначально под руководством кандидата исторических наук Н. М. Булатова, а затем кандидата исторических наук И. В. Волкова;

— Чукотская археологическая экспедиция под руководством кандидата исторических наук С. В. Гусева.

Экспедиционные исследования проводились в Секторе живой традиционной культуры, в Секторе комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия, в Секторе культурных ландшафтов, в Секторе электронных публикаций, в Секторе гуманитарных исследований пространства. Местами экспедиционных исследований становились различные российские регионы: Русский Север, Центральная Россия, Юг России, приморские азиатские арктические территории и др., а целью экспедиционных исследований являлась как разработка методик исследования наследия (от археологического до живой традиционной культуры) для различных типов территорий, так и сбор информации, получение конкретных данных.

Исключительную важность имели исследования по арктическому региону России (Соловецкие острова, Новая Земля, остров Вайгач, Земля Франца Иосифа), проводившиеся в рамках МАКЭ, в ходе которых на основе детальных и многолетних экспедиционных исследований впервые было всесторонне представлено культурное и природное наследие этих территорий. Итогом полярных экспедиций явилось издание более 20 монографий, а также уникальных картографических произведений.

Важным направлением в научной и практической деятельности института, сформулированным ещё в правительственном постановлении о его создании в 1992 году, стало изучение международного опыта в сфере сохранения и использования наследия и его интеграция в практику деятельности органов охраны наследия в Российской Федерации. Эта деятельность была ориентирована на эффективную реализацию принципов, заложенных в Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, и способствовала выполнению важного требования данной Конвенции — более активной интеграции культурного наследия России в мировое культурное пространство. Мониторинг формирования списка объектов Всемирного культурного наследия, анализ современных тенденций его развития, изучение процесса номинирования новых объектов — всё это необходимо для обеспечения достойного представительства Российской Федерации в этом престижном международном перечне.

Изучение и использование методик, внедряемых в рамках деятельности ЮНЕСКО, Совета Европы и других международных организаций, в том числе по охране объектов Всемирного наследия, играет существенную роль в обеспечении действенного мониторинга объектов культурного наследия и оценке его состояния. Сотрудники института активно участвовали в международных встречах (в том числе и организовывали международные конференции на своей территории) по разработке методов ландшафтного подхода к сохранению наследия, мониторинга состояния наследия, выявления и сохранения различных видов культурного наследия (археологического, архитектурного, живой традиционной культуры, традиционного природопользования, военно-исторического и др.).

Важным компонентом международного сотрудничества института являлись совместные проекты с зарубежными партнёрами в области создания методологии и методов сохранения общего культурного и природного наследия, разделённого государственными границами: российско-американский проект «Общее наследие Берингии», российско-голландский проект к 400-летию зимовки Виллема Баренца

на Новой Земле; российско-норвежский проект «Остров Варлама — жемчужина Пасвика», российско-литовский проект «Куршская коса», российско-казахстанский проект для реки Урал и др. Признанием роли и опыта Института Наследия стало номинирование его в 2013 году в качестве регионального центра и базовой организации для государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ) по вопросам сохранения и использования культурного наследия.

Институт также организовывал и проводил на своей базе курсы повышения квалификации специалистов в сфере наследия, как правило, с расчётом на работников регионального и муниципального уровня, тесно сотрудничал в проведении подобных занятий по повышению квалификации с Академией управления при Президенте Российской Федерации. При Институте была открыта аспирантура по специальностям «Геоэкология» и «Музееведение, консервация, реставрация историко-культурных объектов», в ней обучалось до 15 аспирантов.

Научные подразделения института насчитывали в разные периоды 130–150 сотрудников, более 70 из них имели учёные степени кандидатов или докторов наук. Ежегодно Институтом Наследия выполнялось примерно 40 научных тем по заданию Министерства культуры, а также выполнялись несколько десятков договорных работ (с регионами, ведомствами, отдельными музеями и пр.). Результаты исследований докладывались на учёных советах и семинарах. Традицией института стало проведение в конце года итогового двухдневного учёного совета, на котором присутствовали все сотрудники института и где заслушивались результаты годовой работы каждого научного подразделения. Всего за 20 лет существования института было издано 360 книг (научных монографий и сборников), ежегодно сотрудниками публиковалось более 300 статей, проводилось около 10 научных и научно-практических конференций. По результатам научной деятельности в конце 2000 — начале 2010-х годов Институт Наследия признавался лучшим в системе Минкультуры России.

ФАКТИЧЕСКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА

Однако 2013 год на деле стал последним годом нормальной работы Института Наследия и началом его фактического перерождения. На эту ситуацию следует взглянуть несколько шире, и с точки зрения общей социально-политической обстановки, и с точки зрения отношения к науке в стране в 2010-е годы.

В 2012 году состоялось назначение нового министра культуры (В. Р. Мединского), вызвавшее удивление и недоумение прежде всего тем, что опыт его предшествующей деятельности не имел никакого отношения к сфере культуры. Вместе с ним пришла соответствующая уровню его компетенций команда. Практически сразу же министерство начало проверку подведомственных научно-исследовательских учреждений, целью которой были поиск каких-либо нарушений, обвинение в дублировании институтами научной тематики и претензии к научной целесообразности проводимых работ. Уже в конце 2012 года появился проект слияния всех научных институтов в одно учреждение и переориентации научной деятельности на обслуживание нужд министерства (фактически

превращение науки в придаток министерского аппарата). Несмотря на протесты учёных, министерство начало продавливать свои реформы и произвело в 2013 году полную замену всех руководителей научно-исследовательских институтов.

В мае 2013 года бессменный директор Института Наследия Ю. А. Веденин был вынужден подписать заявление об увольнении, а вместо заслуженного авторитетного учёного и организатора науки был назначен выдвиженец министерства (П. Е. Юдин), не имевший ни учёной степени и ни малейшего опыта работы в науке и в культуре. Первым же шагом нового руководства стало массовое увольнение сотрудников, что проводилось под лозунгом выполнения пресловутых президентских «майских указов» и связывалось с заботами о повышении заработной платы, а также с повышением эффективности и практической отдачи научных исследований.

Подобная политика в отношении научных учреждений, несомненно, имела и психологическую подоплёку: безграмотному начальству не нужно иметь вокруг себя авторитетных специалистов, адекватно оценивающих уровень компетенции руководства. Показательно и то, что все эти действия совпали с общегосударственной политикой по принижению роли Российской академии наук, со слияниями и сокращениями учреждений социальной сферы (медицинских, высших учебных заведений и др.) Отход от демократических принципов первого десятилетия существования новой России и переход к авторитарному правлению не мог не сказаться на положении науки и культуры.

Уже во второй половине 2013 г. из-за увольнений, а также из нежелания и невозможности работать с новым руководителем институт покинули более 50 сотрудников, были ликвидированы несколько секторов и, соответственно, направлений научной деятельности. Институт стремительно утрачивал свой дух, смысл и стиль работы. К концу 2013 года министерство осуществило акцию по слиянию Института Наследия и Института культурологии (также предварительно основательно зачищенного от ведущих научных сотрудников) и коренную ломку институтской структуры и научных планов. Этими действиями были полностью искажены идеи и предложения Д. С. Лихачёва, намеченные им при создании Института Наследия.

Сохранив название, институт фактически изменил направления деятельности с исследовательских проектов на выполнение части текущей работы министерства, утратил свой творческий потенциал. Ярче всего это проявилось в подготовке нового ежегодного доклада о состоянии культуры (приуроченного к 2014 году — Году культуры в Российской Федерации), который министерство по традиции поручило Институту Наследия. Вместо государственного доклада была подготовлена фактически справка о текущей работе министерства, не содержащая ни проблем, ни обобщений, ни выводов о реальном состоянии культуры в стране. Критическая статья в «Московском комсомольце» с хлёстким названием «Министерство халтуры», анализирующая этот доклад, стала поводом, по которому в тот же день П. Е. Юдин был уволен от руководства институтом.

Вместо него директором был назначен новый «эффективный менеджер», из той же министерской обоймы, который продолжил политику разрушения института. Всеми способами (нищенские зарплаты, проверки режима посещаемости, структурные перестановки) продолжали выдавливаться сотрудники прежнего института, плодотворно работавшие под руководством Ю. А. Веденина. Реальные исследовательские проекты

были в большинстве своём подменены псевдокультурологическими изысканиями, конъюнктурной проблематикой с низким уровнем компетенции, такого рода деятельностью, как цензура творческих постановок современных театральных режиссёров. Образчиком настоящей лженауки стала разработка «национального индекса культурного наследия» — механистических расчётов ценности объектов культурного наследия без малейшего представления о квалиметрических основах такого рода работ. Порученная же институту серьёзная работа, в частности, подготовка стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года была сорвана: институтская версия оказалась неприемлема для культурного и научного сообщества и даже для самого министерства.

Школа Института Наследия, становившаяся и развивавшаяся в 1992—2013 гг., продолжается в настоящее время в работе ряда других научных центров и в деятельности общественных организаций (Институт географии РАН, Высшая школа экономики, Казанский федеральный университет, «Школа наследия» и др.). Показательно, что наиболее значительные успехи последних лет в деле представления российского наследия на международном уровне, а именно: номинирование и включение в список Всемирного наследия Болгарского историко-археологического комплекса в Республике Татарстан (2014 г.), утверждение Комитетом всемирного наследия Плана управления для Болгарского историко-археологического комплекса (2016 г., первый такой утверждённый план для российских объектов культурного наследия), номинирование и включение в список Всемирного наследия Успенского собора в Свияжске и природного объекта «Ландшафты Даурии» (2017 г.), происходили при активном участии бывших сотрудников Института Наследия.

Создание Института Наследия в 1992 году, несомненно, стало возможным благодаря глобальным изменениям в жизни страны, прорыву демократии и свободы, востребованности таких людей, как академики Д. С. Лихачёв и А. Д. Сахаров, олицетворявшие действительно научные знания, принципиальность и честность, бескорыстность служения Отечеству. Отказ от демократических начал ведёт науку к очередным проявлениям «лысенковщины», а исполнительную власть — к имитационным моделям деятельности и стагнации в развитии страны. Но всё же есть уверенность, что время здравого смысла вернётся, и наш институт опять приступит к своей творческой миссии служения науке и уникальному достоянию народов России.

*А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский,
Л.П. Щедровицкий*

ЛОМАТЬ — НЕ СТРОИТЬ

Забота о сохранении культурного наследия — одна из наиболее популярных тем многочисленных современных окологкультурных публикаций, хотя сама по себе она не нова и, так или иначе, обсуждается начиная с эпохи Возрождения, а сама известная нам европейская культурнонаследническая практика складывалась уже в античности — по крайней мере, с первого александрийского Мусейона Птолемея (3-й век до нашей эры). В знаменитой, уничтоженной пожаром, Александрийской Библиотеке, входившей в его состав, хранилось более сотни тысяч рукописей (свитков). В этом государственном научно-учебном центре античного мира, кроме библиотеки, ботанического и зоологического сада, были собраны медицинские и астрономические инструменты, чучела животных, статуи и бюсты — наглядные пособия для изучения и обучения. Собрание же подлинников и копий произведений искусства Греции и Египта на вилле римского императора Адриана музееведы рассматривают в качестве прообраза современного художественного музея.

На протяжении всей известной нам истории нашей эры были периоды почти полного забвения прошлого и желания жить только будущим и периоды возобновления интереса к прошлому, когда оно заново узнавалось, вспоминалось, восстанавливалось и в известной степени повторялось. Таких возрождений историки насчитывают много — правление Августа, Каролингское и Оттоновское возрождения, итальянский Ренессанс, гуманистическое движение в Германии конца XVIII — начала XIX века и т.п.

Но те же гуманисты Эпохи Возрождения, с их культом античности, или немецкие романтики, с их поисками «истинно немецкого духа», были лишь элитой, достаточно узким слоем западных интеллектуалов и людей искусства, чутких к запросам своего переломного времени. Широкого же, массового и устойчивого, общественного интереса и озабоченности проблемами сохранения национального культурного наследия до самого последнего времени не было. Связан он, прежде всего, с всё ускоряющимся темпом общественных перемен, изменений условий жизни, которые стали заметны невооружённым глазом в течение одного поколения. Урбанизационный взрыв XIX–XX вв. привёл к тому, что мировая доля городского населения выросла в три раза — с 14% до 45%, — а к 2009 году уже половина населения Земли жила в городах. В разви-

тых же и развивающихся странах в городах живёт уже более 70% (а в Великобритании 89%), т.е. миллиарды людей меняют сельский образ жизни на городской. Изменяются сельские ландшафты и облик городов, на глазах людей уходит, исчезает мир, в котором они родились и с которым себя идентифицируют.

Всё это заставляет людей формировать своё отношение к «уходящей природе» и оценивать происходящие перемены. И многие перемены оцениваются отнюдь не как благие, а часто как неблагоприятные и даже ставящие под угрозу само существование человека на Земле. Отсюда и возрастание позитивной оценки «прошлого», желание его по возможности сохранить.

В России этот процесс переоценки прошлого имел к тому же свои специфические черты, связанные с раскрытием многих запретных ранее пластов исторического прошлого и изменением к нему отношения. Появляются новые исторические оценки, возрождаются многие ранее забытые имена и вспоминаются преданные забвению исторические события. Переиздаются раритеты, выходит большое количество изданий по истории, краеведению, изучению природы родного края и т.д. (в том числе репринты старых изданий и неизданные рукописи).

Всё это привело к тому, что само слово «наследие», несколько десятилетий назад почти не встречавшееся в словарях, обрело весомость и популярность.

Осознание общественной значимости проблем культурного наследия нашло своё выражение в создании в 1992 году, при поддержке академика Д.С. Лихачёва, специализированного Научно-исследовательского института культурного и природного наследия под руководством Ю.А. Веденина.

Что же это за проблемы, сделавшие целесообразным создание специализированного учреждения? Разве и так не ясно всем и каждому, что наследие — это наше национальное достояние и его надо сохранять? Увы, это только на первый взгляд дело ясное и не следует мудрствовать лукаво. Ясность, как выразился один популярный киноперсонаж, одна из форм полного тумана. Ведь всё и сохранить нельзя, и сохранять нельзя. Потому, во-первых, что нельзя Землю превратить в заповедник. Каждая последующая эпоха неизбежно живёт на кладбище предыдущих эпох, и полноценно жить можно только так. И, во-вторых, приходится признать, что сохранять всё — значит не сохранять ничего, как в силу неизбежной ограниченности ресурсов, не допускающих бесконечного распыления, так и потому, что нередко сохранение одного возможно лишь за счёт нанесения урона чему-то другому.

Раз всё заведомо сохранить нельзя, то для сохранения приходится отбирать ценное. А значит, нужны критерии отбора. В реставрационно-консервационной практике такой отбор всегда и происходит: что-то берегут, а чему-то позволяют ветшать и разрушаться, а то и целенаправленно сносят, расчищая место для новых форм жизнетворчества.

Беда, однако, в том, что в представлениях о ценном и неценном люди не едины и что со временем представления меняются. В эпохи, когда все молятся Богу, строят церкви, а когда намерены жить «хлебом единым», превращают эти церкви в зернохранилища (в лучшем случае). Или перестраивают алтари «чужих» богов, посвящая их «своим» богам. В этих случаях речь идёт об антагонизме мировоззрений. Но могут быть и менее контрастные различия в ценностях с не менее разрушительными последствиями.

Достаточно типична ситуация, когда мусор в сознании одного поколения становится ценным наследием прошлого в сознании поколения, пришедшего позднее.

Это не было катастрофично, когда процесс смены старого новым происходил настолько медленно и столь малыми дозами, что опомнившийся правнук получал прадедово наследство ещё достаточно годным для восстановления и рекультивации. При нынешних же масштабах и темпах изменений отказ от планомерного вмешательства и от согласования действий множества разнородных и разномоощных агентов шансов на выживание не оставляет ничему, что не имеет рыночной ценности в настоящем.

Это значит, что по данному поводу должно появиться нечто плано-, программно- или проектно-сообразное, чем все заинтересованные стороны могли бы руководствоваться в собственных действиях и в попытках влияния на действия других.

Проблема наследия ставит перед нами три вопроса: что сохранять? зачем сохранять? как сохранять? Ответить на последний вопрос можно только после того, как ответишь на первые два. Решать, что нужно реставрировать, что реконструировать, сделать заново или скопировать, необходимо, предварительно ответив на вопрос: для чего всё это делать? Включая те или иные элементы наследства в нашу сегодняшнюю жизнедеятельность, мы и определяем: в какой форме это сохранить, что имеет смысл полностью сохранять в первоизданном виде, а что частично, когда нужно сохранять оригинальный предмет, а когда достаточно компьютерной копии или фотоконии.

Сегодня для аргументированных ответов на подобные вопросы мало жизненного опыта и здравого смысла, и никто не будет прислушиваться к предлагаемым ответам, если они не будут опираться на результаты серьёзных, прежде всего научных, исследований.

Поэтому Институтом Наследия был развёрнут широкий фронт работ в области культурно-природного наследия — методологического, теоретического, информационно-аналитического, экспертного, проектного и т.п. характера. Сложилась организационная структура, публикационный механизм и формы междисциплинарной коммуникации.

Изменение взгляда на то, что такое национальное наследие, и отношения к нему выразилось в постановке проблем выявления всей совокупности национального наследия, включающей не только традиционные, выдающиеся памятники истории и культуры, но и такие важнейшие его элементы, как народная культура, традиции, ремёсла и промыслы, историческая городская среда, сельская застройка и система расселения, этнокультурная среда, природное окружение и т.д. Разрабатывались проблемы выявления и учёта полного списка объектов наследия, составления программ работ по сохранению и использованию памятников истории, культуры, природы, их мониторинга и т.д. Вырабатывались предложения по использованию регионального историко-культурного и природного наследия, созданию местных научно-образовательных комплексов, туристско-экскурсионных и рекреационных структур, по восстановлению системы традиционных ремёсел и промыслов.

Несмотря на традиционное финансирование гуманитарной сферы по остаточному принципу, за более чем 20 лет существования Института в рабочей атмосфере, созданной дирекцией, плодотворно и с энтузиазмом трудился сложившийся коллектив специалистов, обрабатывались новые подходы комплексных культурологических иссле-

дований и новые формы культурнонаследнической практики. Два десятилетия — совсем небольшой срок для работы Института, пытавшегося внести свой вклад в становление целой новой сферы общественной жизни.

К сожалению, создан был Институт в системе Министерства культуры РФ, что в значительной мере и сказалось на его судьбе. Впрочем, не только его, а и на судьбе всех пяти гуманитарных НИИ в существующей ещё с советских времён полуассальской структуре этой бюрократической «системы». После воцарения в министерском кресле «патриотического историка» товарища Мединского руководство институтами из профессиональных рук было передано в руки отечественных бульдозеристов от культуры — так называемых «эффективных менеджеров». Их бурная деятельность на отечественном поприще была исчерпывающе описана ещё незабвенным И. А. Крыловым в его басне «Свинья под дубом». Это к ним через века он безуспешно обратился: «когда бы вверх могла поднять ты рыло». К сожалению, рыло свиньи, как и раньше, так и сейчас принципиально неподъёмно.

Институты под их мудрым руководством лишились половины сотрудников и соответственно направлений работы. В частности, среди «ненужных» подобным деятелям от министерской культуры оказался и сектор теоретико-методологических проблем наследия. Очевидно, новая дирекция о существовании таких проблем, впрочем, как и многих других, не догадывалась и её волновали совсем иные вопросы. И ведь когда пройдёт это время, некого будет призвать к ответу. У казённых патриотов он всегда наготове: «А если что не так — не наше дело. Как говорится, родина велела! Как славно быть ни в чём не виноватым...»

Сектор теоретико-методологических проблем наследия был создан при реорганизации структуры Института в 1999 году¹. Его ядро составила методологическая группа Центра этносоциальных исследований (возглавляемого Э. А. Чамоковой), образовавшаяся в 1993–94 гг.

Специфику деятельности сектора теоретико-методологических проблем в значительной мере определяла работа перманентного многоцелевого проблемного семинара, организованного методологической группой Центра этносоциальных исследований в 1994 г. Регулярное обсуждение на семинаре тем, задач и проблем, стоящих перед коллективом сектора, и итогов работы его членов было одним из основных механизмов его научно-практической деятельности.

Организация и поддержание непрерывной работы семинара в течение многих лет преследовали достижение нескольких связанных между собой целей.

Прежде всего — объединить и направить работу сотрудников сектора. Функционирование семинара стало формой сотрудничества его участников, позволяющей, с одной стороны, вырабатывать предметно-тематическую направленность работы сектора, программировать и планировать научно-исследовательскую деятельность как сектора в целом, так и его отдельных сотрудников, а с другой — непрерывно корректировать

¹ В работе сектора в разные годы принимали участие: Иванова Е.Л., Кондаков И.В., Львова Г.Б., Пископпель А.А., Рац М.В., Рокитянский В.Р., Щедровицкий Л.П.

и интегрировать результаты их индивидуальных научно-практических усилий. Такой семинар, представляя собой непрерывный дискурс, способствует росту взаимопонимания между сотрудниками и, являясь действенным способом научной коммуникации, позволяет в рабочем порядке обмениваться результатами индивидуальной деятельности, способствует формированию общего понятийно-мыслительного пространства.

Другой важнейшей целью работы семинара являлось формирование и поддержание самого коллектива сектора в качестве субъекта научно-практической деятельности, объединённого как общей программой и общими коммуникативно-мыслительными средствами и способами работы, так и личными связями и отношениями.

Важной стороной такого «коллективообразования» является определение места каждого участника коллективной работы как в ней самой, так и в рамках коллектива. Поэтому работа семинара преследовала цель всемерно способствовать профессиональному самоопределению его участников, сознательной выработке их позиций, как в общем пространстве коллективной работы, так и применительно к каждой из обсуждаемых на семинаре проблем. Такое самоопределение выступало в качестве средства оргуправления деятельностью сектора, позволяющего формировать индивидуальную предметно-тематическую направленность работы участников не только на основе профессиональной компетенции, но и в соответствии с их склонностями и исследовательскими интересами.

Необходимой предпосылкой эффективного самоопределения является овладение техникой многопозиционного мышления, её оспособление в качестве коммуникативно-мыслительного средства коллективного взаимодействия в дискурсивном пространстве работы семинара. Такое оспособление, выступая в качестве условия профессионального и личностного роста, также являлось одной из целей работы методологического семинара.

Наконец, работа семинара преследовала цель повышения общего и профессионального уровня работы каждого из его участников. Вынесение на коллективное обсуждение хода и результатов индивидуальной работы способствует, с одной стороны, выявлению наиболее слабых мест в исследовательской позиции: основаниях, принятых способах работы и полученных на этой основе результатах. С другой стороны, оно позволяет отразить неявные предпосылки проделанной работы и явные недостатки объективации её содержания для научного сообщества, пересмотреть те или иные авторские идеи или развернуть аргументацию, направленную на их защиту и обоснование.

Возможность и приемлемость преследования методологическим семинаром подобных целей, реальное их влияние на ход и результаты его работы в значительной степени были обусловлены самим его характером как семинара *проблемного*. Применительно к собственно процессам целеполагания это обеспечивалось за счёт механизма перманентной проблематизации самих целевых установок семинарской работы, которые являлись предметом обсуждения его участников в течение всех лет работы и одним из необходимых условий его функционирования в качестве проблемно-ориентированного. Эти обсуждения, стимулируя рефлексивные процессы, способствуют взаимопониманию, корректируют самоопределение участников, повышают эффективность их работы.

Вместе с тем, проблемная, теоретико-методологическая ориентация не отменяла и не заменяла наличие у методологического семинара вполне определённых предметно-тематических рамок. В соответствии с общей научно-практической программой исследований Института культурного и природного наследия такими общими семинарскими рамками были: на первом этапе существования методологической группы в составе Центра этносоциальных исследований (1994–1998) — тематическая рамка «Этнос как наследие», а на втором — «Наследие как сфера деятельности». Причём, этнокультурная тематика, уступив центральное место разработке тематики «наследия и наследства», осталась в качестве и на правах одного из интегративных предметных тематизмов работы семинара и сектора, обеспечивая необходимую преемственность в его работе.

Постоянными участниками семинара являлись сначала сотрудники Центра этносоциальных исследований, а затем сектора теоретико-методологических проблем. В качестве открытого семинара он предоставлял возможность для участия в коллективном дискурсе как сотрудникам Института, так и приглашённым специалистам.

Открытый характер семинарской работы, состав постоянных и приглашённых его участников обусловили необходимость работы семинара в нескольких *режимах*.

Основным его режимом являлся режим *проблемного методологического семинара*. Этот режим поддерживался в формате циклов докладов-обсуждений (т.е. обсуждение происходило в ходе самого доклада и было совмещено с ним), осуществляемых, как правило, участниками семинара с двумя организационно фиксированными позициями («докладчика» и «председателя») и множеством возможных коммуникативно-мыслительных позиций для участников свободной дискуссии, рефлексивно выделяемых и фиксируемых в процессе самого доклада-обсуждения.

Другим, облегчённым, режимом работы семинара являлся режим *проблемно-учебный*. Облегчённость этого режима связана с уменьшением прессинга коллективного обсуждения и, тем самым, с увеличением коммуникативно-информационной составляющей в семинарской работе. Этот режим способствовал включению в работу семинара новых членов. Поскольку обсуждение имеет характер свободной дискуссии, степень активности участников дискуссии зависит лишь от них самих и является результатом самоопределения.

Особым вариантом режима работы семинара являлся режим «*круглого стола*», в котором совмещались черты ранее названных режимов. Этот режим более определённо предметно ориентирован и осуществлялся в основном с привлечением заинтересованных специалистов «со стороны». Как правило, такой «круглый стол» состоит из ряда отдельных заседаний, включает ряд мини-докладов-обсуждений, которые ведут участники в определённом порядке.

Рабочий методологический семинар вносил свой специфический вклад в общий итоговый продукт работы сектора теоретико-методологических проблем. На его заседаниях проходили апробацию и развёртывались те предметно-тематические идеи и представления, которые разрабатывались сотрудниками сектора в соответствии с текущими планами научно-практической работы.

Работа семинара фиксировалась аудиозаписью и становилась частью аудио-библиотеки семинара, предоставляющей возможность для последующего прослушивания, рефлексии и дальнейшего использования. В частности, результатами работы «круглых столов» стали публикации, подготовленные на основе аудиозаписей.

Наиболее развёрнутыми, многоэтапными «круглыми столами», проведёнными в рамках проблемного методологического семинара, были обсуждения, посвящённые темам:

- Этничность и диаспоральность²
- Многообразие традиций и единство образовательного пространства³
- Понятие «наследия»⁴
- Культуронаследническая деятельность и её понятийное окружение⁵
- «Места памяти» в трактовке П. Нора⁶
- Наследие и культуронаследническая деятельность⁷

На методологическом семинаре сектора обсуждался широкий круг вопросов и тем, связанных с проблемами сохранения и освоения культурно-природного наследия. Такими тематизмами, предметно оформлявшими работу семинара по ряду связанных, но всё же самостоятельных направлений, в разные годы были: «этнокогнитология и этническая идентификация», «этнос и этногенез», «этничность и диаспоральность», «общая и этническая конфликтология», «концепт наследия», «культуронаследническая деятельность», «традиционализм и традиционность», «традиции и образование», «живая культура и фольклор», «системный подход к культуре», «культурология и культуротехника», «наследие и наследство», «интеллектуальное наследие и информационные технологии», «глобализация и наследие», «мультикультурность и мультикультурализм».

Объединяла и интегрировала работу участников семинара над разрешением возникающих здесь проблемно-тематических вопросов общая точка зрения на природу, место и значение культуры в общественном целом и интерпретация на её основе смысла и значения культурного наследия. Это была точка зрения на культуру, разрабатываемая в рамках системо-мыследеятельностного подхода (СМД-подхода) к социокультурным явлениям Московского методологического кружка (ММК), противопоставившего *морфологически-смысловому* представлению культуры — *структурно-функциональное* её представление. В рамках ММК содержание категории культуры сложилось в результате развития *категории деятельности* и разработки предметно-онтологических моделей общественного целого. В результате понятие о культуре и её структурно-функциональная модель в составе общественного целого, равно как и развитые на их основе представления о культуротехнической и культурологической деятельности и их месте в совокупной общественной жизни, стали конституциональными для СМД-методологии. На базе исходного представления о культуре в ММК разрабатывались теоретико-методологические вопросы предметного выражения, функционирования и развития культуры, объектов-единиц культуротехнической деятельности и культурологических знаний и т.п.

² Материалы опубликованы: Этнометодология. Вып.3. — М., 1997.

³ Материалы опубликованы: Этнометодология. Вып.6. — М., 1999.

⁴ Материалы опубликованы: Этнометодология. Вып.10, — М.2006.

⁵ Материалы опубликованы: Этнометодология. Вып.13. — М., 2008.

⁶ Материалы опубликованы: Этнометодология. Вып.15. — М., 2010.

⁷ Материалы опубликованы: Этнометодология. Вып.17. — М., 2012.

С точки зрения такого подхода к проблемам наследия, их особенности связаны прежде всего с особенностями *наследнической деятельности* как продуктивной активности, имеющей дело с той совокупностью условий, результатов, следов, останков и т.п. жизнедеятельности предшествующих поколений, универсум которых застаёт последующее поколение. Это *наследство* (вторая природа), которое предыдущие поколения вольно или невольно оставляют последующим.

Наследство не выбирают, оно нам естественным образом «достаётся», мы его застаём в момент нашего рождения и в его мире растём и развиваемся. Оно может быть — и частично всегда бывает — дурным, обременительным или разорительным (скажем, в виде разрушений, социокультурной деградации, демографических или экологических катастроф вследствие войн, революций, социально-экономических кризисов и т.п.), физически или морально устаревшим и т.п.

Наследие же, наоборот, подразумевает тот или иной сознательный выбор, *артификацию* процесса наследования. Эта артификация предполагает не пассивное принятие наследства, а занятие по отношению к нему (к его многообразным сторонам и составляющим) активной, деятельной *позиции*. И в этом отношении наследие — это и характеристика такой позиции (вернее, даже пространства таких позиций). Это — то деятельное пространство, в рамках которого осуществляется процесс «приватизации» части наследства, особый вид деятельности — деятельности *культуронаследнической*.

С разработкой и конкретизацией подобных представлений о культурно-природном наследии и был связан коллективный дискурс семинара сектора теоретико-методологических проблем.

Результаты семинарских обсуждений и индивидуальной работы сотрудников сектора регулярно публиковались в ежегоднике *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Вып. 1–17, 1994–2012 гг.

Ежегодник «Этнометодология» начал своё существование в 1994 году в качестве сборника публикаций сотрудников Центра этносоциальных исследований, посвящённых, как писали редакторы-составители в предисловии к первому выпуску, «дискуссионным вопросам концептуализации этнических явлений, анализу и разработке понятийного аппарата научно-практического усвоения и освоения этнической реальности в её психологическом, культурном и социологическом измерениях».

При значительном жанровом и тематическом разнообразии сборника исходные, сформулированные уже в первом выпуске, установки остались неизменными. В нём издавались работы теоретико-методологического характера, выполняющие роль критики и обоснования, нормирования и программирования, оценки и регулирования широкого круга междисциплинарных, прежде всего теоретических, исследований и разработок. За годы его существования было опубликовано более 90 научных статей.

Наряду с теоретико-методологической, сектором осуществлялась и практико-методическая работа, связанная с отечественным «духовным» наследием. Это была работа над осуществлением двух глобальных проектов:

- 1) Наследие Московского методологического кружка.
- 2) Творческое наследие Е. А. Шифферса.

АРХИВНАЯ БАЗА ДАННЫХ «НАСЛЕДИЕ ММК»

Совершающаяся на наших глазах информационная революция, имеющая результатом появление мощнейших цифровых технологий, бросает вызов всем сферам общественной жизнедеятельности, и в том числе сфере духовного культурного наследия. Причём, речь идёт не об отдельных функциональных составляющих этой сферы, а обо всех её составляющих — о сфере в целом. Ведь все основные функциональные «блоки» культуры — *хранение* культурных норм и образцов, их *систематизация* и *трансляция* (в том числе через *образование*), а также *порождение* новых норм и образцов — будут неминуемо вовлечены в свою орбиту информационной революцией.

Появление компьютеризированных средств обработки, хранения и передачи информации оказывает влияние и на сугубо содержательные — интеллектуально-коммуникационные — процессы, казалось бы, далёкие от сферы компьютерных технологий, открывая перед ними новые возможности и обеспечивая их поддержку путём открытия доступа «здесь и теперь» к информации в невиданном прежде объёме.

Однако такой доступ к информации не появляется сам собой — он представляет собой результат направленных усилий по превращению стихийно сложившейся разносторонней и разнообразной информационной основы жизнедеятельности общества в его структурированную и организованную *инфосреду*. Одним из направлений таких усилий является разработка разнообразных баз данных и знаний как средства превращения тех или иных информационных массивов, сложившихся до, вне и помимо современных информационных технологий, в органический элемент общественной инфосреды. Речь идёт, прежде всего, о современных формах архивной работы, позволяющих включить в современный культурный оборот новые информационные массивы — как недоступные в недавнем прошлом, так и невостребованные по тем или иным случайным (для их интеллектуального содержания) причинам и основаниям.

Конечно, приоритетными в этом плане являются архивы выдающихся деятелей культуры или ассоциаций, оставивших заметный след в истории интеллектуальной культуры; ввод таких архивов в культурный оборот превращает их в ресурс дальнейшего культурного развития.

В качестве одного из таких архивов был избран архив ММК. В ММК был разработан корпус совершенно новых представлений — научных, методологических, философских, — которые поставили его в совершенно особую позицию внутри современной культуры. Его функционирование отличали необычайная интенсивность (до 3–4 семинаров в неделю плюс многие часы подготовительной и пострефлексивной работы), а также предметное и формально-жанровое разнообразие продуктов этой работы. Особое место в этом архиве занимают разнообразные тексты, фиксирующие коллективную мыслительную работу, мысль в её самодвижении, в действии и коммуникации, тексты, предназначенные к максимально полной фиксации этого движения. Но лишь немногое из фиксированного и лишь то, что получило законченное выражение в канонизированной научным сообществом форме статей, было опубликовано при жизни его идейного и организационного лидера Г. П. Щедровицкого (1929–1994). Остальное так и оста-

лось в архиве — в виде различного рода текстов, организованных для целей никогда не прекращавшейся мыследеятельности и связанных между собою многомерной сетью рефлексивных связей.

Архив включает в себя тексты лекций, докладов на семинарах и их обсуждений, неопубликованных статей и монографий, подготовительных материалов к ним, а также многочисленных заметок, которые Г. П. Щедровицкий делал почти каждый день. Кроме того, сохранилась небольшая часть исходных аудиозаписей. Значительная часть материалов носит принципиально коллективный характер, отражающий основное содержание жизни ММК — *коллективную мыследеятельность*. Это уже упомянутые обсуждения, а также записи особого рода мероприятий, впервые возникших и культивировавшихся в ММК — организационно-деятельностных игр (ОДИ).

Работа по созданию архивной базы данных «Наследие ММК» решала две, как минимум, насущные задачи: во-первых, сведения разрозненных частей архива в единое целое, а во-вторых, объединения, синтезирования в составе единого рабочего инструмента как уже опубликованное, так и ещё не опубликованное, в том числе и те материалы, печатная публикация которых, возможно, и не будет никогда признана целесообразной.

В ходе реализации проекта было получено два основных результата, связанных с компьютеризацией архива:

— создана базовая версия компьютеризированной «Библиотеки ММК» (Базовая версия библиотеки содержит: 258 текстов в формате MicrosoftWord (85 МБ); Глоссарий, включающий 50 статей; Предметный каталог; Фотоархив, включающий около 80 фотографий (7,5 МБ); Аудиоархив (180 МБ); Видеоархив (259 МБ). Общий объём библиотеки — 538 МБ.);

— оцифрован (сканирован) основной массив архива ММК в графической форме — около 22 Гб, 5300 папок с общим числом файлов (сканированных страниц) ок. 400000.

Поскольку печатные — «бумажные» — публикации не потеряли своей актуальности, в рамках проекта значительное внимание уделялось редакционно-издательской деятельности. В рамках проекта «Наследие ММК» были составлены, отредактированы и изданы 4 серии книг:

- «Труды Г. П. Щедровицкого (4 кн.);
- «Из архива Г. П. Щедровицкого» (12 кн.);
- «Анналы ММК» (7 кн.);
- «Организационно-деятельностные игры (ОДИ)» (1 кн.).

ПРОЕКТ: ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Е. Л. ШИФФЕРСА

Этот проект преследовал цель ввести в культурный оборот и познакомить широкий круг читателей с творчеством оригинального российского мыслителя — художника, религиозного философа, мистика — Евгения Львовича Шифферса (1934–1997), оказавшего существенное влияние на многих представителей творческой интеллигенции.

Реализация проекта потребовала серьёзной работы с архивом мыслителя, содержащим тексты разного происхождения, сохранности и степени авторизованности. Часто это были неисправные машинописные оригиналы или ксерокопии с них, с пропусками слов, опечатками, оригинальными выделениями и т.п. Особую трудность представляло выяснение обстоятельств написания текстов, поиск информации об источниках явных и скрытых цитат, вольное обращение с цитируемыми текстами и т.п.

В рамках проекта было составлено, отредактировано, подготовлено к публикации и издано 3 книги:

- Шифферс Е. Л. Смертию смерть поправ: Роман. — М., 2004. — 400 с.;
- Шифферс Е. Л. Религиозно-философские произведения. — М., 2005. — 626 с.;
- Рокитянский В. Р. Приложение к произведениям Е. Шифферса: комментарии, библиография, указатели. — М., 2005. — 494 с.

* * *

Так или иначе, но эта страница жизни Института, связанная с именем и руководством Ю. А. Веденина и его соратников, перевёрнута, сменилась его атмосфера, уничтожается его коллектив. С большим трудом налаживавшаяся совместная работа над проблемами культурного наследия оказалась внешним образом завершённой. Но можно и нужно подвести её итоги, чтобы сохранялась преемственность, чтобы не начинать её на пустом месте тогда, когда она будет продолжена следующими поколениями исследователей.

Ю. А. ВЕДЕНИН И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Сектор Российского национального атласа культурного и природного наследия был организован по инициативе Юрия Александровича Веденина в год создания института, руководить сектором был приглашён профессор, д.г.н., академик РАЕН Александр Алексеевич Лютый, который проработал в секторе 9 с небольшим лет и заложил концептуальные основы его развития (Лютый, 2003). Одновременно он возглавлял лабораторию картографии в Институте географии РАН. Также в секторе начал работать Виктор Владимирович Свешников, главный редактор Госцентра «Природа».

С Юрием Александровичем Ведениным я познакомился в далёком 1976 г. после окончания географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, когда пришёл на работу во Всесоюзную научно-исследовательскую лабораторию по туризму и экскурсиям (ВНИЛТЭ) Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС. Точнее, познакомился не с ним, а с его основополагающими трудами по рекреационной географии, которые стали для многих сотрудников своеобразной азбукой в области рекреации, туризма и отдыха (Веденин, 1982; Веденин и др., 1975; Проблемы территориальной..., 1978).

Впервые мы встретились в 1978 г. в Ставрополе, где наша лаборатория и Институт географии АН СССР выступали в качестве организаторов III Всесоюзного совещания «Проблемы территориальной организации туризма и отдыха». На железнодорожном вокзале нас встречал Ю. А. Веденин. В то время он был ещё кандидатом наук, и борода у него была чёрной. Потом мы не раз пересекались на разных конференциях, посвящённых рекреации, туризму и отдыху. Какое-то время он был членом Учёного совета ВНИЛТЭ.

Прошло несколько лет, и мы вновь встретились в сентябре 1992 г. в Министерстве культуры Российской Федерации. Он был уже директором Института Наследия и предложил мне перейти на работу в Институт. Я стал третьим сотрудником сектора Российского национального атласа культурного и природного наследия, который создавался как одно из ведущих подразделений Института Наследия.

Мы все трое, первые сотрудники сектора, были картографами, окончили кафедру геодезии и картографии географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

*Первый руководитель сектора Лютый Александр Алексеевич (справа)
вместе со Свешниковым Виктором Владимировичем*

Состав сектора постепенно пополнялся новыми молодыми сотрудниками, в основном, выпускниками Московского института геодезии, картографии и аэросъёмки: Парамоновой А. А., Коробовой О. А., Лазаревой А. Н., Зеленцовым И. О., Зеленцовым П. О., Савковой Т. И., Яковлевой С. В., Калмыковой Н. А., а также сотрудниками более старшего поколения: к.г.н. Бронникова В. К., д.г.н. Александровским А. Л., к.г.н. Суворовым А. К., к.арх. Гайшенец Е. В.

В секторе Российского национального атласа культурного и природного наследия под научным руководством А. А. Лютого и при непосредственном его участии были разработаны концепция и программа атласа «Культурное и природное наследие России» (Веденин, Лютый и др., 1995) и концепция тома «Культура и национальное наследие» десяти томного Национального атласа России (Концепция..., 1996).

В процессе работы решались следующие задачи:

- определение структуры взаимосвязей различных элементов изучаемой историко-культурной и природной среды;
- разработка методики картографирования культурного и природного наследия различных регионов и городов Российской Федерации;
- разработка системы условных обозначений в электронной среде для карт регионов и планов городов;
- использование различных методов и приёмов составления карт наследия в электронной среде и т. д.

Этими вопросами занимались Ю. А. Веденин, А. А. Лютый, А. И. Ельчанинов и В. В. Свешников.

За период руководства сектором А. А. Лютым были определены особенности картографирования наследия, создан ряд карт наследия разного территориально-иерархического уровня.

Работы Сектора российского национального атласа

После безвременного ухода из жизни А. А. Лютото в 2001 г. заведующим сектором был назначен автор этих строк. Новое направление по картографированию культурного и природного наследия продолжало развиваться и вступило в новую фазу. Осуществлялись разработка содержания карт наследия, их составление и подготовка к изданию.

Картографирование культурного и природного наследия регионов России важно как в научно-познавательном, так и в прикладном аспектах. Карты наследия представляют собой основу для выявления, изучения, восстановления, сохранения и использования объектов культурного и природного наследия в различных сферах деятельности.

В такой системе одно из центральных мест принадлежит комплексным картам регионов и городов, ориентированным на удовлетворение потребностей населения (воспитание и образование, краеведение, познавательный туризм и т.д.), местных органов самоуправления, научно-исследовательских, проектно-изыскательских, реставрационных организаций и т.д.

Объекты наследия на картах отображались давно, но это был, в основном, показ различных памятников на туристских картах, планах и схемах городов, ареалов редких видов растений и животных на картах охраны природы, мест исторических событий на исторических картах, изображение этнокультурных процессов на этнографических картах и т.п., в том числе в комплексных и краеведческих атласах. В 1960–1980 гг. преобладали аналитические карты, отражающие, главным образом, местоположение объектов того или иного вида. Практически никогда не отображалась среда, в которой существуют объекты наследия, и, главное, карты не давали

Проводилась отработка методики картографирования карт культурного и природного наследия по отдельным субъектам Российской Федерации, городам и некоторым районам. Так, были разработаны, составлены и изданы карты: «Ярославская область. Ярославль. Культурное и природное наследие» (2001 г.) — работа выполнялась по гранту РФФИ и Ярославской области; «Республика Башкортостан. Культурное и природное наследие» (2006 г.); «Уфа. Культурное и природное наследие» (2006 г.) — карты Башкортостана и Уфы разработаны и составлены по заказу Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Министерства культуры и национальной политики РБ и непосредственном участии сотрудников этого Центра (А. И. Лебедева и др.); «Москва. Духовное и историко-культурное наследие» (2000 г.); «Шатурский район Московской области. Культурное и природное наследие» (2003 г.). Работа выполнялась по заказу Главы Шатурского района Московской области А. А. Парвицкого совместно с местными краеведами и посвящена светлой памяти А. А. Лютого. Эту последнюю карту Ю. А. Веденин часто упоминает в своих выступлениях — как пример умелого выявления и демонстрации разнообразных ценностей наследия в районе, который до того не славился богатством своих памятников.

Для всех вышеперечисленных карт регионов и планов городов разработана универсальная система отображения объектов культурного и природного наследия в виде матричной таблицы условных знаков.

Культурное наследие представлено объектами археологического, исторического, архитектурного наследия и памятниками монументального искусства.

Природное наследие представлено особо охраняемыми природными территориями и памятниками природы.

Кроме объектов наследия на картах и планах городов показываются учреждения — хранители культурных ценностей и наследия (музеи и картинные галереи, библиотеки, архивы), а также учреждения культуры: театры, филармонии, цирки, планетарии, дворцы и дома культуры.

Особое внимание на картах наследия стали уделять утраченным объектам и элементам историко-культурного ландшафта, которые помогают ярче проследить взаимосвязь существующих объектов на карте.

Каждую из вышеперечисленных карт сопровождает справочный материал — книга либо указатель, где даётся краткое описание памятников истории и культуры.

Кроме того, сектором выполнялись карты по отдельным отраслям культуры: «Москва театральная — на рубеже веков» (2001 г.), а также серия карт дворянских усадеб по областям — «Подмосковные усадьбы» (2006 г.), «Калужские усадьбы» (2007 г.), «Смоленские усадьбы» (2009 г.), «Тульские усадьбы» (2011 г.), «Рязанские усадьбы» (2013 г.), «Владимирские усадьбы» (2015 г.). Карты по усадьбам выполнялись по заказу и совместно с сотрудником Некоммерческого партнёрства «Русская усадьба» А. Б. Чижковым. Усадебная культура особенно близка Ю. А. Веденину, он является председателем Общества изучения русской усадьбы, и был научным редактором всех этих карт. В особом ряду стоит карта «Религиозный туризм в России» (2010 г.), на которой показаны ареалы распространения всех конфессий, а также культовые соору-

жения, священные места и основные центры религиозного туризма в России. Работа выполнялась по заказу Международной туристской академии. Религиозный туризм, который получил широкое распространение в последние годы, предполагает путешествие и посещение различных мест, связанных с действующими религиозными объектами, памятниками архитектуры, музейными экспозициями различных конфессий. Главным редактором этой карты также выступил Ю. А. Веденин.

Самым значительным опытом сотрудничества всех научных подразделений Института Наследия и нашего сектора стала работа над Национальным атласом России. Данная работа выполнялась в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № АГ-П9 14991.

Национальный атлас России — фундаментальное комплексное научно-справочное картографическое произведение, призванное дать целостное представление о природе, населении, хозяйстве, экологии, истории и культуре России. Он представляет собой свод научно обоснованной и взаимно согласованной пространственно-временной информации. Данное произведение — это особый вид картографического произведения, в котором объектом картографирования выступает территория России и населяющие её народы. Концентрируя многообразную информацию, атлас представляет её в систематизированной, сопоставимой и хорошо обозримой форме.

Комплексное, в том числе географическое, изучение, инвентаризация и картографирование культурного и природного наследия — дело новое и начато в России впервые в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Основная цель создания комплексного научно-справочного атласа, как и отдельных карт культурного и природного наследия, — дать свод современной пространственно-временной информации и знаний о культурном и природном наследии России, показать взаимосвязи и механизмы их взаимодействия. Всё это является исходной базой данных для разработки общероссийских и региональных программ по охране и использованию объектов наследия, которые помогут восстановить и сохранить историко-культурную и природную среду народов Российской Федерации (Веденин, Лютый и др., 1995).

Национальный атлас России состоит из 4-х томов: том 1 — «Общая характеристика территории» (2004 г.), том 2 «Природа. Экология» (2007 г.), том 3 «Население. Экономика» (2008 г.), том 4 «История. Культура» (2009 г.). Каждый том, являясь составной частью Национального атласа России, вместе с тем служит самостоятельным картографическим произведением. Каждый том содержит 496 страниц размером 43,0×29,5 (Веденин, Ельчанинов, 2010; Веденин, Лютый и др., 1995; Национальный Атлас России, 2008).

Том 4-й состоит из двух разделов: «История» и «Культура». Материалы по разделу «История» готовил Институт Российской истории РАН. Учитывая уже разработанные в предыдущие годы концепцию и программу комплексного атласа «Культурное и природное наследие России», высокий авторитет Юрия Александровича Веденина в России в области культурного и природного наследия, он был назначен Федеральным агентством геодезии и картографии Министерства транспорта Российской Федерации Главным редактором 4 тома «История. Культура» Национального атласа России.

В разработке содержания раздела «Культура» приняли участие практически все научные подразделения Института Наследия, но основная работа легла на плечи картографов.

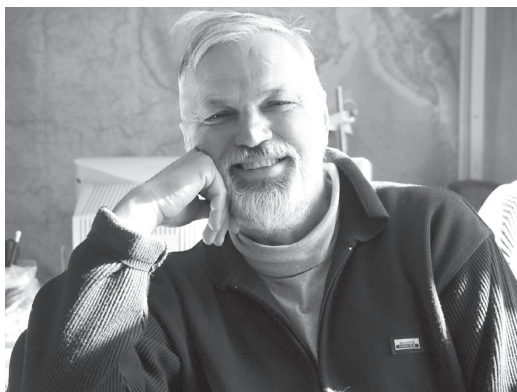
Раздел «Культура» занимает 280 из 496 страниц атласа и состоит из четырёх подразделов: «Вводная часть», «Культурное и природное наследие», «Современная культура», «Справочные сведения».

Сотрудники Института Наследия занимались не только разработкой содержания и составлением карт, но готовили и текстовую часть раздела «Культура», раскрывая сущность совокупного понятия культурного и природного наследия. Авторами многих текстов были Ю.А. Веденин, Д.Н. Замятин, Н.М. Ведерникова, В.И. Плужников, И.В. Волков, Н.В. Максаковский и др.

Вводная часть открывается большой обзорной статьёй Ю.А. Веденина о культурном и природном наследии России и современной культуре, где он отмечает необходимость широкой трактовки наследия, включая объекты материальной и нематериальной культуры, движимые и недвижимые культурные ценности. Фундаментальные функции наследия проявляются в различных аспектах.

Наследие как историческая память.

«Наследие — это код, с помощью которого память включается в современные процессы жизнедеятельности общества. Это положение справедливо в отношении всех объ-

Ю.А. Веденин в своём кабинете
в Институте Наследия на ул. Космонавтов, 2

ектов наследия, как культурного, так и природного, выступающих в роли носителей информации о прошлом. Изучая наследие, мы можем восстановить естественную и социальную историю формирования урбанизированных, сельских и природных территорий, учесть исторический фактор при построении современной системы управления социальными, экономическими и культурными процессами, при разработке программ дальнейшего развития общества, его взаимоотношения с природной средой, включить знания о наследии в систему образования» (Веденин, НАР, том 4, с. 216).

Наследие как основа устойчивого развития.

«Наследие, так же как и природная среда, является базовым при определении стратегии устойчивого развития Земли и Общества. Недостаточный учёт экологического фактора, игнорирование требований, определяющих необходимые условия сохранения окружающей среды, ведёт к возникновению катастрофических ситуаций, угрожающих стабильному развитию страны, региона, существованию Земли как живой планеты. Культурное и природное наследие является важнейшей составляющей окружающей среды. Важную роль в формировании устойчивого общества, среды его обитания играют не только объекты материальной культуры, но и традиционная культура, свидетель длительной адаптации народов, отдельных групп населения к природной и обустроенной ими среде обитания» (Веденин, НАР, том 4, с. 216).

Наследие как основа сохранения культурного и природного разнообразия.

«Разнообразие территорий может быть достигнуто только при условии сохранения всех пластов исторического культурного и природного слоя Земли и постоянного возникновения новых форм материальной и духовной культуры. Очень важно, чтобы при этом сохранились образцы исторических культурных ландшафтов, представляющих различные этапы развития общества, а также территории, сформировавшиеся в течение длительного исторического времени и хранящие в себе память о всём многообразии культурного и природного наследия. Сохранение культурного и природного разнообразия Земли возможно только при бережном отношении к национальной и региональной специфике культурного и природного ландшафта» (Веденин, НАР, том 4, с. 216).

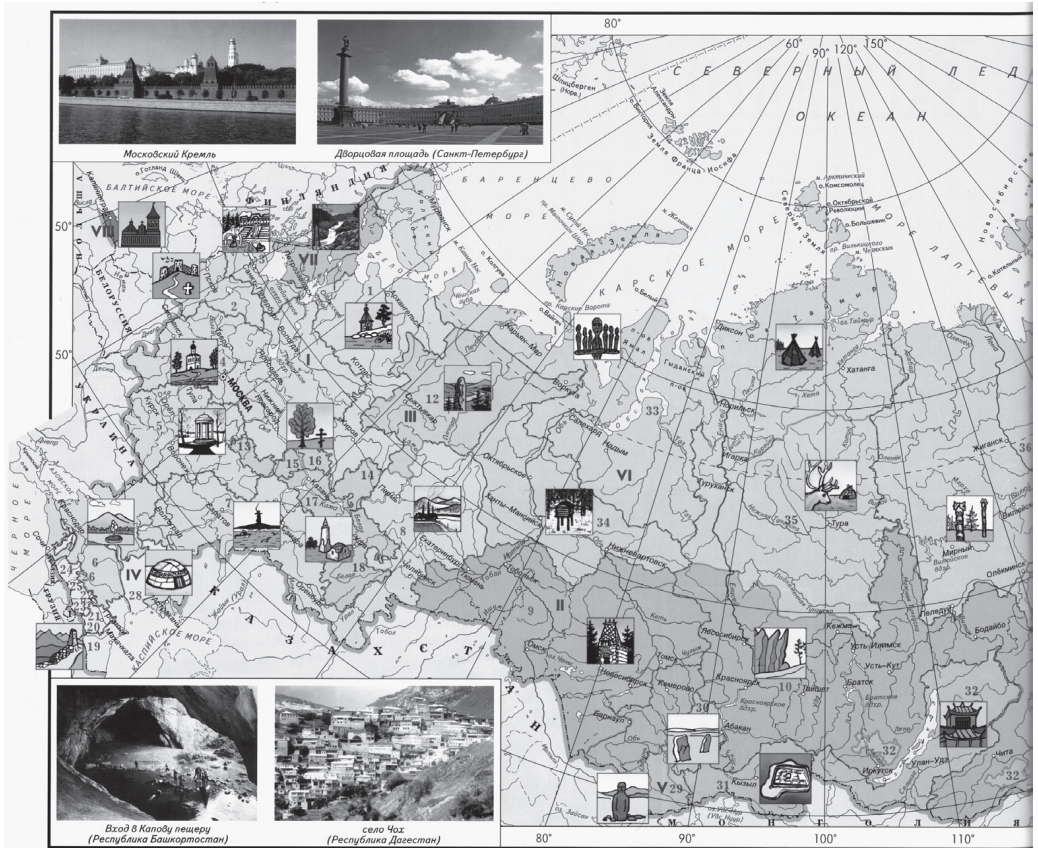
Культурное наследие — один из важнейших современных ресурсов, определяющих социально-экономическое и социально-культурное развитие России на мировом уровне. «Наследие включает в себя не только художественные ценности, отдельные архитектурные или историко-мемориальные объекты, но и малоизмененную природную среду, историческую среду городов или сельских поселений, особого рода духовные и материальные ценности, запечатлённые в фольклоре, промыслах и ремёслах, художественные ценности и особые формы проявления живой и неживой природы, то есть всё то, что отражает историю развития природы и культуры, признаётся ценным в научном, экономическом, эстетическом и просветительском отношении и рассматривается как национальное достояние» (Веденин и др., 2007).

Подраздел **«Культурное и природное наследие»** — самый большой, в начале которого идут 24 карты разных сюжетов России в целом.

Подраздел открывается картой **«Культурно-ландшафтное районирование территории России»**, разработанной и составленной Ю. А. Ведениным, которая также сопровождается его же статьёй. В ней он пишет: «В основу культурно-ландшафтного районирования территории РФ положено этноконфессиональное разнообразие России, история формирования хозяйственно-расселенческой структуры страны, природные и историко-культурные особенности, характер распределения культурного наследия» (НАР, том 4, с. 226—227). Он выделяет 8 культурно-ландшафтных областей и 38 районов.

Разработчиком-составителем карт «Исторические города и сельские поселения» является А. А. Парамонова. Целый блок из 4-х карт посвящён теме «Археологическое наследие», куда входят: «Археологическое наследие каменного века», «Археологическое наследие бронзового века», «Археологическое наследие железного века», «Археологическое наследие средневековья». Главный разработчик археологического блока — И. В. Волков.

Представлена серия карт с разного типа памятниками архитектуры, истории, монументального искусства. Это: «Памятники культовой архитектуры», «Ансамбли монастырей», «Памятники гражданской архитектуры», «Музеи-усадьбы и музеи-заповедники», «Объекты промышленно-хозяйственной архитектуры» (текст к карте написан В. И. Плужниковым), «Объекты усадебной архитектуры и садово-паркового искусства» (текст к карте написан Ю. А. Ведениным), «Военно-историческое наследие», «Памятники и ансамбли военно-оборонительного зодчества», «Памятники монументального искусства», «Памятники истории освоения и исследования космоса» (разработчики и составители карты А. И. Ельчанинов, И. А. Исаев).

Фрагмент карты культурно-ландшафтного районирования России из Национального атласа России

Блок «Народные художественные ремёсла и промыслы» состоит из пяти карт: «Художественная обработка дерева, бересты, лозы», «Художественная обработка металла, камня, кости», «Ткачество, ковроткачество, вязание, пуховязание», «Вышивка, кружево, шитьё», «Керамика, фарфор, фаянс, стекло» и статьи, рассказывающей историю развития на территории России народных художественных ремёсел и промыслов. Специально разработанные художественные условные обозначения позволяют проследить на картах места (отдельные населённые пункты и ареалы), где сохранились к настоящему времени эти ремёсла и промыслы. Главным специалистом в этом направлении и разработчиком данного блока и текста к картам была Н. М. Ведерникова.

Блок, состоящий из двух карт: «Россия в произведениях отечественных писателей» и «Россия в произведениях отечественных живописцев», дополняется статьями «География русской литературы» и «География русской пейзажной живописи». На первой карте выделены места, которые описаны в конкретных литературных произведениях (по периметру карты приводятся портреты создавших их писателей и рисунки на сюжеты самих произведений); на второй карте выделены места, которые запечатлены на полотнах известных художников (по периметру карты приводятся копии этих полотен).

В разработке тематического содержания карт принимал участие Ю. А. Веденин, карты составлены И. А. Исаевым, текст написан Д. Н. Замятиным.

Далее в подразделе «**Культурное и природное наследие**» идут карты всех субъектов Российской Федерации (каждый субъект и каждый населённый пункт представлен на отдельной странице атласа), 78 планов городов (столицы республик, краевые и областные центры, исторические города), а ещё на 19 городов информация представлена в виде текстов и фотографий. Показаны также схемы кремлей, монастырей, музеев-заповедников и музеев-усадеб, национальных парков, заповедников, заказников и других природных объектов.

На картах регионов Российской Федерации показаны:

- 1) объекты археологического наследия;
- 2) памятники истории и памятные места;
- 3) объекты архитектурного наследия (культурной, гражданской, фортификационной, хозяйственной архитектуры и инженерно-технического наследия);
- 4) памятники монументального искусства;
- 5) исторические населённые пункты;
- 6) особо охраняемые природные территории.

На планах городов показаны:

- 1) объекты археологического наследия;
- 2) памятники истории и памятные места;
- 3) объекты архитектурного наследия (культурной, гражданской, административно-общественной, хозяйственной архитектуры, инженерно-технического наследия и фортификационные сооружения);
- 4) памятники монументального искусства;
- 5) объекты садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры;
- 6) особо охраняемые природные территории;
- 7) учреждения — хранители культурных ценностей (музеи, картинные галереи, библиотеки, архивы) и прочие учреждения культуры (театры, филармонии, концертные залы, цирки, дворцы и дома культуры).

Многие музеи-заповедники, кремли и монастыри, национальные парки, заповедники и заказники представлены в Атласе в виде прорисованных схем и фотографий, дополняемых исторической справкой.

Особое место в подразделе отведено объектам Всемирного культурного и природного наследия, которые на региональных картах и планах городов выделены специальным условным знаком. Кроме того, представлены их текстовые описания и фотографии, некоторые из них также проиллюстрированы схемами. Материалы по данной теме и тексты предоставлены Н. В. Максаковским.

Подраздел «**Современная культура**» представлен картами различных учреждений культуры — театров (составители: А. Д. Полозов, А. И. Ельчанинов), музеев (составитель А. И. Ельчанинов), библиотек (составитель А. К. Суворов), архивов (составители: А. К. Суворов, В. Е. Туманов), клубных учреждений (материалы предоставил А. В. Каменец), высших учебных заведений в сфере культуры (составители: А. И. Ельчанинов, В. И. Рябчикова). Статистическая информация о работе учреждений культу-

ры дана в виде картограмм и диаграмм, дополняется текстами и фотоиллюстрациями. Сюда же включены карты, посвящённые познавательному туризму и экскурсиям, показывающие использование объектов наследия в сфере туризма (разработчик Ю. С. Пу-трик), а также карта «Организации управления охраной и восстановлением объектов наследия» (разработчики Ю. А. Веденин, А. В. Работкевич).

Подраздел «**Справочные сведения**» включает в себя список объектов Всемирного наследия, список особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, сводную таблицу, показывающую число памятников истории и культуры (по основным видам) по регионам Российской Федерации, словарь специальных терминов, хронологию дат и основных событий в области культуры и культурного наследия (составлен А. И. Ельчаниновым), используемую литературу.

*Обсуждение текущих работ: А. И. Ельчанинов, Ю. А. Веденин,
С. В. Яковлева*

Как можно видеть из приведённого обзора, разработка специального содержания тематических карт наследия и других материалов осуществлялась с участием ведущих учёных и специалистов Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва и других учреждений и организаций. Основными исполнителями авторских работ по разделу «Культура» являлись сотрудники Института Наследия, и Юрий Александрович принимал в них самое активное участие. Его постоянные консультации, предложения и советы помогли нам в работе, и мы всегда остаёмся признательными ему.

Том 4-й «История. Культура» Национального атласа России вышел из печати в мае 2009 г. довольно малым тиражом 1500 экземпляров, в открытой продаже его не было. На презентациях отдельных томов с высоких трибун отмечалось, что Национальный атлас России следует рассматривать как атрибут государственности наряду с флагом, гербом и гимном.

Одной из главных целей работы сектора, затем отдела, а теперь Центра картографии и геоинформационных систем остаётся разработка и создание в электронном виде карт и атласов культурного и природного наследия, как отдельных регионов, городов, так

и России в целом. Издание таких картографических произведений позволит представить целостную картину ресурсов культурного и природного наследия страны и отдельных её частей, использовать картографический материал в качестве инструмента в практической деятельности по социально-экономическому развитию российских регионов.

Полевые исследования сотрудников сектора А.А. Пармоновой и А.Н. Лазаревой, с сотрудником музея-заповедника А.А. Сухановым (1948–2017 гг.) на Бородинском поле, 2014 г.

Многие годы сектор плодотворно сотрудничал с Бородинским военно-историческим музеем-заповедником (все проекты выполнялись совместно и при непосредственном участии зам. директора по научной работе Бородинского музея-заповедника А.В. Горбунова и его коллег). Результат этого сотрудничества — подготовка и издание целой линейки картографической продукции от схемы-путеводителя до научно-справочного атласа. В результате многолетних комплексных работ было выявлено большое количество новых объектов, а также подробно изучены объекты культурного наследия, состоящие на государственном учёте. Впервые были разработаны крупномасштабные электронные карты, которые легли в основу разработок комплексного научно-справочного атласа «Бородинское поле. Культурное наследие». К 70-летию Великой Победы было подготовлено издание юбилейной карты «Бородинское поле в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», где нашли отражение итоги исследований военного историко-культурного ландшафта периода Великой Отечественной войны на Бородинском поле.

В эти же годы был подготовлен авторский макет атласа «Смоленская область. Культурное и природное наследие», а также разработаны новые карты, которые вошли в официальные издания целого ряда атласов.

*Открытие новой экспозиции «Вехи истории» в Бородинском музее-заповеднике, 2017.
А.И. Ельчанинов и А.А. Парамонова на фоне разработанной в секторе карты*

Картографирование культурного и природного наследия, формируясь в течение всех этих 25 лет в качестве нового научного и прикладного направления картографирования, призвано отразить пространственно-временные закономерности формирования, существования и развития наследия как целостной материально-идеальной системы в контексте культурно-исторического процесса. Накопленный опыт в разработке и издании отдельных карт наследия стал основой для дальнейшего становления нового направления тематического картографирования — картографирования культурного и природного наследия. Его актуальность определяется, прежде всего, многоаспектностью содержательной стороны, а также практической значимостью комплексного изучения, сохранения и рационального использования культурного и природного наследия, важностью восстановления нарушенных ландшафтов, историко-культурной и природной среды существования человека.

Использование комплексной картографической информации повышает эффективность разработки общенациональных и региональных программ в области изучения, охраны и рационального использования культурного и природного наследия.

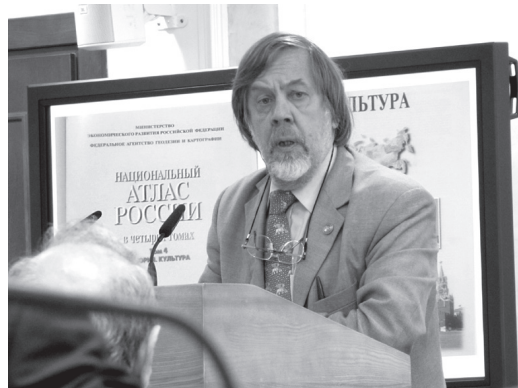
Комплексные научно-справочные карты наследия необходимы при подготовке нормативных, регламентирующих, законодательных и других документов различного назначения и уровня, при поиске путей рационального использования этого наследия, в том числе туристского и рекреационного, в деле рекламы и пропаганды объектов наследия.

Карты культурного и природного наследия предназначаются работникам науки, культуры, преподавателям и студентам вузов, краоведам, работникам сферы управления в центре и на местах, а также всем, кто заинтересован в изучении истории и культуры России, в сохранении и преумножении наследия для будущих поколений.

14 июня 2012 г. состоялось первое заседание Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко. Тема заседания «Культурный атлас субъектов Российской Федерации: региональная диспропорция и пути решения». С докладом «Культура и культурное наследие в Национальном атласе России» выступил заместитель директора по науке (с 1992 по 2013 гг.) Института Наследия П. М. Шульгин. В рекомендациях, поддержанных В.И. Матвиенко, сформулированы предложения Правительству Российской Федерации: «Оказать содействие в подготовке и издании специализированного атласа «Культура и культурное наследие Российской Федерации» на базе разработок 4-го тома Национального атласа России (проект Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва), предусмотрев возможность получения атласа «Культура и культурное наследие Российской Федерации» всеми крупными федеральными и региональными библиотеками, а также научными, образовательными и культурными центрами субъектов Российской Федерации. Но работа в этом направлении, к сожалению, не была продолжена (Ельчанинов, Шульгин, 2012).

Сотрудники сектора всегда творчески подходят к процессу картографирования. Подготовка и создание карт является результатом долгого, упорного и глубокого изучения территории картографирования и самих объектов наследия, детального изучения этих объектов в естественной природной среде. Так, сотрудники сектора участвовали во многих экспедициях Института Наследия. Они работали на Соловках (Ельчанинов А.И., Парамонова А.А.), Вайгаче (Зеленцов И.О.), Новой Земле (Ельчанинов А.И.), в Бородино, Башкирии, Уфе, Ярославле, Шатуре и других местах.

Сотрудники сектора являются лауреатами премии «Европейская премия Генри Форда за сохранение культурного и природного наследия» (1998 г.), а также лауреатами премии Министерства культуры Российской Федерации за работу «Научные основы и прикладные аспекты комплексного картографирования культурного и природного наследия» (1998 г.). Сотрудники сектора В.К. Бронникова и А.И. Ельчанинов награждены Федеральной службой геодезии и картографии знаком «Отличник геодезии и картографии».

П. М. Шульгин выступает с докладом в Совете Федерации, 2012 г.

За двадцатипятилетний период сотрудниками сектора опубликовано более 100 научных работ, включая статьи, атласы, карты в атласах, отдельные карты и т.д., они были получателями грантов Российского фонда фундаментальных исследований и Русского географического общества. В 2017 г. в секторе (теперь — Центре картографии и геоинформационных систем) продолжают работать три сотрудника — А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.А. Парамонова.

Институт Наследия при руководстве Ю.А. Веденина стал единственным ведущим в России институтом, где сформировалось и продолжает развиваться, несмотря на различные трудности в данное время, новое направление в тематической картографии — картографирование культурного и природного наследия России.

СПИСОК ИЗДАНЫХ КАРТ:

АТЛАСЫ

Атлас автотуриста: Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Украина, Молдова / *А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников*. — М.: Российский научный центр туризма, Минская картфабрика, 1993. Том 1. — 128 с.

Национальный атлас России. Том 4. «История. Культура», раздел «Культура» / *Авторы: Ю.А. Веденин, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.А. Парамонова и др.* — М.: Роскартография, 2008. — С. 215–495.

КАРТЫ В АТЛАСАХ

Карта «Культурно-историческое наследие». Масштаб 1:4 250 000 / Атлас «Российская Федерация. Приволжский Федеральный округ» / *Авторы: А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов*. — Нижний Новгород, 2003. — С. 30–31.

Карта «Культурное наследие». Масштаб 1:30 000 000; карта-врезка «Центральный регион». Масштаб 1:10 000 000 / Атлас «География России». Часть II: «Население и хозяйство». 8–9 класс // *Автор А.И. Ельчанинов*. — Омск, 2005. — С. 44–45. Тираж 40 000 экз.

Карты раздела «Рекреация. Туризм» / Атлас «Социально-экономическое развитие России» // *Авторы: А.И. Ельчанинов, В.В. Свешников*. — М.: ПКО «Картография», 2009. — С. 66–71, 74–77.

КАРТЫ

Карта «Новая Земля. Культурное и природное наследие». Масштаб 1:1 000 000. Карта-врезка «История открытий и исследований». Масштаб 1:2 500 000 / Отв. ред. *П.В. Боярский, А.А. Лютый*. Авторы: *П.В. Боярский, Д.Д. Бадюков, В.К. Бронникова, Н.В. Вехов, С.В. Гусев, А.И. Ельчанинов, Ю.С. Захаров, И.О. Зеленцов, Л.Г. Повышева, О.А. Коробова, А.Н. Кулиев, А.В. Лапо, В.И. Лепский, А.А. Лютый, Ю.Л. Мазуров, А.М. Матущенко, Е.А. Саликов, В.Г. Сафронов, В.В. Свешников, В.В. Тепляков*. — СПб; Российский НИИ культурного и природного наследия, ГУНИО МО РФ, 1995. Тираж 1000 экз.

Карта «Остров Вайгач. Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа. Природное и культурное наследие». Масштаб 1:200 000 / Отв. ред. *П.В. Боярский, А.А. Лютый*.

Авторы: П. В. Боярский, В. К. Бронникова, Н. В. Вехов, К. Л. Виноградова, А. И. Ельчанинов, Ю. С. Захаров, И. О. Зеленцов, О. А. Коробова, А. Н. Кулиев, А. А. Лютый, А. А. Парамонова, В. В. Свешников, В. П. Столяров, С. В. Яковлева. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2000. Тираж 1000 экз.

Карта «Москва. Духовное и историко-культурное наследие». Масштаб 1:50 000, центр города — 1:12 500 / Отв. ред. А. А. Лютый, А. И. Ельчанинов, В. В. Свешников. Авторы: А. А. Лютый, В. К. Бронникова, А. Г. Векслер, А. И. Ельчанинов, И. О. Зеленцов, О. А. Коробова, А. А. Парамонова, Н. Н. Романов, В. В. Свешников, А. Н. Швецов, С. В. Яковлева. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2000. Тираж 5000.

Карта «Ярославская область. Природное и культурное наследие». Масштаб 1:350 000 / Отв. ред. А. А. Лютый, В. К. Бронникова. Авторы: В. К. Бронникова, Е. В. Гайшинец, Г. В. Глушкова, В. В. Горохова, А. И. Ельчанинов, И. О. Зеленцов, Л. А. Князьков, Е. Ю. Колбовский, О. А. Коробова, А. А. Лютый, М. В. Осипова, А. А. Парамонова, В. А. Петров, В. В. Свешников, С. В. Яковлева. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2001. Тираж 5000 экз.

Карта «Соловецкие острова. Духовное и культурное наследие». Карта для паломников и туристов. Масштаб 1:50 000 / Отв. ред. П. В. Боярский, А. А. Лютый, В. П. Столяров. Авторы: П. В. Боярский, В. К. Бронникова, А. И. Ельчанинов, Ю. С. Захаров, И. О. Зеленцов, Г. Н. Колосова, О. А. Коробова, М. Е. Кулешова, А. А. Лютый, С. В. Морозов, А. А. Парамонова, Л. И. Проурзин, Е. А. Саликов, В. В. Скопин, В. П. Столяров, Н. Н. Черенкова. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2001. Тираж 5000 экз.

Карта «Москва театральная — на рубеже веков». Масштаб 1:50 000, Центр города — 1:12 500 / Отв. ред. А. И. Ельчанинов, В. К. Бронникова, В. В. Свешников. Авторы: В. К. Бронникова, А. И. Ельчанинов, И. О. Зеленцов, Н. А. Калмыкова, А. А. Лютый, Д. А. Никишин, А. А. Парамонова, В. В. Свешников. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2001. Тираж 5300 экз.

Карта «Шатурский район Московской области. Культурное и природное наследие». Масштаб 1:150 000 / Отв. ред. В. К. Бронникова. Авторы: Т. В. Бандукова, В. К. Бронникова, Т. И. Вармыгина, Н. В. Давыдов, Л. В. Денисова, А. И. Ельчанинов, И. О. Зеленцов, А. А. Кабанов, В. М. Казаков, А. С. Карцев, Н. С. Карцева, А. С. Кажевников, В. И. Костин, Т. В. Кулёмина, В. А. Мухин, Д. А. Никишин, А. Д. Полозов, В. Я. Румянцев, В. В. Свешников, Е. В. Старостин, О. Д. Трушин, Н. Д. Чистяков, Е. Н. Шмаков, А. В. Энгватова. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Администрация Шатурского района Московской области, 2003. Тираж 5000 экз.

Карта «Соловецкие острова: Духовное, культурное и природное наследие». Масштаб 1:50 000 / Отв. ред.: П. В. Боярский, А. А. Лютый, В. П. Столяров. Авторы: Я. И. Алексеева, А. П. Андреева, П. В. Боярский, В. К. Бронникова, Н. Л. Васюнькина, К. Л. Виноградова, М. А. Груздева, А. И. Ельчанинов, Ю. С. Захаров, И. О. Зеленцов, К. В. Киселева, Г. Н. Колосова, О. А. Коробова, К. В. Кузицин, М. Е. Куле-

шова, А.А. Лютый, Т.А. Михайлова, С.В. Морозов, В.С. Новиков, Г.Г. Новиков, Н.Б. Октябрева, А.А. Парамонова, О.А. Пронина, Л.И. Проурзин, Е.А. Саликов, В.Ю. Семашко, В.П. Столяров, Т.Л. Фокина, А.Е. Черенков, Н.Н. Черенкова. — М.: Институт Наследия, 2005. Тираж 2000 экз.

Карта «Solovetsky Islands. Spiritual, Cultural and Natural Heritage». Scale 1:50 000 / Editors: P.V. Boyarsky, A.A. Liouty, V.P. Stolyarov. Authors: Ya.I. Alekseeva, A.P. Andreeva, P.V. Boyarsky, V.K. Bronnikova, N.L. Vasun'kina, K.L. Vinogradova, A.V. Grischankov, M.A. Gruzdeva, A.I. Yel'chaninov, Yu.S. Zakharov, I.O. Zelentsov, K.V. Kiseleva, G.N. Kolosova, O.A. Korobova, K.V. Kuzischin, M.E. Kuleshova, A.A. Liouty, T.A. Mikhailova, S.V. Morozov, V.S. Novikov, G.G. Novikov, N.B. Oktyabreva, A.A. Paramonova, O.A. Pronina, L.I. Prouzin; E.A. Salikov, V. Yu. Semashko, V.P. Stolyarov, T.L. Fokina, A.E. Cherenkov, N.N. Cherenkova. — М.: Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2005. Тираж 2000 экз.

Карта «Подмосковные усадьбы». Масштаб 1:350 000 / Научный редактор Ю.А. Веденин. Редакторы: А.Б. Чижков, А.И. Ельчанинов. Авторы: А.Б. Чижков, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.К. Суворов. — М.: ЦЭВКФ им. В.В. Дунаева, 2006. Тираж 5000.

Карта «Уфа. Культурное и природное наследие». Масштаб 1:27 000 / Редакторы: А.И. Ельчанинов, А.А. Парамонова. Авторы: Э.Э. Гареев, П.В. Егоров, А.И. Ельчанинов и др. — М., 2006. Тираж 10 000.

Карта «Республика Башкортостан. Культурное и природное наследие». Масштаб 1:500 000 / Ред. А.И. Ельчанинов, В.К. Бронникова. Авторы: А.Л. Александровский, В.К. Бронникова, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов — М.: Институт Наследия, 2006. Тираж 2 500 экз.

Карта «Калужские усадьбы». Масштаб 1:350 000 / Научн. ред. Ю.А. Веденин. Авторы: А.Б. Чижков, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, П.О. Зеленцов. — М.: ЦЭВКФ им. В.В. Дунаева, 2007. Тираж 700.

Карта «Смоленские усадьбы». Масштаб 1:350 000 / Научн. ред. Ю.А. Веденин. Авторы: А.Б. Чижков, Н.Г. Гурская, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов — Смоленск: Свиток, 2009. Тираж 2000.

Карта «Религиозный туризм в России». Без масштаба / Гл. ред. Ю.А. Веденин. Научн. ред.: А.И. Ельчанинов, С.Ю. Житенёв, Ю.С. Путрик. Авторы-сост.: С.К. Губенко, А.И. Ельчанинов, С.Ю. Житенёв, П.О. Зеленцов, А.А. Парамонова, Ю.С. Путрик. — М.: Международная туристская академия, 2010. Тираж 500 экз.

Карта «Тульские усадьбы». Масштаб 1:350 000 / Научн. ред. Ю.А. Веденин. Авторы: А.Б. Чижков, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов. — Смоленск, 2011. Тираж 2000.

Карта «Рязанские усадьбы». Масштаб 1:350 000 / Научн. ред. Ю.А. Веденин. Авторы: А.Б. Чижков, Е.А. Графова, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, П.О. Зеленцов. — Рязань, 2013. Тираж 700.

Карта «Объекты Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО на территории России и других стран СНГ». Масштаб 1:15 000 000 / Авторы: А.И. Ельчанинов, П.О. Зеленцов, Н.В. Максаковский, А.А. Парамонова, Т.И. Савкова, С.В. Яковлева. — М.: Институт Наследия, 2014.

Карта «Бородинское поле в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» к 70-летию Великой Победы. Без масштаба / Авторы: А.И. Ельчанинов, А.А. Парамонова, А.Н. Лазарева, А.В. Горбунов, А.А. Суханов. — М.: Изд-во «Союзпечать», 2014. Тираж 1500 экз.

Карта «Новая Земля. Культурное и природное наследие» к 60-летию Центрального полигона Российской Федерации. Масштаб 1:1000 000; карта-врезка «История открытий и исследований». Масштаб 1:2500 000. Изд. 2-е исп. и доп. / Отв. ред. П.В. Боярский. Авторы: П.В. Боярский, И.Б. Барышев, А.И. Ельчанинов, Ю.С. Захаров, И.О. Зеленцов, П.О. Зеленцов, А.Н. Кулиев. — М.: Институт Наследия, 2015.

Карта «Владимирские усадьбы» / Научн. ред. Ю.А. Веденин. Авторы: А.Б. Чижков, Е.А. Графова, А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, П.О. Зеленцов. — М.: НП «Русская усадьба», 2015. Тираж 1500 экз.

Карта «Черноморское побережье. Объекты подводного культурного наследия». Без масштаба / Авторы: А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.В. Окороков, А.А. Парамонова. — М.: Институт Наследия, 2016.

Карта «Южный берег Крыма. Объекты подводного культурного наследия». Без масштаба / Авторы: А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.В. Окороков, А.А. Парамонова. — М.: Институт Наследия, 2016.

Карта «Западная часть Крымского полуострова. Объекты подводного культурного наследия». Без масштаба / Авторы: А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.В. Окороков, А.А. Парамонова. — М.: Институт Наследия, 2016.

Карта «Керченский пролив. Объекты подводного культурного наследия». Без масштаба / Авторы: А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.В. Окороков, А.А. Парамонова. — М.: Институт Наследия, 2016.

Карта «Азовское море. Объекты подводного культурного наследия». Без масштаба / Авторы: А.И. Ельчанинов, И.О. Зеленцов, А.В. Окороков, А.А. Парамонова. — М.: Институт Наследия, 2016.

Карты раздела «История исследований, открытий и освоения Арктики» Национального атласа Арктики / Авторы: П.В. Боярский, А.И. Ельчанинов, И.Б. Барышев, С.В. Гусев, И.О. Зеленцов, П.О. Зеленцов, А.Н. Кулиев, А.А. Парамонова. — М.: Роскартография, 2017. — С. 96–109.

Карты раздела «Культурное, духовное и природное наследие» Национального атласа Арктики / Авторы: П.В. Боярский, А.И. Ельчанинов, И.Б. Барышев, С.В. Гусев, И.О. Зеленцов, П.О. Зеленцов, А.Н. Кулиев, А.А. Парамонова. — М.: Роскартография, 2017. — С. 348–377.

ЛИТЕРАТУРА

Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. — М.: Изд-во «Наука», 1982. — 192 с.

Веденин Ю.А., Бронникова В.К., Ельчанинов А.И. Значение карт наследия в изучении и сохранении историко-культурной и природной среды // Природное и культур-

ное наследие Ярославского края: состояние и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 17 апреля 2007 г. — Ярославль: Александр Рутман, 2007. — С. 104–107.

Веденин Ю.А., Ельчанинов А.И. Национальный атлас России — новейшая научная географическая энциклопедия // «Геодезия и картография», № 3, март, 2010. — С. 47–50.

Веденин Ю.А., Зорин И.В., Преображенский В.С. и др. Теоретические основы рекреационной географии / Под ред. В.С. Преображенского. — М.: Изд-во «Наука», 1975.

Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа). — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. — 119 с.

Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Основные положения концепции Российского атласа культурного и природного наследия // Наследие и современность: Информ. сб. — Вып. 1. — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. — С. 22–48.

Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Атлас «Культурное и природное наследие России» // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады I Всероссийской научной конференции по картографии (Москва, 7–10 октября 1997 г.) — М.: Институт географии РАН, 1997. — С. 294–300.

Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Культурное и природное наследие России (концепция и программа комплексного атласа) // Наследие и современность. 10 лет Институту Наследия. Выпуск № 10, 2002. — С. 61–135.

Ельчанинов А.И., Шульгин П.М. Культура и культурное наследие в Национальном атласе России / Информационно-аналитические материалы к заседанию Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Культурный атлас субъектов Российской Федерации: региональная диспропорция и пути решения». — М.: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 14 июня 2012. — С. 48–67.

Концепция Национального атласа России: Проект / Авторы: А.А. Лютый, В.В. Свешников, А.И. Ельчанинов и др. — М.: Роскартография, 1996. — 96 с.

Лютый А.А. и картографирование наследия России / Отв. ред. Ю.А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 2003. — 182 с.; илл.

Национальный атлас России. Том 4 «История. Культура» / Гл. ред. Ю.А. Веденин — М.: Роскартография, 2008. — 496 с.

Проблемы территориальной организации туризма и отдыха / Тезисы III Всесоюзного совещания по географическим проблемам организации туризма и отдыха, 20–25 сентября 1978 г. / Под общей ред. В.С. Преображенского. — Ставрополь, 1978. — 214 с.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМАТИКИ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО В ИНСТИТУТЕ НАСЛЕДИЯ

Одной из задач созданного в апреле 1992 г. Института Наследия, согласно его учредительным документам, было выполнение Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», принятой в 1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и ратифицированной Россией в 1989 г. Полное название института было созвучно названию конвенции: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. Список Всемирного наследия включал тогда 377 наименований (сравним с 2017 годом: всего — 1073 объекта в 167 странах, в том числе культурного наследия — 832, природного — 206, смешанного — 35).

Впрочем, проблематика Всемирного наследия как объект научного исследования вошла в жизнь Института не сразу, а через пару лет после его создания, примерно в 1994 г., когда в Список ЮНЕСКО было зачислено уже около десятка российских объектов, в основном по категории культурного наследия. Тогда появился живой материал для изучения и анализа нарабатываемого российского опыта наряду с изучением опыта зарубежного и руководящих документов Центра Всемирного наследия. На 2017 г. в России числится уже 29 памятников ЮНЕСКО, включая 18 культурных и 11 природных.

С середины 1990-х и до условной хронологической границы — май 2013 года тематика Всемирного наследия прорабатывалась несколькими подразделениями Института. В одном из них — Секторе уникальных историко-культурных и природных территорий — трудился и автор, сначала под руководством Ю. Л. Мазурова, а с апреля 2010 г. (после перехода Ю. Л. Мазурова в МГУ им. М. В. Ломоносова) — в качестве руководителя этого сектора. За все это время в секторе работали разные люди, однако существовало и ядро коллектива — Ю. Л. Мазуров, Н. В. Максаковский, С. В. Кулинская, А. А. Пакина. Несколько первых лет, до 1999 года, в этом секторе работала и М. Е. Кулешова, которая затем возглавила подразделение, в котором весьма активно занималась темой Всемирного наследия. Первые годы существования сектора в нём также работал географ-проектировщик Ю. С. Захаров, перешедший впоследствии в другое подразделение.

*Сектор уникальных историко-культурных и природных территорий, 1990-е годы.
Ю.А. Мазуров, Н.В. Максаковский, С.В. Кулинская, А.В. Пакина*

Сектор уникальных территорий, помимо прочих вопросов по проблематике культурного и природного наследия (в частности, ведение постоянной рубрики «Экологический мониторинг объектов культурного наследия» в Государственном докладе о состоянии окружающей среды в РФ), разрабатывал целый ряд направлений, связанных с Конвенцией ЮНЕСКО непосредственно.

Основными направлениями работ Сектора в рамках тематики Всемирного наследия были:

Анализ основных тенденций ведения Списка Всемирного наследия; мониторинг его количественного и качественного состава. Эта тема красной нитью проходила по секторальной годовой отчётности на протяжении примерно 10 лет и именовалась «Новые объекты Всемирного наследия: характеристика и анализ тенденций». В отчётах давалось описание «свежих поступлений» в Список ЮНЕСКО (обычно по 15–25 ежегодно), а также анализировались происходившие количественные и качественные сдвиги. Список Всемирного наследия можно уподобить живому организму, который постоянно растёт и совершенствуется, со своими взлётами и падениями. Он формируется согласно разработанным международными экспертами установкам, закреплённым в руководящих документах Центра Всемирного наследия. С 1994 г. базовым документом в этом смысле является «Глобальная стратегия по формированию репрезентативного, всеобъемлющего и достоверного Списка Всемирного наследия» (<http://whc.unesco.org/en/globalstrategy/>). Её главная мысль: список в идеале должен представлять всё культурное и природное разнообразие мира, в нём должны фигурировать все основные типы наследия, причём культурное и природное наследие, равно как и основные регионы мира, должны быть представлены сбалансировано.

Анализ документов — нормативной и методологической базы Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО. Речь здесь шла, прежде всего, об отслеживании новых редакций Руководства по применению Конвенции о Всемирном наследии —

настоящей практической энциклопедии Всемирного наследия, содержащей ответы на все основные вопросы, возникающие в связи с выявлением, подготовкой заявок, номинацией, мониторингом, управлением объектами, а также ведением Списка Всемирного наследия. Эта работа в «доинтернетовскую» эпоху, то есть до начала 2000-х гг., была сильно затруднена, однако с появлением доступа к официальному сайту ЮНЕСКО (www.unesco.org) изучать документы и методики Центра Всемирного наследия стало гораздо проще. В настоящее время база руководящих документов ЮНЕСКО по Всемирному наследию чрезвычайно развита, наряду с периодически обновляемыми Operational Guidelines разработаны многие другие руководящие документы (русскоязычные версии некоторых важных документов можно увидеть на официальном сайте Минкультуры РФ — http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=41913).

Составление базы данных по объектам Всемирного культурного и природного наследия в России и в мире. Сюда относится «собираТЕЛЬская» работа — накопление и систематизация доступной печатной или электронной информации, касающейся российских и зарубежных объектов со статусом ЮНЕСКО: общие сведения, статистика посещаемости, описания наиболее методически репрезентативных объектов, выявление основных угроз для их подлинности и целостности, библиография и персоналии, интернет-ссылки, карты и буклеты и пр.

Обновление раздела по Всемирному наследию на сайте Института (www.heritage-institute.ru). На этом сайте с начала 2000-х годов была размещена и постоянно обновлялась русскоязычная версия Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, основанная на адаптированном переводе официальных названий и кратких описаний всех входящих в него объектов. Важно отметить, что это была первая русскоязычная версия названий и описаний памятников ЮНЕСКО, которая «быстро разошлась на цитаты» (знакомые формулировки угадываются теперь на многочисленных туристических сайтах, в дипломных работах студентов и в различных научных публикациях, размещённых в Интернете). Впоследствии появились и иные версии на русском языке. Но тем не менее, авторы того первого русскоязычного варианта (В. Р. Крогиус и Н. В. Максаковский) продолжают свою переводческую деятельность и поныне. За ряд лет они выработали свой стиль изложения и принципы адаптации переводов для российских пользователей.

Также на сайте были размещены более подробные (по нескольку страниц) описания объектов Всемирного наследия, расположенных в России и других странах СНГ, за авторством тех же Крогиуса и Максаковского. Размещённый на старом институтском сайте в начале 2000-х и ежегодно обновляемый, весь этот массив информации с авторскими переводами и текстами был перемещён в 2016 году на обновлённый сайт уже пореформенного института (в ближайшее время все указанные материалы планируется разместить в обновлённом виде на авторском сайте В. Р. Крогиуса — www.infoisto.ru).

Разработка концепции развития сети объектов Всемирного наследия на территории Российской Федерации. Разработка принципов управления объектами Всемирного наследия в России. Этим темам, имеющим общеметодо-

логический характер, было посвящено несколько годовых секторальных отчётов, преимущественно в 2000-е гг., при написании которых мы базировались на имеющемся зарубежном опыте при учёте сложившейся российской практики в сфере организации и управления природными заповедниками, национальными парками и музеями-заповедниками.

Основная рекомендация по части формирования сети объектов ЮНЕСКО в перспективе сводилась к тому, чтобы охватить ими всё имеющееся ландшафтное, биологическое и историко-культурное многообразие России. Особо ставилась цель преодолеть географический дисбаланс, при котором большая часть природных объектов находится в Сибири и на Дальнем Востоке, а все культурные объекты концентрируются в европейской части страны. По части управления объектами Всемирного наследия в качестве важнейшего выдвигалось требование по неизменному поддержанию ВУЦ — «выдающейся универсальной ценности», которая не должна была пострадать ни при каких условиях использования объекта, будь то туризм или другие, более опасные виды человеческой деятельности.

Подготовка специальных разделов о Всемирном наследии для ежегодных Государственных докладов. Это был самый долговременный наш проект, который длился почти 20 лет. Сначала, в период 1994—2010 гг., небольшой раздел о Всемирном наследии передавался для Госдоклада Минприроды Российской Федерации «О состоянии и об охране окружающей природной среды Российской Федерации». В период 2011—2013 гг. это был уже Госдоклад по линии Минкультуры Российской Федерации, который изначально назывался «О состоянии объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», а затем — «О состоянии культуры в Российской Федерации».

Информация по объектам Всемирного наследия была структурирована следующим образом: сведения об очередной Сессии Комитета Всемирного наследия, о новых включениях в Список, а также проблемы, связанные с уже включёнными в Список российскими объектами. Если же в какой-то год происходило внесение нового российского объекта, то по нему давалась дополнительная информация. Описывались перспективы расширения российского участия в Списке ЮНЕСКО. Мы старались отразить в этом небольшом тексте самые насущные проблемы.

Участие в подготовке номинационных досье по ряду природных объектов в России и странах СНГ. Речь идёт, прежде всего, об уже состоявшихся на сегодняшний день номинациях: Плато Путорана (объект включён в Список в 2010 г.), Ленские столбы (2012 г.), Горы Памира (2013 г.), Западный Тянь-Шань (2016 г.), Ландшафты Даурии (2017). Это была также работа по объектам, которые всё ещё числятся в списке кандидатов и пока что не попали в основной список: долина реки Бикин, Магаданский заповедник, Ильменский заповедник. Во всех перечисленных случаях в подготовке номинационных досье принимал участие автор настоящей статьи, и заключалось оно в написании одного-единственного, но чрезвычайно важного раздела — «Сравнительный анализ». Цель такого анализа — обосновать неповторимость объекта в глобальном масштабе, сравнить его с возможными аналогами, как в ближайшем географическом окружении, так и в мире в целом. Эта работа, надо

признаться, всегда была не простой: чтобы показать исключительность номинируемого объекта, надо было буквально «прошерстить» весь Список ЮНЕСКО (а также и Предварительные списки от разных стран), постепенно исключая возможных «конкурентов», причём не голословно, а на основании сравнения по каждому из принятых оценочных критериев.

Популяризация Всемирного наследия (книги, статьи, научно-популярные издания и пр.). Научная, научно-методическая и научно-популярная продукция сектора, касавшаяся Всемирного наследия, оказалась весьма богатой. Прежде всего, выделим два ранних секторальных сборника: «Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов» и «Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов», изданные Институтом Наследия, соответственно, в 1994 г. и 1999 г. (оба — под редакцией Ю. Л. Мазурова). В первое десятилетие работы сектора были изданы и другие важные для данной тематики труды (Максаковский, 2001, Мазуров, Максаковский, 2002).

Опубликованные книги сотрудников сектора

В 2005 г. автор настоящей статьи опубликовал в издательстве «Просвещение» монографию — «Всемирное природное наследие»: красочную 400-страничную книгу-альбом, где были охарактеризованы природные и культурно-природные памятники ЮНЕСКО, существовавшие на тот момент (всего около 180). Описывались эти объекты не в алфавитном порядке (как бывало чаще всего): они были сгруппированы в зависимости от преобладающего типа ландшафтов, и по разным регионам Земли.

Вовлечение тематики Всемирного наследия в учебный процесс. Интеграция тематики Всемирного наследия в образовательный процесс осуществлялась не без успеха. Объекты со статусом ЮНЕСКО обладают поистине неисчерпаемым образовательным (познавательным, просветительским, дидактическим) потенциалом. Этот уникальный ресурс можно (и должно!) активно использовать в процессе обучения подрастающего поколения, как в школе, так и вузах. В первую очередь это касается таких естественных и гуманитарных дисциплин, как география, биология, естествознание, экология и природоведение, охрана природы и заповедное дело, геология, палеонтология, история, археология, культурология, мировая художественная культура, архитектура, религиоведение, краеведение, памятниковедение, музееведение, туризм и рекреация. Каждый из перечисленных предметов может опираться на яркие сюжеты, отражённые в Списке ЮНЕСКО.

Памятники Всемирного наследия, отобранные профессиональными международными экспертами среди десятков прочих объектов-кандидатов, тщательно оценивались перед тем, как быть включёнными в глобальный свод мировых ценностей — Список Всемирного наследия. Это был продуманный отбор, основанный на специально разработанных 10 критериях, с чёткими требованиями к подлинности и целостности, и поэтому ценность для человечества таких объектов не вызывает никаких сомнений. Памятники ЮНЕСКО очень разнообразны, ими можно проиллюстрировать разные типы ландшафтов в различных регионах Земли, они связаны с важнейшими событиями прошлых времён и именами знаменитых людей, демонстрируют разные архитектурные стили, отражают разные религии и верования, многообразные культурные традиции и пр. Таким образом, Список Всемирного наследия даёт нам более тысячи уже готовых, специально отобранных, прекрасных образцов достояния человечества буквально «на все случаи жизни»!

В этом плане и было задумано выпущенное в 2010 г. издательством «Дрофа» учебное пособие «Памятники Всемирного наследия. Природа и культура» (Н. В. Максаковский). В нём на конкретных примерах было показано, какие именно сюжеты из школьных курсов (прежде всего по географии) было бы целесообразно подкрепить рассмотрением тех или иных памятников ЮНЕСКО. Для этих целей было отобрано 100 объектов Всемирного наследия, как природных, так и культурных, а также культурно-природных.

Упомянем также учебный курс Ю. Л. Мазурова — «Природное и культурное наследие», который длительное время преподаётся им на Географическом факультете МГУ и базируется на примерах, взятых из Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, на документах и идеологии Конвенции в целом.

Ю. Л. Мазуров, руководивший Сектором уникальных территорий в период 1992—2010 гг., занимался разными аспектами охраны и использования наследия, особенно такими, как наследие и образование, наследие Арктики, наследие и устойчивое развитие, экологический мониторинг объектов культурного наследия. Всемирному наследию он посвятил немало своего времени, написал целый ряд статей, защитил докторскую диссертацию (Мазуров, 2006).

Среди приглашённых коллег, с которыми автор долгое время сотрудничал (это взаимодействие продолжается и поныне), отметим В. Р. Крогиуса, архитектора-градо-

строителя из Научного и проектного института реконструкции исторических городов (ИНРЕКОН), уникального специалиста по городам Всемирного наследия, и А. А. Буторина — географа, директора Фонда охраны природного наследия, успешно продвинувшего в Список ЮНЕСКО целый ряд российских природных номинаций. За тройным авторством в 2010 г. (Максаковский Н. В., Кругиус В. Р., Буторин А. А., 2010) была издана проблемная статья, знаменательная постановкой задачи преодоления межведомственного барьера между «культурой» и «природой», в ней были рассмотрены как природные объекты ЮНЕСКО в России, так и историко-культурные. В 2012 г., к открытию 36-й сессии Комитета Всемирного наследия в Санкт-Петербурге и 20-летию образования СНГ, при активном участии В. Р. Кругиуса и Н. В. Максаковского было издано несколько представительских иллюстрированных изданий («Мировое наследие», 2012, «Всемирное наследие Содружества Независимых Государств», 2012).

Тему, связанную с ЮНЕСКО, всегда поддерживал и продолжает уделять ей внимание Юрий Александрович Веденин, который, занимаясь в институте самыми разными направлениями, выделял её в число приоритетных. Она была для него интересна и сама по себе, и как смежная с тематикой культурных ландшафтов, которые он рассматривает как важнейшую форму существования культурного и природного наследия. Тематика Всемирного наследия, кроме того, давала возможность в новом ракурсе работать и воспринимать те традиционные модельные территории, с которыми длительное время работал наш Институт. Юрий Александрович инициировал, всячески продвигал и содействовал проектным разработкам по территориям России, перспективным для включения в Список наследия ЮНЕСКО: Кенозерский национальный парк, Ясная поляна, Бородино, Михайловское, музей-заповедник М. А. Шолохова и др.

Ю. А. Веденин и Н. В. Максаковский в Сортавале (Карелия) для подготовки первой встречи по российско-норвежскому сотрудничеству по охране культурного наследия, 1995 г.

Сотрудники сектора С.В. Кулинская (слева) и Т.Ю. Семёнова (справа) обсуждают с Ю.А. Ведениным вопросы мониторинга объектов ЮНЕСКО, 2013 г.

В 1990-е гг. он несколько раз выезжал за рубеж (Польша, Голландия) как член рабочей группы, созданной при Центре Всемирного наследия, которая занималась корректировкой содержания главного методического документа, сопровождающего Конвенцию ЮНЕСКО 1972 года — Руководства по её применению. На этих встречах обсуждалась и «выдающаяся универсальная ценность», и критерии включения в Список Всемирного наследия культурных ландшафтов, и ряд смежных проблем. Позднее, в 2012 г., Ю.А. Веденин обсуждал аналогичные вопросы на региональных семинарах, созванных под эгидой Московского Бюро ЮНЕСКО в Минске и Кишинёве. На всех этих форумах он неизменно апеллировал к опыту двух главных научных полигонов Института Наследия — Кенозерского национального парка и Соловецкого архипелага.

Многие положения, декларированные руководящими документами ЮНЕСКО, были развиты, дополнены и применены на модельных территориях, что нашло своё отражение в коллективной монографии «Культурный ландшафт как объект наследия» (2004) под редакцией Ю.А. Веденина и М.Е. Кулешовой. Книга быстро стала библиографической редкостью не столько из-за ограниченного тиража, сколько из-за спроса на неё экспертов в сфере сохранения наследия.

Проблематикой Всемирного наследия ЮНЕСКО занималась в институте и М.Е. Кулешова, руководившая Сектором правовых проблем управления культурными ландшафтами. Она акцентировала своё внимание именно на культурных ландшафтах (Кулешова, 2007, 2012). На целых два десятилетия она связала свою судьбу с главными институтскими полигонами по исследованию культурных ландшафтов — Соловками и Кенозерским национальным парком, неоднократно бывала там и приложила немало сил к изучению и защите этих уникальных территорий (Кулешова, 2013, 2015).

Отметим особо и отдел картографии, руководимый с начала 2000-х гг. А.И. Ельчаниновым (А.А. Парамонова, П.О. и И.О. Зеленцовы, С.В. Яковлева и др.). Этот коллектив поместил в подготовленный им 4-й том Национального атласа России

(История и культура) целый ряд сюжетов про отдельные памятники Всемирного наследия в России, кроме того, в его активе — карты по самым разным объектам и территориям, о которых шла речь выше и которые в перспективе имеют основания занять своё место в ряду объектов Всемирного наследия (Национальный атлас ..., 2008).

Т.Ю. Семёнова, долгое время выполнявшая роль «министра иностранных дел» Института, с её прекрасными коммуникативными и организационными навыками, богатым опытом работы в международном научном сообществе, оказала неоценимую поддержку в налаживании отношений и деловой переписке с зарубежными экспертами, Центром Всемирного наследия ЮНЕСКО в Париже.

Прямо или косвенно, в большей или меньшей мере, с тематикой Всемирного наследия ЮНЕСКО были связаны исследования и других сотрудников Института: П.М. Шульгина, О.Е. Штеле, В.И. Плужникова, С.В. Гусева, С.А. Рябова, С.А. Пчёлкина, В.П. Столярова, Ю.С. Захарова, Н.М. Ведерниковой и др.

Происходили в институте и такие мероприятия, осуществлялись и такие разработки, которые объединяли значительную часть его коллектива.

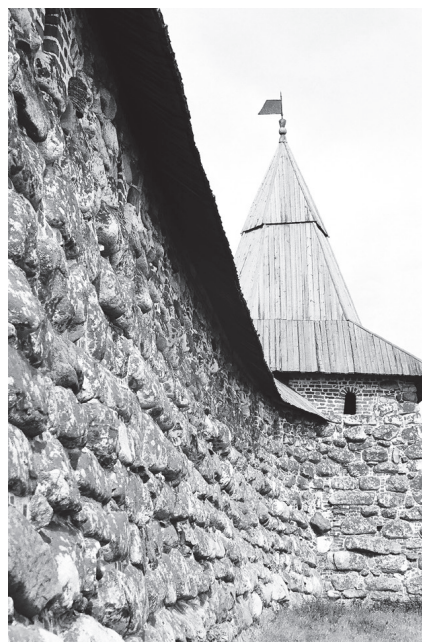
Межсекторальную активность можно наиболее ярко проиллюстрировать на примере двух проектов, к которым были привлечены сотрудники самых разных подразделений (сектора: культурных ландшафтов, арктических исследований, картографии, электронных публикаций, уникальных территорий и пр.).

Так, Соловецкие острова, объект Списка ЮНЕСКО с 1992 года, находились под пристальным вниманием нашего Института благодаря работе одного из институтских подразделений, Соловецкого отряда МАКЭ под руководством В.П. Столярова, привлёкшего к решению проблем архипелага также сотрудников других подразделений. Перед ними была поставлена задача инвентаризации, изучения и картирования ценных историко-культурных и природных комплексов на архипелаге. На основании этих исследований был издан фундаментальный беспрецедентный по охвату и пониманию феномена наследия труд «Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие» (2004) и целая серия карт архипелага, которыми пользуется сегодня любой уважающий себя исследователь островов. Предпринимались также, но безуспешно, усилия по «реноминации» Соловков, расширению показателей выдающейся универсальной ценности и установлению категории «культурного ландшафта» для данного объекта (Кулешова, 2013). Только последние миссии ЮНЕСКО на Соловецкие острова в 2013–2015 гг. подтвердили эту очевидную истину: Соловецкий архипелаг является целостным культурным ландшафтом и меры по сохранению его как объекта Всемирного наследия должны исходить из этого важного основания. Сотрудники Института приложили немало усилий к тому, чтобы воспрепятствовать угрожающим наследию архипелага проектам, однако и обращения в Минкультуры РФ, равно как и опубликование информации об угрозах наследию Соловков в научной и периодической печати, далеко не всегда приводили к желаемым результатам. В 2016–2017 гг. Ю.А. Веденин лично руководил организацией экспертных работ и привлечением независимых экспертов для предотвращения очередной «реставрационной напасти» — зачистке Соловецких стен от покрывающих их лишайников. Удалось доказать, что конкретный вид лишайника каменную кладку не разрушает, а защищает, но часть стен уже «обновили», немалые бюджетные средства потратили, а стены лишились своего лучшего естественного украшения и аутентичного облика.

Соловецкий архипелаг, лабиринты Б. Заяцкого о-ва, середина 1990-х гг.

Кенозеро — другой модельный район Института, который представляет особый интерес потому, что это яркий пример северорусского патриархального культурного ландшафта. Поистине уникальный научно-исследовательский полигон! Здесь и сейчас можно видеть традиционную деревянную застройку (часовни, жилые и хозяйственные строения), уникальные памятники деревянной архитектуры, здесь всё ещё сохраняются традиционные системы расселения и землепользования, равно как и элементы старинных культурных обрядов, традиций, фольклора. Под руководством Ю. А. Веденина, усилиями сотрудников Института совместно с национальным парком, руководимым Е. Ф. Шатковской, был проведён ряд экспедиций, в ходе которых территория была детально обследована, научные результаты опубликованы, ландшафтный подход внедрён в актуальную деятельность национального парка, в его первый менеджмент-план и в проекты российско-норвежского сотрудничества (Культурный ландшафт, 2004). Важ-

Монастырские стены, поросшие защищающими их от погодных воздействий листоватыми лишайниками, Соловки

ным итогом этой длительной и плодотворной работы можно считать включение парка в российский Предварительный Список Всемирного наследия в 2014 г. и начало работ по подготовке номинационного досье, для чего была сформирована рабочая группа под руководством проф. Ю. А. Веденина, ядро которой составляют специалисты, вынужденно покинувшие Институт в 2014—2016 гг. (Н. М. Ведерникова, проф. В. Н. Калущков, М. Е. Кулешова, С. В. Кулинская, Н. В. Максаковский, С. А. Пчёлкин, Т. Ю. Семенова). Сформировавшийся коллектив единомышленников дополняют привлечённые эксперты — проф. Е. Ю. Колбовский, историк архитектуры И. Н. Шургин, а также специалисты Кенозерского национального парка (М. Н. Мелютина, А. И. Анциферова, Н. Н. Черенкова и др.) Работа продолжается.

Культурный ландшафт Кенозерского национального парка. Деревня Ведягина

В марте 2011 года на базе Института и при поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве был проведён международный семинар «Управление Всемирным наследием и глобальные вызовы современности». Участвовали в нём представители объектов Всемирного наследия России и стран СНГ, соответствующих органов управления (министерства и ведомства), научных и общественных организаций, а также международные эксперты, работающие в области сохранения Всемирного культурного и природного наследия. Участники семинара согласились, что в основе сохранения объектов Всемирного наследия должен лежать комплексный междисциплинарный подход, основанный на идее целостности культурного и природного наследия и призванный поддержать культурное и природное разнообразие всех государств — сторон Конвенции. В связи с этим особая роль должна отводиться культурным ландшафтам как комплексным объектам наследия, и культурно-ландшафт-

ному подходу как методу, обеспечивающему учёт взаимосвязей любого объекта наследия с его окружающей средой.

Перед тем, как Ю. А. Веденин сложил с себя свои директорские полномочия под воздействием изменившейся политики Минкультуры в отношении подведомственных научных институтов, в мае 2013 года, случилось весьма важное мероприятие, в котором наш институт принял деятельное участие. Это был международный семинар для представителей религиозных организаций — пользователей объектов Всемирного наследия. Семинар стартовал 15 мая 2013 года в белокаменных палатах Новодевичьего монастыря, и именно там сидевший по соседству с автором этих строк Ю. А. Веденин негромко поделился неожиданной и поразительной вестью о решении Министерства культуры сменить руководство Института. До этого мы, научные сотрудники, хотя и улавливали носящиеся в воздухе тревожные симптомы, отказывались всерьёз помыслить о подобном!

Резолюция семинара между тем зафиксировала «успехи последних лет по повышению качества проводимых работ по сохранению объектов Всемирного наследия, переданных в пользование религиозным организациям», «необходимость преемственности в вопросах сохранения объектов Всемирного наследия, которые ранее находились в пользовании музеев и были переданы в пользование религиозных организаций», а также «совместную ответственность государства и религиозных организаций — пользователей объектов Всемирного наследия по выполнению требований Конвенции об охране Всемирного наследия». К тому времени РПЦ уже владела несколькими подобными объектами, включая и Новодевичий монастырь, который был передан церкви в 2010 году.

При новом директоре, П. Е. Юдине, то есть после мая 2013 и вплоть до октября 2014 года, тема ЮНЕСКО привлекала к себе повышенное внимание, что в целом, конечно же, было позитивным явлением для данного направления работ. Это направление было поставлено в число центральных в деятельности Института, для чего было создано специальное подразделение — Центр мониторинга Всемирного и национального наследия (просуществовал около года, превратившись затем в Отдел Всемирного наследия). Однако завышенный объём планов, выстроенных новым руководством Института в этой сфере, стал вызывать у нас, непосредственных исполнителей, самые серьёзные сомнения, прежде всего из-за происходившей в то время «добровольно-принудительной» утечки опытных научных кадров «веденинского призыва». Оставалось не ясным — как институт, со своим иссякающим на глазах научным потенциалом, сможет справиться с валом ожидаемых работ по проблеме ЮНЕСКО. Даже «вмонтированный» в Институт Наследия РИК (Российский Институт культурологии, а точнее — его «рудименты») не выправлял ситуации: тематика Всемирного наследия оказалась бы для уцелевших его сотрудников новой и непривычной. Дальнейшее развитие событий подтвердило верность подобных опасений: лишь единичные намерения получили — причём далеко не полную и адекватную — реализацию.

Прежде всего, скажем о высоком статусе, который получил Институт после целого ряда встреч специальной рабочей группы из представителей стран СНГ, 30 мая 2014 года, когда состоялся Совет глав правительств стран СНГ в городе Минске. Этот статус — Базовая организация государств-участников СНГ в сфере сохранения Всемирного наследия — было целесообразно присвоить одному из профильных учреждений какой-либо страны, входящей в СНГ, для координации работ, обмена

лучшими практиками, подготовки совместных номинаций и т.д. Логичным было и присвоение этого статуса именно нашему Институту — как головному профильному учреждению в самой большой стране Содружества, где на тот момент числилось уже 25 объектов Всемирного наследия (примерно половина от общего их числа по всему СНГ).

Важная веха, казалось бы, пройдена — высокий статус обретен. Однако в реальности для его оправдания было сделано довольно мало, несмотря на то, что планы были заявлены в этом направлении весьма обширные. Главная, по нашему мнению, причина не оправдавшихся надежд заключалась в несоответствии этих обширных планов ограниченным возможностям реформированного «через колено» коллектива Института (который, как уже говорилось, начиная с середины 2013 года, лишился многих своих ценных сотрудников). Очевидно, сыграло роль и то, что коллеги из стран СНГ, уже давно работающие в сфере охраны наследия, и ожидавшие от Института Наследия привычных высоких стандартов, вынуждены были переоценить сложившуюся ситуацию.

Другая идея — создание на базе Института Межведомственного комитета Всемирного наследия. По сути, это была своего рода реинкарнация давнишней, и полностью справедливой, идеи об объединении усилий в деле сбережения объектов наследия различного генезиса. Дирекция Института инициировала в октябре 2013 года соответствующее письмо от Минкультуры РФ в Минприроды РФ. Однако после уклончивой реакции адресата на это предложение стало ясно, что и теперь межведомственный барьер оказался выше интересов дела (действительно, «природе» и «культуре» на ведомственном уровне «подружиться» крайне трудно).

До настоящего времени не осуществлён и ещё один проект нового руководства Института, возникший при активной поддержке Минкультуры РФ и Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Речь идёт о статусе: Центр ЮНЕСКО категории 2. Данный статус имеет десяток учреждений по всему миру (в основном это научные или учебные заведения), и основной целью их деятельности является методическая помощь — в деле сохранения и изучения Всемирного наследия — странам соответствующих регионов мира. Например, Центр, расположенный в ЮАР, взял под свою опеку всю Африку, а Нордик-Центр, в Норвегии, — страны Северной Европы. В данном контексте Институт Наследия мог бы претендовать на роль эксперта-консультанта на всём пространстве СНГ, тем более что статус Базовой организации у него уже имеется. Однако данная идея, которая могла бы при должном научном потенциале стать реальностью, развития до настоящего времени не получила. Можно ожидать, что эта ниша будет занята более грамотным и активным «игроком» на «поле» Всемирного наследия.

Заключительным масштабным проектом Отдела Всемирного наследия последних лет в обсуждаемой области стала Периодическая отчётность российской стороны перед Центром Всемирного наследия ЮНЕСКО о состоянии своих культурных объектов (такого вида отчётность проводится раз в 6 лет). Это был последний, итоговый проект, где весьма успешно проявили себя сотрудники тогдашнего Отдела Всемирного наследия (Н. В. Максаковский, С. В. Кулинская, Т. Ю. Семёнова, Е. М. Дахина). Эта работа,

потребовавшая серьёзных организационных и интеллектуальных усилий, была начата осенью 2013 года и завершена в срок — к 1 июля 2014 года. В рамках проекта по Периодической отчётности для его участников (представителей от управляющих объектами организаций) было проведено два семинара — в декабре 2013 г. и мае 2014 г.

Н.В. Максаковский и Т.Ю. Семёнова ведут семинар по периодической отчётности для управляющих объектами ЮНЕСКО, 2013 г.

Основной итог — это заполненные анкеты по каждому из российских культурных объектов со статусом ЮНЕСКО, содержавшие ответы на почти 200 разнообразных вопросов: о составе и границах конкретного объекта, его состоянии и воздействии различных естественных и антропогенных факторов, о принятой системе управления, характере использования, и, наконец, о наиболее насущных управленческих потребностях. По идее, эти анкеты призваны были не только помочь руководству ответственных за объекты учреждений осознать свои проблемы, но и дать представление о них Министерству культуры РФ, равно как и Центру Всемирного наследия ЮНЕСКО. По результатам Периодической отчётности, которая дала нам уникальные сведения о каждом из объектов со статусом ЮНЕСКО, была подготовлена коллективная статья, опубликованная в очередном институтском сборнике «Наследие и современность» (Максаковский и др., 2014).

Важный перелом наступил в начале 2015 года, уже при третьем от создания Института директоре, А.С. Миронове, когда руководство тематикой Всемирного наследия было передано Ю.Н. Гусеву — новому сотруднику, не имевшему опыта работы в области охраны наследия. Отдел Всемирного наследия, состоявший на тот момент из 6 человек, оказался в состоянии полнейшего информационного вакуума. До вверенного ему коллектива Ю.Н. Гусев рабочую информацию не доводил (!), и новости мы узнавали через Учёного секретаря, от других коллег, и иногда — на институтском сайте. Мы чувствовали себя словно в одиноком плавании, «без руля и без ветрил», что, естественно, не прибавляло нам оптимизма. Тем не менее, памятуя, что «надежда умирает последней», мы продолжали упорно работать по своим тематическим планам, хотя ряд коллег предпочёл оставить стены института.

Наш резко сократившийся коллектив обладал, тем не менее, необходимым интеллектуальным потенциалом для выполнения важного задания, возникшего на рубеже 2014/2015 гг.: поручения Президента России — совершенствования Предварительного списка Всемирного наследия (пункт 3д Поручения, сформулированного по итогам совместного заседания Государственного совета и Совета при Президенте по культуре и искусству от 24.12.2014). Пересмотр существовавшего на тот момент российского Предварительного списка был очень актуальным. В этом перечне числилось порядка 25 предложений, далеко не все из них были обоснованными, одновременно в нём отсутствовали многие по-настоящему ценные объекты, прослеживался откровенный уклон в древнерусские «соборы» и «кремли», в то же время другие типы наследия представлены были недостаточно или вовсе отсутствовали. Отдел Всемирного наследия к тому времени уже имел по данному вопросу весьма солидные теоретические и методические наработки, основанные на изучении новейшего зарубежного опыта.

Однако новое руководство не посчитало целесообразным привлекать этот опыт, и само занялось данной проблемой, породив так называемый «Национальный индекс культурного наследия», который наиболее ярко свидетельствует о сложившемся на тот момент уровне научного руководства отделом Ю. Н. Гусевым. Этот «научный прорыв», активно поддержанный новым директором и получивший широкую огласку в прессе, оказался в итоге откровенно псевдонаучной разработкой. По замыслу создателя, индекс должен был помочь вычленив среди множества объектов культурного наследия нашей страны наиболее значимые, достойные статуса Всемирного наследия ЮНЕСКО. К сожалению, эта действительно актуальная задача, связанная с необходимостью расширения российского Предварительного списка Всемирного наследия, была решена с помощью крайне сомнительного компилятивного алгоритма (Пожарное депо., 2015; Эпикриз., 2015). Время расставило всё по своим местам: независимые эксперты в данной области не приняли эту «методику», и она была забыта. Показательным было и то, что упомянутая методика была — в общем и целом — одобрена на заседании Учёного совета института, состоявшемся 2 октября 2015 года, несмотря на обличительное выступление автора этих строк, не изменившее, к сожалению, общий благостно-равнодушный настрой членов обновлённого к тому моменту Учёного совета.

К середине 2015 года рабочая атмосфера в институте и вокруг тематики Всемирного наследия ухудшилась настолько, что все сотрудники нашей небольшой группы, один за другим, были вынуждены уволиться из Института. И автор этих строк в декабре 2015 года покинул родные некогда институтские стены, которые стали вмещать в себя совсем иных обитателей, не знакомых с традициями научно-исследовательского учреждения, созданного в начале 1990-х, по-настоящему творческого, независимого, борющегося за сохранение наследия не во имя собственных интересов, но иногда и во вред таковым, и ничуть не ангажированного.

Впрочем, несомненно, что само Всемирное наследие, как материальная субстанция, останется жить в веках независимо от того, кто именно в данный конкретный момент его изучает, охраняет, реставрирует, популяризирует, кто им управляет, использует, и так далее. Нам же, сотрудникам «старого» Института Наследия, которым долгие годы плодотворно руководил Ю. А. Веденин, остаётся лишь благодарить

судьбу за то, что на протяжении более 20 лет мы имели счастливую возможность заниматься этой интереснейшей проблематикой, которая расширила наш кругозор, повысила профессиональный уровень, да и вообще — доставила много радости! Наш многолетний труд отнюдь не пропал даром, и многие наши разработки были успешно применены на практике, содействуя сохранению российских памятников мирового уровня. Более того, у нас есть уверенность в том, что наш опыт ещё будет востребован — в области сохранения исторических поселений, архитектурных памятников и градостроительных ансамблей, уникальных объектов археологии, ценных культурных ландшафтов, различных особо охраняемых природных территорий и великого разнообразия природного и культурного наследия!

ЛИТЕРАТУРА

- Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов / Ред. Ю.Л. Мазуров. — М.: Институт Наследия, 1999. — 336 с.
- Всемирное наследие Содружества Независимых Государств. — М.: Изд-во «Новая Элита», 2012. — 512 с.
- Всемирное наследие Российской Федерации // Ж. «Мировое наследие», специальный выпуск. — М.: Изд-во «Магистр-Пресс», 2012. — 148 с.
- Кулешова М.Е. Культурные ландшафты в списке объектов всемирного наследия // Известия РАН, серия географическая, 2007. № 3. — С. 7–17.
- Кулешова М.Е. Культурные ландшафты и перспективы расширения представительства России в Списке всемирного наследия // Известия Русского географического общества, 2012. Т. 144. № 5. — С. 71–80.
- Кулешова М.Е. Соловецкий архипелаг как монастырский культурный ландшафт и объект Всемирного наследия // Известия РАН, серия географическая, 2013. № 4. — С. 97–106.
- Кулешова М.Е. Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности // Кенозерские чтения-2013. Культурные ландшафты: традиции для развития / Сост. М.Н. Мелюткина. Отв. ред. Е.Ф. Шатковская. — Архангельск, 2015. — С. 68–74.
- Культурный ландшафт как объект наследия / Ред.: Ю.А. Веденин и М.Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с., ил.
- Мазуров Ю.Л. Природное и культурное наследие как фактор развития: вопросы методологии и практики управления. Автореферат на соискание уч. ст. доктора геогр. наук. — М.: МГУ, 2006 (<http://www.dslib.net/econom-geografia/prirodnoe-i-kulturnoe-nasledie-kak-faktor-razvitija-prirodopolzovanija-voprosy.html>).
- Мазуров Ю.Л., Максаковский Н.В. Объекты Всемирного природного наследия в России // Изв. РАН, серия геогр., 2002. Вып. 2. — С. 71–79.
- Максаковский Н.В. Список Всемирного наследия ЮНЕСКО и место в нём Российской Федерации // «Заповедники и национальные парки»: Бюлл. ЦОДП. № 33, 2001. — С. 50–54.

Максаковский Н.В. Всемирное природное наследие. — М.: Просвещение, 2005. — 400 с.

Максаковский Н.В. Памятники Всемирного наследия. Природа и культура. — М.: Дрофа, 2010. — 250 с.

Максаковский Н.В. Потенциальное место Кенозерского национального парка в Списке «Кенозерье: природа, культура, человек» // Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. — Архангельск, 2016. — С. 329–340.

Максаковский Н.В., Дахина Е.М., Ельчанинов А.И., Кулинская С.В., Семенова С.Ю. Российские объекты всемирного культурного наследия: проблемы сохранения, использования и управления // Сборник «Наследие и современность». — М.: Институт Наследия, 2014.

Максаковский Н.В., Крогиус В.Р., Буторин А.А. «Проблемы управления Всемирным наследием: российский опыт в мировом контексте» // Сб. «Наследие и современность». Вып. 17. — М.: Институт Наследия, 2010. — С. 22–48.

Национальный атлас России. Том 4 «История. Культура» / Гл. ред. *Веденин Ю.А.* — М.: Роскартография, 2008. — 496 с.

Пожарное депо превзошло Кирилло-Белозерский монастырь, а Чечня и Ингушетия — Москву / *К. Михайлов*/ сайт «Хранители Наследия», 25 августа 2015 г. Режим доступа: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/initsiativy/pozharnoe-depo-prevzoshlo-kirillo-belozerskiy-monastyr-a-chechnya-i-ingushetiya-moskvu/>

Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов / Ред. *Ю.Л. Мазуров.* — М.: Институт Наследия, 1994. — 215 с.

Эпикриз околонуучных интенций / *М. Кулешова*/ Независимая газета от 11 сентября 2015 г. Электронный ресурс: режим доступа http://www.ng.ru/ideas/2015-09-11/5_epikriz.html

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ НАСЛЕДИЯ

Проблематика краеведения как эффективного средства выявления, изучения и сохранения объектов культурного и природного наследия была включена в программу Института Наследия в 1994 г. Директор-основатель института Ю. А. Веденин активно поддерживал начинания Советского фонда культуры по развитию краеведения, которые инициировал в то время, в основном, академик РАО, председатель Союза краеведов России С. О. Шмидт. Юрий Александрович входил тогда в состав и Президиума СФК, и Совета СКР. Когда в 1993 г. Н. С. Михалков начал сворачивать большинство программ фонда, осуществлявшихся при Д. С. Лихачёве, в том числе и программу «Краеведение», Ю. А. Веденин включил это направление в тематику аналитического сектора института, поскольку хорошо понимал, что участие краеведов способствует повышению эффективности изучения и сохранения местных объектов наследия. Он подчёркивал, что «Институт Наследия, работая над сбором и упорядочением информации о культурном и природном наследии, придаёт особое значение развитию краеведения» (Веденин, 1999).

В 1999 г. по инициативе дирекции в структуре института был создан сектор краеведения в составе четырёх человек: Елены Витальевны Андреевой (кандидата географических наук), Леоноры Ивановны Багрянцевой (кандидата философских наук), Галины Сергеевны Лялиной (кандидата исторических наук) и Валерия Евгеньевича Туманова (кандидата исторических наук, заведующего сектором).

Включение краеведческой тематики в научно-исследовательскую проблематику института связано с пониманием объективных взаимосвязей между краеведением и наследиеведением. Основу краеведческой деятельности составляет выявление, изучение, охрана и введение в общественный оборот объектов культурного и природного наследия определённой территории, изучение её историко-культурных и природных особенностей.

Термин «краеведение» утвердился в отечественной науке в начале XX века. По мнению некоторых исследователей, его впервые применили в 1914 г. географ И. Д. Маньков и историк В. Я. Уланов (Яковлева, 1997). С тех пор этот термин получил настолько широкое распространение, обрёл так много смысловых значений, что достаточно точное

С.О. Шмидт и Ю.А. Веденин на заседании юбилейной конференции, посвященной 20-летию Института Наследия, 2002 г.

определение его не сформулировано по сей день. Сложность выработки такого определения связана с тем, что термином «краеведение» обозначают одновременно и формы, и виды, и методы деятельности по изучению прошлого и настоящего какой-либо местности (Шмидт, 1992). Под краеведением понимается и научно-исследовательская деятельность государственных научных учреждений, и общественно полезная научно-практическая работа широких слоёв общественности. Эту особенность хорошо понимал Д. С. Лихачёв, подчёркивая, что краеведение — «самый массовый вид науки: в сборе материалов могут участвовать и большие учёные, и школьники» (Лихачёв, 1987). Под краеведением часто понимают и популяризацию знаний о той или иной местности через специальные издания, средства массовой информации, учебно-методические пособия. Особенно широко краеведение используется в системе образования. Возникли даже такие понятия, как «школьное краеведение», «вузовское краеведение». Это объясняется в первую очередь тем, что краеведение обладает высоким образовательно-воспитательным потенциалом (Туманов, 1999).

По существу краеведение — это методологический принцип изучения особенностей истории природы и общества какой-либо территории местными научными учреждениями, общественными организациями и исследователями-энтузиастами.

Краеведение в нашей стране получило своё распространение на рубеже XIX—XX веков, но особенно активно оно развивалось в советский период отечественной истории, став неотъемлемым элементом культуры и образования. В первые годы строительства советского государства наблюдался особенно бурный рост краеведческой активности на местах. Местная интеллигенция, любознательные рабочие и крестьяне объединяли свои усилия по спасению усадеб, дворцов, других недвижимых памятников истории и культуры, созданию местных краеведческих музеев, поиску природных ресурсов для развития региональной экономики. Этот период вошёл в историю как «золотое десятилетие краеведения» (Шмидт, 1990).

Государственная власть хорошо поняла выгоду использования общественников-краеведов для решения задач собирания и сохранения культурных ценностей, поиску полезных ископаемых. Уже в 1922 г. был учреждён специальный организационно-методический краеведческий орган — Центральное бюро краеведения (ЦБК), которое функционировало до 1925 г. при Российской академии наук, а затем (до 1936 г.) при Главнауке Наркомпроса РСФСР. Аналогичные бюро создавались в союзных и автономных республиках, а на местах — краеведческие организации, работавшие на общественных началах. В 1929 г. в СССР насчитывалось 2270 краеведческих общественных организаций (Филимонов, 1991).

Активному развитию краеведения в этот период способствовало и то, что «у руля» этой деятельности стояли такие выдающиеся учёные и известные деятели, как академик С. Ф. Ольденбург (председатель ЦБК), академик Д. О. Святский (учёный секретарь ЦБК), Д. Н. Анучин, Н. П. Анциферов, В. К. Арсеньев, М. М. Богословский, Н. А. Гейнике, И. М. Гревс, Н. М. Дружинин, Н. К. Крупская, Н. Я. Марр, А. А. Обручев, С. Ф. Платонов, В. П. Семёнов-Тян-Шанский, П. Г. Смидович, А. Е. Ферсман, А. В. Чайнов, Ю. М. Шокальский и другие. Немало выдающихся учёных и общественных деятелей были членами местных краеведческих организаций.

Краеведение в России развивалось не только по линии ЦБК. Без инициативы и активного участия краеведческой общественности невозможным было бы создание и деятельность Всероссийского общества изучения русской усадьбы (основано в 1922 г. и восстановлено, при активном участии Ю. А. Веденина, в 1992 г.), Всероссийского общества охраны природы (основано в 1924 г.), Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (учреждено в 1966 г.), не была бы осуществлена инициативная в 1931 г. А. М. Горьким программа написания истории фабрик и заводов. Большинство ныне действующих районных, городских и многих областных краеведческих музеев было создано усилиями местных краеведов. О том, какое значение государство придавало развитию краеведения, свидетельствует тот факт, что первый научно-исследовательский институт, созданный в 1937 г. в системе учреждений культуры, назывался «Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы» (он плодотворно работал много лет, не раз изменяя своё наименование, и был упразднён в 2013 году Министерством культуры РФ — видимо, по недомыслию).

История отечественного краеведения весьма сложна и до сих пор до конца не изучена. В разные периоды истории страны краеведение переживало свои подъёмы и спады. «Пики» наибольшей активности общественно-краеведческого движения возникали в переломные периоды истории России. Так, по времени совпадают «золотое десятилетие краеведения» и НЭП, «хрущёвская оттепель» и необычайно широкое развитие школьного краеведения во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. Колоссальный подъём краеведческого движения наблюдался и в процессе псевдодемократических преобразований на рубеже 1980-х — 1990-х годов.

В настоящее время даже специалистам трудно ориентироваться в многообразии форм организации краеведения и методов его использования для решения различных проблем в области науки, культуры, экономики, политики и т.д. Помимо «государственных» форм организации краеведения (краеведческие музеи, школьное краеведение, вузовское краеведение), в стране действует большое количество общественных объединений, которые относят себя к краеведческим, либо используют краеведение для реализации своих задач. В стране функционирует множество объединений, специализирующихся на различных формах краеведения: историческом, военно-историческом краеведении, церковном или конфессиональном краеведении, экологическом краеведении, усадебоведении, городоведении и т.п. Современная научная специализация краеведения включает историческое краеведение, литературное, географическое, художественное, музыкальное, археологическое, этнографическое, естественнонаучное, экологическое краеведение и ряд других направлений.

Естественно, сектор краеведения, состоящий из четырёх научных сотрудников, не мог охватить своими исследованиями всё многообразие форм и видов краеведения. Поэтому, учитывая научные возможности сотрудников, их творческие интересы и многолетнюю специализацию, сектор в качестве основного направления научных исследований определил проблематику использования культурного и природного наследия в обучении и воспитании детей и подростков средствами краеведения.

Этому выбору способствовало и то обстоятельство, что автор этой статьи, в то время заведующий сектором, уже много лет сотрудничал с Министерством образования РФ, с его Управлением дополнительного образования и находящимся в подчинении управления Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения (ФЦДЮТиК), на который возложены функции организационно-методического центра России в области школьного краеведения, самодетельного туризма и школьного музейного дела в системе дополнительного образования учащихся (внешкольного и внеклассного). Будучи первым заместителем председателя Союза краеведов России, я осуществлял взаимодействие Совета СКР с ФЦДЮТиК по организации краеведческого движения в стране. В частности, разработал концепцию и основное содержание Программы туристско-краеведческого движения учащихся Российской Федерации «Отечество», которая в 1994 г. была одобрена Всероссийской конференцией педагогов-краеведов в г. Калуге, а в 1998 г. утверждена Министерством образования РФ как комплексная деятельность и учебно-воспитательная программа в системе дополнительного образования детей.

Программа определяет принципы организации краеведческого движения учащихся учреждений основного среднего образования, воспитанников учреждений дополни-

тельного образования школьников и разнообразных детских творческих объединений, использующих в своей деятельности средства краеведения. Тематическое содержание основных направлений краеведческой деятельности учащихся определено 19 целевыми программами. Промежуточные итоги движения подводятся ежегодно на муниципальных краеведческих конференциях учащихся. Их лауреаты участвуют в аналогичных форумах на уровне субъектов федерации, победители которых получают право участвовать во Всероссийской краеведческой конференции школьников. Лауреаты Всероссийской конференции награждаются дипломами и грамотами, ценными подарками, а наиболее отличившиеся — специальной денежной премией Президента РФ. По итогам Всероссийской конференции издаётся приказ Министра образования РФ, в котором отмечаются все официальные лауреаты конференции в соответствующих номинациях. По такой же схеме в рамках движения проводятся краеведческие олимпиады школьников. Методологические и методические проблемы школьного краеведения обсуждаются на педагогических краеведческих конференциях и чтениях, проводимых в рамках движения «Отечество».

Туристско-краеведческое движение учащихся Российской Федерации «Отечество» до настоящего времени является основной формой дополнительного образования детей и подростков в области самостоятельного туризма, краеведения и школьного музейного дела. В нём, по оценкам специалистов, ежегодно участвуют до миллиона школьников (Константинов, 2003).

Осуществляя свои исследования, юные краеведы неизбежно имеют дело с местными объектами культурного и природного наследия. В зависимости от тематики краеведческих изысканий, опыта педагогов и учащихся, участники движения занимаются выявлением местных объектов наследия, их изучением и охраной, мониторингом, музеефикацией и популяризацией. Участвуя в этой деятельности, дети получают новые знания и представления, часто не предусмотренные программами общего среднего образования, овладевают многообразными полезными умениями и навыками.

По существу, краеведение в отечественной педагогике представляет собой методологический принцип комплексного обучения и воспитания учащихся. В советский период отечественной истории он именовался краеведческим принципом преподавания основ наук, а в 1992—2007 гг. (до введения ЕГЭ) вообще был обязательным во всех учреждениях образования как местный (национально-региональный) компонент государственных образовательных стандартов.

Всё это и определило выбор Центра детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования и науки РФ в качестве базовой организации для осуществления исследований и апробирования промежуточных результатов исследований специалистов сектора краеведения. Творческое сотрудничество с этим центром позволяло специалистам сектора не только оперативно получать информацию обо всех изменениях в государственной политике в области обучения и воспитания школьников, о новейших тенденциях и технологиях использования культурного и природного наследия в учебно-воспитательной работе с детьми, но и участвовать в выработке концепций и решений, экспертизе педагогико-краеведческих проектов, внедрять собственные организационные и методические модели в практику отечественной педагогики.

*Е. В. Андреева (справа) обсуждает с коллегой
детские краеведческие работы, 2015 г.*

Работая над общей исследовательской проблемой, каждый сотрудник сектора специализировался в одной или нескольких областях краеведения и наследиеведения. Е. В. Андреева занималась преимущественно проблемами организации и методики дополнительного экологического образования и воспитания школьников средствами краеведения, через знакомство с культурным и природным наследием страны. Одним из важнейших элементов её исследований являлось участие во Всероссийской экологической экспедиции школьников. Экспедиция имела базовый лагерь на территории заказника «Троеручица» около монастыря Нилова Пустынь на берегу озера Селигер в Тверской области (Озеров, 2002). В экспедиции участвовали юные экологи-краеведы из различных регионов России. Они отработывали практические навыки, делились опытом эколого-краеведческой работы.

Елена Витальевна, с присущей ей педантичностью и добросовестностью, изучала опыт педагогов и детских коллективов, выявляла наиболее перспективные и эффективные учебно-воспитательные методики, дополняла их собственными разработками, способствовала широкому внедрению их через публикации и выступления на конференциях, семинарах, педагогических чтениях и т.п. К её знаниям и опыту по сей день обращаются педагогические учреждения РФ и столицы.

Л. И. Багрянцева (1939–2005) специализировалась на анализе форм организации и программ общественно-краеведческой деятельности детских объединений, а также других общественных организаций, деятельность которых связана со школьным краеведением. Будучи специалистом в области социологии, Л. И. Багрянцева анализировала различные тенденции в использовании краеведения, культурного и природного наследия государственными органами и общественными организациями, выявляла точки соприкосновения и противоречия в их практической деятельности, отбирала и рекомендовала для применения в школьном краеведении наиболее интересные и перспективные модели и программы. Многие свои идеи Л. И. Багрянцева апробировала через созданное при её активном участии краевед-

*Л.И. Багрянцева на одном из мероприятий
в городском парке Кузьминки, 2001 г.*

ческое общество «Кузьминки», в частности, по практическому участию школьников-краеведов, учащейся молодёжи в изучении и охране парка «Кузьминки» и находящихся на его территории усадебных комплексов. По её инициативе с 1997 г. ежегодно 1 июня здесь проводится праздник «День Кузьминского парка». Она активно участвовала в работе общества «Старая Москва», Московского городского клуба добровольцев, других общественных объединений, представляя там сектор краеведения и вовлекая эти организации в участие по реализации программ школьного краеведения.

Г.С. Лялина (1937–2011), известный специалист в области истории религий, занималась разработкой проблематики использования исторического краеведения в обучении и воспитании школьников. Эта тема — одна из ключевых в школьном краеведении, поскольку, как известно, «исторические знания обладают особым свойством: они воспитывают не только разум, но и душу» (Шмидт, 1970). От того, как используется историко-краеведческий потенциал региона, под каким идеологическим углом зрения трактуются происходившие некогда и имеющие место сегодня события в крае, во многом зависит гражданское и патриотическое воспитание детей и подростков, становление их морали.

Г.С. Лялина отмечала, что далеко не все педагоги того периода, использовавшие историческое краеведение, умели объективно оценивать исторические факты и события, соотносить их с общеисторическими процессами, с закономерностями развития культуры, видеть общее и частное в тех или иных проявлениях местного историко-культурного наследия. Бывали случаи, когда в процессе занятий со школьниками историческим краеведением некоторые педагоги на деле формировали у детей определённые политические, националистические или религиозные воззрения, что противоречило действующему законодательству, запрещающему эти виды пропаганды в учреждениях основного и дополнительного образования детей. Тематика, которой занималась Г.С. Лялина, была одной из самых актуальных и сложных не толь-

Г.С. Лялина в жюри Всероссийского конкурса исследовательских работ школьников по краеведению (секция родного края), 2010 г.

ко в школьном краеведении, но и в отечественной педагогике в целом. Результаты своих исследований Г.С. Лялина публиковала в соответствующих разделах отчётов сектора, в педагогических изданиях, в выступлениях по проблемам формирования мировоззрения учащихся на заседаниях Научного совета НИИ семьи и воспитания РАО и Научного совета по истории церкви Института отечественной истории РАН, членом которых она была.

Несколько лет в статусе совместителя в секторе работала кандидат исторических наук Галина Борисовна Денисова. Местом её постоянной работы была и остаётся гимназия № 1506 г. Москвы, где она преподаёт отечественную историю, обществознание и руководит созданным ею школьным музеем «Дом, в котором я живу...». Организуя краеведческую деятельность гимназии, работу школьного музея, Г.Б. Денисова вызвалась апробировать разработанную автором этой статьи образовательную программу «Школьный музей. Программа курса краеведения и музееведения» (Туманов, 2011). И хотя программа предназначалась для студентов вузов, Галина Борисовна показала, как её можно успешно адаптировать к условиям учреждения основного общего образования в качестве формы дополнительного образования учащихся, их профориентации. Г.Б. Денисова внесла весомый вклад в реализацию секторальных программ музеефикации и мониторинга объектов местного культурного и природного наследия. Будучи членом ряда методологических педагогических объединений Москвы, она пропагандировала на их заседаниях разработки сектора и Института Наследия.

Автор этого очерка занимался проблемами краеведения, в первую очередь школьного. Это были вопросы его организации и содержания, участия педагогов и учащихся в реализации федеральных и региональных краеведческих программ, проблемы выявления, охраны, использования и мониторинга объектов местного культурного и природного наследия в процессе деятельности юных краеведов. За время работы в институте было опубликовано порядка 100 научных статей, методических разработок, краеведческих очерков по этим проблемам, подготовлено к изданию два сборника серии «На-

следие и современность» (второй вместе с Г.С. Лялиной), учебно-методические пособия: «Школьный музей» (2002 г.), «Школьный музей — хранитель памяти народной» (2006 г.), «Наследие в школьном музее» (2011 г.)

Будучи первым заместителем председателя Союза краеведов России, членом научно-методического совета по школьному краеведению Министерства образования РФ, членом Археографической комиссии РАН, Центрального совета ВООПиК и ряда других коллегиальных органов государственных учреждений и общественных организаций, автор представлял в них научные интересы Института Наследия.

В. Е. Туманов на Всероссийском конкурсе исследовательских работ школьников по краеведению, 2007 г.

Особенно большое значение сотрудники сектора краеведения придавали практической работе с педагогами и учащимися. Они возглавляли работу секций проводимых ежегодно всероссийских краеведческих конференций и олимпиад школьников — участников туристско-краеведческого движения «Отечество», принимали участие в конференциях, семинарах, чтениях, «круглых столах» по проблемам школьного краеведения и более широкой тематики. Одним из сложившихся направлений практической деятельности сектора стала экспертиза различных проектов, программ, научных концепций, связанных с использованием культурного и природного наследия средствами краеведения, в том числе оппонирование кандидатских диссертаций, подготовка отзывов на авторефераты, рецензий и экспертных заключений на учебно-тематические программы, учебно-методические пособия, целевые краеведческие программы государственных органов и общественных объединений. Сотрудники сектора являлись постоянными участниками в качестве экспертов в систематически проводимом Министерством образования РФ Всероссийском конкурсе методических материалов в помощь организаторам туристско-краеведческой работы с учащимися.

Сектор краеведения вовлек в сферу своих исследовательских интересов и других специалистов Института Наследия. Сотрудники сектора военно-исторического насле-

дия (В. А. Дукельский и В. А. Дыгало), Центра документации наследия (Т. А. Коновалова и М. Ю. Коробко), археологических секторов (И. В. Волков и А. В. Загорюлько) ежегодно и охотно принимали участие во всероссийских краеведческих конференциях и олимпиадах в качестве руководителей и рядовых членов жюри, редакторов детских краеведческих сочинений, публиковавшихся в те годы материалов этих краеведческих форумов. Автору этих строк в своё время с большим трудом удалось уговорить контр-адмирала, члена-корреспондента Академии военных наук, кандидата военно-морских наук, участника Великой Отечественной войны и парада Победы 1945 года, прославленного подводника Виктора Ананьевича Дыгало и его коллегу по сектору, тоже участника войны, капитана первого ранга, кандидата исторических наук Владимира Абрамовича Дукельского принять участие в одной из Всероссийских краеведческих конференций в качестве экспертов секции военно-исторического краеведения. Через несколько дней после окончания конференции (а она длилась 5 дней) В. А. Дыгало и В. А. Дукельский пригласили меня в свой кабинет и за чашкой чая признались, что они едва не прослезились, убедившись, что среди педагогов и учащихся есть ещё немало таких, кто не мечтает о быстром обогащении любой ценой, а стремится изучить и написать подлинную военную историю своего края, прославить своих земляков, воевавших на фронтах и ковавших победу в тылу, увековечить их подвиги в памятниках, экспозициях школьных музеев, в различных изданиях и в памяти потомков. Они высоко оценили значение ранее мало знакомой им сферы краеведения и в последующем эти достойнейшие ветераны на протяжении многих лет были непререкаемыми участниками ежегодных конференций и олимпиад участников движения «Отечество».

Некоторые из мероприятий этих конференций, олимпиад, педагогических чтений проходили в стенах Института Наследия, и его директор-основатель Ю. А. Веденин непременно встречался с их участниками, рассказывал о специфике института, о значении школьного краеведения для реализации программ изучения и охраны объектов местного культурного и природного наследия. По мере необходимости к этой работе подключались музейно-реставрационный сектор и сектор российского атласа культурного и природного наследия.

Министерство образования и науки РФ неоднократно отмечало в своих благодарственных письмах вклад этих специалистов в дело совершенствования организации и методики школьного краеведения, награждало сотрудников института ведомственными наградами.

В перспективных программах сектора на 2015–2020 гг. планировалась разработка принципов организации и методики участия учащейся молодёжи в мониторинге объектов местного культурного и природного наследия средствами краеведения как составной части системы патриотического воспитания. Предполагалось включить мониторинговую деятельность школьников в качестве одного из основных компонентов в программы туристско-краеведческого движения учащихся Российской Федерации «Отечество». Этим планам, увы, не суждено было сбыться. Министерство культуры РФ ликвидировало практически всю перспективную научную тематику института, назначив на руководящие посты дилетантов, избавилось от ведущих специалистов такой специфической области научной деятельности, как наследиеведение, подменив исследовательский

характер деятельности института на бюрократически-управленческий. Министерских чиновников и руководящих карьеристов от наследиеведения интересуют сегодня не научные достижения известного во всём мире института, а субъективные аналитико-статистические справки о состоянии остатков культуры в стране.

Тем не менее, возвращаясь к теме нашего обзора, подчеркнём, что краеведение как явление жизни и особый вид исследовательской практики, как летопись своей малой Родины и стремление сохранить преемственность поколений, будет существовать всегда и будет востребовано в той мере, в какой наше общество способно к изучению, охране и популяризации культурного и природного наследия России.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Е. В. Экологическое краеведение в системе дополнительного образования: направления, виды, формы // Проблемы развития туристско-краеведческой деятельности: Мат-лы конф. — М., 2005. — С. 120–123.

Андреева Е. В. Проблемы актуализации картографического метода в школьном экологическом краеведении // Экологическое воспитание детей и молодёжи средствами туризма и краеведения: Мат-лы международной научно-практ. конф. — М., 2006. — С. 124–126.

Веденин Ю. А. Роль краеведения в открытии Земли / Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 10–11 декабря 1998 г.) — М., 1999. — С. 40–43.

Константинов Ю. С. Туристско-краеведческая деятельность в системе дополнительного образования детей / Туристско-краеведческая деятельность — важнейшее средство образования, патриотического воспитания и оздоровления детей и учащейся молодёжи: Международная научно-практическая конференция, посвящённая 85-летию детско-юношеского туризма России 8–9 декабря 2003 года. — М., 2003. — С. 2.

Лихачёв Д. С. Учит земля родная. / «Советская культура», 20 окт. 1987.

Лялина Г. С. К вопросу изучения традиции в малых исторических городах // Наследие и современность. Вып. 4. — М.: Институт Наследия, 1996. — С. 94–100.

Наследие и современность. Вып. 2. Школьное краеведение: программы, идеи, опыт / Ред.-сост. *В. Е. Туманов*, отв. ред. *А. В. Каменец*. — М.: Институт Наследия, 1995. — 134 с.

Наследие и современность. Вып. 11. Школьное краеведение: проблемы, программы, методики / Ред.-сост. *Г. С. Лялина*, *В. Е. Туманов*, отв. ред. *В. Е. Туманов*. — М.: Институт Наследия, 2002. — 160 с.

Озеров А. Г. Всероссийская детская туристско-экологическая экспедиция 2002 года // Российский Вестник детско-юношеского туризма и краеведения. 2002. № 3 (43). — С. 18–21.

Сборник краеведческого общества «Кузьминки». Вып. 1 / Сост. *Л. И. Багрянцева*. — М.: Готика, 2001. — 104 с.

Туманов В. Е. Союз краеведов России: между прошлым и будущим / Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: 10–11 декабря 1998 г. в Москве. — М., 1999. — С. 19–20.

Туманов В. Е. Краеведение в Институте Наследия // Наследие и современность. Вып. 10. — М.: Институт Наследия, 2002. — С. 117–126.

Туманов В. Е. Школьный музей. — М.: ЦДЮТиК, 2002. — 153 с.

Туманов В. Е. Школьный музей — хранитель народной памяти. — М.: ФЦДЮТиК, 2006. — 228 с.

Туманов В. Е. Наследие в школьном музее: Методическое пособие. — М., 2011. — 242 с.

Филимонов С. Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / Под ред. С. О. Шмидта. — М., 1991. С. 10.

Шмидт С. О. Историзм мышления // Наука убеждать. — М., 1970. С. 348–349.

Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 1. — М., 1990. — С. 11–27.

Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. — Тверь, 1992 — С. 4–6.

Яковлева Н. И. Реализация краеведческого принципа в изучении физической географии (на примере нач. курса физ. географии): Автореферат дисс. канд. пед. наук / Моск. гос. открытый ун-т. — М., 1997. — С. 12.

КОМПЛЕКСНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ В РАБОТАХ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Одной из задач, сформулированных в постановлении Правительства Российской Федерации о создании Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, является «обоснование и разработка региональных программ по сохранению и использованию национального наследия»¹, что и стало одной из ведущих тем с первых лет его работы.

Полноценная программа работ по возрождению национального достояния должна включать развёрнутую систему мероприятий по выявлению, восстановлению, изучению, сохранению и использованию культурного и природного наследия как объёмную комплексную задачу. Существующая практика показала, что ни само выявление памятника, ни постановка его на учёт и государственную охрану, ни ведение восстановительных работ ещё не могут обеспечить его сохранение. Без использования, без жизни памятник очень быстро опять приходит в запустение. Число примеров, подтверждающих этот тезис, велико, да и можно ли сопоставить понятие «неиспользуемый памятник» с задачей сохранения и передачи будущим поколениям национального достояния?

Условия присоединения страны к конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, уникальность многих находящихся на территории Российской Федерации памятников истории и культуры, а также острейшая ситуация в сфере их охраны и восстановления — всё это уже на рубеже 1990-х годов вызвало необходимость принятия новых и неординарных решений. Разрабатываемое в Институте Наследия новое направление научно-практических исследований было связано с разработкой концепции «*уникальных историко-культурных территорий*» и предполагало именно комплексный территориальный подход к сохранению наследия.

Основные принципы территориального подхода к решению проблем сохранения и использования национального наследия впервые были заявлены в постановлении Правительства Российской Федерации № 266 от 22 апреля 1992 года «О мерах госу-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13.04.1992 № 241. <http://zakon.7law.info/base46/part0/d46ru0560.htm>

дарственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ», в котором даны рекомендации местным органам по разработке региональных программ развития культуры и по созданию системы историко-культурных и природных территорий как наиболее действенной меры сохранения и использования наследия. В том же году Указом Президента Российской Федерации была создана первая особо ценная историко-культурная и природная территория на Валаамском архипелаге. Сходные проблемы были поставлены в это время и в ряде других регионов России, например, особый статус был придан территории Кавказских минеральных вод.

Актуальной задачей для реализации предложений о создании системы историко-культурных территорий становится разработка конкретных предложений в *форме комплексной региональной программы*, определяющей перспективы развития культуры как составной части социальной среды и хозяйства конкретного региона. Разрабатываемые материалы такой программы включают концептуальную модель будущего развития территории, методические положения, способствующие выявлению и использованию историко-культурного и природного потенциала, экономические расчёты и обоснование перспективных показателей по основным элементам социальной сферы и хозяйства, рекомендации по характеру организационно-управленческих решений.

Как правило, первый раздел программы призван определить и оценить историко-культурное и природное наследие территории во всей его полноте. Несмотря на проводимую в стране работу по выявлению и фиксации объектов культурного наследия, они выявлены ещё крайне недостаточно, а на государственный учёт поставлена неполная часть из уже выявленных памятников истории и культуры. В частности, нуждаются в дополнительном обследовании и выявлении памятники архитектуры конца XIX и XX вв., памятники производственной архитектуры, рядовая застройка малых и средних городов, сельских населённых пунктов и др. Остаются без должного внимания объекты нематериального наследия (традиции, фольклор, праздники, ремёсла и пр.). Недостаточно учитывается культурный ландшафт как особый тип объектов наследия. Комплексная региональная программа начинается с работы по выявлению всей совокупности наследия, включающей не только отдельные выдающиеся памятники истории, культуры и природы, но и народную культуру, традиции, историческую и этнокультурную среду и пр.

Подобный комплекс исследований целесообразно обобщить проведением специального культурно-ландшафтного районирования территории. Фактически этот этап работы представляет собой выявление историко-культурной и природной ценности территории. Он позволяет подойти к функциональному районированию региона, определить особо ценные территории, нуждающиеся в той или иной форме охраны. Но одновременно эта работа позволяет провести и дополнительную оценку стоимости земель, причём оценку, основанную не на кадастровой их стоимости по возможным условиям ведения сельскохозяйственного производства, а на дополнительном учёте исторических, эстетических, рекреационных особенностей того или иного участка. Это очень важно именно в настоящее время в связи с новыми отношениями собственности на землю, возможностью продажи и аренды земельных участков.

Выявление наследия не является самоцелью. Следующим этапом являются разработка и обоснование системы мер по его сохранению и использованию. Здесь следует выделить взаимосвязанные подпрограммы развития культуры, включая вопросы развития музейного комплекса и совершенствования других видов культурной деятельности; туристско-рекреационного развития; развития производственной деятельности, связанной с наследием. В частности, этот «производственный» раздел предполагает поиск возможностей возрождения традиционных и исторических производств и промыслов, традиционных форм природопользования, перспективных для экологичного ведения сельского хозяйства. Также важно иметь в виду перспективу взаимодействия с более активными производственными структурами (современными промышленными предприятиями, имеющими традиционную производственную основу, возрождение традиций ярмарочного цикла, использование в современном производстве исторических технологий и пр.).

Существенной частью разрабатываемой программы является также определение социальных факторов сохранения и использования наследия. К ним относятся общий уровень социального развития региона и его социальные проблемы, связанные с демографической и социальной структурой населения, его занятостью (что особенно актуально в малых исторических городах и в сельской местности), развитием системы образования на базе местного культурного и природного наследия и пр.

Заключительным разделом программы является проработка экономических, правовых и организационных условий её реализации. В нём формулируются конкретные задачи и пути их решения органами охраны наследия и местной администрацией. Важное значение уделяется обоснованию правовых и организационных форм создаваемых историко-культурных и природных территорий (музей-заповедник, национальный парк и др.), этапности в их формировании, зачастую готовятся проекты решений органов управления субъектов федерации и местных органов управления по данным вопросам. Формируется схема мероприятий по созданию и развитию историко-культурной территории, рассчитывается потребность в инвестициях, а также социальная и экономическая эффективность предлагаемой программы.

Именно комплексность программы позволяет полно и грамотно решать поставленные задачи сохранения наследия, привлекать специалистов смежных отраслей (экология, градостроительство, экономика и др.). Межведомственный характер программы открывает путь для привлечения дополнительных финансовых средств, используя для решения общей задачи ресурсы, направляемые, например, на различные хозяйственные проекты регионального развития, региональные целевые программы, средства и гранты общественных фондов и благотворительных организаций. В отдельных случаях такие программы выходят и на уровень целевого федерального финансирования.

Стратегически важной позицией такого рода программ является следующее: комплекс историко-культурного наследия — это особый и очень важный экономический ресурс, он может и должен стать основой специализации ряда исторических городов и территорий, стать одним из перспективных направлений развития местной экономики. Такой подход непосредственно отвечает положению, содержащемуся в ст. 5 Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия, рекомендующе-

му государствам-участникам «проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определённых функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования»².

Предлагаемый подход позволяет отказаться от сложившейся ранее практики «мёртвой» музеефикации и заповедования, от стремления к сохранению внешних атрибутов памятника при утрате его жизненности. Он позволяет включить наследие в современную жизнь общества, видеть в нём основу будущего развития ряда территорий. Особую актуальность приобретает такой подход при определении стратегии развития малых исторических городов, сельских исторических территорий, мест расселения малочисленных народов, различных этнографических групп. Представляется, что именно этот новый комплексный подход, обеспечивающий как сохранение, так и использование историко-культурного и природного потенциала, позволит дать мощный дополнительный импульс решению вопросов сохранения памятников истории, культуры и природы и рассматривать культурное и природное наследие как особый фактор региональной экономической политики.

С первых лет существования института в нём стали проводиться исследования по разработке комплексных региональных программ сохранения и использования историко-культурного и природного наследия. При этом отрабатывались методики составления программ разного административного уровня: субъекта Российской Федерации (Калужская, Тверская область), административного сельского района (Козельский, Мосальский район), исторического города и его окружения (Боровск), сельского совета (пример усадьбы Середниково и её окрестностей).

Идея данного методического подхода и практика его реализации оказались плодотворными и востребованными временем. В частности, в 1992 г. Верховным Советом Российской Федерации был рассмотрен опыт формирования комплексной программы для Тверского региона и принято специальное постановление «О государственной программе социально-культурного развития Тверской области». Эта региональная программа в дальнейшем послужила основой федеральной целевой программы. На уровне Калужской области в 1993 г. была также принята специализированная областная программа, получившая имя «Калужская область — уникальная территория». Благодаря детальным научным проработкам перспектив сохранения и использования историко-культурного наследия, выполненным в Институте, исторический город Козельск был включён в число первоочередных шести городов, по которым осуществлялась финансовая поддержка в рамках общереспубликанской программы «Возрождение».

В практике проводившихся Институтом Наследия исследований можно говорить о разработке региональных программ для следующих типов историко-культурных территорий:

- исторические города,
- исторические сельские поселения и сельские территории,

² Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО // Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. — М.: Институт Наследия, 1999, с. 11.

- монастырские комплексы,
- усадебные комплексы,
- поля сражений,
- исторические производственные территории,
- археологические территории,
- этноэкологические районы проживания малочисленных народов,
- исторические пути и дороги.

Более 50 малых исторических городов в разных регионах России использовали в своём развитии разработки Института Наследия (в том числе, такие известные исторические города, как Суздаль, Ростов Ярославский, Покров, Городец, Каргополь, Тотьма, Кириллов, Кунгур, Мариинск, Ялуторовск и др.). Значительную их часть составляют разработки Сектора комплексных региональных программ в 13 субъектах Российской Федерации (см. прилагаемый перечень). Результатом этих работ стали не только перспективные планы сферы развития культуры и сохранения наследия в отдельных городах, но и предложения по общей стратегии развития городского хозяйства, принятие законодательных решений как на местном уровне, так и на уровне субъекта федерации.

Пожалуй, наиболее показательной в этом отношении оказалась одна из первых разработанных в институте программ, предназначенная для исторического города Ялуторовска. Этот город является самым малым среди исторических городов Тюменской области (примерно 30 тысяч жителей) и, хотя он имеет интересные отдельные памятники архитектуры и сохранившуюся деревянную историческую застройку, тем не менее, остаётся малоизвестным и обычно вспоминается как место ссылки декабристов.

В 1996—1997 гг. была разработана «Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ялуторовска и его окружения». Данная программа включала вопросы выявления историко-культурного и природного наследия города и его окрестностей, изучения культурных и хозяйственных традиций, вопросы современной стратегии культурной жизни, музейного строительства, туристского развития, систему организационных и хозяйственных мероприятий.

Обсуждение и принятие этой программы дало мощный импульс культурному развитию Ялуторовска, и данная программа стала стратегическим документом развития культуры в этом малом городе. За прошедшие годы здесь были выявлены более 100 памятников истории и культуры, активно началось музейное строительство. Вместо единственного ранее (и достаточно политизированного) Музея декабристов были созданы четыре музейных центра: краеведческий музей — на основе экспозиции «Хлеб и Масло Сибири», Музей декабристов, Дом природы, учебно-музейный центр «ланкастерской» школы. В городе был создан «Дом ремёсел» как центр, объединяющий народных мастеров и одновременно проводящий работу по обучению детей; Центр национальных культур (с татарским, немецким, казахским, украинским, кавказским и др. отделами). Значимыми культурными событиями являются ежегодные Декабристские вечера и весенний Мамонтовский фестиваль (Савва Мамонтов является уроженцем города). Город украсили новые мемориальные памятники: декабристам, С. Мамонтову, памятный знак на месте основания города и др.

На основании предложений, сформулированных в программе, были созданы организационные и правовые предпосылки для развития сферы культуры и сферы сохранения и использования наследия в более широком смысле. Были внесены изменения в Устав города, учитывающие специфику его развития как исторического населённого пункта, и принят Городской Думой ряд местных законодательных инициатив, способствующих реализации программы сохранения и использования культурного и природного наследия.

На основании этих решений был разработан проект закона «О программе сохранения наследия в Ялуторовске», внесённый в Тюменскую областную Думу. Этот закон был принят, и это был первый на территории Российской Федерации законодательный акт, касающийся специфики развития именно малого исторического города. Во многом благодаря данному закону и разработанной стратегической программе развития культуры стали возможными описанные изменения в Ялуторовске. Фактически данная программа позволила рассматривать деятельность в сфере наследия как одну из отраслей специализации хозяйственного комплекса Ялуторовска, которая должна в перспективе определить его лицо, его известность среди остальных городов региона и России в целом.

Бюджет города получил дополнительные источники финансирования сферы культуры. Исходя из программы, были подготовлены конкретные проекты деятельности учреждений культуры и сформулированы предложения для различных бюджетных и конкурсных заявок. Большинство этих проектов получило поддержку и финансирование. В конце 1990-х гг. Ялуторовск смог выиграть около 10 грантов по программам разных фондов. В их числе: грант на развитие музейного комплекса; грант на создание принципиально новой музейной экспозиции «Хлеб и Масло Сибири»; грант на проведение фестиваля «Декабристские вечера»; грант на формирование городского учебного центра на базе бывшей первой в Сибири школы для девочек, открытой декабристом Якушкиным; грант на работу Центра национальных культур. Ялуторовская культурная стратегия стала составной частью общей хозяйственной стратегии развития этого малого города.

В мае 2002 года в Ялуторовске состоялся форум малых исторических городов и поселений Урало-Сибирского региона, собравший около 40 представителей из 8 соседних субъектов федерации. Участники совещания высоко оценили пятилетний опыт Ялуторовска и особо отметили необходимость применения подобных подходов, связанных с сочетанием перспективных задач в сфере культуры с общей хозяйственной стратегией городского развития.

Во многих случаях аналогичные программы разрабатывались не только для исторического города, но и для всего административного сельского района: Козельск и Козельский район, Мосальск и Мосальский район, Торопец и Торопецкий район. В этом случае достаточно подробно рассматривались также перспективы развития сельских исторических поселений, проводилось культурно-ландшафтное районирование территории, определялось функциональное зонирование территории района.

Примером работы подобного рода стала программа для Осташковского района Тверской области (включающего район озера Селигер). Именно эта работа дала возможность осуществить детальный анализ комплекса проблем развития сельской тер-

ритории, чрезвычайно богатой памятниками истории и культуры и одновременно представляющей уникальную для России природную территорию (куда входит и верховье реки Волги). Помимо детальной оценки природного и культурного потенциала района, функционального зонирования, выделения культурно-ландшафтных комплексов в программе также были сформулированы предложения по особому статусу района Селигера. Данная работа получила высокую оценку учёных и администрации Тверской области, были предприняты шаги к установлению особого статуса Селигера, которые, однако, на том этапе не смогли быть реализованы из-за отсутствия законодательного прецедента. Позже, в 2010-х годах эти исследования получили продолжение при разработке областной программы освоения истока реки Волга.

Значимые работы были выполнены по формированию перспектив развития усадебных комплексов. Одной из первых стала комплексная региональная программа по подмосковной усадьбе Середниково, где сохранился целостный архитектурный усадебный ансамбль с различными усадебными постройками конца XVIII века. Усадьба связана с именем М. Ю. Лермонтова, со Столыпинными, что создаёт возможность для интересных музейных решений. В Программе, разработанной в начале 1990-х годов, рассматривались вопросы занятости жителей окрестных деревень, были разработаны механизмы вовлечения в этот проект администрации соседнего Зеленограда — спутника Москвы, предложен финансовый план реализации намеченных предложений. Программа не была реализована полностью в связи с острыми финансовыми проблемами. Однако сейчас Середниково передано обществу потомков Лермонтова, вместе с которым разрабатывались многие положения данной программы.

Подобный подход был предпринят и при разработке перспективной программы развития усадьбы «Ясная Поляна» как программы деятельности существующего музея-заповедника. С самого начала в ней был заложен принцип комплексного регионального подхода к решению проблем как музеефикации, так и хозяйственного использования территории. Было обосновано расширение границ охраняемой территории, включение в неё не только мемориального усадебного парка и его окружения, но и связанных с жизнью Л. Н. Толстого сельских поселений — собственно Ясной Поляны и деревень Грумант, Козлова Засаека, Кочаки. Предполагалось, что музей-заповедник сможет взять на себя функции организатора социального и хозяйственного развития территории, в том числе работы по фруктовому саду, пасеке, конюшне, прудовому хозяйству, сформировать гостиничный и туристский комплекс собственно в Ясной Поляне, осуществлять ряд функций по социальному развитию сельских поселений. Это направление было принято музеем-заповедником и постепенно чётко, шаг за шагом им осуществляется. В перспективе намечается освоение всего «толстовского пространства» Тульской области (это и бывшие усадьбы, связанные с родом Толстых, и бывший уездный город, а сейчас практически заброшенное село Крапивна). Институтом Наследия вместе с музеем-заповедником проведена очень интересная работа по ландшафтному (ландшафтно-историческому) районированию территории Тульской области, связанной с историческим районом Ясной Поляны и другими местами жизни и деятельности Л. Н. Толстого, и намечены пути музейного и хозяйственного освоения этого пространства.

Подобным же образом была выстроена программа развития территории пушкинского музея-заповедника «Михайловское» в Псковской области. Эта программа, которая составлялась во второй половине 1990-х годов к 200-летию со дня рождения поэта, предполагала, прежде всего, ландшафтный подход к сохранению мемориального наследия, рассматривала вопросы сохранения всех мемориальных усадеб, увеличения заповедной территории, развитие не только музейного, но и туристского и инфраструктурного комплекса. Она была практически полностью реализована к 2010 году, и специалистами института была разработана новая концепция развития музея-заповедника на период до 2024 года. Выполнялись разработки и по другим усадебным территориям (см. прилагаемый перечень).

Во второй половине 1990-х годов новым для института направлением в разработке комплексных региональных программ стали исследования полей исторических сражений. Начало этой работы связано с созданием музея-заповедника «Куликово поле» и определением основных концептуальных положений его деятельности. Поразительно, но в практике сохранения культурного наследия нашей страны ещё в начале 1990-х годов фактически не были взяты под охрану поля исторических сражений (за исключением музея-заповедника на Бородинском поле). Во многом это связано со спецификой подобных объектов, когда главным для них является не создание какого-либо музея, а сохранение именно исторического ландшафта, связанного с конкретным событием. Это можно осуществить только в рамках сохранения территории, разработки специальной территориальной программы сохранения наследия.

В полевых исследованиях

*Усадьба Панское, Калужская область
(Ю.А. Веденин, О.Е. Штеле,
П.М. Шульгин, В.И. Плужников), 2003 г.*

*Историко-краеведческий музей
в городе Гусеве (бывший Гумбинен),
Калининградская область (Шульгин П.М.,
Штеле О.Е., Веденин Ю.А.), 2006 г.*

Именно ландшафтный, территориальный подход и был реализован в работе по Куликову полю (1997–1998 гг.). Стратегия, разработанная для этой исторической территории, исходила из того, что поле исторического сражения является особым типом культурного ландшафта, который и представляет главную музейно-историческую ценность. Впервые в практике российского музейного развития перед музеем-заповедником была поставлена задача сохранения уникального историко-ландшафтного комплекса, обеспечение целостности природной и исторической среды. Концепция включила не только вопросы музейной и фондовой работы, культурно-просветительской деятельности, но и природоохранную деятельность музея-заповедника, сохранение природных территорий, социальное развитие и обеспечение жизнедеятельности местного населения, хозяйственную деятельность. Фактически музей-заповедник стал центром развития весьма значительной по площади территории, включившей несколько десятков населённых пунктов.

В 2000 году Институтом Наследия и музеем-заповедником «Куликово поле» был проведён первый в России конгресс полей исторических сражений (с участием также представителей Украины, Белоруссии, Болгарии, Польши). Задачи мемориализации полей битвы рассматривались и в других регионах: Бородинское поле в Московской области, место Ледового побоища на Чудском озере, поля сражений на территории современной Калининградской области.

Институт проводил работы также и по археологическим территориям. Необходимость их выделения связана с тенденцией перехода от охраны и изучения отдельных археологических памятников к исследованию археологического наследия в целом. Эти территории представляют именно «археологические земли» (комплекс уже известных памятников и ещё не изученных, но потенциально богатых археологическими объектами участков) в их единстве с природным окружением. Их охрана важна с точки зрения обеспечения ненарушенности земель и сохранности естественных природных компонентов: рельефа, растительности и пр. Выделение археологических территорий особенно важно в связи с возможностью создания специальных археологических музеев-заповедников.

Первая такая работа была проведена Институтом Наследия в связи с обоснованием создания археологического музея-заповедника «Ирендык» в Баймакском районе Республики Башкортостан. Подобные программы были также разработаны для Барсовой Горы в Ханты-Мансийском автономном округе, Аркаима в Челябинской области, Онежских петроглифов в Республике Карелия, знаменитого археологического комплекса Гнёздово в Смоленской области, Рюрикова городища на территории Великого Новгорода и др.

Показательной является программа, разработанная для Древнего Болгара в Республике Татарстан, историческом центре Волжской Болгарии. В настоящее время Древний Болгар — это обширное городище, окружённое валом (протяжённостью более пяти километров), где расположены архитектурные памятники XIII–XIV веков, а также многочисленные археологические объекты. Архитектурные объекты заповедника являются самыми северными в мире памятниками средневекового мусульманского зодчества, уникальными и единственными образцами архитектуры такого рода середины XIII–XIV вв. Они не имеют аналогов в мире и сохраняются как ценный исторический объект, свидетельствующий о культуре исчезнувших государств (Волжской Болгарии, Золотой Орды), оказавших значительное влияние на последующее развитие Повол-

жья и всей России. Основную работу по сохранению всех этих объектов культурного наследия ведёт Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Историческое значение этого места, расположенные здесь уникальные объекты культурного наследия, а также накопленный опыт музейной и организационной работы позволили поставить задачу дальнейшего развития Болгарского музея-заповедника и превращения его в один из музеев-заповедников мирового значения, по своим музейным и туристским возможностям не уступающий лучшим музеям страны и мира, обладающий высокой привлекательностью для посетителей.

Для реализации этой цели предполагалось решение ряда ключевых задач. Первой из них являлась разработка программы учёта и сохранения наследия на всём пространстве музея-заповедника, обеспечение грамотной организации территории, исходя из её культурно-ландшафтного и функционального зонирования. Для этого была намечена система мероприятий по дальнейшему изучению территории, включая как археологические, так и природоведческие исследования; продолжение изучения уже выявленных памятников и составление программы экспедиционных работ по выявлению новых; научная реставрация и реконструкция изученных объектов (крепостные валы, жилые, производственные объекты на месте исторического города). Очень интересными и перспективными являются работы по изучению природного наследия этой территории. Здесь сохранились остатки ковыльной степи, фрагменты дубрав (рассматриваются как аналог первичных лесов исторического болгарского времени), редкие виды растений.

В качестве следующей ключевой задачи была намечена разработка программы развития музейного комплекса. Существующее на тот момент музейное развитие не отвечало историческому потенциалу Болгара. Было предложено создание нескольких экспозиционных пространств, продолжением которых стал бы маршрут по древним памятникам исторического городища (своего рода музей под открытым небом). Создание системы разнообразных музеев позволило бы достаточно равномерно распределить посетителей по территории музея-заповедника и избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты. Такая стратегия преследует ещё одну важную цель — формирование разнообразного туристского предложения, которое позволит посетителю задержаться в этом месте на несколько дней. Благодаря этому формируются предпосылки для более эффективной в экономическом смысле организации обслуживания, по сравнению с экскурсионным посещением на несколько часов (экономическая отдача от туриста, остающегося на ночлег, в 20 раз превышает эффективность обслуживания экскурсанта). Важную роль в реализации задачи формирования разнообразного туристского предложения играет создание в перспективе филиалов музея-заповедника вблизи исторического Болгара на городище Сувар и в ряде исторических сёл с сохранившимися усадебными и архитектурными памятниками, со старинным конезаводом.

В разрабатываемой программе важное место занимает возможность развития музейной деятельности как импульса для дальнейшего социального и экономического развития окружающей территории, что должно привести к изменениям в образе и уровне жизни местного населения, появлению новых мест приложения труда, созданию ряда образовательных учреждений по подготовке кадров для музея-заповедника и сферы туризма. В течение нескольких лет разработанную программу удалось реализовать практически полностью. Современная посещаемость Древнего Болгара составляет более 400 тыс. человек в год (при

30 тыс. на период начала разработки программы), а сам историко-археологический комплекс в 2014 году был включён в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Значимым региональным этноэкологическим проектом стала разработка концепции Абалакского природно-исторического комплекса, на территории которого находятся места проживания и традиционного природопользования сибирских татар. Рассматриваемая территория находится в Тобольском районе Тюменской области. Территория восточнее Тобольска, по правобережью Иртыша, сохраняющая археологические следы древних поселений, является одним из староосвоенных регионов Сибири, с ней связаны также важные исторические аспекты развития Сибирского ханства и события освоения Сибири русскими. Берег Иртыша и расположенные здесь населённые пункты с их архитектурными памятниками составляют удивительный по красоте и мощи культурный ландшафт.

В советское время сибирские татары как национальность были исключены из переписи населения. Но сейчас они с полным правом рассматриваются как самостоятельный этнос. Особое значение для развития культуры сибирских татар в силу их разбросанности на значительном пространстве, наряду с сохранением традиций, обычаев и искусства, имеет сохранение историко-культурной и ландшафтной среды, памятников этнографического наследия, традиционных поселений. Особенности природного ландшафта и локализации историко-культурных объектов требуют различного подхода к установлению режима охраны на различных участках Абалакского природно-исторического комплекса, что реализуется с помощью функционального зонирования: зона особой охраны (заповедная); рекреационная зона и зона культурного ландшафта. Последняя включает территории объектов культурного наследия, состоящих на государственном учёте (Абалакский монастырь, Преображенская церковь, городище Искер и др.), и объектов, перспективных для постановки их на охрану, а также этнографические территории и национальные сёла сибирских татар.

В настоящее время Абалакский природно-исторический комплекс функционирует в режиме комплексного природного заказника регионального значения, созданного в 2006 г.

В институте выполнялись работы и по объектам исторического производственного наследия. Наиболее интересной из них стала разработка комплексной программы для исторического города Выкса в Нижегородской области (2007 г.). В исследовании было обосновано создание музея-заповедника в центре железодельного производства России XVIII века и «столице» железодельной империи братьев Баташёвых. Здесь сохранились уникальные памятники истории и культуры, в том числе историческая планировочная структура с усадьбой Баташёвых, комплексом зданий металлургического завода, ансамбль Иверского Выксунского монастыря. На этой территории находится несколько объектов культурного наследия федерального значения, в том числе инженерные сооружения В. Г. Шухова (которые рассматриваются специалистами как потенциальные объекты всемирного культурного наследия). Сохранился культурный ландшафт малого исторического города с естественным природным окружением, система гидротехнических сооружений, а также исторический производственный ландшафт: в XVIII веке добыча руды здесь осуществлялась в так называемых «дудках» — вертикальных земляных ко-

лодках диаметром около 2 м и глубиной до 10 м, со дна которых руда доставлялась на поверхность земли ручным способом, размещались «дудки» достаточно плотно.

К числу работ с памятниками производственного наследия можно также отнести концепцию создания мемориального комплекса в посёлке Берёзово на месте газовой скважины Р-1 (Ханты-Мансийский автономный округ); программу развития исторической горно-рудной территории в районе Каргалинских рудников в Оренбургской области, программу для уральского города Ирбита с его знаменитой ярмаркой и мотоциклетным заводом.

Центром разработки комплексных программ в институте стал Сектор комплексных региональных программ охраны и использования культурного и природного наследия. Хочется сказать несколько слов об уже ушедших из жизни сотрудниках этого сектора, внёсших значительный вклад в становление этого нового направления исследований в сфере наследия.

Первым руководителем сектора комплексных программ сохранения культурного и природного наследия (в 1992—1994 гг.) стал кандидат экономических наук *Борис Тимофеевич Лагутенко*. Специалист в сфере экономической географии, он смог объединить исследования по проблемам регионального развития с вопросами чисто экономической проблематики (формирование бюджетов регионов, налоговая политика и пр.). Впоследствии он работал в органах государственной власти, в Институте экономики РАН.

С момента образования сектора в нём работала к.г.н. *Ирина Петровна Чалая*, одна из наиболее опытных сотрудников Института Наследия. Основное направление её работ было связано с созданием карт историко-ландшафтного районирования, с разработкой таких карт для Тверской и Калужской областей, ставших первым опытом подобных картографических работ в стране, а также для других регионов страны, где сектор проводил региональные исследования.

С 1993 г. в секторе работал кандидат сельскохозяйственных наук *Владимир Иванович Степенев*. Его специализация — исследование традиционных сельскохозяйственных технологий и возможностей их адаптации к современным экономическим условиям. Объектом исследования В.И. Степенева были традиционные севообороты, региональный опыт выращивания отдельных местных культур, задачи сохранения традиций в озеленении, народная кулинария, возможности возрождения кумысного производства и пр.

Интересное направление исследований вёл пришедший в сектор в середине 1990-х годов к.г.н. *Ширгазин Олег Рашитович*. Как специалист по рекреационной географии он занимался вопросами рекреационного развития исторических территорий; анализировал культурный ландшафт территорий по описаниям писателей и поэтов разного времени, а также проводил анализ сохранения исторических и традиционных производств, ярмарочных циклов для различных регионов.

Ныне здравствующие сотрудники сектора, работающие сейчас в разных научных и учебных институтах, продолжают, тем не менее, работу над комплексными региональными программами — как правило, в рамках комплексных работ, выполняемых в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Это к.арх.н. *Ирина Германовна Иванова*, имеющая огромный опыт анализа и оценки архитектурного наследия, выделения зон охраны и историко-культурного зонирования исторических городов и сельских территорий; д.г.н. *Владимир Николаевич Калущков*, выполняю-

щих уникальные работы по природно-ландшафтным и культурно-ландшафтным исследованиям различных регионов; к.г.н. *Светлана Игоревна Мурашкина*, осуществляющая анализ развития инфраструктуры историко-культурных территорий; *Светлана Константиновна Губенко*, занимающаяся вопросами развития рекреационного комплекса; архитектор-реставратор *Ольга Андреевна Данилина*.

Следует подчеркнуть, что уже с первых работ над комплексными региональными программами большая их часть выполнялась в рамках межсекторальных исследований. Участниками совместных научных разработок стали сектора экономических проблем сохранения наследия, традиционных форм природопользования, живой традиционной культуры, археологического наследия, экологических проблем сохранения наследия, центр документации, центр традиционных и исторических технологий.

Большую помощь в разработке экономических разделов комплексных региональных программ оказал к.э.н. *Евгений Михайлович Николаев* (рук. Сектора экономических проблем сохранения наследия, замдиректора института в 1993–1997 гг.). Им рассматривались вопросы экономической оценки памятников и земель, задачи определения статуса охраняемых территорий, разрабатывались проекты нормативных и законодательных документов, необходимых для утверждения программ на местном уровне, их реализации. Активными участниками разработки региональных программ стали канд. иск. *Владимир Иванович Плужников*, выполнявший детальный анализ объектов архитектурного, исторического, производственного, военно-исторического наследия для самых разных территорий; к.и.н. *Сергей Валентинович Гусев*, активно участвовавший в изучении проблем археологических территорий, к.г.н. и учёный секретарь института *Ольга Евгеньевна Штеле*, принимавшая участие в разработке экономических обоснований практически всех региональных программ, разрабатываемых институтом.

Именно сочетание специалистов разного профиля позволило обеспечить комплексность проводимых исследований и в каждом конкретном случае грамотно выделить ключевые проблемы территории и обозначить пути их решения. Фактически работы над комплексными региональными программами стали заметным явлением в научной жизни института, объединили специалистов сразу нескольких секторов, а в дальнейшем эти территории послужили своеобразным полигоном для более углублённых специализированных исследований.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ КОМПЛЕКСНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ, ВЫПОЛНЕННЫХ ИНСТИТУТОМ НАСЛЕДИЯ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ

Комплексная региональная программа «Калужская область — уникальная территория», 1993 г.

Концепция развития усадебного комплекса Середниково в Московской области, 1993 г.

Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Боровска и его окружения (Калужская область), 1994 г.

Концепция развития музея-заповедника «Ясная Поляна» (Тульская область), 1995 г.

Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Торопца и его окружения (Тверская область), 1996 г.

Региональная программа сохранения культурного и природного наследия Осташковского района Тверской области, 1997 г.

Комплексная программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ялуторовска и его окружения (Тюменская область), 1997 г.

Концепция создания музея-заповедника на Куликовом поле (Тульская область), 1998 г.

Перспективы создания природного парка «Пунси» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа, 1999 г.

Комплексная программа социально-экономического развития исторического города Тобольска (Тюменская область), 2000 г.

Формирование территорий историко-культурного наследия Л. Н. Толстого в окружении «Ясной Поляны» (Тульская область), 2000 г.

Комплексное обоснование создания археологического музея-заповедника «Ирендык» на территории Зауралья Башкортостана, 2001 г.

Формирование историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника на территории исторического города Тотьмы и Тотемского района (Вологодская область), 2001 г.

Стратегия социально-экономического развития города Покрова (Владимирская область), 2001 г.

Программа сохранения историко-культурного наследия муниципального образования «Берёзовский район» (Ханты-Мансийский автономный округ), 2001 г.

Обоснование и программа создания Центра медиевистики в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Александровская слобода» (Владимирская область), 2001 г.

Комплексная региональная программа развития, сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ишима и его окрестностей (Тюменская область), 2002 г.

Обоснование предложений по сохранению историко-культурного наследия Чишминского района Республики Башкортостан, 2002 г.

Концепция сохранения и использования историко-культурного наследия города Сарапула (Удмуртская Республика), 2002 г.

Разработка перспективного развития Ростова Великого (Ярославская область), 2002 г.

Предложения по концепции и организации «Музея реки Оби» в городе Нефтеюганске (Ханты-Мансийский автономный округ), 2002 г.

Обоснование создания мемориального комплекса в посёлке Берёзово на месте скважины Р-1 (Ханты-Мансийский автономный округ), 2002 г.

Концепция развития Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Республика Татарстан), 2002 г.

Формирование нового стратегического направления развития города Советска (Тильзита), Калининградская область, 2003 г.

Концепция формирования музея-заповедника в Полотняном заводе (Калужская область), 2003 г.

Программа сохранения и использования историко-культурного и природного наследия исторического города Ирбита и его окружения как фактор экономического развития города (Свердловская область), 2003 г.

Концепция сохранения исторического наследия Сургута и обоснование возможности присвоения Сургуту статуса исторического города (Ханты-Мансийский автономный округ), 2003 г.

Обоснование статуса и программы развития историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Аркаим» (Челябинская область), 2003 г.

Обоснование программы «Золотого кольца» Республики Башкортостан, 2003 г.

Обоснование создания историко-археологического и природно-ландшафтного музея-заповедника «Каргалинские рудники» (Оренбургская область), 2003 г.

Концепция музеефикации археологического комплекса «Барсовой горы» (Сургутский район, Ханты-Мансийский автономный округ), 2004 г.

Комплексная региональная программа сохранения и использования историко-культурного наследия Кирилловского района Вологодской области, 2004 г.

Концепция создания историко-археологического и архитектурного заповедника «Камсвикус» (Калининградская область, г. Черняховск), 2004 г.

Программа сохранения и музеефикации Онежских петроглифов (Республика Карелия), 2004 г.

Концепция сохранения и использования историко-культурного наследия исторического города Кыштыма и его окружения (Челябинская область), 2005 г.

Областная целевая программа «Сохранение и использование объектов Культурного наследия Тюменской области», 2005 г.

Федеральная программа «Культура Русского Севера», 2005 г.

Концепция сохранения и использования культурного наследия бывшего уездного города Крапивны (Тульская область), 2005 г.

Проектирование заказника «Абалакский природно-исторический комплекс» (Тюменская область), 2006 г.

Пути организации и развития историко-культурного и природного музея-заповедника «Пустозерск» (Ненецкий автономный округ), 2006 г.

Концепция сохранения и использования историко-культурного наследия города Тихвина (Ленинградская область), 2006 г.

Разработка концепции Выксунского музея-заповедника промышленного наследия (Нижегородская область), 2007 г.

Комплексная оценка потенциала историко-культурного наследия исторического города Мариинска и территории Мариинского района и предложения к бизнес-планам по сохранению и использованию историко-культурного и природного наследия в целях культурного и туристского развития исторического города Мариинска и территории Мариинского района (Кемеровская область), 2007 г.

Разработка концепции музея-заповедника «Ледовое побоище» (Псковская область), 2007 г.

Концепция сохранения и использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Самарской области, 2008 г.

Разработка проекта развития и обустройства государственного природного заказника «Исток реки Волги» (Тверская область), 2008 г.

Программа сохранения и использования историко-культурного наследия города Белозерска (Вологодская область), 2009 г.

Программа развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника на 2009–2019 гг. (Республика Татарстан), 2009 г.

Концепция сохранения и использования объекта культурного наследия Рюриково Городище в Великом Новгороде (Новгородская область), 2010 г.

Стратегия сохранения и использования культурного и природного наследия исторической Вологды (Вологодская область), 2010 г.

Концепция комплексного развития историко-археологического и природного музея-заповедника «Гнёздово» (Смоленская область), 2011 г.

Разработка концепции создания и развития музея-заповедника А. С. Даргомыжского «Твердуново» (Смоленская область), 2012 г.

Разработка концепции перспективного развития музея-заповедника писателя С. Т. Аксакова в Оренбургской области, 2013 г.

Разработка концепции создания и развития музея-заповедника П. П. Семёнова-Тян-Шанского в д. Рязанка Чаплыгинского района Липецкой области, 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия академии наук. Сер. геогр., 1992. № 3. — С. 90–99.

Иванова И. Г. Уникальные историко-культурные территории Козельского района // Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. — М.: Институт Наследия, 1999. — С. 22–37.

Иванова И. Г. Градостроительное своеобразие Торопца и пути его сохранения // Наследие и современность. Вып. 8. — М.: Институт Наследия, 2000. — С. 159–186.

Исторический город Ялуторовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и его окружения / Под. ред. *П. М. Шульгина*. — М.: Институт Наследия, 1997. — 206 с.

Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия / Под ред. *П. М. Шульгина*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 173 с.

Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития / Под ред. *П. М. Шульгина*. — М.: Институт Наследия, 1999. — 151 с.

Степенев В.И. Хлебные рынки России: историческое наследие и преемственность объективных принципов развития // *Наследие и современность*. Вып. 7. — М.: Институт Наследия, 1999. — С. 31–48.

Степенев В.И. Современная аграрная реформа в России: актуальность исторического наследия в природопользовании // *Наследие и современность*. Вып. 8. — М.: Институт Наследия, 2000. — С. 138–158.

Чалая И.П., Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. — М.: Институт Наследия, 1997. — 286 с.

Ширгазин О.Р. География кустарной промышленности России в начале XX века // *Наследие и современность*. Вып. 5. — М.: Институт Наследия, 1997. — С. 80–91.

Шульгин П.М. Уникальные территории в региональной политике // *Наследие и современность*. Вып. 1. — М.: Институт Наследия, 1995. — С. 9–21.

Шульгин П.М. Перспективы создания природного парка «Пунси» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа // *Болота и люди (материалы международного семинара «Болота и археология»)*. — М.: Институт Наследия, 2000. — С. 193–205.

Шульгин П.М. Экономическое возрождение русской усадьбы // *Русская усадьба на пороге XXI века (Хмелитский сборник, выпуск 3)*. — Смоленск: СГПУ, 2001. — С. 166–177.

Шульгин П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития. *Мир России*, 2004. № 2. — С. 115–133.

Шульгин П.М. Основные положения стратегии сохранения и использования историко-культурного наследия бывшего уездного города Крапивны. *Наследие и современность*. Вып. 13. — М.: Институт Наследия, 2006. — С. 101–131.

Шульгин П.М., Штеле О.Е. Разработка региональных программ сохранения и использования наследия в деятельности Института Наследия. *Наследие и современность*. Вып. 14. — М.: Институт Наследия, 2007. — С. 101–138.

Шульгин П.М., Штеле О.Е. Основные положения перспективной стратегии по сохранению и использованию уникального объекта российского наследия — истока реки Волги. *Наследие и современность*. Вып. 16. — М.: Институт Наследия, 2008. — С. 130–154.

Шульгин П.М., Иванова И.Г., Калуцков В.Н., Штеле О.Е. Концепция развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. *Наследие и современность*. Вып. 17. — М.: Институт Наследия, 2010. — С. 93–110.

Шульгин П.М., Иванова И.Г., Калуцков В.Н., Трояновский С.В., Штеле О.Е. Рюриково Городище как объект культурного наследия: историческое значение и концепция использования. *Наследие и современность*. Вып. 18. — М.: Институт Наследия, 2012. — С. 74–112.

*М. Г. Безруков, В. П. Голиков, Т. В. Максимова,
О. В. Орфинская, В. Н. Ярош*

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЭКСПЕРТИЗА ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ, 1992–2013 гг.

Нынче мало кто вспоминает «лихие девяностые» добрым словом. Но именно в это самое время происходит чудо: стараниями нескольких энтузиастов организуется Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, коллектив которого объединил много высококлассных специалистов как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля. Руководство института старалось обеспечить оптимальные условия для функционирования и взаимодействия различных его подразделений и исследователей, формируя широкий профессиональный междисциплинарный взгляд на культурное и природное наследие.

Сектор исторических традиционных технологий начал свою работу сразу же после основания Института Наследия — в 1992 году. Руководил сектором Валерий Платонович Голиков. В числе первых его сотрудников были Зоя Федоровна Жарикова, Валерия Николаевна Ярош, Татьяна Васильевна Максимова. Постепенно число сотрудников увеличилось, и сектор был преобразован в Центр исследования исторических и традиционных технологий (заведующий — к.б.н. В. П. Голиков) и Сектор научных основ экспертизы объектов наследия (заведующий — д.х.н. М. Г. Безруков, в 2007–2013 гг. — к.х.н. В. Н. Ярош).

Основное направление работ Центра исследования исторических и традиционных технологий уже заложено в его названии. Исторические технологии — это ручные или мануфактурные технологии, которые в доиндустриальный период были основой многих производств. Однако после промышленной революции, произошедшей в конце XVIII — начале XIX в., многие технологии полностью исчезли как реально функционирующие. Традиционные технологии фактически являются «теньями» исчезнувших, но сумевших адаптироваться к новым условиям, исторических. Роль исторических и традиционных технологий в формировании человеческой культуры и цивилизации трудно переоценить. Эти технологии — равноправный объект культурного наследия.

При формировании Центра в Институте Наследия было решено руководствоваться следующими ключевыми идеями:

— Технологии — это важнейшее связующее звено, объединяющее культурные и природные аспекты человеческой цивилизации.

*В. П. Голиков с парсунной Иоанна IV в руках и Йенс Фляймер,
Национальный музей, Копенгаген, 2000 г.*

— Технологии — один из компонентов текущей культуры и культурного наследия. Поэтому технологии достойны детального исследования как составная часть культурного наследия, а также могут помочь усилиям по его сохранению в современной жизни.

Именно эти идеи предопределили основные направления научной и практической деятельности Центра. Проблематика Центра часто была предметом горячих и заинтересованных дискуссий с директором Института Наследия Юрием Александровичем Ведениным, который всегда находил время для обсуждения и поддержки работы Центра. В силу его научных компетенций с Юрием Александровичем всегда можно было посоветоваться по существу любого вопроса, и он привнёс немало ценных идей в формирование научных программ Центра

Первое — «философское» — направление работы Центра — это анализ теоретических, методологических и методических проблем взаимодействия технологий и культуры (Голиков, 2002). Одним из ведущих аспектов этого направления являются технологии, связанные с приданием желательных цветовых характеристик поверхности и/или объёму предметов. На протяжении всей истории человечество создало лишь несколько таких технологий:

— Покраска поверхности любых предметов с помощью красок-суспензий, содержащих мелкоизмельченные нерастворимые окрашенные частицы (пигменты), соответствующую жидкость и органическое клеящее вещество, способное скреплять пигменты друг с другом и с поверхностью предмета. Типичный пример — живопись.

— Крашение объёма и/или поверхности органических материалов в растворах растворимых окрашенных веществ (красителей), которые из раствора способны проникать на поверхность или в объём органических материалов. Например, придание цвета волокнам, нитям или тканям.

— Покрытие цветными лаками (баканами) — это нанесение суспензии прозрачных или полупрозрачных органических пигментов в растворах плёнкообразователей,

которые после испарения растворителей способны давать прозрачные или полупрозрачные плёнки на поверхности любых предметов.

— Изготовление цветных стёкол — это процесс создания твёрдых растворов, окрашенных продуктов взаимодействия силикатов с катионами металлов. Из цветных стёкол делали цветные глазури, витражи, цветную посуду.

В зависимости от преобладания того или иного способа придания окраски неокрашенным предметам, их художественные и семиотические особенности существенно менялись. В XIII—XV веках в Италии в период Ренессанса, а вслед за тем и в других странах Европы получили значительное распространение цветные лаки на основе органических пигментов из природных красителей. Поэтому итальянская темперная иконопись и живопись этого времени отличается специфическим колоритом и особой «лёгкостью и воздушностью», которая была обусловлена именно применением цветных лаков. В России во второй половине XVII века, названного «русским Ренессансом», в иконописи также получили широкое распространение цветные лаки, что обусловило колористическое сходство итальянской иконописи XIV—XV веков и русской иконописи XVII—XVIII веков (Голиков, 1998).

В древних социальных сообществах очень важно было чётко обозначить статус каждого члена. Одним из способов достижения этой цели были системы социально значимых цветовых символов в одежде членов сообщества (Голиков, 1996). Оказалось, что цветовые иерархические системы тесно связаны с технологиями крашения (Golikov et al., 1998). Место цвета в иерархии определялось следующими технологическими факторами: распространённостью или редкостью красильного сырья; технологическими проблемами связывания красителя с текстильными волокнами; стабильностью окрашенной ткани. Цвет, занимавший верхнюю ступень в иерархии цветовых символов, использовался только в одежде персон с самым высшим социальным статусом. А одежду, цвет которой расположен на нижней ступени цветовых символов, обязаны были носить люди с низшим статусом. В разные периоды истории использовались разные системы цветовых символов, в соответствии с чем в процессе исследований были выделены технологические этапы.

Так, в эпоху античности и раннего Средневековья, до конца XV века (I этап), верхнюю иерархическую ступень в цветовой символике занимал пурпурный цвет. Сырьём для пурпура были лишь некоторые средиземноморские моллюски; крашение пурпуром было очень сложным и дорогостоящим. Самую низшую ступень занимал коричневый цвет. Коричневые красители содержатся практически в любом сухом растении; краше-

З. Ф. Жарикова работает с иконами, начало 2000-х гг.

ние коричневыми красителями было простым; коричневая окраска ткани была нестабильной. Поэтому одежду разных оттенков коричневого цвета носили люди с самым низким статусом, а когда в XIII веке появились нищенствующие церковные ордена, они стали носить одежду именно коричневого цвета, как символ нищества.

В эпоху, начиная от XVI и до середины XIX века (II этап), иерархия цветовых символов кардинально изменилась. Это было связано с Великими географическими открытиями и появлением колониальных империй. В это время из тропических стран Америки, Африки и Азии стали импортироваться высококачественные и дешёвые красители. Иерархия цветов, характерных для I этапа, исчезла. Вместо неё возникла «иерархия полихромии» — чем выше был статус персоны, тем больше цветов было в её одежде, и, наоборот, чем меньше цветов, тем ниже был социальный статус. Картины XVII—XVIII веков красноречиво свидетельствуют об этом.

От середины XIX века до начала XX века (III этап) появились радикальные изменения в технологии крашения. В 1858 году был создан первый синтетический краситель. После этого в течение второй половины XIX века появились многочисленные компании, выпускающие красители. С помощью этих красителей можно было красить различные ткани в яркие оттенки всех цветов, что резко удешевило процесс крашения. Цветные ткани стали доступны для людей с любым социальным статусом. В этот период происходит своеобразная «инверсия» цветовой иерархии, характерной для I этапа. В России ранее недоступную одежду ярких, насыщенных красных, синих, пурпурных, жёлтых цветов стали носить крестьяне, а представители господствующих классов, наоборот, предпочитали одежду тех цветов и оттенков, которую раньше носили люди низших сословий.

В период с середины XX века, после Второй мировой войны, появилось огромное количество красителей и новых синтетических тканей (IV этап). В этот период уже не было никакого смысла применять цветовую символику для обозначения социального статуса, цвет одежды стал фактически выражать индивидуальные предпочтения конкретного человека.

За годы работы Центра было детально изучено крашение текстильных волокон природными органическими красителями; приготовление баканов и органических пигментов; различные варианты живописи; золочение; декорирование изделий из дерева, включая лакирование.

Второе направление работ Центра — исследование и реконструкция утраченных и забытых исторических технологий (Golikov, 1999; Golikov, 2002). Ключевым методическим понятием в этом направлении является «технологическое качество». Только на основе сведений о технологических особенностях можно решать исторические и культурологические проблемы. К таким проблемам относится определение подлинности материальных объектов, включая памятники искусства и культуры, а также установка степени изменения во времени (реставрации, ремонт и т.д.), по сравнению с их авторским решением. Детальные исследования позволяют оценивать технологический уровень развития исторических сообществ в отношении данной технологии, проводить хронологическую диагностику, а также анализировать региональное, национальное или локальное происхождение того или иного объекта. Знание технологий позволяет выявлять пути миграций — как материальных объектов, так и способов их производства. В Центре

была разработана методика реконструкции подлинных исторических технологий, включающая столь распространённые в настоящее время различные её имитации.

Третьим направлением стало исследование конкретных памятников, созданных на основе различных исторических технологий. Это: Туринская плащаница; тафтяные иконы; глобусы; печати; русская деревянная скульптура; мебель; китайские резные лаковые изделия; европейские имитации XVII–XVIII веков в стиле «Chinoiserie» («китайщина»); интерьерные комплексы; изделия из кожи; чернила; бумага; различные археологические памятники (Golikov и др, 2000). С приходом О. В. Орфинской в Центре стало активно развиваться исследование археологического текстиля и текстильных технологий (Орфинская, 2012). Сотрудники Центра за проект «Исследование и реставрация золотоордынского халата XIII века» (Голиков и др, 2002) были награждены премией имени И. Е. Забелина в области реставрации музейных предметов и коллекций.

Четвёртое направление — разработка программ обучения для учащихся различных уровней. В Центре были созданы и успешно опробованы в педагогической практике учебные программы для кафедры реставрации и экспертизы факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Валерий Платонович Голиков читал в РГГУ курсы «Исторические технологии в материальной культуре и искусстве», а также «Технология декорирования предметов декоративно-прикладного искусства из дерева». Под его руководством за 15 лет было выполнено 18 дипломных и курсовых работ. Сотрудники Центра принимали активное участие в работе технологического семинара на кафедре археологии исторического факультета МГУ.

О. В. Орфинская, экспедиция Центра египтологических исследований РАН в Луксоре, Египет, 2011 г.

Сотрудники Центра принимали участие в работе по многим грантам¹, Центр сотрудничал со многими научными и музейными организациями Москвы², Санкт-Петербурга (Русский музей, Эрмитаж, Университет педагогического мастерства, Библиотека академии наук), Самары, Нижнего Новгорода, Саратова, Казани, Энгельса, Черкесска, Хабаровска, Ставрополя, Сургута.

Поддерживались плодотворные контакты с другими странами. В Греции это было «Исследование русских и поствизантийских икон» в монастыре Ормилия, чтение лекций по технологии иконописи (В. П. Голиков); «Исследование лаков» с Химическим факультетом Фесалоникского университета, «Исследование живописи русского авангарда» в Музее Костаки в Фесалониках. Во Франции — «Исследование коптского текстиля» в музеях Лувра, в Италии — «Исследование лаков в живописи периода Ренессанса» (Галерея Уффици), а также «Исследование Туринской плащаницы» (Ватикан). Контакты с Германией касались темы «Исследование мантии из алого бархата Вильгельма I» (Дворец «Neue Palais» в г. Потсдаме), с Англией — «Исследование лаков в живописи» (Национальная галерея), с Данией — «Исследование парсуны Ивана Грозного» (Национальный музей в Копенгагене), с Финляндией — «Исследование русских икон XVIII–XIX веков» (Ново-Валаамский центр русской иконописи и Национальный музей в г. Хельсинки). Поддерживалось сотрудничество с научными центрами стран СНГ, в частности в Казахстане велось «Исследование Лисаковского текстиля», на Украине — «Исследование волынских икон начала XVII в.», в Белоруссии — «Современное сравнительное исследование русской и белорусской иконописи XVII веков».

В разное время в Центре работали: Е. А. Пшеничнова, О. И. Настиченко, М. А. Токманцева, Н. Н. Гагарина, Д. Л. Воскресенский, К. В. Холодилина и др.

Оглядываясь назад, можно с удовлетворением отметить, как много идей было детально разработано, но, к сожалению, не весь потенциал успел реализоваться до катастрофических для рассмотренной тематики структурных перестроек Института Наследия.

Сотрудники Сектора научных основ экспертизы объектов наследия занимались разработками и внедрением современных, в том числе новых инструментальных методов исследования материалов движимых и недвижимых памятников истории и культуры, а также совершенствованием методов их реставрации и консервации. В экспертизу пришли работать новые высококвалифицированные специалисты: Р. В. Лобзова, Е. Ю. Са-

¹ Гранты РГНФ: 1995–1997 г. «Восток — Запад»: миграция драгоценных тканей и текстильных технологий»; 1996–1998 г. «Русская икона в коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника»; 1996–1998 г. «Анализ декора фасадов центральной группы зданий в Московском Кремле и их изменения»; 1998–2000 г. «Коптский текстиль и античное наследие». Президентский грант 1999 г. «Исследование комплексов одежд из золотоордынских погребений XIII–XIV веков». Гранты РФФИ: 1999–2000 г. «Исследование живописи русского авангарда»; 1999–2001 г. «Фундаментальные проблемы поздней русской иконописи»; 2000–2002 г. «Создание новых комплексных приёмов реставрации дагерротипов и других ценных музейных экспонатов из серебра»; 2000–2002 г. «Колористическая революция в русской иконописи во второй половине XVII века».

² Исторический музей, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Музей народов востока, «Музеи Московского Кремля», Российский государственный гуманитарный университет, РГАДА, Институт археологии, Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря, Музей-усадьба Кусково, Музей-усадьба Останкино, Сергиево-Посадский музей, Православный университет им. Св. Иоанна.

дыкова, М. И. Филимонова, а позже молодые кадры — Д. Ю. Фролов, С. А. Черепанов, М. Е. Помыкалов и др.

Кроме технологической экспертизы произведений станковой темперной, масляной живописи, графики, предметов прикладного искусства, сектор занимался исследованиями состава и технологии конструкционных и декоративно-отделочных материалов памятников архитектуры XIV—XIX вв., а также строительной и декоративной керамики XV—XIX вв.

Объектами исследований были, в первую очередь, памятники Московского Кремля: кремлёвские соборы, церковь Ризоположения, Патриарший дворец, Грановитая палата, колокольня Ивана Великого (Безруков, Густова, Подъяпольский и др., 2003; Безруков, Ярош и др., 2003), а также археологические образцы материалов кремлёвской застройки разных периодов (образцы керамики, белого камня, доломита, отделочных материалов), керамика и отделочные материалы Собора Покрова-на-Рву на Красной площади и других сооружений исторической застройки Москвы (Белый камень., 2007; Лобзова, Ярош, 2012). Примером неожиданно выявленных фактов в процессе наших исследований (руководитель — М. Г. Безруков) является передатировка строительства Спасского собора Спасо-Андрониковского монастыря с 1422 года на третью четверть XIV века. Казалось бы, обнаружение единственного памятника XIV века, сохранившегося в Москве, должно воодушевить архитекторов, историков, краеведов и, в целом, всю культурную общественность Москвы и всей страны, однако, лишь немногие специалисты приняли новые данные по истории бытования Спасского собора с одобрением.

За время существования сектора его сотрудники выполнили работы на десятках объектов исторической застройки Москвы и Подмосковья, а также на памятниках истории и культуры различных регионов РФ (Урала, Сибири, Карелии, Республики Коми и др.) и стран СНГ. Исследовательский потенциал и возможности сектора были оценены и востребованы многими организациями и учреждениями культуры. Были налажены деловые контакты и проводились совместные исследования с музеями Московского Кремля, Государственным Историческим музеем, Центральным музеем древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва, Государственной Третьяковской галереей, Государственным музеем керамики и «Усадьбой Кусково», Екатеринбургским музеем изобразительных искусств, Серпуховским историко-художественным музеем, Саратовским историко-художественным музеем им. А. Н. Радищева, Омским областным музеем изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Вятским музеем им. В. М. и А. М. Васнецовых, Смоленским музеем-заповедником, Новосибирским художественным музеем, Тюменским художественным музеем и другими региональными музеями. Большое внимание уделялось работе с музейными коллекциями.

При выполнении работ были использованы современные методы инструментальных исследований (растровая электронная микроскопия, рентгеноспектральный и рентгенофазовый анализы, методы жидкостной и тонкослойной хроматографии, ИК и УФ спектрофотометрия и др.). Химики и реставраторы вели разработки по внедрению новых материалов и методов защиты и консервации памятников истории и культуры (Безруков, Густова, Подъяпольский и др., 2003; Безруков, Ярош и др., 2003; Тарасенко, Ярош, 2013).

*Т. В. Максимова за экспертной работой,
музей-заповедник «Александровская слобода»*

К наиболее значительным работам этого направления относятся следующие:

— Исследование строительных и отделочных материалов Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря, включая детали первоначальной алтарной преграды Спасского собора, изъятые из кладки стен Спасского собора (Белый камень..., 2007).

— Разработка методики гидрофобизации изделий из белого камня, а также образцов древесины различных пород и фрагментов русского деревянного зодчества составами на основе отечественного препарата «Фторсам-39». Это совместная работа с сотрудниками ИОХ РАН, которые разработали метод получения и применения этого состава. Препараты на основе Фторсама обладали очень важными оптическими и гигиеническими свойствами: не изменяли внешнего вида материалов и позволяли «дышать» объектам, что благоприятно сказывалось на их физико-механических характеристиках. Авторские разработки были защищены рядом патентов РФ. Сотрудники столичных музеев и реставрационных мастерских до сих пор продолжают успешно применять состав «Фторсам» для защиты объектов из металла, керамики и дерева для замедления процессов их старения и биодеструкции (Белый камень..., 2007).

— Разработка составов на основе неионогенных поверхностно-активных веществ для очистки от загрязнений и старых покрытий произведений живописи и декоративно-прикладного искусства из дерева, камня и керамики. Составы были опробованы на объектах

М. Г. Безруков, Подмоскowie, 2013 г.

декоративно-прикладного искусства из музея «Коломенское» и на произведениях живописи, имеющих фактурную поверхность и трудно удаляемые загрязнения.

— Разработка и внедрение составов с использованием лецитина в качестве мягчительного средства при реставрации деструктурированной станковой и настенной темперной и масляной живописи «с жёстким кракелюром». Идея этой оригинальной разработки принадлежит д.х.н. М. Г. Безрукову, эксперименты под его руководством были начаты ещё в 1980-х гг. во ВНИИР, а успешное продолжение работы с лецитином проводилось уже в Институте Наследия с конца 1990-х и до 2010-х гг. Работа защищена Авторским свидетельством коллектива сотрудников: М. Г. Безруков, М. И. Филимонова, В. Н. Ярош.

Сотрудники сектора участвовали в технологических исследованиях объектов культурного наследия коллекций различных музеев. Основной целью сектора являлось технологическое исследование материалов памятника с целью атрибуции и каталогизации, а также определение состояния материалов живописи и произведений прикладного искусства для выработки рекомендаций по консервации и реставрации памятника.

На базе сектора была разработана актуальная для современной отечественной экспертной практики тема «Методические принципы сочетания стилистического анализа с технологическими исследованиями в процессе музейной экспертизы» (руководитель темы — Максимова Т. В.). Многолетний опыт изучения структуры произведений западноевропейской живописи позволил разработать определённую систему научных описаний, включающих технологические сведения об элементах структуры картин и информацию о методах построения живописи. В результате исследований коллекций региональных музеев России в городах: Саратов, Смоленск, Вологда, Тюмень, Архангельск, Новосибирск, Екатеринбург, Томск, Омск, Нижний Новгород и др. удалось установить специфические особенности техники живописи разных европейских школ XVI—XVIII вв., идентифицировать приёмы имитационного искусства в живописи, определить характер копийного метода и дать некоторые представления о фальсификации художественного произведения (Максимова, 2002, 2006, 2009).

Разработанная методика экспертного исследования позволяла более аргументированно определять принадлежность картины школе и более убедительно доказывать оригинальность или копийность произведения. В анализе произведений живописи определялась роль каждого элемента структуры в живописном процессе, и таким образом представлялась совокупность технологических характеристик, на основе которых можно отклонить принятую в музее искусствоведческую атрибуцию или подтвердить её. Например, определённая роль цветного грунта в структуре живописи могла указывать на итальянскую или голландскую живопись, а эстетические функции имприматуры в картине — на фламандское произведение. Результатом работы в этом направлении стала публикация Т. В. Максимовой в сборнике научных статей, изданном Институтом Наследия «Экспертиза объектов культурного наследия» (Максимова, 2009).

Значительным достижением стала разработка методики определения немецкой имитационной живописи XVIII века. Задачи имитационного искусства были направлены на воспроизведение структуры, фактуры и «точное воссоздание» технических приёмов западноевропейских мастеров XVII столетия. Полученная информация по изучению имитационных картин из музейных собраний России изложена в монографии Т. В. Максимовой, изданной Институтом Наследия в 2002 году.

Немаловажное значение в изучении живописного метода голландских мастеров XVII века имела разработка методики исследований структуры картин на основе рентгенографирования, УФ и ИК-исследований и анализа микрошлифов. Комплекс методов позволил получить необходимые технологические данные об оптических приёмах построения живописи, разработанных вековой практикой голландских живописцев. Впервые было установлено, что стратиграфия голландской картины отражает специфику живописного метода целой школы и технологические признаки картин определённого времени, в результате чего можно указать, в какой четверти XVII века было написано произведение живописи. Установлено, что в целом голландская картина представляет собой определённый технологический тип, почти не повторяющийся в европейских школах XVII века. В результате исследований обширных коллекций голландской живописи в региональных музеях России и стран СНГ удалось собрать материал для разработки целого ряда научных тем, которые нашли своё отражение в изданной в 2013 г. под грифом Института Наследия монографии «Технология голландской живописи XVII века. Деревянная и тканая основы» (Максимова, 2013).

На основе многолетней работы по исследованию коллекции западноевропейской живописи в крупнейшем музее России — Саратовском художественном музее им. А. Н. Радищева, был издан научный каталог, в котором, наряду с искусствоведческими материалами, представлены результаты технико-технологической экспертизы произведений живописи, проведённые сотрудниками сектора: искусствоведом Т. В. Максимовой, рентгенологом Т. С. Никитиной и физиком В. И. Барсуковой (Максимова, 2008).

В 2010 году в Кирове был издан ещё один научный каталог «Западноевропейская живопись в собрании Вятского художественного музея имени В. М. и А. М. Васнецовых», куда вошли материалы исследований картин музея, в которых принимали участие сотрудники сектора.

С 2007 г. проводилась работа по исследованию коллекций русской живописи XVIII—XIX вв. из собраний Архангельского и Тюменского музеев изобразительных искусств и Вологодского Государственного музея-заповедника.

Девять исследовательских проектов были поддержаны грантами РГНФ³. Значительная часть полученных результатов исследований опубликована во многих изданиях: в Трудах Государственного Исторического музея (выпуски 102, 108, 188), в материалах научных конференций «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства» (Государственная Третьяковская галерея и объединение «МагnumArt»), в сборнике «Материальная база сферы культуры» (Информкультура, издание Библиотеки им. В. И. Ленина), а также в журналах: «Вопросы музеологии» СПб ГУ, «Вестник РУДН», «Антиквариат», «Художественный совет» и др.

³ Гранты № 96-01-00345 — «Античные лаки»; № 96-04-06430 — «Декоративное убранство фасадов центральной группы построек Московского Кремля и его трансформация во времени»; № 98-04-06329 — «Архитектурные детали сооружений Московского Кремля»; № 02-04-00309 «Региональные музеи России: проблемы экспертизы европейской живописи XVII—XVIII вв.»; № 96-04-06293 — «Голландская живопись в региональных музеях России: проблемы экспертизы»; № 03-04-00032а. «Новые открытия портретного искусства Северо-Запада России XVII—XIX вв.» А также гранты «Западноевропейская живопись в собрании Кировского художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых» (1995—1997 гг.) и «Русская живопись из собрания Тюменского художественного музея» (2006—2008 гг.)

За время работы сектора накоплен большой, ещё не опубликованный, материал по исследованию произведений западноевропейской живописи и образцов архитектурной керамики из собраний региональных музеев. Эта информация очень важна, в первую очередь, для сотрудников региональных музеев нашей страны, а также для всех, кто занимается вопросами изучения и сохранения нашего наследия. Этот материал, которого так ждали в регионах нашей страны, готовился к опубликованию под грифом Института Наследия, но пресловутая «оптимизация» 2013 г. и уничтожение Сектора научных основ экспертизы объектов наследия помешали осуществлению этих планов.

Опыт и квалификация сотрудников сектора позволяли передавать накопленные уникальные знания молодому поколению. Наши сотрудники преподавали в МАХУ памяти 1905 года и Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, а также участвовали в работе научных семинаров для сотрудников региональных музеев. Выпускники вузов, выполнившие свои дипломы на базе сектора, обеспечили преемственность достижений сектора: сейчас они успешно работают в разных музеях Москвы, используя опыт научной работы и знания, полученные в секторе.

Открытие в институте аспирантуры существенно повысило его статус и авторитет — за послевузовским образованием в него устремилась не только столичная молодёжь, но и специалисты из многих регионов страны. Так, по теме работ сектора в аспирантуру были приняты четыре сотрудника региональных музеев, двое из которых, защитив диссертации, стали кандидатами искусствоведения.

После ухода с поста директора и основателя института проф. Ю. А. Веденина ситуация изменилась коренным образом, и далеко не в лучшую сторону. Отсутствие квалификации и преемственности в руководстве привели к уходу из института многих высокопрофессиональных специалистов, а так называемая «структурная оптимизация» сопровождалась ликвидацией большинства научных подразделений, в том числе Центра исследования исторических и традиционных технологий и Сектора научных основ экспертизы наследия. Тем не менее, период работы в институте вспоминается с благодарностью и удовольствием.

В. Н. Ярош в своём рабочем кабинете

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Голиков В. П. Исследование красных археологических тканей из Новгородского музея-заповедника // Исследование археологических тканей. Экспресс-информация. — М.: Информкультура, 1996. — 32 с.

Голиков В.П. Баканы: органические хроматические материалы и их применение в русской иконописи XIV–XIX вв. // Экспресс-информация. Консервация и реставрация памятников истории и культуры. Вып. 3. — М.: Информкультура, 1998. — С. 13–45.

Голиков В.П. Исследования исторических и традиционных технологий // Наследие и современность: десять лет Институту Наследия. Информационный сборник. Вып. 10. — М., 2002. — С. 126–164.

Голиков В.П., Орфинская О.В., Лантратова О.Б., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея — комплексов одежд XIII–XIV вв. — М: Труды ГИМ, 2002. — 237 с.

Орфинская О.В. Три источника, или к вопросу о классификации края одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара 9–10 ноября 2012 г. — М.; СПб, 2012. С. 76–92.

Орфинская О.В. Парчовое платье X в. из Гнездовского некрополя // Археологические вести / Институт истории материальной культуры РАН. Вып. 18, 2012. — СПб: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 97–108.

Golikov V. The Classification of Colored Organic Materials in Painting and Applied Arts on the Basis of Natural Dyes // Dyes in History and Archeology-18. Papers presented at the 18th Meeting. — Brussels, 1999. Pp. 87–100.

Golikov V. The Technology of Silk dyeing by Cochineal. II. The Experimental Investigation of the Types and Concentrations of cations // 16/17-th International Meeting 'Dyes in History and Archaeology' (1997–1998, Lyon, Greenwich) / Ed. 'Archetype Publication' and 'National Gallery'. — London, 2002. Pp. 10–20.

Golikov Valery. The Technology of Silk dyeing by Cochineal. III 'The The Experimental Investigation of the Influences of pH, Water Quality, Cream of Tartar and Oak Galls' // 16/17-th International Meeting 'Dyes in History and Archaeology' (1997–1998, Lyon, Greenwich), Eds. 'Archetype Publication' and 'National Gallery'. London, 2002. Pp. 21–33.

Golikov V., Orfinskaya O., Pshenitchnova E., Voskresensky D. Experimental research of the VIII–IX centuries textiles from the Tcherkessk Museum collection / Interdisciplinary Approach about Studies and Conservation of Medieval Textiles. — Palermo, 1998. Pp. 133–140.

Golikov V., Orfinskaya O., Shishlina N. Bronze Age Textiles of the Caspian Sea Maritime steppes // BAR International Series 890, 2000. Pp. 109–117.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ СЕКТОРА НАУЧНЫХ ОСНОВ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ

Безруков М.Г., Густова А.Н., Подъяпольский С.С., Степанова Е.В., Ярош В.Н. Исследование микроструктуры, состава и технологии изготовления строительной керамики из кремлёвских сооружений. Материальная база сферы культуры. Научно-информационный сборник. — М.: РГБ, 2003. — С. 117–128.

Безруков М.Г., Ярош В.Н., Лобзова Р.В., Гращенков А.В. Исследование технологии декоративной керамики в образцах из древнейшей части коллекции Московского Кремля // Материалы IX научной конференции «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». — М.: Магnum APC, 2003. — С. 178.

Белый камень в архитектурных памятниках Московского Кремля XIV–XVII вв. (материаловедческие исследования для решения историко-архитектурных задач) / Научный редактор — М.Г. Безруков. — М.: Институт Наследия, 2007.

Лобзова Р.В., Ярош В.Н. Методические подходы в технологическом исследовании объектов из керамики в музейных коллекциях: на примере коллекций ГИКМЗ «Московский Кремль» и МГОМЗ «Коломенское» // Вопросы музеологии. № 1(5), 2012. — С. 133–139.

Максимова Т.В. К вопросу о технике живописи голландских мастеров XVII века // Материалы IV научной конференции «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». Государственная Третьяковская галерея. — М.: Магnum APC, 2000. — С. 55–61.

Максимова Т.В. Голландские живописцы XVII в. и их немецкие имитаторы в XVIII столетии. Вопросы стиля и технологии. — М.: Институт Наследия, 2002.

Максимова Т.В. Творческий замысел голландских художников и оптическая структура их картин // Тканая основа голландской живописи XVII века. Материалы X научной конференции «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». Государственная Третьяковская галерея. — М.: Магnum APC, 2006. — С. 52–57.

Максимова Т.В. Технично-технологические исследования. Саратовский Государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Зарубежное искусство. Каталог / Авт.-сост.: Л.П. Красноперова, Т.Е. Савицкая. — Саратов, 2008.

Максимова Т.В. Копии и имитации XVIII–XIX вв. // Экспертиза объектов культурного наследия. Выпуск 1. Темпера́ная и масляная живопись. — М., 2009. — С. 140–173.

Максимова Т.В. Технология голландской живописи XVII века. Деревянная и тканая основы. — М.: Институт Наследия, 2013.

Максимова Т.В. Проблемы экспертизы голландской живописи в региональных музеях России. Совместное Российско-голландское культурное наследие в области живописи и графики: исследования, реставрация, сотрудничество // Материалы научно-практической конференции Москва, 12–14 марта 2012 г. — М., 2012. — С. 95–108.

Тарасенко Л.П., Ярош В.Н. История бытования и технико-технологические особенности икон-таблеток из собрания ГИМ // Материалы научной конференции «Атрибуция, сохранность и реставрация музейных памятников». — М.: ГИМ, 2013. С. 45–60.

Экспертиза объектов культурного наследия. Темпера́ная и масляная живопись // Сборник научных статей. Выпуск 1 / Авторы-составители: Т.В. Максимова, Е.Ю. Садыкова, В.Н. Ярош. — М.: Институт Наследия, 2009.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО И МОРСКОГО НАСЛЕДИЯ

Вопросы военно-исторического и морского наследия стали объектом исследования Института Наследия практически с первых лет его создания: Сектор военно-исторического наследия был организован в 1994 году. Заведующим сектором был назначен к.и.н., капитан 1 ранга запаса А.Б. Григорьев. В секторе в разное время работало от 3-х до 6 человек. Среди них контр-адмирал В.А. Дыгало, капитаны первого ранга В.А. Дукельский и С.А. Мозговой, офицер флота О.А. Хазин и др. В 2011 г. в результате ряда структурных и кадровых преобразований подразделение было реорганизовано в Сектор морского наследия, затем — в Сектор военно-исторического и морского наследия (руководитель — С.А. Мозговой). В настоящее время (с 2016 г.) тематика военно-исторического наследия разрабатывается Центром исторического наследия, ставшего преемником всех названных подразделений.

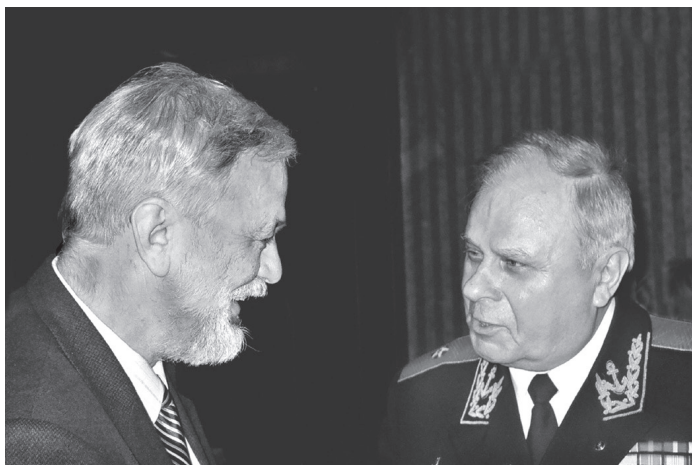
Сектор выполнил ряд НИР по истории флота, артиллерии, военного образования, осуществлял выпуск «Библиотеки Российского Офицера» и др. изданий. Под руководством А.Б. Григорьева велась работа над исследованием проблем «военной культуры», О.А. Хазин выпустил книгу «Трудный путь к Полтаве», «Пажи, кадеты, юнкера» и др. (Григорьев, 2002). Несколько книг по истории флота было написано ведущим научным сотрудником сектора кандидатом военно-морских наук контр-адмиралом В.А. Дыгало. Наряду с морской проблематикой, А.Б. Григорьев и С.А. Мозговой исследовали проблему «Армия и религия» в контексте государственно- и военно-религиозных отношений, первый выпустил книгу «Вера и верность. Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии» (Григорьев, 2005), второй провёл международный семинар «Религиозно-этические аспекты воспитания военнослужащих» и выпустил одноимённый сборник докладов, разработал и ввёл в научный оборот понятия «религиозный фактор в системе национальной безопасности» и «военно-религиозные отношения», изучил их современные тенденции (Мозговой, 2001, 2003). Также велась работа по написанию статей для «Энциклопедического словаря Религий» и «Энциклопедии Религиоведение». Для них были написаны статьи «Военное духовенство», «Капел-

лан», «Религия и глобальные проблемы современности», «Религия и Вооружённые Силы», «Религия и государство», «Религия и нация», «Этнология и религиоведение», «Религиоведческие центры, кафедры и подразделения в России». Также были написаны статьи в Российскую энциклопедию, Католическую энциклопедию, ряд научных журналов. Сотрудники сектора неоднократно участвовали в международных миротворческих форумах и конференциях в Чечне, Дагестане, Карачаево-Черкесии и др. регионах Кавказа.

В нашем архиве имеются пока неопубликованные документы Координационного комитета по взаимодействию Вооружённых Сил РФ и Русской православной церкви, материалы первой Всероссийской конференции «Православие и Российская армия» (доклады, выступления, решения) и другие интересные документы новейшей истории Вооружённых Сил РФ.

Яркой личностью в секторе был ведущий научный сотрудник, кандидат военно-морских наук, контр-адмирал в отставке В. А. Дыгало. Виктор Ананьевич — человек интересной судьбы (командир первой на Тихоокеанском флоте ракетной подводной лодки и впоследствии — дивизии подводных лодок), с которым посчастливилось совместно трудиться на ниве изучения и сохранения военного и морского наследия. Адмирал В. А. Дыгало был не только прекрасным военным специалистом и историком флота, а человеком энциклопедических знаний, обладавшим тонким юмором, тактом и порядочностью. Когда я был школьником, родители выписывали мне журнал «Морской сборник», главным редактором которого в то время был контр-адмирал В. А. Дыгало, и я с интересом читал старейший российский журнал (издаётся с 1848 года), а позже и сам стал в нём публиковаться (Мозговой, 2013, 2017).

Видимо, мир так устроен, что всё, что происходит — не случайно. Многих из тех, кто впоследствии стал работать в Институте Наследия, интересовала проблематика изучения и сохранения отечественного наследия ещё до прихода в Институт. Служа в Министерстве обороны, мне довелось готовить предложе-

В. А. Дыгало и Ю. А. Веденин в апреле 2002 г.

ния по передаче Валаамскому монастырю ряда островов, использовавшихся ранее в военных целях, а уникальному объекту Всемирного наследия — Троице-Сергиевой Лавре — территории сокращаемых воинских частей, готовить документы для реставрации Кронштадтского морского собора (Мозговой, 2016), быть ответственным секретарём Оргкомитета (от ВМФ) по канонизации прославленного адмирала Фёдора Ушакова.

Ряд НИР по истории флота мы делали вместе с Виктором Ананьевичем Дыгалом. Сотрудники нашего сектора и сектора Российского национального атласа культурного и природного наследия (А. И. Ельчанинов, А. А. Парамонова, П. О. Зеленцов и др.) оказывали ему всяческую помощь. Для того чтобы заинтересовать читателя и издателя одной из его последних книг (Дыгало, 2009), сделали с ним интервью для «Русского журнала» (Мозговой, 2008). Последней его работой была подготовка книги о жизни и деятельности генерального конструктора ракет Виктора Петровича Макеева — создателя научно-конструкторской школы морского стратегического ракетостроения Советского Союза и России. Виктор Ананьевич был лично с ним знаком. В 2011 году мы включили в План НИР Института Наследия работу о Макееве, но 2 сентября Виктора Ананьевича не стало и поэтому его сподвижники — контр-адмирал В. М. Апанасенко, зав. сектором картографии А. И. Ельчанинов, с.н.с. А. А. Парамонова и автор настоящей статьи взялись доделать начатую работу. Когда работа была выполнена, не стало и контр-адмирала В. М. Апанасенко, который, будучи главным ракетчиком флота, взял на себя добавление и редактирование вопросов по технической и ракетной части. Поэтому в итоге книгу выпустили под авторством двух адмиралов (Дыгало, Апанасенко, 2011).

Морская составляющая нашей работы повлияла на то, что у ряда сотрудников Института (С. А. Мозговой, П. А. Филин) стало складываться понимание необходимости уделять больше внимания вопросам изучения и сохранения морского наследия. Эти идеи были поддержаны директором Института наследия Ю. А. Ведениным и Генеральным директором Музея Мирового океана С. Г. Сивковой.

Созданная в 2010 году Межведомственная комиссия по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве РФ (МВК) очень рассчитывала на активную научно-методическую помощь Института Наследия, поэтому в её состав был включён директор института Ю. А. Веденин и в институте было создано соответствующее научное подразделение — сектор (впоследствии Центр) морского наследия, в котором работали С. А. Мозговой, П. А. Филин и Т. Ю. Семенова и др. Павел Анатольевич Филин умело соединял науку с практикой, руководил проектом создания Соловецкого морского музея, участвовал в экспедиции по Ладожскому озеру в целях мониторинга объектов на Ладоге, много сделал и продолжает делать по разработке документов МВК, одновременно с научной работой в Институте Наследия (вплоть до 2013 г.) и Музее Мирового океана стал Ответственным секретарём МВК (Филин, 2012). Сектором был составлен Свод объектов морского наследия России в Арктике.

Научным подразделением проделана большая работа по определению понятия «морское наследие», его сущности и статуса, структуры и состава, разработке методических материалов по выявлению, изучению, сохранению и популяризации морского

наследия, составлению Свода объектов морского наследия России (работа не была закончена из-за смены темы НИР новой дирекцией Института), подготовке документов на заседание Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве РФ и т.д. В частности, был собран материал и подготовлена карта «Морское наследие России» (объекты федерального значения) для Атласа культуры портала «Культура.РФ» (ОНИР «Исследование представленности объектов культурного и природного наследия на Атласе культуры»), разработаны «Опросные листы...» (Мозговой, Филин, 2001), подготовлены предложения для «Совета по изучению производительных сил» (СОПС) в подпрограмму «Сохранение морского культурного и природного наследия» ФЦП «Мировой океан 2014–2018 гг.»

Успешной работе способствовала творческая атмосфера, глубокое понимание и разработка руководством Института научных основ изучения и сохранения наследия, поддержка участия сотрудников в научных контактах и конференциях, а также в экспедициях. Благодаря этому состоялись уникальные экспедиции в Тунис (2007), Индонезию (2008), Индию (2009), Бельгию (2010, 2011, 2012), Сирию (2009) и др. (за счёт средств сторонних организаций, сотрудничающих с Институтом наследия), в Лиинахамари (2012 г., Печенгский район Мурманской области) и др.

Мы активно работали по программам ЮНЕСКО. Среди них — участие в Морской парусной научно-исследовательской и историко-культурной экспедиции в Бизерту по маршруту следования Русской эскадры «Через пять морей. По страницам истории Российского Флота» (2007 г.), а также участие в мероприятиях 36-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО (2012 г.), в частности проведение образовательных мероприятий на Международном молодёжном форуме «Вода и Всемирное наследие» во Всероссийском детском центре «Орлёнок» и др.

Морская парусная экспедиция осуществлялась под патронатом Главного командования ВМФ России, при поддержке Федерации Мира и Согласия, Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье» и др. организаций. Маршрут пролегал по историческим местам пребывания кораблей черноморской эскадры: Стамбул (Константинополь) — Чинаккале (Дарданеллы) — остров Лемнос (Греция), Мальта и Тунис.

Экспедиция была комплексной и способствовала решению целого ряда важных задач: привлечению внимания общественности к истории нашего государства и российского флота, актуализации поиска и публикации архивных документов, пропаганде истории флота и отечествен-

Уход за могилами на Русском казачьем кладбище, Лемнос, Греция

*Памятник морякам графа Орлова
и адмирала Сенявина на о-ве Лемнос*

ных морских традиций, в том числе связанных с русской морской эмиграцией, в особенности с историей флота периода революции и Гражданской войны, в том числе с историей Русской эскадры и её последним местом стоянки в Бизерте (Тунис). Были проведены мероприятия по увековечению памяти русских моряков, похороненных на русском кладбище в Бизерте, облагораживанию территории кладбища.

На острове Лемнос в Эгейском море участники морской экспедиции посетили Русское казачье кладбище и мемориал русским морякам эскадр графа А. Г. Орлова и адмирала Д. Н. Сенявина, которые

участвовали в освобождении Греции от османского владычества. Здесь состоялось отдание воинских почестей и возложение венков к памятному мемориальному кресту.

По прибытии в Тунис состоялась незабываемая встреча и интервью с «бабушкой русского флота» Анастасией Ширинской-Манштейн — хранительницей реликвий российского флота (Андреевских флагов, корабельных икон и картин, документальных фотографий и др.), которая в восьмилетнем возрасте с черноморской эскадрой кораблей прибыла в Тунис. Наш обратный путь лежал через Мальту (где также сохранились свидетельства пребывания русских моряков и их захоронения), Грецию и далее на Родину.

*Анастасия Ширинская-Манштейн.
Бизерта (Тунис), 2007 г.*

Весьма полезной была экспедиция в Индонезию. Здесь большое количество советской военной техники 1950-х — 60-х гг. навечно встало на постамент в качестве памятников и обелисков. Сведения о советском военном наследии представлены и в виде экспонатов в Музее Вооружённых Сил Индонезии в Джакарте, а в музее второй по величине военно-морской базы Индонезии — г. Суробаи — стоит на постаменте советская подводная лодка 613 проекта. Живы ещё и некоторые участники тех исторических событий (как в России, так и в Индонезии), когда советские корабли принимали участие в боевых

действиях против колониальных войск. Индонезия для нас интересна ещё и тем, что много научных открытий на островах, принадлежащих этой стране или граничащих с ней (прежде всего в Папуа-Новая Гвинея), были сделаны знаменитым русским путешественником Н. Н. Миклухо-Маклаем, посвятившим десять лет (1870—1880 гг.) изучению Индонезии.

В течение нескольких лет (2009—2013) изучалось российское военно-историческое и морское наследие в Бельгии, где удалось принять меры по его сохранению и адекватному отображению в экспозиции морского музея (Мозговой, 2016).

После 2010 года больше внимания стало уделяться разработке методологических проблем и методических вопросов, связанных с выявлением, изучением, сохранением и популяризацией военно-исторического и морского наследия (Мозговой, 2013). Вместе со с.н.с. сектора морского наследия П. А. Филиным разработано понятие «морское наследие», вместе с в.н.с. сектора военного и морского наследия С. А. Рябовым — понятие «военно-историческое наследие». Сектор участвовал в подготовке своего раздела в ежегодный Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации.

В августе 2012 года была организована экспедиция в Печенгский район Мурманской области. Экспедиция состояла из волонтеров под руководством учёного и ветерана Великой Отечественной войны А. В. Мозгового — участника Петсамо-Киркинесской наступательной операции. Работа велась в Печенге, Лиенахамари и прилегающей к заливу территории, исследовались места дислокации береговых артиллерийских батарей, инженерных частей и др., проведена фотофиксация состояния объектов, выработаны предложения по их реставрации и возможностям туристского использования.

В 2013 году по поручению Председателя Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве РФ адмирала В. А. Попова был изучен вопрос о возможностях создания в селе Дединово Луховицкого района Московской области морского музея. О целесообразности создания здесь морского музея-заповед-

*Автор у памятника русской эскадре,
Бизерта (Тунис), 2007 г.*

*Советская подводная лодка
в морском музее Зеебрюгге*

Остатки береговой батареи времен Великой Отечественной войны в Печенге

ника федерального значения был направлен доклад Председателю МВК и его заместителям. Создание морского музея в Дединово (вариант названия: Музей окского судостроения) позволит сохранить уникальный ландшафт, вернуть ему историческое звучание, возродить народные ремёсла и, прежде всего, производство «дединовского челна».

Подразделение (к.и.н. С. А. Мозговой и канд. воен. наук С. А. Рябов) продолжает свою работу в Институте Наследия, с благодарностью вспоминая те годы, когда Юрий Александрович Веденин оказывал научно-методическую помощь нашей исследовательской работе, поддержку нашим инициативам, содействие в проведении экспедиций и полевых исследований.

Сегодня ведутся исследования по мемориализации наследия Первой мировой войны, по разработке методических вопросов морского наследия, в том числе выработке предложений для Морской коллегии при Правительстве РФ. В 2014 году подготовленные нами материалы по морскому наследию Первой мировой войны были предоставлены музею Мирового океана для подготовки экспозиции «Война на море». Совместно с Центром документации наследия подразделение выступает координатором российско-норвежского проекта «Выявление сооружений, возведённых советскими военнопленными, и мест лагерей военнопленных в Норвегии». Сотрудники Центра ведут активную экспертную и педагогическую деятельность, обучают и воспитывают молодых исследователей, участвуют в качестве экспертов во Всероссийском конкурсе юношеских исследовательских работ им. В. И. Вернадского.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев А. Б. Сектор военно-исторического наследия // Наследие и современность: 10 лет Институту наследия. Информационный сборник. Вып. № 10. — М.: Институт Наследия, 2002. — С. 209–217.

Григорьев А. Б. Вера и верность. Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. — М.: «Кучково поле», 2005. — 480 с.

Дыгало В. А. А начиналось всё с ладьи... — М.: Просвещение, 1996. — 208 с.: ил.

Дыгало В. А. Откуда и что на флоте пошло. 2-е изд. — М.: «Крафт+», 2000. — 211 с.

Дыгало В. А. Мир кораблей. — М.: Росмэн, 2002. — 72 с.

Дыгало В. А. Океанский щит России. — М.: «Авангард», 2003. — 119 с.

Дыгало В. А. Российский флот. Три века на службе Отечеству. — М.: «Вече», 2007. — 365 с.

Дыгало В. А. Записки контр-адмирала. — М.: «Кучково поле», 2009. — 462 с.

Дыгало В. А., Апанасенко В. М. Уральский дракон. — СПб: Клуб адмиралов, Институт Наследия, 2011. — 336 с.

Мозговой С. А. Военно-религиозные отношения: методологические подходы к определению понятия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень РАГС. № 2 (26). — М.: РАГС, 2001.

Мозговой С. А. Современные тенденции военно-религиозных отношений // Доклады на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 2 — М.: «Альфа-М», 2003.

Мозговой С. А. Сценарии будущей войны. Интервью с контр-адмиралом В. А. Дыгало // Русский журнал, 15.02.2008.

Мозговой С. А. Проблемы изучения и сохранения морского наследия России за рубежом (на примере Туниса, Индонезии, Бельгии и Латвии) // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Материалы Первой междунар. научно-практ. конференции. Санкт-Петербург, 27–30 октября 2010 г. — Калининград, 2010. — С. 203–206.

Мозговой С. А. Морское наследие Северного Флота // История изучения Арктики — от прошлого к будущему: труды научной конференции. — СПб: ААНИИ, 2013. — С. 193–201.

Мозговой С. А. История подводного флота СССР в Великой Отечественной войне в музейных объектах // Нептун, 2013. № 6. С. 54–59.

Мозговой С. А. Морское наследие: сущность, содержание, структура // Морской сборник, 2013. № 9. — С. 31–40.

Мозговой С. А. Российское военно-историческое наследие за рубежом // Российское культурное наследие за рубежом: анализ состояния и сохранения, актуальные проблемы использования и доступности: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 15 окт. 2015 г. / Ред.-сост. Т. А. Пархоменко. — М.: Институт Наследия, 2015. — С. 224–235.

Мозговой С. А. Военное и морское наследие России в Бельгии // Журнал Института наследия, 2016/2(5). Электронный ресурс: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/75.html>

Мозговой С.А. К вопросу определения статуса морского культурного наследия // Журнал Института Наследия, 2016/3(6). Электронный ресурс: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/99.html>

Мозговой С.А. Морская звезда Никольского собора // Журнал «Россия. Наследие», 2016. № 1. Электронный ресурс: <http://russianasledie.ru/dostoyanie/zodchestvo/kronshtadt-morskaya-zvezda-nikolskogo-sobora.html>

Мозговой С.А. О статусе морского наследия // Морской сборник, 2017. № 5, — С. 31–38.

Мозговой С.А., Кочергина И.Н. Сто лет забвения. Памяти броненосного крейсера «Пересвет» // Нептун, 2017. № 1. — С. 58–63.

Мозговой С.А., Филин П.А. Опросные листы для выявления и описания морского наследия (на правах рукописи). — М.: Институт Наследия, 2011. — 8 с.

Религиоведение. Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2006. — 1256 с.

Религиозно-этические аспекты воспитания военнослужащих: Материалы международного семинара, состоявшегося в Международном независимом Эколого-политологическом университете (МНЭПУ). Сост. и ред. С.А. Мозговой. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998.

Рябов С.А. О немецко-фашистской линии «Хаген» в связи с историей Козельских засек // Природа и история Поугорья, 2009. Вып. 5. — С. 256–269.

Рябов С.А. Граница России с Норвегией за полярным кругом: культурный ландшафт как объект общего наследия // Международная конференция. Теоретические и практические проблемы сохранения культурного и природного наследия. Российско-норвежский семинар. Институт Наследия, 26–27 апреля 2010 г. — М. 2013. — С. 166–183, на рус. яз.

Рябов С.А. Граница Российской Империи и её пограничье, ставшие территорией зарубежных стран: проблемы изучения и сохранения наследия старых российских границ // Зарубежное наследие России. Сборник материалов Всероссийской научной конференции 14 октября 2015 г. — М.: Институт Наследия, 2015. — С. 6–21.

Филин П.А. Шитое судно в центре Стокгольма // Нептун, 2011. № 6. — С. 12–14.

Филин П.А. История арктического судостроения и мореплавания в эпоху средневековья. Основные итоги и перспективы исследований // Тезисы науч. конф. «История изучения и освоения Арктики — от прошлого к будущему» (12–13 сент. 2012 г., Архангельск). — Архангельск, 2012 — С. 20–22.

Филин П.А. Гаврило М.В. Проблемы сохранения объектов культурного наследия в Арктике // Морская политика России, Декабрь 2012. — С. 30–33.

Филин П.А., Савинов М.А. 95 лет легендарному ледоколу «Красин» // Катера и яхты, 2012. № 240. — С. 116–119.

Хазин О.А. Трудный путь к Полтаве. — М.: Институт Наследия, 2001. — 104 с.

Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. — М.: Академический проект Гаудеамус, 2008. — 1520 с.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ СЕКТОРА ЮГА РОССИИ: ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА ОТ КУБАНИ ДО ВОЛГИ

Южнороссийская комплексная экспедиция Института Наследия начала свою работу в 1992 г. под руководством Н. М. Булатова, а немного позднее на её базе был создан Сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России, который просуществовал до 2013 г. Вследствие происходивших в период 2013—2016 гг. многократных переименований и перегруппировок структурных подразделений Института Наследия, перечислять которые здесь не имеет смысла, в настоящее время сотрудники бывшего Сектора Юга России работают совместно с сотрудниками бывшего Сектора охраны и использования археологического наследия во вновь созданном Центре археологического наследия.

В разные периоды времени сотрудниками Сектора комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России были: Н. М. Булатов — с 1992 по 1994 г.; С. Б. Вальчак — с 1993 по 1998 г.; И. В. Волков — с 1995 г. по настоящее время; Е. Р. Гракина — с 1998 по 2003 г.; В. С. Житенёв — с 1998 по 2001 г.; Э. Л. Панина — с 1997 по 2003 г.; В. В. Верецагин — с 2003 по 2009 г.; Л. Р. Шакирова — с 2003 по 2008 г.; А. В. Козлова — с 2005 по 2008 г.; А. В. Кулиш — с 2009 по 2012 г.; О. В. Лопан — с 2008 по настоящее время.

Основные итоги работы Сектора комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России и Южнороссийской комплексной экспедиции за период 1992—2002 гг. отражены в статье руководителя подразделения И. В. Волкова, вышедшей в Информационном сборнике Института Наследия, посвящённом 10-летию Института (Волков, 2002).

В 1992—1994 гг. Южнороссийская экспедиция под руководством Н. М. Булатова проводила полевые исследования в Астраханской области на территории города Сарая — столицы Золотой Орды (Селитренное городище). На раскопе XX были исследованы остатки мавзолея представителей золотоордынской знати с погребениями в подземной камере. Примечательно, что исследованный участок могильника, возникшего после запустения этой части городища, был огорожен толстой кирпичной стеной, что свидетельствует о ранге погребённых. К сожалению, из-за скорострительной смерти Н. М. Булатова работы на раскопе не были завершены и не получили должного отражения в публикациях.

В 1995–2000 гг. работы Южнороссийской комплексной экспедиции проводились главным образом в Ростовской области и в Краснодарском крае. За это время были проведены разведочные обследования побережий Таганрогского залива и Азовского моря, обследования и топографическая съёмка русских крепостей Миусского полуострова, геоморфологические исследования побережья. Была разработана методика поиска средневековых поселений по ландшафтным признакам. Получены новые данные о процессах освоения степной зоны оседлым населением, о судьбе древнерусского населения Приазовья после исчезновения Тмутараканского княжества, о закономерностях образования городов на территории Золотой Орды (Волков, 2000; Волков, 2003б). Геоморфологические исследования позволили определить некоторые закономерности в динамике изменения береговой линии Таганрогского залива. Стержнем исследований стала проблема несоответствия данных разнородных картографических и археологических источников: в степной зоне в целом выявлено очень много поселений золотоордынской культуры, не известных по письменным источникам, а на морском побережье — зафиксировано множество названий поселений, но для абсолютного большинства не было сопоставимых синхронных археологических памятников. В процессе работы была составлена карта средневековых населённых пунктов и прочих топонимов и гидронимов, получивших отражение в номенклатуре портоланов Азовского моря XIII–XIV вв. (Волков, 2002а). Были установлены средневековые названия почти всех населённых пунктов обследуемого региона.

Проведённые в 1995–1996 гг. раскопки на территории Семёновской крепости, где исследовалось поселение XIII в. (соответствующее порту Кабарди итальянских портоланов) и анализ керамической коллекции памятника позволили выделить своеобразный керамический комплекс 40–60-х гг. XIII в. (комплекс «Кабарди»), набор и соотношение групп керамического импорта в котором существенно отличается и от домонгольских и от золотоордынских комплексов.

Раскопки поселения Казачий Ерик, проведённые в 1996–1997 гг., стали эталонными для характеристики культуры поселений 2-й половины XII в. в дельте Дона и на прилегающей части Приазовья. Эти поселения представляют очень компактный очаг оседлости. Самое крупное из них — Казачий Ерик, расположенное на территории одноимённого хутора. Вероятно, поселение соответствует городу Руссии, известному по письменным источникам и легендам вислых печатей. Возможно, ему же соответствует *cassale li rossi* — «посёлок русских», изображавшийся на европейских портоланах. В процессе исследований была разработана детальная хронология керамической тары, позволяющая определять даты поселений с точностью до полувека и уже. Основу для датировки, в первую очередь, дают «триллийские» амфоры с мелким гребенчатым рифлением и «трапезундские» с отпечатками мерной линейки на внутренней поверхности. Присутствуют на поселениях и горшки древнерусского облика.

Выявленные археологические материалы приводят к выводу, что значительную часть населения Приазовья на побережье Таганрогского залива и в Нижнем течении Дона составляли русские, хотя уже ко времени создания «Слова о полку Игореве» ко многим частям южной периферии Руси автор этого произведения относился как к «землям неизвестным». В остальном Приазовье синхронных поселений мало, а абсолютное

большинство прочих расположено на территории Таманского полуострова. Возникает вопрос, откуда же взялось здесь, у устья Дона, русское население, если зоны оседлости к северу от степных территорий, даже Белая Вежа (Саркел), в это время испытывают определённое запустение?

Ключом к решению этой научной загадки служат особенности заселения степей Приазовья и территории Таманского полуострова в XII в., а также политическая ситуация в предшествующие периоды. Вслед за печенежским нашествием и последующим падением Хазарского каганата в степной части Азовского побережья стремительно исчезают многочисленные поселения салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. На Таманском же полуострове, напротив, в XI веке (в период существования Тмутараканского княжества) наблюдается «демографический взрыв», когда число сельских поселений существенно увеличивается по сравнению с салтовским временем, хотя уже в 1-й половине XII в. абсолютное большинство этих поселений прекращает своё существование. В отношении состава населения этих многочисленных поселений Таманского полуострова можно лишь умозрительно предполагать, что это были в значительной части касоги и зихи. Однако напрашивается связь между столь выразительным всплеском оседлости и присутствием в Тмутаракани русских князей с их дружинами. Исчезновение этих поселений достаточно точно совпадает с прекращением упоминания Тмутараканского княжества в письменных источниках. Это наблюдение даёт основание для ответа на вопрос о том, откуда взялось население древнерусского происхождения в районе устья Дона и Таганрогского залива в середине XII в. — именно жители Таманского полуострова могли переместиться к устью Дона (Волков, 2002а).

В 2000–2002 гг. Южнороссийской экспедицией были проведены охранные раскопки средневековых памятников в плавнях Кубани, рядом с хутором Чёрный Ерик в Славянском районе Краснодарского края. Наблюдаемое в период XIII–XIV вв. резкое увеличение плотности населения в плавнях было связано с политическими событиями: в эти труднодоступные и малопригодные для жизни места адыги бежали от монгольского нашествия. Наиболее яркие материалы были получены в результате охранных раскопок на курганном могильнике XV в. Чёрный Ерик-1. Это — один из серии курганных могильников, расположенных вдоль древнего русла, в настоящее время совершенно пересохшего. Рядом находятся синхронные поселения, самое крупное из которых было укреплённым. Судя по монетным находкам, это поселение запустело в связи с турецким завоеванием 1475 г. В целом культуру открытых поселений можно считать эталонной для адыгов XIII–XV вв. (Волков, 2002б; Волков, 2007). В погребальном обряде могильника Чёрный Ерик прослеживаются важные параллели с другим адыгским могильником золотоордынского времени — Первомайским, расположенным в Крымском районе Краснодарского края в совершенно иных ландшафтных условиях, который в 1998 г. был исследован сотрудниками сектора.

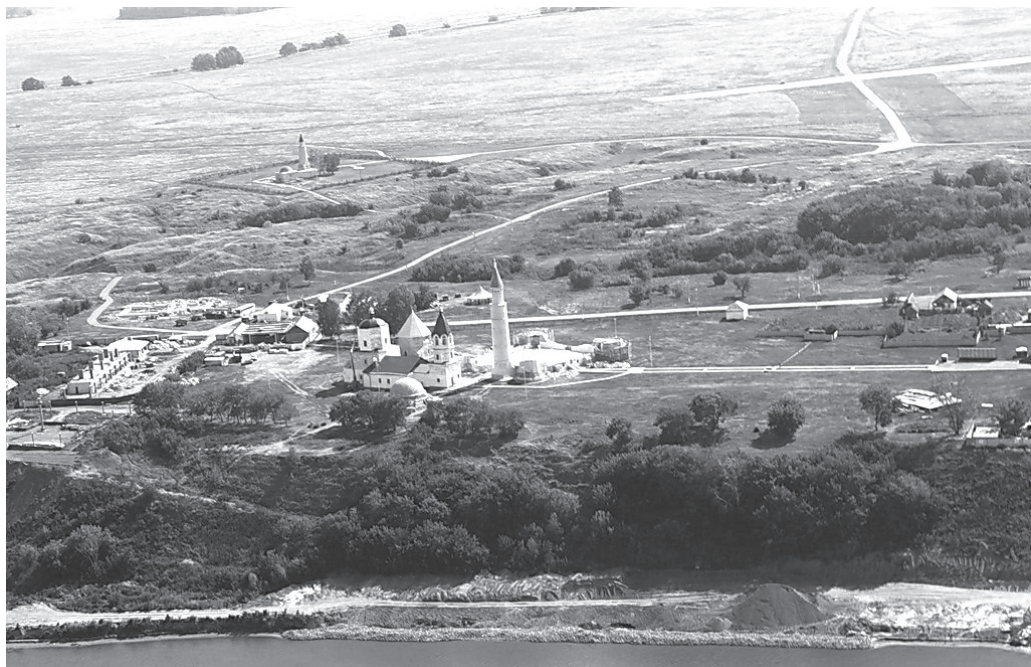
В 2003 г. сотрудники сектора в составе Поволжской экспедиции ИА РАН принимали участие в охранных археологических работах по трассе строительства ветки магистрального газопровода в Жирновском районе Волгоградской области (Лопан, Дворниченко, Волков, 2004; Дворниченко, Лопан, Мимоход, 2006; Захаров, Лопан, 2006).

В 2008—2009 гг. Южнороссийская комплексная экспедиция проводила раскопные охранно-спасательные работы на золотоордынском городище Ангелинский Ерик в Красноармейском районе Краснодарского края (Лопан, Волков, Верещагин, Обухов, 2011; Волков, Лопан, 2012). Городище Ангелинский Ерик долгое время фигурировало под названием Ангелинского селища (Анфимов, 1937; Монгайт, 1955; Алексеева, 1963), но в действительности данное городище, сопоставимое по площади с эмирскими городами Золотой Орды, является крупнейшим золотоордынским городом бассейна Кубани. Обилие монетных находок также не оставляет сомнений, что поселение являлось городом. Высока вероятность того, что именно этот памятник представляет собою город Шакрак, упомянутый в географическом сочинении Абу-л-Фиды «Упорядоченье стран»: размер городища Ангелинский Ерик и его расположение между Таманью и Азаком соответствует описанию арабского географа (Волков, 2005; Волков, 2009).

Ангелинское городище находится на границе дельты Кубани, у ответвления крайней правой протоки — Ангелинского ерика. К этому месту от Тамани вёл самый удобный путь по правому берегу Кубани, а далее к северу шла самая короткая дорога по степи (в обход плавней) в Азак. Место для города выбрано в резкой излучине ерика, защищающей его с трёх сторон от степи. В его центральной части, несмотря на постоянную распашку, ещё виден микрорельеф: холмы от особо крупных общественных и производственных построек. Судя по нумизматическим находкам и керамике, город существовал с последнего десятилетия XIII в. до 1364 г., а расцвет его приходился на 1340-е гг. (Волков, 2003а; Волков, 2005; Волков, Лопан, 2009а; Волков, Лопан, 2009б).

В 2008—2009 гг. были проведены первые существенные раскопки на городище (Волков, Лопан, 2009а; Волков, Лопан, 2009б; Волков, Лопан, 2013). В ходе работ было частично исследовано здание мечети и прилегающие к ней водоёмы с мощёными подходами. От сооружения сохранились траншеи фундамента стен, а сама кирпичная кладка на глиняном растворе была некогда почти полностью выбрана местным населением на хозяйственные нужды. Мечеть имела прямоугольную форму: ширина здания составляла 12 м, а длина, судя по размерам оставшейся части холма, была больше приблизительно в полтора раза — эти габариты очень близки к размеру мечети Узбека в Старом Крыму. Снаружи северной стены находилась крытая галерея, от которой остались две базы колонн. Открытого двора не было — внутреннее пространство здания занимал колонный зал в два ряда колонн, от которых сохранились кирпичные базы. Вход в постройку находился в северной части западной стены. По бокам от дверного проёма располагались два пилона от айвана. Полученные данные весьма важны для изучения золотоордынской культовой архитектуры.

С 2012 года основным направлением полевых исследований Сектора Юга России стало участие в работах на Болгарском городище, организованных Республиканским Фондом возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан и Академией Наук Республики Татарстан. Во многом благодаря результатам этих работ Болгарский историко-археологический комплекс в 2014 г. был включён в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО (Археологические..., 2015).

Вид на Болгарское городище со стороны Куйбышевского водохранилища

В 2012–2016 гг. под руководством И. В. Волкова и О. В. Лопан на Болгарском городище было исследовано более 1400 кв. м. культурного слоя (раскопы 175, 178, 194, 201, 202, 203, 217). Изучены остатки нескольких каменных построек золотоордынского периода, расположенных в удалённой от реки малоисследованной южной части городища; найдено более двух с половиной тысяч разнообразных предметов материальной культуры XIII–XIV веков. В результате проведённых исследовательских работ были получены новые данные об исторической топографии, динамике заселения и о культурных ландшафтах ранее малоизученных окраин Болгарского городища.

На южной окраине Болгарского городища были исследованы остатки двух усадеб, от которых сохранились углублённые в материк земляные конструкции (раскопы 175 и 217).

На раскопе 217, расположенном на восточной оконечности южной окраины городища, были выявлены столбовые и хозяйственные ямы, связанные с неким наземным сооружением, которое было возведено с применением дерева и сырцового кирпича, и, судя по находкам монет, функционировало в 1330–1340-х гг. (Волков, Лопан, Ситдииков, 2017).

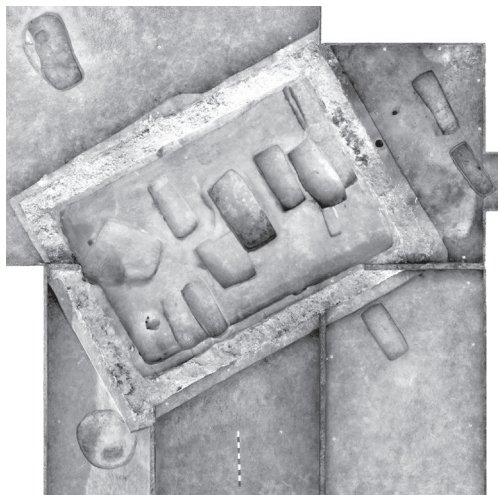
На раскопе 175, расположенном на западной оконечности южной окраины городища, исследованы хозяйственные ямы и остатки более крупного сооружения, которое могло быть погребом или землянкой (Археологические..., 2013). Всё это свидетельствует о наличии рядом какой-то усадьбы. На это же указывают остатки выявленного частокола. Судя по найденным монетам, участок осваивался очень непродолжительное время — в 1330–1340-е гг., а затем был превращён в кладбище — в юго-западном углу раскопа, отделённом линией частокола, были вскрыты остатки погребений, совершённых по мусльманскому обряду не ранее 1340-х гг.

Статусное положение владельцев жителей усадьбы и их зажиточность подчёркивают находки предметов вооружения; целая серия довольно редко встречаемых железных деталей наременной гарнитуры и конской сбруи аскизского облика; различные украшения; достаточно большое, в целом, количество фрагментированной парадной посуды, среди которой представлены стеклянные сосуды и селадон, обломки хорезмского кувшина, а также поливная керамика — разнообразная кашинная нижеволжского изготовления и посуда крымского, и даже византийского производства.

На площади расположенного поблизости раскопа 178 никаких следов древней хозяйственной деятельности не выявлено — здесь были встречены лишь мусульманские захоронения, одно из которых датируется монетой 1340-х гг. Скорее всего, судя по отсутствию каких-либо бытовых сооружений и по минимальному количеству находок, весьма продолжительное время это место было отдалённым городским пустырьём или занято огородами.

По сведениям различных источников, в том числе и согласно планам Болгарского городища, составленным в XVIII—XIX вв., количество каменных монументальных построек на окраинах памятника некогда было весьма значительным. Однако здания эти в абсолютном своём большинстве давно уже разрушены добытчиками строительных материалов, а остатки их фундаментов ныне погребены под пахотным слоем. Проблема поиска, изучения и музеефикации остатков мемориальных сооружений приобрела особую актуальность в связи с работами по подготовке к включению Болгарского городища в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и с целью повышения туристической привлекательности Болгарского историко-археологического музея-заповедника. Для определения местоположения древних сооружений применялись различные естественнонаучные методы, которые, к сожалению, оказались недостаточно эффективными. Авторами данной работы была предложена методика поиска остатков монументальных сооружений, апробированная в ходе работ 2014—2016 гг. Суть предложенной методики заключается в перекрёстном анализе старых планов Болгарского городища, относящихся к XVIII—XX вв. (из которых наиболее информативен план Н. Ф. Калинина, составленный в 1932—1942 гг.), и общедоступной космосьёмки, снабжённой интерактивными привязками в системе географических координат. Говоря упрощённо, старые планы позволяют определить местоположение сооружений очень приблизительно, с точностью до двухсот метров, а затем на космических снимках следует подобрать подходящее пятно и выписать его координаты по показаниям курсора на мониторе (доступна точность до сотой доли секунды). Остаётся только определить на месте по навигатору приблизительные границы пятна объекта. Надо признать, что предложенная методика выявления объектов оказалась достаточно результативной — благодаря её использованию в южной и юго-восточной частях Болгарского городища были выявлены остатки нескольких каменных сооружений золотоордынского периода.

От построек сохранились траншеи фундаментов, заполненные битым камнем и кусками известкового раствора, которые отчасти позволяют реконструировать особенности планировки сооружений. Здания были окружены захоронениями золотоордынского времени. Две постройки можно с уверенностью интерпретировать как мавзолеи. Исследованные погребения, как в самих мавзолеях, так и на участках кладбищ, примыкающих к зданиям, были совершены по мусульманскому обряду.

*Болгарское городище. Раскоп 202, вид сверху.
Прямоугольный мавзолей*

*Болгарское городище. Раскоп 203, вид сверху.
Квадратный купольный мавзолей.
Вход с пилонами — на юго-западе*

На западной оконечности южной окраины Болгарского городища были исследованы остатки трёх каменных сооружений (раскопы 201, 202, 203) (Ситдииков, Волков, Лопан, 2015; Волков, Лопан, Ситдииков, 2016).

Самым южным из исследованных сооружений являлся большой каменный мавзолей прямоугольной планировки, содержащий 17 погребений (раскоп 202). За пределами здания были раскопаны ещё 4 захоронения, в одном из которых встречена медная монета 1330-х гг.

Мавзолею, от которого сохранились траншеи фундамента, предшествовала располагавшаяся к северу от здания яма-погреб, время функционирования которой определяется не ранее чем периодом обращения найденной здесь монеты типа 12 по С.А. Яниной (до 1330-х гг.) (Янина, 1954. С. 431, 432). Вероятно, данная яма, также как и прослеженная к востоку от мавзолея яма для отжига извести, была связана непосредственно со строительством мавзолея. Здание было возведено на пустыре: на это также указывает крайне малое количество находок.

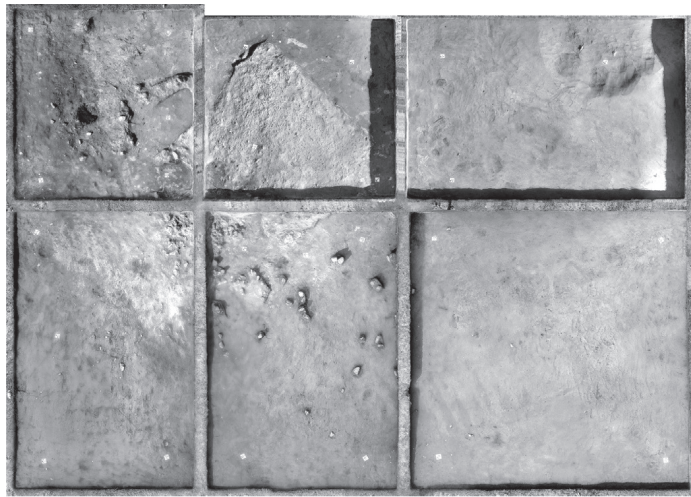
Внутри исследованного на раскопе 203 небольшого, квадратного в плане, мавзолея с пилонами были выявлены три разрушенных погребения.

Снаружи здания также располагались мусульманские захоронения. На время постройки мавзолея указывает найденный под сохранившимся небольшим куском фундамента северной стены клад серебряных изделий, включавший 100 монет. Особенностью клада является преобладание в его составе монет фракции дирхема в 1/5 веса. Все найденные монеты принадлежат к известным типам, датирующимся последним десятилетием XIII в. или началом XIV в., что позволяет относить мавзолей к числу самых ранних каменных мемориалов на городище. На ранний характер сооружения косвенно указывает и его местоположение — здание располагалось на одной из самых возвышенных, выгодных для обзора, точек городища и неудивительно, что именно здесь

и был сооружён один из первых мавзолеев Болгара. Следов предшествующей застройки на исследованной площади не выявлено, однако, довольно большое количество находок на раскопе косвенно указывает на наличие неподалёку участков бытовой застройки.

Особенность исследованного мавзолея состоит в том, что погребения в нём были начисто разграблены. Обычно в мавзолеях Болгарского городища наблюдаются незначительные и очень выборочные нарушения-мусульманских погребений, поскольку в них по нормам обряда никаких вещей быть не должно. Здесь же ещё до разбора стен весь внутренний грунт, вплоть до твёрдого материкового суглинка, был выброшен наружу, а затем, после непродолжительного времени, засыпан обратно в яму. Мощным стимулом для подобных земляных работ мог стать поиск сокровищ — можно предполагать, что найденный нами клад был не единственным, сокрытым в этом мавзолее. На время ограбления и разрушения мавзолея указывают найденные в перекопах фрагменты поливной русской керамики и пара больших мужских нательных крестов XVIII — начала XX вв.

Остатки небольшого каменного бесфундаментного сооружения размерами около 3 x 3,3 м были выявлены на раскопе 201. К северо-востоку от него располагалось мусульманское кладбище, а к юго-западу — древняя дорога, спускающаяся с террасы.

Болгарское городище. Раскоп 201, вид сверху. Предположительно — «фонтан» чешме. Пилоны арочной ниши — на юго-западе, основной прямоугольник — основание резервуара (суюн-депо); в перекрестии бровок — углубление курны

В плане это сооружение представляет собою прямоугольник с пилонами в створах торцевых границ, обращёнными на юго-запад. Это свидетельствует о наличии арочной ниши в юго-западной стене. Между пилонами находилось округлое углубление. Вероятнее всего, это — остатки чешме (фонтана в первоначальном смысле этого слова, источника воды). Такие «общественные водные колонки» были широко распространены в мусульманских городах, и имели сходный набор технических признаков: резервуар (которому соответствует основной прямоугольный контур сооружения) наполнялся

водой посредством трубопровода, а в арочной нише лицевой стороны находился кран. Перед краном должна располагаться сложенная или вытесанная из камня открытая ёмкость для воды (курна). Видимо, в нашем случае, для заполнения резервуара использовался наземный водопровод, проведённый от ближайшего колодца, на что указывает обилие обломков керамических труб на территории кладбища.

Такие сооружения прежде не были исследованы на Болгарском городище, хотя в городских банях краны с горячей и холодной водой и курны были устроены аналогичным образом. Надо полагать, даже во время запустения городища ландшафт этого участка выглядел весьма живописно: склон террасы, источник и кладбище с деревьями.

В юго-восточной части городища, к югу от «Ханской усыпальницы» и Малого минарета, были прослежены археологические напластования и комплексы золотоордынского времени, относящиеся как минимум, к четырём строительным горизонтами, отражающим этапы хозяйственного освоения данного участка (раскоп 194) (Волков, Лопан, Ситдилов, 2014).

Судя по найденным монетам, участок осваивался со второй половины XIII в. — к этому периоду относится несколько ям. Ко времени до 1340-х гг. относятся остатки некоего сооружения, оборудованного каном, и большая часть хозяйственных ям. В 1340-х гг. на участке был возведён каменный дом с системой отопления в виде кана, входом в арочной нише, от которой сохранились выступающие пилоны, и с башенкой, располагавшейся справа от входа. Это здание, от которого ныне сохранились лишь траншеи фундамента, просуществовало до 1360-х гг.: младшая монета, связанная с этим сооружением — пул хана Хызра с надчеканкой.

Находки в целом позволяют предполагать, что исследованное сооружение было общественным и предназначалось для приёмов, размещения сборщика пошлин или чего-то подобного. Вероятно, подобную роль участок играл ещё до того, как было построено каменное сооружение. Рядом с остатками каменного здания в раннезолотоордынскую яму были впущены два погребения того периода, когда здание уже разваливалось — заполнение погребений содержало обломки архитектурных деталей. Вероятно, уже с 1360-х гг. участок запустевает и вскоре его начинают использовать как кладбище. Эти данные в целом соответствуют сведениям, полученным в ходе предшествующих работ в юго-восточной части городища: выявленные здесь позднейшие бытовые горизонты относятся к позднезолотоордынскому периоду и датируются находками предметов 40–60-х гг. XIV в., а несколько исследованных ранее мавзолеев, перекрывающих остатки бытовой застройки золотоордынского времени, относятся к позднему этапу жизни города и датируются концом XIV — началом XV вв. (Баранов, 2016).

Болгарское городище. Раскоп 194, вид сверху. «Дом с башенкой» и системой отопления под суфой. Вход между пилонами арки — на северо-востоке

Таким образом, проведённые исследования позволяют сделать следующие выводы, касающиеся динамики освоения периферийных частей Болгарского городища. В золотоордынское время южные окраины Болгарского городища были заселены неплотно: здесь наблюдаются участки локальной усадебной застройки 1330–1340-х годов (раскопы 175, 217), перемежаемые пустырями или огородами, где даже в пахотном слое встречаются лишь единичные находки (раскоп 178). Минимальное количество находок или даже их полное отсутствие зафиксировано также в некоторых шурфах и раскопах, заложенных другими исследователями в южной части городища (Ситдиков, Сивицкий, Беляев, Хазиев, 2016). Отдельные мавзолеи и кладбища появляются на южной окраине городища ещё на рубеже XIII–XIV вв. (раскоп 203) и в период не позднее 30-х гг. XIV в. (раскоп 202). Максимум по площади и интенсивности развития город достигает в 1340-х гг., когда и возводятся оборонительные сооружения, составляющие один из главных элементов культурного ландшафта памятника (Губайдуллин, 2016). Затем жизнь на южных окраинах затухает, и они покрываются сетью кладбищ. На время запустения южных окраин города указывают погребения, перекрывающие на раскопе 175 хозяйственную застройку, датированную монетами 30–40-х гг. XIV в., а также найденная на близрасположенном раскопе 178, в погребении 4, монета типа «двуглавый орел» (чекан Сарая-ал-Джедид, 743 г.х.: 1342/43 гг.) (Янина, 1954). В целом монеты этого типа доминируют на всех раскопах южной периферии городища (в том числе на раскопе 217), при этом они имеют очень короткий период обращения, не выходящий за рамки 40-х гг., поскольку они практически не встречаются в составе золотоордынских кладов последующих десятилетий.

С какими историческими событиями, произошедшими в четвёртом десятилетии XIV в., можно было бы связать и какой пагубой можно объяснить резкое сокращение хозяйственно освоенных территорий на южных окраинах Болгарского городища и разрастание на их месте кладбищ?

Главной трагедией 40-х гг. XIV в. стала пандемия чумы, проникшая из Азии и прокатившаяся по Европе. «Рогожский летописец» свидетельствует, что первой волной чёрной смерти оказались охвачены и земли Улуса Джучи: «Въ лето 6854 [1346] ... бысть казнь на люди отъ Бога подь въосточню страну въ Орде и въ Ворначе и въ Сарай и въ Бездежи и въ прочих градехъ и странахъ ихъ. И бысть морь на люди великъ и на Бесермены и на Татары и на Ормены и на Бесы и на Жиды и на Фрясы и на Черкасы, и прочаа человеки тамо живуцца в нихъ. Толь же силенъ бысть морь въ нихъ, яко не бе мощно живымъ мертвыхъ погребати» (Рогожский летописец..., 2000. С. 61: Л. 279). А в «Русском хронографе» значится: «В лето 6856 казнь бысть от Бога — морь на бесермены въ Орначи и Сарай и во Азътаракани и инымъ градомъ, ако немощно ихъ и погребати» (цит. по: Хайдаров, 2016. С. 98).

Но упоминаний болгарских земель в связи с чумной эпидемией, случившейся в 40-х гг. XIV в. в Улусе Джучи, в письменных источниках не содержится (Гагин, 2015; Хайдаров, 2016). Таким образом, прямых свидетельств о том, проникла ли в это время «чёрная смерть» в Среднее Поволжье, не имеется. И. А. Гагин даже допускает, что само отсутствие упоминания в русских летописях болгарских городов позволяет предполагать, что в 40-х гг. XIV в. Среднее Поволжье от чумной эпидемии особо не пострадало, поскольку иначе «летописи непременно упомянули бы в перечислении болгарские города, памятуя о том, что они находятся в непосредственной близости от границ Руси» (Гагин, 2015. С. 314, 315).

Болгарское городище. Раскоп 194. Рабочий момент

Однако масштабное археологическое изучение окраин Болгарского городища и выявленные в процессе исследований материалы, отражающие общую тенденцию — когда в пределах одного десятилетия сразу же вслед за максимальным расцветом города, отмеченным обваловкой огромной территории, следует быстрое сокращение освоенной площади и увеличение числа кладбищ, — позволяет взглянуть на проблему в ином ракурсе. Учитывая также отсутствие сведений о военных и политических конфликтах в болгарских землях 40-х гг. XIV в., которые могли бы привести к сокращению населения на Болгарском городище, остаётся с большой осторожностью предполагать, что запустение южных окраин и появление на их месте новых кладбищ в 40-е гг. XIV в. могло быть вызвано чумной эпидемией в Орде.

Позднее, во 2-й половине — конце XIV в., на южной периферии городища продолжают возводиться новые мавзолеи, вокруг которых затем разрастаются могильники (Аксенова, 2001; Ёлкина, 2014; Ёлкина, Лазукин, 2016; Беляев, Ёлкина, Лазукин, 2016).

Жизнь на территориях, расположенных ближе к центральной части города, продолжалась несколько дольше. В юго-восточной части городища нами была выявлена жилая и хозяйственная застройка 2-й пол. XIII — 60-х гг. XIV в., перекрытая позднейшими захоронениями (раскоп 194). На позднем этапе существования города на юго-восточных его окраинах возводятся новые мавзолеи, датируемые концом XIV — началом XV вв. (Аксенова, 2001), а прилегающие территории также покрываются кладбищами.

Результаты работ на Болгарском городище отражены в серии научных публикаций, а археологические находки дополнили фонды Болгарского музея-заповедника и экспозицию Музея болгарской цивилизации. Благодаря проведённым изысканиям появилось

значительно больше данных об историческом культурном ландшафте Болгарского городища и динамике его освоения.

Помимо работ по перечисленным направлениям сотрудниками Сектора Юга России с момента его создания было подготовлено и опубликовано более 200 научных работ, посвящённых различным аспектам средневековой археологии и смежных исторических дисциплин — картографии, эпиграфики, нумизматики, а также вопросам, связанным с охраной археологического наследия РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федово-Давыдов. — М.: Наука, 2001. — С. 206–223.

Алексеева Л.П. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды КЧНИИИЯЛ. Вып. IV. — Нальчик, 1963. — С. 145–253.

Анфимов Н.В. Отчёт по открытому листу № 28/186 от 11–04–37 г., о проведённых работах по обследованию и изучению средневекового поселения на Ангелинском ерике близ ст. Ивановской // Архив КГИАМЭ, д. 167.

Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ, 2013. — 34 с.

Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ, 2015. — 40 с.

Баранов В.С. Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара // Город Болгар: Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. — М.: Наука: 2016. — С. 192–245.

Беляев Л.А., Ёлкина И.И., Лазукин А.В. Новые исследования на территории Малого городка Болгара // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. — Казань: ИА АН РТ, 2016. — С. 15–21.

Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А. Курганный могильник Песковка-1 // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. — Волгоград: НИИ археологии Нижнего Поволжья; ИА РАН, 2006. — С. 6–20.

Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–X–III вв. // Русь в XIII в.: Континуитет или разрыв традиций? — М.: ПЕР СЭ, 2000. — С. 18–24.

Волков И.В. Сектор комплексного исследования культурного и природного наследия Юга России // Наследие и современность: 10 лет Институту Наследия. Информационный сборник. Вып. 10. — М.: Институт Наследия, 2002а. — С. 182–203.

Волков И.В. Археологические памятники Ачуевского мыса // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. — Краснодар: Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, 2002б. — С. 158–160.

Волков И.В. О некоторых находках монет в Краснодарском крае // Материалы и исследования по археологии Кубани. — Краснодар, 2003а. Вып. 3.

Волков И. В. Поселения Приазовья в XII—XIII вв. // Русь в XIII веке: Древности темного времени. — М.: Наука, 2003б. — С. 108—130.

Волков И. В. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. — Краснодар, 2005. — С. 348—379.

Волков И. В. Поливная керамика могильника Чёрный Ерик — 1 // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.»: II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.): Тез. конф. — Ялта: Крымский филиал ИА НАНУ, 2007. — С. 26—32.

Волков И. В. Возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвящённой памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова, 30 сентября — 3 октября 2008 года / Донские древности. Вып. 10. — Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. — С. 85—92.

Волков И. В., Лопан О. В. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. — Краснодар: Кубанский Гос. ун-т, 2009а. — С. 43—47.

Волков И. В., Лопан О. В. Мечеть золотоордынского города Шакрака: некоторые наблюдения об истоках культовой архитектуры Золотой Орды // Форум «Идель — Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай»: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7—11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. — Казань: Институт истории АН РТ, 2009б. — С. 62—64.

Волков И. В., Лопан О. В. Городище Ангелинский Ерик: основные итоги исследований // Наследие и современность: Информационный сборник. Вып. № 18. — М.: Институт Наследия, 2012. — С. 167—197.

Волков И. В., Лопан О. В. Мечеть золотоордынского городища Ангелинский Ерик // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Болгарского форума 21—23 мая 2011 г., г. Казань / Археология евразийских степей. Вып. 17. / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. — Казань: Институт Истории АН РТ, 2013. — С. 47—52, 4 илл. на вклейке.

Волков И. В., Лопан О. В., Ситдииков А. Г. Раскоп СХСIV // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ, 2014. — С. 20—21.

Волков И. В., Лопан О. В., Ситдииков А. Г. Исследования мавзолеев на юго-западной окраине Болгарского городища в 2015 г. (Раскопы ССI, ССII, ССIII) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ; ЗАО ИД Казанская недвижимость, 2016. — С. 16—18.

Волков И. В., Лопан О. В., Ситдииков А. Г. Раскоп ССХVII на южной окраине Болгарского городища // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ; ЗАО ИД Казанская недвижимость, 2017. — С. 16—17.

Гагин И. А. Чума в истории Руси и Волжской Булгарии // Исторический формат, 2015. № 4. — С. 312—318.

Губайдуллин А. М. Археологические исследования оборонительных сооружений Болгарского городища золотоордынского периода // Археологические исследования

2015 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ; ЗАО ИД Казанская недвижимость, 2016. — С. 21–22.

Ёлкина И. И. Мавзолей XIV в. в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология, 2014. № 2. — С. 131–144.

Ёлкина И. И., Лазукин А. В. Раскоп ССХIV // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ; ЗАО ИД Казанская недвижимость, 2016. — С. 26–27.

Захаров П. Е., Лопан О. В. Средневековый курган Песковка-2 // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. — Волгоград: НИИ археологии Нижнего Поволжья; ИА РАН, 2006. — С. 21–31.

Лопан О. В., Дворниченко В. В., Волков И. В. Результаты исследования курганного могильника Песковка-1 в Жирновском районе Волгоградской области // Археологические открытия 2003 г. — М.: Наука, 2004. — С. 259–261.

Лопан О. В., Волков И. В., Верещагин В. В., Обухов Ю. Д. Работы на городище Ангелинский Ерик и в его округе // Археологические открытия 2008 г. — М.: ИА РАН, 2011. — С. 306.

Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА. XXIII, 1955.

Рогожский летописец. Тверская летопись // Русские летописи. Т. 6. — Рязань: Цепков А. И., 2000. — 608 с.

Ситдииков А. Г., Волков И. В., Лопан О. В. Раскопки на юго-западной окраине Болгарского городища (Раскопы ССI, ССII, ССIII) // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. — Казань: ИА АН РТ, 2015. — С. 22–24.

Ситдииков А. Г., Сивцукий М. В., Беляев А. В., Хазиев А. И. Результаты археологических исследований на территории Болгарского городища в 2015 году (раскопы ССVII–ССXII) // Археологические исследования в 2015 г. Болгар и Свияжск. — Казань, 2016. — С. 23–24.

Хайдаров Т. Ф. Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация, 2016. № 9. — С. 96–01.

Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. — М.: Наука, 1954. — С. 424–484.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАМЯТНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЛОВЕЦКОГО ОТРЯДА МАКЭ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Деятельность Морской Арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) началась в 1988 г. под руководством П. В. Боярского, а с 1992 г. органично вошла в исследовательскую тематику Института Наследия при сохранении самостоятельного — МАКЭ — подразделения, в рамках которого был создан Сектор исследований Соловецкого архипелага и Беломорья (Соловецкий отряд МАКЭ). Этот сектор в 1992—2010 гг. успешно возглавлял Вячеслав Павлович Столяров. Основной состав сектора, который со временем дополнялся и изменялся, включал, наряду с руководителем, к.г.н., геоморфолога Г. Н. Колосову; архитектора В. А. Савина; к.и.н., археолога Е. А. Саликова; физико-географа Ю. С. Захарова; к.и.н., этнографа П. А. Филина; картографа-дизайнера О. А. Коробову. В последние годы в секторе работали: канд. тех. наук, специалист по геоинформационным технологиям В. С. Грузинов; психолог В. В. Рябиков (зав. сектором в 2011—2013 гг.).

К активным полевым изысканиям постоянно привлекались сотрудники и других институтских секторов и отделов: Сектора культурного и природного наследия Арктики: в.н.с., к.г.н. И. Г. Авенариус и с.н.с. А. Н. Кулиев; Сектора Российского национального атласа, зав. сектором к.г.н. А. И. Ельчанинов и с.н.с. А. А. Парамонова; Сектора управления культурными ландшафтами, зав. сектором к.г.н. М. Е. Кулешова. Достойный вклад в тематические исследования сектора внесли учёные из других организаций: канд. искусствоведения В. В. Скопин, доктор геол.-мин. наук, проф. П. В. Флоренский, ботаники д.б.н., проф. В. С. Новиков, к.б.н. К. В. Киселёва, к.б.н. Н. Б. Октябрьева, орнитолог, к.б.н. А. Е. Черенков, биолог, заведующая Соловецкой биостанцией Н. Н. Черенкова и др.

За те, как оказалось, не столь долгие годы работы института в жизни сектора принимали участие и выдающиеся учёные, и влюблённые в свою работу и Соловки самоотверженные профессионалы, и желающие им помочь друзья-любители, и энтузиасты, и вступающие в научную жизнь молодые специалисты. Сеем надеяться, что для них так же, как и для нас, совместно проведённое время в стенах института, возглавляемого Ю. А. Ведениным, на улице Космонавтов, 2 и в экспедициях,

оставило самые дорогие воспоминания. Что невозможно забыть о наших многолетних коллективных трудах, научном поиске, переправах на утлых лодках сборщиков ламинарий через бурную Анзерскую салму, многокилометровых переходах с рюкзаками и снаряжением через буреломы и болота; об общих достижениях, праздниках и просто отдыхе на островах — в домах друзей, в промысловых избушках, у костров, у раскопов, у берегов озёр и у Белого моря.

* * *

Основной целью Сектора изучения Соловецкого архипелага и Беломорья и Соловецкого отряда МАКЭ было комплексное изучение культурного и природного наследия Соловецких островов. Широкое привлечение специалистов в области истории, этнологии, археологии, геологии, географии, биологии, картографии было изначально обусловлено концепцией комплексности исследований природных, археологических и историко-культурных объектов, их всестороннего *памятниковедческого* обследования и описания с использованием методики П. В. Боярского¹. Культурное наследие на островах представлено памятниками главным образом монастырского времени и домонастырского (языческого) периода, поэтому археологические изыскания имеют здесь ключевое значение.

Задачами автора данной статьи — историка и археолога — были: поиск, фиксация, обследование и археологическое изучение памятников археологии обоих периодов, с привлечением результатов совместной полевой работы географов, петрографов, биологов и картографов.

Следует отметить, что изучением археологических памятников Соловков занимались и занимаются такие известные археологи, как В. А. Буров, исследовавший объекты монастырского времени, и А. Я. Мартынов, продолживший работы А. А. Куратова по поиску и обследованию стоянок неолитической и последующих эпох, а также языческих культовых мест и объектов. Однако нами сознательно планировались и проводились полевые изыскания таким образом, чтобы не дублировать работу уважаемых специалистов в указанных областях, а вести параллельный, «дополняющий» научный поиск, с конечной задачей — впервые осуществить полный картографический учёт памятников, что и было в конечном итоге реализовано в виде карт и соответствующих указателей к ним (Соловецкие острова., 2001, 2005, 2006).

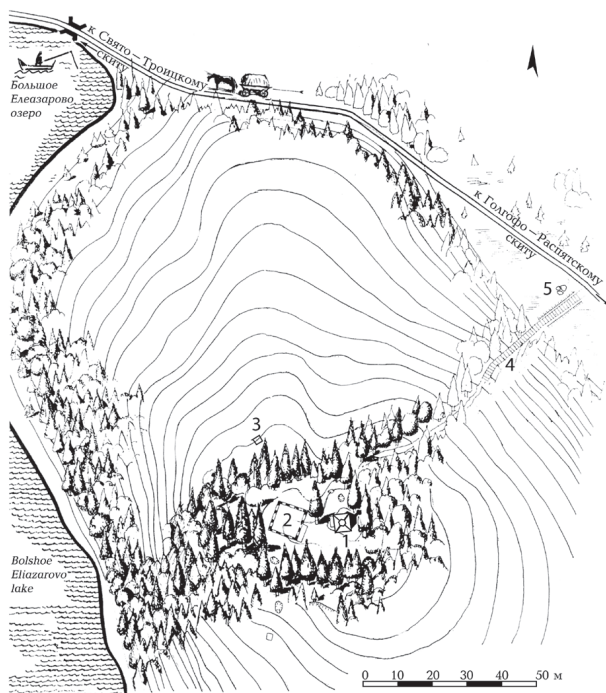
С 1988 года в ходе работ МАКЭ, а с 1994 по 2007 годы — в результате планомерной работы сотрудников Соловецкого отряда МАКЭ, на Соловках было выявлено и обследовано около 1700 объектов, значительная часть которых объединена в комплексы святилищ, часть — рассеяна мелкими группами по берегам Большого Соловецкого (более ста объектов), Большого Заяцкого (более 1030 объектов) островов и острова Анзер (более 580 объектов). Так, в 1988 году было проведено комплексное изучение уникальных комплексов святилищ на горе Сигнальная и горе Сопка на Большом Заяцком острове. В 1994 году обследованы памятники острова Большая Муксалма.

¹ Боярский П. В. Введение в памятниковедение. — М., 1990.

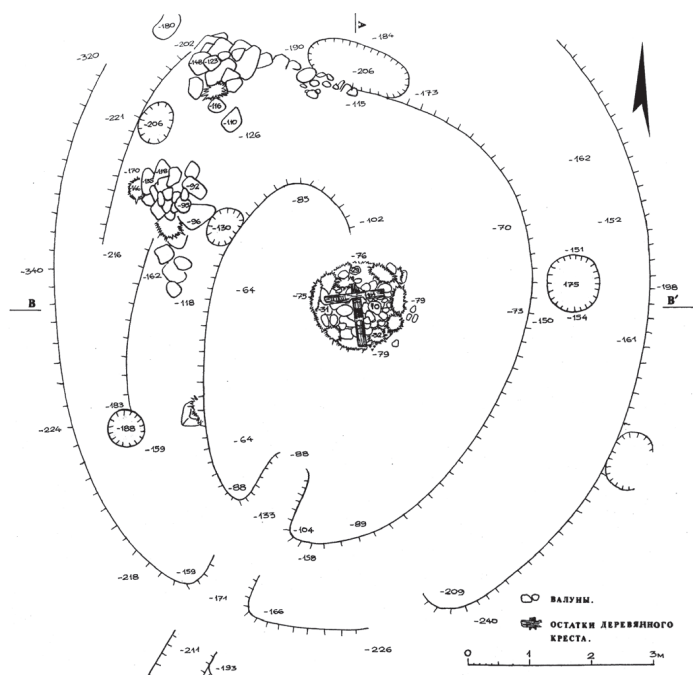

Участники экспедиции Соловецкого отряда 1995 года, о. Анзер, Елеазарова пустынь:
В.П. Столяров, П.В. Флоренский, Е.А. Саликов, Ю.С. Захаров

На протяжении многих лет систематически изучались группы памятников острова Анзер: на мысах Кеньга, Плотище Западный (Подгорное), Плотище Восточный, Капорский (Капельский), Лабиринтов (Восточный Капорский), Колгуев, Кирилловский, Вербокольский, Троицкий, Анзер. В результате сплошных разведок были выявлены комплексы археологических памятников на участке северного побережья между мысом Колгуев и маяком; на восточном берегу Троицкой губы; четыре группы объектов на северном, северо-западном и западном берегах Троицкого полуострова. В течение двух лет, в 1996–1997 годах, проводились археологические раскопки вновь обнаруженной сотрудниками Соловецкого отряда МАКЭ Елеазаровой пустыни, открытой в дальнейшем для посещения паломниками. На горé у Малего Елеазарова озера был открыт и описан уникальный памятник «Вавилон».

План Елеазаровой пустыни, о. Анзер

«Вавилон» у Малега Елеазарова озера, о. Анзер. План

На Большом Соловецком острове были проведены работы по памятниковедческому обследованию комплексов домонастырского и монастырского периодов на мысах Двинской, Перечь-Наволоок (Хайсты), Тонкий, на стрелке косы мыса Горелого, одиночных сооружений между Лапушиным и Варваринским озёрами. Установлена локализация и выполнено исследование памятников монастырского времени: остатков келий отшельников на западном берегу озера Большого Пустынного и на острове Амбарном, остатков часовен Варваринской, Преподобного Зосимы, Преподобного Германа. Проведено комплексное изучение строений на острове Новый Сосновый, остатков мельницы у озера Мельничного, сооружений Филипповских садков. Обследованы были также фортификационные сооружения и остатки построек советского времени на озере Амбарном, захоронение у мыса Батарейного.

Итогом полевой, камеральной и кабинетной работы отряда и сектора явились отчёты в полевой комитет Института Археологии РАН и рапорты в Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, сводные труды, содержащие описания археологических объектов домонастырского и монастырского периодов Соловков, топографические схемы святыщ, карты природного и культурного наследия архипелага, научные статьи и т.д. (см. библиографию).

Сотрудники сектора, уделяя основное внимание изучению наследия Соловецкого архипелага, не ограничивались в своих историко-археологических исследованиях Беломорским регионом — ряд специалистов неоднократно принимал участие в экспедициях МАКЭ на Новую Землю, Землю Франца-Иосифа, остров Вайгач. В 2000 году археологический отряд, сформированный на базе Сектора изучения Соловецкого архипелага и Беломорья, проводил полевые исследования на территории Кенозерского национального парка. По просьбе дирекции парка отряд проводил археологические разведки и, в связи с изысканиями Института Наследия

по ландшафтному проектированию, параллельно производил топографическую съёмку исторических памятников в Каргопольском и Плесецком секторах парка.

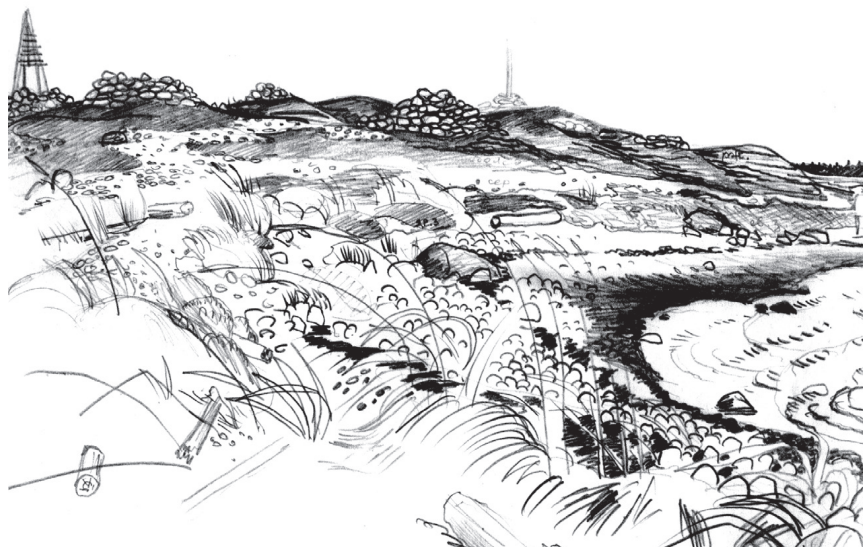
По просьбе Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря и по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в 2004 году были проведены разведки, а в 2005 году — археологические раскопки на месте гибели Святых новомучеников архимандрита Вениамина (Кононова) и иеромонаха Никифора (Кучина) у северного берега Волкозера в Приморском районе Архангельской области. В ходе этих работ был выявлен и обследован комплекс объектов, включающий остатки избы, ледника, огорода с колодцем, подземного погребца на высоком склоне береговой террасы и колодца-садка у берега Волкозера. В результате раскопок остатков избы были обретыены частицы мощей Святых архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора, выполнена реконструкция обстоятельств их мученической кончины, спасены от самовольных раскопок туристов и паломников ценные артефакты.

Научные изыскания сотрудников сектора и отряда послужили основанием для теоретического осмысления проблем изучения, сохранения и рационально-бережного освоения природного и историко-культурного наследия Соловецкого архипелага. Задачи сплошного памятниковедческого обследования историко-культурных и археологических объектов островов, их выявления, учёта и описания потребовали разработки методических подходов к изучению и систематизации более полутора тысяч памятников домонастырского времени и отчасти монастырского периода.

Сакрально-культовый характер комплексов святилищ Большого Заяцкого, Большого Соловецкого островов и острова Анзер, при всей его гипотетичности, признаётся значительной частью исследователей. Поскольку сооружения из этих комплексов морфологически однотипны памятники из тех небольших групп, которые были выявлены нами в ходе разведок на ряде перечисленных выше морских террасах островов архипелага, следует предполагать, что они, по-видимому, также являются объектами культового предназначения: жертвенниками, «обо», основаниями обетных крестов, погребениями. Хотя, безусловно, встречаются среди них и единичные объекты, которые надлежит характеризовать как остатки промыслово-хозяйственных сооружений, случайным образом оказавшихся на территории святилищ.

План мыса Перечь-Наволок
с археологическими находками

Мыс Хайсты на о. Б. Соловецкий (рис. Е. М. Калмыковой)

С самого начала научного изучения данных сооружений (в 1907 году К. П. Рева произвёл первые раскопки каменных груд на Большом Заяцком острове, затем в 20–40-е и 60–90-е годы прошлого столетия проводились разведки и раскопки Н. Н. Виноградовым, А. А. Евневичем и П. К. Казариновым, А. Я. Брюсовым, К. П. Гемп, А. А. Куратовым, А. Н. Рябцевым и А. Я. Мартыновым) и до настоящего времени не было принято единой терминологии для обозначения описываемых объектов. Одни и те же валунные сооружения обозначались и как «курганы», и как «каменные кучи», и как «валунные гру-

Дольмен на мысе Плотище острова Анзер

ды». В то же время и достаточно разнородные объекты одинаково именовались «грудами». Иногда использовались для описания ряда памятников и такие наименования, как «дольмен», «кромлех» без каких-либо атрибутивных обоснований и разъяснений.

Когда в результате многолетних планомерных полевых исследований Соловецкого отряда были собраны материалы практически по всем выявленным на Соловках памятникам (Соловецкие острова., 2006), у нас появилась возможность типологизировать и классифицировать все эти объекты, что, в свою очередь, облегчило работу по системному осмыслению их многообразия, выявлению этапов формирования отдельных комплексов, состоящих очень часто из разновременных скоплений и напластований.

Общая классификация археологических объектов, зафиксированных на Соловецких островах, по характеру их сложения и форм может быть представлена следующим образом:

1. Лабиринты

2. Насыпи, груды

2.1. Насыпи

2.1.1. Насыпи конические и полусферические, округлые в плане

2.1.2. Насыпи аморфные

2.1.3. Насыпи воронковидные

2.1.4. Насыпь Ч-образная

2.1.5. Насыпи подковообразные

2.1.6. Круговая засыпка

2.1.7. Круговая засыпка в полукольце крупных валунов

2.2. Каменные груды и гряды

2.2.1. Овальные каменные заклады

2.2.2. Каменные груды

2.2.3. Каменные груды с воронковидной ямой в центре

2.2.4. Каменные груды с ямой-отверстием в центре (в т.ч. каменные основания крестов)

2.2.5. Каменные гряды

3. Каменные кладки

3.1. Каменные кладки линейные

3.2. Каменные кладки Г-образные

3.3. Каменные кладки четырёхугольные

3.4. Каменные кладки треугольные

3.5. Каменные кладки округлые

4. Каменные кладки и выкладки воронковидные, кольцевые или с ямами в центре

4.1. Каменные кладки воронковидные, кольцевые или с ямами в центре

4.1.1. Воронковидные каменные кладки (дно воронки не ниже основания кладки)

4.1.2. Воронковидные каменные кладки с ямами в центре (дно воронки ниже основания кладки)

4.1.3. Кольцевые каменные кладки, двух- и трёхкамерные кладки

4.1.4. Трёхкамерная каменная кладка с ямой в центре

4.1.5. Каменные кладки, подковообразные и серповидные

- 4.1.6. Прямоугольные и округлые каменные кладки с округлой ямой в центре (стенки кладки изнутри отвесные, не воронковидные)
- 4.1.7. Каменная кладка с квадратным колодцем в центре
- 4.1.8. Кольцевые каменные кладки, опоясывающие ямы (стенки кладки изнутри и снаружи отвесные)

4.2. Каменные выкладки воронковидные, кольцевые или с ямами в центре

- 4.2.1. Кольцевые каменные выкладки + каменные выкладки в виде незамкнутого кольца
- 4.2.2. Кольцевые каменные выкладки с воронковидной ямой в центре
- 4.2.3. Каменные выкладки подковообразные
- 4.2.4. Каменные выкладки П-образные
- 4.2.5. Каменные выкладки концентрические
- 4.2.6. Каменные выкладки эксцентрические
- 4.2.7. Каменные выкладки двухкамерные

5. Каменные выкладки с вымостками

- 5.1. Прямоугольные и округлые каменные выкладки с вымостками («могилы с оградками»)
- 5.2. Четырёхугольные и овальные вымостки («могилы»)
- 5.3. Четырёхугольные и овальные выкладки («оградки»)

6. Ямы

- 6.1. Ямы простые
- 6.2. Ямы воронковидные
- 6.3. Выборки валунов («колодцы», один из них — с окаймляющей каменной выкладкой)
- 6.4. Четырёхугольные ямы около 1х1 м (скорее всего — колодцы) и около 3х3 м, 5х5 м (возможно, соляные ямы или остатки ледников)

Конечно, некоторое число своеобразных, конструктивно сложных сооружений Соловецкого архипелага не может быть включено в представленный перечень. Для их обозначения, как правило, используются названия, данные авторами первых их описаний: «вентирь», «дольмен», «вавилон» и им подобные.

В предложенной классификации однотипные по форме объекты могут по-разному обозначаться в зависимости от конструктивных особенностей и использованных для их возведения материалов. Так, с учётом *размеров* камней, составляющих основу кладок, небольшие каменные «курганы» полусферической или конической формы, к примеру, названы **насыпями** (из *мелких валунов*) либо **грудами** (из *валунов средних и крупных размеров*), а невысокие плоские сооружения, по тому же принципу — **засыпками** или **вымостками**. Насыпями и кладками названы не только небольшие, округлые в плане холмики-«курганы», но также аморфные, линейные, подковообразные и воронковидные формы. *Большие аморфные* или *длинные* насыпи получили наименование **каменных гряд**.

Кладки отличаются от гряд более отвесными стенками (при тех же общих высотах). Если же кладки сложены из одного слоя валунов (обычно плотно подогнанных друг к другу), то есть они одноуровневые, чаще образующие в плане форму овала или прямоугольника, то это уже, согласно предлагаемой классификации — **вымостки**; а в случае, когда

высота валунов увеличивается от краёв кладки к центру, то такая конструкция названа **закладом**. Ленточная кладка в один слой или в виде стенки в несколько слоёв, но на толщину одного валуна, обозначается как **выкладка**. На Соловецких островах зафиксировано наличие выкладок самых разных конфигураций: в форме концентрических и эксцентрических групп колец, восьмёрковидных или подковообразных сооружений, отличающихся от подковообразных кладок толщиной и от подковообразных насыпей — толщиной и отвесностью стенок. По этому же признаку выкладки не могут (в отличие от кладок и насыпей) быть «воронковидными» — они могут лишь сверху опоясывать кольцом воронковидные ямы.

Данная систематизация не учитывает *целевого* назначения описываемых соловецких памятников. На текущей стадии их изучения нет оснований называть определённо какую-либо каменную груду «*курганом*» до тех пор, пока в ходе её раскопок не будет получено подтверждение, что это действительно было надмогильное сооружение, а не оплывшее **основание поклонного креста**, или какой-нибудь навигационный, опознавательный знак, или хозяйственная насыпь.

Требует некоторой доработки обозначение и отнесение к различным группам объектов определённых видов **ям**. Например, обычные **ямы** в форме воронки зачастую не отличаются внешне от **воронковидных ям**, входящих в комплексы воронковидных груд и кладок с воронковидными ямами в центре как однородные сооружения, только не окантованные по внешним краям насыпями и кладками. Отдельно необходимо было квалифицировать ямы — **выборки валунов («колодцы»)** — линейную группу глубоких округлых ям с отвесными стенками и пологим дном, которые были не выкопаны (что было бы невозможно), а *выбраны* с выемкой камней вручную в валунной гряде в средней части мыса Колгуевского на острове Анзер.

Чтобы не создавать терминологическую путаницу, для части объектов было оставлено устоявшееся, традиционное их обозначение: **лабиринты** — название, более информативное в своей сути, чем «**спиралевидные выкладки**»; **каменные основания крестов** — вместо обезличенно-неопределённых «**каменных груд с отверстиями в центре**», если не может быть сомнений, что это действительно основания крестов.

Однако в случае выбора названия надгробных памятников, априорно приписываемых в археологической литературе по Соловкам средневековым саамам и именуемых «*могилами с оградками*», мы предлагаем именовать их **каменные прямоугольные выкладки с вымостками в центре**. И это обусловлено не только принципами предла-

Кольцевая каменная кладка на святилище мыса Колгуев, о. Анзер

гаемой нами классификации — не все эти объекты однотипны: среди них встречаются «могилы» без «оградок» (**каменные вымостки**) и был отмечен ряд «оградок» без «могил» (**каменные прямоугольные выкладки**).

Археологический ландшафт мыса Колгуев
(рис. Е.М. Калмыковой)

Лабиринт на о-ве Анзер (рис. Е.М. Калмыковой)

Предлагаемая классификация даёт методическую основу для определения и описания специфических объектов наследия региона, их характеристики и первичной привязки к различным функциональным типам объектов (культовых, промыслово-хозяйственных, навигационных, погребальных и т.д.), хронологического вычленения из разновременных наслоений в отдельных комплексах. Это должно помочь в исследованиях характера и этапов заселения и освоения Беломорья и Соловецкого архипелага.

Важным этапом теоретического осмысления накопленных практических материалов исследования природного и культурного наследия Соловецких островов стало введение понятия **духовно-символического пространства**, сформулированное и развитое В.П. Столяровым (2001, 2002). Данное пространство в изучаемом регионе, имеющее конкретные

духовное, культурное, географическое и хронологическое измерения, было сформировано трудами многих поколений монахов Соловецкого монастыря путём долговременного хозяйственного освоения архипелага и создания уникального ландшафтного комплекса (органически вместившего в себя и древние языческие святилища), путём духовно значимого, сакрально обусловленного возведения культовых построек и обустройства мест поклонения при одновременном введении новой православно-иконографической топонимики на островах.

Понятие духовно-символического пространства, на наш взгляд, может приобрести теоретическую значимость при разработке нового терминологического аппарата, способствующего осмыслению сущности археологической культуры или этноса (Саликов, 1993). Этот понятийный инструмент обозначает не просто территориальную привязку специфической исторически сложившейся устойчивой совокупности материальных памятников или групп людей, но представляет во взаимосвязанной и взаимообусловленной целостности культовое единство, хозяйственно-культурный тип, ландшафтно-географическое окружение (в том числе характерный культурный ландшафт) как уникальный и неповторимый феномен культурного и природного наследия народов и цивилизаций.

Участники экспедиции 1999 г. в пос. Реболда перед отплытием на о. Анзер (слева направо: Ю.С. Захаров, В.П. Столяров, О.А. Коробова, Е.А. Саликов, А.В. Гнатик, Н.В. Саликова)

В данной связи остаётся только выразить сожаление, что более нет возможности продолжить эти работы в стенах Института Наследия, успевшего за четверть века также стать особым феноменом науки и культуры, благодаря самоотверженному труду его коллектива и руководителей, включая коллектив Соловецкого отряда и экспедиции.

Автор безусловно и искренне благодарен Юрию Александровичу Веденину — директору Российского Института культурного и природного наследия в 1992—2013 гг., Петру Владимировичу Боярскому — руководителю Морской Арктической комплексной экспедиции, коллегам по сектору, институту, научной деятельности, которые неизменно оказывали ему дружескую поддержку и в стенах института, и в экспедициях, в работе и личной жизни: В.П. Столярову, Г.Н. Колосовой, О.А. Коробовой, М.Е. Кулешовой, Ю.С. Захарову, В.А. Савину, В.В. Скопину, П.А. Филину, П.В. Флоренскому. С Юрием Семёновичем Захаровым, который исследовал, классифицировал и описал озёрно-канальные и гидротехнические системы на островах, мы одолели не один десяток километров по суше и северным морям, и не только на Соловках, но и на Новой земле, Вайгаче, Земле Франца-Иосифа, изучая совместно объекты культурного и природного наследия, работая в институте над картами, схемами и отчётами. Галина Николаевна Колосова, выявившая и описавшая многочисленные объекты природного наследия, исследовавшая влияние физико-географических процессов на состояние объектов наследия — не только талантливый полевой исследователь-географ, но опытный и мудрый преподаватель, ненавязчиво (часто, за весёлыми чаепитиями с поучительными и познавательными историями) помогала мне избавляться от рудиментов дилетантизма и методологической халатности, попутно неизменно приходя на выручку в решении как научных, так и бытовых проблем. Вячеслав Павлович Столяров — душа и сердце нашего

*Г.Н. Колосова проводит экскурсию для соловецких школьников
на острове Большая Муксалма*

коллектива, когда-то руководитель бардовского ансамбля «Берендеи», историк, чьи близкие погибли на Соловках в период сталинских репрессий, автор концепции и исследователь монастырского духовного наследия, путеводил моими научными изысканиями и впервые показал мне Соловки такими, какими они полюбились мне на всю оставшуюся жизнь.

Ограниченность бюджетного финансирования не позволила бы выполнить многое из проведённых полевых исследований и публикаций научных трудов Соловецкого отряда, если бы не финансовая поддержка С.А. Андреева, А.И. Рябова, С.А. Федосова, а также фонда «Вольное дело», которым я и мои коллеги бесконечно признательны. Моей супруге Н.В. Саликовой и коллегам К.В. Блинову, А.А. Веткину, А.В. Гнатику, Е.В. Кирилловой, С.А. Федосову, самоотверженно разделявшим с нашим отрядом тяготы полевых разведок, раскопок, камеральных работ, экспедиционного быта, радости открытий, тепло печи, костра и общения, огромное спасибо за их бескорыстный вклад в труды отряда и нашего института — в дело изучения и сохранения бесценного культурного и природного наследия Русского Севера.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОТРУДНИКОВ СОЛОВЕЦКОГО ОТРЯДА МАКЭ ПО ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА И БЕЛОМОРЬЯ

Захаров Ю.С. Озёрно-канальные системы на островах Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. Выпуск 9. — Архангельск, 2013.

Колосова Г.Н. Географический анализ исторических территорий: Соловецкий архипелаг: Труды Соловецкого отряда Морской арктической комплексной экспедиции /

Под общ. ред. *П.В. Боярского, В.П. Столярова*. — М.: Институт Наследия; Фонд полярных исследований, 1998.

Колосова Г.Н. Природно-географический анализ исторических территорий: Соловецкий архипелаг // Труды Соловецкого отряда Морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. *П.В. Боярского, В.П. Столярова*. — М.: Институт Наследия, Фонд полярных исследований, 1999.

Саликов Е.А. Этнос как культовое единство, культовое единство как археологическая культура // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы междунар. теорет. конф. — Ижевск, 1993. С. 20–23.

Саликов Е.А. О состоянии языческих культовых комплексов на о. Анзер // Экология человека: будущее культуры и науки Севера: Мат-лы междунар. конф. — Архангельск, 1995.

Саликов Е.А. Археологические исследования на о. Анзер Соловецкого Архипелага // Археологические открытия 1996 года. — М., 1997.

Соловецкие острова. Большая Муксалма // Труды МАКЭ / Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М., 1996. — 237 с.

Соловецкие острова. Духовное и культурное наследие. Карта для паломников и туристов / Под общ. ред. *П.В. Боярского, А.А. Лютого, В.П. Столярова*. Масштаб 1:50000. — М., 2001.

Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие: Научная карта / Под общ. ред. *П.В. Боярского, А.А. Лютого, В.П. Столярова*. Масштаб 1:50000. — М., 2005.

Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие: Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения / Под общ. ред. *П.В. Боярского, В.П. Столярова*; ред.-сост. *В.П. Столяров, Г.Н. Колосова*; ред. *Ю.С. Захаров*. — М.: Институт Наследия, 2006. — 680 с.

Соловецкий монастырь. Карта-путеводитель. Масштаб 1:50000. — М., 2008.

Столяров В.П. Историко-культурный комплекс «Соловки». Проблемы освоения, преемственности, сохранения // Русская культура вне границ. Информационно-аналитический сборник. — Нью-Йорк; М., 1996.

Столяров В.П. Некоторые подходы к анализу историко-культурного пространства территории (на примере Соловецкого архипелага) // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. Вып. 1. — М., 1996.

Столяров В.П., Кулешова М.Е. Анализ практики управления особо ценной исторической территорией (Соловецкий архипелаг) // Наследие и современность. Вып. 3. — М.: Институт Наследия, 1996.

Столяров В.П. Становление архетипа православного монастыря. Проблемы использования монастырских комплексов и трансляции наследия // Материальная база сферы культуры. Информкультура РГБ. Вып. 1. — М. 1997.

Столяров В.П. Некоторые аспекты организации мониторинга как элемента управления особо ценной территорией наследия // Материалы ИКОМОС. Науч.-информ. сб. Вып. 1, 1998.

Столяров В.П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага) // Ставрографический сборник. Книга первая. — М., 2001. — С. 113–129.

Столяров В. П. Учет духовных ценностей сакральных комплексов в идеологии управления культурным наследием (на примере Соловецкого архипелага) // Информ-культура РГБ. Вып. 2. — М., 2001.

Столяров В. П. Соловецкий монастырь. Святыни Анзера. — М., 2001.

Столяров В. П. Судьба Соловецкой святыни // Альманах «Соловецкое море». № 1. Архангельск — Москва: Товарищество Северного Мореходства, 2002. — С. 66—81.

Столяров В. П. Образы Святой Земли на Соловецких островах // Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. Ноябрь-декабрь, 2002. — С. 3—17.

Столяров В. П. Соловецкая святыня: школа истории, труда и молитвы // Рождественские чтения 2003. Сборник пленарных докладов XI Международных Рождественских образовательных чтений. — М., 2003. — С. 270—282.

Столяров В. П. Судьба Соловецкой святыни // Высшее образование в России, 2003. № 1. — С. 91—102.

Столяров В. П. Концлагерь в Соловецком монастыре: возвращение памяти // Русский город и русский дом. — М., 2004. — С. 198—211.

Столяров В. П. Образование в Соловецкой обители // Возрождение православных монастырей и будущее России. Мат-лы III Всеросс. науч.-богослов. конф. «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». — Нижний Новгород, 2007. — С. 409—418.

Столяров В. П. Традиционная культура и её взаимодействие с современным миром // Современное гуманитарное знание в развитии высоких технологий. — Саров, 2008. — С. 352—363.

Филин П. А. «Варзужская служба» Соловецкого монастыря в XVII — XVIII веках по документам Российского Государственного Архива древних актов // Массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: Мат. XII Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: Проблемы изучения и издания / Отв. ред. Г. В. Демчук. — Архангельск, 2002. — С. 328—334.

Филин П. А. Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима»: Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. П. В. Боярского. — М.: Институт Наследия, 2004.

Филин П. А. О формировании морского устава Соловецкого монастыря в XVIII в. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах, 2008. № 7. С. 23—26.

Филин П. А. Описание коча для новоземельских промыслов 1694 г. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах, 2013. № 12. — С. 22—24.

Филин П. А. «Отписка служилого человека Тимофея Булдакова о плавании его по Ледовитому морю» как уникальный источник по арктическому мореплаванию в XVII веке // Соловецкое море. Историко-литературный альманах, 2014. № 13. — С. 10—15.

ПАМЯТИ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«...исторический пейзаж стремится стать историческим портретом земли. Лицо земли складывается геологически, так же, как человеческое лицо — анатомически, и точно так же определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на нём стихиями и людьми: знаками мгновений».

Максимилиан Волошин.
Лики творчества, 1988. С. 312.

Институт Наследия при его основании в 1990-е годы был уникальным исследовательским центром, своеобразным универсумом и университетом, в который постепенно собирались профессиональные исследователи самых разных, в соответствии с разнообразием универсума, специальностей, способные делиться своими знаниями и учиться самим у коллег, по смыслу университета. В институте была разработана методология изучения и сохранения наследия, без лишней схоластики и политических реверансов, конкретная и практичная, нацеленная на решение конкретных задач в условиях меняющейся страны. Именно благодаря наработкам и направленности работ института широко стал внедряться территориальный подход к раскрытию содержания и сохранению наследия (Веденин, 1993, 1997, Веденин, Шульгин, 1992). Территория выступила комплексным объектом изучения и управления, а занятия территориальными комплексами неизбежно приводили к ландшафтным концептам.

Совсем не случайно, что директор-основатель института проф. Ю. А. Веденин, будучи географом, прекрасно осознавал, каково значение ландшафтной концепции в исследованиях и защите наследия. Юрий Александрович — первый российский автор, который заявил о культурных ландшафтах как феномене наследия ещё до организации института (Веденин, 1986). При его целенаправленной поддержке в институте стали развиваться культурно-ландшафтные исследования, сформировалось несколько са-

мостоятельных направлений, об одном из которых, информационно-аксиологическом, речь пойдёт ниже. Кроме того, в институте образовалась оригинальная школа гуманитарно-географических исследований, в которой ландшафт служит одним из ключевых понятий (её яркие представители, Д. Н. Замятин и О. А. Лавренова, представлены в этом сборнике). При исследованиях археологических комплексов и объектов по Московскому региону (Радонеж, Дунино, Бородино), которые проводил сотрудник института, археолог, д.и.н. С. Э. Чернов, привлекались представители классического университетского ландшафтоведения (Низовцев, 2005 и др.). Развивались памятниковедческие исследования, а в их рамках — обоснование и проектирование зон охраны, которые служат защите вмещающего памятник ландшафта (Завьялова, 2002). С начала 2000-х стало разрабатываться понятие «звукового» ландшафта (Звук и отзвук, 2010), оригинальные результаты были получены при исследованиях ландшафтной микропонимки заповедных территорий (Глазунова, 2010, Калущков, 2008), ландшафтные подходы внедрялись в изучение территорий традиционного природопользования севера России (Л. С. Богословская, И. И. Крупник), возникло понятие ледовых культурных ландшафтов (И. И. Крупник, 2013). В середине 2000-х в институт пришёл работать известный теоретик географической науки, Б. Б. Родоман, со своими представлениями о целесообразности и структурности культурно-ландшафтного покрова (Проблемы теоретической..., 2013). В конце 2000-х коллектив института дополнился д.г.н., проф. В. Н. Калущковым, одним из основоположников школы этнокультурного ландшафтоведения (2008). При такой богатой исследовательской палитре неизбежно происходил активный обмен идеями и методами с их последующим внедрением в научную практику.

Информационно-аксиологический подход был заявлен в 2004 г. в рамках коллективной монографии «Культурный ландшафт как объект наследия» (под ред. Веденина, Кулешовой, 2004). Фактически это было оповещение о наличии новой культурно-ландшафтной школы, исследующей культурные ландшафты в их соотношении с наследием. Эта школа буквально открыла множественные пути сообщения между географией и наследием, показав, как географические, в частности ландшафтные, методы работают на охрану наследия и как объект географической науки — ландшафт — становится объектом наследия. Почему подход информационный? Потому что Ю. А. Веденин основывает свои исследования и наследия, и ландшафта на информационной парадигме (2003), с чем полностью солидарна и автор настоящей статьи (Кулешова, 1994, 2000). Депозитарии, источники, рассадники, носители, верификаторы информации об ойкумене — вот что такое объекты наследия, и зачем они в первую очередь нужны (а не только и не столько в качестве турпродукта или иного предмета потребления). Информация о ландшафте пребывает не только в его физическом материальном воплощении, но и в текстах, произведениях искусства, преданиях, традициях и т. д. Ландшафт содержит эту информацию в своих физических субстанциях, процессах, рефлексиях о ландшафте. Далее, почему аксиологический? — Потому что категория наследия немислима без категории ценности, это общественное признание ценности за каким-либо феноменом, а оценка производится по определённым правилам и критериям, которые общество «нарабатывает» в процессе своего исторического становления. Один из очевидных примеров аксиологического подхода — Конвенция о всемирном наследии ЮНЕСКО

1972 г. В последние годы на страницах российской периодики замелькали такие понятия, как ценностный и ценностно-цивилизационный подходы. Претендуя на новаторство, их апологеты оповещают научную общественность об очевидном — о том, что в любом обществе действует своя система ценностей, а затем плавно переходят из научного в политический дискурс, задавая русской цивилизации ту систему ценностей, которая должна обеспечить стабильность механизмов власти. Ведь наследие и власть так же «повязаны», как природа и власть (Йоахим Радкау, 2014), о чём давно написаны целые монографии (Чепайтене, 2010). Однако в веденинском институте наследие изучалось не как механизм манипулирования общественным сознанием, а как основа самосознания и самоидентификации и человека, и общества, и государства (Веденин, 2012).

Ландшафтные ценности становятся всё более актуальными в наш век активных преобразований окружающей среды, стремительной «поляризации ландшафта» (по определению Б.Б. Родомана), приобретшей экстремальные формы, когда сельская местность испытывает опустошение и запустение, город превращается в каменные джунгли пожирающих пространство высоток, живая атмосфера исторического центра сменяется торгово-офисным шаблоном, пригород оштетинивается многокилометровыми по протяжённости и многометровыми по высоте сплошными заборами. Человек начинает ценить утрачиваемое, ценить открытый горизонт и зелёный дворик, уютные улочки и выразительность архитектурных форм, чистую воду в кране и дружбу с соседями и т.д.

КОНЦЕПТ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В МИРОВОМ НАСЛЕДИИ

Огромное значение для веденинской ландшафтной школы имеет методология всемирного наследия, зафиксированная помимо собственно Конвенции о всемирном наследии также в целом ряде прилагаемых к ней руководящих документов и, в первую очередь, в Руководящих указаниях по применению Конвенции (Operational Guidelines, 2016). В Руководящих указаниях, периодически обновляемых, с 1992 г. стали выделять особые типы культурного наследия — культурные ландшафты, исторические города, исторические пути, к выделенным категориям были даны соответствующие пояснения. Такие понятия, как выдающаяся универсальная ценность и критерии соответствия ей, аутентичность, целостность, гарантии защиты стали применяться в отношении культурных ландшафтов как официально зафиксированного типа объектов культурного наследия. Тогда, в 90-е годы, в институте ещё не было интернета и автор с жадностью «поглощала» распечатки документов и докладов, привозимых Юрием Александровичем с экспертных совещаний, организуемых ЮНЕСКО. Официальных переводов на русский язык этого основополагающего руководства тогда тоже не было (он появился всего несколько лет назад). Отсутствие этой информации в широком пользовании позволяло некоторым представителям российских международных организаций формировать имидж высокой компетентности буквально читая это Руководство с трибуны как авторский доклад. Поэтому публикация в 2001 г. нашей совместной с Ю.А. Ведениным статьи «Культурный ландшафт как объект природного и культурного наследия» с разъяснением и интерпретацией основных положений Руководства была воспринята в среде

исследователей наследия как откровение. И до сих пор в научной литературе, ссылаясь на Руководство, некоторые авторы используют те формулировки и интерпретации, которые нами были предложены (граждане учёные, читайте всё-таки первоисточники!). Мы честно выполнили свою миссию провозвестников, знакомя самые широкие аудитории с принципами формирования Списка всемирного наследия и роли культурных ландшафтов в мировом наследии. Многие подходы, предложенные ЮНЕСКО, были развиты и стали внедряться применительно к самому широкому кругу объектов — например, они очень активно использовались при разработке научно-проектной документации для Бородинского музея-заповедника, национальных парков Угра и Кенозерский, Пушкинского Заповедника, Шолоховского музея-заповедника. Лучшие мировые практики нашли своё отражение в предложенной тогда ЮНЕСКО методологии, что и обеспечивает её эффективность при работе с любыми объектами наследия.

Изучение международного опыта и постоянный мониторинг Списка всемирного наследия позволили с уверенностью прийти к выводу, что концепция культурного ландшафта проникла во многие сферы человеческой деятельности, даже не будучи явно обозначенной, что количество культурных ландшафтов в Списке гораздо больше, чем официально обозначаемое их число, что культурно-ландшафтный подход внедрён в большую часть культурных номинаций Списка, включая исторические города. То, что город является одним из типов культурного ландшафта, мы подчёркивали постоянно и не были одиноки, но это не означает, что все города мирового наследия базируются на ландшафтной парадигме, вовсе нет. Изучение состава объектов Списка всемирного наследия послужило основанием разработки систематики культурных ландшафтов в развитие уже сложившихся подходов (Fowler, 2003; World., 2009), позволило обозначить индикаторы выявления ла-

Ландшафты окрестностей Шолоховского музея-заповедника

тентных культурных ландшафтов дополнительно к официально обозначенным в Списке, предложить дополнительную систему оценочных критериев для работы с ландшафтным наследием, выявить различные национальные стратегии и предпочтения при внесении объектов в мировое наследие (Кулешова, 2007, 2012).

Закономерно, что ландшафтные подходы стали внедряться в те проекты и в работу с теми территориями, с которыми сводила автора и его коллег судьба. Некоторые из них явно заслуживали статуса всемирного наследия, и для них были разработаны предварительные заявки и обоснования присвоения им такого статуса в качестве культурных ландшафтов. Это были Кенозерский национальный парк, усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», музей-заповедник М. А. Шолохова в станице Вёшенской. С позиций выдающейся универсальной ценности были рассмотрены Соловки (номинация «культурно-исторический ансамбль» 1992 г.) и предложена их реноминация по расширенному списку критериев с отнесением к категории культурных ландшафтов (Отчёт о проведении..., 2000). Универсальной ценностью, мы полагаем, обладает и Бородинское поле (см. статью А. В. Горбунова в настоящем сборнике), хотя поля сражений в принципе не допускаются во всемирное наследие как свидетельства агрессии, с чем несовместима миссия ЮНЕСКО. Мы рассматриваем это как глобальное недоразумение, ведь поля сражений свидетельствуют не столько об агрессии, сколько о великой скорби и безмерных потерях человеческих жизней, о чём полезно вспоминать ныне живущим поколениям и государственным лидерам. Хиросима, Освенцим, атолл Бикини включены в Список всемирного наследия как зарубки на память человечеству.

К сожалению, Институт Наследия за свои первые 20 лет деятельности не был допущен к формированию национального списка всемирного наследия, Минкультуры РФ устранилось от активной позиции по данному вопросу, несмотря на попытки Ю. А. Веденина изменить эту позицию, вопрос решался в недрах главным образом Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Полагаем, что национальный список всемирного наследия России, при всех его несомненных достоинствах и широкой представленности архитектурных шедевров, выражает в значительной мере имперскость, роскошь, властность (императорские дворцы и парки, кремли, крепости, столицы, ставропигиальные монастыри), но не народную культуру, неразрывную с её «кормящим», по выражению Л. Н. Гумилёва, ландшафтом.

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО КУЛЬТУРНЫМ ЛАНДШАФТАМ

Большое значение для развития ландшафтной тематики в институте имело российско-норвежское сотрудничество в рамках обширной многолетней международной Программы по охране окружающей среды. В Норвегии, как известно, под окружающей средой во властных вертикалях понимают не только природную, но и культурную среду, норвежское Министерство окружающей среды занимается и культурным наследием. Для полноценного партнёрства с Россией и создания рабочей группы по культурному наследию понадобился достойный партнёр для норвежского Риксантикварена (Директо-

Эвен Гаукстад (слева) с норвежскими коллегами, Соловки, Б. Заяцкий о-в, 1997 г.

рат по культурному наследию), и им был избран в 1995 г. Институт Наследия, а сопредседателями стали Юрий Веденин и Даг Мюклебюст. Рабочая группа определила несколько направлений сотрудничества, одним из основных стало управление культурными ландшафтами. Этому был посвящён опубликованный в 1999 г. совместный российско-норвежский доклад, в котором сравнивались институциональные подходы к охране и управлению культурными ландшафтами в наших странах (Сравнительный анализ., 1999). Интересна норвежская практика межведомственного сотрудничества по культурным ландшафтам, к которому, помимо профильного министерства, подключаются сельскохозяйственные, транспортные, промышленные структуры, муниципальные органы власти (Strategi., 2007). Нельзя не выразить

восхищение нашему коллеге Эвену Гаукстаду, продолжающему свою работу в Риксантикварене, занимавшему за это время различные чиновные должности, но последовательно, на высоком профессиональном уровне способствующему претворению в жизнь культурно-ландшафтных программ по всей Норвегии¹. Этим не может похвастаться автор, влияние которой на сохранение культурно-ландшафтных ценностей России более чем скромно.

Тем не менее, из наиболее значимых для ландшафтной тематики результатов российско-норвежского сотрудничества того периода следует назвать внедрение ландшафтного подхода в проекты Кенозерского национального парка, в частности — в первый менеджмент-план 2001 г., где ведущую творческую роль играл Юрий Александрович Веденин, неоднократно проводивший экспедиционное обследование этой территории, выполнивший (совместно с Д. В. Тормосовым) её культурно-ландшафтное районирование и заложивший методические основания для последующих ландшафтных проектов (Веденин, Тормосов, 2004). Именно тогда нами нарабатывались алгоритмы ландшафтных описаний и оценок (Культурный., 2004). При поддержке норвежской стороны и благодаря целеустремлённости своего директора, Е. Ф. Шатковской, Кенозерский национальный парк стал неоспоримым лидером программ сотрудничества по культурному наследию, ориентированных главным образом на реставрацию и социальную реабилитацию его многочисленных памятников деревянного зодчества, ко-

¹ В Норвегии Департамент культурного наследия (Риксантикварен) Министерства окружающей среды уже многие годы целенаправленно проводит инвентаризацию особо ценных историко-культурных ландшафтов и осуществляет разработку мер по их охране в рамках общенациональной программы по культурным ландшафтам — см. <http://www.riksantikvaren.no/Prosjekter/Kulturhistoriske-landskap-av-nasjonal-interesse>

*У часовни Иоанна Богослова,
д. Зехнова, Кенозерский национальный парк, 2013 г.*

торые служат важными семантическими акцентами культурного ландшафта. На основании проводившихся исследований удалось добиться включения Кенозерья в 2014 г. в Предварительный список всемирного наследия (Tentative List), и поэтому неслучайно, что руководство парка обратилось именно к Ю. А. Веденину с просьбой подготовить номинационное досье, и эти намерения получили осуществление (Веденин и др., 2017).

В 1998 г. Норвежский центр наследия (Nordic Heritage Center), благодаря постоянному личному вниманию норвежского сопредседателя Дага Мюклебюста, финансирует организацию и назначает экспертов первой мониторинговой миссии под руководством известного международного эксперта по наследию Герберта Стовела (Канада) на Соловецкие острова для обследования и выработки рекомендаций по управлению этим объектом всемирного наследия. Экспертом данной миссии имела честь быть и автор, результаты миссии опубликованы (Отчёт о проведении..., 2000) и были направлены во все заинтересованные инстанции, включая Центр Всемирного наследия в Париже, Норвежский центр наследия и Министерство культуры РФ. Предложения и оценки, прозвучавшие тогда, используются до сегодняшнего дня, что свидетельствует о высокой компетенции руководителя миссии. Именно тогда, по предложению и при наблюдающем участии Герберта Стовела, автор этих строк «просканировала» Соловки по всем 10 критериям вариантной ценности объектов наследия ЮНЕСКО, что показало гораздо больший их спектр, чем это обозначено в официальных документах (объект номинирован по одному критерию — iv, то есть как свидетельство важного этапа человеческой истории). Формулировка природных ценностей Соловков была в дальнейшем использована при попытке реноминации объекта из «культурного» в «смешанный», природно-культурный (Cherenkova, 2006). Но главное — Соловки с этого момента стали рассматриваться не как собрание разнообразных памятников, а как целостность — культурный ландшафт со всеми вытекающими последствиями. Эта точка зрения на Соловки как объект всемирного наследия была подтверждена и недавними миссиями ЮНЕСКО (Rapport de la..., 2015).

Международная мониторинговая миссия на Соловках под руководством Г. Стовела (второй слева). Справа от него — Т. Семёнова (Россия), П. Аггер (Дания), К. Шанке (Норвегия), слева — автор, 1998 г.

Историко-культурный комплекс на Соловках и норвежский, в прошлом медеплавильный, город Рерос были выбраны в качестве модельных для сравнений в программах российско-норвежской рабочей группы по культурному наследию. Оба — объекты всемирного наследия, но требующие более широкой, ландшафтной трактовки их универсальной ценности. Норвежский Рерос «преуспел» — в 2010 г. он был реноминирован, территория объекта была значительно расширена, и он был отнесён к индустриальным культурным ландшафтам,

хотя такая задача решалась длительно и не без проблем. Это произошло благодаря консолидированному желанию и взаимодействию ведомственных структур, муниципалитета и научного сообщества, к которому принадлежит великолепный ландшафтный специалист Михаэль Джонс, обосновавший ландшафтно-историческую целостность и ценность Рероса с окрестностями (Jones, 1997).

Что касается Соловков, то их судьба сложилась несколько иначе. В эти годы были узаконены Министерством культуры РФ зоны охраны скитов и монастырского ансамбля в посёлке Соловецкий, но их границы и режимы игнорируют ландшафтные ценности и ландшафтный подход. Происходили многомиллионные траты на различные стратегии и концепции охраны наследия и развития Соловков, но они оказались негодными к употреблению и с ними практически не знакома общественность. Наблюдалось неуправляемое градостроительное развитие туристско-гостиничных функций посёлка, но без учёта особенностей историко-культурной среды. Множились примеры подмены реставрации реконструкцией (включая и недавнюю зачистку лишайников на монастырских стенах), различие между которыми становится для управляющих инстанций всё более туманным. Развернулась борьба за передел земель в собственность с секвестированием лесных земель, в результате чего так и не удалось создать на Соловках природный заказник. И, наконец, было начато строительство огромного, несообразного месту и статусу всемирного наследия нового здания музея на берегах Святого озера напротив монастыря — о недопустимости которого и российские эксперты, и миссия ЮНЕСКО заявляли ещё до начала строительства, однако, невзирая на предупреждения, этот монумент министерской самостоятельности отчасти уже воздвигнут. Конечно, случались и многие позитивные события, но явно просматривается общий тренд на коммерчески-имущественные интересы освоения наследия и пространства Соловков. Представители Института Наследия оказались невольны в положении стойкой оппозиции этим процессам.

Тропами Соловецкими. В центре — Д. Мюклебюст, Ю. Веденин, В. Столяров, о. Анзер, 1998 г.

Подобные явления случаются не от незнания предмета, в России достаточно грамотных специалистов, а исходя из иной системы приоритетов в управлении, из той самой системы ценностей, в которой доходность становится мерилем качества. Отметим, что Ю.А. Веденин и его коллеги многократно предпринимали и продолжают предпринимать попытки разрешить эти коллизии — через Научно-методический совет по охране и сохранению объектов культурного наследия Минкультуры РФ (НМС МК РФ), через совместные заседания с Общественной Палатой РФ, Союзом архитекторов РФ, специально создаваемые рабочие группы. Целый ряд вопросов при участии Юрия Александровича и других специалистов удалось отчасти разрешить. Пожелаем ему... терпения. А Соловецкому культурному ландшафту — стойкости, ведь данная категория была обозначена главной чертой средневековых сообществ Соловецкого монастыря при номинации островов как объекта всемирного наследия.

Отметим также, что Институт Наследия под руководством Ю.А. Веденина сделал много полезного для Соловков, и в первую очередь — благодаря настойчивости и таланту руководителя Соловецкого отряда МАКЭ, Вячеслава Павловича Столярова. Издавались книги, составлялись карты, проводились экспедиции, осуществлялся регулярный упреждающий мониторинг угрожающих островам проектов (в их числе — размещение крупных ветроэнергетических установок), было сделано обоснование для придания островам статуса достопримечательного места. Ведь весь архипелаг — уникальный монастырский ландшафт, и не только. Это — ассоциативный мемориальный ландшафт ГУЛАГа. Это — палеокультурный (археологический) ландшафт приморских сообществ прошлых тысячелетий. Упорное нежелание российских ведомств учитывать данное обстоятельство при решении управленческих задач только увеличивает количество нерешённых проблем на архипелаге и ведёт к принципиальным искажениям историко-культурной среды этой северной святыни России (Кулешова, 2015).

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО НАСЛЕДИЯ

Усиливающаяся конфликтность в использовании объектов наследия требует повышенного внимания к такой сфере деятельности, как законодательство. Именно на примере культурных ландшафтов стало понятно, как взаимодействуют между собой различные отрасли законодательства, поскольку культурные ландшафты — не только объект наследия, но и удобная сборочная конструкция для рассмотрения взаимодействий, в том числе правовых, между составляющими территориального комплекса. Автору посчастливилось с середины 90-х до середины 2000-х сотрудничать с Комитетом по экологии Государственной Думы РФ, состоять в Высшем экологическом совете, экспертировать многие законопроекты, участвовать в их разработке, наблюдать тенденции развития законодательства. В 1999 г. было создано новое подразделение института — Сектор правовых проблем управления культурными ландшафтами, в котором помимо исследовательских задач приходилось постоянно решать экспертно-аналитические задачи, связанные с интенсивным развитием и изменением законодательства. К сожалению, по прошествии стольких лет можно констатировать, что в нём возобладали ресурсный и отраслевой, а не комплексный и территориальный подходы (Веденин, Кулешова, 2009).

Тем не менее, в 2002 г. после долгих и мучительных обсуждений и согласований был принят главный, № 73-ФЗ, Закон о культурном наследии страны «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», началось активное внедрение категории «наследие» в управленческую практику. Ю. А. Веденин непосредственно участвовал в разработке этого закона и всех последующих его менявшихся редакций, неоднократно пытался внедрить в него представление о музеях-заповедниках, но законодательные инстанции эти попытки упорно пресекали, чему свидетелем была и автор. Именно благодаря настойчивости Веденина в закон было введено понятие о культурных ландшафтах, они были отнесены к одному из трёх видов объектов культурного наследия — к достопримечательным местам (статья 3). Этому поспособствовала Конвенция о Всемирном наследии, в которой среди объектов культурного наследия выделены три категории — памятники, ансамбли и места/местности (в российском переводе — достопримечательные места), к последним отнесены «совместные произведения человека и природы», в сопровождающих Конвенцию методических документах соотносимые с культурными ландшафтами. В последующие редакции закона, по инициативе Веденина и при участии автора, был внесён ряд важных правовых позиций относительно территорий объектов наследия и достопримечательных мест, хотя нельзя сказать, чтобы окончательные версии целого ряда правовых норм вызывали сейчас удовлетворение. Наряду с некоторыми полезными уточнениями, профильный закон о культурном наследии начиная с 2009 года приобретает несоразмерную громоздкость за счёт привнесения многочисленных процедурных дополнений, усложнения и бюрократизации в постановке на охрану объектов наследия. Об этом от Института Наследия регулярно составлялись экспертные заключения, поддерживался контакт с Комитетом по культуре Государственной Думы РФ, осуществлялся постоянный мониторинг изменений зако-

нодательства вплоть до 2013 г. Сегодня мы наблюдаем усугубление конфликтности при установлении режимов охраны и регламентов хозяйственной деятельности для достопримечательных мест, исходящее из права ведомств самостоятельно менять такие режимы и регламенты в угоду конъюнктуре, что означает несовершенство действующего закона и необходимость внесения в него новых корректирующих правовых норм. В то же время нельзя признать нормальным состоянием гиперизменчивость современного законодательства, особенно проявившуюся в последнее десятилетие, что свидетельствует о крупном цивилизационном сломе, меняющем характер общественных отношений, и перманентной адаптации законодательства — уже не как системы правил в общественных отношениях, а как регулятора-администратора коротких стратегий скоротечных политик.

Интересный факт, но первым федеральным актом, использовавшим понятие культурных ландшафтов, оказался Земельный кодекс РФ в редакции 2001 г., включивший культурные ландшафты в «особо ценные земли», а последние — в категорию земель особо охраняемых территорий (статья 100). Но дальше декларации употребление данного понятия в земельном законодательстве не пошло. Зато в природоохранном законодательстве, именно под влиянием многочисленных работ Института, и благодаря сотрудничеству с национальными парками (в первую очередь — Кенозерским и «Угра») и просветительскими организациями (Экоцентр «Заповедники»), представление о культурных ландшафтах в 2011 г. вошло в правительственную «Концепцию развития системы особо охраняемых природных территорий на период до 2020 г.», а немногим позже, в 2013 г. — в новую редакцию Закона «Об особо охраняемых природных территориях» (статья 2 № 33-ФЗ). Так сложилось, что основной формой охраны культурных ландшафтов в природоохранной отрасли стали национальные парки, тому есть объективные причины и предпосылки (Сельские культурные..., 2013, Управление культурными..., 2002).

*В. П. Новиков, Е. Ф. Шатковская, Н. Р. Данилина, Ю. А. Веденин
в окрестностях д. Дворцы, национальный парк «Угра», 2014 г.*

В сфере охраны культурного наследия есть аналогичная территориальная организационно-правовая форма — музей-заповедники, которая функционально постепенно конвергирует с национальными парками (Кулешова, 2006). Директорат и науч-

ные сотрудники музеев-заповедников прекрасно знают работы Института Наследия и с огромным почтением относятся к его организатору — Ю. А. Веденину, что подтверждают и публикации данного сборника. Поэтому контакты с ними были постоянны, плодотворны, конструктивны и продолжают таковыми быть. Музеи-заповедники сегодня — самый активный субъект деятельности в сфере культуры, озабоченный сохранением культурных ландшафтов России, поэтому интерес к ним оправдан научным целеполаганием, и целый ряд содержательных ландшафтных разработок нам удалось для них сделать. Они создавались с 1960-х годов, утверждались постановлениями исполнительных органов власти, отражались в некоторых правовых актах до начала 2000-х, но после их игнорирования профильным законом № 73-ФЗ в 2002 г. оказались в правовом вакууме, что вызвало множественные конфликты землепользования в границах наиболее ценных ландшафтов. Одновременно профильным законом было введено альтернативное понятие — историко-культурный заповедник (статьи 57–58) — категория, единично встречаемая на практике, в соответствии с законом может быть присвоена достопримечательным местам, но не имеет чёткого функционала и поэтому вот уже 15 лет не востребована практикой (Кулешова, Веденин, 2009).

Любая категория, или форма охраны территории, возникает в связи с жизненными запросами, с необходимостью урегулировать использование территории и сохранить её ценности, поэтому возникновение форм и категорий охраны всегда обусловлено сочетанием задаваемых им функций. Если присвоить функциональную определённость историко-культурному заповеднику — он будет востребован практикой и может рассматриваться как особо охраняемая территория. Конечно же, с точки зрения смысла, содержания и предназначения музеи-заповедники — это тоже одна из категорий особо охраняемых территорий (Кулешова и др., 1994). Но не всякий смысл соотносится с российским законодательством, которое музеи-заповедники рассматривает только в качестве учреждений культуры — музеев, но не охраняемых территорий. Ю. А. Веденин и многие его коллеги, включая автора, предпочитают придерживаться смысла и целесообразности, поэтому вопрос о правовом статусе музеев-заповедников поднимался по инициативе Института многократно на различных представительных форумах, особенно — в конце 1990-х — в 2000-е годы.

В 1998 г. под руководством Ю. А. Веденина при Совете Федерации создаётся рабочая группа и подготавливается Проект закона о музеях-заповедниках (с его текстом можно ознакомиться по ссылке <http://www.council.gov.ru/activity/documents/480/>). Субъектом законодательной инициативы выступает Совет Федерации, проект поддерживается музеями-заповедниками и в 1999 г. вносится в Государственную Думу, но получает отрицательный отзыв Минкультуры РФ, без поддержки которого рассмотрение проекта было обречено на неудачу. Ведь его нормы предусматривали право музеев-заповедников на управление обширными пространствами, определив их как категорию особо охраняемых территорий. Документ получился смелым и интересным, но опередил своё время, которое до сих пор так и не наступило. Тем не менее, он был использован в качестве основы при разработке модельного закона для стран СНГ и принят Межпарламентской ассамблеей государств-участников в ноябре 2001 г. (<http://docs.cntd.ru/document/901814517>), его положения вошли в отдельные законодательные акты стран содружества, в частности в Казахстане.

Правовой вакуум с музеями-заповедниками России приносил печальные плоды, и в 2011 г. в Законе № 54-ФЗ «О музейном фонде РФ и музеях в РФ» появилась новая статья (ст. 26.1), посвящённая этой категории. Мы не считаем этот закон адекватным и достаточным для целей охраны культурных ландшафтов музеев-заповедников, но он всё же узаконил их юридическое право на территорию — правда, только в рамках переданных им в пользование земель, доля которых ничтожно мала в сравнении с ценным историко-культурным ландшафтом, ради которого многие из них создавались. Чтобы защитить этот самый ландшафт, музеи-заповедники вынуждены были в массовом порядке инициировать создание достопримечательных мест — ещё одной организационной формы охраны культурного наследия.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА КАК ФОРМА ОХРАНЫ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

В работе Института и сектора большая роль отводилась созданию достопримечательных мест — прежде всего на уровне стратегического планирования и консультирования. К разработке проектной документации Минкультуры привлекало в основном, к сожалению, другие организации. Достопримечательные места (ДМ) получили право на жизнь с принятием Закона № 73-ФЗ в 2002 г., но создаваться стали не сразу, региональные чиновники ждали соответствующей правовой «подпорки» — «Положения». По сей день оно не разработано, а ДМ, тем не менее, стали создаваться и, надо отметить, что первые были созданы при непосредственном участии сотрудников Института (Глазуновой О. В., Завьяловой Н. И., Кулешовой М. Е.) под руководством Ю. А. Ве-

Укреплённое поселение Аркаим в долине р. Караганки, 2005 г.

денина. Это была серия из 17 археологических комплексов, протогородов бронзового века с прилегающими к ним угодьями древнего природопользования на зауральском пенеппене юга Челябинской области, для которых в 2005 г. Институт подготовил соответствующую документацию, обосновывающую их границы как ДМ, предмет охраны и режим содержания (Подготовка..., 2005). Решение о постановке на охрану этого кластера с отнесением его к историко-культурному заповеднику Аркаим было принято на областном уровне, однако в сильно редуцированном виде в сравнении с заявленными проектными предложениями.

Наряду с такими обширными разработками были предложены к организации и «миниатюрные» достопримечательные места, как «Святой источник у села Красное» близ Борисоглебского на Устье монастыря в Ярославской области. Эти предложения были оформлены нами в виде экспертного заключения, которое послужило основным документом для постановки на региональную охрану в 2009 г. этого ландшафтного феномена — участка речной долины р. Шула с выходом по борту родниковых вод. Изустными преданиями родник связан с жизнью местночтимого святого — Иринарха Затворника. В заключении впервые было указано на важность сохранения психофизических параметров ландшафта, необходимых для адекватного восприятия святости места.

Установление статуса достопримечательных мест для таких знаковых в российской истории территорий, как Бородинское поле и Древний Радонеж осуществлялось не Институтом, но с привлечением многолетних исследований и разработок его сотрудников (Горбунов, Кулешова, 2001, Чернов, 2000), а также их консультативного и экспертного участия. Проектировщиком в обоих случаях выступил НИиПИ градостроительства. Для Бородинского поля дирекция музея-заповедника смогла добиться полноценного выполнения проекта и его утверждения в 2012 г. В пользовании музея-заповедника находится незначительная площадь земель от всего историко-культурного ландшафта поля битвы, поэтому статус ДМ был остро необходим на тот момент (подробнее об исследованиях Бородинского поля см. статью А. В. Горбунова).

Процесс установления аналогичного статуса для Древнего Радонежа — исторического ландшафта, хранящего свидетельства и ассоциативные связи с Преподобным Сергием Радонежским — имел конфликтный характер. До начала 2010-х годов защита территории обеспечивалась зонами охраны, утверждёнными ещё в 1986 году. Они были разработаны под руководством д.и.н. С. З. Чернова (в 1992—2014 гг. — рук. одного из подразделений Института Наследия), многолетние исследования которого позволили обосновать исключительную ценность этого исторического ландшафта и подтвердить его высокую сохранность. Однако с середины 2000-х годов началось массовое нарушение установленных законом зон охраны, выделялись участки под строительство и осуществлялась застройка. Сотни гектаров были обнесены заборами в долине реки Вори, где М. В. Нестеровым было написано «Видение Отроку Варфоломею», заблокированы паломнические и туристические пути к Радонежу от станций Ярославской железной дороги. Начались обращения в органы власти, за ними последовали прокурорское реагирование и судебные разбирательства, многие неправомерные решения были отменены. Тем не менее, в условиях изменившегося

законодательства Минкультуры РФ предпочло создание на этой территории ДМ, что должно было обеспечить её более полноценную правовую защиту. Проект был исполнен, но его содержание заставило сомневаться в целесообразности предпринятой инициативы — фактически, он узаконивал незаконную застройку в искалеченном мемориальном ландшафте и сводил предмет охраны к неприемлемому минимуму. Только благодаря ряду проведённых под руководством Ю.А. Веденина заседаний НМС Минкультуры РФ, привлечению Общественной Палаты РФ, экспертному участию многих специалистов, в первую очередь — принципиальной позиции самого С.З. Чернова, публикациям в прессе, привлечению Верховного и городского судов и прокуратуры удалось привести режимные установки проекта в относительное соответствие с целями охраны ландшафтного наследия. В 2014 г. Древний Радонеж был отнесён к достопримечательному месту.

Надо отметить, что ДМ — всего лишь правовой инструмент, а один и тот же инструмент может быть использован совершенно в различных целях, невзирая на декларирование задач охраны наследия. Отметим, что зоны охраны объектов культурного наследия — тоже правовой инструмент, и с их созданием или корректировкой можно как улучшить, так и усугубить состояние либо профанировать защиту объекта наследия. Это зависит от уровня квалификации исполнителя проекта и его моральных качеств, то есть зависит от субъективного фактора. Нивелировать эффект субъективности призвана историко-культурная экспертиза, но и она бывает ангажированной и аффилированной. Конфликты в этой сфере — отражение нравственного недомогания общества, следствие бизнес-приоритетов общественного развития и духовного убожества некоторых принимающих решения лиц и инстанций.

Созданию достопримечательных мест, связанных с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина соответственно в окрестностях усадьбы Ясная Поляна и селца Михайловского (Пушкинский Заповедник), поспособствовали исследования, проведённые сотрудниками института (в частности, разработки коллектива, руководимого Г.А. Зайцевой, исследования С.А. Пчёлкина, О.В. Глазуновой, Н.И. Завьяловой, а также и автора), либо их экспертно-консультативное участие при подготовке проектной документации. В 2014 г. под руководством П.М. Шульгина для Пушкинского музея-заповедника была разработана Концепция развития, основанная на ландшафтных подходах (см. статью Жучкова и Дмитриевой в настоящем сборнике). Посодействовали наши ландшафтные рекогносцировки и созданию достопримечательного места в деревне Кимжа с окрестностями (Мезенский р-н Архангельской обл.). Пример деревни Кимжа особенно интересен тем, что инициатором создания режимной территории выступило местное сообщество в лице ТОС (территориальное общественное самоуправление) — форма, получившая ограниченное распространение на севере России, где традиционно уровень самоорганизации граждан более высок. Между тем, в мире и в Европе ландшафтные объекты наследия всё чаще становятся предметом попечительства местных сообществ, а не только и не столько государственных структур. Только что был учреждён международный Консорциум территорий коренных народов и территорий, охраняемых местными сообществами (https://www.iccaconsortium.org/?dm_i=2GI3,14KN5,4QKOUT,3GZSN,1).

Деревня Кимжа, Мезенский р-н Архангельской области

При наличии обосновывающих материалов научных исследований и при их грамотном использовании тандем проектировщиков, исследователей и местного сообщества может быть весьма продуктивным. Особенно важно выявить и обозначить предмет охраны — корректные формулировки в этой части препятствуют последующим манипуляциям и с границами ДМ, и с градостроительными регламентами, и с режимами. Значение институтских разработок заключается в смелых интерпретациях предмета охраны с включением в него, наряду с привычными архитектурно-градостроительными компонентами, также широко трактуемых ландшафтных компонентов, характеристик и топосов (Кулешова, 2010, Сельские культурные..., 2013).

В засечных лесах музея-заповедника Ясная Поляна, И.И. Кроленко

Одним из блестяще исполненных проектов, выполненных ООО «Парковая реставрация — Гардарика» под руководством архитектора И. И. Кроленко (1945–2017), является проект по созданию ДМ в окрестностях усадьбы Ясная Поляна. Эта работа может служить эталоном и образцом для проектировщиков: наряду с тщательностью регламентных установок и безукоризненным языком графики, в ней был полноценно прописан предмет охраны, досконально учтены не только культурные, но и природные ценности территории. Работа была поддержана руководимой Ю. А. Ведениным секцией НМС Минкультуры РФ, рекомендована к утверждению. Соответствующий министерский приказ был выпущен, однако именно в части предмета охраны министерство решило откорректировать автора проекта, и утвердило свою «упрощённую» версию предложений в этой части, проигнорировав компетенции профессионалов. Прецедент знаковый, иллюстрирующий соположение профессионала и управленца в системе принятия решений с фьючерсными конфликтными ситуациями и угрозами объекту охраны.

Вопрос о достопримечательных местах как одной из основных форм защиты культурного ландшафта до сих пор вызывает споры даже в профессиональном сообществе. Эти споры вызваны двумя типами ситуаций, которые следует различать. Первое: не ко всякому ландшафтному объекту или архитектурному ансамблю уместно применять данный статус охраны и данное понятие. В случае ансамбля, или комплекса памятников, для которых приоритетной является стратегия консервативного сохранения в строго заданных параметрах, статус ДМ мало подходит, если только эти памятники или ансамбли не включаются в границы ДМ с сохранением своего статуса памятников и ансамблей, как изюм в булке. А вот для обширных ландшафтных комплексов, где предполагается целенаправленное формирование отдельных составляющих инфраструктуры при условии сохранения главных ценностных параметров ландшафта, ДМ служит самой подходящей формой защиты. Выражаясь образно — не надо принимать слабительное при головной боли. Яркий тому пример — подмосковная усадьба Архангельское, по усердию Минкультуры РФ превращаемая с 2016 г. из памятника-ансамбля с зонами охраны в достопримечательное место с памятником-ансамблем, как мы полагаем, в целях манипуляций с земельными участками в границах пока действующих зон охраны ансамбля. А вот для есенинского Константиново с окрестными долинными ландшафтами Оки, или для Херсонеса Таврического с его древней хорой (проектная документация по этим объектам находилась в зоне экспертного внимания Юрия Александровича) — только статус ДМ может полноценно учесть и задачи сохранения, и задачи адаптации развивающейся инфраструктуры к характерным параметрам ландшафта, которые не должны быть нарушены. Константиново стало очередным «полем битвы» двух мировоззрений — либо квадратно-гнездовая посадка дворцов новой знати за крепостными стенами с прилегающей селитьбой, густо рассекаемой металлопрофилем, либо есенинское «Синее небо, цветная дуга,/ Тихо степные бегут берега,/ Тянется дым, у малиновых сёл/ Свадьба ворон облегла частокол./ Снова я вижу знакомый обрыв/ С красною глиной и сучьями ив,/ Грезит над озером рыжий овёс,/ Пахнет ромашкой и мёдом от ос». Это борьба за культурный ландшафт, основанная на знании предмета охраны и нравственном императиве. В защите данного знакового для России места принципиальную позицию занял Рязанский ВООПИК.

*Родина С. Есенина, село Константиново,
Ю.А. Веденин знакомится с проблемами музея-заповедника*

Примером актуальности применения сразу нескольких форм охраны наследия служит деревня Дунино с окрестностями, расположенная под Звенигородом. Это и великолепный литературно-мемориальный ландшафт, связанный с именем М. М. Пришвина, это и археологический ландшафт целой системы городищ с посадами-селищами дьяковской культуры — Дунинский археологический комплекс. Обширные окрестности с лесами, лугами, заречными далями — перспективное ДМ. Для его создания под руководством автора были составлены соответствующие концептуальные обоснования, главное из которых — литературная ценность местности, обоснованная Ю. А. Ведениным (Разработка концепции., 2006). Графические проектные предложения были впоследствии разработаны и выполнены И. И. Кроленко со свойственной этому талантливому архитектору концептуальной глубиной. Усадьба Пришвина, находящаяся под охраной закона, и археокомплекс — тот самый «изюм в булке» перспективного ДМ. Одновременно для этих объектов Н. И. Завьяловой были разработаны и зоны охраны. Однако долгие годы археокомплекс, занимающий оползневый террасовый склон левого борта долины Москвы-реки являет собой не столько арену древнего природопользования, сколько арену борьбы между защитниками наследия и застройщиками. Попытки поставить его на охрану в качестве археологического ансамбля наталкиваются на упорное сопротивление — кого? — Минкультуры Московской области и Минкультуры РФ. В документах территориального планирования вся его территория давно разлинована под коттеджную застройку, по факту застройка обжала его со всех сторон и вождедеет в предвкушении — как гоголевская панночка во гробе вождедеет добраться до Хомы. Но будем надеяться на иное развитие данного сюжета. По археокомплексу — перспективному археологическому ансамблю — сотрудником дореформенного Института Наследия, д.и.н. С. З. Черновым разработана научно-проектная документация для постановки его на государственную охрану, доказана исключительная ценность и сохранность

объекта, продемонстрирован истинно ландшафтный подход в исследовании целостности взаимосвязанных памятников, а не их дискретного набора. Большинство археологов интересуется раскоп отдельно взятого памятника для изучения материальной культуры прошлого, и только редкого археолога — арена древнего природопользования как свидетельство, которое должно быть сохраняемо в своей подлинности. Но это наше разумение. У принимающих решения инстанций — другая точка зрения.

*Беспечное бытование незаконных ограждений в прибрежной полосе
Москвы-реки в соседстве с Дунинским археологическим комплексом*

Мы наблюдаем коллизии между наукой и властью, между знанием и силой, между доказательными аргументами и безграмотной риторикой, между заботой о нашем общем национальном достоянии и заботами о правах небедных граждан строить себе апартаменты на ценных историко-культурных территориях.

КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНЫЕ ТРЕНДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ ОХРАНЫ НАСЛЕДИЯ

В наших ландшафтных исследованиях большую пользу принёс опыт ознакомления с зарубежной практикой. О влиянии руководящих документов ЮНЕСКО по применению Конвенции о всемирном наследии уже было сказано. К их числу относятся и несколько выпусков докладов ЮНЕСКО, посвящённых роли культурных ландшафтов во всемирном наследии и методикам работы с ними (World Heritage Papers 6, 7, 26 — см. на сайте ЮНЕСКО <http://whc.unesco.org/en/series/>). Происходил обмен мнениями с Центром Всемирного наследия, в результате которого наши методологические подходы и результаты тоже находили отражение в аналитике экспертов ЮНЕСКО по культурным ландшафтам (Fowler, 2012). Исследование Списка всемирного наследия на предмет представленности в нём культурных ландшафтов показало очень интересные результаты

(Кулешова, 2007), но здесь упомянем лишь один, наиболее значимый и доказанный: культурные ландшафты — не просто какой-то особый тип наследия, это ещё и мощный концепт, который пронизывает буквально всю идеологию всемирного наследия; официальное число культурных ландшафтов Списка — около сотни, но есть немало число латентных, что признают и ведущие эксперты ЮНЕСКО, по нашим расчётам это число составляет не менее трети Списка и примерно половину всех «культурных» объектов. В этом — ответ на вопрос, какова роль культурных ландшафтов во всемирном наследии.

Очевидный культурно-ландшафтный тренд присутствует и в других инициативах ЮНЕСКО и МСОП, изучению которых отводилось немало времени и сил — это и Конвенция о нематериальном наследии человечества (2003), где присутствует категория «культурные пространства», близкая культурным ландшафтам; это руководство МСОП по применению категории «охраняемые ландшафты» (2002)² и Конвенция о биологическом разнообразии (1992), реализующая стратегию Рио-де-Жанейро по устойчивому развитию и выделяющая вопросы охраны ландшафтов; это программа ЮНЕСКО «МАБ» (1970), ставящая цели гармоничного сотрудничества человека и биосферы, что однозначно подразумевает культурно-ландшафтный подход, реализуется через создание биосферных резерватов и закреплено Севильской стратегией (1995).

Много полезного было почерпнуто из опыта европейских стран и ландшафтных инициатив Совета Европы. Сотрудники института С.А. Пчёлкин, Т.Ю. Семёнова, В.П. Столяров и автор этих строк многократно представляли с докладами на постоянной Европейской конференции по сельским ландшафтам — Permanent European Conference on the Study of Rural Landscapes (<http://www.pecsrl.org/index.html>) и содействовали распространению положений Европейской ландшафтной конвенции (ЕЛК) Совета Европы (2000), участвуя в проводимых её координационным советом рабочих семинарах и проектах в качестве экспертов (Landscape Facets..., 2012). В 2003 г. под эгидой Европейской конференции министров пространственного планирования (СЕМАТ) было опубликовано Руководство по сельскому наследию (European..., 2003), которое заявляло новый подход к наследию, к его активной актуализации сельскими сообществами и ландшафтному осмыслению. Благодаря инициативе сотрудника института Т.Ю. Семёновой оно было переведено на русский язык, распространено среди заинтересованных российских пользователей, получило статус официального перевода и размещено на сайте Совета Европы (<https://rm.coe.int/16806f7cc6>). В 2013 г. в России нами был подготовлен методический аналог этого руководства (Сельские культурные..., 2013), разработанный коллективом специалистов со значительной долей сотрудников дореформенного института среди авторов.

В 2012 г. коллективными усилиями сотрудников Сектора культурных ландшафтов был выполнен перевод Рекомендаций по применению Европейской ландшафтной конвенции (Guidelines..., 2008), который благодаря участию Т.Ю. Семёновой был размещён на том же информационном ресурсе (<https://rm.coe.int/16804baca1>). Это был наш маленький подарок к 10-летию конвенции, отмечавшийся во Флоренции — горо-

² Перевод документа на русский язык был сделан сотрудником сектора Сергеем Сокольским, но не опубликован.

де, где она была принята и потому иногда называется флорентийской. Россия до сих пор не подписала эту конвенцию, хотя о её преимуществах как механизме управления ландшафтами делались доклады, выходили многочисленные публикации (в их числе — Кулешова, 2013), подавались экспертные записки в Минкультуры РФ, которое, кстати, дало своё положительное заключение по данному вопросу для МИДа. Главное назначение Конвенции — привлечь внимание к проблемам ландшафтов и усилить роль местных сообществ в принятии решений по защите, формированию и развитию ландшафтов, предложить соответствующие, включая правовые, механизмы её реализации. Учитывая наблюдаемые политические тенденции, наша страна вряд ли будет способна присоединиться к Конвенции в ближайшие годы.

Все упомянутые международные документы, равно как и опыт других стран по работе с наследием и системами охраняемых территорий, тщательно анализировались и использовались при разработке собственной методологической базы (Кулешова, 2010, Культурный ландшафт., 2004, Сельские культурные., 2013, Управление объектами культурного., 2002).

Интересные результаты дало сотрудничество института с Центром охраны дикой природы (ЦОДП), с Экоцентром «Заповедники» и словацкой организацией «Mahaon International» в совместных европейских и российских проектах по наследию и ландшафтам. Подготовленные методические рекомендации по охране культурного наследия и ландшафтов оказались весьма востребованы в природоохранном сообществе и стали частью Стратегии развития национальных парков России, разработанной ЦОДП с авторским участием Ю. А. Веденина, Н. В. Максаковского и автора этой статьи (Стратегия., 2002). В рамках сотрудничества с ЦОДП осуществлялись консультации и кураторство в разработке первых менеджмент-планов для парков Кенозерского и Угра, что дало возможность отработать целый ряд важных методик, в частности — культурно-ландшафтного районирования (Культурный ландшафт., 2004).

Международный проект «Культурные ландшафты: традиции для развития», поддержанный Еврокомиссией и координируемый Экоцентром «Заповедники», выполнялся в начале 2010-х годов. В каком-то смысле это — реализация Европейской ландшафтной конвенции участниками проекта и активный обмен опытом по сохранению ландшафтного наследия в самой широкой его трактовке. Опыт каждой страны имеет свои уникальные черты, полезные для изучения и восприятия для каждого из участников проекта. Важным для автора этих строк было ознакомление с белорусским опытом сельского туризма, умело сочетаемого с выявлением и актуализацией сельского наследия и развитием системы частных музеев, ассоциированных с системой гостевого сельского туризма. В Словакии и Чехии обратила на себя внимание атмосфера включённости музеев-скансенов в живую культурную жизнь регионов: здесь велика роль учёного-этнографа в выборе путей формирования музея, в отличие от аналогичных российских «скансенов», где концептуально доминируют архитекторы (постепенно изживаемые менеджерами широкого профиля). Модель жизни такого «скансена» становится привлекательной для местного населения и оно с большим энтузиазмом сохраняет своё архитектурное наследие, тем

самым сохраняя традиционный культурный ландшафт. В Великобритании особый интерес вызывает опыт сотрудничества государственных органов, местных властей, Национального траста, массы общественных организаций и местного населения по управлению национальными парками и в первую очередь — их культурными ландшафтами. Один из самых ярких примеров — «Озёрный край» с его «озёрной» школой писателей, художников, поэтов — только в этом, 2017 году удостоился включения в Список всемирного наследия в качестве культурного ландшафта, добиваясь этого статуса ровно 30 лет! Российский опыт по результатам проекта был оформлен аналитико-методическим изданием «Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию» (2013).

Большое значение для распространения культурно-ландшафтного подхода в системе особо охраняемых природных территорий имел просветительский проект Экоцентра «Заповедники» (директор Н. Р. Данилина) по разработке методических рекомендаций и обучению персонала национальных парков основам охраны культурного наследия и культурных ландшафтов в частности (2014–2015 гг.). В проекте активно участвовали Ю. А. Веденин и его бывшие сотрудники. Было обработано несколько десятков анкет, полученных от национальных парков, о наличии на их территориях объектов культурного наследия, и сделаны достаточно оригинальные выводы о состоянии дел в этой сфере, а также о восприятии концепта культурного ландшафта в учреждениях природоохранного профиля (Кулешова, Новиков, 2017). Надо отметить, что лекции, программу которых готовил Ю. А. Веденин и которые читались специалистами, включая его самого, его бывших сотрудников и других приглашённых им специалистов, а также прямой контакт с представителями парков, принесли немалую пользу делу выявления и сохранения культурного наследия на охраняемых природных территориях.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЕКТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И НАУЧНЫЕ ИТОГИ

За прошедшие годы перед Сектором управления культурными ландшафтами ставились очень разные задачи, осуществлялись контакты с разными территориями, развивались прикладные научные исследования, актуальность которых подтверждалась самой жизнью в науке. Это и расширение представлений о наследии, и детализация системы критериев ценности наследия, и новые подходы к культурно-ландшафтному районированию, и систематика культурных ландшафтов, и алгоритмы ландшафтных описаний, зависящие от индивидуальной специфики объекта, и мониторинг законодательной базы. Каждый наш проект содержал маленькие методические открытия, и эти проекты структурно никогда не повторялись, мы постоянно находились в научном поиске, предлагая и разъясняя своим коллегам и последователям преимущества очередного аналитического либо методического приёма.

Наиболее ценной методической находкой нам представляется концепция природно-культурного каркаса территорий, разработанная на рубеже веков и с успехом применявшаяся в большинстве территориальных исследований и проектов (Куле-

шова, 2007, и др.). Её смысл — в выявлении каркасных природно-ландшафтных структур, узловых и линейных, от которых зависит развитие поселенческой ткани, возникновение культурных центров, формирование сакральных локусов пространства, системы коммуникаций, которые в свою очередь начинают структурировать ландшафтный покров и влиять на его природные характеристики. Все культурные центры и вообще объекты наследия тяготеют к узловым структурам природного каркаса, в результате взаимовлияния природной и культурной составляющих складывается природно-культурный каркас, профессиональное выявление которого помогает понять закономерности пространственного развития, системно подходить к проблемам охраны наследия в целом и культурного ландшафта в частности, решать многие прикладные задачи, в частности — в области территориального планирования. При изучении природно-культурного разнообразия Соловецкого архипелага этот подход подтвердил закономерность пространственного размещения всех сакральных и хозяйственных центров на островах и помог аргументировано представить природно-культурный континуум наследия. В предложениях по организации исторической территории «Кунгурский край», в программных разработках по Бородинскому полю, в менеджмент-планировании национального парка «Угра» этот подход был использован для проведения культурно-ландшафтного районирования и выработки адресных предложений по выделенным территориальным единицам. В Кенозерском национальном парке он послужил для целостного представления культурно-ландшафтных ценностей территории и т. д. (Культурный ландшафт., 2004).

В секторе в разное время работали специалисты, которых с благодарностью хотелось бы назвать. Каждый из них вносил свой вклад в тематические ландшафтные исследования. Это Оболенская Мария Александровна (ментальные карты наследия Кенозерья), Онуфриенко Галина Фёдоровна (обзоры зарубежного опыта охраны наследия), Гомбоев Баир Цыремпилович (сакральные ландшафты Байкальского региона), Зенько Марина Анатольевна (права малочисленных коренных народов Севера, этническая история лесных ненцев), Сокольский Сергей Вячеславович (переводы методических документов, географические описания объектов культурного наследия), Моськин Роман Васильевич (территориальная организация сельской местности, краеведение Мценского района), Штильмарк Наталья Феликсовна (дидактика наследия, авторские переводы книг немецких исследователей по истории и культуре природопользования), Бабекин Дмитрий Владимирович (зарубежное законодательство), Захаров Юрий Семёнович (экологические каркасы, природоохранное проектирование). Г. Ф. Онуфриенко начала своё сотрудничество с сектором с его создания в 1999 г. и, обладая очень широким кругом интересов и знанием языков, сделала немало интересных переводов и великолепных обзорных отчётов по законодательству Польши и стран Балтии в области охраны культурного и природного наследия, а также по тематическим паркам мира и значению лошадей в человеческой истории. С Б. Ц. Гомбоевым удалось выполнить весьма полезное исследование по выявлению, систематике, конфликтам и возможностям охраны объектов культурного наследия Тункинского района Бурятии — это уникальный пример района, границы которого совпадают с границами Тункинского национального парка. Н. Ф. Штильмарк,

являясь одновременно биологом и педагогом, сделала немало интересных проектов, связующих высокую науку с просвещением и познакомила россиян с переведёнными ею работами Х. Кюстера, Й. Радкау, П. Вольлебена. В последние годы существования сектора в нём работал и один из старейших сотрудников института, Ю. С. Захаров — замечательный исследователь-географ, на счету у которого немало проектов охраняемых природных территорий и весьма ценные разработки по озёрно-канальным и мелиоративным системам Соловецкого архипелага (одна из таких разработок представлена в сборнике).

Методический инструментарий, как воспринятый из зарубежного опыта, так и разработанный за эти годы, многообразие решаемых задач, проектов и программ, нацеленных на изучение и сохранение культурных ландшафтов России, составили весомый вклад в теорию и практику ландшафтных исследований и информационно-аксиологическую школу культурного ландшафта, основанную и возглавляемую Ю. А. Ведениным. Работать вместе и под руководством настоящего учёного — большая удача, выпавшая сотрудникам Института Наследия в 1992—2013 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Веденин Ю. А. Роль искусства в формировании культурных ландшафтов // Проблемы социальной экологии. Ч. 2. — Львов, 1986.

Веденин Ю. А. Концепция культурного ландшафта и задача охраны культурного и природного наследия // Ориентиры культурной политики. Инф. вып. № 6. — М.: МК РФ, 1993—158 с.

Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Инф. вып. 2. — М., 1997 — С. 3—99.

Веденин Ю. А. Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия РАН. Серия географическая, 2003. № 3. — С. 7—13.

Веденин Ю. А. Изучение, сохранение и актуализация наследия как фактора устойчивого развития районов // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. — С. 85—110.

Веденин Ю. А., Ведерникова Н. М., Колбовский Е. Ю., Кулешова М. Е., Максакковский Н. В. Методика составления номинационного досье культурного ландшафта на примере «Заповеданного Кенозерья», заявленного от России в Список всемирного наследия // Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности. Кенозерские чтения — 2016. — Архангельск (в печати).

Веденин Ю. А. (руководитель работ) и др. ОНИР «Обоснование включения крестьянского северорусского культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО». Москва, 2017. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая, 2001 № 1. — С. 7–14.

Веденин Ю.А., Тормосов Д.В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 425–445.

Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия АН, сер. геогр. № 3. — М., 1992.

Глазунова О.Н. Пушкинские Горы. Ландшафтно-этнографический очерк // Наследие и современность. Вып. № 17, 2010. — С. 111–171.

Гомбоев Б.Ц. «Культовые места Баргузинской долины». — Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007.

Горбунов А.В., Кулешова М.Е. Пространственная структура историко-культурного ландшафта Бородинского поля // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. — М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2001. — С. 22–45.

Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия / сост. Г.Ф. Онуфриенко, Ю.А. Веденин, науч. ред. Ю.А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 1999. — 96 с.

Завьялова Н.И. Усадьба Средниково («Лермонтовские места»). Опыт проектирования зон охраны. — М.: Институт Наследия, 2002. — 186 с.

Звук и отзвук / Ред. и сост. Е.Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 2010. — 312 с.

Зенько М.А. Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы. / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 139. — М.: Институт этнологии и антропологии, 2001. — 50 с.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. — М.: Новый хронограф, 2008. — 320 с.

Крупник И.И. Об изучении ледовых культурных ландшафтов // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост. и ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. — С. 18–23.

Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «Природное и культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. — М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1994. — С. 40–46.

Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как феномен наследия и объект управления (опыт России и Норвегии) // Материалы ICOMOS. Информкультура. Вып. 2. — М., 1998. — С. 14–32.

Кулешова М.Е. Природно-культурный каркас и его роль в решении экологических проблем // Материальная база сферы культуры. Информкультура. Вып. 1. — М., 1999. — С. 76–81.

Кулешова М.Е. Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного насле-

дия. — М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 2000. — С. 37–52.

Кулешова М. Е. Музеи-заповедники: коллизия идеального и реального в российском законодательстве // Наследие народов Российской Федерации. № 1. 2006. — С. 2–3, 38–45.

Кулешова М. Е. Всемирное наследие и место в нём культурных ландшафтов // Наследие и современность. Вып. 15. — М.: Институт Наследия, 2007. — С. 21–46.

Кулешова М. Е. Достопримечательные места и рекомендации по их паспортизации // Наследие и современность. Вып. 17 — М.: Институт Наследия, 2010. — С. 49–92.

Кулешова М. Е. Культурные ландшафты и перспективы расширения представительства России в Списке всемирного наследия // Известия Русского географического общества, 2012. Т. 144. № 5. — С. 71–80.

Кулешова М. Е. Сельское наследие России и культурный ландшафт в европейском контексте // Экологическое планирование и управление, 2013. № 1(14). — С. 61–68.

Кулешова М. Е. Соловецкие острова — природное и культурное наследие // Природа, 2015. № 7. — С. 28–41.

Кулешова М. Е., Веденин Ю. А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России // Право и культура. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — С. 361–390.

Кулешова М. Е., Захаров Ю. С., Максаковский Н. В. Разработка общей концепции выделения и формирования территорий особо ценного наследия // Ориентиры культурной политики. Вып. 6. — М.: МК РФ, ГИВЦ, 1994. — С. 32–70.

Кулешова М. Е., Новиков В. П. Оценка историко-культурного потенциала национальных парков России // Природные резерваты — гарант будущего: матер. Всерос. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. — С. 122–128.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой / Авторы: Андреева Е. Д., Веденин Ю. А., Ведерникова Н. М., Горбунов А. В., Джонс М., Иванова И. Г., Исаченко Т. Е., Калущков В. Н., Козыкин А. В., Кулешова М. Е., Массалитина Г. А., Новиков В. П., Оболенская М. А., Онуфриенко Г. Ф., Тормосов Д. В., Чалая И. П., Чернов С. З., Шульгин П. М. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с., ил.

Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / Сост., отв. ред. И. И. Крупник. — М., 2016. — 648 с., ил.

Низовцев В. А. Антропогенные и культурные ландшафты Центральной России (теоретические представления и методы исследования) // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Мат-лы 9-й Всерос. науч. конф., Бородино — 2004. — М.: Институт Наследия, 2005. — С. 65–86.

Онуфриенко Г. Ф. Парки разные нужны, парки разные важны. В 2-х частях. 2012. Электронный ресурс: <http://pdf.knigi-x.ru/21raznoe/43866-1-gf-onufrienko-parki-raznie-nuzhni-parki-vsyakie-vazhni-chast-1-nacionalniy-park-led.php>

Основные положения организации исторической территории «Кунгурский край». ОНИР / рук. Ю. А. Веденин, отв. исп. М. Е. Кулешова. — М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1996. — 181 с.

Основные направления развития национального парка «Кенозерский» на 2001–2005 гг. / Сост. *М.Е. Кулешова* — Архангельск, 2001. — 40 с.

Отчёт о проведении мониторинга объекта Всемирного наследия «Соловецкий историко-культурный комплекс» / Рук. *Герберт Стовел* (Канада); эксперты *Педер Аггер* (Дания), *Кьерсти Шанке* (Норвегия), *Марина Кулешова*, *Тамара Семёнова* (Россия) // Информационный бюллетень «Экология культуры», № 4(17). — Архангельск, 2000. — С. 27–79.

Подготовка материалов для выделения территории историко-культурного заповедника «Страна Аркаим». ОНИР / Рук. *Ю.А. Веденин*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 152 с.

Проблемы теоретической и гуманитарной географии: Сб. научных статей, посвящённый 80-летию *Б.Б. Родомана* / Сост., отв. ред. *Д.Н. Замятин*. — М.: Институт Наследия, 2013. — 368 с.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Пер. с нем., сост. указ. *Н.Ф. Штильмарк* — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 472 с.

Разработка концепции формирования ландшафтно-археологического и историко-мемориального заповедника «Дунино». ОНИР / Рук. *М.Е. Кулешова*. — М.: Институт Наследия, 2006. — 61 с.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. *М.Е. Кулешовой*. Авт. колл.: *Андреева Е.Д., Ведерникова Н.М., Гордеева Т.А., Данилина Н.Р., Карпова В.П., Колбовский Е.Ю., Коромыслов Е.В., Кулешова М.Е., Новиков В.П., Супрычев В.В., Шатковская Е.Ф., Штильмарк Н.Ф.* — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. — 220 с.

Сокольский С.В. Усадьбы Московской области — образцы природно-культурных комплексов, включающих водно-болотные угодья // Водно-болотные угодья Московской области: природные, экономические и историко-культурные аспекты. — М.: Wetlands International — Russia Programme, 2008. — С. 63–71.

Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами (Доклад группы экспертов по культурному ландшафту при рабочей группе по охране памятников культуры под эгидой российско-норвежской комиссии по охране окружающей среды / Авторы: *Эвен Гаукстад, Марина Кулешова, Эли Моен, Вячеслав Столяров*). — М.: Институт Наследия, 1999. — 96 с.

Стратегия управления национальными парками России. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. — 36 с.

Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы / Сост., ред., авт. *Богословская Л.С., Кривощёков В.С., Крупник И.И.* — М.: Институт Наследия, 2008. — 354 с.

Управление культурными ландшафтами и иными объектами культурного наследия в национальных парках / *Кулешова М.Е.* — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. — 46 с.

Чепайтене Раса. Культурное наследие в глобальном мире — Вильнюс: ЕГУ, 2010. — 296 с.

Чернов С. З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1999 г. — М., 2000.

Штильмарк Н. Ф. Особенности и преимущества культурно-ландшафтного подхода в образовательном процессе // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М. Е. Кулешовой. — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. — С. 101–107.

Jones, Michael Roros som verdenskulturminne: Evaluering og utvidenskulturminnet Roros. Foredrag på Fortidsminneforeningens representantskapsmøt 6–8 juni 1997 på Roros. Fjell-Folk 22, 16–26. — Roros: Roroseet, 1997.

Cherenkova N. The Status of the Solovetsky Archipelago in the UNESCO World Heritage List // Conserving Cultural and Biological Diversity: The role of Sacred Natural Sites and Cultural Landscapes. — Tokyo: UNESCO-MAB, 2006.

European Rural Heritage. Observation Guide. СЕМАТ. 2003. — 99 р. Электронный ресурс: <https://rm.coe.int/16806f7cc2>

Fowler P. J. World Heritage Cultural Landscapes 1992–2002 // World Heritage Papers 6. UNESCO World Heritage Center, 2003. — 140 р.

Fowler Peter World Heritage and its Cultural Landscapes: challengers in space, time and stewardship // World Heritage Cultural Landscapes/ Ed. by Ana Luengo, Mechtild Rossler. UNESCO. WHC. — Ayuntamiento de Elche, Spain, 2012. — P. 35–44.

Guidelines for the Implementation of the European Landscape Convention. CM/Rec. (2008)3. Электронный ресурс: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d3e6c

Marina Kuleshova, Tamara Semenova. Landscapes and Ethics // Landscape Facets — Reflections and proposals for the implementation of the European Landscape Convention. Strasbourg-Council of Europe: Council of Europe Publishing, 2012. — P. 289–304.

Landscape Facets — Reflections and proposals for the implementation of the European Landscape Convention. Strasbourg-Council of Europe: Council of Europe Publishing, 2012. — 305 р.

Operational Guidelines for the Implementation of World Heritage Convention. WHC, 2016. Электронный ресурс: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>

Rapport de la Mission de Conseil de l'ICOMOS pour l'Ensemble historique, culturel et naturel des îles Solovetsky. 2015, 22–28 juillet: <http://whc.unesco.org/en/list/632/documents/>

Strategi for arbeid med landskap. Oslo — Trondheim: Riksantikvaren, Direktoratet for naturforvaltning, 2007. — 28 р.

World Heritage Cultural landscapes: A Handbook for Conservation and Management (Nora Mitchell, Mechtild Rossler, Pierre-Marie Tricaud) / World Heritage Papers 26. 2009. — 135 р. // Электронный ресурс: www.whc.unesco.org

Часть 2

**ФЕНОМЕН НАСЛЕДИЯ:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ**

НА КРАЮ ВЕЧНОСТИ: ОБРАЗ НАСЛЕДИЯ В КУЛЬТУРЕ

Всякие культуры — коль скоро мы принимаем их множественность, их безусловные различия, принципиальную несравнимость по внутренним критериям самоценности и оригинальности, их парадоксальные уникальности (ибо уникальность, исходя из традиционной логики, отталкивается от неуникальности чего-то другого, и, следовательно, она только одна, её не может быть больше одной-единственной) — репрезентируя себя во времени и пространстве, предполагают свою вечность, бесконечность и потенциальную неуничтожимость, фактически — мыслимое здесь-и-сейчас бессмертие. Однако справедлив и другой, по существу онтологический тезис: всякие культуры нуждаются в некоем образном «зеркале», в котором они смогут зафиксировать и закрепить свою столь необходимую уникальность. В качестве такого «зеркала» иногда выступает образ природы, но этого фундаментального образа становится мало, недостаточно, когда культуры сосуществуют, зная или предполагая друг о друге; тогда образуется, создаётся своего рода феноменологический «промежуток», «пустота», требующая либо когнитивного/образного заполнения, либо «сильного» в онтологическом плане операционального ответа — будь то построение огромной пирамиды или создание всеобъемлющей теории Вселенной, причём подобные ответы должны время от времени повторяться с учётом очередного возрождения и увеличения мыслимой феноменологической «пустоты»¹.

Как правило, любая жизнеспособная культура, могущая исправно в течение многих человеческих поколений воспроизводить и усовершенствовать свои базовые образцы, а также, значительно реже, изобретать или вводить инновации в широкий обиход, разрабатывает свою собственную технологию «борьбы» с таким промежуток или пустотой. Видимый круг вещей и образцов, привычных и принятых данной культурой, транслируется, проецируется одновременно и в будущее, и в прошедшее — чаще всего с помощью истории, которая возникает именно тогда и там, где культура хочет обре-

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. — М., 1997. — С. 383–384; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М., 2004.

сти «устойчивую вечность», гарантирующую её бессмертие². Но только этого недостаточно — необходимо введение специфического образа и понятия, характеризующего и как бы страхующего уникальную вечность в себе и для себя данной культуры, и таким образом и понятием является «наследие».

Наследие по существу может пониматься как определённый медиативный ментально-материальный культурный слой, как «кожа» культуры, необходимая ей для органичной жизни, воспроизводства и развития. Но вместе с развитием самой культуры происходит развитие и наследия, его образа, который меняется вместе с культурой, будучи её неотъемлемой составляющей. Культура должна как бы следить за собой, вести свой собственный мониторинг, наблюдать за собственным развитием, и её чувствительная «кожа», наследие, — одно из важных и эффективных средств подобного мониторинга.

Образ наследия в культуре наращивается самой культурой, как годовые древесные кольца. Возможен и другой вариант использования образа дерева при описании роли и значения образа наследия в культуре — это «кора» (инвариант «кожи») дерева-культуры, растущего во времени и пространстве, имеющих также культурные координаты. В любом случае оба базовых органических образа наследия ориентированы на представления о развитии культуры вовне, в условное внекультурное пространство-время (по отношению к данной культуре), в рамках которого наследие выполняет защитные функции — оно как бы призвано остро ощущать благоприятность/неблагоприятность, дружелюбность/враждебность этой внешней «среды» для культурного развития.

Исходя из понимания наследия как некоего защитного слоя культуры, можно говорить о консерватизме наследия³, становящемся иногда господствующей онтологической характеристикой определённой культуры в целом — как, например, древнеегипетской культуры на поздних этапах её развития⁴. Подобный консерватизм наследия можно рассматривать двояко: 1) как культурный тормоз, препятствующий здоровому и «конкурентоспособному» (в условиях инокультурного окружения и взаимодействия) развитию культуры, что может привести к своего рода «застыванию» культуры, её медленному «умиранию» и её окончательному «отмиранию»; она становится как бы наследием для самой себя, всё «тело» культуры становится «кожей», и в таком случае сама культура умирает, а её наследие воспринимается, сохраняется и интерпретируется другими культурами, но уже как чужое, хотя и кровно важное наследие (например, античное

² См., например: *Оппенгейм А.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1990. — С. 114–136; *Вейнберг И. П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. — М., 1993; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. — М., 1997.

³ Верно также и обратное: стремление консервативных политических и общественных движений, организаций, партий, фондов «приватизировать» в свою пользу образ и концепт наследия, овладеть дискурсом наследия в своих интересах (так, например, один из наиболее крупных политических фондов консервативного направления в США, ориентирующийся на республиканскую партию, носит название «Наследие»; в свою очередь конец политического существования СССР и начало политической истории постсоветской России были во многом связаны с идеологической борьбой вокруг наследия, права на которое в националистическом контексте пыталось «присвоить» общество «Память»).

⁴ *Ассман Я.* Указ. соч. — С. 192–206.

наследие для европейской культуры, в том числе для русской культуры⁵, или византийское наследие для русской культуры⁶); 2) как культурную мембрану, или как культурное сито, которое должно как бы процеживать культурные вызовы и культурные образцы извне, со стороны других культур и цивилизаций⁷; в подобном случае культура наработывает, создаёт определённые ментальные и когнитивные шаблоны, стереотипы восприятия и интерпретации чужих культур и чужого культурного наследия — это может пониматься для внешнего наблюдателя или исследователя и как «культурное сопротивление» (например, сопротивление петровским реформам в русской культуре конца XVII — начала XVIII в., или сопротивление американской массовой культуре во многих европейских, латиноамериканских и азиатских культурах в конце XX — начале XXI в⁸.), и как модель выборочных культурных заимствований в рамках господствующих автохтонных культурных традиций (подобному пониманию соответствуют так называемые процессы культурной модернизации и, в широком смысле, «догоняющее» социокультурное и социально-экономическое развитие многих стран Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, России в течение XX в⁹.)

История человеческих культур и цивилизаций даёт разные примеры и различные модели консерватизма наследия: можно выделить достаточно чистые примеры, соответствующие описанным выше двум основным вариантам; можно также обнаружить примеры смешанных моделей, в которых могут сочетаться — в разное время и на разных территориях — признаки обоих вариантов. В любом случае такой консерватизм наследия является существенной чертой именно культурного развития, в ходе которого наследие — его образ, структура, содержание, интерпретации — само как бы незаметно меняется, становясь скрытой, латентной базой для возникновения и/или внедрения культурных инноваций; оно может быть скрытой ментальной областью, *сдающей* культурной средой, в которой рождаются и «отстаиваются», «отсидиваются» первые образцы новых изобретений, для которых жёсткий мейнстрим современной культуры может быть поначалу губительным. Однако наследие и само по себе может рассматриваться как инновативная ментально-материальная область, в рамках которой когнитивные процессы отбора наиболее важных культурных образцов могут приводить к рождению принципиально новых образов ментального и материального миров.

⁵ См.: Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. — М., 1996. — С. 111–185; Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. — М., 1982. — С. 79–110; Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. — М., 1976. — С. 17–65; Античное наследие в русской культуре. — М., 1996; Ср.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. — М., 1993. — С. 157–160.

⁶ Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. — М., 1998; Муратов П.П. Открытия древнего русского искусства // Он же. Ночные мысли. — М., 2000. — С. 47–68; Он же. Византийская живопись // Там же. С. 152–174; Флоровский Г. Пути русского богословия. — Paris, 1983. — С. 1–30; Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. — СПб, 1993 и др.

⁷ Ср.: Тойнби А.Дж. Постигание истории: Пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов. — М., 1991. — С. 358–438.

⁸ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. — М., 2006. — С. 87–133.

⁹ Элиас Н. Общество индивидов. — М., 2001.

Существенна связь между пониманием наследия как потенциально инновативной области и кризисными, переломными, революционными историческими эпохами. Замечено, что в такие эпохи борющиеся стороны, противостоящие друг другу силы пытаются в своей нешуточной, «не на жизнь, а на смерть» борьбе призвать на помощь образ наследия, подкрепить и укрепить свои идеологические позиции фундаментальной ссылкой на созвучие и схожесть своего революционного дела с «заветами отцов» или же со «славными деяниями» в недалёком или далёком прошлом. Подобная идеологическая тяга усиливается в ходе кризиса и сразу после него, в период, когда устанавливаются новые социально-политические, социокультурные и социально-экономические традиции. Хороший пример — установление и утверждение советской власти на большей части территории бывшей Российской империи: столица РСФСР Москва в ходе гражданской войны была уставлена временными памятниками борцам за свободу прошлых исторических эпох; национализация имущества бывших помещиков, купцов, буржуазии привела к организации большого количества государственных музеев под лозунгом охраны наследия, начиная с 1918 г. вплоть до середины 1920-х гг. (несмотря даже на то, что значительная часть этого культурного наследия в ходе национализации была просто разграблена, уничтожена, разворована или сожжена), а после того, как сформировался советский культурный канон¹⁰, отношение к культурному наследию резко изменилось в худшую сторону. Всякая новая, вновь возникающая традиция нуждается в идеологической опоре, такой опорой часто может быть «безотказная» идея наследия (как правило, понятие и образ наследия в такие эпохи могут сильно расширяться, а современников может интересовать не только национальное наследие, но и наследие других эпох и культур, созвучное данной эпохе¹¹) — хотя бы она понималась очень по-разному различными идеологическими группировками и противниками. Именно таков был «спор о старом и новом» в абсолютистской Франции XVII в., именно так служила идея республиканского римского наследия вождям Великой французской революции, а чуть раньше — отцам-основателям Соединённых Штатов Америки (в этом случае была важна и имперская римская традиция, а также идея древнегреческой демократии¹²). Таким образом, вопрос о наследии (вернее, целый «пучок» вопросов — что это за наследие, чьё оно и для кого и чего?) может быть одним из краеугольных вопросов всякой кризисной исторической эпохи, на культурных и цивилизационных переломах, когда под глобальным вопросом оказывается сама идентичность культуры, её способность к выживанию и развитию¹³.

¹⁰ См.: Паперный В. Культура Два. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2006.

¹¹ Хороший пример — творчество Александра Блока в предреволюционные и революционные годы в России: поэт остро ощущал одновременно и кризис, «крушение гуманизма», и необходимость революционных преобразований, аналог которым он пытался искать в других исторических эпохах с их мнимыми или реальными героями (например, в римской эпохе и восстании Катилины). См. также: Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. — М., 2006. — С. 27, 42–44, 74.

¹² См.: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. — М., 1994; Токвиль А. де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М., 1994.

¹³ См., например: Шорске К. Э. Вена на рубеже веков: Политика и культура. — СПб, 2001. Классические образы подобной переломной идеологической и культурной ситуации представлены, например, в таких разных произведениях, как поэма А. Блока «Скифы» и стихотворение О. Мандельштама «Декабрист».

Наследие — образ, выполняющий не только специфические защитные культурные функции или же функции идеологического подкрепления в ходе формирования новой традиции; он явно связывает разные культуры — чаще всего разновременные, разделённые в историческом времени веками и тысячелетиями, а иногда разделённые и в географическом пространстве. Здесь в действие вступает культурная память, опирающаяся на собственные механизмы воспроизводства — как сакрального, так и профанного происхождения¹⁴. Подобные механизмы являются избирательными: культура не запоминает всё, она не может этого сделать даже не в силу технической невозможности и непредставимой трудоёмкости (хотя таковые факторы являются очень существенными, а на ранних этапах развития попросту решающими¹⁵), но в силу самой культурной целесообразности: всякая культура стремится продлить во времени и удержать, расширить в пространстве лишь то, что феноменологически определяет и представляет её целостный образ, фундаментальные черты такого образа (хотя бы даже опосредованно, с помощью наследия другой, предшествующей древней культуры¹⁶), что всякий раз воспроизводит главные цели её существования во всей ощущаемой человеческими чувствами и разумом полноте.

Наследие пребывает в культурной памяти как потенциальная возможность, ибо образ наследия возникает в культуре лишь там и тогда, где и когда появляется онтологическая необходимость сжать, «упаковать», сохранить и даже «растянуть» как можно дольше почитаемое и уважаемое прошлое и его видимые и ощущаемые здесь-и-сейчас признаки; в свою очередь, актуализируемый и «мобилизуемый» образ наследия упорядочивает и оформляет культурную память, «очищает» её от ненужных воспоминаний и переживаний, «несвоевременных» культурных аллюзий и одновременно выстраивает ментальные планы и последовательности, приоритеты в оценке различных культурных памятников и ценностей¹⁷. Признаком такого «внутреннего», зачастую мало заметного взаимодействия культурной памяти и образа наследия может быть явление пассеизма¹⁸, сопровождаемое иногда так называемыми «национальными возрождениями», «возвращением к корням», культурно оформленной тоской по «золотому веку»¹⁹, развитием традиционализма в культуре. Процессы подобной «упаковки» прошлого могут быть также «лакмусовой бумажкой», идентификатором начала процессов быстрой модернизации, ускорения темпов общественного развития, когда значительная часть общества

¹⁴ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. — СПб, 2000. С. 111–183; Ассман Я. Указ. соч. — С. 50–93.

¹⁵ Ср.: Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987. — С. 3–12.

¹⁶ Иванов Вяч., Гершензон М. Указ. соч. — С. 42–45; также: Мельников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. — СПб, 1996; Мельников Г.П. «Этнославизм» в культурно-политической концепции Карла IV // Славяне и их соседи. Вып. 8. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. — М., 1998. — С. 74–80.

¹⁷ Ср.: Августин А. Исповедь. — М., 1991. — С. 243–255; Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Он же. Эстетика. Философия культуры. — М., 1991. С. 203–218.

¹⁸ См.: Адамович Г.В. О слове «пассеизм» // Он же. Одиночество и свобода. — М., 1996. — С. 380–382.

¹⁹ Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. — М., 1989; Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. — М., 2004.

испытывает насущную потребность в прочных культурных основаниях, размещаемых в идеализируемом «старом добром прошлом», перед лицом надвигающихся с всё увеличивающейся скоростью тотальных перемен, чьи последствия — социальные, политические, культурные, экономические — ещё во многом не ясны.

Итак, можно довольно чётко совместить рождение модерна, первые признаки появления современного мира (приблизительно вторая половина XV в., но иногда эту временную границу сдвигают к XII–XIII вв.) — так, как он представляет себя сейчас — с появлением и оформлением образа наследия, как бы регулирующим отношения быстротекущего настоящего с всё более отдаляющимся, с всё более «зыбким» прошлым, чьи интерпретации становятся всё более широкими и вероятностными. Рождение и развитие национальных государств, наций и национализма в современном понимании (XVII — первая половина XX в.)²⁰ актуализировало проблему национального наследия²¹, а это, в свою очередь, привело к возникновению пространственных интерпретаций образа наследия, увязываемого теперь с вопросом «крови и почвы», «родной земли», автохтонных культурных ландшафтов, послуживших местом рождения и ставших естественным месторазвитием (неологизм евразийцев, прежде всего П. Н. Савицкого²²) для определённых народов и этносов. С начала XX в. краеведение (иногда использовался термин «родиноведение») становится одной из органичных когнитивных опор в исследованиях национального и регионального наследия во многих странах Европы, части стран Азии и Америки²³.

Когда образ наследия начинает сопрягаться с понятиями территории, пространства, культурного ландшафта, географического образа, региональной идентичности, то сама проблематика культурного и природного наследия постепенно конкретизируется с помощью различного рода классификаций и иерархий культурных и природных памятников, характерных для исследуемых территорий и соответствующих именно этим культурным ландшафтам и регионам²⁴. Культурные идентичности проживающих в стране, области, местности сообществ становятся во многом связаны с теми культурными символами и артефактами, которые признаны наследием данной территории²⁵.

²⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М., 2001; Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова и др.; общ. ред. А. В. Смирнова. — М., 2004; Hage G. The spatial imaginary of national practices: dwelling — domesticating/being — exterminating // Environment and Planning D: Society and Space, 1996. Vol. 14. P. 463–485. Ср.: Трубецкой Н. С. Общевеэвразийский национализм // Он же. История. Культура. Язык. — М., 1995. — С. 417–428.

²¹ См., например: Певзнер Н. Английское в английском искусстве. — СПб, 2004.

²² Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М., 1997.

²³ См. также: Hage G. The spatial imaginary of national practices: dwelling — domesticating/being — exterminating // Environment and Planning D: Society and Space, 1996. Vol. 14. — P. 463–485.

²⁴ См.: Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой; Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Он же. Эстетика. Философия культуры. — М., 1991; — М., 2004.

²⁵ См., например: Фрай Р. Наследие Ирана; Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе; Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. — М., 1995; Он же. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999 и др. Принципиально важные публикации: Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуоимеж, М. Винок. — СПб, 1999; Лоуэнцаль Д. Прошлое — чужая страна. — СПб, 2004.

В случае разрушения или утраты какого-либо важного в символическом плане культурного памятника образ наследия становится фактически решающим в деле его непосредственного материального восстановления на том же месте — хотя бы даже достижение полной материальной аутентичности, исходя из тех или иных обстоятельств (политических, историко-культурных, технологических, экономических и т.д.), не представляется возможным (как это случилось, например, с восстановлением храма Христа Спасителя в Москве в 1990-х гг.).

Концепция мест памяти, предложенная П. Нора, его соратниками, единомышленниками и последователями, оказывается очень эффективной для понимания важности наследия в контексте формирования национально-территориальных и региональных идентичностей²⁶. Её серьёзное фундаментально-научное и практическое значение состоит также в том, что места памяти оказываются не просто локусами или топосами, некими точками в географическом пространстве, обременёнными соответствующими сохранившимися историко-культурными памятниками или же их руинами, но также и метафорическими и риторическими пространствами, поддерживаемыми специально разрабатываемыми «коммеморациями», призванными укреплять и развивать эту память о прошлом²⁷. Иначе говоря, с помощью конкретных мест, территорий и их историко-культурных образов достопримечательные события прошлого, заслуживающие запоминания и признания, как бы вшиваются, вставляются, впаиваются в настоящее, становясь его неотъемлемым ментальным и материальным элементом.

Тем не менее стоит сказать и о том, что доминирующим концептом или образом в связке «место — память» оказывается всё же память, что позволяет всемерно расширять и само понятие места, иногда фактически релятивизируя его²⁸. Память в итоге может как бы поглощать все места, ценные для её развития и продолжения; она может становиться самоценной, отрываясь иногда от своего конкретного территориального

²⁶ Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire* // *Representations*, 1989. Vol. 26. — P. 7–25; Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб, 1999; *Аммуас Ж.-К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. — М., 2002; *Buckham S.* Commemoration as an expression of personal relationships and group identities: a case study of York Cemetery // *Mortality*, 2003. Vol. 8. No. 2. — P. 160–175; *Ben-Amos A.* War Commemoration and the Formation of Israeli National Identity // *Journal of Political and Military Sociology*, 2003. Vol. 31. No. 2. — P. 171–195; *Дахин А.* Место памяти. Материалы к словарю гуманитарной географии // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах.* Вып. 4. — М., 2007.

²⁷ *Zarubavel Y.* *Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition.* Chicago and London, 1995; *Ромашко С.* Монумент — сувенир — улика: временная ось мегаполиса // *Логос*, 2002. № 3–4(34). — С. 97–108; *Дахин А.* Город как место памятования // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах.* Вып. 4. — М., 2007; Он же. Городская коммеморация. Материалы к словарю гуманитарной географии // Там же. См. также классическую работу, важную для понимания данной концепции: *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // *Логос*, 2002. 3–4(34). — С. 23–34.

²⁸ *Нора П.* Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*, 2005. № 40–41. Следует отметить, что важнейшим методологическим фундаментом концепции мест памяти, безусловно, являются исследования М. Хальбвакса; см.: *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. — М., 2007. — С. 152–185; также: *Ассман Я.* Указ.соч. Если же обратиться к истории художественной культуры модернизма, то здесь несомненна образно-символическая связь работ П. Нора и его последователей со знаменитой эпопеей Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», в которой главный герой непосредственно «оперирует» образами мест автобиографической памяти.

субстрата и развиваясь уже по своим законам. В итоге место может порой оказаться просто «образной игрушкой» в тех или иных коммеморациях, нацеленных на определённые и зачастую узкие ракурсы памяти²⁹. Это особенно важно подчеркнуть в условиях вполне объективной и в то же время весьма неоднозначной политизации наследия и самих мест памяти, происходившей, например, в странах Восточной Европы и Балтии в конце XX — начале XXI в.³⁰. По-видимому, онтологическая и феноменологическая трактовки проблематики образа наследия нуждаются в настоящее время всё-таки в некотором «выравнивании» методологического и когнитивного крена — теперь уже в сторону образов места, пространства, ландшафта.

Пространство в течение XX в. становилось той питательной средой наследия, которая активно изменяет его содержательные трактовки³¹. Память о тех или иных известных людях, живших в данной местности, сохранившиеся артефакты их деятельности, сами места и дома, где жили, бывали, действовали эти люди; места знаменательных исторических событий (битв, переговоров, встреч, политических решений и т.д.) кардинальным образом трансформируют восприятие территории, создавая иные ментальные планы восприятия и конструирования наследия, способствуя созданию и развитию ассоциативных ландшафтов, невозможных ранее образов территории. Понятие и образ наследия постепенно приобретают большую многомерность, большую объёмность и тем самым обретают собственные двигатели и источники саморазвития — при этом и конкретное географическое пространство в контексте ассоциативно-ландшафтного и образно-географического наследия может восприниматься и ощущаться как наследие само по себе, как культурный символ масштабной общественной значимости³². Именно это произошло в XVI—XX вв. с образом российских пространств, чьи физико-географические размеры были осмыслены и культурно трансформированы в рамках сначала европейской, а затем и собственно российской ментальности³³. Подобный когнитивный переворот в понимании содержательной

²⁹ Психология памяти. — М., 2000.

³⁰ *Онкен Э.-К.* От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // *Неприкосновенный запас*, 2005. № 40—41; *Дахин А.* Споры вокруг «Бронзового солдата» // *Космополис*, 2008. № 1 (20). — С. 83—96.

³¹ См., прежде всего: *Флоренский П.А.* Абсолютность пространственности // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. — М., 2000. — С. 274—296; Он же. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. — М., 2000. — С. 81—259; Он же. Значение пространственности // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. — М., 2000. — С. 272—274; Он же. Обратная перспектива // Он же. Соч. в 2-х т. Т. 2. У водоразделов мысли. — М., 1990. — С. 43—109; Он же. Храмовое действо // *Иконостас: Избранные труды по искусству*. — СПб, 1993. — С. 283—307; *Генон Р.* Царство количества и знамения времени // Он же. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. — М., 2003. — С. 32—39, 135—145; Он же. Символика креста. — М., 2004; *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. — СПб, 2000; *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — М., 1996.

³² Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб, 1999; *Schama S.* Landscape and Memory. New York, 1996; *Замятин Д.Н.* Историко-культурное наследие Севера: моделирование географических образов // *Обсерватория культуры*, 2007. № 3.

³³ Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; под общ. ред. Д.Н. Замятина. — М., 1994; Империя пространства. Геополитика и геокультура России. Хрестоматия / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. — М., 2003.

сущности наследия и особенностей развития его образа в культуре означает, что наследие, с одной стороны, может быть само по себе движущей силой, серьёзным социально-экономическим, политическим фактором развития отдельных регионов и целых стран (что проявляется в современную эпоху, безусловно, в первую очередь, в быстром развитии культурного туризма и туризма наследия). С другой стороны, наследие, обладая внутренними «пружинами» саморазвития, может способствовать формированию влиятельных культурных, социальных и экономических институтов в обществе, становясь тем самым и элементом социального, культурного и политического престижа различных групп и сообществ, использующих процессы институционализации наследия³⁴. Хотя подобные процессы были во многом инициированы развернувшейся в последней четверти XX в. интенсивной глобализацией и затронули пока лишь небольшое количество высокоразвитых в социально-экономическом плане стран и территорий, нет сомнения, что семантика и прагматика социально-экономического и политического смысла конструирования и поддержки ассоциативных культурных ландшафтов и географических образов территорий будут достаточно быстро упрощены и станут когнитивной основой широкого развития ландшафтной и образной индустрии наследия. Эта индустрия затрагивает интересы большинства политически и экономически институционализированных территорий³⁵. «Зелёный» туризм, экологический туризм, сельский туризм, в меньшей степени — экстремальный туризм, появление и развитие винтажа, тесно соприкасающееся с воспроизводством культурного и социально-экономического престижа отдельных общественных страт — это одновременно и общественные, и культурные индикаторы, указывающие на то, что образ наследия в культуре претерпел решающую ментальную трансформацию. Из некоей пассивно-защитной оболочки культуры он стал элементом образа динамичных человеческих сообществ, осознавших наследие как максимально благоприятную социально-психологическую «установку», позволяющую коренным образом менять институциональные структуры освоенных пространств и территорий — через сами структуры ландшафтных и образно-географических представлений³⁶.

Эффективная, успешная институционализация наследия, понимание его роли в развитии культуры и общества связаны с тем символическим капиталом, который оно может формировать или способствовать его формированию³⁷. По сути дела, любой крупный, значимый для страны, территории, города, местности социально-экономический, культурный или политический проект можно осмыслить, воображать через призму «живого наследия».

³⁴ См. также: Веденин Ю. А., Шульгин П. М., Штеле О. Е. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 13. — М., 2006. — С. 4–101.

³⁵ См., например: Замятин Д., Замятина Н. Имиджевые ресурсы территории: идентификация, оценка, разработка и подготовка к продвижению имиджа // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. — М., 2007. — С. 227–250; также: Studing Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson and P. Richards. — New York, 2003.

³⁶ См., например: Chang T. S. «Configuring new tourism space»: exploring Singapore's regional tourism forays // Environment and planning. Vol. 33. № 9. — London, 2001. — P. 1597–1620.

³⁷ Бурдые П. Практический смысл. — СПб, 2001. — С. 219–238; также: Замятин Д. Н. Формирование культурно-географических образов города и проблема его переименования // Возвращённые имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. — Нижний Новгород, 2004. — С. 47–48.

Это значит, что строительство нового здания, реформирование какого-либо общественного института, преобразование муниципального управления, ликвидация или создание новой для территории общественной или государственной структуры, новый проект музеефикации или национального парка может осознаваться как потенциальное наследие, как «фонд наследия» территории, здесь-и-сейчас меняющий её образ и её культурный ландшафт и тем самым наращивающий её символический капитал³⁸. Несомненно, что такой методологический подход требует и разработки различных образно-географических, когнитивно-географических и ландшафтных контекстов, адаптированных к тем или иным культурным типам территорий, обладающих различными традициями сохранения и использования наследия³⁹.

Наследие как символический капитал есть постоянно возрастающий, прибавляющийся сам к себе и в себе образ, и, если исходить из образно-экономической аналогии понятия капитала, то в процессе этого символического возрастания происходит обмен различных культурных образов и символов, в котором, по сути, всегда некая, признаваемая реальной, ментально-материальная субстанция, вещь, здание, артефакт становится как бы утраченной, полностью или частично, для полноценного настоящего культурного пребывания и функционирования — она как бы отодвигается на безопасное образное расстояние от современных и не всегда понятных с точки зрения прошлой традиции культурных процессов, приобретает необходимый для «настоящего наследия» привкус утраты, некоей невозвратимой потери, связанной попросту с течением времени в данной культуре⁴⁰. Далее может происходить как бы возвращение этого утраченного наследия в современную культуру: посредством или обыгрывания собственно образа исторической утраты и бренности материального мира перед лицом вечности (таков великий образ руин, замечательно освоенный Веком Просвещения⁴¹, прежде всего литературой сентиментализма, офортами Пиранези и его последователей⁴², английским садово-парковым ландшафтным искусством⁴³), или с помощью скрупулёзного, деталь-

³⁸ См., например, интересный пример использования символического капитала территории а контексте «живого наследия»: Штеле О.Е. Социально-культурный проект «Гора «Урал»» // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 13. — М., 2006. — С. 147–156. Хорошо известный пример: строительство музея С. Гуттенхайма по проекту знаменитого архитектора Фрэнка Гери в г. Бильбао (Испания) кардинально изменило образ этого города и привлекло в него мощные туристические потоки; это, в свою очередь, привело к созданию развитой культурной и туристической инфраструктуры, индустрии наследия, к становлению Бильбао как значительного центра на культурной карте Европы.

³⁹ Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1–4. — М., 2004–2007.

⁴⁰ Ср.: Лоуэнталь Д. Указ. соч.

⁴¹ Зиммель Г. Руины // Он же. Избр. соч. Т. 2. — М., 1996; Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. — М., 2000. — С. 80–82; Шарль-Луи Клериссо, архитектор Екатерины Великой. Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. — СПб, 1997; Соколов Б.М. Язык садовых руин // *Arbormundi / Мировое древо*, 2000. № 7. — С. 73–106.

⁴² Муратов П.П. Образы Италии. Т. II, III. — М., 1994. — С. 89–97; Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа. Т. 2. О строении вещей. — М., 2006. — С. 150–193.

⁴³ Юнгер Ф.Г. Итальянский, французский и английский парки // Он же. Запад и Восток: эссе. — СПб, 2004. — С. 262–338; Панофский Э. Идеологические источники радиатора «роллс-ройса» // Певзнер Н. Указ. соч. — С. 263–272; Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. — СПб, 1991.

ного воспроизведения каких-либо технологий прошлого — будь то исполнение старинных музыкальных произведений в соответствующих интерьерах на аутентичных этим эпохам музыкальных инструментах, предварительно бережно воссозданных по старым техническим рецептам, или же работа на подлинном ткацком станке XIX в. Так формируется новый образ наследия, в котором символ утраты, невозможной потери становится важным элементом самодвижения, саморазвития, расширения этого образа, хотя бы даже непосредственные и постоянно происходящие печальные утраты объектов материального наследия — в силу ли обычной ветхости памятника, нерадивости или же неполноценности его охраны, опоздания своевременной реставрации — затеняли, «затмевали» или же отодвигали на задний план этот культурный процесс⁴⁴.

Примерно так же, с помощью образно-символического взаимодействия, условно направленного в представляемое здесь-и-сейчас прошлое, наращивается образ места, территории, увеличиваются масштабы ассоциативных культурных ландшафтов — происходит символическое и сакральное присвоение пространства путём его образного расширения в рамках парадигмы самодвижущегося, саморазвивающегося наследия, как бы перемещающего прошлое в будущее посредством образно-символических и сакральных трансформаций современного пространства; настоящее тем самым приобретает свои собственные и самоценные культурные координаты, «заземлённые» в конкретной местности. Всякое бывшее в прошлом событие, от которого не осталось никаких собственно материальных следов, может быть обыграно в пространстве, местности, разработано новыми культурными ландшафтами и образами: памятными знаками, ритуалами, празднествами, народными гуляниями, культурными конкурсами, памятными чтениями, хэппенингами, вновь создаваемой планировкой, оригинальной архитектурой новых зданий и т.д. Образ наследия хорошо сближает понятия сакрального и профанного: с одной стороны, он приближает к современному сознанию, объясняет ему часто мало понятное сакральное значение культурного или природного памятника, знаменательного местного события⁴⁵; с другой стороны,

⁴⁴ Ср.: «Конечно же, ландшафт должен нести на себе отпечатки событий человеческой истории и ассоциироваться с живущими людьми, но эти отпечатки и ассоциации должны ослабевать и забываться в полном соответствии с памятью поколений. Так, старики в резервации Ислета пересказывают древние истории, но не желают их записывать: «Если эти истории не будут больше рассказываться, значит, в них уже не будет нужды». Именно такое отношение я считал бы разумным в отношении истории окружения. Когда речь идёт о научном исследовании, нужны раскопки, записи и научное хранение. Когда же речь идёт об обучении, я предложил бы ничем не ограниченный театрализованный тип воспроизведения. Для усиления сегодняшних ценностей и чувства потока времён я бы применял «временной коллаж» — творческое соединение разрушения и добавления, а в тех случаях, где в игру входят персональные отношения, я считаю естественным сохранение отпечатков столь же избирательно и нестойко, как это делает сама память. Чтобы эффективно сохранять, мы должны знать, зачем и для кого сберегается прошлое. Творческое оперирование переменами и активное использование остатков прошлого в целях настоящего и будущего предпочтительнее зятанутому в корсет почтению перед святой святых — прошлым. Прошлое следует выбирать и менять, его следует творить в настоящем, чтобы облегчить сооружение будущего» // Линч К. Образ города. — М., 1982. — С. 163.

⁴⁵ Кэмпбелл Дж. Мифический образ. — М., 2002; Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. — М., 1997; Шукуров Ш.М. Образ храма. — М., 2002; Фадеева Т. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. — М., 2004; Studing Cultural Landscapes / Ed. by I. Robertson and P. Richards. — New York, 2003.

в его рамках возможна организация внешне профанных «мероприятий» (народных празднеств, гуляний), ориентированных на очевидную сакрализацию традиционного, обыденного культурного ландшафта местности.

Наследие как образ в культуре вынуждено и должно опираться на образ не-наследия, на образ культуры или цивилизации, которая не осознаёт пределы собственного пространства и времени или же оставляет их без всякого «присмотра» и наблюдения, не мысля собственной протяжённостью как уникальной и неповторимой вечностью. Это не значит, что подобные культуры и цивилизации (чаще всего, в нашем понимании, это первобытные культуры) не уникальны и что они не обладают своеобразным наследием — они формируют ментальные структуры и образы с нерядоположенными, с непоследовательными, с хаотическими для внешнего наблюдателя свойствами, где прошлое вкладывается в будущее «один в один», соответствует ему досконально и точно, оно постоянно, как и будущее, находится в настоящем, и смысл самого образа и понятия наследия «внутри культуры» так и не возникает⁴⁶. Опыт и достижения культур и цивилизаций «без наследия» и «вне наследия» может говорить нам лишь о том, что образ наследия в культуре, с одной стороны, является историко- и культурно-географическим феноменом, типологически не обязательным для человеческих культур вообще, а с другой стороны, он может восприниматься и пониматься как необходимое когнитивное условие для выхода культуры или цивилизации в онтологическое пространство потенциально возможного «культурного бессмертия».

⁴⁶ Леви-Строс К. Печальные тропики. — Львов; — М., 1999.

СРАЖЕНИЯ ЗА ИСТОРИЮ, ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Места памяти, о которых пойдёт речь, являются неотъемлемой частью системы наследия, комплексному исследованию которого посвятил значительную часть своей творческой биографии Ю.А. Веденин. Обладая уникальными знаниями и опытом исследований во многих областях — от лесного хозяйства и парковой архитектуры до физической географии, от рекреационной географии до искусствоведения, Юрий Александрович в своих работах рассматривает феномен наследия очень широко. Наследие может выступать не только объектом защиты, но и ресурсом, и инструментом. Отметим, что эта последняя функция характерна, когда обсуждаются вопросы политического значения наследия, символического ландшафта, их соотношения с идентичностью, чему и посвящена настоящая статья.

Крупный британский социолог и политолог Бенедикт Андерсон писал, что «у современной культуры национализма нет более вдохновляющих символов, чем памятники и могилы Неизвестного солдата» (Андерсон, 2001). Исторические мифы и нарративы, прославление реальных или вымышленных героев, система символов, включающих флаги, праздники, церемонии, памятные места, играют важную роль в формировании национальной и этнической идентичности. Эти символы помогают чётко отделить в пространстве и времени «нас» от «них», «чужих». «Оживляя» историю и маркируя географическое пространство, символический капитал укрепляет ассоциацию себя человеком с социальной группой и территорией, зафиксированной определёнными границами.

Основная функция памятных мест — поддержание коллективной памяти социальной группы, формирование или консолидация её представлений о своём происхождении, составе, истории, миссии и месте на политической карте, территории и отношениях с соседями. Как показал выдающийся французский историк Пьер Нора, благодаря фундаментальным трудам которого памятные места даже в мировой литературе обычно обозначаются французским термином *lieux de mémoire*, они могут иметь различные, множественные и меняющиеся интерпретации (Nora, 1997).

Памятные места могут быть подразделены по масштабу («единичный» памятник, поле сражения, исторический ландшафт, населённый пункт), типу размещения (в круп-

ном, среднем или малом городе, сельской местности), доступности, известности и значению (международное, общегосударственное, региональное или локальное). Оно может быть оценено: числом упоминаний в туристических путеводителях, школьных учебниках, других источниках; числом запросов в Интернете; путём социологических опросов. Известность связана с ролью памятного места в формировании идентичности — национальной, этнической или региональной и локальной.

Памятные места различаются также по «возрасту» (времени создания) и эпохе, которую они отражают. Они могут быть уникальными или воспроизводить образ одного и того же героя или события, как, например, стандартные монументы Александру II в царской России или Ленину в бывшем СССР, в том числе расположенные в региональных центрах на главной площади — месте проведения парадов и «демонстраций трудящихся». Места памяти образуют территориальные сочетания, придающие специфические черты географическому месту. Обычно такие сочетания сравнивают с палимпсестом, поскольку символы разных эпох сосуществуют рядом или накладываются друг на друга, хотя иногда и служат отражением разной идентичности. Если они не отвечают целям властей, то могут быть перемещены, перестроены, лишены историко-архитектурного или природного контекста, разрушены или замещены на том же месте новыми символами.

Полное разрушение памятных мест случается в периоды крупных социальных катаклизмов — таких как Великая французская революция или российские революции, войны и политические кризисы. Коммунистические власти в бывшем СССР вплоть до начала 1960-х гг. разрушали церкви и монастыри, в том числе представляющие большую историческую и культурную ценность. Разрушение или перенос памятных мест, важной части символического капитала этнической группы или политической нации, может вызывать серьёзные конфликты. Один из недавних примеров — принятое в 2007 г. решение городских властей Таллинна перенести памятник советским воинам, известный как Бронзовый солдат, из центра города на воинское кладбище, вызвавшее массовые беспорядки и острый конфликт с Россией, повлекший значительные экономические потери для обеих сторон (только для Эстонии — около 500 млн долларов) (Колосов, Бородулина, 2007).

Памятные места могут быть не только физически разрушены, но и подвергнуты забвению и запустению, вытеснены из коллективной памяти социальной группы (Margue, 2009). Иногда такие «забытые» памятники восстанавливаются, но могут быть интерпретированы уже по-другому.

Новая интерпретация памятных мест или деконструкция их значения происходят в случае необходимости мобилизовать все культурные и символические ресурсы географического места, поднять или, наоборот, приуменьшить его роль. Так, локальное или региональное памятное место может приобрести общегосударственное значение, и наоборот (Agnew, 2011). Например, гигантский Дворец народа в Бухаресте (*Casa Poporului*), называемый также Дворцом республики, построенный при Н. Чаушеску на месте уничтоженных кварталов исторического центра румынской столицы, один из наиболее ярких символов тоталитаризма, был превращён в важную историческую достопримечательность, органический элемент образа города. В туристических путеводителях его конверсия

в место размещения законодательной и исполнительной власти современной Румынии трактуется как выражение «извечной» приверженности румынского народа плюрализму, демократии и его принадлежности европейской культуре (Light, 2001).

Распад Советского Союза вызвал в новых независимых государствах кризис идентичности, то есть период, когда определённые этнические и иные региональные группы населения создают препятствия национальной интеграции и самоидентификации граждан с общенациональным политическим сообществом. В результате значительная часть населения не признаёт границ государства как легитимной территориально-политической единицы. Кризис идентичности возник не только из-за многонационального состава населения большинства стран бывшего СССР, но и разнородности идентичности самих титульных этносов. Стремясь выковать и укрепить новую политическую идентичность, постсоветские государства разработали новую систему государственных символов, создали новые памятные места (Koloso, 2003).

Цель настоящей статьи — рассмотреть специфические сочетания памятных мест в постсоветских странах, сложившиеся вследствие наложения и постепенно происходившей замены старых царских и советских памятников новыми, а также новую интерпретацию старых памятных мест (на примере непризнанных или частично признанных государств). Особую актуальность изучению изменений в системе памятных мест на постсоветском пространстве придаёт их высокая конфликтность, вызывающая раскол в обществе по этнолингвистическому и территориальному признакам. Формирование памятных мест в непризнанных государствах представляет специальный интерес, так как они возникли в ходе вооружённых конфликтов, оставивших глубокий след в массовом сознании и сильно повлиявших на государственное строительство. При этом Абхазия, и Приднестровье и в меньшей степени Южная Осетия — полиэтнические территории, и только нынешний Нагорный Карабах — моноэтническая. Их новые памятные места должны иметь высокое символическое значение для всех граждан независимо от их этнической принадлежности.

ВЕРСИИ ИСТОРИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕРОИ В СИСТЕМЕ ПАМЯТНЫХ МЕСТ

В новых независимых государствах интерпретация истории играет особенно заметную роль в национально-государственном строительстве. Как писал французский исследователь Филипп Мартен, история — это ящик, в котором всегда можно найти подходящий к случаю инструмент (Martin, 2009). История, или точнее исторические нарративы, мифы и стереотипы как часть социальных представлений об окружающем мире — неотъемлемый элемент территориальной идентичности (Шнирельман, 2003). Памятные места — зримое воплощение исторических стереотипов, культивируемых политическим режимом.

Преподавание истории — часть государственной политики памяти, активно проводимой во всех постсоветских государствах. Стандартизация и тщательная разработка школьных курсов истории, географии и литературы заняли важное место в политической индоктринации новых поколений. Политика памяти представляет собой в общем

виде набор социальных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти об исторических событиях и деятелях прошлого, в том числе через музейные экспозиции, символический ландшафт, официальные церемонии. Политика памяти включает отношение к различным группам ветеранов, доступ к архивам, финансирование научных исследований и публикаций и т.п. (Миллер, 2007, 2009).

В результате её реализации роль некоторых событий и фигур в истории получает строго определённую интерпретацию: значение одних преувеличивается, другие игнорируются или упоминаются только вскользь (Астров, 2009; Кустарев, 2011). «Неудобные» темы табуируются: например, в течение долгого времени советские, а затем российские власти отказывались обсуждать расстрел сталинским режимом пленных польских офицеров в Катыни.

Политика памяти часто создаёт деформированный образ прошлого, чем порождает новые конфликты. Инициаторы политики памяти в новых независимых государствах в попытке крепче цементировать этническую идентичность титульного народа стараются трансформировать социальные представления о России как о бывшем «старшем брате» в образ врага. В этом задолго до начала политического кризиса в конце 2013 г. особенно преуспели украинские политики (Вендина и др., 2014). При президенте В. Ющенко в Киеве был создан Музей советской оккупации и принят стандарт экспозиции региональных музеев о Голодоморе, рассматриваемом как целенаправленный геноцид украинского народа. Украина предстаёт нацией-жертвой, прошедшей в двадцатом веке через беспрецедентные страдания, виновником которых была в основном Россия/СССР — от гражданской войны до Чернобыльской катастрофы.

Памятник императору Францу-Иосифу в Черновцах

В новых независимых государствах политика памяти унаследовала от советского периода некоторые родовые черты. Государство остаётся главным интерпретатором и транслятором исторических символов и упрощённых нарративов. История предстаёт линейным процессом. Она рассматривается исключительно с позиции доминирующей группы (титulyного народа) и основана на этноцентричных подходах. Соответственно, памятные места прославляют победу «правильных» сил. Лежащие в основе их создания или интерпретации исторические мифы включают четыре основных элемента:

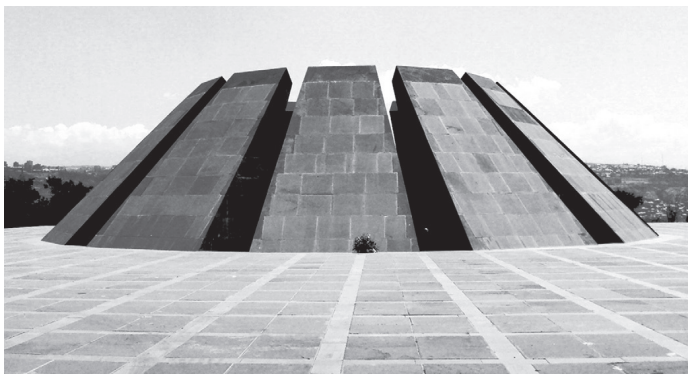
— отождествление истории меньшинств с историей титульного народа в целях легитимации его привилегированного положения, выстраивания на основе его языка и культуры общей политической идентичности и завоевания симпатий международного сообщества;

— тщательный отбор фактов, событий, процессов, укрепляющих национальную гордость доминирующей этнической группы, обычно с помощью обоснования её древнего происхождения, нарративов о великих предках и национальных героях, а также тезиса о неизменности её идентичности и интересов с незапамятных времён;

— создание в целях консолидации национальной идентичности и политической мобилизации негативного образа враждебного «Другого» (чаще всего — соседней страны, прежде всего, России), которому приписываются агрессивные намерения;

— представление национальной истории в виде череды трагических событий и бесконечных битв с внешним врагом, породивших целый сонм героев, которые все как один полегли в неравной борьбе за национальную независимость.

В новых памятных местах постсоветских государств материализовано новое понимание истории их титульных народов. Выбор этих мест продиктован современной интерпретацией общего прошлого с Россией, состава и сущности новой политической нации. Они хорошо отражают геополитическую ориентацию руководства новых независимых государств, подчёркивая этническое, религиозное, лингвистическое родство с реальными или потенциальными союзниками. Типична интерпретация общего с Россией прошлого как непрерывной борьбы титульных народов за свободу и самоопределение.

Памятник жертвам геноцида в Ереване

Большое значение имеет символическая ценность места, то есть его способность вызывать эмоциональную реакцию посетителей, заставляющую их «вырваться из повсед-

невной жизни» (Martin, 2009). Одно из таких мест — впечатляющий мемориальный комплекс геноцида армян 1915 года в Ереване. Характерно, что комплекс находится в парке, обычно посещаемом иностранными государственными деятелями, которых приглашают посадить дерево в память об их визите, призванное символизировать признание ими факта геноцида.

Характерны также попытки мифологизировать и увековечить в коллективной памяти граждан периоды расцвета государств-предшественников, обычно в Средневековье. Так, в Молдове широко почитают господаря Штефана III Великого, правившего между 1457 и 1504 гг. В период его царствования развивалась экономика и культура Молдовы, она успешно противостояла более сильным соперникам и стала влиятельным государством в Восточной Европе. Памятник Штефану Великому — один из главных символов Кишинёва; перед ним происходят важные политические манифестации.

Новый пантеон национальных героев обычно включает как собственно «героев»: правителей, представителей политической элиты, военачальников, которые командовали армиями и/или пали на полях сражений — «отцов-основателей нации», оказавших сильное влияние на формирование этнической или территориальной идентичности, так и деятелей литературы и искусства, которые родились или провели значительную часть жизни на определённой территории. Политика памяти приписывает им, независимо от периода, в котором они жили, неутомимую заботу о «национальных интересах» и «прогрессивную роль» в национальной истории, как если бы эти интересы и сама национальная идентичность уже существовали и не менялись

с давних времён. Иногда возникает неясность, как классифицировать ту или иную фигуру. В начале 1990-х гг. одержимые патриотическим рвением украинские чиновники едва не приняли решение закрыть музеи Н. В. Гоголя на его родине в Полтавской области, «бо це був російський письменник». Позже тогдашний президент Украины Л. Кучма писал, что Гоголь, как и многие другие великие украинцы, принадлежит одновременно и Украине, и России, и всему человечеству (Кучма, 2003). Теперь туристические проспекты именуют писателя «гением украинской литературы», и музеи его, к счастью, сохранились.

Почитание национальных героев — значимый критерий делимитации территории этнической или социальной группы, создающей иерархию выдающихся деятелей прошлого, живших в разные исторические периоды. Место каждого из них в та-

*Памятник королю Штефану III Великому
в Кишинёве*

кой иерархии зависит от политических обстоятельств и целей государственного строительства. Как указывал Энтони Смит, «герой или героиня воплощают врождённую добродетель и подлинную сущность нации, и их пример помогает угнетённому народу восстановить чувство собственного достоинства, вдохновить и мобилизовать его на сопротивление притеснению и борьбу за самоуправление» (Smith, 2009).

Во многих постсоветских странах новые памятные места сосуществуют или долго сосуществовали с монументальным наследием советской эпохи. В некоторых случаях это объяснялось намерением властей вписать её в «естественный» ход национальной истории, как в России, в других — трудностями избавления от этого наследия, даже если оно плохо сочетается с новым политическим и социальным контекстом. Например, как и многие другие постсоветские города, Кишинёв стал

полем настоящей битвы между историческими нарративами, материализованными в монументах и топонимии и олицетворяющими два вектора в развитии Молдовы — объединение с Румынией и интеграцию с Европейским Союзом, с одной стороны, и восстановление связей с Россией и евразийскую интеграцию — с другой. Мемориал Победы в память советских воинов, погибших в боях за освобождение Кишинёва, соседствует с памятником «борцам за территориальную целостность» Молдовы, то есть участникам попытки молдавского правительства с помощью военной силы восстановить в 1992 г. единство с Приднестровьем; дореволюционный памятник А. С. Пушкину — с памятником Григорию Котовскому, монумент борцам за власть Советов и героям-комсомольцам — с памятником «жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима» и «Аллеей классиков» в центральном парке «Штефан чел Маре», большинство из которых — румынские политики, писатели, деятели культуры и искусства.

Важнейшим элементом советского наследия остаются мемориалы, посвящённые Великой Отечественной войне, многие из которых отличаются высокой эмоциональностью. Памятники солдатам Великой Отечественной войны есть практически в каждом российском селении и высоко значимы в символическом ландшафте, поскольку, как показала акция «Бессмертный полк», отвечают индивидуальной памяти большинства семей. По данным Левада-центра, в 85% российских семей есть или были участники войны (Общественное мнение — 2016, 2017). Как явствует из данных многих социологических опросов, победу в войне 85% российских граждан расце-

*Памятник воинам-освободителям
в Кишинёве*

Памятник погибшим во время вооружённого конфликта в Приднестровье — часть мемориального комплекса «Вечность»

нивает как главный предмет гордости в истории страны — во много раз больше, чем что-либо другое (Общественное мнение — 2015, 2016). Победа превратила Советский Союз и Россию как его преемницу в мировую державу, легитимировала её высокий статус в международных делах и сферу влияния. Отвечая на вопрос о важности Дня Победы, более 90% представителей всех возрастных, социальных, демографических и региональных групп заявили, что этот праздник для них представляет особую значимость (Молодёжь..., 2011).

Напротив, в ряде новых независимых государств, особенно в Балтии, памятные места, связанные с Великой Отечественной (Второй мировой) войной, рассматриваются политическими элитами как воплощение альтернативных исторических нарративов и символы советской оккупации, маркеры геополитического влияния России. Напротив, для русскоязычных меньшинств, особенно представителей старших поколений, военные мемориалы — это символы их самоуважения и статуса, подорванного распадом Советского Союза (Zhurzhenko, 2011). Русскоязычные меньшинства воспринимают политику памяти новых независимых государств как унижение. Военные мемориалы стали в странах Балтии, на западе Украины и в некоторых других регионах бывшего СССР местами протеста и провокаций.

Радикальными акциями по разрушению советского наследия, невзирая на протесты старшего поколения, стали подрыв в 2009 г. в Грузии (Кутаиси) гигантского монумента в память о победе в Великой Отечественной войне, демонтаж на Украине пришедшими в феврале 2013 г. силами многочисленных памятников Ленину и устранение с карты страны всех топонимов, напоминавших о советском прошлом.

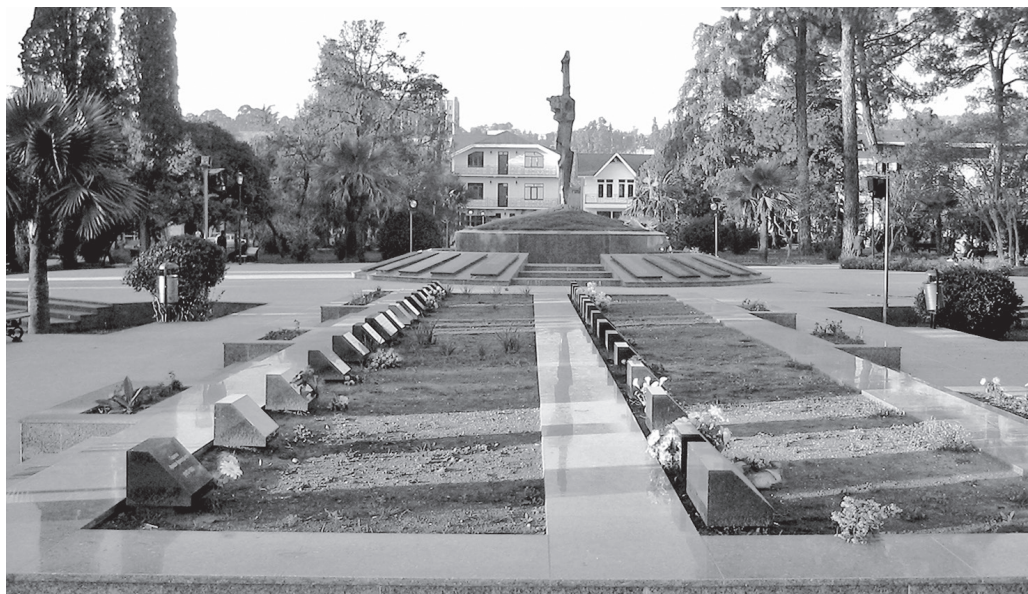
В зависимости от отношения к советскому монументальному наследию страны бывшего СССР могут быть разделены на четыре группы: 1) страны Балтии, которые давно

объявили о полном разрыве с советским наследием и намерении полностью избавиться от него; позже к этой группе присоединилась Грузия, а затем и Украина; к ней же, по всей видимости, принадлежит Туркменистан; 2) страны, декларирующие разрыв с коммунистической идеологией, но в символическом ландшафте которых сохраняются советские памятные места (Молдова); 3) страны, в которых приоритет отдаётся этноцентричной версии истории и новым национальным памятными местами, но также сохраняется и советское наследие (Азербайджан, Казахстан, страны Средней Азии, кроме Туркменистана); 4) Россия, не отказывающаяся от советского наследия, топонимов и других элементов символического ландшафта.

НОВЫЕ МЕСТА ПАМЯТИ: «ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДОГМ» ИЛИ БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ?

После распада Советского Союза и устранения идеологических ограничений и административных запретов, казалось бы, открывалась возможность гармонизировать систему памятных мест, чтобы удовлетворить потребности в символических ресурсах не только большинства населения, но и меньшинств, различных социальных и возрастных групп — как тех, кто разделял либеральные ценности и стремился к «европеизации» новых независимых государств, так и тех, кто не был готов отказаться от идеалов социального равенства и отвергнуть советское наследие. Однако вскоре выяснилось, что груз прошлого сильно омрачает или вовсе исключает такую перспективу. Более того, оказалось, что даже различные территориальные группы, полагающие себя частью единого народа, имеют разные и взаимоисключающие представления о своём историческом прошлом и по-разному интерпретируют свои памятные места, ставшие ареной массовых манифестаций — например, на Украине. Противостоящие группы оспаривают и стремятся «приватизировать» общие места памяти, что обостряет противоречия и конфликты (Roman, 2011).

Действительные или вымышленные исторические обиды, память об империалистических и колониальных войнах, последствия сталинских депортаций, но особенно — непримиримые этнические конфликты, территориальные споры и претензии на создание этнически «чистых» территорий породили множество памятных мест, увековечивающих образ враждебного «Чужого» — иногда даже вопреки намерениям их создателей. Израильский географ Орен Йифтахель назвал непримиримое соперничество за территорию, которую исторически делили две или несколько этнических групп, но которую каждая из них считает своей и полагает колыбелью своего народа, «этничностью (исторической) родины» (*homeland ethnicity*) (Yiftachel 1999). В подобных случаях высоко эмоциональное восприятие своего этноса как извечной жертвы «кровожадного соседа» и целостности рубежей «исторической родины» легко используется в целях политической мобилизации «этническими предпринимателями» и выливается в насилие, несправедливость, этнические чистки (Шнирельман, 2003). Памятные места приобретают экзистенциальное измерение, как в непризнанных (частично признанных) республиках на постсоветском пространстве — Абхазии, Южной Осетии или Нагорном Карабахе.

Парк Славы в Сухуме

Этнические чистки привели к деградации или разрушению памятных мест, принадлежащих «историческому врагу», дабы стереть признаки его присутствия на спорной территории и лишить доказательств её принадлежности (Мелик-Шахназаров, 2011). Европейский парламент потребовал от азербайджанского правительства остановить разрушение на территории страны древних армянских церквей, кладбищ и хачкаров (каменных крестов). В ответ азербайджанская сторона обвинила армян в разрушении мусульманских святынь в занятых ими в результате армяно-азербайджанского вооружённого конфликта административных районах, которые ранее никогда не были частью Нагорного Карабаха¹. Однако власти Нагорного Карабаха заявили, что мечети города Шуши на территории этой непризнанной республики, большинство населения которого до войны составляли азербайджанцы, не будут разрушены, хотя средств на их восстановление нет².

Во всех непризнанных республиках новые памятные места в основном связаны с недавними гражданскими войнами и конфликтами с их «материнскими» государствами. В столице Абхазии Сухуме одна из центральных площадей во время войны с Грузией (август 1992 — сентябрь 1993 г.) была превращена в воинское кладбище, ставшее теперь главным национальным мемориалом этой войны, в котором на граните высечены имена всех жителей Абхазии, сражавшихся за независимость республики. Соседняя улица представляет собой портретную галерею героев. Каждый портрет дополнен описанием подвига героя. Повсюду можно было видеть также портреты перво-

¹ Темников Р. Армяне разрушили большинство мусульманских святынь на оккупированных землях Азербайджана. 2009. <http://www.novosti.az/karabakh/20090602/42888624.html>

² Тер-Саакян К. Кто будет отвечать за уничтоженные церкви и хачкары в Азербайджане. 2013. <http://www.yerkramas.org/2013/12/23/kto-budet-otvechat-za-unichtozhennye-cerkvi-i-xachkary-v-azerbajdzhanе>

го президента Абхазии, историка Владислава Ардзинбы в военной форме. На въезде в города Абхазии располагаются памятники войне в виде бронетранспортёров, водружённых на пьедестал.

Похожих памятных мест много и в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Приднестровье. Музей конфликта с Молдовой в Бендерах стал одной из главных его достопримечательностей. В его экспозиции — фотографии и другие материалы о гражданских жертвах внезапного наступления молдавской армии на спящий почти беззащитный город в июне 1992 г.

Приднестровье представляет собой особый случай, поскольку его отделение от Молдовы не основывалось на этническом факторе (на каждую из трёх основных этнических групп населения региона — молдаван, русских и украинцев приходится примерно по 30%), военная фаза конфликта была относительно короткой, и большинство беженцев вскоре вернулись в свои дома. Но главное, между жителями обеих частей Бывшей Молдавской ССР нет непримиримой враждебности; они могли легко пересекать линию соприкосновения между сторонами.

Тем не менее их идентичность существенно различается: проведённые нами в 2000 и 2010 гг. опросы (Kolosov, 2001; Колосов, 2011)³ показали, что пантеон героев граждан Молдовы и Приднестровья разный и почти не зависел от этнической принадлежности респондента. Участники опроса из Молдовы помнили, прежде всего, политиков и деятелей культуры, живших и творивших в период независимости от Валахии/Румынии, хотя многие российские и советские деятели также оставались популярными. В Приднестровье, напротив, неоспоримое главенство в списке называемых респондентами политиков, писателей, композиторов и т.д. принадлежало именно российским деятелям. Самым популярным политиком был В. В. Путин, наиболее часто упоминаемым деятелем культуры — А. С. Пушкин.

При этом пантеоны героев прошлого и настоящего Молдовы и Приднестровья эволюционировали в 2000—2010 гг. в противоположных направлениях. Российских и советских выдающихся людей в Молдове стали называть реже, а в Приднестровье, наоборот, чаще.

Эти расхождения усиливает проводимая властями на разных берегах Днестра политика памяти. В Приднестровье она нацелена на славянское и в особенности русское культурное и историческое наследие. Главный символ республики — памятник А. В. Суворову, командовавшему русскими войсками в войнах с Османской империей, в результате которых территория Приднестровья вошла в состав России при Екатерине II. Ей уже после распада Советского Союза в центре Тирасполя также сооружён памятник. Город украсил большой собор в стиле средневековых русских церквей, призванном символизировать геополитическую ориентацию республики, подавляющее большинство избирателей которой проголосовали в 2006 г. на референдуме за присоединение к России. Различия в системе памятных мест между Молдовой и Приднестровьем далеко

³ В 2010 г. опрос при участии автора был проведён в Молдове социологической компанией CBS-АХА (Кишинёв), в ПМР — Институтом политических наук Приднестровского университета и НЦАИ «Новый век». Выборки репрезентативны по половозрастной структуре, этнической структуре и расселению. Всего случайным маршрутным методом в Молдове опрошено 874 чел., в ПМР — 975 чел.

не случайны: согласно социологическим данным, взгляды их граждан на перспективы разрешения конфликта принципиально различаются и мало зависят от их этнической принадлежности.

Власти непризнанных республик стремятся интегрировать память о недавних войнах за независимость и о Великой Отечественной войне. Эти войны интерпретируются как справедливые войны против внешней агрессии, за свободу и национальный суверенитет. В исторических экспозициях Еревана и Степанакерта экспозиции о героях Великой Отечественной войны, в том числе четырёх советских маршалах — уроженцах Нагорного Карабаха, помещены рядом с экспонатами об армяно-азербайджанской войне 1990–1994 гг. и её героях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задачи государственного строительства, преодоление кризиса идентичности, переживаемого после распада Советского Союза большинством новых независимых государств, вызвали практически во всех них попытки «нового прочтения» истории, особенно совместной истории с Россией. Оно направлено на создание и укрепление новой политической идентичности путём её сравнения и противопоставления идентичности российской. Этот процесс шёл параллельно с «реконструкцией» символического ландшафта, включая памятные места, которые играют в нём весьма значимую роль. В результате в ряде стран разрушены, подвергнуты забвению или в корне по-иному интерпретируются российские и особенно советские памятные места, в других они образуют порой парадоксальные сочетания с новыми, созданными после обретения независимости.

Продолжающиеся «битвы памяти» в постсоветских государствах, увековечивающие и часто усугубляющие геополитические разделительные линии, внутренние этнические и социальные конфликты, могут завершиться, только если политические элиты признают право каждой группы на собственную историческую память и представление об общей истории. Спокойное отношение к её ключевым периодам порождает чувство солидарности и укрепляет политическую волю к прекращению бесконечных «битв памяти» и историческому примирению с соседями, требующему преодоления предрассудков и негативных стереотипов. Послевоенная Европа даёт примеры такого примирения, например, между Францией и Германией, Германией и Польшей, Россией и Германией, Россией и Финляндией, в определённой мере — между Польшей и Украиной.

Для исторического примирения необходимо пять условий: а) политическая воля; б) изменения в обществе, хорошие отношения между центром и периферией каждой стороны; в) структурированные приграничные взаимодействия и сотрудничество; г) общие проекты в области исторической памяти, интенсивные обмены и дискуссии; д) благоприятная международная обстановка, внешние факторы; е) акции на низовом уровне, особенно в приграничных районах (Foucher 2007, Kolosov and Scott 2012).

Историческое примирение может быть достигнуто только при условии полимасштабного и долгосрочного подхода к отношениям между сторонами, развития разных сфер имеющихся и потенциальных взаимодействий. Оно предполагает структурные

политические изменения на международном, межгосударственном и межрегиональном уровне. Примирение требует также изменений в подходе к природному и культурному наследию по обе стороны политического водораздела. Вследствие милитаризации и низкой хозяйственной активности вдоль границ образуются зоны с ненарушенными или мало нарушенными природными системами, в том числе трансграничные, что благоприятствует формированию особо охраняемых природных территорий по обе стороны границы — так называемых парков мира, которые могут служить историческому примирению. Такие изменения происходят легче, если соседствующие социальные группы, регионы и страны принадлежат к одному политическому союзу или, по крайней мере, разделяют общие ценности. Примирение во всё большей мере становится необходимым условием успешного социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. — М.: Канон пресс, 2001. — С. 33.
- Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et Contra*, 2009. Т. 13, май-август. — С. 110–122.
- Веденин Ю. А.* Основные положения современной концепции управления культурным наследием // *Наследие и современность: десять лет Институту Наследия. Информационный сборник. Вып. 10.* — М., 2002. — С. 7–18.
- Вендина О. И., Колосов В. А., Попов Ф. А., Себенцов А. Б.* Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // *Полис (Политические исследования)*, 2014. № 5. — С. 50–67.
- Колосов В. А., Бородулина Н. А.* Бремя геополитики во взаимовосприятии России и стран Прибалтики // *Международные процессы*, 2007. Vol. 5. № 1 (13). — С. 101–107.
- Колосов В. А.* Инновационные и интеграционные процессы в регионах и странах СНГ / Под ред. акад. *В. М. Котлякова.* — М.: Медиа-Пресс, 2011. — С. 194–213.
- Кустарев А.* СССР: дальнейшая дезинтеграция или реинтеграция // *Pro et Contra*, 2011. Т. 15, сентябрь — октябрь. — С. 121–129.
- Кучма Л.* Украина — не Россия. — М.: Время, 2003.
- Мелик-Шахназаров А.* Нагорный Карабах: факты против лжи. — М.: Волшебный фонарь, 2011.
- Миллер А.* Нация как рамка политической жизни // *Pro et Contra*, 2007. Т. 11, май — июнь. — С. 6–20.
- Миллер А.* Россия: власть и история // *Pro et Contra*, 2009. Т. 13, май — август. — С. 6–23.
- Молодёжь не собирается забывать, что значит для страны 9 Мая. 6 мая 2011. — <http://fom.ru/Proshloe/44>. Accessed on 7 January 2014.
- Общественное мнение — 2015. — М.: Левада-Центр, 2016. — С. 39.
- Общественное мнение — 2016. — М.: Левада-Центр, 2017. — С. 246.
- Шнирельман В. А.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. — М.: Академкнига, 2003.

Agnew J. Space and Place, in J. Agnew and D. Livingstone (eds.) *Handbook of Geographical Knowledge*. — London: Sage, 2011. P. 316–331.

Foucher M. *L'obsession des frontières*. — Paris: Perrin, 2007.

Kolosov V. A Small State as a Self-proclaimed Republic: Nation-Building, Territorial Identities and Perspectives of Conflict Resolution (the Case of Moldova-Transdnistria). — From the Adriatic to the Caucasus. *The Dynamics of (De)Stabilisation*. Ed. by S. Bianchini. — Ravenna: Longo Editore, 2001. P. 87–114.

Kolosov V. After Empire. In: Agnew J., Mitchell K. and Toal G., eds. *A Companion to Political Geography*. — Malden, MA, Oxford, UK etc.: Blackwell, 2003. — P. 251–270.

Kolosov V. and Scott J. W. Karelia: A Finnish-Russian Borderland on the Edge of Neighbourhood', in: H. Eskelinen, I. Liikanen and J. W. Scott, eds. *The EU-Russia Borderland. New Contexts for Regional Cooperation*. — London: Routledge, 2012. — P. 194–210.

Light D. 'Facing the future': tourism and identity-building in post-socialist Romania // *Political Geography*, 2001. Vol. 20. N5. — P. 1053–1074.

O'Loughlin J. and Kolosov V. Building Identities in 'de facto states': Cultural and Political Icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdnistria, and Abkhazia, 2010–2011. 2014.

Margue M. Lieux de mémoire en Luxembourg, lieux de mémoire en Europe. — Dépasser le cadre nationale des «lieux de mémoire». *Majerus Benoit*, dir. — Bruxelles: Peter Lang, 2000. — P. 9–22.

Martin Philippe. Des lieux de mémoire pour l'Europe: mission impossible? Dépasser le cadre nationale des «lieux de mémoire». *Majerus Benoit*, dir. — Bruxelles: Peter Lang, 2009. — P. 155–174.

Nora P. (dir.) *Les lieux de mémoire*. Tome 1. — Paris: Gallimard, 1997.

Pomian K. Divided memory: European sites of memory as political and cultural phenomenon. — 2011. <http://www.enrs.eu/en/articles/219-divided-memory>. Accessed on 20 November 2013.

Smith A. D. *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. — London: Routledge, 2009. — P. 69.

Yiftachel O. Between nation and state: "fractured" regionalism among Palestinian-Arabs in Israel. *Political Geography*. Vol. 18. N3. — P. 285–307.

Zhurzhenko T. The geopolitics of memory // *Eurozine*, 2007. N10. <http://www.eurozine.com/articles/2007-05-10-zhurzhenko-en.html>.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: ТЕОРИЯ, РЕАЛИИ И ФАНТОМЫ¹

О теме, обозначенной в заголовке, мы нередко разговариваем с любимым и уважаемым мной Юрием Александровичем Ведениным, о ней давно и с беспокойством пишу. Поднимая эту проблему на дискуссиях, круглых столах, конференциях, мы пытаемся затормозить разрушительные процессы, отстоять чистоту наследия. Важно, что Ю.А. умеет держать удар, подставляет плечо единомышленника и всегда честен (за что огромное спасибо, ибо честность и честь — спасительный плот в бушующем океане жизни). Его непоколебимая твёрдость в защите профессиональной позиции, убедительность и ясность, и что главное — человечность и любовь к делу в буквальном смысле формируют и очищают «ландшафт отечественной культуры». Многому научилась у Ю.А. и нашла понимание.

Публикуемый ниже текст очерчивает круг собственных многолетних наблюдений и в полной мере — переживаний автора; он может оказаться интересным для тех, кто размышляет об этом сложном и дискуссионном явлении.

* * *

Сохранение культурного наследия является относительно молодой областью знаний (по сравнению с «точными» и «естественными», не говоря уже о «гуманитарных»). 200-летний свод знаний и практического опыта, оснащённый теорией и научными принципами, доктринами, национальными законодательствами, реставрационными школами и международными институтами, в том числе системой Всемирного наследия, может рассматриваться как одно из важнейших достижений культуры XX века. Это фундаментальное завоевание покоится на основе философии истории и понятия «аутентичности», которые защищают необратимость жизненных процессов и времени, а сам памятник символизирует воплощение его линейной концепции. Особое место в этой области знаний и специальной

¹ Статья основана на публикациях и выступлениях по данной проблематике начиная с 1995 г.

деятельности занимает «реконструкция» (в отечественной терминологии более известная как «воссоздание») — один из видов реставрационных работ на памятнике.

Автору этой статьи довелось заниматься понятием «подлинности» и темой реконструкции на протяжении достаточно долгого времени. В этом был большой личный и профессиональный интерес, нашедший отражение в целом ряде выступлений и публикаций². Постепенно пришло ясное понимание, что трансформация теории воссоздания, начавшаяся лет двадцать назад, может привести (и уже привела) к серьёзным негативным последствиям, в том числе, в общем понимании «наследия» и в отношении к нему. Была уверенность, что привлечение внимания к этой проблеме не только в нашей стране, но и в мире, поможет предотвратить возникающие риски.

Отдавая должное очевидным случаям военных конфликтов, стихийных бедствий и землетрясений, когда реконструкция предопределена и теоретически, и практически, удалось взглянуть на это явление с другой точки зрения, обозначив его многоаспектный характер. Сегодня тема реконструкции вновь оказалась на пике актуальности. Это позволило обратиться к ряду ранее опубликованных авторских текстов, выражающих взгляд на происходящее и дающих возможность увидеть развитие ситуации в ретроспективе.

ЭКСПАНСИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Современные тенденции в трактовке культурного наследия, отмеченные такими ключевыми словами и функциями как «развитие», «движение» и «креативность», свидетельствуют о достаточно быстро происходящих качественных изменениях, которые отбрасывают реставрационное сообщество более чем на сто лет назад — в эпоху расцвета циклических представлений о памятниках (Dushkina, 2000). Краткий анализ экспансии «ретроразвития»³ и исторической реконструкции, наблюдаемой с середины 1980-х годов, свидетельствует об их массовом пришествии даже на объекты Всемирного наследия. Репродукция исторических сооружений как троянский конь постепенно захватывает мир и претендует стать одним из самых интригующих явлений современной практики наследия. Этот расцвет был спровоцирован глубокими изменениями внутри самой культуры, а также значительными политическими и социальными метаморфозами конца XX века.

Всё это свидетельствует об острой необходимости широкой дискуссии, в том числе на международном уровне. В январе 2011 г. Национальный исследовательский институт культурной собственности Tohunkan (Токио, Япония) организовал международный симпозиум «“Процесс реконструкции” и культурное наследие». Он был посвящён анализу различных подходов по трём основным направлениям (стихийные бедствия, конфликты

² Некоторые работы автора по данной теме приведены выборочно в конце статьи.

³ Современный период интереса к «ретроразвитию» был отмечен выходом масштабной монографии о творчестве одного из основоположников этого направления: Нащокина М., Гандельсман Б., Комский М. Архитектор Борис Еремин. Творческое наследие. Реконструкция центра Москвы. Архитектурные концепции и проекты второй половины XX века. — М., 2016.

и социальные изменения)⁴. Однако ни теоретические основы понятия, ни существующие угрозы наследию в целом, хотя и были представлены в некоторых докладах, в итоге не получили должного обсуждения и развития. В этой связи уместно вспомнить, что в 1999 г. на 12-й Генеральной Ассамблее ICOMOS в Мехико автор этой статьи выдвинула проект резолюции по «реконструкции». Главной целью было «*инициировать международное научное обсуждение для определения критериев и границ реконструкции (воссоздания) в современной теории и практике консервации*». Тогда это предостережение не было принято во внимание. Однако в 2011 г., двенадцать лет спустя, на 17-й Генеральной Ассамблее ICOMOS, такую резолюцию от России, после нескольких неудачных попыток, провести удалось! ICOMOS, ICCROM и DOCOMOMO International, в сотрудничестве с Центром Всемирного наследия, должны, наконец, объединить свои интеллектуальные усилия для начала интенсивной дискуссии. И надо сказать, что процесс постепенно пошёл. Прошло несколько конференций, в том числе, «установочная» в штаб-квартире ICOMOS в Париже в 2016 г., затем в Стамбуле в рамках 40-й сессии Комитета Всемирного наследия, приняты итоговое решение и рабочее руководство ICOMOS по разработке новой доктрины (ICOMOS Guidance..., 2017). Другое дело, куда заведёт поднявшаяся волна, и какие цели, в итоге, поставлены. Есть серьёзные опасения, что результаты дискуссии могут оказаться существенно отличными от ожиданий.

В нашей стране о необходимости, возможности и целесообразности воссоздания архитектурных сооружений было высказано немало суждений. Материалы публикаций и дискуссий, многочисленные примеры громких воссозданий — от уникальных сооружений в центре столицы (Казанский собор, Воскресенские ворота, Храм Христа Спасителя), на территории объектов Всемирного наследия (Московский Кремль с репродукцией Красного крыльца, Андреевского и Александровского залов Большого Кремлёвского Дворца; Успенский собор в Ярославле; Летний сад в Петербурге и ряд объектов в его пригородах) до фрагментов рядовой городской застройки и интерьеров — подтверждают, что мы сталкиваемся с очень сложным переплетением проблем в области культуры, реставрации, научной и профессиональной этики, идеологии и власти, которые соединились в феномене «реконструкции». По напряжённости, остроте и противоречивости полемики, не утихающей вокруг этой темы, с ней, пожалуй, не может сравниться ни одна из проблем в области сохранения наследия⁵.

Об этом же свидетельствует и состояние наследия многих стран, затронутых различными методами исторической реконструкции. Коротко перечислим несколько самых известных примеров, чтобы представить массовость происходящего. В Барселоне (театр Лисео),

⁴ 34th International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property “Reconstruction Process” and Cultural Heritage”. 19–21 January, 2011. National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo.

⁵ Оценка этого явления была отражена в целом ряде публикаций, остающихся актуальными и востребованными сегодня: Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. PRO et CONTRA. — М., 1998; Dushkina N. Reconstruction: recent Russian Experience // Quaderni Arco. Restauro, Storia e Tecnica. Roma, 1999. P. 47–58; серия работ М. И. Мильчика, из последних: От ленинградской школы реставрации к петербургской школе реконструкции // Вестник «Зодчий. 21 век». Часть 1. Июнь 2015 г. — С. 54–63. Множественные статьи о воссоздании (и тоже в аспекте *pro et contra*) на сайте «Хранители наследия», авторы К. Михайлов, Е. Твардовская — лауреаты премии имени А. Комеча 2017 г.: <http://hraniteli-nasledia.com/search/index.php?q=%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5&s=>

Венеции (Ла Фениче) и в норвежском Драммене опробованы различные проектные подходы к реконструкции театральных зданий, пострадавших в пожаре (действие, обоснованное в теории реставрации). В Лондоне, напротив, было осуществлено беспрецедентно смелое, не имеющее аналогов воспроизведение ренессансного шекспировского театра «Глобус».

Шекспировский театр «Глобус» в Лондоне. Разрушен по эдикту Парламента в XVII в. Реконструирован в 1990-х гг.

Его никогда не видели в XX веке, поскольку он был снесён по указу парламента в XVII веке; исчерпывающих документальных свидетельств, не говоря уже о фиксационных обмерах или фотофиксации, не сохранилось. После сооружения были найдены материалы, подтвердившие вольную интерпретацию его сценического пространства. Тем не менее, существует идея не только продублировать аналогичные театральные здания в самом Лондоне, но и построить театр «Глобус» в Берлине (что выявляет не столько культурную составляющую, сколько коммерческие и образовательные цели).

В Германии, как и в России, можно говорить о существовании государственной программы «национального возрождения» посредством исторической реконструкции. Здесь, прежде всего, следует отметить амбициозное воссоздание Фрауенкирхе на Новом рынке (Neumarkt) в Дрездене, грандиозного здания первой половины XVIII века работы Г. Бара, разрушенного в 1945 г. На протяжении десятилетий его руины сами по себе представляли выдающийся военный мемориал. Работы по воссозданию велись с немецкой педантичностью и вниманием к деталям; все уцелевшие подлинные фрагменты были собраны, идентифицированы и на компьютерной основе включены в новую структуру.

Сам Neumarkt в Дрездене стал площадкой масштабной реконструкции градостроительной ткани, утраченной во время войны, в «советский» период заменённой модернистскими зданиями, которые, в свою очередь, были снесены под недавнее воссоздание квартала преимущественно в бетоне, с барочной накладной декорацией стен.

Церковь Богородицы (Frauenkirche) на Новом рынке в Дрездене.

Реконструкция проведена в середине 1990-х — 2005 г.

на территории объекта Всемирного наследия (впоследствии выведен из Списка)

Это напомнило о практике послевоенной реконструкции Старо Място в Варшаве, когда сознательно отказались от современных градостроительных приёмов⁶ (Falser, 2010). После Дрездена активно обсуждаются десятки проектов реконструкции по всей стране (особенно активно в Саксонии), масштабы которой можно сравнить с послевоенными работами. В центре самого Берлина, на берегу Шпрее, были раскрыты фундаменты разрушенного Королевского дворца (Königsschloss) XVIII века А. Шлютера и проведена кампания по его восстановлению на месте снесённого Дворца Республики периода ГДР, с опорой на акт Бундестага 2003 года (Von Buttler, 2007; Falser, 2008). Сегодня здесь возвышается огромный бетонный объём, обложенный кирпичом с накладными барочными деталями, одна стена которого, обращённая к Шпрее, сознательно выполнена в стиле модернизма, демонстрируя язык современной архитектуры, встроенной в новодельную историческую раму.

Королевский дворец (Königsschloss) XVIII в. А. Шлютера в Берлине.

Разрушен в 1945—1960-х гг. Реконструируется с конца 2000-х гг. до настоящего времени.

Буферная зона объекта Всемирного наследия

⁶ С 1980 г. — объект Всемирного наследия.

*Реконструкция здания Академии архитектуры на площади Шинкеля (Schinkelplatz).
Разрушено в 1945 г. и полностью разобрано в 1962 г. для строительства
снесенного впоследствии Министерства иностранных дел ГДР*

Через реку напротив под карниз возведён фрагмент здания Академии архитектуры (Bauakademie), построенной в 1831–1836 гг. К. Ф. Шинкелем в центре Берлина. Рядом, в самом начале Унтер-дер-Линден, в 2003 году было восстановлено историческое здание Комендатуры (Kommandantehaus) с имитацией классических фасадов и современными интерьерами. Всё вместе формирует центр «исторического» Берлина, наполненного образами «живых» памятников и возрождённых клонов. Идёт многолетнее продвижение проекта по воссозданию в буферной зоне объекта Всемирного наследия.

*Синагога Хурва в Старом городе, Иерусалим.
Возведена в начале XVIII в., перестроена в 1836–1864 гг.,
взорвана в 1948 г. Реконструкция из железобетона*

Этот список может быть продолжен сенсационным предложением по восстановлению дворца Тюильри XVI века в Париже работы Ф. Делорма, который сгорел

в 1871 году и был разобран в 1883⁷. В Иерусалиме, в Старом городе, на территории объекта Всемирного наследия в 2010 году была завершена реконструкция синагоги Хурва из железобетона с обкладкой традиционным местным камнем, возведённая на месте античных и средневековых руин и заменившая собой знаменитую Памятную арку, установленную на этом месте в 1950-х гг.

Всё чаще слышны голоса из Афин с пожеланиями большей визуальной «завершённости» и «целостности» ансамбля Акрополя. В Риме, в сердце классической археологии, среди руин форума Романум и Палатина, контрастно выделяются свежей кирпичной кладкой выведенные под крышу, пока единичные, новые «античные» сооружения. Во Флоренции всерьёз говорят о реконструкции с целью туристической привлекательности главного фасада церкви Сан Лоренцо Микеланджело, проект которого не был осуществлён. Не говоря уже о крайних (с точки зрения европейской консервации) вариантах полного и фрагментарного воссоздания храмовых и дворцовых ансамблей VIII в. прямо на археологическом участке древней Нары в Японии (правда, осуществлённого в стране с нетрадиционной трактовкой понятия подлинности; Ито, 1996; Larsen, 1994). Симптоматично, что даже на археологических участках, где на реконструкцию (за исключением анастилоза) десятилетиями было наложено строгое табу, появились невероятные полноразмерные имитации доисторических сооружений, включая памятники неолита, возводимые в туристических целях (Kobyliński, 2010). Многочисленны примеры

*Успенский собор в Киеве. Разрушен в 1941 г. Воссоздан в барочных формах XVIII века в середине 1990-х-2000 г. На фото северная стена собора, имитирующая «раскрытие подлинной исторической древней кладки», которой здесь не сохранилось.
Территория объекта Всемирного наследия*

⁷ Национальный комитет по реконструкции Тюильри ('Comité National pour la Reconstruction des Tuileries') был учреждён в 2003 г. Идея осталась неосуществлённой, но от неё не отказались.

и для стран так называемого постсоветского пространства. Украина с её масштабными воссозданиями 1990-х годов в Киеве — Пирогоща XIII века, Лядские ворота, Михайловский Златоверхий и Успенский соборы, разрушенные в 1930—1940-х годах, продолжила линию, идущую от Золотых ворот, построенных почти заново в 1982 году на гипотетической основе.

В странах Балтии материализация идей «национальной идентичности» осуществляется через возведение копий исторических зданий: это решение парламента о реконструкции дворцовой резиденции великих князей литовских, полностью разрушенной в 1801 году и частично восстановленной уже к 2009, а также части квартала гетто в историческом центре Вильнюса; восстановление элементов застройки XVII в. на ратушной площади в Риге к 800-летию города, в том числе, средневекового Дома Черноголовых (Schwarzhäuperhaus), и т.д.

Даже «молодое» наследие XX века является объектом реконструкции. Как ни парадоксально, временные и ранее демонтированные выставочные павильоны представляют серию репродуцированных зданий, к тому же, превращённых в фундаментальные постройки (часто на других местах). Среди них такие известные «иконы» модернизма как павильон L'Esprit Nouveau Ле Корбюзье (Париж, 1925), воспроизведённый в 1977 году в Болонье. Немецкий павильон Мис ван дер Роэ (Барселона, 1929) был построен заново на прежнем месте в 1986 году, в то время как павильон Сонсбек Альдо ван Эйка (Арnhem, 1966) был реконструирован в 2005 году в Оттерло, в музее Крёллер-Мюллер. Ещё одна временная постройка Ле Корбюзье — знаменитый павильон Филипс (Брюссель, 1958) — найдёт свою современную репликацию в Эйндрховене, Нидерланды. Международный ICOMOS поддержал идею воссоздания дома первого директора Баухауза Вальтера Гропиуса (Дессау, 1925—1926), при серьёзном сопротивлении экспертного сообщества⁸. Одновременно к полному осуществлению предлагаются незавершённые или никогда не реализованные проекты. Среди них наиболее показательны строительство церкви Сен-Пьер (Saint-Pierre) в Фирмини-Вер на основе проекта Ле Корбюзье, 1960—1965. Примечательно, что это здание, возведённое в 2006 году (архитектор Ж. Убрери) с рядом гипотетических элементов, было выдвинуто Францией в список Всемирного наследия в составе транснациональной серийной номинации построек Ле Корбюзье (отклонено международной экспертизой)⁹.

Подводя черту, можно привести констатацию сдержанного по тону итогового документа сессии по реконструкции сооружений XX века (DOCOMOMO, Роттердам, 2008): *«современная практика реконструкции становится всё более элементом образовательного процесса, культурного туризма и предпринимательства,*

⁸ Отделения DOCOMOMO в Германии и Австрии, многие известные международные эксперты выступили против предложенного проекта реконструкции, однако это не остановило продвижение затеи в виде макета в натуральную величину, возведённого на территории объекта Всемирного наследия.

⁹ Церковь Сен-Пьер в Фирмини-Вер (Saint-Pierre, Firminy-Vert, 1960—1965; 1968—2006) построена на основе первоначальных зарисовок Ле Корбюзье в 1964 г. сотрудником его мастерской Ж. Убрери (José Oubrière), который дополнил проект собственным прочтением. Объект был отклонён от включения в составе серийной номинации экспертизой ICOMOS, которую осуществляла автор статьи в 2008 и 2015 гг.

*Церковь Сен-Пьер в Фирмини-Вер
(в буферной зоне Всемирного наследия)*

а иногда и обычного строительства недвижимости». И далее: «индустрия наследия выработала растущий интерес к воспроизведению «икон» современной эпохи прогресса и развития» (Reconstruction of Modern..., 2008).

Список вновь построенных «исторических памятников» в разных странах мира, в том числе и в России, можно продолжать до бесконечности. Главное, что многие из упомянутых сооружений входят в состав объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, для которых установлены высшие из существующих стандартов сохранения. Некоторые из них отмечены нарушениями существующих теоретических правил воссоздания, выполнены без исчерпывающего документального обоснования, несут в себе элементы гипотетического характера и современных «усовершенствований», что искажает первоначальный замысел (один из наиболее ярких примеров — воссозданный Успенский собор в Ярославле, в полтора раза выше первоначального храма и с целым рядом «творческих» дополнений). В значительной степени это объясняется самой природой реконструкции, которая воплощает в себе диалектику «сохранения» и «развития».

Все эти факты говорят о том, что мы являемся очевидцами не просто одного из этапов в истории становления и развития феномена «реконструкции», начавшегося в конце 1980-х годов и длящегося до настоящего времени. Речь идёт об искажении или, точнее, перерождении теоретических принципов, закреплённых в научной реставрации по отношению к этому виду профессиональной деятельности и к сохранению наследия вообще. Вызывает беспокойство и резкий количественный рост воспроизводимых зданий, постепенно выводящий историко-архитектурную среду за рамки понятия «наследие» и обесценивающий подлинные памятники. Современный исторический центр Москвы представляет собой один из наиболее ярких примеров подобного дисбаланса.

ФЕНОМЕН НОВОГО ВИДЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Тот процесс, в который вступила Москва на новом этапе своего развития, являясь примером для подражания во всех городах страны, — это процесс постепенного выхолащивания исторической подлинности практически по всем параметрам.

Для того чтобы понять характер событий, развернувшихся в историческом центре, с позиции подлинности, хотелось бы напомнить последовательность происходящего. Процесс делится на два отчётливо выраженных этапа. Первый из них — «романтический» — связан с кампанией конца 1980—1990-х годов по воссозданию утраченных памятников. Его объективная значимость была обусловлена беспрецедентными репрессиями уникальных памятников старины и православных святынь в советский период. С начала 1990-х началось возведение копий выдающихся, знаковых для Москвы сооружений XVII—XIX веков, отреставрированных в 1920-е годы и уничтоженных в 1930-е. Все эти акции, ставшие символами «новой русской истории» и получившие широкий резонанс в обществе, осуществлялись под патронатом властей и были проведены в кратчайшие сроки, немыслимые для европейской реставрации. Благодаря вновь выстроенным сооружениям была отчасти восстановлена исторически сложившаяся целостность, в том числе, в восприятии панорам и силуэтов центра Москвы, искажённая в советский период (Проблемы воссоздания утраченных памятников, 1998).

Однако некоторые параметры этих построек, с точки зрения реставрационной науки, оказались размытыми и отмечены элементами гипотетического характера. Прибегали к использованию чужеродных для исторических сооружений строительных материалов и методов (к примеру, железобетонного каркаса)¹⁰. «Мутация» габаритов, высотных отметок, фактуры материала свидетельствуют, что получение быстрого результата было для заказчиков и исполнителей работ важнее точного репродуцирования. Уже тогда в критике слышалось предостережение о фальсификации исторических ценностей, которая приведёт к девальвации наследия, размыванию подлинности, а также к дезориентации широких слоёв населения в историческом процессе (Душкина, 2002; Матвеев, 2012). Вплоть до сегодняшнего дня эта проблема сохраняет в России свою абсолютную актуальность.

Важно подчеркнуть и следующее обстоятельство. Работы над многими объектами были, по существу, выведены за рамки реставрационной профессии как целостной системы знаний и переданы в руки архитекторов-практиков прямого действия, оставив реставраторам «декоративную» сторону. Это был пробный камень, определивший тенденцию и в дальнейшем давший толчок беспрецедентной акции по массовой переделке наследия. Не владеющие специальными научными знаниями, быстро работающие архитекторы и строители оказались удобны для осуществления громких проектов и идеологических программ. В этом контексте отработанная десятилетиями реставрационная методология становится «тормозом». Востре-

¹⁰ Напомним, «новый» Храм Христа Спасителя (1837—1883, К. Тон) имеет огромные подземные помещения, конструкции из бетона, мраморное покрытие стен, бронзовую скульптуру и инновационный метод «золочения» куполов, которых ранее не существовало. По сути, это даже не копия, а современная интерпретация и реконструкция первоначального архитектурного замысла.

бованной оказывается лишь внешняя «историческая» форма сооружения, но не весь комплекс научного реставрационного процесса, обеспечивающего целостность и полноту вклада в явление, которое принято называть «культурой». Опыт 1990-х годов по воссозданию «памятников» доказал, что выполнение работ в рамках реставрационной теории и практики — занятие не только длительное, но и более дорогостоящее, чем «новое строительство» исторических зданий. Тем более что визуально результаты получаются близкими, а для непрофессионала — одинаковыми. Закономерен и другой вывод. Если так легко был разрушен целый пласт исторического наследия в советское время, а затем, пусть и фрагментарно, быстро восстановлен в 1990-е-2000-е годы, не означает ли это рождение принципиально нового метода «обновления» древностей, удобного и экономически, и политически? Другими словами, не проще ли вместо необходимой реставрации заняться сносом исторических сооружений, а затем их рентабельным «воссозданием» из нового, прочного материала руками архитекторов?

Результаты продвижения «нового видения наследия» вглубь исторического города не заставили долго ждать. Второй период, начавшийся в начале 2000-х годов, был ознаменован сносами исторических сооружений и нарушением национального охранного законодательства. Представление о том, что город — это не скопление отдельных отреставрированных исторических зданий и уникальных объектов, а единая пространственная структура, где каждое сооружение является неотъемлемой частью целого, в современных условиях оказывается ненужным. Его основа — неслучайно названная «тканью города» — вычищается. Городским властям как будто неизвестно, что подлинность исторических зданий является не просто некоей духовной и культурной ценностью, но и экономическим ресурсом общества, материальной ценностью, способной приносить доход в условиях рыночной экономики.

Продукты массового производства, заполонившие мир, явления глобализации резко повысили значение и ценность уникального. Российский же парадокс состоит в том, что возраст здания рассматривается лишь в качестве фактора, снижающего ценность недвижимости и её стоимость, а также инструмента, обеспечивающего снос и, как следствие, — появление строительных площадок. В мирное время исторический город подвергся опустошению для быстрого получения сверхприбылей. Старые здания объявляются «нерентабельными» и коммерчески нежизнеспособными. Признавая их ветхими или аварийными, на снос обрекают сооружения, расположенные в историческом центре, привлекательном для инвестиций. В результате появились десятки клонов исторических зданий, составляющих целые улицы и архитектурные ансамбли. Яркий пример Трубной площади, где не осталось ни одного подлинного исторического здания, за исключением выгоревшего заведения Оливье; застройка Петровского бульвара и Неглинки, дом-город гостиница «Москва» и многие другие, наполнившие город суррогатами. Все они кажутся как будто «историческими», однако быстро распознаётся их псевдоисторическое бетонное тело, накладной декор и гулкие пустоты¹¹. Так, гости-

¹¹ Бывший мэр Москвы, отстаивая правомерность производства макетов исторических зданий в натуральную величину, как будто всерьёз считал, что «в московской культуре понятие копии иногда имеет не меньший смысл, чем оригинала. Потому что смысловая, историческая и культурная «нагрузка», которую несёт в себе такая «копия», часто может быть и богаче, и глубже первоначального архитектурного решения». Лушков Ю. Что такое столичный архитектурный стиль? // «Известия», 19 мая (№ 86) 2004.

ница «Москва», до разрушения — выявленный объект культурного наследия. Сооружена А. Щусевым, Л. Савельевым и О. Стапраном в 1932—1938 гг. Демонтирована по коммерческим соображениям в 2004 г., возведена заново из бетона в 2005—2008 гг. с целым рядом несоответствий. Полностью утраченные интерьеры не восстановлены. Буферная зона объекта Всемирного наследия.

Гостиница «Москва» после возведения заново в 2005—2008 гг.

Количественный рост таких сооружений-клонов, не говоря уже об откровенных фантомах и симулякрах, вершиной которых по праву могут считаться две царские резиденции — в Царицыно и Коломенском, создают дисбаланс в культурном пространстве города, постепенно выводят историко-архитектурную среду за рамки понятия «наследия», обезценивают сохранившиеся подлинные памятники.

Мы становимся свидетелями постепенной девальвации и фальсификации ценностей отечественной культуры, которые не могут быть восполнены и заново воспроизведены при их утрате. Можно выделить семь периодов, связанных с отечественной исторической реконструкцией, красноречиво демонстрирующих эволюцию явления: 1) от «стилистической» реконструкции к «археологической» конца XIX — начала XX в.; 2) массовые репрессии памятников 1920—1930-х гг.; 3) послевоенная реконструкция, конец 1940 (вплоть до настоящего времени); 4) «декоративная» реконструкция 1960-х — середины 1980-х; 5) постсоветская реконструкция — «романтический» этап, 1985—2000; 6) массовые разрушения и клонирование, 2000—2010; 7) «фантомные» реконструкции конца 2000-х (Dushkina, 2012).

Как заметил профессор Тодор Крестев, известный международный эксперт, ведущий борьбу против фальсификации архитектурного и археологического наследия в другой стране — в Болгарии, обозначая те же самые угрозы, «сегодняшние реконструкции <...> воссоздают гипотезы, создают бутафорские подделки без культурной ценности, закрывая тем самым окна истории». «Если представить себе песси-

Дворец Екатерины II в Царицыно. Интерьер так называемого «Екатерининского зала» (2007–2008), которого исторически не существовало, в том числе, в проектах В.И. Баженова или М.Ф. Казакова, проектировавших царскую резиденцию в последней четверти XVIII в. Яркий пример фантомной реконструкции или симулякра (фото Г. Ревзина)

мистический вариант развития событий, при котором такая практика продолжит развиваться и расширяться, то мы перейдём к постепенной «туристификации» болгарского наследия, а потом дойдём и до клонирования культурных «аттракционов» в среде, лишённой памяти. Здесь можно использовать также термин «макдональдизация» наследия — ведь речь идёт о создании и тиражировании типового туристического продукта. С целью облегчения этих коммерческих манипуляций, которые являются выгодными на разных уровнях, возможно даже применение политического давления и ослабление критериев подлинности. Об этом уже поступают тревожные сигналы...» (Крестев, 2016).

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ. ОТРАЖЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКТРИНАХ

Как известно, в теории консервации¹² значение термина «реконструкция» («воссоздание») связывается с понятием «нового строительства», имея в виду воспроизведение разрушенного памятника (или его части) в результате войны, пожара, природных или

¹² Понятие «консервация» употребляется в широком значении как разветвлённая система мер, направленная на сохранение наследия.

социальных катастроф. В теории методы «реконструкции» строго ограничены, допустимы в исключительных случаях и основаны на:

- точной документальной базе (включая архивные и историографические данные);
- сохранении первоначальных форм, утраченных во время бедствий;
- исключении гипотез и домыслов;
- использовании старых или новых (идентичных) строительных материалов;
- *in situ*, то есть, на своём историческом месте;
- восстановлении по горячим следам после трагического разрушения (см. также

Подъяпольский и др., 1988; Feilden, 1982).

Как ни один другой вид деятельности в рамках научной реставрации, реконструкция характеризуется пограничным состоянием между консервативной по своей сути основой памятника и креативной (динамичной) природой архитектурного творчества, без которого не обходится процесс реконструкции. Возникающие соблазны или необходимость привнесения изменений всегда представляют угрозу для корректности производимых восстановительных работ.

В документах международного характера в «сконцентрированном» виде представлены важнейшие положения теории, выработанные на основе широкого реставрационного опыта, и отражена их эволюция на протяжении столетия. В первой доктрине «Афинской хартии» реставрации 1931 г., сыгравшей выдающуюся роль в становлении профессии, понятие «реконструкции» вообще не употребляется. По отношению к «реставрации» выдвигается жёсткое требование, отражавшее общую тенденцию для многих европейских стран: «отказаться от реставрации *in toto* и отвратить угрозу разрушения путём создания системы регулярного поддержания сооружений, обеспечивающего их сохранность» (General conclusions., 1931). Понятие «консервации» и исключительная важность документальных свидетельств занимают в «Афинской хартии» ключевую позицию, демонстрируя окончательное утверждение принципов археологической реставрации и её научного преимущества над методами стилистической реставрации. Ни по содержанию, ни даже лексически в тот период времени, даже несмотря на значительные разрушения Первой мировой войны, повлекшие за собой восстановительные работы, выделение «реконструкции» в один из специфических видов работ на памятнике не считалось необходимым. В то же время, именно на афинской конференции 1931 г. широко вводилось понятие анастилоза¹³, который представляет собой, по сути дела, один из щадящих методов реконструктивного вмешательства в состояние памятника. Однако, характеризуя произведённые Н. Баланосом восстановительные действия на Пропилеях и Парфеноне методом анастилоза, по которому была принята специальная резолюция, вновь особо подчёркивалось, что «методы реставрации при этом не должны использоваться» (General conclusions., 1931)¹⁴, что с самого начала выявило противоречивую природу явления.

¹³ Анастилоз (*anastylosis* [греч.] — возврат к прежнему состоянию). Один из видов реставрационных работ на памятнике. Предполагает восстановление разрушенного сооружения путём установки его подлинных элементов на первоначальное место. Термин введён Н. Баланосом. Позднее, в том числе в международных документах, анастилоз стал трактоваться как один из видов реконструкции, применимых на объектах наследия.

¹⁴ Примечательно, что при этом допускалось использование бетона и металлических закладных деталей для укрепления структуры, нанёсших в дальнейшем существенный урон памятникам.

В «Венецианской хартии» 1964 г., текст которой сам по себе является памятником и вплоть до сегодняшнего дня представляет собой теоретическую доктрину и этический кодекс профессионального мирового сообщества, с уже знакомой последовательностью утверждается, что «реставрация должна являться исключительной мерой» (§ 9), а памятники должны быть переданы будущим поколениям «во всём богатстве их подлинности» (Международная хартия., 1998). Реконструкция как вид работы на памятнике не фигурирует, однако скрытое присутствие этого понятия ощущается¹⁵. Оно как бы диффузно растворилось, оставив на поверхности доктрины свои родовые признаки. Так, в тексте «Венецианской хартии» встречаемся с упоминанием «предположительного восстановления» (§ 9), «дополнений» (§ 9, 12, 13), которые допускаются в исключительных случаях, а «перемещение памятника» (§ 7) оправдывается «высшими национальными или международными интересами». И лишь в разделе «Раскопки» (§ 15), в отношении которых в силу разных причин может возникнуть желание потенциального восстановления, термин «реконструкция» появляется впервые, открыто, и звучит в императивной форме: «Всякая реконструкция должна быть исключена *a priori*, можно допустить лишь анастилоз». И далее, предостерегая от всё же возможных реконструктивных действий и минимизируя их проявление, констатируется: «Введённые элементы всегда должны быть распознаваемы и представлять собой минимум, необходимый для обеспечения условий консервации памятника и восстановления единства его форм» (§ 15). Всё это лишний раз свидетельствует о существующей размытости границ между «реставрацией» и «реконструкцией» на терминологическом уровне, в которой зафиксирована объективная двойственная природа рассматриваемого явления. С одной стороны, формальный отказ от «реконструкции» отражал стремление к максимальному сохранению подлинности и чистоты теоретических принципов. В середине 1960-х годов опыт и качество многочисленных послевоенных восстановительных работ ещё удерживали от активного продвижения этого метода. Однако, несмотря на все существующие ограничения, реконструкция подтвердила своё право на неизбежное существование — и как инструмент восстановления целостной картины мира и его восприятия, и как ярко выраженное созидательное и творческое начало, присущее человеку.

1970-е годы были отмечены принятием «Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия» (ЮНЕСКО, 1972 г.) — программного документа в превентивной теории и практике консервации, в котором вновь проводилась линия минимизации реконструкции на памятнике. «Руководящие принципы по осуществлению Конвенции об охране Всемирного наследия», впервые появившиеся в 1977 году, предложили «тест на подлинность» («материала», «замысла», «мастерства исполнения» и «окружения») для памятников, номинируемых на включение в Список Всемирного наследия (Душкина, 1998; Понятие подлинности., 1996; Criteria for., 1977). В связи с этим устанавливалась иерархия действий для максимально возможного сохранения подлинности — поддержание, консервация, укрепление, реставрация, реконструкция, перечисленные в порядке нарастания их деструктивного воздействия. В тот период времени единственным типом реконструкции, приемлемым для памят-

¹⁵ Так же, как и в «Афинской хартии» реставрации, где встречаются понятия «re-erection», «reinstatement», etc.

ников Всемирного наследия, считался анастилоз (Feilden, Jokilehto, 1998). Однако, уже в 1980 году, «Руководящие принципы» были дополнены. К «тесту на подлинность» добавлен специальный комментарий по реконструкции, который открывал двери для репродуцированных сооружений (по умолчанию — исторического центра Варшавы, внесённого в список Всемирного наследия в том же году)¹⁶. Стало очевидно, что, если на теоретическом уровне табу против реконструкции не были удалены, с производством копий стали мириться и *de facto* и *de jure*.

Здесь стоит вспомнить о самой природе подлинности, которая не может быть повторена, воспроизведена или быть копированной, то есть — противоречит реконструкции (Jokilehto, 1995). На чисто теоретическом уровне, использование двух слов одновременно — «аутентичная реконструкция», что в последнее время получает всё большее хождение — филологический, философский и культурный нонсенс (Laenen, 1995). Как заметил один из крупнейших теоретиков наших дней Ю. Йокилетто: «*Быть подлинным относится к определённому явлению; оно описывает кого-то или что-то, действующее автономно и не зависящее от других, обладающее авторитетом и глубокой идентичностью по форме и содержанию, являющееся оригинальным, созидательным, неповторимым, уникальным, неподдельным, правдивым, исключительным или настоящим. «Быть идентичным», однако, относится не к конкретному, а к «универсальному» явлению в том смысле, что представляет класс с учётом того же вещественного состава, свойств, качеств или значения, например, идентичная репродукция, реплика, копия, реконструкция»* (Jokilehto, 1995).

В 1980—1990-х гг. процесс «разгерметизации» теоретических положений становится очевидным. В 1982 г. была принята специальная «Дрезденская декларация», впервые посвящённая реконструкции и имевшая подзаголовок «Реконструкция памятников, разрушенных в период войны». В соответствии с теоретическими принципами, в ней констатировалось, что «*полная реконструкция сильно повреждённых зданий должна считаться исключительным событием, которое оправдано особыми причинами, связанными с разрушением памятника большой значимости в период войны. Такая реконструкция должна основываться на достоверной документации о состоянии памятника до его разрушения»* (§ 8)¹⁷. Впервые были перечислены её позитивные результаты (помимо политических, социальных и градостроительных эффектов): разработка детальной научной методологии, новых видов документации, передовых технологических приёмов, ремесленных и художественных навыков, проведение фундаментальных археологических исследований. Утверждение, что реконструкция формирует «*новое культурное измерение*», завершало эту декларацию. Историческую ценность этого документа отрицать трудно, однако элементы его двойственности, несмотря на неоднократное подчёркивание исключительности мер по реконструкции, по существу, впервые дали *carte blanche* на её широкое проведение и свели на нет последствие этих действий для самого наследия. «Нарский документ о подлинности», 1994, вероятно, последняя доктрина,

¹⁶ «Комитет подчёркивает, что реконструкция допустима, только если она осуществляется на основе полной и детальной документации об оригинале и ни в коей мере не на догадках». Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO, World Heritage Centre, 1980.

¹⁷ The Declaration of Dresden. <http://www.icomos.org/docs/dresden.html>

в которой вновь делалась попытка привлечь внимание к чистоте наследия. Уже само появление этой декларации косвенно подтвердило существующие угрозы и произошедшую девальвацию ценностей (Nara Document, 1995; Нарский документ., 1994).

Но когда в 1996 году применительно к Конвенции Всемирного наследия было сделано дополнение, расширяющее границы «теста на подлинность» (!) — «*реконструкция возможна только в том случае, если она выполнена на основе исчерпывающей и детальной документации об оригинале и не допускает домыслов*» (Criteria for., 1999) — стало окончательно ясно, что производство копий признаётся. И если раньше в Списке Всемирного наследия делалось исключение для восстановленного исторического центра Варшавы (1980), то теперь потребовалось обоснование для множества объектов, пополнившихся копиями и реконструированными фрагментами. Неудивительно, что даже такое сооружение, как Храм Христа Спасителя в Москве, воспроизведённый вне чистых принципов реставрационной профессии, был официально включён в 1996 году в предварительный список кандидатов во Всемирное наследие от России¹⁸.

В 2000 году несколько институций, включая ICCROM и English Heritage, утвердили на международной конференции в Латвии «*Рижскую хартию о подлинности и исторической реконструкции*» (Stovel, 2001). Прежде всего обращает на себя внимание само название, в котором соединены два взаимоисключающих понятия (по аналогии с «аутентичной реконструкцией»). По научным и методическим соображениям такое легкомыслие кажется недопустимым. Но знакомство с текстом документа ставит всё на «свои места». Тенденция к освобождению от строгих принципов классической реставрации, стремление к подвижности и гибкости критериев, наметившиеся в 1980—90-х годах, наконец, были выявлены в декларации, претендующей на роль новой доктрины. Отгородившись от возникающих вопросов подробным перечислением важнейших международных хартий и аргументов, утверждающих недопустимость реконструкции, рижский документ констатирует, что «цель консервации (и/или реконструкции) состоит в поддержании и выявлении значимости культурного наследия»; что договорённость о необходимости реконструкции должна быть достигнута «путём консультаций с национальными и местными властями, а также местным сообществом» (NB: профессиональный цех не упоминается!). В заключение даётся рекомендация о скорейшем внедрении этого документа на административном и академическом уровнях, в учебные программы¹⁹. В целом, «*Рижская хартия*» (созданная как своеобразная «индальгенция» для многочисленных новых копий) даёт зелёную улицу реконструкции, которая путано понимается как «воскрешение в памяти, интерпретация, реставрация или повторение существовавшей формы». Просматривается её политическая и идеологическая подоплёка, сводящая на нет теорию и ценностные категории.

В 2005 году был сделан следующий шаг. В новой редакции «*Руководящих принципов*» по Всемирному наследию «тест на подлинность» был упразднён и заменён на оценку «*Целостности и/или подлинности*» с одновременным расширением § 86: «*В отношении подлинности, реконструкция археологических памятников, исторических зданий или*

¹⁸ После многочисленных критических высказываний храм Христа Спасителя был отозван из этого Списка.

¹⁹ Аналогичные идеи высказывались в «Хартии архитектурного наследия», принятой на Конгрессе реставраторов в Москве, 1996, и претендовавшей на международный статус.

районов может быть оправдана лишь в исключительных случаях. Реконструкция возможна только на основе полной и детальной документации и ни в какой мере на домыслах». То есть, в принципе получено разрешение на то, что раньше было запрещено, оправдав таким образом многочисленные примеры реплик и копий на объектах Всемирного наследия.

Круг замкнулся. Реконструкция, несмотря на все существующие ограничения и метаморфозы понятия, показала свою удивительную выживаемость. Метод выжил, подтвердил свою чрезвычайную привлекательность не только для заказчиков, политиков и широкой публики (что весьма понятно), но и для профессиональных реставраторов.

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ПО ДОРОГЕ СОБЛАЗНОВ

Очевидно, что сегодня мы стоим на пороге новой эпохи в истории сохранения культурного наследия. Доминирование коммерческих ценностей и культ визуальных образов — знаки современной цивилизации — начали проникать в отношение и обращение с памятниками, тем самым создавая угрозу философии и теории консервации. Нужен ли, под давлением существующих обстоятельств, поиск другого языка в консервации, как предлагает «Новая парадигма наследия», утверждающая «терпимость к изменениям» и «относительность» подлинности, или, напротив, требуются анализ и разработка превентивной стратегии, своего рода программа готовности к рискам (Душкина, 2012)? Важно подтвердить теоретические принципы «реконструкции» или позволить подменить их требованиями коммерциализации наследия?

По мнению автора статьи, для того, чтобы проанализировать и затормозить продолжающуюся профанацию теории, необходимо:

- подтвердить в целом всю совокупность теоретических принципов реконструкции как правомерных и актуальных;
- проанализировать существующие принципы реконструкции с точки зрения их потенциальной проницаемости / прозрачности;
- определить ограничения или возможное изменение действий по реконструкции (при необходимости);
- определить возможные угрозы в случае разгерметизации существующих теоретических принципов.

Таблица. Реконструкция: границы дозволенного, система ограничений (Dushkina, 2011)

<i>Существующие теоретические принципы</i>	<i>Необходимые решения, в том числе ограничения/запреты</i>
Воссоздание полностью оправдано при разрушениях во время войны, пожара, природных или социальных катастрофах	Запрет на уничтожение «живого» памятника с последующим производством копии по коммерческим соображениям. Запрет/ограничение на уничтожение «живого» памятника для последующего воспроизводства в прочных/«долговечных» материалах (например, в бетоне, вместо дерева или кирпича, или в кирпиче вместо дерева).

<i>Существующие теоретические принципы</i>	<i>Необходимые решения, в том числе <u>ограничения/запреты</u></i>
	<p>Ограничение на реконструкцию исторических сооружений, разрушенных в отдалённой исторической перспективе, для которых не сохранилось, в том числе, живых свидетельств.</p> <p>Ограничение/запрет на реализацию неосуществлённых архитектурно-градостроительных проектов.</p> <p>Ограничение на воспроизводство демонтированных временных сооружений предыдущих эпох в виде долговечных современных зданий.</p>
<p>Реконструкция, т.е. «новое строительство» допускается на основе:</p> <ul style="list-style-type: none"> — исчерпывающей документальной базы; — при сохранении первоначальных форм; — полностью исключая домыслы и гипотезы 	<p>Подтверждение в целом этих важнейших принципов реконструкции, признанных на международном уровне.</p> <p>Запрет на производство архитектурных фантомов и симулякров вместо научно обоснованной реконструкции, включая интерьеры зданий.</p> <p>Поддержка исторической полноты и целостности при воссоздании внешних форм сооружения и его интерьеров.</p> <p>Запрет на реконструкцию памятников археологии путём разрушения с целью создания полной визуальной целостности сооружения (альтернатива — построение трёхмерной 3D-модели).</p>
<p>Использование старого или нового строительного материала</p>	<p>В случае новых строительных материалов, использовать идентичные по типу, субстанции, качеству, текстуре и цвету.</p> <p>Для традиционных исторических зданий ввести ограничения на использование бетона, пластика или иных чужеродных строительных материалов (включая имитацию оригинальной материи и текстуры).</p>
<p>Воссоздание памятника на основе принципа <i>in situ</i>, т.е. на своём историческом месте</p>	<p>Изменение первоначального местоположения приемлемо в случае существующей угрозы разрушения памятника.</p> <p>Ограничения на изменение местоположения или трансграничное перемещение сооружения с коммерческими целями.</p>
<p>Как правило, реконструкция должна предприниматься по горячим следам после трагического разрушения памятника</p>	<p>Подтвердить этот принцип как важный для живых свидетелей, знающих памятник до разрушения, ожидающих воссоздания его исторической полноты и целостности; важная социальная и политическая акция.</p> <p>Избегать репродукции сооружений, разрушенных в далёкой перспективе, что приведёт к девальвации ценности подлинных исторических памятников, как и самой теории реконструкции.</p>
<p>В теории, решение о проведении реконструкции является исключением</p>	<p>Должно быть подтверждено как базовый принцип; в практике сохранения наследия процесс реконструкции должен сохранять свои позиции в качестве исключительной меры.</p> <p>Необходимо избегать диспропорции и строго поддерживать баланс между подлинными памятниками и реконструированными.</p>

Совершенно очевидно, что профессиональное сообщество находится сегодня на демаркационной линии, определяющей перспективы для выживания наследия и сохранения реставрационной доктрины, шире — самой профессии. В этих условиях особое значение приобретает исследование не столько «изменений», сколько «преемственности». Важно осознанное уважение к «пределам», «границам», системной «защите

ограничений» в различных областях сохранения наследия, в том числе, в терминологии и законодательстве. Однако, даже опираясь на перечисленные выше «ограничения» или приемлемые «допуски», поиск баланса в рамках реконструкции возможен только с опорой на *этические* представления и *экологию* — в частности, экологию общественного и исторического сознания, культуры как понятия и феномена, принципов и методологии консервации, реставрационной профессии как таковой.

Ярким подтверждением сказанного становится большой международный проект по изучению «реконструкции», запущенный в 2015 году Центром Всемирного наследия и ICOMOS. В решении 40-й сессии Комитета Всемирного наследия (Стамбул, 2016) констатируется: *«Необходимо более углублённое изучение реконструкции на объектах Всемирного наследия как сложного междисциплинарного процесса; должно быть уделено внимание разработке новых указаний, чтобы отразить многосторонние вызовы, с которыми связана реконструкция, изучить её социально-экономический контекст, краткие и долгосрочные потребности объектов наследия, а также идею реконструкции как процесса, который должен осуществляться, затрагивая выдающуюся универсальную ценность (OUV)»*²⁰.

Для подтверждения и убеждения в необходимости изменений в этой области, в рамках установочного международного colloquium по реконструкции, который прошёл в штаб-квартире ICOMOS в 2016 г., в числе прочих была прочитана специальная лекция по хирургической трансплантологии, оснащённая статистическими данными (Post-Trauma., 2016). Было продемонстрировано, что даже в отношении человека нет запретов на пересадку повреждённых органов и тканей, а также восстановления путём «реконструкции» важнейших частей тела, в том числе, детородных. Логика перехода к недвижимым памятникам очевидна. Начиная с преодоления «посттравматических» последствий (военные и природные катастрофы, социальные катаклизмы, приведшие к разрушениям в Афганистане, Японии, Сирии, Ираке, Непале, Италии, на территории бывшей Югославии), по существу, ставится задача рассмотреть возможность полного легитимного «раскрытия» Всемирного наследия для реконструкции.

В 2017 году появились две заметные международные публикации на эту тему: «Руководство ИКОМОС по посттравматическому восстановлению и реконструкции на объектах культурного Всемирного наследия», разработанное по заказу Центра Всемирного наследия (ICOMOS Guidance., 2017). В Лондоне вышла коллективная монография с симптоматичным заголовком «Аутентичная реконструкция. Подлинность, архитектура и строительное наследие» (Authentic Reconstruction, 2017)²¹. В России запущена машина по крупномасштабной реконструкции Чудова и Вознесенского монастырей в Московском Кремле, на территории объекта Всемирного наследия²² (при пока

²⁰ Decision 40 COM7 (Istanbul, Turkey 2016).

²¹ Authentic Reconstruction. Authenticity, Architecture and the Built Heritage. Editors: J. Bold, P. Larkham, R. Pickard. — London, Bloomsbury Publishing, 2017; автор данной статьи была приглашена к участию в монографии, но аргументированно отказалась выступать под заголовком «Аутентичная реконструкция».

²² Многочисленные публикации по теме, в том числе: В Москве запускают машину времени? http://hraniteli-nasledia.com/articles/moskva/v-kremle-zapuskeyut-mashinu-vremeni/?sphrase_id=19180

ещё отрицательном вердикте международной экспертизы²³); движутся работы по воссозданию Костромского кремля²⁴; недавно объявлено о решении Патриархии по восстановлению в Москве храмов, утраченных в советское время²⁵, и так далее.

Заказ, который способен радикально изменить исторический и культурный «ландшафт» и вернуть науку о реставрации на свою донаучную ступень, как видим, сформирован по всему миру. Это ещё раз подтверждает, насколько важно поддержание высокого уровня этического сознания, профессиональной реставрационной культуры и мастерства, необходимых для корректировки всех возникающих разночтений и фальсификаций.

ЛИТЕРАТУРА

Душкина Н. Подлинность и архитектурное наследие (К постановке проблемы и современная интерпретация понятия) // Проблема копирования в европейском искусстве. Ред. Г. Вздорнов. — М., 1998. — С. 244–258.

Душкина Н. Реконструкция архитектурных сооружений. Метаморфозы теории и перспективы сохранения наследия // Поиски идентичности. Реставрация, восстановление, воссоздание. Чтения памяти Л. А. Лелекова. — М., 2002. — С. 21–42.

Душкина Н. Новая парадигма наследия? // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Труды кафедры истории архитектуры и градостроительства. Вып. 3. — М.: МАРХИ, 2012. — С. 301–309.

Ито Н. Понятие подлинности в культурном наследии Азии и Японии // Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации / Сост. и науч. ред. Н. Душкина. Информкультура. Вып. 3. — М.: РГБ, 1996. — С. 46–57.

Крестев Т. За счет чего и какой ценой наследие превратится в товар. 2016. Электронный ресурс: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/person/todor-krestev/todor-krestev-zaschet-chego-i-kakoy-tsenoy-nasledie-prevratitsya-v-tovar/>

Матвеев Б. Деконструкция архитектурного наследия. — СПб, 2012.

Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест («Венецианская хартия»), 1964 // Охрана культурного наследия в документах. Международные хартии, кодексы этики, руководящие принципы. 1960–1990-е гг. / Сост. и пер. Н. Душкина. — М., 1998. — С. 7–10.

Мильчик М. От ленинградской школы реставрации к петербургской школе реконструкции // Вестник «Зодчий. 21 век». Часть 1. Июнь 2015 г. — С. 54–63.

Нарский документ о подлинности, 1994 // Охрана культурного наследия в документах. Международные хартии, кодексы этики, руководящие принципы. 1960–1990-е гг. / Сост. и пер. Н. Душкина. — М., 1998. — С. 27–29.

²³ ЮНЕСКО против восстановления монастырей в Московском Кремле http://hraniteli-nasledia.com/articles/moskva/yunesko-protiv-vostanovleniya-monastyrey-v-moskovskom-kremle/?sphrase_id=19180

²⁴ В Костроме начато восстановление кремля http://hraniteli-nasledia.com/articles/proekty/v-kostrome-nachato-vostanovlenie-kremlya/?sphrase_id=19179

²⁵ Патриархия готовит воссоздание снесённых храмов: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/initsiativy/patriarkhiya-gotovit-vozzozhdanie-snesennykh-khramov/>

Подъяпольский С., Бессонов Г., Беляев Л., Постникова Т. Реставрация памятников архитектуры. — М., 1988. — С. 43–48.

Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации // Информкультура. Вып. 3 / Сост. и науч. ред. Н. Душкина. — М.: РГБ, 1996.

Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. PRO et CONTRA. Научный сборник. — М., 1998.

Реставрация // Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. — СПб, 1982 (репринтное изд.) Т. 52. — С. 613–617.

Authentic Reconstruction. Authenticity, Architecture and the Built Heritage / Eds.: *Bold J., Larkham P., Pickard R.* — London: Bloomsbury Publishing, 2017.

Criteria for the inclusion of cultural properties in the World Heritage List. // Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. — UNESCO, World Heritage Centre, 1977.

Criteria for the inclusion of cultural properties in the World Heritage List // Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. — WHC, 1999.

Dushkina, N. Authenticity: Towards the Ecology of Culture // Nara Conference on Authenticity: Proceedings / *Larsen, Knut Einar* (ed.) — Trondheim: UNESCO World Heritage Centre, Agency for Cultural Affairs (Japan), ICCROM, ICOMOS, 1995. — P. 307–310.

Dushkina, N. Reconstruction and the Architectural Profession in Russia // Conservation Training — Needs and Ethics / *Ahoniemi, A.* (ed.) — Helsinki, 1995. — P. 85–102.

Dushkina N. Reconstruction: recent Russian experience // *Restauro, Storia e Tecnica. Quaderni ARCO.* — Roma, 1998. — P. 47–58.

Dushkina, N. Il monumento ed il mutamento del concetto di tempo // Il restauro fra identità e autenticità / *Cristinelli, G., Foramitti, V.* (ed.) — Venezia, 2000. — P. 83–91, 287–295.

Dushkina, N. Historic reconstruction: prospects for heritage preservation or metamorphoses of theory? // Conserving the authentic. Essays in honour of Jukka Jokilehto / *Stanley-Price, N., King, J.* (eds.) ICCROM Conservation Studies 10. — Rome, 2009. — P. 83–94.

Dushkina, N. Historic Reconstruction: from Theory to Practice along a way of Temptation // Paradigm Shift in Heritage Protection? Tolerance for Change, Limits for Change: Conference proceedings. — Florence, 2011. — P. 281–294.

Dushkina, N. Historic Reconstruction in Russia: a Strategy for the Future or Devaluation of a Heritage Concept? // “Reconstruction Process” and Cultural Heritage. Disaster, Conflicts and Social Changes. — Tokyo, 2012. — P. 161–172.

General conclusions. I. Doctrines. General Principles // Conclusions of the Athens Conference, 1931. Электронный ресурс: http://www.icomos.org/docs/athens_charter.html

ICOMOS Guidance on Post Trauma Recovery and Reconstruction for World Heritage Cultural Properties. ICOMOS, 2017. Электронный ресурс: <http://www.icomos.org/en/178-english-categories/news/8756-icomos-guidance-on-post-trauma-recovery-and-reconstruction-for-world-heritage-cultural-properties-document>

Falser, M. From Venice 1964 to Nara 1994 — changing concepts of authenticity? // Conservation and Preservation. Interactions between Theory and Practice. In memoriam Alois Riegl (1858–1905). Proceedings of the International Conference of the ICOMOS International Scientific Committee for the Theory and the Philosophy of Conservation

and Restoration / *Falser, M., Lipp, W., Tomaszewski, A.* (eds.) — Vienna: Firenze, 2010. P. 115–132.

Falser, M. Zwischen Identität und Authentizität. Zur politischen Geschichte der Denkmalpflege in Deutschland. — Dresden, 2008.

Feilden B.M. Conservation of Historic Buildings. — London: Butterworth, 1982. — P. 12, 252–255.

Feilden, B., Jokilehto, J. Management Guidelines for World Cultural Heritage Sites. — Rome: ICCROM, 1998. — P. 61–63.

Jokilehto, J. Authenticity: a General Framework for the Concept // Nara Conference on Authenticity: Proceedings / *Larsen, K.E.* (ed.) — Trondheim: UNESCO World Heritage Centre, Agency for Cultural Affairs (Japan), ICCROM, ICOMOS, 1995. — P. 17–34.

Kobyliński, Z., Contemporary archaeological heritage management: conflicts between research, preservation and presentation. // Conservation and Preservation. Interactions between Theory and Practice: In memoriam Alois Riegl (1858–1905). Proceedings of the International Conference of the ICOMOS International Scientific Committee for the Theory and the Philosophy of Conservation and Restoration / *Falser, M., Lipp, W., Tomaszewski, A.* (eds.) — Firenze, 2010. — P. 143–159.

Laenen, M. Authenticity in Relation to Development. // Nara Conference on Authenticity: Proceedings / *Larsen, K.E.* (ed.) — Trondheim: UNESCO World Heritage Centre, Agency for Cultural Affairs (Japan), ICCROM, ICOMOS, 1995. — P. 351–357.

Larsen K.E. Architectural Preservation in Japan. ICOMOS, Tapir Publishes, Trondheim, 1994, pp. 23–25; 101–126.

Nara Document on Authenticity // Nara Conference on Authenticity: Proceedings / *Larsen, K.E.* (ed.) — Trondheim: UNESCO World Heritage Centre, Agency for Cultural Affairs (Japan), ICCROM, ICOMOS, 1995. — P. 21–25.

Post-Trauma Reconstruction. Colloquium at ICOMOS Headquarters. Charenton-le-Pont-France. 4 March 2016. Volume I: Proceedings. ICOMOS, 2016. Электронный ресурс: http://openarchive.icomos.org/1707/1/ICOMOS-Post-Trauma_Reconstruction_Proceedings-VOL1-ENGok.pdf

Reconstruction of Modern Movement Buildings, Debates / *Dushkina, N.* (Chair) // The Challenge of Change. Dealing with the Legacy of the Modern Movement. 10th International DOCOMOMO Conference: Programme. — Rotterdam, 2008. — P. 33–34.

Stovel H. The Riga Charter on Authenticity and Historical Reconstruction in Relationship to Cultural Heritage. // Conservation and Management of Archaeological Sites, 2001. Vol. 4. — P. 241–244.

Von Buttlar, A. Berlin's Castle versus Palace: A proper Past for Germany's Future? // Future Anterior, Vol. IV/1. — New York, GSAPP: Columbia University, 2007. — P. 13–29.

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРКОВ

Исторический парк — это чрезвычайно сложное и многозначное явление культуры, поэтому вполне естественно, что существуют разные суждения о том, как его можно сохранять и реставрировать.

На мой взгляд, есть, по крайней мере, три подхода к сохранению и реставрации исторических парков, каждый из которых по-своему определяет принципы их сохранения и реставрации. Условно эти подходы можно назвать: пространственно-визуальный, информационно-ассоциативный и культурно-ландшафтный.

Пространственно-визуальный подход к историческим паркам базируется на особенностях архитектурно-планировочной организации территории. Именно этот подход был положен в основу деления исторических садов и парков на регулярные и пейзажные.

При **информационно-ассоциативном подходе** парк рассматривается как некий текст, ценность которого определяется через насыщенность и уникальность заложенной в него информации — исторической, эстетической, мемориальной, сакральной и мифологической (Лихачёв, 1998).

В основе **культурно-ландшафтного подхода** лежит представление о том, что парк — это результат сотворчества человека и природы. Поэтому при его сохранении необходимо учитывать, с одной стороны, целеполагающую деятельность человека, а с другой, ход природных процессов.

Выбор того или иного направления при разработке программы сохранения парка зависит от множества факторов. Однако в реальной практике используются все вышеперечисленные подходы. Главная задача, которую приходится решать проектировщику, — определение баланса между этими подходами.

Следует указать на особое значение культурно-ландшафтного подхода, который основывается на концепции культурного ландшафта как объекта наследия. Культурный ландшафт в рамках данной концепции рассматривается как природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его материально-созидательной и интеллектуально-

духовной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности (Культурный ландшафт..., 2004).

При такой трактовке в основе определения ценности культурного ландшафта как объекта культурного наследия лежит заложенная в него информация, в формировании которой в течение длительного времени участвовали самые различные специалисты. Ландшафтные архитекторы определили эстетический образ парка и его функциональную организацию. Учёные сформировали свою информационную базу, изучая природные, социально-экономические, социокультурные и техногенные процессы, историю развития территории парка, находящиеся там же объекты наследия, обобщая результаты предшествующих исследований. Значительная часть информационного слоя культурного ландшафта является результатом деятельности представителей искусства — писателей, поэтов, художников, журналистов, людей, занимающихся рекламой и т.д.

В рамках ЮНЕСКО разработана типология культурных ландшафтов как объектов наследия. В специальном документе, разъясняющем содержание конвенции (Operational Guidelines...), выделяются: целенаправленно созданные, естественно сформировавшиеся и ассоциативные ландшафты.

Целенаправленно созданные ландшафты — это ландшафты, формирующиеся по замыслу или проекту человека как творческой личности.

В **естественно сформировавшихся ландшафтах** процесс развития идёт спонтанно, вне какой-либо определённой целеполагающей программы. Это относится как к деятельности человека, так и к природным процессам.

К **ассоциативным культурным ландшафтам** относятся ландшафты, вызывающие особые религиозные, художественные и культурные ассоциации. В группу ассоциативных ландшафтов входят мемориальные ландшафты, хранящие память о важнейших событиях или великих личностях, ландшафты, нашедшие отражение в творчестве выдающихся деятелей искусства, и сакральные ландшафты.

Таким образом, при культурно-ландшафтном подходе учитываются не только особенности взаимодействия человека с природой, но и визуально-планировочная организация паркового пространства и его информационно-ассоциативные особенности.

В соответствии с культурно-ландшафтным подходом основными свойствами парка как объекта наследия мы полагаем: подлинность, целостность, историческую репрезентативность, документальность и актуальность (Веденин, 2013).

Подлинность наследия предполагает высокую степень сохранности носителей информационно-культурных кодов, сформировавшихся в процессе создания и развития данного объекта; значительную долю сбережённых в результате постоянного поддержания или консервации созданных или сохранённых нашими предками объектов, явлений или их элементов, фрагментов и даже следов от них; высокую степень сохранности исторических и традиционных функций объекта.

Целостность наследия предполагает наличие исторически значимых визуальных, функциональных и экологических связей как внутри объекта, так и вне его; сохранность исторической пространственной структуры, обеспечивающей возможность восприятия объекта наследия как единого системного образования.

Историческая репрезентативность наследия характеризует процесс исторического развития наследия, его преемственность и дополнительность. Этот признак свидетельствует о высокой степени сохранности памяти, о непрерывности развития объекта, о действиях, связанных с сочетанием постоянного его поддержания и целенаправленной, последовательной деятельности, направленной на его развитие.

Документальность наследия указывает на особую роль наследия в хранении и передаче от одного поколения к другому информации об историко-культурных и природных ценностях, объектах и явлениях, имеющей универсальное значение для человечества. В данном случае наследие выступает в форме документа, в котором в виде определённого текста закодирована память о предшествующих эпохах, представляющих ценность для будущих поколений.

Актуальность наследия предполагает, что в обществе должна быть не только осознана, но и востребована научная, историческая, художественная, познавательная или сакральная ценность наследия. Наследие включается в самые различные сферы деятельности, естественно, с учётом требований, обеспечивающих его сохранение, что подкрепляется наличием соответствующего законодательства и нормативных актов. Более того, нельзя сохранить наследие вне его активного использования. Именно об этом свидетельствует практика сохранения культурных ландшафтов.

Следует иметь в виду, что между вышеназванными свойствами парка нередко возникают серьёзные противоречия.

Сохранение подлинности исторического парка отнюдь не всегда позволяет достичь его целостности как объекта наследия. В то же время целостность садово-паркового ансамбля нередко достигается за счёт потери таких его свойств, как подлинность, историческая репрезентативность и документальность.

Отнесение к подлинным элементам только тех, которые относятся к периоду возникновения парка и соответствуют первоначальному замыслу его создателя, ведёт к потере его исторической репрезентативности и документальности.

Следует особо остановиться на различиях между реставрацией исторического парка и его реконструкцией. К сожалению, есть много примеров, когда вместо реставрации существующего в настоящее время исторического парка делается попытка воссоздать его облик на определённый временной период. Таким образом создаётся своеобразный макет, который отражает представление авторов этих работ о том, каким был этот парковый ансамбль много лет тому назад. Это хорошо видно на примере Летнего сада. Авторы проекта задумали воссоздать садово-парковый ансамбль первой половины восемнадцатого века. При этом был проигнорирован тот факт, что за длительное время своего существования Летний сад претерпел существенные изменения. Постепенно ушли в небытие многие архитектурные сооружения, малые формы, погибли старые и выросли новые деревья, изменился характер использования Летнего сада. На месте узкой, оконтуренной стриженной изгородью и украшенной фонтанами центральной дорожки образовалась широкая липовая аллея, где на фоне деревьев хорошо просматривались беломраморные скульптуры.

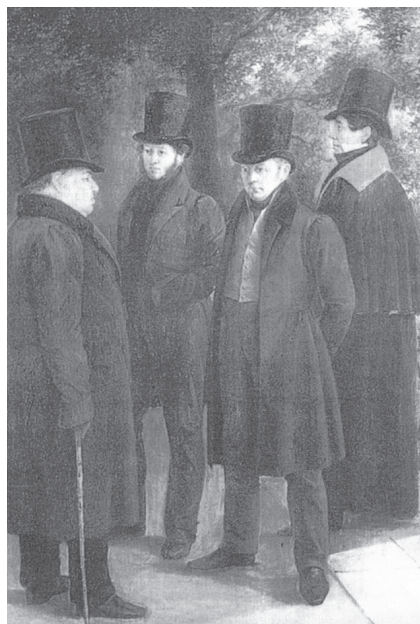

Центральная аллея Летнего сада до его реконструкции

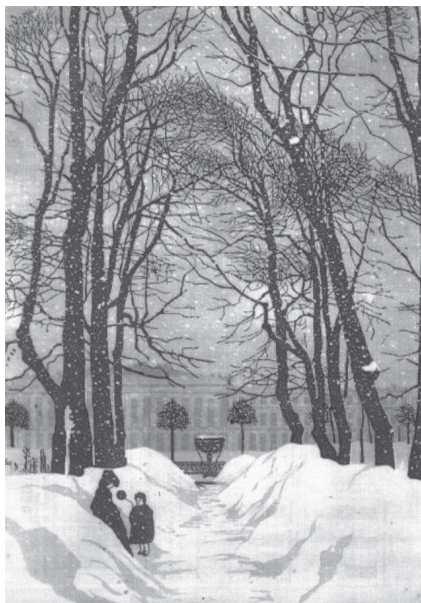
Люди, посещавшие это место в XIX или XX веках, гуляли уже в другом саду. Следует также помнить, что Летний сад — это не только памятник садово-паркового искусства. Он уже давно вошёл в культурное пространство России как один из его важнейших «локусов». Летний сад упоминался во многих литературных произведениях, в частности в «Евгении Онегине», был связан с жизнью и творчеством других замечательных русских художников и поэтов. На написанной в 1838 году картине Чернецова «Поэты в Летнем саду» изображены: Крылов, Пушкин, Жуковский и Гнедич.

За ними видны живописные ветви свободно растущих деревьев и решётка ограды, относящейся к первой четверти XIX века, свидетельствующие о том, что уже в это время от регулярного парка XVIII века мало что осталось. Позднее, уже в начале XX века о Летнем саду писали многие известные русские поэты. Среди них Д. Мережковский, О. Мандельштам, И. Одоевцева, А. Белый, Г. Иванов (Разумовская, 2009). И, конечно, Анна Ахматова, которая посвятила Летнему саду многие свои стихи. Её отношение к нему наиболее полно выражено в одноимённом стихотворении.

«Я к розам хочу, в тот единственный сад, /
Где лучшая в мире стоит из оград, /
Где статуи помнят меня молодой, /
А я их под невскою помню водой. /
В душистой тиши между царственных лип /
Мне мачт корабельных мерещится скрип. /
И лебедь, как прежде, плывёт сквозь века, /
Любуюсь красой своего двойника. /
И замертво

Поэты в Летнем саду

Летний сад.

Литография Остроумовой-Лебедевой

спят сотни тысяч шагов / Врагов и друзей, друзей и врагов. / А шествию теней не видно конца / От вазы гранитной до тени дворца. / Там шепчутся белые ночи мои / О чьей-то высокой и тайной любви. / И всё перламутром и яшмой горит, / Но света источник таинственно скрыт» (Ахматова, 1979).

Ещё я хотел бы напомнить о творчестве А. П. Остроумовой-Лебедевой, замечательной русской художницы, посвятившей Летнему саду многие свои акварели и литографии. В своих «Автобиографических записках» она написала: «Летний сад мы очень любили и проводили в нём целые дни. Он был тенист и украшен во многих местах большими куртинами ярких цветов. Зимой сад приобретал другой облик. Напоминал уснувшее белое царство» (Остроумова-Лебедева, 2003). Это были детские воспоминания, которые она пронесла через всю свою жизнь. Именно таким он изображён на её литографиях.

Всё это свидетельствует о том, что Летний сад — это не только архитектурный памятник или памятник садово-паркового искусства. Он уже давно стал памятником истории и перешёл в категорию ассоциативных ландшафтов.

К сожалению, в результате реконструкции Летнего сада развеялась создававшаяся веками аура. Вместо подлинных аллей появились декорации, имитирующие середину восемнадцатого века, фактически уничтожившие все более поздние слои этого садово-паркового и ассоциативного ландшафта. Летний сад, я полагаю, утратил свою подлинную историю.

Летний сад после реконструкции

Между тем, как уже писал Д. С. Лихачёв, исторический сад — это текст, содержащий в себе обширную историко-культурную информацию. В нём также содержится определённый подтекст, который открывается постепенно, когда бываешь в Летнем саду много раз, когда сопоставляешь его современный облик с историей его создания, с посвящённой ему поэзией, изобразительным искусством. И, конечно, очень жаль, что этот текст не был сохранён во всём его многообразии.

В настоящее время никто не отрицает необходимости проведения реставрационных работ в исторических парках. Но возникает вопрос, что это за работы и как они должны вестись? Одно из основных требований к этим работам заключается в следующем: необходимо очень бережно относиться к сохранившимся до наших дней материальным свидетельствам всех происходивших на территории исторического парка преобразований, в том числе и самым поздних. Известно, что большая часть выдающихся исторических парков, включённых в настоящее время в Список Всемирного наследия, сохранилась только благодаря тому, что за ними постоянно ухаживали, их постоянно поддерживали. Все изменения, которые происходили на их территории, были связаны, прежде всего, с целенаправленной и последовательной деятельностью, осуществлявшейся в соответствии с развитием садово-паркового искусства, с появлением новых культурных ценностей и представлений о культуре и природе. Но при этом все эти парки оставались подлинными объектами культурного наследия. Подлинность — это не признак того, что парк застыл в своём развитии. Нет, он постоянно меняется, однако в его современном облике можно проследить за всеми преобразованиями, которые происходили в процессе его формирования, и рассказать об этом.

Исторические парки занимают особое место в системе объектов культурного наследия. В отличие от архитектурных памятников или ансамблей, возводимых из камня, кирпича, дерева или бетона, стекла и металла, то есть мёртвого материала, важнейшим компонентом исторического парка является живая растительность. И если здания или архитектурные ансамбли могут в течение длительного времени сохраняться в том виде, в котором их первоначально задумали и построили, то характерной чертой парков является высокая степень их изменчивости — многолетней и сезонной.

Рассмотрим эту тему на примере двух основных типов исторических парков — регулярного и пейзажного. В регулярных парках XVII—XVIII веков растения выступали в роли строительного материала, из которого формировались стенки боскетов, изгороди и даже скульптурные изображения. Общим признаком всех регулярных парков, создававшихся в те годы, было то, что отдельные деревья и кустарники, их индивидуальные характеристики, никогда не играли значимой роли в парковой композиции. Более того, подлинные формы этих растений тщательно скрывались.

Они выступали в роли кирпичиков, ценность которых определялась, прежде всего, их единообразием и возможностью их использования для строительства задуманных мастером произведений топиарного искусства. Но сохранить всё это можно было только в процессе постоянного и тщательного ухода за этими растениями, что требовало больших затрат — трудовых и финансовых, а также большого мастерства садовников. Уже в конце XVIII — первой половине XIX веков большинство регулярных садов оказались заброшенными. Отпущенные на свободу деревья образовали столь привыч-

ные для современного человека парковые аллеи. Сегодня очень часто звучат вопросы: Как относиться к таким регулярным паркам? Как их реставрировать? Я не думаю, что на эти вопросы есть однозначный ответ. Возможны различные варианты решения этой проблемы.

Во-первых, регулярный парк может использоваться в том же виде, в котором он дошёл до наших дней.

Парк в усадьбе Ярополец Чернышёвых

Регулярная планировка парка, изображённого на снимке, прослеживается благодаря тому, что вдоль старых дорожек парка сохранились липовые аллеи. Некоторые липы до сих пор сохраняют следы того, что их когда-то стригли. В России именно благодаря сохранившимся липовым аллеям можно вспомнить, что здесь когда-то были усадебные сады и парки. Вспомним слова Тургенева. *«Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, «дворянские гнёзда», понемногу исчезали с лица земли... Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окружённые распаханными полями, гласят нашему ветреному племени о «прежде почивших отцах и братиях...»* Многие регулярные парки уже давно развиваются, скорее всего, по законам природы, нежели по чёткой схеме, выработанной владельцами парка или садовниками. В связи с этим я хотел бы вспомнить Н. В. Гоголя и его размышления о взаимодействии человека и природы (Гоголь, 1949). *«Словом, всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединяются вместе, когда по ... труду человека пройдёт окончательным резуом своим природа, облегчит тяжёлые массы, уничтожит грубо ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает не скрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности».*

Причины усиления влияния природных процессов на формирование парковой композиции могут быть различны. Чаще всего это бедность и отсутствие необходимых финансовых, технических и людских ресурсов. С другой стороны, это может быть и сознательная деятельность более поздних владельцев, которые хотели бы видеть свой парк в новом, уже изменённом виде.

Во многих старинных, уже давно запущенных парках выросли деревья, к которым никогда не прикасалась рука садовника. Казалось бы, в их облике не осталось ничего, что упоминало об их прошлом. Но, тем не менее, я соглашусь со словами Лихачёва, который говорил, что даже в этих парках сохраняется большее ощущение подлинности и исторической репрезентативности, нежели во вновь воссозданных парках.

Для того, чтобы сохранить такие парки, необходимо осуществлять периодическую замену старых, уже погибающих экземпляров, высаживать на их месте новые деревья, конечно, с учётом экологических возможностей для их нормального роста, проводить ландшафтно-формирующие рубки, ухаживать за газоном, ремонтировать дорожки, менять их покрытие, и т.д. Это, естественно, связано с большими сложностями. Но только это позволяет сохранить парки как подлинный объект наследия, несущий на себе «патину времени».

Как я уже писал, у многих современных специалистов, занимающихся возрождением исторических садов и парков, возникает желание вернуться в прошлое. Это обусловлено чаще всего стремлением показать широкой публике, каким был этот парк в период его расцвета. Для решения этой проблемы необходимо вырубить старые деревья и на их месте посадить новые. Затем сформировать из вновь посаженных молодых деревьев и кустарников стриженные изгороди, боскеты, другие произведения топиарного искусства. В дальнейшем нужно будет регулярно поддерживать все эти элементы парковой композиции в одном и том же состоянии, то есть постоянно производить стрижку деревьев, заменять деградирующие экземпляры растений. Но при этом необходимо помнить, что мы сохраняем не подлинный объект наследия, а его копию.

Очень сложные проблемы приходится решать в процессе работ, связанных с сохранением или воссозданием пейзажных парков. В советское время пейзажным историческим паркам был нанесён огромный ущерб. Многие из них почти полностью заросли вторичной растительностью или были вырублены. Казалось бы, эти парки перестали существовать. Но ведь ценность парка как объекта наследия зависит не только от сохранности материальных объектов, определяющих пространственно-визуальную структуру парка. Необходимо помнить и о том, что она может сохраняться в форме информации, символов, памяти, образующих определённые историко-культурные коды. Так, например, в Яропольце Гончаровых до сих пор живут легенды о пребывании там А. С. Пушкина. Об этом свидетельствует название некоторых мест в парке, в частности — Пушкинская аллея, ведущая к Соловьиному пруду. И естественно, что для исторического парка это имеет не меньшее значение, чем наличие великовозрастных деревьев.

Когда мы говорим о сохранении исторических парков, то это не значит, что необходимо стремиться к восстановлению исторического парка на всей его территории. Иногда достаточно сохранить хотя бы один из элементов парковой композиции. Это могут быть от-

Усадьба Ярополец Гончаровых, вид из парка

дельные деревья, оставшиеся от старинных аллей, или контуры парковых дорожек, остатки фундамента утраченных строений, естественные или искусственные формы рельефа, когда-то включённые в композицию парка. Обычно хорошо просматриваются и очертания старой гидросистемы — рек, прудов, каналов. И, наконец, возможно определить основные видовые точки и открывающиеся с них пейзажи как внутри парка, так и на окрестности. Последнее весьма важно, поскольку некоторые парковые композиции строятся на включении далёких перспектив на пойменные луга, лесные дали, соседние сёла и усадьбы.

Когда мы говорим о реставрации исторических парков, то необходимо иметь в виду, что существует несколько подходов к организации таких работ. Реставрационные работы могут осуществляться жёстким (кардинальным) и мягким (щадящим) способом.

Жёсткий (кардинальный) способ реставрации (или — правильнее сказать — реконструкции) чаще всего используется при воссоздании регулярных парков и садов. В процессе этих работ меняется пластика рельефа, проводятся масштабные работы по восстановлению гидрологической системы, вырубается существовавшая и высаживается новая растительность. Основанием для проведения подобных работ чаще всего является имеющаяся документация о ранее располагавшемся на этом месте регулярном парке. Иногда авторы такого проекта опираются либо на имеющиеся аналоги, либо на своё собственное представление о том, что здесь должно быть. Полноценная реставрация парка может быть реализована только на основе использования «щадящих» методов работ. При этом реставрация может быть совмещена с работами по поддержанию парка.

Такие работы могут быть осуществлены на основе полноценной научной информации, полученной не только из литературных, изобразительных и архивных документов, но и в результате проведения натурных исследований — анализа парковой растительности, осуществления работ по парковой археологии, палеогеографии и т.д. Это очень трудоёмкая и долговременная работа. Она должна осуществляться не только на предваритель-

Пейзажный парк в усадьбе И.С. Тургенева Спасское-Лутовино

ном этапе работ, но и в процессе ведения работ по реставрации или реконструкции парка. В качестве первоочередных работ при реставрации регулярного парка необходимо будет выявить те его элементы, которые свидетельствуют о его планировочной структуре. Это могут быть фрагменты исторических дорог и тропинок, остатки аллей, на что указывают сохранившиеся до наших дней наиболее старые деревья, прежде всего липы.

При реставрации территории пейзажного парка, заросшего вторичной растительностью, необходимо проводить прореживание участков, которые в дальнейшем должны стать открытыми пространствами парка.

На предварительном этапе этой работы следует сформировать сеть визуальных коридоров, с помощью которых можно объединить возникшие в годы забвения небольшие полянки в единую систему. В дальнейшем эту сеть можно будет расширять и постепенно приблизиться к воссозданию исторически достоверного культурного ландшафта. Для того чтобы восстановить утраченные связи между открытыми пространствами, иногда достаточно удалить несколько деревьев. В качестве примера можно привести Богородицкий парк, когда благодаря удалению некоторых деревьев можно восстановить одну из видовых точек, связывающих верхнюю и нижнюю часть парка.

Конечно, всегда появляется искушение восстановить утраченные элементы парковой композиции. Когда-то на территории Богородицкого парка была разветвлённая сеть прудов, искусственных водотоков.

Сейчас они утрачены. Но их отнюдь не обязательно следует восстанавливать, что, во-первых, не обеспечено соответствующими историческими документами, во-вторых, связано со значительными затратами.

Но можно обозначить место, где когда-то был пруд. Более того, можно выделить это место при помощи устройства на дне бывшего пруда цветочного партера, имитирующего водную поверхность. То же самое можно сказать и про утраченные павильоны.

Наложение рисунка А. Н. Болотова на современную фотографию Богородицкого парка (выполнено С. А. Пчёлкиным)

Важное место в садово-парковой композиции играет структура зелёных массивов. С течением времени в них образуется полог подлеска и подроста. Этот процесс необходимо регулировать при помощи ландшафтных рубок, с помощью которых формируются оптимальные условия для произрастания древесного покрова и необходимая для данного типа парка пространственная структура. При этом необходимо учитывать и то, что развитый подлесок препятствует проникновению людей внутрь этих массивов и тем самым снижает риск повышенных антропогенных нагрузок.

И заключительным аккордом на пути восстановления такого парка должно стать формирование его ассоциативного слоя, наполнение его историческими символами, топонимами, памятными знаками, рассказывающими об истории создания, о происходивших здесь преобразованиях, об истории использования парка. Это и публикация исторических материалов, создание музейной экспозиции, распространение разнообразной мультимедийной продукции. Возможно также применение современных форм искусства, использование методов «лэндарта». Всё это может быть приурочено к праздничным датам и событиям (Веденин, Воробьёва, Пчёлкин, 2011). Важным элементом парка как ассоциативного ландшафта, является его звуковое наполнение. В прошлом, в конце XVIII — начале XIX века, именно в парках происходили праздничные гуляния, играл оркестр, давались театральные представления, зажигалась иллюминация и устраивался фейерверк. Об этом писали современники, вспоминая своё пребывание в подмосковных усадьбах Кусково, Архангельское, Останкино. В первой половине XX века в городских парках по воскресеньям играла духовая музыка. Сегодня на подобных праздниках можно показывать «живые картины», которые позволяют «перенестись в прошлое», в тот или иной период расцвета паркового искусства.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. — Л.: Л.о. изд-ва «Советский писатель», 1979. — С. 252.

Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. № 1. — М.: ФГБУ «Российская государственная библиотека», 2013. — 149 с.

Веденин Ю.А., Воробьёва И.А., Пчёлкин С.А. Новые подходы к реставрации и представлению исторических парков // Русская усадьба. Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 16 (32). — СПб: Коло. — С. 157–186.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений. Том пятый. Мёртвые души. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. — С. 112–113

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 3, испр. и доп. — М., 1998. — С. 30.

Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. Т. I, II. — М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. — С. 26.

Разумовская А.Г. Летний сад и поэтическая традиция 20 века: диалог пространства и слова // Русская литература, 2009. № 4. — С. 166–182.

Тургенев И.С. Мой сосед Радилов // Записки охотника. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. — С. 50.

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC-97/2. February 1977.

ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО САДОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА

(размышления историка архитектуры
и садово-паркового искусства)

С замечательным учёным и человеком — Юрием Александровичем Ведениным мы не только дружим, но и сотрудничаем давно — в Обществе изучения русской усадьбы (с 1998 года он Председатель ОИРУ, я его заместитель), в РНИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (он — основатель и директор, я заведующая сектором Русской усадебной и садово-парковой культуры (с 2009 г. по июль 2013-го), в Федеральном научно-методическом совете по охране культурного наследия при Министерстве культуры РФ (он — Председатель Ландшафтной секции, я её член). За долгие годы мы не раз обсуждали разные наболевшие вопросы. Среди них проблема воссоздания, особенно заострившаяся в связи с восстановлением части Летнего сада. Эта статья — своего рода диалог с Юрием Александровичем на эту тему.

* * *

Сохранению национальной садово-парковой культуры, её пропаганде и популяризации многие страны придают большое значение. К сожалению, русские сады и парки по сей день не занимают в нашей культуре и сознании сколько-нибудь значительного места. Такова традиция, оформившаяся в советское время, обусловленная общим пренебрежением к наследию прошлого и весьма приблизительным представлением общества о собственной культурной идентичности. Последние три десятилетия (и особенно относительно экономически благополучные 2000-е годы), отмеченные переосмыслением собственной истории, принесли некоторые позитивные сдвиги в отношении государства и общества к историко-архитектурному наследию. Заметно возрос и интерес к теме садов и парков — востребована периодика по садоводству, книги по истории парков в Японии, Китае, Англии, Франции, Италии. При этом общественное представление о русском садово-парковом искусстве осталось априори неполным, не дающим представления о его самобытности и художественной ценности. Скудность информации о русских садах — не единственная причина этого. Немногие реставрированные парки, которые более-менее известны публи-

ке, не дают представления обо всём многообразии русского садово-паркового искусства и этапах его развития, а потому общество, за редкими исключениями, находится в неведении относительно того, каковы русские парки, как и зачем их сохранять.

Наметим краткий очерк их развития. Как известно, развитие русского садово-паркового искусства насчитывает не менее пяти веков¹, однако сады XVI—XVII веков до нашего времени не сохранились. Издавна славилась своими садами Москва. Итальянец начала XVI в. писал о Москве: «почти все дома имеют при себе отдельные сады, как для разведения овощей, так и для удовольствия»². Первые русские сады, как правило, состояли из плодоносящих кустарников и деревьев. Это вовсе не означало, что их сажали только для сбора урожая, просто цветущие весной и плодоносящие осенью деревья наиболее полно воплощали представления наших предков о природной красоте, тесно связанные с земным плодородием. По той же причине рядом с плодовыми культурами могли сеять красиво цветущие злаки и т.д. Большинство древнерусских садов имело простые регулярные планы, имевшие в глазах наших предков эстетическую ценность. В них воочию отражалось представление Древней Руси о рае, гармонично устроенном и надёжно укрытом от земных искушений.

Сейчас во многих западноевропейских городах, усадьбах и замках воссоздают некогда существовавшие средневековые садики, зачастую — с аптекарскими травами, чтобы наглядно показать посетителям тип старинного сада и ассортимент растений, использовавшихся человеком в незапамятные времена. А где можно увидеть воочию русский средневековый сад? Пока нигде³, хотя материалы для этого есть, причём достаточно полные. Я имею в виду сады в подмосковной вотчине Романовых Измайлове, которые заслуженно занимают центральное место среди русских садов XVII века. Известность измайловским садам принесли не только их масштаб, но и полнота сохранившегося документального и изобразительного материала. Чертежи, по которым были в 1670-х годах разбиты измайловские сады, позволяют с большой точностью зрительно представить их планировку, облик и даже ассортимент насаждений⁴. Планировочная уникальность Измайлова состояла в том, что регулярные сады здесь были разбиты автономно, вне видимой связи друг с другом, как замкнутые, окружённые оградами искусственные образования правильной геометрической формы, которые, словно острова, «плавали» в окружающем Государев двор ландшафте и не были композиционно увязаны даже с ним. Реконструировать, воссоздать их (хотя бы частично) в Измайловском лесопарке (их места установлены) в принципе не сложно, и только в этом случае, то есть с появлением визуального образа русского средневекового сада, он станет достоянием не только специалистов, но и широкой публики, сегодня вообще не представляющей себе истоки русского садоводства.

¹ Здесь и далее использована авторская монография: *Нащокина М.В.* Русские сады. Кн. 1, кн. 2. — М.: Арт-Родник, 2007.

² *Павел Иовий I.* Книга о московском посольстве к Иоанну Руфу, епископу Константинопольскому // *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы.* — М., 1997. — С. 271.

³ В 2016 году условно средневековый аптекарский садик с итальянским колодцем в центре появился в ботаническом саду МГУ — «Аптекарском огороде».

⁴ *Палентреер С.Н.* Сады в Измайлове // *Сообщения института истории искусств АН СССР.* Архитектура. Вып. 7. — М., 1956. — С. 80–104.

Регулярные сады на старых планах Измайлова

Существенный толчок к развитию русского садово-паркового искусства получило в эпоху абсолютизма, когда, ориентируясь на западноевропейские королевские ансамбли, русские монархи стали строить дворцово-парковые ансамбли, уделяя устройству садов внимание не меньшее, чем самым животрепещущим проблемам внешней политики. И хотя императорские парки — произведения, в основном, иностранных зодчих и садовников, они ярко иллюстрировали процесс смены стилей в русском садовом искусстве, а потому послужили образцами для садов богатых вельмож и провинциальных помещиков.

Однако каковы были первые русские сады XVIII века, разбитые по западноевропейским образцам? Сохранились ли они? И да, и нет. К их числу относится Летний сад, заложенный в 1703 году одновременно с основанием новой столицы и Летним императорским дворцом, в постройке которого принял участие сам первый русский император Пётр Великий. Много путешествовавший любознательный наследник русских царей⁵, посещая европейских монархов, неизменно осматривал их сады. Большое впечатление произвели на него увеселительные голландские сады Зоргфлит, Хонселарсдейк, Петербург и знаменитый Хетт-Лоо («сад превеликий с водяными играми»). Его записная книжка содержит немало заметок о виденных голландских парках⁶. В 1712 году он осмотрел прусский дворцовый ансамбль Ораниенбург, построенный голландскими зодчими с типичным гол-

⁵ Весной 1697 года Пётр Алексеевич отправился в своё первое европейское путешествие в Берлин, Любек и Гамбург, а далее в Амстердам и Лондон.

⁶ Записная книжка любопытных замечаний странствующего... в 1697, 1698 годах. — СПб, 1788.

Летний сад

ландским «увеселительным» садом⁷. Во время самого насыщенного впечатлениями путешествия 1716—1717 годов Пётр основательно познакомился с садами Германии и со знаменитыми французскими парками в Версале и в Марли. Полученные впечатления вкупе с книжными знаниями сформировали его садовые вкусы, которые энергичный самодержец с энтузиазмом стал внедрять при строительстве дворцов в Петербурге и Москве.

Увлечение голландскими садами было, фактически, целиком инициировано самим императором. Проживший в Нидерландах несколько лет, изучивший язык и строительные обычаи страны, Пётр Великий во многих своих начинаниях ориентировался на голландский опыт. Именно Летний сад был призван воочию продемонстрировать публике словарь новой садовой эстетики, в 1717 году Пётр даже собственноручно вычертил его план. Сад был регулярным, стриженным, со многими водными затеями⁸, в нём впервые были опробованы многие отечественные древесные и травянистые насаждения, призванные заменить более капризную и теплолюбивую европейскую флору. Кроме партеров здесь были устроены «огибные дороги», то есть крытые, трельяжные аллеи, обсаженные деревьями или кустарниками, ветви которых, привязанные к дугам деревянного каркаса, впоследствии образовывали густой лиственный свод. Боскеты Летнего сада⁹ были пер-

⁷ Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. — Л., 1991. — С. 230—231.

⁸ В 1710 году современник увидел Летний сад таким: «...царская резиденция, т.е. небольшой домик в саду, голландского фасада, пестро раскрашенный, с золочеными оконными рамами и свинцовыми орнаментами. Возле — небольшой птичник, в котором щебечут разного рода пташки. Далее — изрядная беседка из плетня. ...Сзади, в саду же, другой большой дом с фонтанным снарядом, приводимым в движение посредством большого колеса, а подле — небольшой зверинец. ...В середине сада большой водоем и в его центре грот, из которого бьет фонтан. В оранжерее выставлено несколько померанцевых, лимонных и лавровых деревьев, также гвоздичных кустов» // Н. С. Описание С. Петербурга и Кроншлота в 1710—1711 годах. / Пер. А. Ф. Бычкова. — СПб, 1860.

⁹ Первоначально в этот садово-парковый комплекс входили не только два сада, составляющих его сегодня, но и Марсово поле, Михайловский сад, подаренный Петром Екатерине I, и Итальянский сад, находившийся на берегу Фонтанки (Дубяго Т. Б. Летний сад. — М.; Л., 1951. — С. 9).

Огород в Летнем саду

воначально окружены зелёными стриженными «шпалерами», на фоне которых особенно эффектно смотрелись мраморные статуи и фонтаны¹⁰. Появился оригинальный лабиринт, иллюстрировавший басни Эзопа в назидание петербургской публике и т. д.

Однако всё это великолепие первого Летнего сада начала XVIII века ещё недавно можно было увидеть только на запечатлевших его гравюрах, рисунках и чертежах; в натуре в XIX веке, согласно новой эстетике, сад стричь почти перестали, первые деревянные павильоны и шпалеры обветшали, водные и садовые затеи засыпали, липы выросли, образовав «темные аллеи», и сад полностью изменился. Понеся большие потери во время блокады, когда на его территории были разбиты огороды, Летний сад был восстановлен путём обсадки дорожек липами. Казалось бы, интереснейший этап в развитии садово-паркового искусства — увы! — остался только на бумаге, но именно эти сохранившиеся в многочисленных чертежах и гравюрах элементы были воссозданы в 2010-е годы в части Летнего сада, примыкающей к Летнему дворцу Петра. Благодаря

¹⁰ После закладки каменного Летнего дворца в 1714–1716 годах был создан первый профессиональный проект планировки сада, выполненный голландским садовником Яном Роозеном, работавшим там с 1712 по 1725 год (*Дубяго Т. Б.* Летний сад... — С. 17). В те годы и сложился планировочный костяк сада, существующий до сих пор. План 1723–1725 годов изображает сад после работ Яна Роозена. Через всю территорию сада проходила центральная аллея, на которую было нанизано несколько мраморных фонтанов; аллея, параллельная центральной, была крытой, вся растительность — стриженной. Уже тогда был сделан «Карпиев пруд» с фонтаном — фигурный водоём у входа в сад со стороны канала, соединявшего Фонтанку и Мойку. Одной из самых интересных построек был грот — обязательный элемент сада петровского времени. По обыкновению его отделяли естественным камнем, толчёным стеклом и раковинами, придававшими ему вид пещеры с водоёмом или фонтаном внутри. В центральной купольной зале грота Летнего сада располагался фонтан Нептуна, а позади него — характерный для голландских садов водяной орган, игравший мелодии под воздействием напора воды. В боскетах по сторонам от грота были устроены плотно обсаженные зелёные залы затейливой формы, восходившие к ренессансной идее сада как веренице «зелёных комнат», сообщавшихся между собой переходами, площадками, лестницами.

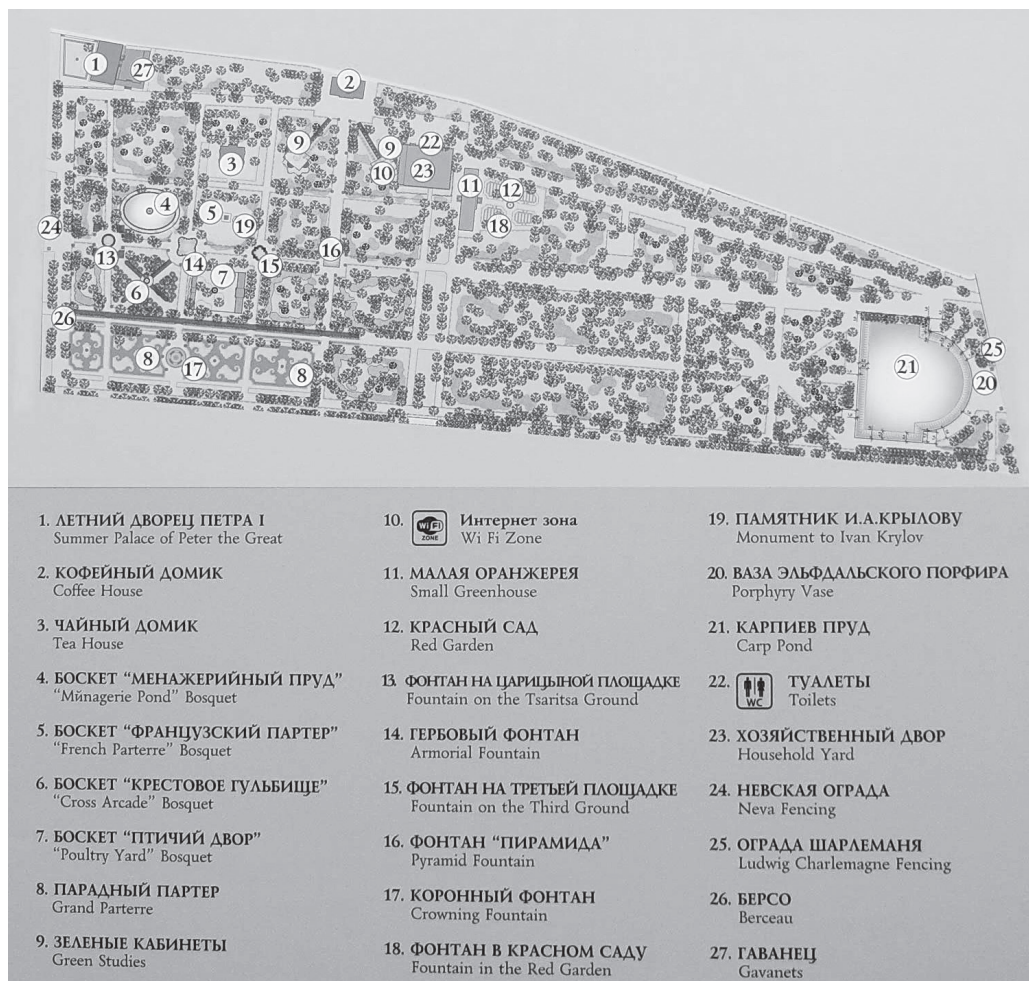
Карпиев пруд в Летнем саду

воссозданным боскетам Летнего сада теперь можно воочию представить себе объёмно-пространственные особенности и эстетику первых русских регулярных садов, навеянных голландскими примерами¹¹.

Московским аналогом Летнего сада должен был стать так называемый Головинский сад, располагавшийся на территории богатой усадьбы боярина Ф. А. Головина в Немецкой слободе, которую Пётр не раз использовал для приёмов послов. В 1722 г. после смерти владельца император купил эту усадьбу и соседние с ней дворы и поручил голландскому доктору Н. Бидлоо, собственный сад которого ему понравился, разбить в ней сад¹². Воды Яузы были использованы для создания нескольких прудов правильных

¹¹ Голландскими образцами во многом был вдохновлён и Петергоф петровского времени, на партерах которого при Петре росли специально привезённые из Голландии цветы. Поэтический словесный образ «голландского» Петергофа создал А. Н. Бенуа: «Узкой прибрежной полосой тянется Нижний (самый характерный для Петергофа) сад, с его прямыми дорожками, весь пропитанный морской сыростью, с чахлой листвой, постоянно срываемой суровыми ветрами. При Петре и Елизавете этот сад был ещё типичнее — весь стриженный, ещё более низкий, ещё более приморский. Среди Нижнего сада стоят «голландские» домики Петра и длинный раззолоченный Елисаветинский дворец, в котором также сохранился, несмотря на переделки Растрелли, первоначальный голландский характер. Возникновение этого кусочка Голландии, это отражение наиболее морской страны в мире на краю нашего огромного земельного государства — одна из самых удивительных и очаровательных причуд истории...» (Бенуа А. Н. Петергоф в 18 веке // *Художественные сокровища России*, 1902. № 7–8, — С. 142–143).

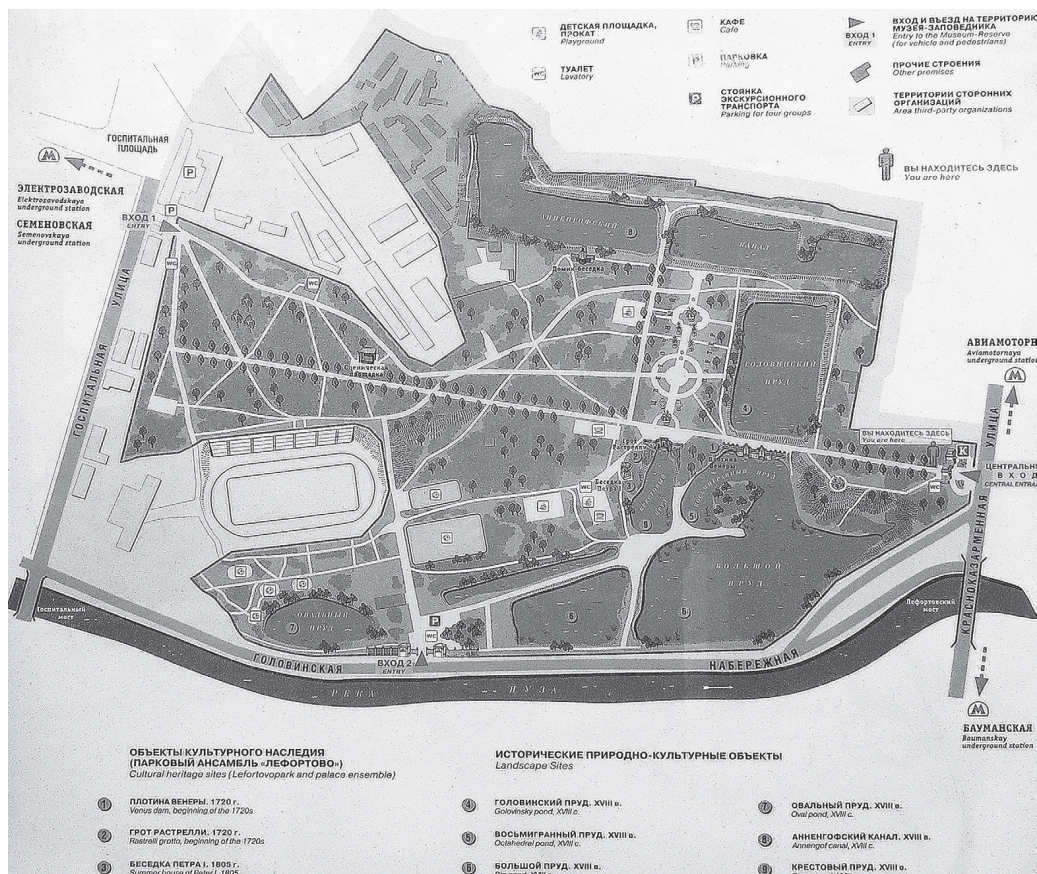
¹² Сад Н. Бидлоо, голландского врача и садовода, устроенный в Немецкой слободе рядом с Военным госпиталем, был чисто голландским. Благодаря собственным рисункам Бидлоо, этот сад можно представить во всех подробностях. Он был образован регулярными боскетами, симметричными относительно главной оси, перпендикулярной берегу Яузы, и образовавшимися аллеями и зелёными залами, пространство которых было решено по-разному. Пространство каждого боскета решалось отдельно от других, по аналогии с декорацией интерьеров соседних парадных помещений. По существу это и были интерьеры, со шпалерами из зелени деревьев и коврами из цветов, с особой садовой мебелью и статуями, с «пристенными» фонтанами вместо каминов. «Зальность» отдельных боскетов подчёркивалась и тем, что в них для входа нередко устраивали калитки или двери, запиравшиеся на замок.

План Летнего сада после реконструкции

форм, обрамлённых стриженной зеленью с богатой цветочной флорой. Части Головинского сада петровского времени в дальнейшем вошли в загородные дворцово-парковые ансамбли времён Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Сегодня — только оплывшие за прошедшие столетия очертания прудов близ Яузы и археологические остатки свидетельствуют о блестящей подмосковной императорской резиденции XVIII века.

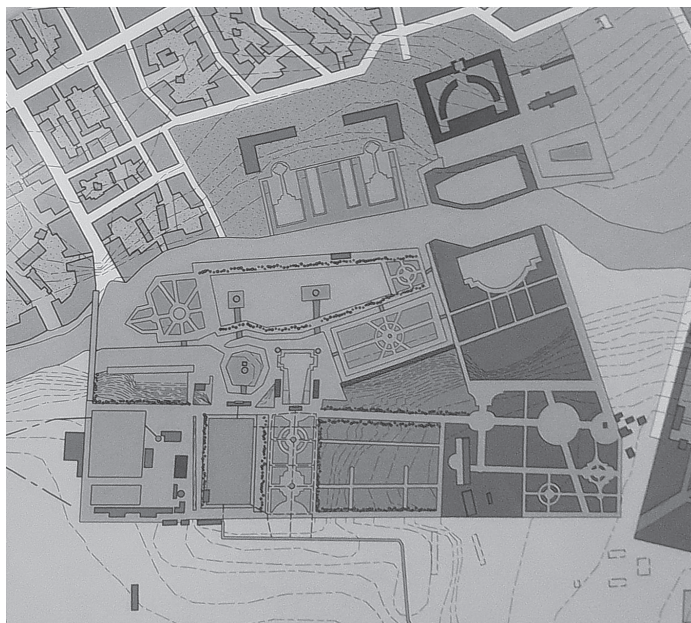
Голландская тема в русском паркостроении первой половины XVIII века фактически стала сквозной. Её воспроизведение в визуальных образах восстановило бы важную страницу в истории нашей культуры. Лефортовский парк в его нынешнем виде практически лишён какой-либо художественной ценности и своеобразия. Воссоздание в нём хотя бы части регулярного Головинского сада, несомненно, сделало бы сегодня абсолютно безликий, но исторический московский парк эстетически уникальным и более информативным, визуально погружающим публику в далёкие времена первых петровских садовых затей.

Современный план парка Лефортово

Какова сохранность следующего этапа русского садово-паркового искусства — садов и парков второй половины XVIII — первой половины XIX века? Счастье, что сохранились, вернее, были реставрированы и частично воссозданы (без ненужных споров) после Великой Отечественной войны блистательные сады императорских резиденций под Петербургом — Петергоф, Стрельна, Ораниенбаум, Царское Село, Гатчина и некоторые другие произведения опытных иностранных садовников. Однако если ограничиться только ими, может создаться впечатление, что кроме них ничего интересного и оригинального в истории русского садово-паркового искусства не было. Это совсем не так: со второй половины XVIII века в России наступила эпоха провинциальных усадебных парков, которые в наибольшей степени и представляют самобытное русское садово-парковое искусство Нового времени. Паркостроение тогда стало по-настоящему массовым, затронув множество городов, загородных усадеб и дач.

Русский усадебный парк — часть жизни владельца усадьбы, отражение его натуры, его судьбы. В русской провинции встречаются великолепные парки, оригинальны и неповторимы их планы, порой представлявшие собой родовой вензель, аббревиату-

План парка Лефортово петровского времени

ру имени владельца или дату постройки, облик жилых построек, наборы усадебной садовой скульптуры и мемориальных знаков¹³. Образцы для подражания, если они существовали, также избирал владелец. Есть, к примеру, парки (конечно, гораздо меньшие по размеру), подражавшие ансамблю Петергофа — таково было пожелание местных помещиков и садовников. Много ли сохранилось сегодня усадебных парков и что мы о них знаем? Тысячи русских парков, больших и маленьких, простых и сложных, как правило, заросших и лишь частично сохранившихся, повывурбленных — это огромная terra incognita. Хорошо сохранившихся старых парков (исключая немногие музей-усадьбы) в России практически нет, аутентичные парковые пейзажи — единичны.

Отсутствие внимания к сохранению садово-паркового искусства России в целом, непонимание его ценности как важной составной части национального культурного наследия, прискорбно малые масштабы реставрационных работ¹⁴ вместе с законодательной незащищённостью целостности их земель могут в обозримом будущем свести на нет саму возможность говорить о нём как богатой, широко распространённой и самобытной части

¹³ Во многих имениях существовали самые разнообразные памятники: ушедшим или здравствующим друзьям, няням, родителям, мемориальные знаки любви, дружбы, славы, доблести, добродетели, памятники в честь военных побед или посещения усадьбы царствующими особами, могилы собак и других домашних животных, памятные деревья (в честь рождения детей, свадеб, других семейных дат) или деревья, семена или саженцы которых были привезены из каких-то памятных мест или путешествий и т.д. и т.п.

¹⁴ В этой сфере, несомненно, лидирует Петербург. Здесь ещё сохраняется ландшафтная реставрация как профессия, и ведутся значительные работы по реставрации исторических садов в городе и в нескольких пригородных императорских резиденциях.

русской культуры... Конечно, многие смыслы, важные для усадебовладельцев, в наши дни уже утрачены¹⁵, но возможность воссоздать их основные параметры и особенности существуют, как и необходимые для этого документальные материалы. Чтобы спасти эту огромную область русского исторического наследия от забвения, ввести её в культурный оборот наших современников, необходимо реставрировать и частично и воссоздавать наиболее ценные усадебные сады и парки, которые вполне могут стать такими же востребованными и посещаемыми, как парки шотландских или французских замков.

Плотина Венеры в парке Лефортово

Вот приблизительный перечень наиболее ценных объектов, реставрация и воссоздание которых могли бы восстановить представление о русском садово-парковом искусстве этого периода как оригинальном и самобытном феномене:

— Сады XVIII — начала XIX века: Алмазово (Московская обл.), Алексино (Смоленская обл.), Андреевское (Владимирская обл.), Архангельское (Московская обл.), Горенки (Московская обл.), Гребнево (Московская обл.), Голунь (Орловская обл.), Грузино (Новгородская обл.), Знаменское-Раёк (Тверская обл.), Зубриловка (Пензенская обл.), Надеждино (Пензенская обл.), Никольское-Черенчицы (Тверская обл.), Парголово (Ленинградская обл.), Тайцы (Ленинградская обл.), Елизаветино (СПб), Прямухино (Тверская обл.), Савинское (Московская обл.), Сиворицы (Ленинградская обл.), Ярополец Чернышевых (Московская обл.).

¹⁵ Нужно констатировать, что ландшафтный архитектор-реставратор, как и реставратор архитектуры, воссоздаёт в современных условиях обычно лишь общую схему парка, лишённую многих деталей, которыми обладал реставрируемый парк в пору своего расцвета. Причём сильнее всего меняется содержательная наполненность его элементов и частей, которую сейчас трудно не только воссоздать, но и просто определить. Другими словами, необходимо ясно осознавать, что мы никогда не сможем увидеть парк таким, как его задумывали и видели его создатели и владельцы, но это тот идеал, к которому стоит стремиться.

Нельзя не упомянуть и ещё один яркий этап в истории русского садово-паркового искусства — вторую половину XIX — начало XX века, когда оно переживало пору своего несомненного расцвета, до сих пор в полной мере не оценённую¹⁶. Причины недооценки — и в общем отношении к культуре и искусству этого периода, лишь недавно преодолевшем неоправданный негативизм. Между тем, именно в те годы садоводство и паркостроение превратились в России в профессиональное искусство и самостоятельную отрасль научного знания, во многих уголках страны было создано немало новых и обновлено старых парков, расширился набор выразительных средств садового искусства, появилось множество новых приёмов и древесных пород, существенно изменивших русскую садовую эстетику и сделавших парки богаче и своеобразнее. К сожалению, даже наиболее значимые парки этого времени, как правило, пребывают в удручающем состоянии — утрата всех элементов первоначального благоустройства и зарастание мелколесьем зачастую даже не позволяют без глубоких исследований оценить их подлинную художественную ценность. Конечно, для их восстановления, включая элементы воссоздания, необходимо использовать все источники — натурное обследование, иконографию, письменные документы и данные садовой археологии¹⁷, которые могут обеспечить подлинность их форм и деталей. Вот наиболее важные, с точки зрения истории русского садово-паркового искусства, поздние усадебные сады:

— Сады середины XIX — начала XX века: Баловнево (Липецкая обл.), Вольшово (Псковская обл.), Высокое (Смоленская обл.), Дугино (Смоленская обл.), Кирицы (Рязанская обл.), Пальна-Михайловка (Липецкая обл.), Поречье (Московская обл.), Ерлино (Рязанская обл., дендропарк), Знаменское-Губайлово (Московская обл.), Марьино (Курская обл.), Михайловское (Московская обл.), Муромцево (Владимирская обл.), Рамонь (Воронежская обл.), Шаблыкино (Орловская обл.), Новотомниково (Тамбовская обл.), Осиновая Роща (СПб, дендропарк), Дружноселье (Ленинградская обл.), Гостилицы (Ленинградская обл.).

Плохая сохранность первоначального облика отличает и сады советского времени, nasledовавшие дореволюционной садово-парковой культуре.

Краткий очерк сохранности садово-паркового наследия России ясно показывает утрату целых пластов садово-паркового искусства, которые отсутствуют в визуальном культурном ландшафте в своём первоначальном виде. Плачевное состояние русских садов и парков обусловлено не только трагической историей страны в XX веке,

¹⁶ Например, в популярной книге Д. С. Лихачёва «Поэзия садов» (СПб, 1982) этот период вообще не рассматривался. Правда, в её третьем издании (М., 1998) учёный включил небольшой раздел, касавшийся парков второй половины XIX века (С. 418–427).

¹⁷ Садовая археология — фактически новая область ландшафтной деятельности, но её перспективность очевидна, хотя у нас по сей день не существует такой профессиональной специализации. На практике пока в поле зрения археолога попадают лишь единичные уникальные садовые объекты в составе каких-либо более крупных градостроительных образований — древних городов, дворцов, усадеб. Однако реставраторы парков, как бы ни были они талантливы, не могут провести археологического изучения почв, фитолигов (остатков растений) и микроорганизмов (это направление только начало развиваться в нашей археологии), или применить методы палинологии и дендрохронологии, которые сегодня при необходимости могут показать возраст и породы некогда росших там деревьев. Это методы профессиональных археологов и они очень эффективны.

но и отношением общества к отечественному садовому искусству, которое, фактически, никогда не рассматривалось как важная составляющая культуры своего времени. Всё это заставляет самым внимательным образом отнестись к обозначенным проблемам воссоздания наиболее значимых русских парков.

* * *

Хотя развивающееся в наши дни изучение архитектуры прошлого, её популяризация и возрастающая историко-культурная ценность пока кардинально не изменили положение большинства архитектурных памятников в городах и сёлах страны¹⁸, с 1980-х годов в фокусе общественного внимания оказались относительно новые для нашей реставрационной практики проблемы воссоздания утраченных памятников истории и культуры. Это закономерно, ведь культурное наследие нашего народа понесло в XX столетии колоссальные утраты, фактически уничтожившие традиционный облик российских городов и стёршие с лица земли огромное число традиционных сёл, деревень и усадеб с садами и парками. Неудивительно, что в период перестройки и в постперестроечное время сразу возникли идеи и реальные возможности восполнить самые болезненные потери в облике, прежде всего, Москвы, а следом и других городов¹⁹.

Одновременно с появлением первых воссозданных зданий²⁰ начались нескончаемые профессиональные споры о целесообразности воссозданий и ценности «новоделов». Споры бесплодные, поскольку у их участников, как правило, разные исходные позиции. Кто ясно представляет себе степень утрат и понимает потенциальную возможность их хотя бы частичного возмещения, например, в Москве —

¹⁸ Охрана наследия по-прежнему не является архиважной национальной задачей, что проявляется в недостаточном финансировании реставрационных работ и содержании музеев (в том числе провинциальных) и в желании переложить сохранение наследия на плечи инвесторов (задача призрачная и пока принёсшая больше отрицательных плодов, чем положительных) и т.д. Этому вольно или невольно способствуют и новые законы, которые, вводя новые термины для согласования с западноевропейским законодательством, только запутывают проблемы сохранения. Вошедшие в обиход и законодательство последнего времени понятия «*памятник истории и культуры*» и «*объект культурного наследия*» (ОКН) не являются полными эквивалентами понятия «*памятник архитектуры*», применявшегося в 1970—1990-е годы и принёсшего положительные плоды. Нынешние термины, удостоверяющие старину объекта и его историческую ценность, как бы опускают его ценность как произведения архитектуры. Эта не всегда воспринимаемая неспециалистами разница, тем не менее, весьма сказывается в подходах к охране наследия.

¹⁹ Мы не будем в данном случае касаться появившейся в самом конце XX-го и в начале XXI века порочной практики «воссозданий», когда после сноса «воссоздается» фасад сносимой постройки (иногда весьма приблизительно). Подобные «воссоздания» предпринимаются владельцами ценных зданий после запланированного сноса того или иного памятника архитектуры в центре Москвы или других городах для увеличения объёма полезной площади, устройства подземных этажей, использования других более долговечных материалов, увеличения пятна застройки и объёмных характеристик и т.д. Эти «воссоздания», по сути, уничтожают ещё живой памятник, хотя и в этом случае однозначного ответа на вопрос об их целесообразности нет — он зависит от многих фактов и обстоятельств.

²⁰ Как известно, первыми были воссозданы Казанский собор и Иверские ворота на Красной площади и храм Христа Спасителя.

одном из красивейших европейских городов до культурной катастрофы 1917 года²¹, своего рода квинтэссенции облика исторического русского города, тот понимает необходимость сохранения её центра и воссоздания хотя бы самых острых потерь в её художественном облике. Тот, для кого культурные потери отошли в прошлое, и кто привержен как бы объективным и внешне наднациональным положениям западноевропейских законов об охране памятников, рождённых в совершенно иной культурной ситуации, тому не доказать необходимость восстановления уничтоженного русского наследия, без которого искажается значение и масштаб национальной культуры. А. И. Комеч совершенно справедливо писал: «Если общество желает воссоздать некие объекты, то надо отдать себе отчёт в том, что речь идёт о создании копий, дающих возможность общественному сознанию реставрировать дорогие для себя представления и переживания»²². Говоря о воссоздании, Комеч как раз и имел в виду воссоздание методами научной реставрации «с привлечением реставраторов как гарантии наибольшей возможной близости создаваемой копии оригиналу»²³. Как в своё время справедливо заметил А. С. Щенков: «Главный вопрос ...не в том, что тяга к воссозданию неизбежна, а в том, в какой мере адекватно оно может быть реализовано»²⁴.

Аргументы против воссозданий известны: неточность и схематичность воссоздания (при отсутствии документов), неподлинность строительных материалов и технологий (необходимость привлечения аналогов), субъективность результата, несоответствие Афинской и Венецианской хартиям, а также экономические соображения (деньги нужны на подлинники). Обычно для воссозданий их противники используют такие характеристики, как *фальшивка*, *фальсификация*, *этическая подмена*, *неповторимость культурных утрат*, но эти слова лишь выражают их позицию. Априори ясно, что так называемый «новодел» воспроизводит только часть материальной и художественной сущности подлинника, но вывод об отсутствии ценности воссозданного объекта всё же неправомерен. Ведь кроме исторической подлинности, безусловно, первостепенно важной, есть другие аспекты ценности — градостроительная ценность, ценность художественного образа, дидактическая ценность, мемориальная, сакральная и т. д.

К примеру, воссозданная кампания Сан Марко (рухнувшая в 1915 году), как представляется, восполнила большую часть ценности своей предшественницы — градостроительную, ансамблевую и художественную. Её «новодельность» вряд ли кому-нибудь мешает любоваться площадью Сан Марко. Гораздо хуже, на наш взгляд, пустое место там, где был храм, к примеру, Успения на Покровке — и вряд ли её раскопанный план (то, за что часто ратуют апологеты строгой подлинности) или любое (какое угодно!) здание на этом месте будет лучше «новодела», который с максимальной точностью вос-

²¹ Это подтверждает и бесчисленная московская иконография, и письменные источники XVII—XX веков.

²² Комеч А. И. Реставрация, воссоздание и демагогия // Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. Pro et Contra. — М., 1998. — С. 26.

²³ Там же. — С. 25.

²⁴ Щенков А. С. Современные проблемы воссоздания утраченных памятников или их частей // Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. Pro et Contra. — М., 1998. — С. 16.

произведёт утраченный шедевр русской архитектуры²⁵, вернув городу сакральную святыню²⁶ и один из классических видов московских улиц.

В последние годы проблема воссоздания коснулась и сферы садово-паркового искусства. Наибольшие словесные баталии развернулись по поводу недавней реставрации с элементами воссоздания части Летнего сада, который дал толчок к жарким спорам по поводу создания садовых «новоделов». По существу, здесь столкнулись те же изложенные выше исходные позиции (мы с Юрием Александровичем Ведениным придерживаемся по данному вопросу разных точек зрения). Для того чтобы глубоко понять насущную необходимость воссозданий и выработать взвешенное отношение к ним, необходимо ясно представлять тяжелейшее состояние исторических садов и парков в России в целом. Ведь об их облике сегодня можно судить не столько по натуре, сколько по литературе, воспоминаниям, старым гравюрам и фотографиям. Эта информация востребована, в основном, специалистами, неудивительно, что в остальной части общества бытует представление об отсутствии в России своей особой садовой культуры. Сохранение культурного наследия²⁷ необходимо рассматривать в контексте социального, экономического и политического развития страны и, прежде всего, исходить из той пользы, которая может быть получена обществом в целом. Именно поэтому необходимо ставить проблему реставрации и воссоздания важнейших русских садов и парков как актуальную и значительную для сохранения национальной культуры.

Любая реставрация и воссоздание несут черты времени своего второго рождения — это интерпретация старого с позиций другой эпохи. Однако, как правило, именно эта часть — внешний образ, мемориальная, художественная или сакральная сущность, и являются важнейшими для восстановления более важных — общих утерянных связей в отечественной культуре. Эстетические, патриотические, религиозные и историко-культурные мотивы подвигают нас минимизировать ущерб от варварских уничтожений садов и парков и долгого равнодушия к их судьбе, чтобы вернуть этой области русской культуры её значение и самобытную ценность.

²⁵ Об этом подробнее см.: *Б.К. Ерёмин, Б.В. Гандельсман. Почему Москве нужна Китайгородская стена или проблема доминант в историческом центре Москвы // Нащокина М.В., Гандельсман Б.В., Комский М.В. Архитектор Борис Еремин. Творческое наследие. Реконструкция центра Москвы: архитектурные концепции и проекты второй половины XX века.* — М., Прогресс-Традиция, 2016. — С. 209–222.

²⁶ Среди аргументов «за» воссоздание важнейшее значение имеет сакральное значение утраченного подлинника, которое превалирует в подавляющем числе воссозданий последних лет. См.: *Щенков А.С. Современные проблемы воссоздания утраченных памятников или их частей // Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. Pro et Contra.* — М., 1998. — С. 16.

²⁷ См.: Федеральный закон «Об объектах культурного наследия РФ»; для Москвы действует и законоположение «Об особо охраняемых природных территориях в г. Москве». (В них входят усадьбы Братцево, Васильевское (Мамонова дача), Знаменское-Садки, Останкино, Петровское-Разумовское, Покровское-Стрешнево, Измайлово, Лукино, Троице-Лыково, Фили-Кунцево и Царицыно).

*Е. Д. Андреева, А. А. Белошеева, Н. М. Ведерникова,
С. Е. Никитина, С. А. Рябов, Л. Н. Черенков*

ЖИВЫЕ НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа в Институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва осталась в нашей памяти как один из интересных, плодотворных и очень важных для каждого из нас периодов жизни. Значительная часть сотрудников, приглашённых в созданный институт, имела профессиональный опыт работы с культурным наследием, часть пришедших специалистов адаптировала свои знания к проблематике института, наш же Сектор живой традиционной культуры, организованный в 1993 году, начал работу в рамках декларированных институтом задач, можно сказать, с «чистого листа». Мало было собрать опытных специалистов, нужны были творческие личности, готовые к экспериментам, теоретическим разработкам, а главное — готовые стать единой командой, умеющей отстаивать новые идеи, связанные с культурным наследием и его сохранением. Ядро сектора составили люди, прошедшие практически весь путь от первых шагов института до его варварского реформирования в 2013 году — Е. Д. Андреева, А. А. Белошеева, Н. М. Ведерникова, С. Е. Никитина, М. А. Полищук, С. А. Рябов и Л. Н. Черенков, к великому сожалению, ушедший из жизни в апреле 2016 года. Работали в секторе и другие специалисты, которые пополняли наш коллектив на разных этапах его существования и внесли свой вклад в поддержку и сохранение культурного (в частности, нематериального) наследия: Р. Р. Мусина, Э. Н. Фаустова, И. В. Кондаков, А. Г. Глинская, Ю. Г. Вешнинский, Л. Н. Зыбкина, Ю. В. Куликова.

Широкий спектр направлений работы сектора создавал необходимый контекст для междисциплинарных экспедиционных исследований (в том числе, в Калужской, Тульской, Смоленской, Архангельской областях), которые и составили основу нашей деятельности. Сотрудничество со специалистами из разных секторов, привлечение к участию во многих институтских проектах расширяло исследовательские горизонты и обогащало нас и нашу работу.

Одним из важнейших факторов, способствовавших успешному развитию исследований, была поддержка руководства института, в первую очередь, его директора — Юрия Александровича Веденина — неординарного лидера, советчика, друга, который не боится идти непроторённым путём. Благодаря ему и его ближайшим помощникам и заместителям (П. М. Шульгину и А. В. Еремееву) в институте легко дышалось, была создана такая атмосфера, которая «втягивала» самых разных людей и часто делала их друзьями и сектора, и всего института.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ

Изучение культуры российской провинции естественно вписалось в рамки концепций культурного наследия и культурного ландшафта (Веденин, 2013), которые стали актуальными для исследования различных территориальных культур во многих научных центрах.

Традиционная локальная культура на сегодняшний день потеряла свою целостность. Изменился образ жизни, и прошлый духовный опыт постепенно «вымывается» из памяти социума. Ушли из жизни многие обряды и обычаи, некоторые из них существуют лишь в отдельных фрагментах, включённых как часть в ту современную культуру, которая живёт в конкретном пространстве и времени.

Взаимосвязи традиционной и современной культур могут быть различными и по удельному весу, и по характеру такого соединения — от механического включения в культуру чудом уцелевших осколков традиции до взаимопроникновения, в котором традиционные элементы существенным образом трансформировались и адаптировались к современной жизни. Большинство локальных традиционных культур можно, по-видимому, сегодня поместить где-то посередине между этими крайними состояниями. Их мы и называем «живыми», подчёркивая тем самым значение и влияние на современную социокультурную ситуацию.

В первом приближении под живой традиционной культурой можно понимать совокупность культурных фактов (или отдельные факты), которые сформировались в отдалённом прошлом, и, как правило, обусловлены множеством условий: природных (ландшафтных), религиозных (включая примитивные верования), социальных и пр. Более всего это понятие может относиться к народной культуре, которая непосредственно связана, с одной стороны, с бытом народа (укладом его жизни), с другой — с его мировоззрением (картиной мира) и является основополагающей для каждой национальной культуры.

Несмотря на то, что этническая культура (как целостная традиция) во все времена претерпевает определённые изменения, в ней формируется присущее именно ей «нечто», что в разное время этнопсихологи определяли как «центральную зону», «культурную тему» (этнос культуры) — как тип «устойчивого трансфера» (Лурье, 1994, 2005) и т.д. Пока не удаётся это чётко выделить и описать, но данная структура позволяет этносу и его традиции не только существовать в течение длительного времени, но и, несмотря на разного рода трансформации, продолжает влиять на быт и мировоззрение этноса. Мы же в данном изложении используем рабочее понятие «устойчивое ядро культуры», которое, вероятнее всего, формируется на ранних стадиях существования этноса в его тесных взаимоотношениях с природой и под влиянием верований, архаические отголоски которых иногда веками сохраняются в традиционных сообществах. Разрушение этноса влечёт за собой разрушение его традиционной культуры, или напротив — разрушение традиционной культуры ведёт к размыванию этноса. И, следовательно, до тех пор, пока в той или иной форме существует этнос, в соответствующих этому формах будет существовать традиционная составляющая его культуры.

Сегодня полноценное существование традиционных компонентов («живых традиций») в составе современной народной культуры можно наблюдать лишь в случае, когда локальная культура сохраняет (Никитина, 1998):

- 1) аутентичных живых носителей данной традиции;
- 2) традиционное функционирование традиционных элементов (т.е. свадебные песни, например, должны исполняться в первую очередь на свадьбе);
- 3) константные элементы, в том числе традиционные модели, продуктивность которых реализуется в двух разновидностях: в рождении новых вариантов старых текстов и в производстве новых текстов по старым моделям;
- 4) способность к ассимиляции заимствований;
- 5) функционирование культурных барьеров, защищающих культуру от влияния «чужих».

Эти признаки будут рассмотрены ниже на материале различных «живых» традиций.

В современном мире отчётливо проявляются две противоположные тенденции. Первая, вызванная бурным научно-техническим прогрессом, постоянно совершенствующимися формами коммуникации (например, Интернета), политическими, экономическими и культурными контактами между странами, ведёт к предсказуемой глобализации культуры, её нежелательной абсолютной одинаковости. Вторая, всё более настойчиво заявляющая о себе, — тенденция к этнической и культурной самоидентификации и, как следствие, к стремлению во что бы то ни стало сохранять этническую культурную самобытность. Антиглобализм — явление гораздо более серьёзное и глубокое, чем те лозунги, которые звучат в выступлениях радикально настроенной молодёжи. За ним стоит потребность выживания этноса в условиях нынешней техно-цивилизации. Человеческая популяция упорно не хочет превращаться в нечто абсолютно унифицированное, лишённое внутреннего качественного разделения. Общество стало с повышенной чувствительностью относиться к поиску и сохранению своего собственного «культурного голоса». В этом противостоянии двумя ключевыми моментами становятся язык и культурные традиции. Причём, как правило, те традиции, формирование которых относится к давним временам.

Известно, что стремление к самоидентификации особенно остро проявляется там, где образуются «замкнутые среды»: этнические или конфессиональные сообщества (анклавы), по разным историческим причинам вынужденно или добровольно покинувшие родные места и обосновавшиеся на инокультурных территориях. В результате интенсивных миграционных процессов множество людей оказалось в отрыве от своей исконной географической территории, привычных условий быта и хозяйствования. Стараясь адаптироваться, «обжить» новое место, они, как правило, уделяют особое внимание сохранению этнической «самости» через консолидацию вокруг того, что они мыслят как свои культурные традиции, осознавая и оберегая их как важную ценность. Всё это заставляет гораздо шире рассматривать существование «живой традиционной культуры» в разных типах современной культуры, не ограничиваясь признанием за ней лишь функции неких реликтовых проявлений.

Вернёмся ещё раз к одному из основополагающих факторов сложения культурной традиции. Это — природные условия, в которых бытует этнос. В процессе взаимодействия с природной средой, с окружающим его природным ландшафтом человек вырабатывал навыки своего физического выживания и одновременно формировал картину мира. Всё это складывалось в систему знаний и ценностей, которая регули-

ривала жизнь и выражалась, в том числе, в своде правил, принятых в сообществе. Различные природные условия определяли разные способы общения с природой (в том числе хозяйственную деятельность) и разные представления об окружающем мире. Обряд и ритуал, фольклор, пластика и костюм, способы голосового звукоизвлечения, технологии, ремесленная деятельность, — всё это в значительной мере диктовалось «географическими показателями» и способствовало созданию разнообразных «этнических культурных ландшафтов». В каждом этносе эта система передавалась из поколения в поколение, как бы цементируя культуру во времени и позволяя, кроме того, утверждать свою этническую идентичность. Сложившаяся культурная традиция полноценно функционировала до тех пор, пока не наступали серьёзные и стремительные (или внезапные) изменения в жизни этноса (инновации внутри традиции до этого не затрагивали её существенных моментов и носили эволюционный характер). Слом в жизни этноса (войны, революции, стихийные бедствия, в результате которых этнос был вынужден менять территорию обитания) сопровождалась, естественно, и серьёзными изменениями в культурной традиции. Революция, изменение форм собственности, раскулачивание и переселение огромной массы крестьян, Вторая мировая война, запрет религиозной деятельности и многое другое должны были, как кажется, полностью разрушить культурную традицию. Однако ещё в 60-е годы XX столетия мы находили её на многих российских территориях полноценно функционирующей, причём не только фольклорный слой, но и обряды, ритуалы, обычаи. Это отчасти было обусловлено тем, что в то время ещё были живы носители аутентичной традиции, хорошо знающие её правила и законы и способные передать эти знания следующим поколениям. Но полноценной передачи традиции не произошло: внуки этих носителей были настолько вовлечены в новый быт и мировоззрение, что оказались не готовы принять «дар предков». В наши дни этнографические и фольклористические экспедиции находят лишь остатки ещё недавно «цветущих» традиций, по-разному вписанных в современную культуру.

Однако в тех же 60-х годах неожиданно возникает интерес городских жителей к крестьянским традициям, и не только интерес, но и желание к этим традициям приобщиться. В Москве и Ленинграде организовываются музыкально-этнографические концерты, в которых участвуют аутентичные фольклорные исполнители из разных регионов страны. Городскому слушателю впервые открываются такие слои музыкального фольклора, о существовании которых он и не подозревал. Когда же заинтересованное сообщество достаточно хорошо познакомилось с «аутентичным репертуаром», для многих он оказался предпочтительнее уже надоевшего клишированного, псевдонародного. Сначала стали создаваться любительские и профессиональные ансамбли народной музыки, которые черпали свой репертуар из аутентичного фольклора. Затем стали появляться группы, которые занялись реконструкцией традиционной крестьянской обрядовой, а иногда и трудовой деятельности. Немного позже это явление назовут «фольклорным движением». Оно оформилось, прежде всего, как альтернатива или даже оппозиция тому, что можно было бы назвать «Фольклор. Официальная версия», а возможно, как скрытый социальный протест, вызванный государственной политикой этнокультурной унификации.

Фольклор и шире — народная традиция — стали осознаваться как явления национальной культуры. В общественном лексиконе зазвучали слова «корни» и «истоки». Этому способствовала и развернувшаяся в те годы выставочная деятельность, представлявшая народное прикладное искусство. В квартиры проникает этнический стиль оформления интерьеров, а в модный костюм включаются этнические элементы. Подобным явлениям в нашей культуре уже более полувека. Такую устойчивую тенденцию трудно счесть просто модой на старинную «экзотику», поскольку во многих случаях с этого начинаются сущностные изменения в образе жизни людей, ориентированных на традиционность.

В современном мире, где с ошеломляющей быстротой происходят необратимые изменения, традиционная культура страдает более всего. В наших исследованиях фиксируются эти изменения, прослеживаются их источники и дальнейшие тенденции, определяющие практически полное затухание или развитие традиций в новых формах. Здесь возникает проблема взаимодействия традиций и инноваций, причём, по-видимому, можно говорить об инновациях двух видов: инновациях, принимаемых и оправдываемых традицией в силу необходимой динамики культуры, иногда ссылкой на прецедент и прецедентные тексты, обосновывающие компромисс между традицией и инновацией (последнее особенно характерно для профессиональных культур), и инновациях, уничтожающих традиции.

Для описания изменений, происходящих в какой-либо конкретной традиции, необходимо отделить её константные элементы от элементов изменяющихся, но не нарушающих традиции. Такими константными элементами, например, в музыкальной народной традиции, являются способ звукоизвлечения, ритмические структуры, интонационные стереотипы и др.; в словесных фольклорных текстах — поэтические формулы, общие места (*loci communes*), продуктивные сюжетные схемы, которые, появляясь в новых вариантах какого-либо традиционного текста, указывают на функционирование фольклорной традиции. Например, многочисленные рассказы о разорении церквей в 30-е годы XX века, как правило, включают в себя традиционный мотив последующей небесной кары. Разные виды народного творчества имеют свои константы, которые «держат» традицию, знание и владение которой помогает исполнителю воспроизводить традицию и одновременно быть её творцом.

Культура не может существовать без контактов с окружением. Одним из результатов таких контактов являются заимствования. В активной и динамичной традиции с продуктивными моделями заимствования ассимилируются, то есть входят в контекст культуры, не меняя её структуры. В вербальной сфере, в сфере коллективных традиционных текстов, могут быть заимствования как отдельных текстов, так и целых жанров.

То же самое происходит в области музыки. Так, в своё время деревня заимствовала у города романс, и он был органично усвоен народной культурой. Он занял прочное место в лирике и проник даже в свадьбу. Иногда ассимиляция была столь глубока, что происходило почти полное уподобление другому жанру, а именно традиционной лирической песне. Это убедительно показано в книге Н. Н. Гиляровой «Русский романс» (М., 2002) и очень ярко представлено в культуре старообрядцев, живущих в верховьях Камы.

ЖИВЫЕ ТРАДИЦИИ И ИХ БЫТОВАНИЕ

В качестве примера описания конкретных живых традиций обратимся к народному прикладному искусству и народным художественным промыслам. Традиционной основой тех и других является использование природных материалов (дерево, глина, камень) или продуктов обработки природного сырья (лён, шерсть, металл и др.), традиционные технологии и художественно-стилистические способы декорирования изделий, сформировавшиеся в данном месте; бытовая предназначённость изделий, отражённая в их формах. В перечисленных традиционных компонентах, являющихся условием существования художественных ремёсел и промыслов, отчётливо проступает их связь с природой, местом и этносом. Это определяет большое разнообразие народного прикладного искусства. Достаточно вспомнить многообразие крестьянских росписей по дереву, вышивок, изделий сельских гончаров и др. Название места изготовления изделий становилось знаком стилистических отличий — крестецкая строчка, рязанская вышивка, владимирская гладь и пр. Или: мезенские прялки, пермогорские, шенкурские и т.д. Точно так же локальные стилистические особенности глиняной игрушки запечатлены в географических названиях — каргопольская игрушка, дымковская, хлудневская, филимоновская и др. Это многообразие ещё более увеличивается за счёт бесчисленного числа вариантов «классического» образца внутри того или иного художественного центра.

Народное прикладное искусство как художественно-мировоззренческая система — искусство живое, в его судьбах просматриваются общие закономерности развития традиционной культуры, которые определяются социально-экономическими и культурными процессами, происходящими в жизни общества. Эти процессы в разных регионах происходили и происходят с разной степенью интенсивности, и народное прикладное искусство отзывалось и отзывалось на них постоянными изменениями. Одни из них проявляются на уровне заимствований — включения в традицию новых элементов, присущих, например, городской культуре. Так, бруккаровские печатные узоры для вышивания дополнили народную вышивку новыми цветочными и растительными мотивами (розы, лилии, виноградной лозы и др.), которые стали элементами традиционных фризовых или трёхчастных композиций народной вышивки. Среди персонажей вятской глиняной игрушки появились барыни, а в городецких росписях по дереву — сцены народных гуляний, посиделок, праздничных застолий. Фактом, удостоверяющим вхождение нового в традицию, является вариантный повтор инновационных предложений. Многие новации касаются производственной сферы. Сегодня народные мастера пользуются электрическими приводами к гончарным станкам, муфельными печами, косторезы используют электрические бормашины. Но, при всех технических новшествах, главным в создании вещи, отделке её формы и декора, остаётся рука мастера.

Материальность вещей, широкая возможность использования их в разных ситуациях определили продолжительность жизни предметов крестьянского искусства. Забывались обряды, а с ними и обрядовые песни, но изделия прикладного искусства, даже утратив бытовую функцию (например, свадебный костюм, обрядовые полотенца), сохранялись как памятные вещи. Эта функция — культурной памяти в кризисных ситуациях — оказалась особенно значимой. В новых, благоприятных, условиях пассивное бытование вещи вновь могло смениться на активное, определив в качестве основной функцию этниче-

ской или конфессиональной принадлежности. Так, «сундучная» одежда с возрождением обрядов становится праздничной, а также используется как сценический костюм для фольклорных коллективов. Для духовоборов традиционный костюм во всей полноте своей символической образности есть важный знак конфессиональной избранности.

Изменяемость как непреложное свойство традиционной культуры особенно отчётливо прослеживается в народных художественных промыслах, которые развиваются как одна из форм народного прикладного искусства. Если художественные ремёсла по своему происхождению, назначению и бытованию связаны главным образом с крестьянской средой, то художественные промыслы возникали и концентрировались преимущественно в малых городах или крупных сёлах, в местах, расположенных вблизи ярмарок или трактов. Так, Макарьевская ярмарка во многом способствовала развитию промыслов по изготовлению токарной расписной посуды; близость Сибирского тракта определила производство в Ишиме санных ковров и т. д.

Картирование народных ремёсел и промыслов, проведённое в рамках исследований Института Наследия в 2006—2008 гг., особенно наглядно показало географию их размещения, зависимость от природных ресурсов, концентрацию промыслов в промышленно освоенных районах (Национальный атлас России, Т. 4, 2008).

Современные художественные промыслы, с одной стороны, выступают хранителями традиций, которые осмысливаются как художественное наследие; с другой, — творчески реагируют на запросы современного рынка, то есть предстают в качестве живой традиционной культуры. Ориентированность на рынок заставляет промыслы постоянно искать связующие нити с современностью. Сохраняя бытовую назначенность, вещи становятся подчеркнута нарядны, осваиваются новые виды изделий, используемые в современном интерьере (драпировки, панно, скульптура малых форм и др.).

При этом сохранение традиционных основ — материала, декора в их локальной выразительности — становится условием самой жизни промыслов, позволяющим им не вступать в конкуренцию с промышленными производствами. Происходит парадоксальное: всё более усиливающаяся индустриализация способствует сохранению промыслов как консервативных хранителей этнического. Вне традиций промыслы и ремёсла как живое явление традиционной культуры немислимы. И все новации, обеспечивающие вариантность изделий и развитие промыслов, никогда не заслоняют традиционной основы.

Значение традиций в формировании современной культуры видно и при рассмотрении культуры определённых территорий. Изучая малые исторические города (Козельск, Одоев, Дорогобуж) и их округа, мы убедились в неразрывности связей прошлого и настоящего. Память об исторических событиях, определивших появление и судьбы этих городов, роли дворянства и городской интеллигенции в их становлении как уездных центров, сохраняется в исторических памятниках, преданиях и устных рассказах, равно как и влияние монастырской культуры — на религиозную и социальную сферы жизни. Ландшафтные приметы этих городов — визуальная связь с окружающим сельским пространством, хозяйственные и культурные взаимосвязи с окрестными деревнями — сегодня находят своё проявление в преемственности традиционных ремесленных традиций, в интересе к народным календарным обрядам, возрождении фольклорных традиций в певческих сельских и городских коллективах.

*Экспедиционная группа во время работы в Дорогобужском районе
Смоленской области в 2008 г. Слева направо: М. Полищук, В. Прохоров,
А. Белошеева, Е. Андреева, С. Рябов, Н. Ведерникова*

Далее мы представим три примера бытования очень разных «живых традиций» — цыганской, русской и военной — пограничной, а в завершение обратимся к вопросу о взаимовлиянии живой культуры и культурного ландшафта.

Феномен цыганской культуры трудно объяснить и сейчас. Достоверно можно констатировать лишь то, что на разных территориях пребывания она, с одной стороны, быстро адаптируется к культуре региона проживания, с другой — сама оказывает сильное воздействие на музыкальные культуры разных народов, участвуя в создании выдающихся музыкальных явлений: русского романса, фламенко в Испании или джаза-мануш — европейского направления джаза, известного также как цыганский джаз (*gypsy-jazz*) и цыганский свинг (*gypsy-swing*) и совмещающего традиционную музыку цыган этнической группы «мануш» и джаз.

Другой пример — культуры русских конфессиональных групп — старообрядцев, молочан и духоборцев, сохраняющих и чтущих свои традиции и сегодня. В силу прошлых конфессиональных противоречий они были вынуждены мигрировать, зачастую оказывались изолированными от основного этнического ареала русских и как «изоляты» сохранили многие реликтовые культурные черты, важные для понимания процессов трансляции культурной памяти.

Наконец, с точки зрения «живых традиций» рассмотрена культура российского пограничья. До сих пор этот вопрос рассматривался применительно к казачьей культуре, о чём опубликовано немало исследований. Однако культура пограничья интересна и как продолжение определённой корпоративной культуры, и как историческое свидетельство биографии различных мест и регионов — к числу таких уникальных свидетельств относятся засечные леса.

В основном все эти примеры опираются на экспедиционные исследования сотрудников сектора.

ЦЫГАНСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Одной из основных особенностей цыганской культуры является то обстоятельство, что она принадлежит этносу, не имеющему своей этнической (национальной) территории и представляющему собой совокупность множества субэтносов, находящихся между собой в горизонтальных связях при отсутствии связующего центра. Самое главное для любого цыгана — это его принадлежность к определённой субэтнической группе, а внутри неё — к определённому роду (клану, патронимической группе). Всё, что называется цыганским (культура, язык), цыганский индивид воспринимает через призму коллективного опыта своего субэтноса, своего клана. А коллективный опыт субэтноса (традиционная культура) — это обладающий большой живучестью древний индийский субстрат, на который наложен другой мощный субстрат, представляющий собой освоенный цыганами опыт этносов, через территорию которых данная цыганская субэтническая группа мигрировала или на территории которых она живёт в настоящее время. При этом необходимо заметить, что живая традиционная культура цыган находится в процессе интерференции (чаще всего — заимствования и адаптации) с культурой окружающего нецыганского населения постоянно, этот процесс никогда не прерывался и не прерывается.

В связи с этим чрезвычайно важно изучить механизмы этой интерференции и при этом понять, почему иноэтническое по происхождению культурное явление становится частью традиционной культуры данного этноса.

Очень сложно говорить о цыганской материальной культуре, поскольку производственная и жизнеобеспечивающая подсистемы в цыганской традиционной культуре выражены очень слабо. Кочевые цыгане жили в сезонных переносных жилищах — шатрах, палатках, традиционная конструкция которых в принципе характеризовалась голым практицизмом и отсутствием эстетических начал. С начала XX века и до массового перехода на оседлость цыгане России вообще предпочитали использовать списанные армейские палатки. Оседлые же цыгане жили и живут в жилищах, в большинстве случаев построенных не их собственными руками, правда, с учётом вкусов и практических требований цыганских заказчиков.

Значительно легче говорить о нематериальной составляющей цыганской традиционной культуры, в которой среди прочего очень выражена соционормативная подсистема. Сюда относится осознание принадлежности к определённому цыганскому субэтносу и роду (клану), внутреннее устройство и функционирование цыганского поселения, структура цыганской семьи (часто проживающей в одном доме трёх- или даже четырёхпоколенной семьи), гендерные и поколенные роли в семье. Семья — важнейшая форма существования цыганского этноса, поскольку при отсутствии сколько-нибудь значимых культурных учреждений, прессы, книгопечатания на родном языке и пр. семья остаётся единственным и естественным очагом трансляции и усвоения традиционной культуры.

Цыгане происходят от одной из древнеиндийских конфессионально-социальных групп (джати), которая покинула Индию в середине 1-го тысячелетия н.э. Несмотря на полутора-тысячелетнее пребывание среди других народов, в общественной психологии цыган остались пережитки индийского кастового сознания, которые определяли и во многом определяют и сейчас весь ход этнической истории цыганского народа. Это, прежде всего, дихотомическое

Коллектив сектора в день 75-летнего юбилея Л. Н. Черенкова (справа). 2011 г.

видение человечества, которое делится, по их представлениям, с одной стороны, на цыган, а с другой — на нецыган, то есть всех остальных, причём нецыгане (*гаджэ*) являются для цыган источником добывания пропитания (в том числе и не совсем законными способами). При этом в традиционном сознании *гаджэ*, хотя и обладает профессией и образованием, всё равно находится на более низком уровне, поскольку не знает и не соблюдает традиций и установлений, объединяемых понятием, называемым по-цыгански *романыпэ*, что можно перевести как «цыганскость» — в частности, традиций, основанных на концепции ритуальной чистоты/нечистоты. «*Ромромэса, гаджэгаджэса* — цыган с цыганом, нецыган с нецыганом» — речение, известное всем без исключения цыганам Европы. В цыганском быту упомянутая традиция чистоты/нечистоты играет колоссальную роль и определяет не только гендерные и поколенные роли в семье, но зачастую и повседневное поведение (а в более новые времена — иногда даже профессиональную ориентацию) каждого цыгана и цыганки.

Пожалуй, перечисленные выше два аспекта традиционной цыганской культуры, являясь индийскими по происхождению, почти совершенно не подверглись внешнему влиянию и во многом определяют общую систему ценностей у различных цыганских субэтнических групп. Зато другие виды нематериальной культуры испытали и испытывают постоянное влияние со стороны культур окружающих народов. В цыганском традиционном этикете, например, (особенно в формулах, подчёркивающих уважительное отношение к собеседнику равному или старшему по возрасту, чему цыгане придают очень большое значение) отчётливо прослеживается влияние местной сельской культуры. Что касается обычаев, верований и традиций, связанных с конфессиональной принадлежностью того или иного цыганского субэтнуса, то они целиком заимствованы у окружающего нецыганского населения. То же относится и к религиозной практике (крестинам у христиан, обрезанию у мусульман, посещению храмов и святых мест, отпеванию, венчанию и т.д.).

Очень интересны и по-своему сложны проблемы, связанные с устным и песенно-музыкальным творчеством цыган различных субэтнических групп. Цыганского мелоса как такового, общего всем цыганам Европы, не существует, и вряд ли он существовал при появлении цыган в той или иной стране. Одной из основных наследственных профессий древнеиндийской джати, от которой произошли цыгане, была музыка — исполнение для публики (из других каст!) за определённую плату любимых этой публикой музыкальных произведений. После ухода из Индии заказывающая музыку публика уже принадлежала к другим этносам, то есть к другой музыкальной культуре, и цыгане вынуждены были исполнять то, что этой публике нравилось, по-своему *интерпретируя* новые для них музыкальные произведения. Похоже, что именно таким образом возникло явление, называемое в отдельно взятом регионе «цыганской музыкой».

Различные виды «цыганской музыки» в Европе существенно различаются между собой — например, русско-цыганская хоровая культура, испанское фламенко, балканско-цыганская «ориентальная» инструментально-вокальная традиция, «ресторанная» музыка профессиональных венгерско-цыганских исполнителей и т. д. При этом необходимо отметить, что объединяет эти виды «цыганской музыки» применение одних и тех же приёмов воспроизведения звука музыкальным инструментом или голосом. Конечно, наряду с профессиональной «коммерческой» музыкальной культурой у цыган существовала музыкальная культура для «внутреннего потребления», но эти две разновидности были взаимопроникаемы и обе основаны на музыкальной традиции окружающего населения. Таковы, например, знаменитые русско-цыганские хоры. Текст «таборных» песен и даже русских городских романсов, бытующих в среде современных русских цыган, в большинстве своём макаронический — смешанный русско-цыганский или цыганско-русский, без видимых закономерностей в употреблении средств того или иного языка.

Интересен факт употребления иноэтнических языка и элементов культуры (окружающего цыган населения в настоящее время или окружавшего их в прошлом) в качестве маркера принадлежности к определённому цыганскому субэтносу. В Польше у цыганских репатриантов из Западной Белоруссии и Литвы, называемых местным цыганским населением «русские цыгане» (*халадытка рома*), чрезвычайно популярны эстрадные советские шлягеры конца 40-х — начала 50-х годов XX века.

Как следует из вышесказанного, наибольшему влиянию подвергается та область традиционной цыганской культуры, которая слабо регулируется её соционормативной подсистемой. Интерференция принимала и принимает формы заимствования и дальнейшего усвоения через период адаптации. Очень важно отметить, что заимствование — не механический процесс, а новое осмысление в соответствии с функционирующей в данном сообществе системой ценностей, этико-нравственными нормами, и это ярко прослеживается в особенностях сюжетных поворотов цыганских сказок, почти полностью заимствованных из фольклора окружающего населения.

В последние десятилетия традиционная цыганская культура, как и традиционные культуры других этносов, находится под постоянной угрозой вытеснения различными видами массовой культуры, которая находит всё большее число почитателей в среде цыганской молодёжи. Вместе с тем видны и робкие попытки приспособить новые явления и формы (прежде всего, в музыке) к цыганским традициям. Всё это требует дальнейшего исследования.

РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Культуры русских конфессиональных групп — старообрядцев, молокан и духоборцев, как и культура цыган, могут служить примером не просто отдельных живых традиций, но целостных живых традиционных культур. Казалось бы, трудно найти нечто более контрастное, чем кочевая свободная жизнь рассеянных по всему миру цыган и последовательное христианское самоограничение приверженцев упомянутых конфессий. Однако есть признаки, их объединяющие. К ним, например, относятся: а) маргинальное положение в обществе; б) наличие миграций и — как следствие — большое количество территориальных вариантов; в) способность сохранять свою самобытность в самых различных этнических окружениях; г) наличие оппозиции «чистота—нечистота» как стержневой. Но главным объединяющим признаком является присутствие и активное функционирование такого традиционного элемента/компонента культуры, который подчиняет себе остальные части культуры, проникая во все её поры и тем самым сохраняя её как живое единство. Для цыган это почитание древнего цыганского «Закона жизни», для конфессиональных русских культур — христианская вера. И то, и другое даёт соционормы жизни соответствующим общностям. Рассмотрим это подробнее.

Три конфессиональных культуры, о которых пойдёт речь, — старообрядчество, молоканство и духоборчество — являются традиционными. Сопоставительное изучение устной культуры упомянутых трёх групп, основанное на полевых исследованиях, показало, что религиозная составляющая до самого последнего времени доминировала над всеми остальными элементами культуры, формируя образ жизни и образ мысли её носителей. Именно для этих групп принято говорить о слиянии веры и культуры (Никитина, 2014).

Укажем общие признаки трёх исследуемых групп, относящихся к разным конфессиям: старообрядцы — православные, духоборцы и молокане — русские народные протестанты. Несмотря на очевидные конфессиональные различия, их связывают такие признаки, как **замкнутость** (вернее, особый для каждой группы баланс между замкнутостью и открытостью, регулирующий процесс выживания группы); **обострённое самосознание**, создающее напряжённое противопоставление в оппозиции «наши—не наши», стимулирующее сознательное строительство своей культуры; **самодостаточность**, то есть отсутствие необходимости и потребности в регуляции материальной и, особенно, духовной жизни извне; **традиционализм**, сохраняющий преемственность (старообрядцы говорят: «Живём, как деды и прадеды (sic!) завещали; что завещано, то и дёржим»), в том числе, древнерусские мифологические верования; **эсхатологическая ориентация**, создающая психологическое своеобразие культур и производящая особого типа тексты; **религиозное отношение к труду** как к делу «во славу Господа»; **ощущение своей избранности Богом**, подпитываемое ещё недавно церковными и государственными репрессиями, в настоящее время весьма ослабевшее (подробнее см.: Никитина, 2014).

В традиционной народной культуре вероисповедание, казалось бы, можно рассматривать как одну из традиций, составляющих культуру, наряду с традиционной песенностью, одеждой, пищей и т.п. Каждая из традиций достаточно автономна и может быть утрачена, в то время как другая или другие продолжают существовать. Однако вероисповедание в конфессиональной культуре подобно кровеносной

системе в организме и обладает проникающей способностью накладывать свою печать на все остальные элементы культуры, подчиняя себе так называемую профанную её часть и удерживая грозящий ей распад.

Важнейшими показателями функционирования живой конфессиональной традиции наряду, например, с такими признаками, как наличие регулярных богослужений, активная деятельность и несомненный авторитет интерпретаторов религиозного учения и харизматических лидеров (элитарных «живых носителей» культуры), является способность создавать мощные защитные барьеры при помощи системы запретов; в согласии с религиозной традицией модифицировать или, наоборот, консервировать самые разные элементы культуры. Разумеется, все эти признаки проявляются в разных территориальных (локальных) вариантах в различной степени, что также представляет несомненный исследовательский интерес.

Рассмотрим, например, своеобразный культурный барьер — духоборское пение. Назначение этих вербально-музыкальных текстов — богослужбное, оно составляет ядро духоборской культуры. Однако способы распевания слова таковы, что они представляют информационный барьер для чужаков, о чём говорили, вспоминая о прошлом, сами духоборцы. Благодаря необычно длительному (до полутора минут) распеванию слогов и многочисленным вставкам полугласных (глайдов) становится непонятным словесный текст; тем самым духоборское пение можно считать разновидностью тайных профессиональных языков. Такое пение помогало спастись в далёком прошлом от обвинений в явной ереси и объединяло «своих».

На основе полевых исследований стало очевидно, что молоканское и духоборское псалмопение, уходящее своими истоками в русскую фольклорную песенную традицию, наряду со старообрядческим пением «по крюкам», сохраняющим древнерусскую церковную традицию, являются образцами высокого народного профессионализма, весомой частью русского народного певческого искусства. То же можно сказать о народной риторике, или народной герменевтике, представленной устными и письменными текстами старообрядческих писателей-полемистов и беседами (проповедями) признанных молоканских «беседников», блестяще использующих древнерусские приёмы «искусства плетения словес» в своей принципиально устной традиции бесед (Никитина, 2015). Эти типы пения и народной риторике, безусловно, составляют часть не только культурного наследия прошлого России, но и её сегодняшнего достояния.

Выступление С. Е. Никитиной в апреле 2017 г. на юбилейной конференции, посвящённой 25-летию создания Института Наследия, во Всероссийском обществе охраны памятников. Заседание ведёт Ю. А. Веденин (фото Г. М. Платовой)

Многочисленные вынужденные миграции конфессиональных групп приводили к неизбежным культурным утратам, однако гибкость, способность идти на временные компромиссы помогала (в прошлом в особенности) восстановлению традиционных константных элементов своей культуры. Так, «Великое переселение» молокан и духовборцев из Закавказья на историческую родину в силу драматических политических событий, с одной стороны, и наступившая свобода, с другой, принесли этим сообществам неожиданную угрозу утраты своего вероисповедания, испытание крепости духовных связей, прочности их коллективной памяти. Произошло неизбежное рассеяние культуры. Там же, где удалось создать компактные поселения, переселенцев ждали большие трудности с восстановлением своей конфессиональной жизни. Так, при переселении части духовборцев из Грузии в Тульскую область они столкнулись с существенной редукцией их коллективной памяти: мало кто знал псалмы. У переселенцев было несколько напечатанных в Канаде изданий псалмов, записанных в начале двадцатого века В. Г. Бонч-Бруевичем: их стали учить не «из уст» в «уста», а по книге. Та же причина заставила молодых молокан, переселившихся из Армении в Тульскую область, использовать во время службы вместо сложных по напеву псалмов молоканские духовные песни, исполняемые у постоянных молокан обычно во внеслужебной ситуации. Это длилось в течение некоторого времени, пока псалмы не были выучены, и не было подкрепление из пожилых молокан — отцов молодых переселенцев: традиция была восстановлена.

Приверженность к своим культурным ценностям нисколько не мешает полезным заимствованиям, касается ли это новых сельскохозяйственных культур, быстро освоенных переселенцами в Закавказье в середине XIX века, или заимствования красивых «вилюшек» (мелодических фигур) из казачьих песен для своих молоканских псалмов.

Культура и судьба всех трёх русских конфессиональных групп в очень сильной степени переплетена с пространством — с образами родного ландшафта, освоенного и помеченного такими культурными метками, без которых жизнь лишается устойчивого смысла, и одновременно — с идеей преодоления пространства — образом пути. Миграции — коллективные и индивидуальные — вначале были только вынужденными и обусловленными извне. Однако со временем миграции стали привычными, а для молокан-прыгунов превратились в имманентный, конструктивный признак культуры, рождающий новые тексты и новые культурные концепты (ср. с цыганами!). Идея перемещения в пространстве может в определённых обстоятельствах пониматься как средство сохранения культуры во времени. Так считают и молokane-прыгуны, в целях сохранения своего «упования» не раз пересекавшие просторы Тихого океана. С другой стороны, реализация идеи вечного путешествия не приносит радости — в конечном итоге, все перемещения в пространстве вынуждены. Сегодняшние переселенцы из Закавказья — духовборы и молokane — возвратились на свою историческую родину по необходимости, и они испытывают глубокую ностальгию по оставленным родным местам. Характерно, например, признание молokaneского пресвитера деревни Слободка, где живут переселенцы из Армении, о том, что он выбирал место переселения по ландшафтному сходству со своей родиной, то есть Арменией: окрестности деревни Слободка также представляют собой сильно пересечённую местность.

Универсальным средством выражения связи культуры и ландшафта, конечно, являются топонимы и порождённые ими тексты. Горелое (позже Гореловка), Спасовка, Орловка, Тамбовка, Родионовка — всё это названия сёл, увезённые в Грузию из России более полутора веков назад. Топоним *Святой*, или *Лушечкин, курган* связан с именем любимой предводительницы духоборцев — Лукерьи Васильевны Калмыковой так же, как *беседочка* в Сиротском доме, где «родимая Лушечка обычно отдыхали». Название *Сиротский дом* для обозначения резиденции духоборских вождей, места проведения молений («поклонений»), помещения, где жили сироты и престарелые, было перенесено из Молочных Вод в Закавказье.

Можно говорить о специфической **топосной ностальгии** у переселенцев; это тоска одновременно и по месту, и по его названию. И неслучайно молokane-прыгуны Армении не хотят уезжать из своих родных мест — их держит священная гора Арарат, на которой находится Ноев ковчег, недалеко от которой располагается территория будущего тысячелетнего царства Божия на земле. Это таинственная непостижимая гора, связанная со Святым Духом, одушевлённое существо, к которому обращаются в молokane-песне (Никитина, 2013, гл. 3):

О, ты, великий Арарат,
Что скрываешь ты в сердце своём?

ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧЬЯ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Одной из новых тем, разрабатывавшихся в секторе с начала 2000-х годов и связанных с изучением территориальных традиций, стало исследование культуры российского пограничья (Рябов, 2007). Россия располагает сегодня самой большой в мире государственной границей протяжённостью свыше 60 тыс. километров. Велика по площади и территория российского пограничья, которое может быть рассмотрено как особый объект культурного наследия. Главными свойствами российского пограничья как историко-культурного феномена выступают его многокомпонентность и целостность. Культура пограничья включает в себя весь комплекс этнических традиций — от обычаев и норм поведения людей у границы до вещественных атрибутов и представлений, связанных с освоением, становлением и развитием самого дела охраны и защиты границы. Она имеет постоянный и актуальный для населения пограничья характер, следовательно, может рассматриваться в контексте живой традиционной культуры. В культуре пограничья могут быть выделены следующие составляющие:

Материальная — различные категории пограничных объектов: города-крепости, отдельные сторожевые посты-заставы, дороги и тропы с соответствующими сооружениями на них, а также другие объекты пограничной инфраструктуры. К этой части культуры относятся также одежда, снаряжение и вооружение пограничников.

Социально-нормативная — выработанная предшествующими поколениями стратегия и тактика действий по защите границы; статусы и нормы поведения пограничников и населения пограничья, а также законодательство, их закрепляющее; различные пограничные структуры, решающие специфические задачи, связанные с охраной и обороной границы и поддержанием в пограничье установленного порядка.

Ю.А. Веденин и С.А. Рябов во время посещения о. Варлама
на российско-норвежской границе
(государственный природный заповедник «Пасвик»), 2011 г.

Духовная — это традиции, обряды и народные обычаи, так или иначе связанные с жизнью населения у границы.

В качестве модели российского пограничья исследовалось *пространство исторических засечных черт* — историко-культурные и природные территории России, в пределах которых для защиты от внешних врагов в прошлом возводились засечные черты (линии). Это оборонительные сооружения, состоявшие из засек, валов, рвов, частоколов, а также опорных пунктов в виде острогов и городов-крепостей, дополнявшиеся естественными преградами (реками, оврагами и др.). Все они сопряжены с такими феноменами культурного ландшафта, как поля исторических боёв и сражений, памятные места других событий военного характера, а также фрагментами исторических городов-крепостей, дорог, имеющих свою собственную историю. Там, где стояли крепости, теперь выявляют объекты археологического и исторического наследия. Помимо артефактов, память о прошлом сохраняется в топонимах и многочисленных преданиях о воинской доблести защитников южных пределов Руси. Документальные, в том числе и летописные, свидетельства напоминают о набегах крымских и ногайских татар, о военных походах польско-литовской шляхты в XVI–XVIII вв. Особый интерес представляют жития отдельных священнослужителей и старцев монастырей и сельских храмов, чья жизнь была тесно связана с участием в охране и обороне рубежей России. Важна информация об упомянутых в синодиках и в других монастырских документах лицах, павших во время столкновений на засеках, а также при защите находившихся неподалёку городов-крепостей и монастырей. Всё это даёт возможность восстановить отдельные элементы засечных черт и включить их в список памятников истории и культуры, требующих особого отношения и специального статуса.

На территории бывших засечных черт, как и повсюду на Русской земле, существует немало природных объектов, ставших предметами поклонения местного населения. К ним от-

носятся: мемориальные камни (валуны), холмы, выходы скальных пород, яры (крутые берега рек), урочища, валы, городища, пещеры, древние шляхи (дороги), места легендарных военных лагерей, городков (городищ) и др. Уже с XIV в. засечные леса, игравшие на протяжении столетий важнейшую роль в обороне границ Руси, получили охранный статус. Здесь местные жители выделяли священные деревья, священные рощи, а также монастырские (храмовые) леса, которые наделялись особым духовным смыслом. Все эти объекты особо почитались и составляют наследие, связанное с богатым военно-пограничным прошлым засечных черт. Особенность пограничной культуры — активное использование природного ландшафта.

Сложность пограничья определяет подходы к его изучению, предполагающие анализ каждого из компонентов в рамках отдельных дисциплин: географии, истории, этнографии, фольклористики, военных дисциплин, а также описание их разнообразных внутренних связей. Изучение пограничья выявляет новые грани в локальных культурах и в способах их сохранения. Актуальность сохранения культуры пограничья как целостного явления обусловлена его государственной функцией.

ТРАДИЦИЯ И ЛАНДШАФТ. ЗВУКОВОЙ ЛАНДШАФТ

При изучении культуры регионов взаимосвязи культурного ландшафта и различных сфер традиционной культуры становятся особенно очевидными. Это прослеживалось при работе в Калужской, Тульской, Смоленской областях, в Кенозерском национальном парке, на Ямале. В Поморье, где море выступает как ландшафтная и культурная доминанта, эти взаимосвязи проявляют себя особенно ярко. Они повлияли на особенности верований, хозяйственную деятельность, обрядовые и бытовые традиции; обогатили язык поморов, содержание большинства поверий, преданий и устных рассказов (Ведерникова, Никитина, 2014).

Изучение фольклора в регионах как одного из средств описания культурного ландшафта определило особое внимание к таким его разделам, как топонимика, устная проза (предания и легенды), календарным обрядам.

Универсальным средством языкового выражения непосредственной связи культуры и ландшафта являются топонимы и порождённые ими тексты. Их отличает обязательная локальная отнесённость, плотная привязка к объектам культурного ландшафта. В классификации преданий исследователи особо выделяют предания, объясняющие особенности ландшафтных объектов (холмов, курганов, островов, водных источников). За названиями следуют пояснения, призванные выделить их из ряда подобных. В топонимических и исторических преданиях, а также в легендах и устных рассказах заключён взгляд жителей на свою землю, рассказ о самих себе, о том главном и ценном, что составляет историческую память. Часто это связано с победой над врагами (татарами — в Одоеве, французами — в Дорогобуже, поляками, немцами, англичанами — в Поморье).

По топонимам, топонимическим преданиям можно не только установить наиболее значимые природные и культурные объекты, но и понять систему организации «своего» пространства, где всегда выделены центр и периферия, сакральные объекты и их место в ландшафте. В Поморье, например, таким центром является Соловецкий монастырь.

*Н.М. Ведерникова работает с информантом
в с. Стояново Одоевского района Тульской области, 2005 г.
(фото М.А. Полищука)*

Предания высвечивают историю поселения, связывая века. В отличие от сказки, время в них мыслится как реальное. Но при этом глубина прошлого неизмерима, события — это лишь временные метки в объяснении «откуда есть пошла» и чем славна родная земля. Названия многих деревень связываются с именем первого поселенца, который обустроивает землю: расчищает лес, возделывает землю, заводит ремесло. Из топонимических названий можно узнать и о традициях природопользования. Так, на Русском Севере названия пожен, полей — земельных наделов, которые давались многодетным семьям, сохраняют деревенские прозвища их владельцев.

Духовными центрами в русском культурном ландшафте являются сакральные памятники (монастыри, церкви, часовни, поклонные кресты, святые рощи и др.). Их значение как культурного наследия особенно ярко раскрывается при обращении к фольклору, что подтвердилось исследованиями сакральных памятников Кенозерья. Устные рассказы о церквях и часовнях содержат их оценку как архитектурных памятников и выявляют их роль в духовной и социальной жизни социумов, в частности, консолидирующую функцию в поддержании родовых и общественных связей между местными сообществами (Ведерникова, 2004). Рассказы о посещении деревни (округи) святыми описывают родные места, знаки святости заключают в себе явленные иконы, следы, оставленные, по преданию, на камнях святыми (обычно это Николай Угодник и Богородица) и пр. Сходство сюжетных мотивов в географически разных областях указывает не только на общерусскую традицию, но и единство подходов к описанию и оценке своей земли.

Культурный ландшафт во многом определяет и традиционную хозяйственную деятельность регионов. Изучение Кенозерья, богатого озёрной рыбой, пастбищами, лесами, выявило сохранность глубинных северорусских сельскохозяйственных и промысловых традиций и, вместе с тем, ряд локальных черт, проявляющихся,

в частности, в конкретных ландшафтных привязках. В Поморье традиционный сельскохозяйственный календарь был переориентирован на морские промыслы, где в годовом цикле выделялись даты, связанные с ловом рыбы и зверобойным промыслом и где важнейшими событиями, породившими особую обрядность, были проводы рыбаков на морские промыслы и встреча артельщиков, возвращающихся с моря (Бернштам, 2009).

Одним из важных компонентов культурного ландшафта, на наш взгляд, является его звучание. Идея *звукового ландшафта* возникла в процессе наших работ в Козельском крае (Калужская область). Культурный ландшафт Козельского района рассматривался в разных аспектах, исследовались многие его природные и культурные компоненты, в том числе: ценные историко-культурные территории, фольклор, усадебная архитектура, проводилось культурно-ландшафтное районирование и т. д.

В то же время ощущалась некоторая неполнота вырисовывающегося «культурного портрета» данной местности. Портрет был немым, в то время как ландшафт — звучит, причём это звучание имеет индивидуальный характер, что отчётливо ощущается во время перемещений из одного пункта в другой. «Невооружённым ухом» улавливалось, что каждая территория имеет свою сложную звуковую характеристику. Так появился новый объект исследования, проблема его описания и интерпретации.

Звучание — одно из фундаментальных свойств окружающего мира, один из главных инструментов его познания. Представление о нём расширяет и дополняет представление о культурном ландшафте, наполняет его новыми смыслами.

В практику проводившихся в Институте Наследия исследований понятие «звуковой ландшафт» введено нами с 1998 г. В своих работах мы отталкиваемся от понятия «культурный ландшафт» (см. также «этнокультурный ландшафт») — одного из ключевых в теоретических построениях и концепциях дореформенного института. Охватывая и природный, и антропогенный слои культурного ландшафта, звуковой ландшафт, с одной стороны, является неотъемлемой его частью, а с другой — обладает своей, ярко выраженной, спецификой и может быть рассмотрен в разных аспектах и на разных уровнях.

Звуковой ландшафт — явление устной культуры, многие черты которого сближают его с фольклором, с традицией. Как и фольклор, звуковой ландшафт складывается естественно, постепенно, развивается во времени, воспринимается слухом, не имеет одного автора, структурирован социально и территориально, в его формировании принимают участие все члены социума.

Формирование и функционирование звуковой среды, особенно звукового пространства этнокультуры, в культурном ландшафте — вопрос совсем не праздный. Первое, что обращает на себя внимание, — это её *соответствие природному и культурному основанию, которому она присуща*.

Многие природные феномены неразрывно связаны со звуком — шум ветра, шелест листьев, журчание ручья, гром, пение птиц и пр. Здесь звук — следствие самого существования явления, его жизненного функционирования. Происходящие в таком звуковом пространстве изменения связаны или с естественными «натуральными» причинами, цикличностью происходящих в природе процессов (день — ночь, зима — лето

и пр.), или с процессами «искусственного» вторжения, с «человеческим фактором» (например, с ухудшением экологической ситуации).

Иное дело — звуковая среда, звуковой ландшафт, формирующиеся в результате культурной деятельности человека (бытовой, хозяйственной, музыкальной и т.п.) *«Звуковые проявления в культуре несут семантическую нагрузку — природные звуки, шумы, «голоса» животных и птиц, «голоса», приписываемые персонажам, существующим лишь на уровне мифологических представлений, звуки, издаваемые человеком. Среди них, как порождаемые голосом (крики, звукоподражания, речь, пение и пр.), так и звуки, производимые с помощью разного рода звуковых орудий, включая музыкальные инструменты»* (Агапкина, 1995).

В связи с этим разработаны методики, способы и порядок описания звукового ландшафта, состоящего из многих элементов, условно говоря, его «партитуры». В первую очередь, мы выделяем постоянные и периодические звуковые комплексы, являющиеся основой «партитуры» исследуемого звукового ландшафта, и здесь одной из обязательных координат является время. Представляет безусловный интерес и пространственное распределение различных звучаний, что влечёт за собой создание «звуковых карт» (звуковое картографирование), позволяющих говорить об акустическом структурировании географического пространства. Присутствие звуковых доминант (основных характеристик звукового ландшафта), маркирующих культурный ландшафт, индивидуализирует его и делает в ряде случаев неповторимым, а их изменение влечёт за собой естественную трансформацию культурного ландшафта (Андреева, 2000).

* * *

Для каких-либо окончательных выводов время ещё не пришло. Мы не пытаемся оценить происходящее, а лишь в течение многих лет наблюдаем и констатируем видимое. Перешагнут ли явно крепнущие тенденции порог, за которым их можно будет назвать традициями — совсем не очевидно. Время расставит всё по своим местам. Мы осознаём, что традиция оказывается главным и основным механизмом сохранения этнической культуры и всегда выступает в трёх ипостасях: и как наследство, и как культурное наследие, и как достояние, несмотря на то, что её существование не ограничивается целостными, когда-то в давнем прошлом сложившимися формами. Это подтверждают и постоянно присутствующие в русском академическом искусстве (в музыке, литературе, живописи) обращения к сюжетам, темам и языку традиционной культуры. И что главное: возникновение и существование «вторичных форм» традиционной культуры во многих случаях не является искажением её аутентичной сущности. Позволим себе предположить, что всё это — способы и механизмы удержания этноса в его культурной «самости».

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина Т. А.* Звуковое поле традиционного календаря // *Голос и ритуал. Материалы конференции.* — М.: Институт искусствознания, 1995.
- Андреева Е. Д.* Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // *Экология культуры.* — М.: Институт Наследия, 2000. — С. 76–85.
- Андреева Е. Д.* Сектор живой традиционной культуры / *Наследие и современность: Десять лет Институту Наследия.* Вып. 10. — М.: Институт Наследия, 2002. — С. 106–116.
- Андреева Е. Д.* О звуковом маркировании культурного ландшафта и пространства этнокультуры // *Культурный ландшафт как объект наследия.* — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 105–115.
- Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. — М., 2009. — С. 151–163.
- Веденин Ю. А.* Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия // *Обсерватория культуры,* 2013. № 1. — С. 66–73.
- Ведерникова Н. М.* Изучение традиционного природопользования, народной культуры, производств, промыслов на примере Куликова поля // *Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля.* — М.; Тула, 1999.
- Ведерникова Н. М.* Духовное наследие Угры и Жиздры // *Культурные ландшафты и духовное наследие.* — Калуга, 2001. — С. 19–47.
- Ведерникова Н. М.* Фольклор как способ отражения культурного ландшафта. // *Культурный ландшафт как объект наследия.* — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 286–311.
- Ведерникова Н. М.* Традиционные хозяйственные занятия жителей Кенозерья в обрядах, преданиях, устных рассказах // *Кенозерские чтения — 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек.* — Архангельск, 2016. — С. 62–70.
- Ведерникова Н. М., Никитина С. Е.* Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). — М.: Институт Наследия, 2014. — 313 с.
- Гилярова Н. Н.* Русский романс. — М, 2002.
- Звук и отзвук /* Ред.-сост. *Е. Д. Андреева.* — М.: Институт Наследия, 2010. — 312 с., ил. Калужский край. Козельский район: Этнографические очерки. / *Живая культура Российской провинции /* Ред.-сост. *Е. Д. Андреева.* — М.: Институт Наследия, 1999. — 256 с.
- Кенозерские сказки, предания, былички /* Вступ. статья, составление, примечания *Н. М. Ведерниковой.* — М., 2003. — 146 с.
- Культурный ландшафт как объект наследия /* Ред.: *Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова.* — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
- Национальный атлас России. Том 4 «История. Культура» /* Гл. ред. *Ю. А. Веденин* — М.: Роскартография, 2008. — С. 260–267.
- Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания. — СПб, 1994. — 288 с.
- Лурье С. В.* Психологическая антропология: история, современное сознание, перспективы. — М., 2005. — 624 с.
- Никитина С. Е.* Исследование устной культуры старообрядчества: итоги и перспективы // *Мир старообрядчества.* Вып. 4: Живые традиции. — М., 1998. — С. 30–36.

Никитина С. Е. Молокане-переселенцы Калужской области // Калужский край. Козельский район: Этнографические очерки / Живая культура Российской провинции / Ред.-сост. Е. Д. Андреева. — М., 1999.

Никитина С. Е. Виды миграции и динамика устной культуры народных конфессиональных групп // Актуальные проблемы полевой фольклористики. — М.: Изд-во МГУ, 2002. — С. 23–31.

Никитина С. Е. Устная традиция духоборцев Джавахетии // П. Г. Богатырев: Воспоминания. Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л. П. Солнцева. — СПб, 2002. — С. 321–345.

Никитина С. Е. О звуковой составляющей мира народных конфессиональных текстов // Звук и отзвук. — М.: Институт Наследия, 2010: — С. 52–68.

Никитина С. Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). — М.: Институт Наследия, 2013. — 312 с.

Рябов С. А. Здесь государевым «украинам было бережение»: Российское пограничье — особый объект культурного и природного наследия. — М.: Институт Наследия, 2007. — 335 с., ил.

Смоленская земля. Дорогобужский район: Очерки прошлого и настоящего // Живая культура Российской провинции / Ред.-сост. Е. Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 2011. — 435 с.

Тульская область. Одоевский край: Очерки прошлого и настоящего // Живая культура Российской провинции / Ред.-сост. Е. Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 2007. — 386 с., ил.

Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX — начала XX в. Вып. 1. Народные обряды и поэзия / Сост. Н. М. Ведерникова // Альманах «Русская традиционная культура». № 4–5. — М.: Изд-во «Родникъ», 1997. — 254 с.

Фольклор Калужской губернии записях и публикациях XIX — начала XX в. Вып. 2. Необрядовая поэзия / Сост. Н. М. Ведерникова // Альманах «Русская традиционная культура». № 3–4. — М.: Изд-во «Родникъ», 1998. — 250 с.

Черенков Л. Н. Музыка в цыганской культурной традиции (звук у цыган) // Звук и отзвук. — М., 2010. — С. 227–254.

Kozhanov Kirill, Oslon Mikhail. Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura / Diter W. Halwachs (ed.) — Graz / Austria: Grazer Romani Publikationen, 2017.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРОЕКТАХ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

(на примере историко-культурного
заповедника Аркаим)

Сектор комплексных исследований и проектирования исторических территорий Центрального региона России, в котором долгое время работала автор, занимался выявлением, учётом объектов культурного наследия и проектированием охранных мероприятий на историко-культурных территориях. Сотрудниками сектора было разработано значительное число проектов зон охраны. Наша практическая работа всегда имела серьёзную научную составляющую. Помимо традиционных направлений, предлагались и разрабатывались новые. Одним из таких новаторских направлений стала созданная руководителем сектора д.и.н. Сергеем Заремовичем Черновым программа сбора и обработки микротопонимов и сопутствующих им этнографических сведений об исследуемых территориях (Леонтьев, Чернов, 2012; Чернов, 1987, 1989).

Надо отметить, что такая работа была и остаётся чрезвычайно важной. Особую значимость ей придаёт тот факт, что эта часть устной истории народа уходит в прошлое, исчезая буквально на наших глазах. То, что не удалось хотя бы записать (а в идеале и обработать) в эти годы, будет потеряно уже навсегда. Деревни постепенно, но неуклонно вымирают. С уходом последних жителей пропадёт и тот ментальный пласт, который сопровождает каждое человеческое поселение. Только при сохранении преемственности поколений коллективная память людей может фиксировать и хранить, часто на протяжении нескольких веков, старинные названия и важные термины, свои представления об окружающем мире. Всё это незримое богатство исчезает вместе с носителями. Любые записи, как бы тщательно и подробно они ни велись, дают весьма неполное представление об этой части народного сознания. Но, тем не менее, дают. Вот эту часть наследия мы и пытались сохранить, собирая требуемые сведения методом открытого интервью. У выбранного метода есть одно неоспоримое преимущество перед любым фиксированным опросом — он позволяет информанту свободно рассказывать и, тем самым, затрагивать такие темы, о существовании которых не просто трудно, а бывает, и невозможно догадаться заранее.

В зарубежной науке исследования «микроистории» в настоящее время чрезвычайно популярны. Однако на Западе устная история уже практически не фиксируется. Нет уже того богатства материала, которое всё ещё сохраняется у нас в стране, хотя и балансирует на грани исчезновения.

Интерес к местной истории отнюдь не ослабевает, скорее наоборот. Людям всегда любопытно знать, на какой земле они живут. И вот тут наши работы попадают в ту нишу, которую не сможет закрыть никакая всемирная сеть; точнее, сможет только тогда, когда собранные и обработанные нами сведения попадут в неё. На протяжении многих лет работы с программой наблюдался неиссякаемый живой интерес к нашим исследованиям. Любая публикация расходилась буквально мгновенно, любая лекция собирала обширные аудитории.

Мы старались проводить опросы во всех местах, в которых работали. А для заповедников и музеев-усадёб этот пункт научной программы изучения стал просто обязательным. Широкое применение подобного подхода оказалось возможным в значительной степени благодаря активной позиции руководителя института Юрия Александровича Веденина. Замечательный учёный, человек поистине энциклопедических знаний, Юрий Александрович не просто поддерживает, очень часто именно он инициирует важные с научной точки зрения исследования, имеющие общечеловеческую ценность (Веденин, 2007).

В процессе деятельности сектора этнографические исследования проводились на целом ряде объектов. Это Радонеж, Пушкинские горы (Глазунова, 2010), Бородинское поле (Глазунова, 2015), Ясная Поляна (Глазунова, 2007), усадьба Дунино, Ширков погост, окрестности озера Волго, целый куст селений в Борисово-Судском районе Вологодской области, усадьба Кирицы и ряд других мест. Каждое из них имело свои особенности, свой неповторимый колорит. Покажем специфику и важность этих исследований на примере одного объекта — историко-культурного заповедника Аркаим в степях Зауралья на юге Челябинской области.

История сохранения памятника весьма интересна и поучительна — он был открыт в 1987 г. при строительстве водохранилища, и его обнаружение стало основанием для остановки амбициозного хозяйственного проекта, но послужило поводом к созданию музея. Наряду с собственно укрепленным поселением бронзового века, он включает систему святилищ, некрополей и следов древнего природопользования — водохозяйственного, сельскохозяйственного, металлообрабатывающего. Вопросы управления обширными земельными угодьями открытого археологического комплекса не могли быть разрешены на уровне музейной организации, требовались иные правовые основания. Кроме того, благодаря замечательному исследователю природы этих мест, И. М. Батаниной, обнаружившей странные геометрические фигуры на космоснимках этого региона, оказалось, что Аркаим и открытое ещё ранее поселение Синташта (по которому была названа археологическая культура) не одиноки. Это звенья обширной системы укрепленных поселений целой «протогородской цивилизации».

В 2005 г. в Институт Наследия обратились представители музея Аркаим, известные исследователи — археолог синташтинской культуры бронзового века

Г. Б. Зданович и геолог И. М. Батанина. К этому времени сам памятник археологически был уже неплохо исследован (Аркаим, 1995; Аркаим, 2003; Аркаим, 2004; Зданович Г. Б., Батанина И. Н., 2007¹), сделан его макет, музеефицирован раскоп, построен музей. Поскольку наряду с древним поселением Аркаим и во взаимосвязи с ним была открыта целая серия аналогичных объектов, для понимания их бытования в прошлом было важно установить характерные черты вмещающих их ландшафтов как арен древнего природопользования. За несколько тысячелетий они сохранили артефакты древности и накопили новые культурные пласты, которые требовали осмысления и оценки. Чтобы не утратить всю эту разнообразную палитру ценностей наследия, необходимо было создать систему достопримечательных мест и на их основе — историко-культурный заповедник с последующим учреждением музея-заповедника (Кулешова, 2012). В Аркаим выехала группа сотрудников Института Наследия, включая и автора статьи, во главе с Юрием Александровичем Ведениным. Экспертные предложения по созданию достопримечательных мест и кластерного историко-культурного заповедника были разработаны. Помимо собственно Аркаима в его территорию было предложено включить и другие памятники синташтинской культуры, целый ряд археологических памятников иных культур, а также живые поселения, сохранившие яркое этнографическое своеобразие.

*На территории Аркаима во время его обследования.
Слева направо: Г. Б. Зданович, М. Е. Кулешова, Ю. А. Веденин*

¹ Хотя данная монография и вышла в 2007 году, все материалы для неё были уже готовы в 2005 г.

*Обсуждение проектных материалов.
В центре — И.М. Батанина, слева — Н.И. Завьялова*

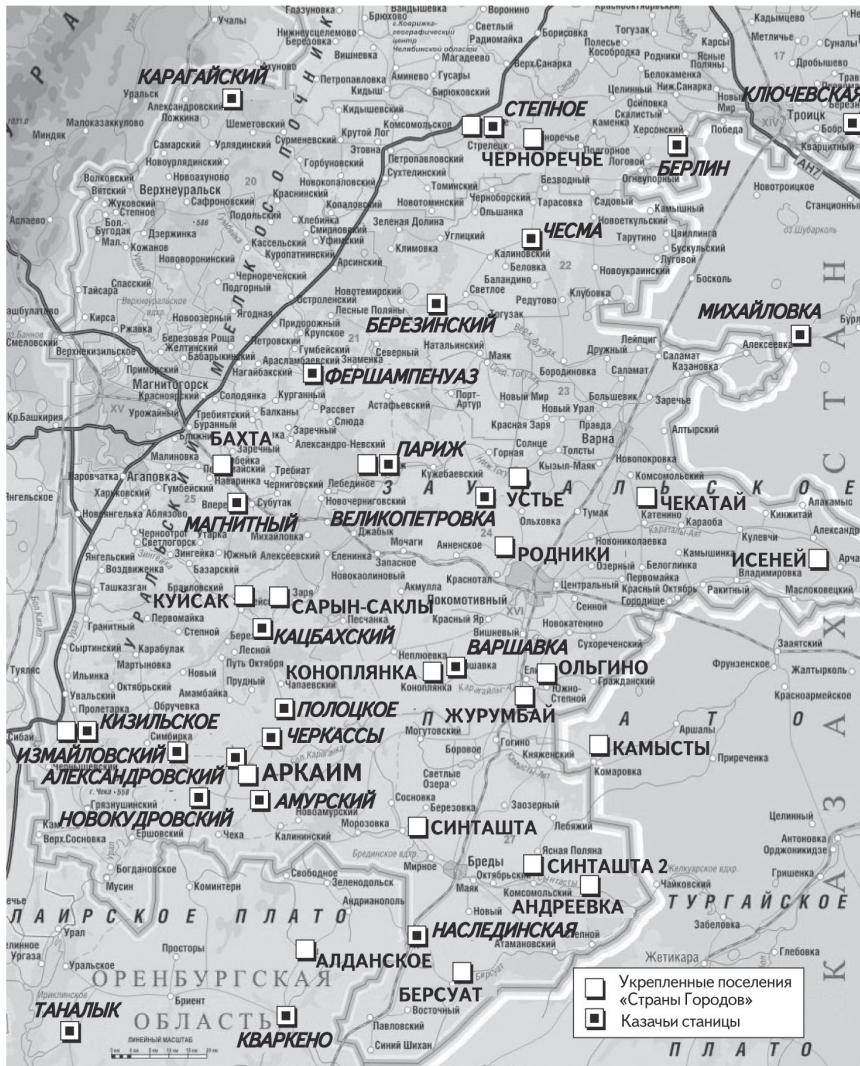
В рамках работы в Аркаиме, точнее — на обширной территории Челябинского пенеблена, на которой в глубокой древности выросли протогорода Синташтинской культуры, проводился сбор этнографических сведений. Конечно, к археологическим памятникам данная работа не имела прямого отношения. Древнее население ушло отсюда ещё в бронзовом веке, не оставив никаких следов в памяти людей, только вещественные свидетельства своего пребывания в недрах земли и едва читаемые на аэрофотоснимках «отпечатки» своих городов на земной поверхности. Но разработанная концепция историко-культурного заповедника Аркаим предполагала сохранение не только самих памятников древней культуры, но и всего многообразия природных и культурно-исторических объектов, образовавших уникальный ландшафтный палимпсест на этой территории.

История каждой местности состоит из множества различной важности событий и действий, формирующих её неповторимый облик. Это и часть большой истории мира, и аутентичная местная конкретика. На жизнь человека всегда влияет природа. Наличие или отсутствие того, что мы называем природными ресурсами, имеет определяющее значение для человеческого сообщества при выборе стратегий расселения и освоения новых земель. Как ни банально, в первую очередь это источники питьевой воды, наличие которых явилось определяющим фактором как для представителей культуры бронзового века, так и при выборе мест казачьих поселений в середине XIX века.

Синташтинцы выплавляли медь, используя азурит, что являлось основой их экономики. По всей видимости, исчерпав этот ресурс, они вынуждены были уйти из Аркаима. В XX веке история повторилась и здесь снова велась активная добыча полезных ископаемых. А вот саму степь различные сообщества используют по-разному, порой диаметрально противоположно. Одни — как пастбище, другие — как пахотные угодья. Древнейшее библейское противостояние Каина и Авеля, землепашца и скотовода, оставалось актуальным вплоть до последнего времени. Города Синташтинской культуры были хорошо укрепленными. Казачьи поселения XIX в. строились как пограничные крепости.

Более того, вся эта территория представляла собой своеобразный «фортификационный ландшафт» на разных временных и культурных срезах.

Собранные в Аркаиме данные по социальной антропологии касаются истории собственно местности, причём истории уже довольно поздней. В XIX веке в здешних степях был создан Новолинейный оборонительный рубеж, разделивший два враждующих народа: башкир и киргиз-кайсаков. Сюда были переселены казаки и нагайбаки, ставшие хранителями здешних границ. В дальнейшем оборонительная линия дополнялась и расширялась. Пограничный статус территория сохраняла неизменно. Пограничной остаётся и сейчас: современная граница с Казахстаном складывалась исторически именно на основе Новолинейного оборонительного рубежа.

Распределение поселений «Страны городов» и Новолинейного оборонительного рубежа на юге Челябинской области

Казачья крепость Наслединская

С точки зрения топонимики, история названий поселений оборонительного рубежа сама по себе весьма примечательна. Небольшие полувоенные степные посёлки по инициативе генерал-губернатора А. В. Обручева получили свои официальные имена по местам казачьих побед в войне с Наполеоном: Париж, Фершампенуаз, Варшавка, Берлин, Чесма...

Нельзя не отметить и интереснейший феномен широкого распространения неофициальных названий селений. По-видимому, это было связано с тем, что первоначально казачьи поселения Новой линии не имели собственно названий, только номера. В обыденной жизни это причиняло известные неудобства. Так и стали возникать прозвищные названия: где-то как память о первоначальном месте проживания переселённых людей, где-то, определяя какие-то особенности населения (см. Рыбалко, 2007). После присвоения официальных названий прозвищные отошли на второй план, однако сохранились до нашего времени, демонстрируя извечный процесс, сопутствующий человеческому обществу. «Думали они, что племя их вечно, что земли их из рода в род, и земли свои назвали они именами своими», сказано в Библии. Впрочем, сохранилась память и о казённых номерах-названиях.

Вот что рассказывают местные жители о происхождении названий отдельных посёлков. «Черкассы с Украины переселились. Название своё забрали». Попутно заметим, что Черкассы сохранили планировку казачьего посёлка с центральной площадью — плацем (раньше все посёлки имели подобную планировку военного поселения).

Про посёлок Амурский, образовавшийся в середине XIX в., одновременно с активным освоением долины реки Амур, рассказывают, что будто бы служил когда-то на реке Амур солдат, 40 лет отслужил. И так ему там понравилось, что приехав в родные края, он начал звать соплеменников поехать с собой в те места. И будто бы поддались на его уговоры односельчане. Ехали они долго, несколько лет. Наконец решили, что дальше не поедут. «Чем хуже Амура?!» Остались здесь и основали поселение, названное Амурским.

Знакомство с местной этнографией в ходе интервьюирования жителей пос. Александровский, справа — Н.И. Завьялова

История самого близкого к Аркаиму поселения Александровского начинается с небольшого хутора. Казаки были переселены сюда из Оренбургской губернии уже в начале XX в., в 1904 году. Так что в памяти жителей сохранились отрывочные воспоминания из рассказов отцов и дедов об основании посёлка. Утверждают, что в Оренбуржье земли тогда было мало, и молодым семьям выделяли землю здесь, давали ещё лошадь. Эти рассказы лишь отчасти отражают реальную ситуацию. Переселяться в степь не спешили. Помимо приказов требовалось дополнительное экономическое стимулирование. Местные предания повествуют, что на месте нынешнего посёлка ещё до Екатерины Великой жили двое: охотник Александр, в честь которого и назвали посёлок, и башкир-конокрад. Надо сказать, археология сведения о времени возникновения поселения подтверждает, оно существовало здесь уже в XVIII в. А предание о русском охотнике и конокраде-башкире, скорее всего, отразило в устном народном творчестве реальную пограничную ситуацию.

Важным условием существования поселения всегда было наличие питьевой воды. Несмотря на то, что рядом река, воду в Александровском брали из колодцев. Колодцы были в каждом дворе. Интересно, что так же строили своё водоснабжение и жители древнего Аркаима: несмотря на близость реки, воду брали из колодцев.

Александровский считался одним из самых бедных в районе. По свидетельству жителей, ещё в 70-е годы XX века большинство домов в нём представляло собой саманные полуземлянки, отапливавшиеся печами. «Вся улица была саманная, до самой школы. И каменные амбары». Впрочем, такие сооружения не так уж плохи, они хорошо хранили тепло, что немаловажно для продуваемой всеми ветрами степи. «Дома были из глины, из самана. 2–3 дома только были срубы. Это были землянки с окошечками от земли сантиметров на 40. Входили туда, как в подвал, оказывались на один метр ниже земли». Топили в основном кизяком. Постепенно полуземлянки вытеснялись более привычными

домами. Однако и сейчас на задворках многих домов сохранились полуразрушенные саманные домики. Последним из такой полуземлянки выехал в дом ветеринарный врач, а в ней самой ещё долгое время сохранялась ветеринарная лечебница. Использование в строительстве саманных, а для отопления — кизячных кирпичей вызвано почти полным отсутствием подходящего строительного и топливного материала. Хозяйственные постройки и заборы здесь сделаны из колотого дикого камня и щерятся во все стороны острыми краями плоских камней. До наших дней сохранились огромные общинные каменные амбары — впечатляющие сооружения из дикого камня, в которых хранился стратегический запас зерна. Большинство таких амбаров — длинные сооружения с двускатной крышей и небольшими щелевыми окошками, от обычных дворовых отличавшиеся только величиной, однако отличавшиеся значительно.

Каменный амбар

Обе эти строительные технологии — и саманное строительство и строительство из дикого камня — совершенно не характерны для этнических русских. Отсутствие привычного строительного материала вызвало необходимость перенимать чужие обычаи.

Отметим, что полуземлянки практически уже неизвестны в мире. Их фиксируют только археологи. В Аркаиме мы можем ещё видеть эти, можно сказать, практически реликтовые строения в «живом» виде. Для археологии это чрезвычайно важно, так как позволяет изучить особенности целого, не разрушенного строения, понять тонкости технологии строительства и использования, ответить на многие вопросы, которые неизменно возникают, если от постройки сохраняется лишь малая её, подземная часть. В данном случае археологи имеют возможность воспользоваться методом этноархеологии.

Леса тут нет, есть небольшие рощицы-колки. Интересно отметить, что собственных названий у этих рощиц фактически нет, только счётные. Определяют их по ближайшим

урочищам: «На Грачиной сопке — Первый колок. Второй колок — за горой. Третий колок — маленький. Четвёртый колок — где пещера завалилась. Пятый колок — где курган». Хотя есть и исключения. Например: «Амурские колки — за горой» и Бардачный колок — «там вишни дикой много». Отсутствие названий свидетельствует обычно о том, что для хозяйства подобные урочища интереса практически не представляют. Заблудиться тут тоже практически невозможно. И отпадает в значительной степени сама необходимость как-то специально их называть.

Лес всегда был дефицитным ресурсом в пограничной зоне лесостепи и степи. Кроме того, его вырубали за века использования. Аркаим в значительной степени был построен из дерева, чем и отличается, в первую очередь, от глинобитных тепе. Первые казачьи поселения тоже. Затем лес, который здесь и так не в изобилии, был просто практически весь использован. Строительный лес надо было везти издалека. Деревянные дома в таких условиях могли себе позволить только достаточно богатые люди. Об этом помнят. Этим гордятся. «Здесь были дома из самана. Только наш дед мог себе позволить купить строевой лес». Дома — в основном пятистенки с четырёхскатной крышей, отапливавшиеся русской или круглой железной печью голландского типа, каждая из которых, впрочем, имела в этой местности свои особенности. Листовое железо появилось здесь только в начале XX в. Хозяйственные постройки крыли соломой. Крыши жилых домов — глиной. Глина вообще была самым распространённым строительным материалом.

Белились дома тоже глиной. Белую глину возили из-под Кондуровки. Побелку старались поновлять каждый год. Для украшения использовали особые цветные сорта, месторождения которых вблизи Александровского не было. Таковую глину приходилось возить издалека.

На окнах — ставни. Характерны также различные деревянные украшения: наличники, причелины, коньки и др. Причём встречается и глухая, и более поздняя пропильная резьба, и сочетание обоих вариантов. Резьбой украшались не только дома, но и ворота, причём элементы украшений повторяются и на старых, и на новых воротах, не меняясь даже в деталях. Более всего любили различные солярные символы. Пожалуй, не менее популярны растительные мотивы. Как пишет исследователь этнографии региона А. А. Рыбалко: «Подобный мотив широко распространён по всей России. На Урале он встречается повсеместно, и является наиболее устойчивым признаком, характеризующим этническую принадлежность жилища».

Наличник с солярными знаками

Население тут смешанное, многонациональное. В частности, довольно много башкир. Возможно, что большое количество и долгое бытование полуземлянок связано не только с относительной бедностью жителей, но и с национальными особенностями.

Ворота, украшенные растительным орнаментом

Александровский расположен на правом берегу реки Караганки. Местность в половодье довольно сильно заливается водой. Причём: «Ту сторону заливает в половодье, эту — нет. Как-то они это сразу определили, наши предки». На северной окраине посёлка — плотина, заросшая деревьями, и видны следы стоявшей тут ранее водяной мельницы.

По обеим сторонам дороги возле Александровского — скальные образования (остатки древнего вулкана). Древний вулкан имеет своё название — Заботиха гора. «Заботин там жил раньше», — утверждают местные. Другое название этого места, Каменная гора, апеллирует к геоморфологическим особенностям урочища и говорит само за себя. Находится она за посёлком в направлении Аркаима.

Аркаимом называлась скала перед горой Шаманкой. Она и дала уже современное имя протгороду бронзового века. По мнению жителей, «на Аркаиме богатый казах жил. По его имени и назвали. Косяки лошадей там стояли». Здесь все урочища имеют свои названия. Некоторые названы по характеру растительности. Таков, например, Бобовый дол — овражек, расположенный между Черкасами и Александровским. Или Чилижный лес — небольшой лесок в 5-ти км в сторону посёлка Амурского, названный по колючему степному растению — чилиге. Есть примеры названий, данных по животным — обитателям степи. Лисьими горами и Лисьим долом называются сопки между Измайловским и Александровским посёлками. Сюда же можно отнести Коровий массив и урочище Кобылку.

Гору Шаманку называют также Змеиной — из-за того, что там много гадюк, или Лысой — по морфологическим особенностям. Есть и топографические определения в местной топонимике. Лиманом назван небольшой берёзовый колок, врезавшийся в степь между Амамбайкой и Александровским и ассоциируемый с мелким заливом. Стоячий камень — урочище между посёлками Целинным и Александровским, за Лисьими горами. Угол — урочище у моста. Все перечисленные названия урочищ имеют русские корни.

Многие места традиционно называют по имени хозяина или жителя. Помимо уже упомянутого названия Аркаим, назовём ещё Чиков угол — урочище возле реки, было названо по уличному прозвищу жителя. Сарваров — поле за речкой, по-видимому, когда-то принадлежало человеку с такой фамилией. Казбекова (она же Грачиная) гора (сопка) названа так, поскольку «там жил пастух Казбек, считал, что он охраняет этот лес. По нему и называли». Сейчас название изменилось, отражая другой признак — крупное место гнездования грачей.

Сохраняется в названиях память об исчезнувших постройках и прекратившихся видах хозяйственной деятельности, об ушедших отсюда народностях. «Мордва» или «Мордовска» — так называли луга и месторождение красной глины возле другого урочища, называемого Белая глина.

Урочище Зимовье (оно же «Пьяный лес») с сохранившимися остатками избушки имеет источником своего наименования следующую историю: там «Утип зимовал, жили башкиры, лошадей держали на зимовье. Избушки там у них были саманные. Мы ходили туда за ягодами. Летом там не жили». Новое название — Пьяный лес — получено по причудливо изогнутым деревьям. И оно постепенно вытесняет старое. То же происходит, как мы видим, с Грачиной горой, Шаманкой, урочищем Белая глина. Старые названия ещё помнят, но уже почти не употребляют. Происходит постепенная смена топонимов.

Довольно много в этой местности древних святилищ, священных мест. На фоне эзотерического ажиотажа, возникшего вокруг древнего Аркаима, неожиданно ярко виден и подлинный сакральный ландшафт территории. Священным местом почитаются Моленные горы: «как едешь напрямую в Измайловку. Дол и Камень — до половины Измайловки. Молились там калмыки. Ходили молиться, носили деньги»; «В праздник собирались старухи и молились там».

Сакральным местом остаётся гора Шаманка. «Старые бабки называли Шаманку Аўля-Тау. В старину старые люди неделями жили под горой, жертвоприношение делали. Людей лечили от бесплодия. Приезжали на лошадях, стояли под горой. Летом приезжали. По крайней мере, когда тепло было. Каждый год». Как рассказывают местные жители: «И сейчас всё равно приезжают. Много старых людей идёт туда. Сажаешь — везёшь на городище. Сядут и сидят, молятся и на городище, и на Шаманке. Сейчас одни бабульки. А раньше и старики приходили». В употреблении сохранилось и старое название — Аўля-Тау, и русское — Шаманка, отражающее сакральное значение горы.

В ряде случаев названия мест не сохранились или, что вероятнее, не были известны переселенцам. Но о назначении таких мест они знали и отличали их знаки сакральности: «Под Черкасами на горе свастика древняя, камни в землю вросли. Со стороны Черкасс, где гора Разума, надпись из крупных валунов, вросших в землю. Это не наших рук дело и не наших прадедов. Это когда-то». Любопытно и новое использование горы: «Называли Весёлая гора. Молодёжь там собиралась». В данном случае, как мы видим, сакральная функция горы практически не сохранилась, лишь опосредованно. Но в сознании людей эта «зацепка» остаётся.

Метод свободного интервью помог, наряду с классическими археологическими и ландшафтными обоснованиями, указать на дополнительные аспекты ценности территории — так, как она воспринимается местным населением. Собранный материал показывает своеобразие местной культуры, демонстрирует способы запечатления в памяти людей

*Гора Шаманка (Ауля-Тау), у подножия —
следы остановленного строительства водохранилища*

исторических событий, важных для данного конкретного места. Хорошо прослеживается процесс формирования системы микротопонимов, отражающий культуру означивания пространства автохтонным населением, и сменяющую её культуру пришельцев. Казахской (киргиз-кайсацкой) эту территорию уже не назовёшь. Она ментально и физически освоена казачьим населением.

ЛИТЕРАТУРА

Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Науч. ред. Г.Б. Зданович; сост. Н.О. Иванова. — Челябинск: Творческ. объедин. «Каменный пояс», 1995.

Аркаим и «Страна городов»: Археологические очерки. — Челябинск: Изд-во «Крокус», 2003.

Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. — Челябинск: Изд-во «Крокус», 2004. — 348 с.

Веденин Ю.А. Основные принципы и методы комплексного территориального подхода и сохранения культурного наследия // Наследие и современность. Вып. 15. — Москва, 2007. — С. 3–21.

Глазунова О.Н. Пушкинские Горы. Ландшафтно-этнографический очерк / Наследие и современность. Вып. 17. — М., 2010. — С. 111–172.

Глазунова О.Н. Топонимы Бородинского поля // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Материалы Международной научной конференции 3–6 сентября 2014 г. — Бородино, 2015. — С. 116–163.

Глазунова О.Н. Гидронимы окрестностей Ясной Поляны // Русская усадьба. Вып. 11. — М., 2005. — С. 228–235.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — «страна городов»: Пространства и образы. — Челябинск: Изд-во «Крокус», 2007. — 279 с.

Кулешова М.Е. Культурный ландшафт и археологическое наследие в их правовом и онтологическом взаимодействии // Наследие и современность. Вып. 18. — М.: Институт Наследия, 2012. — С. 53–74.

Леонтьев В.Г., Чернов С.Э. Программа создания музея-заповедника «Древний Радонеж» // Наследие и современность. Вып.18. — М.: Институт Наследия, 2012. — С. 113–142.

Рыбалко А.А. История и быт казаков новолинейного района // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. — Челябинск, 1995. — С. 117–135.

Рыбалко А.А., Новикова О.В. Этнокультурная и политическая история Южного Урала в эпоху средневековья и в новое время // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г.Б. Зданович. — Челябинск: Изд-во «Крокус», 2004.

Рыбалко А.А. Традиционная архитектура Оренбургских казаков (вторая половина XIX — начало XX века). Диссертация... канд. ист. наук. — Ижевск, 2007.

Чернов С.Э. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. — М.: Изд-во «НИИТЭХИМ», 1987. — 114 с.

Чернов С.Э. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. — М.: Наука, 1989. — С. 413–538.

БАБОЧКА УРАЛА

Мне лишь однажды довелось участвовать в экспедиции Института Наследия. Вместе с Дмитрием и Надеждой Замятинными, Кириллом Павловым и Борисом Борисовичем Родоманом мы изучали Пермский край. Точнее, его северную и среднюю части — Пермь Великую и земли Строгановых. Предстояло утвердить на камских берегах триколор культурной географии, гуманитарной географии и метафизического краеведения. Ниже — отчёт о походе июля 2009 года.

Дорогой Юрий Александрович, прошу считать этот текст подарком к Вашему юбилею!

1. КАМА

В первый вечер, вдохновлённые видами Чердыни, мы говорили о меридиане Камы. Она выходит на меридиан чуть ниже города, а через город протекает Колва, несущая меридиан от севера. Сход Камы, Колвы и стекающей с Урала Вишеры есть, вероятно, древний центр Перми Великой, а Чердынь — ближайший к точкам схода город.

Ещё мы говорили о Волге. Из школьной географии известно, что подлинная Волга — Кама, потому что в месте их слияния Кама шире и полноводнее Волги. Меридиан, который открывает Чердынь, есть волжский, или крайний европейский. Или же третий русский, после Днепра и Дона. Все три великие реки текут на юг, к старшему миру Рима, Греции и Персии. Камское серебро, мечта Москвы и Новгорода со времён Ивана Калиты, — не ископаемое, а прикопанное пермяками серебро персидских Сасанидов, оставленное некогда за мех и прочие таёжные дары.

Вот важное отличие России европейской — от сибирской, где меридианы рек нацелены на полюс. На арктическую пустоту, без Рима, Иерусалима и Константинополя.

Меридиан «подлинной Волги» волоками на Печору соединяет Каспий с Ледовитым океаном. Старая научная ошибка, отождествляющая Пермь с Биармией северных

саг, приобретает смысл, если меридиан Печоры был крайним из варяжских, третьим после Волхова и Северной Двины. Сегодня этот путь — Печорский тракт, лежащий через Чердынь, — вполне доступен только до села Ныроб, где замыкается или, скорее, отворяется прекрасной церковью, построенной московским царским домом над гробом одного из своих предков.

2. ЧЕРДЫНЬ

Пермь Великая не была русской до XV века. Русь заканчивалась смежной Вяткой — загадочной бескняжьей и почти бесписьменной республикой. Русь вышла на свой третий меридиан в поисках широты, не долготы: сибирского пути. Ведать его хотели москвичи и новгородцы. Шли чем севернее, тем увереннее, обходя стороной Вятку, Волжскую Булгарию, её преемницу Казань, предпочитая путь по землям безгосударственных племён. К Перми Великой вышли волоками через Старую Пермь Вычегодскую, зырянскую.

То было продолжение пути Стефана Пермского — крестителя зырян. А путь Стефана с его азбукой, с епископством на Вычегде есть продолжение пути Кирилла и Мефодия. Стратегия Константинополя, являвшая народам Слово Божие на языках самих народов, освящавшая языки Словом.

В середине XV века преемники Стефана святители Герасим, Питирим, Иона просветили край. Епископ Питирим, крестивший самого наследника московского престола — будущего Ивана III, погиб в нашествие вогуличей из-за Урала. Заметим же: не пермский ново-просвещённый мир убил его, но следующий, зауральский мир. Который прозревался с чердынских холмов, смотрящих на восток. Гора Полюд, одна над бесконечным лесом, представляет за Урал, выслана им на аванпост. Сигнальные костры на высоте Полюда жёг легендарный великан того же имени. За этой стражей открывались горные ворота — Вишерский проход в Сибирь.

В этом преддверии дальнейшего, Иона основал на крайнем чердынском холме миссионерский монастырь во имя Иоанна Богослова. Основал вне града, что подобно Киевским пещерам.

Под теми же годами летопись находит пермскую династию князей — неясного происхождения, но христиан по именам. В 1472 году Иван Великий низложил их силой и прислал наместника. Так Пермь Великая вошла в Россию.

В XVI столетии Чердынь — наместнический, воеводский город с деревянной крепостью и деревянными церквями. Проекция Москвы, но не похожа на Москву. Однобережный город на высоком и холмистом правом берегу большой реки; сама река, стремящаяся к югу; пустынный низкий берег, откуда набегают племена востока; явление неведомых князей; их перемена; история крещения; миссионерский монастырь вне града — всё напоминает Киев. Но это «Киев» на пути «из варяг в персы».

3. СОЛИКАМСК

«Москва» на Каме состоялась позже, после Ермака. Завоевание Сибири шло не Вишерой, а Чусовой, то есть существенно южнее. Дорога Ермака легла по частным землям Строгановых. Царь Фёдор и правительство Бориса Годунова объявили конкурс на разведку и строительство иной дороги. Выиграл подряд крестьянин Артемий Бабинов, знавший тропы туземных набегов. Его дорога начиналась в Соли Камской — младшем городе Чердынского воеводства. Бабиновская дорога стала царской, Вишерскую запретили, а после Смуты воеводство переехало на новую дорогу, в Соликамск.

...В нём нам показывали частный ботанический сад, разбитый в память сада XVIII века — детища Григория Демидова. «У нас это расти не будет», — повторял хозяин сада, водя нас от цветка к цветку. Как некогда Демидов, он искал широтную границу юга. С каждым ботаническим успехом город делался южнее, с каждой неудачей — севернее. Это импульс царского пути, поиска лучшей широты. Собственно, импульс Соликамска. Царский меридиан Сасанидов перекрещён в нём с московской царской параллелью.

Ну и, конечно, соль. Путь власти из Чердыни лежал не просто вниз по Каме и по карте. Столица края опустилась с высоты над Колвой на уровень чуть выше Камы. Здесь близки к поверхности насыщенные солью грунтовые воды. Соль — геологическая тема Камы. Соль Строгановых обеспечила победу Ермака. Впрочем, о Строгановых — ниже, ещё ниже по течению реки. А здесь соль превратила воеводский город в торговый и промышленный. На соли, а не на субсидиях Москвы, возшла его архитектура.

«Москва» на Каме, Соликамск — один из заповедников узорочья, большого стиля первых Романовых. Собрание шедевров над невидной речкой Усолкой.

В Чердыни природа образует содержание, не раму городского вида; удивительное помещение природы, в котором помещается архитектура, не дерзающая удивлять. А в Соликамске не дерзающая удивлять природа отступает перед зрелищем архитектуры.

Вопрос «чем будем удивлять?» поставлен мастерами Соликамска не менее десятка раз. Всё удивление московского и ярославского узорочья не может уценить узорочья на Соли Камской. Троицкий собор и колокольня на палатах, церковь Богоявления и воеводский дом, Крестовоздвиженский собор (хотя и переходный к стилю следующему, петровскому), несколько монастырских храмов — всё это «малая Москва». Не царское, но царственное зодчество.

4. ПЕРМЬ ГУБЕРНСКАЯ

Теперь легко найти прикамский «Петербург». Дорога за Урал искала ход ещё южнее и короче. В послепетровскую эпоху она легла на широту нового, горнозаводского центра — Екатеринбургa. Камская столичность скользнула следом, ненадолго выбрав для

себя Кунгур. Но в этом выборе спуск по меридиану осложнился дрейфом вдоль нового пути, к востоку. Чертёжный взгляд Екатерины Великой нашёл, что это слишком, и назначил для столицы место на меридиане большой реки, у перевоза южного сибирского пути. Здесь были частные заводы в землях Строгановых. Не случайно открывать губернию был послан Александр Сергеевич Строганов.

Однако формула камской столичности сложнее, чем триада Чердынь — Соликамск — Пермь-город. На Каме есть получше «Петербург», чем скучноватая губернская столица.

5. УСОЛЬЕ

Земли Строгановых начинались южнее Соликамска. Земли, выпрошенные у Грозного как полость, неосвоенная пустота между Великой Пермью и только что поверженным Казанским царством. Просьба Строгановых следует за взятием Казани, когда земля южнее Соли Камской стала русской.

Столицей Строгановых к XVIII веку сделалось Усолье — городок на Каме. На большой воде, и даже ниже её уреза. Кама подтоплена в XX веке, но и прежде Усолье строили на островах между протоками и мокрыми лугами.

Стиль Усолья — строгановское барокко. Замысел городка принадлежит, как полагают, отцу стиля — Григорию Дмитриевичу, сподвижнику Петра. Реализация — барону Сергею Григорьевичу и отчасти — его братьям. В пору классицизма здесь работал местный уроженец архитектор Воронихин — автор Казанского собора в Петербурге, вероятный внебрачный сын Александра Сергеевича Строганова. Выделение долей домена в приданое и на продажу привели сюда Голицыных и Всеволожских, Шаховских и Лазаревых. Город становился собранием усадеб знати. Планировка стягивалась к старым палатам Строгановых; к пристани, которая служила продолжением крыльца палат; к соборной церкви с колокольней.

Эта последняя — фигура очень узнаваемая. Петербургский шпиль на ней соперничал с главою соликамской соборной колокольни. Так шпиль над зеркалом Невы, шпиль Петропавловки соперничал с главой Ивана Великого. Так и в самой Москве соперничал с Иваном шпиль Меншиковой башни — сего манифеста новой столичности, петровской Яузы и будущего Петербурга. Так же «шпилястая» базилика Петра и Павла Ярославской Большой мануфактуры делила Ярославль на два — «Москву» и «Петербург».

Старые панорамы Усолья являют малый «Петербург» на Каме: корабли на скользком зеркале большой воды, фронтальная застройка с дворцом в общей строке и шпиль соборной церкви.

Соперничество с Соликамском было, видимо, осознано, причём обоими участниками спора: спустя сто лет башня на бывшем воеводстве получила шпиль, а колокольня Строгановых — главку. Предшествовал размену пожар усольской колокольни, напоминающий пожар московской Меншиковой башни. Соликамск восстановил господство в воздухе. Правда, не по-московски: не удовлетворившись молнией на шпиль, взял шпиль себе.

Усолье, частный город, стал лучшим знаком Петербурга, чем губернская столица, потому что обладает знаками, фигурами архетипическими.

6. ТРИАДА

Итак, триада Чердынь — Соликамск — Усолье воплощает русскую столичную триаду. Проятся вопросы.

Первый: насколько это уникально. И если уникально, то почему здесь.

Вывести формулу легче, чем объяснить её. Так математика расчислила законы мира, не объясняя их. Времена года, суток, жизни человека равно поддаются счёту на четыре, но знать бы почему. Что-то от хода солнца.

Второй вопрос: знак Киева возник в московскую эпоху. Нет ли натяжки в построении?

По-видимому, Киев здесь — идея Киева; архетипическая первая столица. Место становления, прихода власти; просвещения «туземцев» светом веры; сопротивления врагам «непросвещённым».

Новая сложность: столичная триада обнаруживается на Каме ещё, по крайней мере, дважды, на другом масштабе. Первый раз — в круге этнической Перми. Второй — в домене Строгановых.

7. ЭТНИЧЕСКОЕ

Путешествие этнической столичности реконструируется приблизительно, как всякая вне-летописная история. Предшественницу Чердыни видят то в Пянтеге на Каме, западнее города, в селе с древнейшим деревянным храмом края; то севернее города, выше по Колве, в селе Покча, где ищут княжескую резиденцию — фокус борьбы местной династии с посланцами Ивана III.

Так Чердынь, первая в большой триаде, делается третьей в малой, этнической. Но как этническая, пермская столичность не обязательно воспроизводит архетипы русской. Её история темна и автономна, совпадая с русским счётом лишь в конце.

8. СТРОГАНОВСКАЯ СТОЛИЧНОСТЬ

Другое дело — строгановская столичность. Её движение есть опыт русский. Опыт освоения владельческого, квазигосударственного мира, графства и баронства.

Как и региональная столичность, строгановская пришла на Каму через Вычегду, из Старой зырянской Перми. Из Соли Вычегодской — первого владельческого замка Строгановых.

На Каме хозяин Вычегды Аника Фёдорович Строганов сперва поставил ногу в устье речки Пыскорки, в 1558 году. Городок назвали пермским словом Камкор, но со време-

нем возобладает имя Пыскор, тоже пермское. Спустя двенадцать лет владельцы отдали Камкор своему семейному монастырю, занявшему городское место на горе. Преображенский монастырь в домене Строгановых оказался тем, чем был в Перми Великой чердынский миссионерский монастырь во имя Иоанна Богослова. Он проповедовал в новой, прибавленной земле. Доныне сохранились городище и XVII века монастырский храм на нём.

В Пыскоре подвизался святой, слывающий Вятским, но в сущности Вятский и Пермский — преподобный Трифон, современник Ермака и Аникеевичей Строгановых. Житие передаёт истории его конфликтов с поселенцами, с пыскорской братией и с братьями-владельцами. Трифон ушёл от них на Вятку, связав два смежных края.

Уступка Пыскора монастырю значила переход частной столицы. Аникеевичи перешли в Орёл, на левый берег Камы с правого. Орёл-городок стал отправным для Ермака, упором для его продвижения за Урал. Со временем Орёл будет подтоплен поменявшей русло Камой и перейдёт на правый берег, где сохранился как село. В село из городка перенесут несколько алтарей и освятят их в церкви 1735 года, с главным посвящением Похвале Богородицы. Сложное внутреннее устройство и притязательный барочный интерьер Похвальской церкви суть сжатое воспоминание былой столичности Орла. При этом статус соборной церкви строгановских земель ушёл в Усолье, к Спасо-Преображенскому собору.

Усолье в строгановском круге есть новый Орёл, а тот, конечно, — строгановская «Москва». В малой доменной триаде Усолье остаётся «Петербургом», как и в большой триаде пермской. И значит, Пыскор — строгановский малый «Киев», город первой власти, город-просветитель. Как и Чердынь в большой триаде, строгановский «Киев» возведён в московскую эпоху.

БАБОЧКА УРАЛА

Этими постройками завершалась экспедиция 2009 года. Ими же начинались следующие экспедиции, уже не институтские. Шёл поиск столичной триады по ту сторону гор. Он строился как поиск антиподов, отражений камских городов от зеркала Урала, на засечках широтных дорог. Почти чертёжный метод.

Для Чердыни это несохранившийся Лозьвинский городок — первая крепость царства за Уралом, на другом плече Вишерской дороги.

Для Соликамска — Верхотурье, воеводство на плече Бабиновской дороги, город с каменным кремлём на каменной скале.

Для Перми губернской — Екатеринбург, столица горнозаводского округа на нижнем тракте.

Между Верхотурьем и Екатеринбургом, как на Каме между Соликамском и губернской Пермью, помещается частный домен. Земля Демидовых — железных антиподов Строгановых. (Широтная ось обоих доменов — путь Ермака с Чусовой на Тагил.) Невьянск с его наклонной башней, барочной причудой петровского манера, кланяется Усолью, как барочный человек Акинфий Демидов — барочным братьям Строгановым.

Невьянск есть лучший образ Петербурга, чем Екатеринбург, подобно как Усолье образней Перми.

В круге демидовских заводов, как в круге строгановских варниц, бродит и ведёт свой счёт приватная столичность. Чудак Прокофий, старший сын Акинфия, продал Невьянск; новой столицей сделался Нижний Тагил младшего сына, Никиты. Однако приключения демидовской столицы целиком помещены в эпоху Петербурга. Правосторонний Урал (Зауралье) всё-таки исторически и культурно моложе левостороннего (Предуралья).

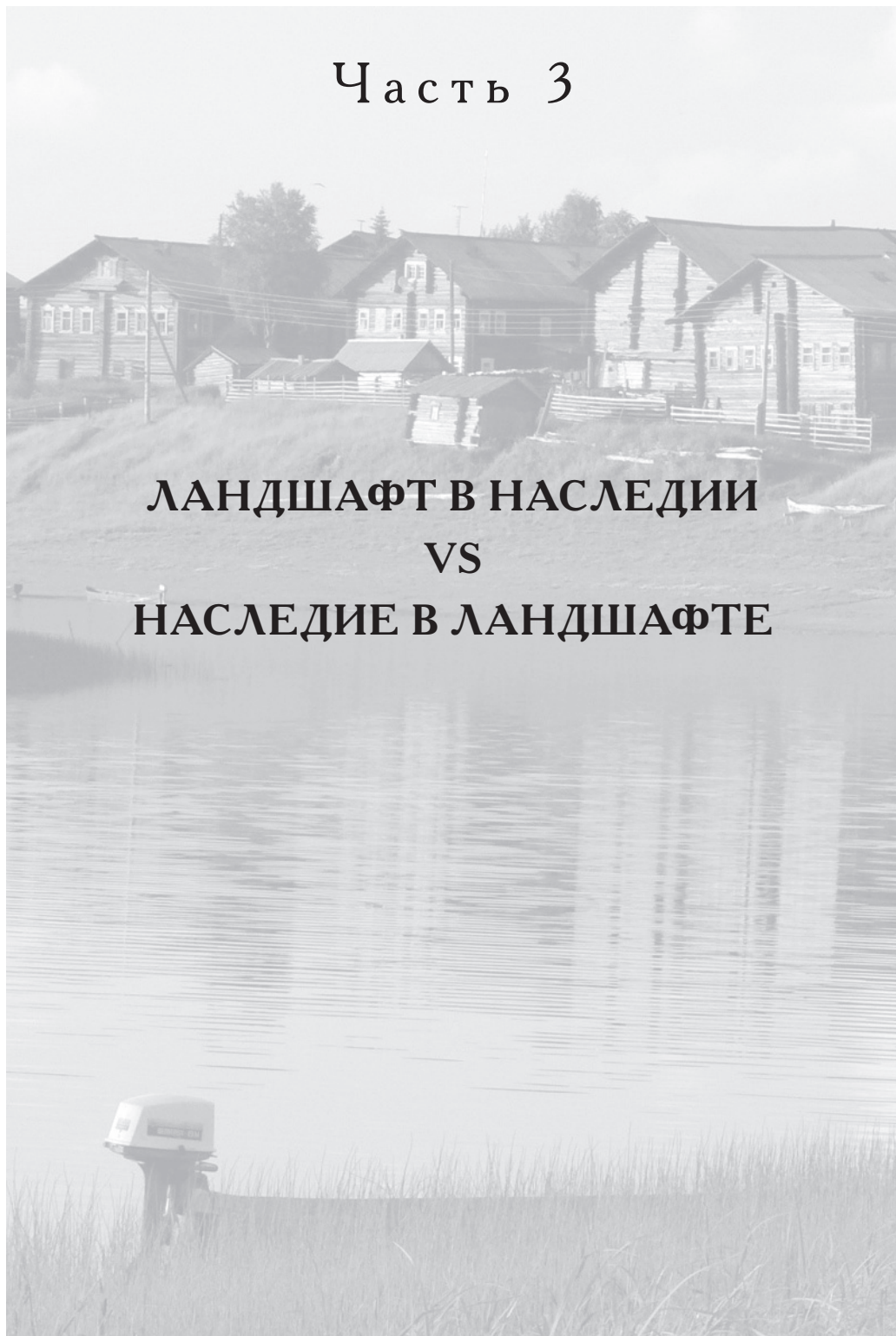
Соликамскому узорочью за зеркалом ответило барокко Верхотурья. (Причём барокко отчасти строгановское: главы кремлёвского собора поставлены по сторонам света, как в Усолье.) Посвящение собора повторяет соликамское.

Чердынскому Ныробу — селу над ямой Михаила Никитича Романова, сосланного Годуновым на смерть, — отвечают Алапаевск и другие шахты последних Романовых. Их гибель освящает шахты, преодолевая горное язычество, известное благодаря Бажову. Язычество «хождения в гору» как нисхождение.

Урал подобен бабочке с тельцем-хребтом и глазками на крыльях — городами...

Часть 3

ЛАНДШАФТ В НАСЛЕДИИ VS НАСЛЕДИЕ В ЛАНДШАФТЕ

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

Культурный ландшафт — одно из ключевых понятий географической науки. В самом общем смысле, при всех различиях в употреблении этого термина, усугублённых тем обстоятельством, что он используется не только в географии, но и в ряде других наук (истории, этнологии, археологии) и междисциплинарных научных направлений (этноэкологии, геоэкологии и др.), под ним традиционно понимался, так или иначе, географический ландшафт, освоенный людьми и преобразованный в результате их деятельности. Употребление термина «культурный ландшафт» в научной литературе фиксируется с начала XX века, появился он в развитие понятия «ландшафт», имеющего очень давнюю и «славную» историю: в оборот классической науки он введён великим немецким ученым-энциклопедистом Александром фон Гумбольдтом в его знаменитом труде «Картины природы» (Humboldt, 1808). До начала XX века ландшафт понимался как системное целое, включая в себя как природные, так и культурные феномены; именно так он трактовался, в частности, в классической антропогеографии (Стрелецкий, 2009). У учёных-географов не возникало мотиваций к дифференциации понятий, к делению ландшафтов на природные и культурные. Но в XX веке представление о культурном ландшафте оказалось востребованным в научном описании мира, и уже на исходе первой четверти прошлого столетия возникают крупные научные школы и направления, в рамках которых феномен культурного ландшафта становится ключевым объектом исследования.

Родоначальником термина «культурный ландшафт» (нем. Kulturlandschaft) считают немецкого географа Отто Шлютера (1872—1959), введшего его в научный дискурс в начале XX века и противопоставившего его естественному, первозданному ландшафту (нем. Urlandschaft). Шлютер трактовал культурный ландшафт как материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека, которому и отводил ключевую роль в его (культурного ландшафта) генезисе (Schlüter, 1920, S. 213—214). Впоследствии, уже после Второй мировой войны, данная антропоцентрическая установка в работах немецких социо- и культур-географов была значительно усилена: основное внимание стало уделяться изучению тех элементов культурного

ландшафта, которые непосредственно отражали особенности и специфику деятельности социальных групп, конкретных территориальных общностей людей, как правило, в пределах локальных, очень небольших пространств — местностей (Ortlichkeit).

Последующая эволюция концепции культурного ландшафта в *немецкой географии* имела целый ряд особенностей; можно выделить несколько научных традиций, обусловивших специфику теоретических представлений о культурном ландшафте именно среди немецких учёных (Стрелецкий, 2003). Во-первых, это получившая большое распространение именно в Германии традиция трактовки географии как ландшафтоведения вообще (Landschaftskunde). Многие немецкие географы — в их числе И. Виммер, О. Шлютер, Л. Вайбель, Х. Лаутензак, Й. Шмиттхюзен, Э. Банзе и др. — считали понятие «ландшафт» ключевым для географии и полагали, что именно распространение ландшафтов по земной поверхности является главным объектом изучения географической науки; ряд из них вообще не видел принципиальной разницы между географией (Geographie), общим землеведением (Erdkunde) и ландшафтоведением (Landschaftskunde). Поэтому отнюдь не удивительно, что сам термин «культурный ландшафт» появился именно в Германии и лишь позднее был заимствован из немецкой географии другими национальными школами.

Вторая важнейшая научная традиция, повлиявшая на формирование представлений о культурном ландшафте в немецкой географии, — хорологическая. Строго говоря, эта традиция даже более давняя, чем ландшафтная, и восходит к идеям Иммануила Канта (1724—1804), ещё в конце XVIII в. обосновавшего принципиальные различия между науками сущностными, хронологическими и хорологическими; к числу последних и была отнесена (физическая) география, преподававшаяся им в Кёнигсбергском университете (Kant, 1802). Поскольку решающий вклад и в дальнейшую разработку хорологической концепции был внесён в первую очередь немецкими учёными — прежде всего Карлом Риттером (1779—1859) (Риттер, 1864) и его многочисленными последователями, а затем Альфредом Геттнером (1859—1941) (Геттнер, 1930), вполне закономерно, что в Германии представление о географии как о науке, призванной изучать земную поверхность во всём многообразии её пространственных различий, закрепилось наиболее прочно и стало разделяться подавляющим большинством исследователей. Данное обстоятельство в огромной степени предопределило своеобразие работ немецких авторов по культурному ландшафту, в которых, как правило, чётко прослеживается хорологический метод исследования; очень характерно тщательное, педантичное прописывание мельчайших пространственных различий. Именно в Германии (ещё учениками О. Шлютера) были выполнены пионерные работы по культурно-ландшафтному районированию, в том числе на микрогеографическом уровне.

В-третьих, одной из важнейших (с точки зрения её влияния на становление национальной школы культурно-ландшафтных исследований), является великая традиция классической немецкой антропогеографии. Здесь в первую очередь следует назвать антропогеографическую школу Ф. Ратцеля (1844—1904), в фокусе внимания которого находились не только вопросы влияния природных факторов на историю разных народов, но и подробно описывалось распространение локальных и региональных комплексов культуры по Земному шару, равно как и роль исторических контактов в формировании

культуры народов — в неразрывной связи с ландшафтными особенностями соответствующих территорий (Ratzel, 1882, 1891, Ратцель, 1902, 1903–1906).

В целом, пространственные взаимосвязи и сочетания, причинно-следственные отношения, взаимообусловленность явлений природы и социума рассматриваются в Германии как основание целостности ландшафта. Немецкая географическая наука и сложившееся в кругу германских учёных представление о ландшафте (с особым вниманием к его природному базису) оказали, в частности, огромное влияние на развитие культурно-ландшафтных исследований в России.

Во Франции истоки культурно-ландшафтных исследований следует искать в трудах учёных знаменитой национальной школы «географии человека» Поля Видоля де ля Блаша (1845–1918) и его последователей (Ж. Брюна, А. Деманжона, Л. Галлуа, П. Деффонтема и др.), хотя сам термин «культурный ландшафт» во Франции получил распространение значительно позже, чем в Германии и в США. Именно в трудах представителей этой замечательной плеяды французских географов оформились научные представления о национальном пейзаже / ландшафте (Vidal de la Blache, 1922 и др.). П. Видодем де ла Блашем были сформулированы важнейшие принципы географического POSSИБИЛИЗМА, на несколько десятилетий ставшего методологической основой развития не только французской, но всей западной географии.

Кроме того, исключительно сильной стороной французских антропогеографов всегда был геоисторический синтез, особо тесная «смычка» между историей и географией. Последовательно историко-географический подход к ландшафту ещё в начале XX века выгодно отличал французских учёных от представителей многих других европейских и мировых научных школ. Ведущие французские историки первой половины XX века, представители знаменитой школы «Анналов» — Марк Блок (1886–1944) и Люсьен Февр (1878–1956) были также широко вовлечены в региональные и географические исследования. Они уделяли в своих работах немалое внимание ландшафтам (преимущественно сельским) и феномену ландшафтного разнообразия в тесной связи с историко-культурными процессами и явлениями.

Со второй половины 1920-х годов предмет исследований французских антропогеографов расширяется, культурный ландшафт наполняется гуманистическим содержанием, в него включаются социальные категории, такие как образ жизни и среда обитания человека. И в последующем, на протяжении всего XX века, характерной особенностью французской национальной школы было приоритетное внимание к исследованию духовных, нематериальных процессов в формировании ландшафта.

Тем не менее, первая крупная научная школа исследователей культурного ландшафта, получившая мировое признание, возникла не в Германии и не во Франции, но в США в 1920-е годы. Это была научная школа, созданная на базе университета в Беркли (Калифорния), которую возглавил Карл Зауэр (1889–1975). В 1925 г. была опубликована его работа «Морфология ландшафта» (Sauer, 1925), ставшая своего рода программным манифестом культурно-ландшафтного направления не только в американской, но и в мировой географической науке. Зауэровская концепция культурного ландшафта имеет в значительной степени немецкие корни (а сам К. Зауэр был выходцем из семьи немецких иммигрантов), причём научные разработки немецкой школы, О. Шлютера

и его последователей, а также французских антропогеографов оказали большое влияние на формирование его концепции культурного ландшафта. По К. Зауэру, культурный ландшафт — это территория, которую в течение определённого исторического периода населяла группа людей — носителей специфических культурных ценностей; эта территория отличается характерной взаимосвязью природных и культурных форм. Культура интерпретируется американским учёным как активное начало во взаимодействии с природной средой, природный ареал как посредник («фон») человеческой деятельности, а культурный ландшафт как результат их контакта.

Традиция Берклийской школы оказалась настолько мощной, что зауэровский подход определял характер культурно-ландшафтных исследований (а вместе с таковыми и мейнстрим американской Cultural Geography) на протяжении нескольких десятилетий XX века; большую популярность идеи К. Зауэра получили ещё до Второй мировой войны и в континентальной Европе. Квинтэссенция данного подхода — антропоцентризм и пришедший на смену географическому детерминизму и энвайронментализму культурный детерминизм: культура трактуется как важнейшая движущая сила, формирующая «морфологию» (в зауэровском смысле) земной поверхности. Соответственно, внимание исследователя концентрируется на привнесённом в природный ландшафт рукотворном начале, делается акцент на изучении «внешнего» облика ландшафта, факторов и конкретных, «осязаемых» результатов его трансформации (систем землепользования, форм поселений, архитектурных объектов, коммуникаций и др.) (Salter, 1971; Jordan, Rowntree, 1982).

Вместе с тем, научные разработки зауэровской школы на протяжении всего XX века подвергались резкой критике со стороны многих авторитетных географов, причём ещё задолго до начала так называемого гуманистического и феноменологического поворота в мировой географической науке в последней четверти прошлого столетия. Так, ещё в конце 1930-х годов против исследовательской методологии Берклийской школы и её понятийно-терминологического аппарата резко выступил один из ведущих американских географов Ричард Хартшорн (1899—1992). Его главной мишенью стал ключевой постулат теоретических разработок К. Зауэра — акцент на «территориальную морфологию» культурного ландшафта, трактовка последнего как пространственного ареала. Подчёркивая свою приверженность хорологическим идеям, Р. Хартшорн вместе с тем считал географию наукой чисто идеографической, призванной описывать множество районов (местностей), каждый из которых — сугубо индивидуален и неповторим, будучи при этом чисто ментальным конструктом (Hartshorne, 1939, p. 253). В этой связи, отмечал Р. Хартшорн, «ландшафт» К. Зауэра («landscape») неотличим от «района / региона» («region»), поэтому исследовательская методология «берклийцев» не имеет, по его мнению, научной перспективы. Позднее, в 1950—1960-е годы, в период публикационного пика культурно-ландшафтных работ зауэровской школы, их много критиковали за излишний сциентизм, позитивизм, культурный детерминизм.

Во второй половине XX века концепт культурного ландшафта в мировой географической науке претерпевает огромную трансформацию. Начиная примерно с рубежа 1960—1970-х годов в западной географии происходит пересмотр многих устоявшихся традиций, меняются подходы к постановке и решению фундаментальных теоретико-методологических проблем, претерпевают существенные изменения принципы и философские основания, на которых строилось «здание» прежней географии (Стрелецкий, 2002).

Появляется даже броский термин — «философская революция в географии» (Johnston, 1983) — по аналогии с прогремевшей в ней в 1950–1960-е годы «количественной революцией». Многие корифеи западной географии — Д. Смит, П. Хаггет, Д. Харви — отходят от принципов сциентизма и позитивистской философии, или, по крайней мере, от того образа позитивистской философии, который сложился в головах ведущих представителей школы «пространственного анализа»¹. Важным следствием этих сдвигов стали общая гуманитаризация географических знаний и разворот географической науки в сторону социальной и антропокультурной проблематики.

Переосмысление концепта культурного ландшафта в разных национальных школах имело свои особенности. В англосаксонской и особенно в американской географии широкое распространение получили образно-символические трактовки культурного ландшафта (Lowenthal, 1972, 1975; Cosgrove, 1988), гуманитарно-географические интерпретации среды обитания (в том числе и городской) как «места человека» (Yi-Fu Tuan, 1974 и др.), феноменологический подход как способ работы с выявляемыми сознанием смысловыми значениями наблюдаемых в культурном ландшафте артефактов (Relph, 1981; Daniels, 1993; Mitchell, 2002).

С другой стороны, в современной американской культурной географии нашла своё отражение также давно укоренившаяся и восходящая ещё к Р. Хартшорну традиция отождествления понятий «район» и «ландшафт», в связи с чем культурные ландшафты зачастую фактически интерпретируются как культурные районы. Важный толчок подобной реконцептуализации дало выдвигание на первый план проблематики так называемых *вернакулярных районов* — т.е. районов, выделяемых самими жителями данной территории (иногда их называют также «обыденными районами»). Вернакулярные районы (от английского слова *vernacular* — местный, свойственный той или иной местности; родной; туземный; народный) существуют в самосознании местного населения; они редко совпадают в своих границах с районами — единицами административно-территориального деления, но всегда имеют самоназвание и воспринимаются местными жителями как культурная территориальная целостность (Павлюк, 2009 и др.). Наиболее крупные работы американских географов по выявлению и описанию вернакулярных районов были выполнены в 1960–1970-е годы, причём в 1971 г. в диссертации Р. Хейл была представлена даже их интегральная сетка в пределах США, покрывшая около 2/3 территории страны (Hale, 1971).

В конце XX века «коллекторский» и исследовательский интерес к вернакулярным районам в западной, в том числе американской, географии снизился; по подсчётам американских географов, уже с начала 1990-х годов существенно сократилось и число посвящённых им публикаций. Одновременно изменилась и сама трактовка вернакулярных районов, которые всё более стали ассоциироваться с запечатлённым в сознании местных жителей обликом местностей, наделённых специфическими географическими и культурными особенностями. Соответственно, с конца XX века термин «вернакулярный район» стал всё более вытесняться понятием «вернакулярный ландшафт» (*vernacular landscape*), обращённым как к социогуманитарному дискурсу локальной идентичности, так и к возрождаемым традициям

¹ Показательна в этом отношении эволюция взглядов Д. Харви — одного из лидеров школы «пространственного анализа» в так называемой «новой» географии 1960–1970-х годов, автора фундаментальной монографии «Explanation in geography» (1969, рус. пер. 1974 г.). Книга же, написанная тем же автором двадцать лет спустя (Harvey, 1989), стала своего рода манифестом постмодернизма в социальных науках.

зауэровской школы. Одним из первых учёных, ставших употреблять термин «вернакулярный ландшафт», был классик американской культурной географии Вильбур Зелински (1921–2013), любимый ученик Карла Зауэра (Zelinsky, 1980). Вернакулярные ландшафты — плоть от плоти народной культуры, при этом культуры массовой; они существуют не в умах исследователей, а внутри социума, воспринимаются и осознаются самими жителями, причём осознаются на уровне именно территориальной общности людей (Jackson, 1984).

В немецкоязычной науке в период после Второй мировой войны на первый план в изучении культурных ландшафтов выдвинулась западногерманская культурная география (Kulturgeographie), ставшая в ФРГ позиционировать себя в роли своего рода наследницы классической антропогеографии (Wirth, 1969; Wöhlke, 1969, Egli, 1975). Вместе с тем, в послевоенный период изучению процессов формирования культурных ландшафтов стало уделяться огромное внимание и в немецкой социальной географии (Sozialgeographie). Разворот последней в сторону культурно-ландшафтной проблематики связан, прежде всего, с именем австрийского и немецкого географа Ханса Бобека (1903–1990), в работах которого изложены важнейшие принципы и методологические установки «обновлённой» социальной географии. По Х. Бобеку, одна из трёх главных задач социальной географии состоит в выявлении «социальных сил», формирующих ландшафты Земли, и конкретных результатов их воздействия, материализованных в культурных ландшафтах (Bobek, 1948, S. 120; Bobek, Schmitthüsen, 1949, S. 112–113).

Первостепенное значение культурно-ландшафтные исследования приобрели в работах представителей так называемой «мюнхенской школы» социальной географии (Hartke, 1956, 1959; Ruppert, 1959; Ruppert, Schaffer, 1969; König, 1969), в которых особое внимание стало уделяться методикам дефиниции, демаркации и типологии социальных групп — «творцов» культурного ландшафта. Социальные, или — в терминологии некоторых представителей мюнхенской школы — социально-географические группы — охватывают совокупности индивидов, отличающиеся однотипным поведением в пределах конкретного географического контура и ландшафтного комплекса (Leng, 1973). В 1960–1970-е годы западногерманскими социогеографами были предложены и многие индикаторы диагностики и оценки деятельности территориальных сообществ людей в социальном пространстве и её проявлений в культурном ландшафте.

В период послевоенного раскола страны углубились (отчасти существовавшие и в предыдущие десятилетия) различия в характере и тенденциях развития культурно-ландшафтных исследований в Западной и Восточной Германии. Если в ГДР ландшафтоведение всё более ориентировалось на естественнонаучные образцы, то в Западной Германии, особенно с рубежа 1970-х — 1980-х годов, происходит (со сравнительно небольшим временным лагом) переосмысление концепта культурного ландшафта по сценарию, в целом схожему с той трансформацией, которая отмечалась и в странах англосаксонской культурной традиции. После объединения ФРГ и ГДР эти различия отнюдь не исчезли, хотя значительный приток в восточногерманские университеты коллег-географов, профессоров из западных земель несколько их сгладил.

Из крупных национальных культурно-ландшафтных школ преемственность по отношению к «классическому» наследию в наибольшей мере сохранила французская. Не случайно современную французскую культурную географию отличает особо бережное отноше-

ние к традициям как школы П. Видаля де ла Блаша (своей прямой «прародительницы»), так и смежной, исторической школы «Анналов», представители которых с разных сторон успешно продвигали теоретические идеи, да и саму научную практику геоисторического и культурно-ландшафтного синтеза. Именно в этих традициях, с глубоким вниманием к вопросам культурно-ландшафтного разнообразия, в конце XX века патриархом французской географии Ж.-Р. Питтом были написаны такой капитальный труд, как «История французского ландшафта» (Pitte, 1994), а также совсем недавно переведённая на русский язык замечательная страноведческая книга (Питт, 2010). Вместе с тем — и в этом можно видеть определённый парадокс — теоретические представления французских географов о культурном ландшафте испытали мощное «облучение» со стороны современной социально-культурной антропологии, гештальт-психологии, а также постмодернистской философии, причём в огромной степени — со стороны «своих», французских мыслителей. Так, большое влияние на развитие французской культурно-ландшафтной школы второй половины XX — начала XXI в. оказали труды М. Фуко (1926—1984) и постструктуралистов, в т.ч. Ж. Делёза (1925—1995) и Ж. Деррида (1930—2004); постструктурализм задал идейные рамки трактовки ландшафта как «социального конструкта» (Lefebvre, 1974), разделяемой многими современными французскими культур-географами. Как отмечал в своё время М. Фуко (Foucault, 1980), именно систематизация пространственных представлений, способов «территориализации мысли», пространственной самоидентификации людей маркируют общее для современной философии и теории географической науки «проблемное поле». Ж. Делёз и его коллега, соавтор многих книг, Ф. Гваттари (1930—1992) в центр своей концепции так называемой геофилософии (или философии пространства) поставили вопросы пространственной организации ментальной деятельности, её отношения к территории, месту и ландшафту (Делёз, Гваттари, 1998). Культур-ландшафтоведение во Франции, подчёркивает ведущий современный французский культур-географ Поль Клаваль, в 1990—2000-е гг. в полной мере испытало на себе влияние новых теоретических подходов, фокусирующих внимание на феномене «ментальных пространств» (Claval, 2003).

В России понятие о культурных ландшафтах впервые появляется ещё в работах Л. С. Берга (Берг, 1915), одного из основателей отечественного ландшафтоведения, последователя и ученика В. В. Докучаева. Сам В. В. Докучаев (1846—1903), основоположник учения о зонах природы (естественно-исторических зонах), основатель отечественного почвоведения и ландшафтоведения, этот термин ещё не употреблял, но человека и его культуру как ландшафтообразующий фактор в полной мере учитывал. В. П. Семёнов Тянь-Шанский (1870—1942), современником которого был Л. С. Берг (1876—1950), избегая немецкоязычного «ландшафт», тем не менее, предлагает в 1928 г. типологию ландшафтов по степени их освоения, называя их франкоязычным синонимом «пейзаж», и выделяя наряду с девственными, дичающими и прочими пейзажами также и культурные пейзажи (Семёнов-Тянь-Шанский, 1928).

Однако уже к концу 1920-х годов богатейшие традиции дореволюционной русской антропогеографии начинают постепенно утрачиваться и вскоре фактически предаются забвению. С 1930-х годов наблюдается интенсивная политизация наук, особенно общественно-гуманитарного профиля, жёстко контролируются научные исследования с социо-культурной проблематикой. Отечественное ландшафтоведение надолго уходит из антропокультурного дискурса,

избран в качестве ключевого термина понятие природного ландшафта и весьма преуспев в его исследовании и картографировании (Н.А. Гвоздецкий, Н.А. Солнцев, А.Г. Исаченко). В послевоенные годы появился термин «антропогенный ландшафт», который концептуально был разработан Ф.Н. Мильковым (Мильков, 1973). Термин обозначал географический ландшафт, сформировавшийся под решающим воздействием человеческой деятельности. Культурный же ландшафт многими советскими физико-географами также рассматривался в безоценочном смысле как овеществлённый результат преобразования человеком природного ландшафта и как таковой фактически отождествлялся с антропогенным ландшафтом; при такой трактовке культурный ландшафт противопоставляется ландшафту природному, в формировании которого ключевую роль играют естественные физико-географические факторы, а роль антропогенных факторов незначительна.

В противовес этой точке зрения, уже в позднесоветскую эпоху появилась также трактовка культурного ландшафта в оценочном смысле (Ф.Н. Мильков, А.Г. Исаченко, Д.Л. Арманд, И.М. Забелин, и др.) как одной из разновидностей антропогенного ландшафта («хороший», «облагороженный», гармоничный антропогенный ландшафт). При оценочном подходе культурный ландшафт — это антропогенный ландшафт, созданный целенаправленно и устроенный целесообразно, отличающийся высоким бонитетом. Характерные черты культурного ландшафта, по А.Г. Исаченко (Исаченко, 1980), — рациональное земле- и природопользование, высокие эстетические и функциональные качества, наличие ценных элементов природного и культурного наследия. Культурный ландшафт в таком оценочном смысле противопоставлялся так называемым акультурным (термин Ф.Н. Милькова) антропогенным ландшафтам, деградирующим под деструктивным влиянием человеческой деятельности в результате нерационального, неумелого ведения хозяйства. Однако, при всех нюансах разных трактовок, отечественные физико-географы включали в понятие «культурный ландшафт» его природную, изменённую человеком, первооснову и искусственные сооружения — объекты материальной культуры. Схожей позиции придерживались и некоторые советские экономико- и историко-географы (Саушкин, 1946; Кабо, 1947). Особое место занимала этно-ландшафтная концепция Л.Н. Гумилёва (1912—1992), употреблявшего преимущественно понятия «кормящий ландшафт», «биогеоценоз», «вещающий ландшафт» (Гумилёв, 1989). Но Л.Н. Гумилёв с его смелыми этнографическими гипотезами был в советской этно- и географии далеко не в мейнстриме.

Только в конце 1980-х годов в нашей стране появились первые публикации о культурном ландшафте как производном творческих процессов, в частности искусства (Веденин, 1988; 1990; 1997б), что продолжило развитие идей, заложенных в начале XX века В.П. Семёновым Тянь-Шанским. Соответственно, в разнообразных интерпретациях культурного ландшафта отечественными географами появились принципиально новые акценты, что означало их заметный «разворот» в сторону собственно Человека и Культуры (Стрелецкий, 2008). Под культурными ландшафтами стали пониматься целостные культурно-природные территориальные комплексы, в которых природа и культура в процессе их взаимодействия, или творчества, образовали и продолжают являть некие характерные, визуально считываемые, вербально и картографически фиксируемые, регистрируемые в ощущениях сочетания. От девственного ландшафта до индустриального — великое множество вариаций. В зависимости от типа ландшафта и его состояния ведущими ландшафтообразующими процессами могут

быть как природные, так и культурные. Духовная культура, знания, традиции, технологии — этнические, конфессиональные, классово-кастовые, профессионально-корпоративные — вносят свою лепту в формирование культурных ландшафтов так же, как и природные процессы (Культурный..., 2004, Сельские..., 2013, и др.). Какова роль того или иного природного или культурного компонента, либо процесса, какова формула, принцип описания, управления или сохранения территориального комплекса — зависит от объективно заданной реальности конкретного территориального комплекса и от исследователя или исследовательской школы.

С последнего десятилетия XX века понятие «культурный ландшафт» стало в России разрабатываться и с фокусировкой на реализацию практических, прикладных задач, в связи с включением его в 1992 г. в руководящие документы ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии, а с начала XXI века также и с введением его в федеральное законодательство России. В документах ЮНЕСКО дано наиболее непротиворечивое определение культурного ландшафта как результата совместной работы, сотворчества человека и природы, а затем приводятся дополнительные пояснения, в которых в нескольких абзацах отразилась вся история формирования научного концепта, приведшая к мировому признанию феномена культурного ландшафта в ряду объектов культурного наследия (Operational Guidelines..., 2008). Первыми культурными ландшафтами Списка Всемирного наследия стали австралийские номинанты, это были этнокультурные ландшафты. Впоследствии стали выделяться дворцово-парковые, сельские и сельскохозяйственные, археологические, индустриальные, сакральные ландшафты (Кулешова, 2007). Культурно-ландшафтный сегмент наследия оказывает заметное влияние на формирование Списка и отражает восприятие разными народами этого понятия. Например, Китай, представленный немалым числом культурно-ландшафтных объектов в Списке, стал употреблять этот термин применительно к своим номинациям только с 2009 г., видимо под влиянием международных экспертов. К сожалению, мы не располагаем сведениями о научных достижениях по развитию концепта культурного ландшафта в азиатских странах.

В отечественном законодательстве культурный ландшафт представлен как возможный объект культурного наследия (№ 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»), как одно из оснований создания особо охраняемых природных территорий (№ 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»), как повод для отнесения земель к категории особо ценных (Земельный кодекс РФ). Объектом культурного наследия культурный ландшафт признаётся путём придания ему статуса достопримечательного места при экспертном подтверждении его особой историко-культурной ценности. Основными организационными формами охраны культурных ландшафтов в России служат национальные парки, относящиеся к особо охраняемым природным территориям федерального уровня, и музеи-заповедники, относящиеся к учреждениям культуры (Культурный ландшафт..., 2004; Кулешова, Веденин, 2009). Другие категории особо охраняемых природных территорий в некоторых случаях также могут служить защитой для культурных ландшафтов. Кроме того, опосредованная охрана культурных ландшафтов осуществляется при создании зон охраны памятников культуры и ансамблей.

Современные российские исследования культурных ландшафтов можно подразделить на несколько направлений (см. подробнее: Рагулина, 2004; Стрелецкий, 2008;

Каганский, 2009), выделяемых по акцентированию роли тех или иных ландшафтных компонентов или по целеполаганию исследования.

Так, последователями классического физико-географического подхода к культурному ландшафту следует признать Г. А. Исаченко и В. А. Низовцева, в работах которых культурный ландшафт трактуется либо как целесообразно изменённый природный ландшафт, либо как синоним антропогенного ландшафта. Г. А. Исаченко (Исаченко, 1998) и В. А. Низовцев (Низовцев, 2007) поддерживают и развивают исследовательские традиции своих физико-географических университетских школ, соответственно Санкт-Петербургской и Московской. Основное внимание Г. А. Исаченко уделяет динамике, трансформации ландшафтов, выделяя их устойчивые местоположения и инварианты — состояния (Исаченко, 2017). Работы В. А. Низовцева особенно интересны своими ретроспективными ландшафтными исследованиями ценных исторических территорий. К гуманитарным аспектам раскрытия концепта культурного ландшафта ближе Б. Б. Родоман, введший в научную и проектную практику ряд новых категорий, в частности понятие поляризованного культурного ландшафта (Родоман, 2002 и др.).

В 1990-е годы получило развитие и стало весьма востребованным направление, называемое информационно-аксиологическим, а также ноосферным, в рамках которого культурный ландшафт, в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО о Всемирном наследии, рассматривается как феномен наследия, как источник информации, как результат сотворчества человека и природы (Веденин, 1990, 1997б; Кулешова, 2007б; Культурный..., 2004, Туровский, 1998; и др.). Направление развивалось, в значительной мере, на институциональной базе РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия), который с 1992 г. по 2013 г. возглавлял Ю. А. Веденин; оно оказало огромное влияние, в том числе, на саму «легитимацию» данного понятия. В рамках этого исследовательского направления было заложено основание информационной парадигмы ландшафта (Веденин, 2003), разработаны и внедрены понятия о его культурном каркасе (Веденин, 1997б), о природно-культурном каркасе (Кулешова, 2007а), о культурно-ландшафтном районировании (Веденин, 1997а, Туровский, 1998), о роли традиций и новаций в формировании культурного ландшафта. Широко внедрялся ландшафтный подход к охране иных типов наследия, большое внимание уделялось гармонизации отношений подлинности и целостности ландшафта (Веденин, 2012), разрабатывались типологии культурных ландшафтов и форматы структурного описания отдельных их типов для целей выявления предмета охраны, изучалось влияние концепта культурного ландшафта на формирование Списка всемирного наследия (Культурный ландшафт..., 2004, Кулешова, 2007б, 2012). При этом следует подчеркнуть, что Ю. А. Веденину удалось собрать в Институте Наследия уникальный коллектив исследователей, представлявших не какое-то одно единственное исследовательское направление, но целый спектр разных, в том числе социогуманитарных (и во многом друг друга взаимодополняющих).

В последние два десятилетия в России активно развивается этнокультурное (лингво-этнокультурное) направление культурно-ландшафтных исследований, в котором этносы рассматриваются как основные акторы в формировании ландшафтов и как ведущий

компонент культурного ландшафта (В. Н. Калуцков, М. В. Рагулина, А. А. Соколова, А. В. Лысенко, и др.). В культурное ландшафтоведение В. Н. Калуцковым введено понятие о топосах — структурных элементах ландшафта, выделены такие специфические характеристики культурного ландшафта как центрированность, полимасштабность, анизотропность (Калуцков, 2008).

Этнокультурная проблематика ландшафта обстоятельно рассматривается в фундаментальной монографии М. В. Рагулиной (Рагулина, 2004), в которой этнокультурный ландшафт осмысливается как органичный синтез территории, деятельности, образного восприятия и среды обитания. Вторая часть этой книги специально посвящена методам культурно-географического регионального синтеза и их апробации на конкретном сибирском материале; особенно большое внимание исследователь уделяет этноэкологическим факторам этнического природопользования, ритмике освоения этноландшафтов и пространственно-временной пульсации в жизнедеятельности кочевых культур, структурным особенностям этнокультурных ландшафтов некоторых сибирских народов (эвенков, тофаларов, бурят). Новая, недавно вышедшая книга того же автора ставит задачу интегрального культурно-ландшафтного синтеза в соразвитии человека, ландшафта и культуры, что предполагает, как пишет автор во введении к своей работе, формирование скоординированной теоретической модели, которая позволила бы инкорпорировать каждый конкретный подход, не упрощая его и не подгоняя под общую схему (Рагулина, 2015, с. 11–12).

Любой этнос семантически осваивает ландшафт, именуя его составляющие, особенности, процессы, тем самым создавая диалектные образы ландшафта, чему посвящены работы А. А. Соколовой (Соколова, 2007 и др.). Появились интересные научные работы, посвящённые сакральным ландшафтам (Теребихин, 1993; Мелютин, Теребихин, 2013), ледовым сезонным ландшафтам северных народов (Крупник, 2013). Особо следует сказать о развитии понятия «звуковой» ландшафт и роли звука в ландшафте в работах Е. Д. Андреевой и её коллег (Звук и отзвук, 2010); об этих аспектах культурного пейзажа в начале прошлого века писал ещё В. П. Семёнов-Тян-Шанский.

Этнокультурное понимание ландшафта во многом пересекается с образным/ перцептивным/ герменевтическим направлением, представленным работами Д. Н. Замятина, Н. Ю. Замятиной, И. И. Митина (Замятин, 2003; Митин, 2004; Замятин, Замятина, Митин, 2008), О. А. Лавреновой (Лавренова, 2010). Для него характерны междисциплинарность, привлечение гуманитарных областей знания. Большое внимание уделяется образам ландшафта и их интерпретации, концепту гения места, ландшафтной мифологии, ландшафтному палимпсесту. Практическим приложением этих изысканий является моделирование образов ландшафта и брендинг территорий, представление о которых разрабатывается активно Д. Н. Замятиным. В работах О. А. Лавреновой, успешно развивающей идеи Ю. А. Веденина, акцент делается на ландшафтообразующей роли искусства, а также исследуются семантика ландшафта и сакральные локусы ландшафта (Лавренова, 2010).

Исследования В. Л. Каганского (последний выделяет свои разработки в особое феноменологическое направление) выявляют некоторые закономерности формирования культурного ландшафта постсоветской России, им предложена матрица динамической статусности ландшафта в категориях: центр — провинция — периферия — граница (Каганский, 2001 и др.).

Перцептивное направление ландшафтных исследований, в свою очередь, непосредственно связано с эстетическим направлением, ведь эстетическое чувство — одна из граней восприятия окружающего мира и во многом определяет формирование культурного ландшафта. К данному направлению, на наш взгляд, можно отнести, в частности, некоторые труды Е. Ю. Колбовского (Колбовский, 2011), В. А. Николаева (Николаев, 2003), А. Г. Желамского (Желамский, 2008). Показательно, что все перечисленные авторы — физико-географы по своей основной специализации и опыту научных исследований; они работают в традициях классического ландшафтоведения, опираются в своих исследованиях на картографические репрезентации конкретных территориальных комплексов. Е. Ю. Колбовский широко использует компьютерные технологии, творчески развивая методы английской школы ландшафтных оценок (Колбовский, 2006). А. Г. Желамский, следуя примеру В. П. Семёнова-Тян-Шанского, предпочитает термин «пейзаж» в его взаимосвязи с русским этносом, сочетая категории красоты с пользой землеустройства и сосредоточившись на моделировании пластики рельефа. В. А. Николаев в 2003 г. опубликовал книгу об эстетике ландшафта, ставшую первым в России систематизированным научным изданием по этой тематике (Николаев, 2003).

Культурно-ландшафтные исследования и за рубежом, и в нашей стране имеют огромное практическое, прикладное значение. Проводимые (не только учёными-географами, но и представителями смежных дисциплин) научные исследования, многочисленные публикации подготавливают общественное мнение к признанию роли культурного ландшафта в формировании культурных идентичностей, историко-культурного пространства, среды жизни и творчества человека. Это признание намного раньше произошло в зарубежной науке и способствовало выделению категории «культурный ландшафт» в руководящих документах по применению Конвенции о Всемирном наследии в 1992 г., к появлению Европейской ландшафтной конвенции в 2000 г., к выделению категории «культурные пространства» в Конвенции о нематериальном наследии в 2003 г. и к проникновению культурно-ландшафтной парадигмы в природоохранные практики, в частности через выделение категории V особо охраняемых территорий МСОП — «охраняемые ландшафты» (Сельские..., 2013). Очень важно, что термин «культурный ландшафт» давно и успешно вошёл в научный дискурс; разнообразие его трактовок и определений, методическая наполненность концепта свидетельствуют о его востребованности практикой, как в сфере охраны наследия, так и в сфере территориального управления и регионального развития. С другой стороны, употребление понятия «культурный ландшафт» нередко становится общим местом, «фигурой речи», перифразом уже многократно задекларированного, что свидетельствует о необходимости более чёткого упорядочения научного знания в рамках концепта. Культурный ландшафт из объекта географического всё более становится объектом социокультурных исследований, в которых связь с его физико-географической первоосновой уходит на дальний план. Дальнейшее развитие представлений о культурном ландшафте будет зависеть, в том числе, и от способности общества учитывать заданные природой, историей, традицией, наукой и этикой возможности и тренды формирования и эволюции ландшафтной сферы Земли.

ЛИТЕРАТУРА

- Арманд Д. Л.* Наука о ландшафте. — М.: «Мысль», 1975. — 288 с.
- Берг Л. С.* Предмет и задачи географии // Изв. РГО, 1915. Т. 51. Вып. 9. — С. 463–475.
- Веденин Ю. А.* Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия геогр., 1988. № 1. — С. 17–24.
- Веденин Ю. А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Серия геогр., 1990. № 1. — С. 3–17.
- Веденин Ю. А.* Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. № 2. — М.: МК РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997а. — С. 3–99.
- Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. — СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997б. — 224 с.
- Веденин Ю. А.* Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия РАН. Серия географическая. № 3, 2003. — С. 7–13.
- Веденин Ю. А.* Изучение, сохранение и актуализация наследия как фактора устойчивого развития районов // Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. — С. 85–110.
- Гвоздецкий Н. А.* Основные проблемы физической географии. — М.: Высшая школа, 1979. — 222 с.
- Геттнер А.* География. Её история, сущность и методы. Пер. с нем. — Л.; М.: Госиздат, 1930. — 416 с. (*Hettner*, 1927).
- Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. — 495 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. — М.: Ин-т экспериментальной социологии — СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с. (*Deleuze, Guattari*, 1991).
- Желамский А. Г.* Русский пейзажный вектор. — Великие Луки: Издание музея пейзажного наследия «Окоём», 2008. — 213 с.
- Забелин И. М.* Теория физической географии. — М.: Географгиз, 1959. — 304 с.
- Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб: Алетейя, 2003. — 331 с.
- Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 750 с.
- Звук и отзвук / Ред. и сост. Е. Д. Андреева.* — М.: Институт Наследия, 2010. — 312 с.
- Исаченко А. Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. — М.: Высшая школа, 1991. — 366 с.
- Исаченко А. Г.* Оптимизация природной среды (географический аспект). — М.: Мысль, 1980. — 264 с.

Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. — СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. — 476 с.

Исаченко Г.А. Опыт интерпретации изменений культурного ландшафта с позиций динамического ландшафтоведения // Известия РАН, серия географическая. № 1, 2017. — С. 20–34.

Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии, 1947. № 5. — С. 5–32.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение, 2009. № 1. — С. 62–70.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. — М.: Новый Хронограф, 2008. — 320 с.

Колбовский Е.Ю. Ландшафтоведение: учебное пособие для студ. высш. учеб. завед. — М.: ИЦ «Академия», 2006. — 480 с.

Колбовский Е.Ю. Эстетическая оценка ландшафтов: проблемы методологии // Ярославский педагогический вестник, 2011. № 4. Т. III (Естественные науки). — С. 161–166.

Крупник И.И. Об изучении ледовых культурных ландшафтов // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост. и ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. — С. 18–23.

Кулешова М.Е. Наследие и природно-культурный каркас территорий // Известия Самарского научного центра РАН, 2007а. № 1. — С. 7–14.

Кулешова М.Е. Культурные ландшафты в списке объектов всемирного наследия // Известия РАН. Сер. геогр. 2007б. № 3. — С. 7–17.

Кулешова М.Е. Культурные ландшафты и перспективы расширения представительства России в Списке всемирного наследия // Известия Русского географического общества. Т. 144. № 5, 2012. — С. 71–80.

Кулешова М.Е., Веденин Ю.А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России // Право и культура. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — С. 361–390.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. — М.: Институт Наследия, 2010. — 330 с.

Лысенко А.В. Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования и тенденции развития. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д.г.н. Ставрополь, 2009. — 42 с.

Мелютина М.Н., Терехихин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. — Архангельск, 2013. — 203 с.

Мильков Ф.Н. Человек и ландшафт: очерки антропогенного ландшафтоведения. — М.: Мысль, 1973. — 224 с.

Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — Смоленск: Ойкумена, 2004. — 160 с.

Низовцев В. А. Об истории становления современного антропогенного ландшафтоведения // *Общая и прикладная ценология*, 2007. № 3. — С. 32–37.

Николаев В. А. Ландшафтоведение: Эстетика и дизайн ландшафта: Учебное пособие. — М.: Аспект-Пресс, 2003. — 176 с.

Павлюк С. Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 18. — М.; Смоленск: Ойкумена, 2009. — С. 46–56.

Питт Ж.-Р. Франция / Пер. с фр. — М.: Новый Хронограф, 2010. — 340 с. (Pitte, 2009 (1997)).

Рагулина М. В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: ИГ СО РАН, 2004. — 172 с.

Рагулина М. В. Культурный ландшафт: интегральный взгляд. — Ульяновск: Зебра, 2015. — 147 с.

Ратцель Ф. Народоведение / Пер. с нем. — СПб: Просвещение, 1902. Т. 1. — 764 с.; Т. 2. — 877 с. (Ratzel, 1885–1888).

Ратцель Ф. Земля и жизнь / Пер. с нем. Сравнительное земледование. — СПб: Изд-во Брокгауз-Ефрон. Т. 1. Вып.1–4, 1903–1905. — 737 с.; Т. 2, 1906. — 730 с. (Ratzel, 1901–1902).

Риттер К. Общее земледование. Лекции, чит. в Берлинском ун-те и изд. Г. А. Даниэлем. — М.: Изд-во М. и А. Глазуновых, 1864. — 188 с. (Ritter, 1862).

Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — 336 с.

Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // *Вопросы географии*, 1946. № 1. — С. 97–106.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М. Е. Кулешовой. — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. — 220 с.

Семёнов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. — М.; Л.: Госиздат, 1928. — 311 с.

Солнцев Н. А. Учение о ландшафте: Избранные труды. МГУ им. М. В. Ломоносова, Геогр. фак. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 383 с.

Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. — СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. — 392 с.

Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // *Известия РАН. Сер. геогр.*, 2002. № 4. — С. 18–28.

Стрелецкий В. Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // *Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования* / Отв. ред. В. Н. Калущков, Т. М. Красовская. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 42–54.

Стрелецкий В. Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // *Известия РАН. Сер. геогр.*, 2008. № 5. — С. 21–33.

Стрелецкий В.Н. От антропогеографии к культурной географии: преемственность в развитии и новые исследовательские направления // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие / Отв. ред. Т.М. Красовская. — М.: Изд-во во Моск. ун-та, 2009. — С. 23–29.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993. — 223 с.

Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.

Bobek H. Die Stellung und Bedeutung der Sozialgeographie // Erdkunde, 1948. Bd. 2. — S. 118–125.

Bobek H. Schmithüsen J. Der Landschaftsbegriff im logischen System der Geographie // Erdkunde, 1949. Bd. 3. — S. 112–120.

Claval P. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. — Paris: Armand Collins, 2003. — 288 p.

Cosgrove D.E. Social formation and symbolic landscape. — Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1988. — 293 p.

Daniels S. Fields of vision: landscape imagery and national identity in England and United States. — Cambridge: Polity Press, 1993. — 260 p.

Egli E. Mensch und Landschaft. Kulturgeographische Aufsätze und Reden. Zürich — München: Artemis Verlag, 1975. — 376 S.

Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of “Herodote” // Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / Ed. by C. Gordon, 1972–1977. — Brighton: Harvester, 1980. — P. 63–77.

Hale R. A Map of Vernacular Regions in America. Unpublished doctoral dissertation. — Minneapolis: Univ. of Minneapolis, 1971.

Hartke W. Die “Sozialbrache” als Phänomen der geographischen Differenzierung der Landschaft // Erdkunde, 1956. Jg. 10. Heft 4. — S. 257–269.

Hartke W. Gedanken über die Bestimmung von Räumen gleichen sozial-geographischen Verhaltens // Erdkunde, 1959. Jg. 13. Heft 4. — S. 426–436.

Hartshorne R. The Nature of Geography: A Critical Survey of Current Thought in the Light of the Past // Annals of Association of American Geographers. Vol. 29, 1939. — P. 171–645.

Harvey D. The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. — Oxford and Cambridge (Mass.): Basil Blackwell, 1989. — 369 p.

Humboldt A. von. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen. Bd 1. Über die Steppen und Wüsten. Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse. Über Wasserfälle des Orinoco, bei Atures und Maypures. Tübingen: J. G. Cotta, 1808.

Jackson J.B. Discovering the vernacular landscape. — New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1984. — 165 p.

Johnston R.J. Philosophy and Human Geography: An Introduction to Contemporary Approaches. L.: Edward Arnold, 1983. — 152 p.

Jordan T., Rowntree L. The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography. 3rd Ed. Cambridge: Harper & Row, 1982. — 444 p.

(*Kant I.*) Immanuel Kant's physische Geographie / Herausg. von *F. T. Rink*. Königsberg: Göbbels und Unzer, 1802. Bd. 1–2.

König R. Soziale Gruppen // Geographische Rundschau, 1969. Jg. 21. Heft. 1. — S. 2–10.

Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. — 512 p.

Leng G. Zur "Münchener" Konzeption der Sozialgeographie // Geographische Zeitschrift, 1973. Jg. 61. Heft 3. S. 121–134.

Lowenthal D. English Landscape // Man, Space and Environment. N.Y.: Oxford University Press, 1972. — P. 81–112.

Lowenthal D. Past Time, Present Place: Landscape and Memory // Geographical Review, 1975. Vol. 65. No 1. — P. 1–36.

Mitchell D. Cultural landscapes: The dialectical landscape: Recent landscape research in human geography // Progress in human geography, 2002. — V. 26. P. 381–389.

Operational Guidelines for the Implementation of World Heritage Convention. WHC, 2008.

Pitte J.-R. Histoire du paysage français. Tome I. Le sacré: de la préhistoire au XVe siècle. Paris: Editions Tallandier, 1994. — 216 p. Tome II. Le profane: du XVIe siècle à nos jours. — Paris: Editions Tallandier, 1994. — 189 p. (*Pitte*, 1983).

Ratzel F. Anthropogeographie. Bd. 1. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. — 604 S.; Bd. 2. Die geographische Verbreitung des Menschen, Stuttgart: J. Engelhorn, 1891. — 781 S.

Ralph E. Rational Landscape and Humanistic Geography. — L.: Groom Helm, 1981. — 231 p.

Ruppert K. Die Sozialbrache in Westdeutschland // Agrarwirtschaft, 1959. Vol. 8. № 3. — S. 69–77.

Ruppert K., Schaffer F. Zur Konzeption der Sozialgeographie // Geographische Rundschau, 1969. Jg. 21. Heft 6. — S. 205–214.

Salter C.L. The Cultural Landscape. Belmont, Ca: Duxbury, 1971.

Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography, 1925. Vol. II. № 2. — P. 19–53.

Schlüter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger, 1920. Bd. 21. — S. 145–152, 213–218.

Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974. — 260 p.

Vidal de la Blache P. Principes de géographie humaine. P.: Armand Colin, 1922. — 327 p.

Wirth E. Zum Problem einer allgemeinen Kulturgeographie // Die Erde. Bd. 100, 1969. — S. 156–193.

Wöhlke W. Die Kulturlandschaft als Funktion von Veränderlichen: Überlegungen zur dynamischen Betrachtung in der Kulturgeographie // Geographische Rundschau, 1969. Jg. 21. Heft 8. — S. 298–308.

Zelinsky W. North America's Vernacular Landscape // Annals of the Association of American Geographers, 1980. Vol. 70. № 1. — P. 1–16.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА И УНИКАЛЬНОСТЬ

(в прошлом, настоящем, будущем)

1. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НЕОПРЕДЕЛИМОГО

У людей, далёких от науки, да и у многих научных работников бытует мнение: прежде чем рассуждать о чём-либо, учёные должны договориться об употребляемых терминах, дать им точные определения. Эти представления, уходящие корнями в геометрию Эвклида как образец точной и аксиоматической научной дисциплины, в гуманитарных науках, да и кое-где в естественных, работают плохо. Ещё в 60-х годах XX века, занимаясь науковедением, я проникся убеждением, что для науки важнее характеристики изучаемых явлений, нежели их окончательные словарные определения, остающиеся только идеальными ориентирами, к которым учёный приближается, но никогда их не достигнет.

Для постижения феномена культурного ландшафта (КЛ) плодотворен *пограничный анализ* — изучение различного содержания понятий, получающегося при намеренном изменении их объёма, при проведении границ между понятиями по разным признакам. КЛ можно толковать по-разному в зависимости от способа соотнесения его с понятиями «культура» и «ландшафт»; понимать КЛ оценочно или безоценочно, индивидуально или типологически (как индивид или как класс явлений), в общем смысле или в таксономическом, считать его континуальным или дискретным, существующим повсеместно или не везде, рассматривать разные степени реальности его существования, а также разные степени, направления, способы и цели *метафоризации* этого понятия в различных научных дисциплинах и в прочих сферах интеллектуальной деятельности.

Понятие ландшафта, неявно используемое в настоящей статье, есть одно из многих возможных толкований и является рабочим, временным, не претендующим на признание и употребление даже в узком кругу профессионалов. Я вынужден писать и говорить о КЛ так, как будто понимаю, что это такое. На самом же деле вопрос понимания меня не заботит. Моё применение термина КЛ будет, выражаясь языком предыдущего абзаца, безоценочным, преимущественно типологическим, нетаксономическим и «вульгарно реальным», недалеко ушедшим, например, от «антропогенного ландшафта» (Мильков, 1973).

Я полагаю, что *ландшафт* (без прилагательного) есть вещественный фрагмент окружающей человека среды (пространства), состоящий из твёрдых или жидких поверхностей земных тел, обладающий, как правило, многоярусным строением (как максимум — от грунта до приземного слоя атмосферы) и поддающийся наблюдению, визуальному восприятию с той или иной точки; включает элементы, в разной мере естественные и искусственные. КЛ в безоценочном смысле (не противопоставляемый ландшафту «некультурному») сформировался под определяющим влиянием человеческой деятельности и в таком смысле отличается от ландшафта природного, но границы между обоими понятиями, равно как и между соответствующими им предметами на местности, подвижны, условны, относительно. На суше очень мало ландшафтов, чисто природных, не затронутых деятельностью людей хотя бы в далёком прошлом, однако, находясь в горах или в тайге, мы видим, что существенные, решающие для нашего поведения черты окружающей среды созданы не людьми. Промежуточное положение между дикой природой и городской средой занимают ландшафты пригородные, сельские, аграрные, а также вторично обживаемые флорой и фауной пустыри и свалки.

Мои характеристики российского КЛ пишутся в духе классической позитивистской *реальной* географии. (Реальная значит *вещественная*, от позднелат. *realis* — вещественный). Мой ландшафт так же реален, как письменный стол, за которым я сижу, а стол — любимый предмет философов, рассуждающих о вещах и материи. Меня не волнуют *образы* ландшафта, возникающие в головах невежд, и *мифы*, рождающиеся из их абсурдных представлений. Я не рассматриваю ландшафт как текст и не изучаю тексты о ландшафте — с этими задачами прекрасно справляются мои коллеги и соавторы по данному сборнику. И, наконец, я не понимаю, чем весь КЛ на большей части земной суши отличается от *ландшафта вообще* (единого, природно-антропогенного). Но я признаю, в духе всё ещё новых и непривычных для меня, но на Западе уже выходящих из моды постмодернистских веяний, что моя трактовка российского КЛ — это всего лишь *персональный* образ, и в случае усвоения моей точки зрения каким-то количеством читателей она превратится в очередной миф. И пусть эта моя оговорка хоть немного удовлетворит тех, кто полагает, что нет никакой объективной реальности и безусловной истины, а существуют только *нарративы* и *дискурсы*. Мои представления о КЛ складывались почти исключительно по личным впечатлениям, не очень нуждающимся в подтверждении литературными источниками.

2. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

КЛ в первом приближении есть результат взаимодействия человеческого общества с природной средой; это звучит по-философски красиво, но к российской ситуации мало применимо. Российский ландшафт по преимуществу есть продукт взаимодействия с природой не общества, а государства (Каганский, 2009). В России нет общества как единого субъекта, оппонирующего государству и вступающему с ним в договорные отношения, равно как «на местах» почти нет самоорганизованных общин, сознательно и солидарно воздействующих на избранную населением местную власть и на окружающую среду.

В нашей стране роль местных жителей в формировании родного ландшафта, городского, сельского или дикого, на протяжении XX столетия неуклонно снижалась и сегодня близка к нулю. Все изменения приходят откуда-то со стороны и, как правило, неожиданны — и сами по себе, и по своим последствиям.

Далеко не всякое изменение ландшафта и общества стоит претенциозно называть заимствованным из биологии термином *развитие*. Сплошь и рядом случались внешние воздействия, это развитие нарушавшие. В *историческом изменении* КЛ можно различать *эндогенные* (внутренние) и *экзогенные* (внешние) факторы. (В данном случае «внутреннее» и «внешнее» понимаются чисто географически, территориально — первое находится внутри рассматриваемого ареала, а второе приходит в него извне). К категории внутренних факторов относится плавное и длительное, в прошлые века почти незаметное при жизни одного человека *саморазвитие* КЛ. Вот тут-то и происходит пресловутое взаимодействие природы и человеческого общества, точнее, его конкретной, ограниченной, сравнительно небольшой части — популяции, общины, этноса.

При плавной автономной эволюции КЛ действуют два механизма — квазиестественный *отбор* (по Ч. Дарвину) и *номогенез* (Берг, 1922). Путём отбора совершенствуются бытовые вещи, постройки, прикладное и отражательное искусство, а номогенезу подчиняется формирование транспортных сетей (Родман, 2002), что подтверждено и исследованием их *эволюционной морфологии* (Тархов, 2005).

3. КАТАСТРОФЫ И РЕФОРМЫ

«Естественное», «нормальное» саморазвитие КЛ рано или поздно прерывается внешними воздействиями, большей частью неожиданными и насильственными — природными катастрофами и стихийными бедствиями, завоеваниями, а также реформами, перестройками, реорганизациями, исходящими в нашей стране от государственной власти. К примеру, сельская местность так называемой Центральной России (точнее — западной части её Средней полосы) только в XX в. пережила не менее 25 роковых ударов: 1) Столыпинскую реформу, 2) первую войну с Германией, 3) Октябрьскую революцию, 4) послереволюционную разруху, 5) гражданскую войну, 6) крестьянские восстания, 7) раскулачивание и коллективизацию, 8) вторую войну с Германией, 9) послевоенную разруху, 10) укрупнение колхозов, 11) преобразование части их в совхозы, 12) ликвидацию «неперспективных» сельских поселений, 13) «мелиорации» (на самом деле — детериорации), 14) химизацию сельского хозяйства, 15) отмирание просёлочных грунтовых дорог, 16) демонтаж узкоколеек, 17) разнообразные рыночные реформы, 18) приватизацию и неразбериху с собственностью, 19) развал колхозов и совхозов, 20) крах льноводства и прежнего зернового хозяйства, 21) попытки и провал фермеризации, 22) экономический кризис и разруху 1990-х годов, 23) застройку коттеджами горожан, 24) засорение, заражение и гибель старых лесов, 25) зарастание сельскохозяйственных угодий древесной растительностью. Если после всех этих ударов в сельской глубинке ещё теплится какая-то человеческая жизнь, то это кажется чудом, а не закономерностью.

На юго-востоке Европейской России, непосредственно не затронутом последней войной, разорению деревни противостояла привязанность коренных нерусских народов к своей незаменимой малой родине. Есть основания предполагать, что этноконфессиональная неоднородность Волго-Уральского региона, официально скреплённая наличием этногенных республик в составе Российской Федерации, а также более патриархальный уклад с развитой семейно-родственной кооперацией и разделением труда спасли там сельскую местность от полного запустения (Нефёдова, 2003).

В результате того или иного внешнего удара квазиестественная эволюция КЛ прерывается, но возобновляется после того, как волна административного воздействия угаснет и реформу постигнет обычная и ожидаемая участь её предшественниц, согласно «закону В. С. Черномырдина» («Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»). После многократных ударов нарушается преемственность в развитии, утрачивается большинство прежних достижений, и многое приходится начинать заново.

4. ЛАНДШАФТ ПРОТИВ ВОЛОНТАРИЗМА ВЛАСТИ

Российский ландшафт — не только пассивная жертва государственного произвола, но и мститель. Москве, правда, необыкновенно повезло — здесь не бывает природных катаклизмов кроме тех, что непосредственно связаны с погодой (ураганы, паводки, экстремальные морозы и жара, дым от пожаров). Столице не грозят разрушительные землетрясения, и даже такие наводнения, какие были в первом десятилетии XX в., после зарегулирования Москвы-реки маловероятны. Во многих остальных регионах дело обстоит хуже. Неизбежная будущая месть природы за непростительные ошибки нередко отсрочена и не очевидна, но прозрение (увы, не рано, а слишком поздно) наступает. За постройки в дельтах и поймах, на водосборных склонах, на конусах выноса потоков из гор, неосмотрительно лишённых лесного покрова, в районах высокой сейсмичности люди расплачиваются разрушениями от наводнений, лавин, селей, оползней, землетрясений. Но это — всемирно известные *стихийные бедствия*, наступающие от нерационального природопользования. Нас интересует сейчас нечто иное — когда за волонтаризм мстит не природа, как таковая, а весь КЛ. Он отвечает на произвол государей и чиновников затяжными *социальными бедствиями*.

Между прочим, разные регионы обладают различным исторически сложившимся *ритмом* ландшафта (Родоман, 2002). Например, в Западной Европе он более дробный (высокочастотный), а в Сибири менее дробный (низкочастотный), чем в Подмосковье. При эволюционном саморазвитии КЛ его антропогенная надстройка более или менее гармонирует с природным базисом, а при вмешательстве сложившийся *резонанс* нередко нарушается. При столкновении с традиционным ландшафтом сложались три главные российские реформы — Александра Второго, П. А. Столыпина и Е. Т. Гайдара: не доведены до конца, извращены, привели к обратным результатам. (В российской историографии удобно называть и различать эпохи и мероприятия не по их сути, а по именам деятелей).

КЛ обладает большой *инертностью*, и лишить его способности к самовосстановлению удаётся не всегда. Расположение, размеры и формы земель тормозят изменение их содержания. Так, в сельской местности не удалось разрушить крестьянско-помещичий ландшафт латифундий и парцелл, заменив его равномерным размещением небольших усадеб, хуторов, ферм на западноевропейский лад. Сегодняшние парцеллы — это приусадебные и садовые участки, застраиваемые коттеджами, а вместо латифундий — окружающие их никем не используемые поля и пустыри, ждущие новой распашки или отвода под застройку, но вдали от городов обречённые на длительное запустение. Земельные реформы оборачивались для сельских жителей катастрофами и неизменно проваливались, хотя бы потому, что нельзя быстро передвинуть поля, огороды, жилища. Страна всякий раз возвращалась к дореформенному состоянию, иногда даже усугубляя его пороки. Население отвечало на реформы дальнейшим впадением в архаику.

Советская коллективизация на селе оказалась третьей волной закрепощения, а постсоветская приватизация — четвёртой (первая волна закончилась в середине XVII в., а вторая началась и достигла апогея в XVIII в.). Всего лишь 60 лет после отмены крепостного права бывшие помещичьи крестьяне и их потомки были сравнительно свободными, а после сделались советскими крепостными без паспортов. Сегодня рядовые жители малых городов Средней полосы России, обитатели моногородов, рабочих посёлков и сельских поселений в экономическом отношении менее свободны, чем помещичьи оброчные крестьяне, и уж тем более, чем государственные крестьяне до 1861 г. К тому же на большей части царской России крепостничества не было, а ныне нигде в нашей стране нельзя заводить «малый бизнес» без мощной административно-криминальной крыши.

5. ТОТАЛЬНОЕ УЛУЧШЕНИЕ ЛАНДШАФТА ВОЗМОЖНО

Не все наезды государства на сложившийся КЛ были пагубными. Хорошим исключением стал несправедливо забытый «Великий Сталинский (на самом деле — Докучаевский) план преобразования природы». Правда, своим главным утилитарным целям — защите от суховеев и повышению урожайности полезащитные лесные полосы отвечали недостаточно, потому что располагались большей частью формально, огромными прямоугольниками, без учёта рельефа и гидросети. Это доказал географ Д. Л. Арманд (1961) и он же, как талантливый инженер, вычислил, какими должны быть полезащитные лесонасаждения, но его работа запоздала и тоже была забыта, а политический ветер из Москвы тем временем подул в сторону Северного Казахстана, на «целину».

И всё же осуществлённое, хотя и в извращённом виде, «преобразование природы» радикально улучшило экологическую ситуацию в малолесных и безлесных зонах. (Чего нельзя сказать про уничтожение крупных рек гидроузлами и превращение Волги в каскад «водогноилищ»). Широкие лесополосы между полями и вдоль дорог обогатили и украсили наш ландшафт, повысили его биоразнообразие. В наши дни подобные комплексные мелиорации не проводятся, а лесополосы вырубаются, чтобы на их месте построить коттеджные посёлки. Сегодняшняя рыночная или квазирыночная экономи-

ка в России, по-видимому, не имеет механизмов для улучшения КЛ. Не хотелось бы думать, что в нашей стране для мобилизации широких масс на полезные дела нужен тоталитарный режим. В некоторых странах (например, в Нидерландах и в Израиле) государственные программы настоящего преобразования ландшафта благополучно претворялись в жизнь и при неавторитарном строе.

6. АНИЗОТРОПНЫЙ ТОТАЛИТАРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Тысячелетие или пятьсот лет военно-колониального деспотизма, сопровождавшегося беспрецедентной централизацией верховной власти, кардинально деформировали российское пространство, превратили его в *тоталитарный ландшафт* (Родоман, 2002) — материально-пространственное воплощение служебно-раздаточной, командно-административной экономики и самодержавно-бюрократической иерархии, в котором радиальные связи (центров с периферией) гипертрофированы, а тангенциальные (периферийных пунктов между собой) редуцированы. Такое разительное отличие радиальных направлений от всех прочих я называю *центрической анизотропией*. (Ландшафту присущи и другие анизотропии, но мы их сейчас не рассматриваем). Радиальное направление — это проекция на земную поверхность так называемой «властной вертикали», а тангенциальное направление обнаруживает недостаток или отсутствие связей между соподчинёнными центру элементами.

Воплощением тоталитарного ландшафта в России является *административно-территориальное деление* (АТД). Нигде в мире оно не имеет такого огромного значения, как в нашей стране. У нас единицы АТД — универсальные ячейки жизни общества, подобные домам и квартирам. Имеется множество сеток ведомственного районирования (Кордонский, 2010), но все они *конгруэнтны* общегосударственному АТД. КЛ — отражение отношений между людьми. В нашей стране материальная инфраструктура, пути сообщения, миграции, межличностные связи отражают прежде всего бюрократическую иерархию, а главные дороги сложились как маршруты чиновников и курьеров.

Надежды на то, что после революции 1991 г. и рыночных реформ российское общество быстро перейдёт от косной иерархической структуры к более гибкой и современной сетевой, не оправдались. Сети существуют и развиваются в виртуальном пространстве Интернета, но в реальной стране централизация и бюрократизация усиливаются, а стало быть, и ландшафт переживает дальнейшую *этатизацию*. Централизованный анизотропный ландшафт в России *всемасштабен*, он существует на всех уровнях территориальной иерархии — в регионах («субъектах РФ»), в городах, в сельской местности.

7. ОПУСТОШЕНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ПОЛОС

По причине продолжающейся концентрации человеческой деятельности в городах и пригородах и относительной изоляции регионов, правители которых в повседневной жизни не смотрят друг на друга, а обращены лицом к Москве, на границах администра-

тивных районов всех уровней обрываются местные транспортные связи, возникают зоны депопуляции и экономического упадка. Чем выше таксономический ранг административного региона, тем шире полоса запустения вдоль его границы. Наиболее широка она вдоль государственных границ Российской Федерации.

На границе России со странами СНГ опустошённая полоса существует с двух сторон, а со странами Евросоюза — больше с российской стороны. Депрессивные приграничные полосы разрастаются в России вопреки глобальным тенденциям и наперекор мечтам о более тесной кооперации регионов и о плодотворном международном трансграничном сотрудничестве (Баринов, 2012), но нет худа без добра. Эти полосы подходят для сохранения природного ландшафта, который и без того там понемногу восстанавливается, и включения их в *эконет* — трансконтинентальную сеть особо охраняемых природных территорий (ООПТ). (Слово «эконет» в Интернете не ищите — оно там на первом десятке страниц употребляется в смысле «экологический Интернет», на самом деле никакого отношения к экологии не имеющий). Стихийная *эконетизация* административных границ и их немалый *экологический потенциал* — уникальное и специфическое явление постсоветского пространства, по-видимому, не имеющее ярких аналогов за его пределами и не известное западной географической науке.

8. ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТА И ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

Неотъемлемой частью и неременной стороной охватившей Россию чрезвычайной социальной и экономической, особенно имущественной, *поляризации* является поляризация географическая, экологическая, территориальная — нарастание контрастов между более или менее успешными и процветающими урбанизированными ядрами страны и упадочными, депрессивными местностями, парадоксально расположенными не столько на географических окраинах страны, сколько повсеместно внутри неё, в так называемой российской *глубинке*. Слово это уже становится научным термином (Российская..., 2012) и вскоре, наверное, займёт в международных словарях почётное место наряду с другими «исконно русскими» понятиями (*intelligentsia, dacha, raspoutitsa*), хотя и является частичным синонимом терминов *интрапериферия* (Родман, 1987) и *внутренняя периферия* (Каганский, 2012).

Внутренней периферией какого-либо центрированного ареала (например, узлового района) называются территории (субареалы), расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям, архаические черты в ландшафте и быте населения. В простейшей и универсальной (треугольно-шестиугольной) геометрической модели районирования и коммуникаций внутренняя периферия расположена в ячейках транспортной сети и, что то же самое, на стыках узловых районов (в узлах их границ) (Родман, 1999), однако в реальной жизни одного только транспортного фактора для возникновения интрапериферии сплошь и рядом бывает недостаточно, играют свои роли прочие причины *внутренней периферизации*: природные условия, этнический состав местных жителей, экономическая и социальная история региона.

В Российской империи самая большая внутренняя периферия возникла в XIX столетии в треугольнике железных дорог Петербург — Москва — Варшава, охватив не только северо-западные губернии собственно России (ныне — Российской Федерации), но и часть Белоруссии. Множество уездных городов оказалось в стороне от железных дорог и захирело. В XX в. аналогичную роль «разорителя захолустий» сыграли редкие и очень запоздавшие со своим появлением автомобильные дороги. Большинство мелких деревень исчезло, не дождавшись удовлетворительной транспортной связи с «цивилизованным» внешним миром.

Важными свойствами внутренней периферии, особенно актуальными в специфических и уникальных российских условиях, являются её *относительность* и *повсеместность*. Нельзя с полной определённой сказать и показать на карте, какие места у нас являются периферийными, а какие центральными. Всё зависит от той «системы координат», в которой они выявляются. Важнейшей координирующей системой в нашей стране сделалось, как уже сказано выше, АТД, поэтому в первом приближении мы найдём столько видов центральности-периферийности, сколько имеется рангов у этого деления: есть внутренняя периферия у областей, муниципальных районов и т.п. Но к ним надо добавить неофициальные, неявные узловые районы, например в виде латентных, ныне и временно несуществующих округов, бывших когда-то официальными (например, Тарский округ в Омской области) или никогда не бывших таковыми, но отчасти выявленных, например, в знаменитом среди географов районировании Е. Е. Лейзеровича (2004). Повсеместность внутренней периферии вытекает из её относительности. Почти для любой точки можно найти объекты, по отношению к которым она будет центральной или периферийной.

В моих работах (Родоман, 2002, 2006) российской внутренней периферии отводится важная роль сохранения и развития природного ландшафта. Осуществление этой задачи не требует существенного финансирования. Традиционный экономический подход с рассуждениями об инвестициях, занятости и рабочих местах тут совершенно не уместен. Восстановление дикой природы (хотя и не в лучшем, не всегда в желанном для нас виде) идёт само собой, надо только ему не мешать. Внутренняя периферия — потенциальная опора территориального *экологического каркаса*. Искусственная вторичная колонизация российской нечернозёмной глубинки, её очередной «подъём» за пределами пригородных зон бесперспективны. Немногим оставшимся там постоянным, коренным жителям, которые по-настоящему привязаны к своей малой родине и хотят вести традиционный образ жизни, следовало бы предоставить *права аборигенов*, независимо от их этнической принадлежности, и поддерживать их дотациями ради сохранения природы, культуры, земли, да и всей России.

Выражаясь «географически политкорректно», мы можем сказать, что российская внутренняя периферия — не больная и упадочная земля, нуждающаяся в лечении традиционными экономическими методами, но *альтернативно одарённая* хорошими экологическими возможностями для сохранения и процветания природного ландшафта. Открытие анизотропного тоталитарного ландшафта, опустошённых приграничных полос, внутренней периферии и их экологического потенциала — важные достижения отечественной социально-экономической и теоретической географии, основанные на непредвзятом изучении своей страны без оглядки на модные импортные концепции.

9. РАЙОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В географических науках важнейшим методом познания является *районирование*. Оно играет в географии такую же роль, как периодизация в истории и классификации в зоологии и ботанике. Районирование позволяет точно и однозначно привязывать словесные высказывания к конкретным участкам земли, отображать территорию сплошь, без всяких лакун. Районирование есть также высшая, синтетическая форма тематического картографирования (Родман, 2007). Образцы тематических карт, выполненных способом дифференцированного (качественного, цветного) фона, имеются в естественных географических науках. С районированием природного ландшафта в нашей стране дело обстоит хорошо. Весь бывший СССР в этом отношении изучен и изображён на картах. Физико-географическое районирование может и должно служить образцом и для районирования КЛ. Но откуда же взять территориальные единицы культурно-ландшафтного районирования? Какие «природно-культурные территориальные комплексы» принять за основу и считать реальными ячейками территории? До сложных таксономических пирамид, построенных природоведами, географам-культурологам очень далеко. Поэтому начнём с самых простых, примитивных сеток, как бы напрашивающихся в первую очередь. Мне кажется, что первичными и самыми крупными единицами инвентаризации КЛ могут стать известные *культурно-исторические области*.

Один из старейших в Европе Латвийский этнографический музей под открытым небом в Риге, устроенный, очевидно, в подражание стокгольмскому Скансену, группировал свои экспонаты по историческим областям Латвии — Видземе, Курземе, Земгале и Латгале. В советское время Москва пыталась вмешаться в эту нестандартную для СССР ситуацию и навязать деление по классовому принципу — показывать типичные дворы бедняка, середняка и кулака, но мне посчастливилось застать региональную экспозицию. На какие же аналогичные исторические области мы можем опираться у себя в России?

В противоположность прочим европейским странам, для Российской Федерации характерно и даже удивительно отсутствие *исторических провинций* (таких, как Нормандия и Прованс во Франции, Видземе и Курземе в Латвии). Наше население идентифицирует себя по административным единицам (областям, краям, республикам) и, более того, у нас даже породы крупного рогатого скота названы по губерниям (ныне областям) — Ярославская и Костромская. А между тем не столь уж сильно отличающаяся от России по культуре соседняя Украина почти целиком состоит из исторических областей (Волынь, Подолье и др.), которые напрашиваются быть основой её возможного федеративного устройства (аналогично германским и австрийским землям) или поводом для распада, а пока, так же, как и в Риге, используются в Киеве в аналогичном музее под открытым небом. Когда такой же музей устроят в Новой Москве, то можно не сомневаться, что культурное и природное наследие будет в нём представлено опять-таки по административным регионам.

Границами исторических провинций служат, как правило, бывшие государственные границы — самих этих земель, когда они были самостоятельными княжествами, или крупных держав, в которые они входили. На территории нынешней России была только

одна такая, бывшая шведская, провинция — Ингерманландия, её следы слабо читаются в ландшафте (продолговатые кирпично-гранитные здания) и в топонимии (термин «мыза» и некоторые чисто финские названия).

Проблемы культурно-ландшафтного районирования многократно обсуждались и отражены в работах институтских исследователей, в первую очередь Ю. А. Веденина (1997, 2004), а также Р. Ф. Туровского (1998) и др.

Полагаю, для инвентаризации и классификации российского КЛ, в том числе с целью сохранения культурного наследия, учёными должны быть выделены, сконструированы особые *познавательные культурно-исторические области*, не обязательно совпадающие с административными и природными. В качестве прообраза такого деления мною были выделены и многократно описаны в научных и научно-популярных статьях три сектора традиционного сельского ландшафта вокруг Москвы, ныне почти уничтоженного коттеджной застройкой (Родоман, 2011). Я полагаю, что каждый такой район должен быть представлен на его территории как минимум одним ландшафтными музеем-заповедником, и это может быть не новый Скансен, а сохранённая настоящая, конкретная *типичная сельская местность* — одно село или гроздь деревень со всеми окружающими земельным угодьями, включая леса и водоёмы.

Итак, резюмируя, мы можем сказать, что спецификой и уникальным свойством российского КЛ является огромная роль авторитарного государства в его формировании, односторонние воздействия правительства на ландшафт и население при недостатке обратной связи, колониальные методы многократного освоения одной и той же территории, поляризация ландшафта, центрическая анизотропия пространства, разрастание внутренней периферии, опустошение пограничных полос, спонтанная регенерация «дикой природы». Последние три процесса могут быть использованы для восстановления благоприятного природного ландшафта и для избрания Россией экологической специализации в мировом хозяйстве. Для выявления и сохранения образцов культурного и природного наследия необходимо сплошное научное районирование КЛ.

ЛИТЕРАТУРА

Арманд Д. Л. Физико-географические основы проектирования сети полезационных лесных полос. — М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Баринов С. Л. Новое западное пограничье РФ: влияние границ на коммуникацию населения. — Автореф. дисс. канд. геогр. наук. — М.: ИГРАН, 2012.

Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Инф. выпуск № 2. — М.: ГИВЦ Минкультуры РФ, 1998. — С. 3–99.

Веденин Ю. А. Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 335–382.

Берг Л. С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. — Пг.: ГИЗ, 1922.

Каганский В.Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. — М.; Смоленск: Ойкумена, 2009. — С. 78–100.

Каганский В.Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН, сер. геогр., 2012, № 6.

Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. — М.: Изд-во «Европа», 2010.

Культурный ландшафт как объект наследия / Ред.: Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). — М.: Трилобит, 2004.

Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. — М.: Мысль, 1973.

Нефёдова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. — М.: Новое издательство, 2003.

Родоман Б.Б. Экспрессный транспорт, расселение и охрана природы // Методы изучения расселения. — М.: ИГАН, 1987. С. 44–54.

Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999.

Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002.

Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность, 2006, № 2. С. 78–88.

Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. — Смоленск: Ойкумена, 2007.

Родоман Б.Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры (электронное издание), 2011, № 4 (5) [28 дек.] С. 47–53. www.culturalresearch.ru

Российская глубинка — модели и методы изучения. — М.: ИГРАН, 2012.

Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. — Смоленск; М.: Универсум, 2005.

Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.

«В ПРОСТРАНСТВАХ ТАЯТСЯ ПРОСТРАНСТВА»: ГРАНИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Ю. А. ВЕДЕНИНА

*Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
А. Белый. Русь.*

Нас познакомил Леонид Викторович Смирнягин, научный руководитель моей дипломной работы. С его подачи я занималась американской традицией культурной географии, геобиографиями американских писателей.

Юрий Александрович Веденин ввёл меня в мир русской культуры и словесности, предложив тему кандидатской диссертации, посвящённой отражению геокультурного пространства в отечественной поэзии.

Особенностью его научного руководства была ненавязчивость и широта открываемых горизонтов. Под его крылом выросла целая плеяда высококлассных специалистов — вполне оформившаяся научная школа, которая долгое время развивалась в созданном им Институте Наследия, а сейчас существует в трудах его учеников, к которым я отношу и себя. Я не могла охватить весь спектр научных интересов «мэтра», в сотрудничестве с ним развивались только два направления — теоретические и методологические вопросы изучения культурного ландшафта и география искусства.

ГЕОГРАФИЯ ИСКУССТВА

Книга Ю. А. Веденина «Очерки по географии искусства» (Веденин, 1997), которая была посвящена пространственным закономерностям существования и развития искусства, стала пионерной работой в отечественной постсоветской науке. Обладая энциклопедическими знаниями в сфере искусствоведения, он развернул его в системе географических координат, и в этом новом ракурсе открылись интереснейшие особенности.

Одна из заявленных тем — история стилей и школ, рождавшихся в определённых местах, распространявшихся различными путями в другие регионы и страны. Напри-

мер, можно проследить, как распространялось по России нарышкинское барокко и т.п. Ещё одна из сфер изучения географии искусства — исследование артефактов и памятников в контексте культурного ландшафта во всей его комплексности. Этот подход выводит теоретические разработки на практическую проблему наследия, особенно в связи с сохранением и репрезентацией архитектурно-парковых ансамблей. В конце XX века возникла и местами претворилась в жизнь концепция реконструкции первоначального облика парков XVIII в. — уничтожаются старые деревья, высаживаются новые, восстанавливается предыдущая планировка, и тем самым уничтожаются все наслоения последующих культурных эпох. Вместо наследия появляется «макет в натуральную величину». Искусство играет определяющую роль во всемирной практике охраны наследия, где есть такое понятие как ассоциативный ландшафт. Таковыми выступают ландшафты, включённые в художественную литературу, изображённые на полотнах великих или известных художников. Чем выше ассоциативная и символическая значимость места, тем больше необходимость его сохранения. Соответственно, именно в сфере наследия намечены точки соприкосновения географии искусства и семиотики культурного ландшафта.

В работе «Очерки по географии искусства» были заложены основные принципы географической интерпретации языкового материала (топонимики, фольклора, образов в литературе), которые потом развивались другими авторами. Были в первом приближении намечены методики извлечения культурогеографической информации из текстов — идеографическая сетка, структурирующая повествование и выделяющая наиболее значимые географические образы, и ландшафтная сетка, которая призвана структурировать смыслы и значения в соответствии с морфологией географических объектов.

В отличие от культурологических исследований, изучающих духовную культуру по данным топонимики и топономастики, в географии была поставлена задача выявления принципов и процесса пространственно-семиотической организации культурного ландшафта, взаимовлияния внутри него различных пространственных моделей самоорганизации общества: сакральной, культурной, исторической, социально-мифологической.

Чуть позже под научным руководством и редакцией Ю. А. Веденина вышла моя книга «Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков» (Лавренова, 1998), где использовались и качественный и количественно-картографический метод анализа поэтических текстов. Это исследование показало, что каждый геообъект, входящий в геокультурное пространство, имеет свой смысл и значение в национальной и в мировой культуре. Эта особенность даёт возможность классифицировать смысловые нагрузки морфологических элементов культурного ландшафта.

Изучение представлений о географическом пространстве в русской культуре на материале поэтических текстов позволяет говорить о репрезентативности и о специфичности подобных источников информации, соответственно, — изучать семиотический и ассоциативный ряд, связываемый с топонимами или собственно с географическими объектами, позволяет проводить ретроспективный анализ особенностей восприятия пространства и собственно национального культурного ландшафта и его информационных связей с мировым геокультурным пространством.

Соотношение авторского видения и общих закономерностей составляет отдельную проблему. Индивидуальное ощущение пространства дополняет или даже видоизменяет коллективные стереотипные представления. Русская культура известна своей восприимчивостью к печатному художественному слову, поэт и пророк в ней издавна сливались воедино, поэтому поэтические образы географического пространства особенно интересны.

Упомянутые в поэтических текстах топонимы, нанесённые на карту, — точки, линии, площадные объекты — рассматриваются как морфологические элементы геокультурной реальности. Динамика их соотношения и их количественный анализ отражают особенности процесса «ментального освоения» пространства культурой. Этот процесс характеризуется последовательным накоплением информации об отдельных геообъектах и мире в целом. Информация трансформируется в поэтический образ и через него можно проследить, что формирование географических образов различных регионов и их детализация идут с разной скоростью.

В поэзии закреплена информация о наиболее значимых геообъектах, составляющих фиксированный (слабо меняющийся) во времени каркас геокультурного пространства, на котором строится система стереотипных пространственных представлений и образов.

Образ мира в любой культуре имеет выраженную структуру «центр — периферия» с детальными знаниями в центре и отсутствием таковых на периферии. Отсутствие детальных знаний провоцирует использование топонимов в качестве символов.

Таким образом, разработанная под научным руководством Ю. А. Веденина методика изучения пространства через отражение его в художественной литературе позволяет исследовать:

- процесс ментального освоения географического пространства культурой и особенности его динамики;
- стабильную структуру геокультурного пространства — те самые вехи, на которых строится образ мира из века в век;
- смысловое и символическое значения геообъектов и соответствующих топонимов в рассматриваемой культуре в различные временные периоды.

Именно в этой работе уже были заложены возможности дальнейшего теоретизирования в направлении интерпретации культурного ландшафта как знаковой системы и текста, поддающегося прочтению. Изучение семиотической структуры культурного ландшафта России на материале русской поэзии (Лавренова, 1998) показывает, что она представляет собой «застывшую в пространстве волну колонизации». Староосвоенная европейская часть России отделена от бесструктурного, внутренне хаотичного топонима-пространства Сибири фронтиром: Уральскими горами.

Так было положено начало целому направлению, которое успешно развивалось в Институте Наследия в течение двадцати лет, было выпущено шесть сборников «География искусства» (География искусства, 1994, 1998, 2002, 2005, 2009, 2011). В стенах института в 2009 году была проведена международная конференция на эту тему. Изначально проблематика развивалась как результат взаимодействия географической и искусствоведческой дисциплин, позднее подключились философия, культурология, архитектура, языкознание, ландшафтный дизайн и т.п.

В сборниках разрабатывались теоретические проблемы взаимодействия искусства и пространства, онтология пространственности, уловленной волшебной сетью творческого воображения и опредмеченной в слове, живописном образе, архитектурном стиле. Обсуждался широкий спектр проблем — от метафизики пространства до сугубо конкретных — размещения в ландшафте артефактов, памятников и коллекций. Традиционно исследовались территориальные факторы формирования художественных школ и художественных произведений, особенности художественного восприятия культурного ландшафта, роль искусства в формировании образа территории.

Большой блок исследований в этой сфере был посвящён **локальным текстам** (Московский, Пермский, Крымский и т.д.), где исследователи развивали принципы, предложенные В. Н. Топоровым в хрестоматийной работе «Петербургский текст русской литературы», но с акцентом на значение этих текстов в формировании культурных ландшафтов. Топоров был первым, кто во множестве художественных, эпистолярных, фольклорных текстов о Петербурге обнаружил некий конструкт общего характера, отличающийся смысловой свёрхуплотнённостью, который он обозначил как **синтетический свёрхтекст** (Топоров, 2003, с. 23), который настроен на высшие смыслы и цели и обладает **семантической связностью**, цельностью, наличием ядра, восходящего к одному источнику. По его определению, Петербургский текст, «представляющий собой не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход «a realibus ad realioга», пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчётливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать («проверить») связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста» (Топоров, 2003, с. 7).

Наиболее полное современное определение генезиса и собственно локального текста дал В. В. Абашев в уже ставшей хрестоматийной монографии «Пермь как текст»: «Историческая жизнь места (локуса) сопровождается непрерывным процессом символизации, результаты которой закрепляются в фольклоре, топонимике, исторических повествованиях, в широком многообразии речевых жанров, повествующих об этом месте, и, наконец, в художественной литературе. В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется *локальный* текст культуры, определяющий наше восприятие места, отношение к нему» (Абашев, 2000, с. 11–12). В вышеприведённой широкой трактовке локального текста в него включаются на равных как исторические, краеведческие, так и художественные тексты. В более узкой — только художественная литература. Литература в своей понятийной и образной ткани содержит новые и общепринятые образы границ, имеющих статус культурных разломов, значимых мест, природных и городских ландшафтов. При этом иногда реанимируются затёртые образы, иногда возникают совершенно неожиданные интерпретации. Наследие по степени своей востребованности может быть актуальным, потенциальным, снятым или культурным архивом. И в результате литература вносит свой вклад в формирование

культурного ландшафта как палимпсеста. Ю. Лотман писал о том, что культурная память многослойна, и между слоями идёт постоянный диалог. Эта тема будет рассмотрена далее более подробно, в связи с обсуждением текстуальности ландшафта как наследия.

Особая тема — сады и парки как произведения искусства. Регулярный сад или «заросший» сад — каждый имеет свою семантику и эстетику, конструирующую информационный слой этого искусственно созданного культурного ландшафта. Кажущийся беспорядок «заросшего» сада на самом деле представляет собой продуманное конструирование симулякра природного ландшафта, имеющего романтический флёр.

Как произведения искусства можно представить географические карты, особенно средневековые. Старинные карты, в которых математические принципы сочетаются с живописными или декоративными элементами, современными исследователями рассцениваются как особый графический язык описания территории (History of cartography, 1987—2007). Сейчас такие карты — предмет коллекционирования и экспонирования. Эстетика средневековых карт несомненна, неизменно присутствующая в них художественно-пейзажная компонента способствует поэтизации образа региона, который представляется как визуализированный и застывший на бумаге музыкальный ритм из рек, холмов, населённых пунктов, дорог. Можно рассматривать средневековые карты как инструмент и результат «ментального освоения» культурой вмещающего ландшафта, они свидетельствуют о значительной степени рефлексии, и её высоком качестве по степени информативности и образности.

Исследовались живописные произведения, сюжет которых включает в себя пейзаж. Ландшафты обладают исторической памятью, и часто именно объекты культурно-исторического наследия служат центральным смысловым элементом композиции картин. Иногда исторические герои картин перемещаются художниками из реальных исторических мест в более близкие художнику, или связанные с путём их дальнейшего подвига. Так, в картине М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» для художника не была значима географическая и историческая достоверность, но была важна духовная реальность — изображён не радонежский, а сергиево-посадский ландшафт.

С исторической позиции и с позиции физической географии художник допустил неточность: изображено не то событийное место, и не тот ландшафт. Однако с позиции культурной географии никакой ошибки нет. На картине изображён сергиевский ландшафт, ландшафт, освящённый гением места, выдающимся деятелем Земли Русской Сергием Радонежским.

В ряде случаев географическое пространство изображается символически, как например, в буддийских иконах (тханках), где непременно присутствуют горы, иногда с их помощью конструируется духовное пространство Шамбалы, изображаемое окружённым по периметру горной цепью и разделённым на сектора. На некоторых тханках изображается пространство конкретных храмов, связанных с жизнью святых, и узнаваемые элементы ландшафта.

Искусство играет немаловажную роль в формировании имиджа территории, стереотипов туристского поведения; в создании «сети» туристских достопримечательностей. Оно вносит свой вклад в стереотипы территориальных рефлексий, визуальных детерминант культурного ландшафта, утраченные объекты наследия восстанавливаются

и мифологизируются на информационном и вербальном уровне — в живописных полотнах и художественных текстах.

Ряд исследований можно объединить термином «геопоэтика». Они посвящены разным вариантам сакральных и поэтических пространств. Попытка выразить запредельные категории, архетипы человеческого сознания в пространстве обитания приводит к его сакрализации. В сакральной семантике культурного ландшафта в роли означаемого выступают архетипы, трансцендентальные понятия и категории и соответствующие символы. Карта мира становится своеобразной иконой, отражающей традиционное мирозерцание и различными своими частями выражающей на плоскости «вертикальные» слои мироздания. В этом пространстве есть место и для потусторонних сил и мифологических персонажей.

Сейчас это направление продолжается уже за пределами Института Наследия — в серии «Humanitas» ИНИОН и РГГУ выпущен ещё один сборник (География искусства, 2016), организуются новые конференции. Эта тема неизменно продолжает привлекать внимание равно как естественников, так и гуманитариев, поскольку информация о семантике культурного ландшафта концентрируется в различных художественных текстах и произведениях изобразительного искусства. Их можно рассматривать как проявление ментальности локальной и национальной культуры, своеобразную рефлексию культуры по поводу её среды обитания. Художественный текст становится инструментом познания процессов и явлений, происходящих в геокультурном пространстве. Чаще всего именно через искусство, прежде всего — через литературный текст, исследуется латентная семантика культурного ландшафта. Используются семантика архитектурных форм, цветовые, звуко-музыкальные и другие характеристики природной и культурной среды, которые позволяют исследовать значение и смысл места в контексте национальной и локальной культуры. Изучение отражения географического пространства в литературном тексте и изобразительном искусстве, а также в фольклоре даёт возможность реконструировать глубинные процессы культуры.

НООСФЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА, ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РАЗВИТИЕ

Созданная Ю. А. Ведениным концепция культурного ландшафта отличалась тем, что наряду с природным ландшафтом и «второй природой», созданной человеком, в неё входила информация, что было почти крамолой для традиционной советской и постсоветской географии ранних девяностых. Он — один из первых, кто использовал учение В. И. Вернадского о ноосфере в создании нового уровня теоретизирования в географии.

Согласно ноосферной концепции, культурный ландшафт формируют и участвуют в нём материальная и духовная культура, современная (традиционная и инновационная) и культурное наследие. Концепция ноосферы определяется как теоретический базис в исследованиях культуры и пространства, поскольку она наиболее полно очерчивает круг проблем в этой области, постулирует феноменологическое единство ментальной

и инструментальной человеческой деятельности и земной поверхности. Это единство позволяет рассматривать культуру как географическую реальность и географическое пространство, ландшафт — как сферу культуры. Итак, по определению Ю.А. Веденина, культурный ландшафт — это целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединённого действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей.

Эта концепция позволяет рассматривать материю и информацию, природу и культуру в их функциональном единстве. Соответственно, интеллектуальные и духовные ценности, а также значения и представления о географических объектах рассматриваются не только в качестве одного из факторов формирования ландшафта, но и как его самостоятельная компонента, его неотъемлемая составляющая. Определяется роль и место в культурном ландшафте информационных процессов, имеющих культурный генезис, а также методология их изучения в рамках дискурса географии культуры.

Процесс формирования культурного ландшафта включает в себя семиозис (генезис и условия трансляции информации) географических образов и представлений. Идя немного дальше и обратившись к учению Ю.М. Лотмана о семиосфере, можно сделать вывод, что семиосфера является составляющей ноосферы и может иметь пространственные характеристики. Такой подход даёт возможность методологического представления концепции культурного ландшафта как знаковой системы, разработки методов семиотического анализа культурного ландшафта.

Именно из концепции культурного ландшафта, разработанной Ю. А. Ведениным, вырисовывается дальнейшее направление междисциплинарных исследований — вопросы методологии семиотического анализа географических образов и культурных ландшафтов разного таксономического ранга, возможность систематизации методов семиотико-культурно-географического анализа литературных и исторических источников, карт, живописных произведений, методов построения ментальных карт, а также разработка методов картографической интерпретации культурного ландшафта как знаковой системы.

Именно в сотрудничестве с Ю. А. Ведениным родилась семиотическая концепция культурного ландшафта (Лавренова, 2010), который представляет собой знаковую систему, где отдельные географические объекты и/или их топонимы означают определённые смысловые категории или архетипы. Подобные знаки находятся между собой в определённых отношениях, позволяющих рассматривать культурный ландшафт и геокультурное пространство как текст, который в современной гуманитарной науке трактуется чрезвычайно широко, если рассматривать язык не как набор дискретных единиц, а в качестве целостной системы, «потока» (по А.Ф. Лосеву), который находит своё выражение в тексте и речи — вторичных феноменах. Открывается возможность эффективного применения в географии культуры гуманитарных методов исследования и разработки теоретических и методологических вопросов изучения культурного ландшафта текстологическими методами.

ТЕКСТ ЛАНДШАФТА И ТЕКСТЫ О ЛАНДШАФТЕ
КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Информационно-аксиологический подход в рамках ноосферной парадигмы культурного ландшафта предоставляет широкие возможности как для практических, прикладных разработок в области охраны наследия, так и для теоретико-методологических разработок. «Информация выступает в качестве важнейшей созидательной силы, определяющей формирование и развитие культурного ландшафта» (Веденин, 2004). Информационная составляющая культурного ландшафта содержит знаки, символы, метафоры. Носители информации — это исторические документы, живописные источники, семантика архитектурных форм, цветовые, звуко-музыкальные, а также другие особенности природной среды, тексты реклам турфирм и анализ рекреационных потоков, данные специальных опросов, которые позволяют исследовать семантику места в контексте национальной и локальной культуры. Исследование подобных разнородных данных способствует в той или иной степени выделению смыслов и значений, которые в определённом социуме, культуре или субкультуре соответствуют рассматриваемому географическому объекту.

Культурный ландшафт — как голограмма, где в части заложен целостный образ мира, построенный на мифах и трансцендентных категориях, базовых для человеческого сознания. Манифестация некоторых смысловых констант обязательна в каждом культурном ландшафте. Но всё же намного больше «индивидуальных» смыслов, и элементы ландшафта могут рассматриваться как знаки и символы, репрезентирующие те или иные категории, события, смыслы.

Под «текстом» может пониматься некоторая организация знаков, многоуровневая система значащих элементов, «которую можно изучать как самостоятельное явление культуры. Более того, благодаря распространению идей семиотики любой феномен культуры <...> можно рассматривать как знаковую систему в той сфере, в какой он ценен не сам по себе, а как объект, запечатлевший знания и умения своих создателей, уровень их цивилизованности, развитость взаимоотношений. А, следовательно, всё это разного рода тексты» (Антипов, Донских, Марковина, Сорокин, 1989, с. 35). Любое «пространство, организованное как средство смысловыражения, превращается в текст, в широком, семиотическом смысле» (Чертов, 1999). В культурном ландшафте как тексте **структурной единицей** может становиться локус/место, но в значении — **локус-символ, локус-сообщение, локус-знак**, — поскольку символическое значение неразрывно связано с конкретной территориальной единицей.

Текст ландшафта представляет собой культурную ценность и может быть рассмотрен как наследие, поскольку современная его трактовка очень широка и включает в себя нематериальные элементы культуры наряду с материальными, и подразумевает территориальный подход к сохранению и изучению наследия. С одной стороны, основную ценность материальных элементов ландшафта как знаков представляет их нематериальное содержание — смыслы. С другой — через ноосферную (информационную) парадигму культурного ландшафта мы можем говорить о субстанциональности семиосферы, о её овеществлении в элементах ландшафта.

Культурное наследие — наиболее ценная и смыслодержащая часть информационной составляющей ландшафта, она же востребована вовне — в регионе, в стране, в мире и служит аттрактором для туристических потоков. Если обыденная информация — рекламные слоганы, бытовые самоназвания и проч. — обычно не превращается в знаки и символы, то наследие, в том числе и нематериальное, формирующее информационный слой, можно рассматривать как увеличение семиотической размерности ландшафта.

Можно говорить о том, что появляется «новое мета-пространство, в котором каждому географическому месту соответствует разветвлённая сеть доминант и сгустков смысла, построенная как единая, бесконечно поддающаяся анализу и новому синтезу структура» (Митин, 2004, с. 98), дающая простор для множественных культурных интерпретаций, в котором, тем не менее, всегда остаётся сетка географических констант.

Амбивалентность культурного ландшафта подразумевает «факт включённости истории (общества) в текст и текста — в историю» (Кристева, 2000). Собственно **история — один из «авторов» текста культурного ландшафта**. Именно история создаёт полифонию смыслов, иногда противоречивых.

В масштабах страны или мира критерием значимости места в культуре становится возможность использования его топонима как сообщения и «способность имени к образованию вторичных (переносных) значений, то есть к деноминации (ср. вторичные значения топонимов *Вавилон, Сибирь, Камчатка*)» (Березович, 2000, с. 19). Вторичные, или переносные, значения топонимов и представляют собой сообщения, в большинстве своём имеющие прямое или опосредованное отношение к истории. Топонимика позволяет нам рассматривать тексты культурного ландшафта как свёрнутые мнемонические программы (Лотман, 2002, с. 190), особенно если учитывать все ландшафтно-топонимические страты.

Эти сообщения можно прочесть в их исторической и, соответственно, смысловой последовательности. Происходит последовательная организация пространства в тексты, осмысленные и структурированные в соответствии с определёнными культурными нормами.

Иногда локусы-сообщения используются для составления новых текстов, например, при разработке маршрутов паломничеств или тематических экскурсий. В остальных случаях прочтение локусов-сообщений, интерпретация смыслов места и локального текста культуры зависит от интенций воспринимающего.

Помимо этого есть ещё и собственно исторические тексты — документы, хранящиеся в различных архивах, на основе которых, по мере их публикации и тиражирования, воссоздаётся аура местности, которая претерпевает значительные метаморфозы, если открываются новые исторические факты. Ярким примером тому может служить героический образ Дальнего Востока, своеобразного вторичного «фронта» — индустриального освоения территории, — который усиленно создавался средствами массовой информации во второй половине XX века. После 1992 года, когда были открыты архивы, этот образ претерпел значительные изменения, поскольку стала доступной и даже массово тиражируемой информация о Дальлаге — Дальневосточном исправительно-трудовом лагере — подразделении, действовавшем в структуре Главного управления исправительно-трудовых лагерей Народного комиссариата внутренних дел СССР. Ге-

роизм строителей Комсомольска-на-Амуре и БАМа отошёл на последний план, но это не значит, что данная историческая информация больше никогда не будет востребована — вполне возможно, она через некоторое время послужит основой создания новых образов этой территории, что было бы логично в условиях непростой политической ситуации на Дальнем Востоке.

В историческом контексте культурный ландшафт может рассматриваться как идеальный продукт впитывания и реорганизации других текстов. Иногда это принимает вполне осязаемые формы, как храмовый комплекс Нового Иерусалима, представляющий собой символическую цитату равно как иерусалимского ландшафта, так и событий новозаветной истории. При этом «Новый Завет» можно трактовать и как литературный памятник, беспрецедентный по силе воздействия на образ мира не только на всех территориальных уровнях — как известно, в средневековье многие космограммы как прообразы карт ойкумены строились по принципу креста.

Другие литературные источники, конечно, не имели такого пространственного резонанса. Тем не менее, **анализ литературы как одного из наиболее мощных «смыслообразующих агентов» в семиозисе культурного ландшафта** используется давно и плодотворно не только в контексте географии искусства, но и как один из методологических подходов в исследовании семантики культурного ландшафта.

«Ландшафты становятся объектами исследования или источниками творческого процесса — «героями» литературных произведений или той натурой, на базе которой создаются произведения изобразительного искусства. В результате этой деятельности вокруг каждого такого объекта формируется некий информационный слой, который не только создаёт образ данного ландшафта, но и входит в последний в качестве одной из важнейших его составляющих» (Веденин, 2004).

С одной стороны, латентная семантика культурного ландшафта чаще всего исследуется именно через литературный текст, с другой — художественные произведения, так или иначе связанные с конкретными ландшафтами, формируют свой пласт нематериального наследия.

Ю. А. Веденин вводит категорию «авторские ландшафты», образ которых создан творческим гением. Это «ландшафты, в основе которых лежит мифология, сформированная средствами искусства, религии, народного творчества и существующая как в виртуальном, так и в реальном измерении; связь между реальными объектами и их виртуальными образами может быть весьма относительной» (Веденин, 2004). Пример, который Ю. А. Веденин чаще всего приводит в своих трудах, — образ Мещёры, созданный в произведениях К. Паустовского, воспевшего неброскую красоту этого района, — образ, который тиражирован во многих переводах на иностранные языки, и, следовательно, ставший достоянием мировой культуры.

Литературные образы мест и целых районов тем востребованнее, чем выше талант их создателя. Аляска Джека Лондона и Индия Редьярда Киплинга — пожалуй, наиболее яркие и тиражируемые литературные образы, но в них работает не столько «геопэтика», свойственная произведениям Паустовского, сколько «геогероика» — пафос противостояния человека и природной среды, выявляющего героические черты характера литературных персонажей.

Образ ландшафта, созданный художественными произведениями, нематериален и зачастую уже не связан с изменившейся реальностью. Но в этой современной реальности нельзя не отметить индустрию туризма и музейного дела, эксплуатирующую литературные образы, иногда очень талантливо, иногда — бездарно.

«Кроме коммуникативной функции, текст выполняет и смыслообразующую, выступая уже не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как *генератор смыслов*» (Лотман, 2002, с. 189). Тексты художественных произведений выступают как генераторы смыслов для культурного ландшафта. Ландшафт же со своей стороны может выступать как пространственная развёртка смыслов, «упакованных» в литературном произведении, или как сцена для некоего китчевого действия.

Художественные произведения обретают в ландшафте осязаемость и материальность, когда экскурсовод показывает место, где с литературным героем происходило то или иное событие. Иногда, правда, сами произведения искажаются при этом до неузнаваемости — например, на мальтийском острове Гозо есть грот Калипсо, нимфы, жившей на острове Огигия на Крайнем западе, куда попал спасшийся Одиссей на обломке корабля, разбитого молнией Зевса за истребление быков Гелиоса. Калипсо удерживала у себя древнегреческого героя некоторое время, не позволяя вернуться домой. Сейчас на звание Огигии претендуют также тунисский остров Джерба, испанские Майорка и Менорка, и, вероятно, ещё несколько островов Средиземного моря. На Гозо этот эпизод произведения великого Гомера — локальный миф, прочно вошедший в местную культуру. Но в аудио-экскурсии на автобусном туристическом маршруте, следовательно, тиражируемой из года в год, грот Калипсо трактуется как «пещера, где Одиссей долгое время прожил со своей женой Пенелопой».

Локальные мифы могут создаваться и целенаправленно — путём **музеефикации литературных произведений**, создания музеев литературных героев, в том числе и фольклорных сказочных персонажей. Наиболее популярные герои приживаются в самых разных местах. Так, музей Бабы Яги существует как минимум в двух населённых пунктах — Калязине, где это скорее сказочная этно-деревня, чем музей, и в провозгласившем себя родиной Бабы Яги селе Кукобное Ярославской области, где экспонируются игрушечные «бабки ёжки». Причём в этом случае возрождается даже борьба за «идеологическое» доминирование в ландшафте. Музей Бабы Яги в городе Кириллове близ Кириллово-Белозерского монастыря закрыла Вологодская епархия, расценив его как недопустимую языческую доминанту рядом со святым местом православия.

Музеи литературных героев привносят дополнительные смыслы в изначальный культурный ландшафт. Например, знаменитый дом по вымышленному адресу Бейкер-стрит, 221Б, где «жил» Шерлок Холмс. Сейчас на лондонском музее в честь прославленного сыщика — табличка именно с этим адресом. В Вероне один из старинных особняков XIV века превращён в «Дом Джульетты», где разместился музей шекспировских героев. «Джульетта», подобно «Деду Морозу» в Великом Устюге, ведёт активную переписку, консультируя в любовных делах. Интересен здесь не столько пиар-ход создателей музеев как в Великом Устюге, так и в Вероне, сколько информационное поле города, сконцентрировавшего в себе харизматическую силу виртуального литературного/сказочного персонажа.

В Испании самый известный литературный герой имеет не только свой музей в Сьюдад-Реаль (городе, присвоившем себе право быть родиной Дон-Кихота), но и туристический маршрут, разработанный по страницам великого романа Сервантеса, где по ходу действия в пространстве обычные таверны, сохранившиеся ветряные мельницы и прочие элементы ландшафта приобретают ауру причастности к событиям, разворачивавшимся в романе.

Сказочные персонажи, созданные на плодородной почве национального культурного ландшафта, сейчас также переживают новое рождение, обретают свой дом в реальном пространстве. В книгах Астрид Линдгрен шведские городские и сельские ландшафты весьма узнаваемы и герои имеют достаточно яркий национальный колорит. В Стокгольме теперь открыт музей её героев, находясь там, можно перемещаться из сказки в сказку. Туве Янсон — тоже достаточно колоритная сказочница, чьи герои укоренены в суровой природе Скандинавии с её морем, долинами и фьордами, полярными ночами и прохладным летом. И остров неподалёку от курорта Наантали в Финляндии приобрёл абсолютно сказочный ландшафт, где в точности воспроизведена долина Муми-троллей.

Иногда, привнесённые извне, но чрезвычайно дорогие сердцу читателя литературные герои меняют ландшафт до неузнаваемости, создавая кластеры «инородного», но всечеловеческого пространства, как «Музей Маленького Принца» (Посёлок Хаконе, префектура Канагава, Япония). Этот музей окружён небольшим парком, посетители попадают в мир довоенного Прованса или Парижа: вокруг красуются надписи на французском языке, французские домики и французские кафе. Экспозиция посвящена не только Маленькому Принцу, но и его создателю — Антуану де Сент-Экзюпери.

Таким образом, художественные произведения становятся силой, меняющей культурный ландшафт не только на информационно-смысловом, но и на вполне предметном уровне.

С другой стороны, анализ художественных текстов, сюжетно, коннотативно или аллегорически привязанных к определённому месту, позволяет выявить смыслы этого места, кроме того, через эту рефлексию создавая новый смысл. Как уже говорилось выше, в узком смысле в отечественной культурологии и филологии **локальные тексты культуры** подразумевают художественные тексты, бытующие «вокруг места».

Корпус художественных текстов, внутреннее событийное пространство которых соединяется с реальным пространством, достаточно велик. Через искусство культурный ландшафт осмысляется и «означивается» вторично, уже на уровне высокой культуры, культурного наследия. Существует Петербург Ф. Достоевского, Москва и Киев М. Булгакова, Париж В. Гюго. На конкретный культурный ландшафт «выплёскивается» хронотоп литературного текста и получается, что «литературный и архитектурный хронотоп перекликаются. Пример — Петербург эпохи Достоевского. Это картина пространства в его временной, социально-психологической окраске. Это архитектурная среда во всей её многозначности и содержательности» (Июлев, 1999; с. 104). Возникают литературные карты Москвы, Петербурга, других городов и даже наиболее информационно насыщенных природных ландшафтов.

В различных художественных и документальных текстах, являющихся выражением ментальности локальной и национальной культуры, документируется и/или генерируется семантика культурного ландшафта. Литературный текст становится инструментом

познания процессов и явлений, происходящих в геокультурном пространстве. С другой стороны, локальные тексты включают место в контекст культуры в целом, в том числе и мировой (в зависимости от уровня текста), структурируют породивший их ландшафт, наполняют его новыми смыслами и образами. Локальный текст всегда существует в коммуникации с другими локальными текстами, стараясь непременно самоопределиться в их «сообществе».

По аналогии с Петербургским начал осмысливаться Московский текст русской культуры (См.: Лотмановский сборник, 1997; Москва и «московский текст»..., 1998; Москва и «Москва»..., 1998; Люсый, б/г), но многое из того, что было сказано в новых исследованиях о структуре и генезисе Московского текста, было уже проговорено Топоровым в компаративистике «Москва — Петербург». Один из наиболее разработанных локальных текстов русской культуры — Пермский и Уральский тексты (См.: Абашев, 2000; Литература Урала., 2000—2008; Геопанорама., 2000). Другой географический предел, положенный в наполненном патриотическим пафосом стихотворении «Клеветникам России», — Таврида. Она вдохновила А. П. Люсого на исследование Крымского и Кавказского текста (Люсый, 2003, 2009). Киевский текст русской литературы, вернее, одного из её мастеров — Михаила Булгакова, представлен в монографии М. С. Петровского (Петровский, 2008).

Ещё один из реперов современного геокультурного пространства — это рефлексия на тему «**гений и место**», в которой с разных авторских позиций и с разным методологическим арсеналом исследуются образы мест и концепции пространства в произведениях тех или иных классиков русской литературы. Наиболее значимым исследованием представляется монография Петра Вайля «Гений места» (Вайль, 2007), которая повествует о линиях органического пересечения творчества художника с местом его жизни. В работах Д. Н. Замятина (Замятин, 2008, 2009) и Н. Ю. Замятиной (Замятин, Замятина, Митин, 2008) проблематика «гений и место» рассматривается как часть локальной мифологии и составляющая локального текста. Частично литературные образы места присутствуют в сборнике «Любовь пространства...» (2008), посвящённом творчеству Б. Пастернака.

В современной культуре возникают «**прочтения**» **локального текста** на основе текста отдельно взятых художественных произведений. Создаются особые маршруты-прочтения, как, например, Москва «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, Петербург «Медного всадника» А. С. Пушкина, и более широкий территориальный размах — уже упоминавшийся маршрут по Испании Дон Кихота. Тот же самый эффект возникает и в провинциальном ландшафте, если он был отражён в произведениях литераторов национального и мирового масштаба. Причём совершенно не обязательно, чтобы в произведениях такого ранга были упомянуты конкретные топонимы. Так, роман А. Платонова «Чевенгур», один из самых значительных романов 1920—1930-х годов, напечатанный в России спустя шестьдесят лет после своего написания, стал поводом пристального внимания исследователей к реальному пространству юга Воронежской области — пространству, явившемуся прототипом места действия философского романа-метафоры. Топоним «Чевенгур» (предположительно, «вывернутый наизнанку» Богучар) — авторский вымысел, но в романе участвуют и реальные топонимы, оставшиеся в тексте

в своём первозданном звучании и местоположении. Летом 2000 г. в окрестности города Богучара отправилась экспедиция, посвятившая свои исследования прочтению философских откровений романа А. Платонова в реальном культурном ландшафте (Балдин, Голованов, Замятин, 2000; Голованов, 2000). Перемещение в пространстве-тексте происходило как приобщение к тексту литературного произведения, к его полисемантической многослойности.

Как часть локального текста можно рассматривать и собственно **путевые заметки**, которые в современном мире переживают второе рождение. Поэтому стоит уделить им особое внимание, выделив отдельно литературу и заметки о местах и путешествиях, где главный герой — собственно ландшафт.

Полисеманτικότητα топонимов-знаков и их взаимоотношений в пространстве обычно считается обывателем на интуитивном, герменевтическом уровне и далеко не всегда осмысливается. Чтение текста культурного ландшафта места жительства возможно лишь при некоторой отстранённости взгляда, рефлексии. Суть взаимоотношений человека и ландшафта выражается в бытийности места жительства. Информация, заключённая в ландшафте, чаще всего воспринимается его обитателями на подсознательном уровне, но при этом они в достаточной мере ощущают её значимость. Для жителя процесс осознания знаковости привычного места сходен с процессом саморефлексии, поэтому большинство «краеведческих текстов» пишутся либо приезжими, либо оторванными волею судеб от родного гнезда уроженцами этого места, которым расстояние помогает понять ранее непознанные смыслы.

Информация о ландшафте, идущая «на экспорт», обеспечивает распространение знаковой системы, системы образов в пространстве региона, страны и мира. «Внешние носители информации» о ландшафте — «как труды учёных — исследователей данного ландшафта или отдельных его элементов, так и произведения художников, литераторов, журналистов, кинооператоров и т.д.» (Веденин, 2004).

Сейчас визуальная информация о месте тиражируется через базу любительских и профессиональных фотографий, размещённых в интернете. Визуальные образы дальних стран становятся частью интерьера, причём не безымянной частью, а привязанной к местам съёмок, например, фотообои рабочего стола «Сейшелы» делают узнаваемым в любых ракурсах специфический скальный абрис берега одного из островов.

Кто-то расценивает интернет-блоги как ренессанс письменной речи, нам же интересно то, что важную роль в этом пространстве играют заметки о том или ином месте на планете или в России. После перемещения в интернет-пространство, путевые заметки, конечно, потеряли былую литературную силу, стали массовым явлением. Современным авторам не откажешь в яркости описаний, хотя до красоты языка путешественников Пржевальского, Козлова, Арсеньева, а также литераторов Паустовского, Пришвина и других классиков, уделявших значительное внимание описанию ландшафта, им далеко.

Интересно, что некоторые регионы начинают применять новые технологии для презентации себя в интернет-пространстве, в частности, запускаются «бродилки» по трёхмерной карте местности, в которых посетитель может считать информацию, таким своеобразным способом представленную в сети. Это своеобразная, упрощённая для пользователя, квинтэссенция процесса чтения текста культурного ландшафта.

Процесс чтения текста — объект пристального внимания философов и культурологов, пытающихся определить, где пролегает граница между чтением и пониманием, являющаяся чрезвычайно важным элементом в когнитивной теории познания, какие параметры в этом процессе определяет текст, а какие — субъект чтения.

«**Прочтение**» текста культурного ландшафта сходно с методикой моделирования образов места, которая достаточно широко представлена в монографии Д. Замятина (Замятин, 1999). Основным принципом таких методик должно быть преобразование латентной информации в пространственно-знаковую модель. По мнению Н. Ю. Замятиной, работающей в том же ключе, «чтение ландшафта в общем случае заключается в понимании значения отдельных элементов ландшафта, интерпретация — в понимании смысла» (Замятина, 2009).

В акте прочтения текста культурного ландшафта следует учитывать то, что семиотические механизмы, как их определяет Ю. М. Лотман, — «это отнюдь не только средства коммуникации, служащие для точной передачи текста, но механизмы творческого сознания. Творческое сознание предполагает совершенно иную структуру. Оно предполагает, что между тем, как я кодирую текст, и тем, как другой его декодирует, существует не автоматическое тождество, но отношения эквивалентности» (Лотман, 2002; с. 153).

В результате «**читатель**» выступает как **дешифровщик и интерпретатор культурных кодов**, носителем которых выступает ландшафт. Это особенно актуально, когда информация была «закодирована» иной культурой или культурой иной исторической эпохи.

В соответствии с положениями текстологии, связанный текст от бессистемного комплекса смысловых сообщений отличает существование особого текстового отношения — экспозиции, главный член которого — «смысловое отношение — его следствие». Рассматривая культурный ландшафт как текст, можно заметить, что смысловые отношения в нём упорядочены в пространстве и не имеют строго фиксированной последовательности. Экспозиция такого текста не линейна. Книжный текст имеет своеобразную «древовидную» последовательность высказываний с очередным (надстраивающимся) смысловым отношением. В культурном ландшафте отношения между топонимами-знаками и соответствующими географическими объектами также имеют разветвлённую, «ризоматическую» структуру, но смысловое отношение и его следствие разворачиваются не во времени, а в пространстве.

Таким образом, одновременно существующие в пространстве топонимы-знаки или сообщения могут быть прочитаны как определённая последовательность сообщений, как текст. Микрогеография локальных культурных ландшафтов читается в соответствии с местной историей.

Следуя внутренним линиям ландшафтного текста, его ритмике, перемещаясь в нём, человек вынужден действовать в соответствии с заданными смысловыми параметрами как силовыми линиями — особенность текста ландшафта в том, что чтение, считывание влечёт за собой действие, чтение превращается в «танец».

Пластика ландшафта, его ритм, структура, могут выступать как его смысл, так как имеют множество культурных коннотаций. Сама геометрия ландшафта семантически, так же как и синтаксис текста (Каганский, 2001, с. 36). За счёт системы символов, имеющих геометрические коннотации на уровне коллективного бессознательного, даже не затро-

нутый человеком ландшафт воспринимается как сообщение, несущее некий сверхсмысл. Самый высокий уровень — **когнитивный** — понимание системы пейзажа, вычленение его элементов, описание, интерпретация — фактически создание нового текста, когерентного изначальной информации, но поднимающего её на новую степень абстракции и логических обобщений.

Современная культура не только воспринимает (наследует, рефлексивует) созданные ранее и запечатлённые в географическом пространстве смыслы, но и вносит свои изменения даже в результате восприятия, если при этом происходит переосмысление сообщений, созданных ранее. В связи с этим по отношению к пространству, семантически упорядочиваемому культурой, как нельзя больше подходит понятие **интертекста**, введённое в научный оборот Ю. Кристевой. «Интертекст следует понимать <...> как пространство схождения всевозможных *цитаций*. <...> Акт возникновения интертекста должен рассматриваться как результат процедуры «чтения-письма»: интертекст *пишется* в процессе *считывания* чужих дискурсов...» (Косиков, 2000).

Смыслы в интертексте культуры текучие и незакреплённые, постоянно «дрейфующие» от произведения к произведению, от артефакта к артефакту. В культурном ландшафте **происходит фиксация смыслов в пространстве**. Смыслы могут видоизменяться, добавляться или исчезать, но в случае их прикреплённости к месту легко прослеживается и дешифрируется их генезис.

Пересечение смыслов в одном локусе даёт приращение смысла. Поливалентность значений в пространстве имеет значение «культурной насыщенности», в разной степени коррелирующей с понятием культурного наследия.

Культура, которая сама в постструктуралистской традиции трактуется как текст, семантически сконструировав среду обитания, создаёт качественно иной мир, наполненный значениями и символами; он потом становится самоценным, нематериальным наследием особого рода, и требует движения в ландшафтно-текстовом пространстве, путешествия реального или виртуального от одного смыслового «узелка» к другому. Ландшафт и мир, структурированный и текстуализированный культурой, так же, как и текст художественного или философского произведения, вызывает желание прочтения.

ЛИТЕРАТУРА

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. — 404 с.

Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. — Новосибирск: Наука, 1989. — 197 с.

Баглаєвський А. Місто. Палімпсест / Перекл. Г. Чопік // *Ї*, 1998, № 13. — С. 109–131.

Балдин А., Голованов В., Замятин Д. Империя пространства. К развалинам Чевенгура // Книжное обозрение «Ex libris НГ». № 41 (164), 26 октября 2000 г.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. — 532 с.

Вайль П. Гений места. — М.: КоЛибри, 2007. — 488 с.

Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. — М.: Институт Наследия; — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 224 с.

Веденин Ю. А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 68–81.

География искусства. Вып. 1. — М.: Институт Наследия, 1994.

География искусства. Вып. 2. — М.: Институт Наследия, 1998.

География искусства. Вып. 3. — М.: Институт Наследия, 2002.

География искусства. Вып. 4. — М.: Институт Наследия, 2005.

География искусства. Вып. 5. — М.: Институт Наследия, 2009.

География искусства. Вып. 6. — М.: Институт Наследия, 2011.

География искусства: междисциплинарное поле исследования. — М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 208 с.

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / Отв. ред. Л. О. Зайонц; сост.: В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. — М.: Языки славянской культуры, 2000. — 672 с.

Замятин Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Литература Урала: история и современность. Вып. 4. Локальные тексты и типы региональных нарративов. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. — С. 8–43.

Замятин Д. Н. Моделирование географических образов. — Смоленск: Ойкумена, 1999. — 256 с.

Замятин Д. Н. От зеркала к сфере. Гений и место // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 6. — М.: Институт наследия, 2009.

Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 760 с.

Замятина Н. Ю. Культурно-ландшафтные исследования города // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвёртый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / Под ред. Т. М. Красовской. — М.: Геофак МГУ, 2009. — С. 45–51.

Иовлев В. И. Архитектурный хронотоп и знаковость // Семиотика пространства. Сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотки пространства / Под ред. А. А. Барабанова. — Екатеринбург: Архитектон, 1999. — С. 103–114.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. — М.: НЛО, 2001.

Косиков Г. К. «Структура» и/или «текст» // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М.: Прогресс, 2000. — С. 3–48.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. — М.: Прогресс, 2000. — С. 427–457.

Лавренова О. А. Географическое пространство в произведениях американских писателей // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 1993. № 3. — С. 27–34.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX в. (геокультурный аспект). — М.: Институт Наследия, 1998. — 128 с.

Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. — М.: Институт Наследия, 2010.

Литература Урала: история и современность. Локальные тексты и типы региональных нарративов. Вып. 1–4. — Екатеринбург, 2000–2008.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. — СПб.: Искусство — СПб, 2002. — 768 с.

Лотмановский сборник (Памяти Ю.М. Лотмана) / Тартус. ун-т, каф. рус. лит., каф. семиотики, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. В 2 т. Т. 2. — М.: МОГИ, 1997. — 857 с.

«Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака / Отв. ред. В.В. Абашев. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 424 с.

Люсый А.П. Герменевтический коллапс // Русский журнал. <http://www.russ.ru/role/Germenevticheskij-kollaps>

Люсый А.П. Кавказский текст: плен и месть // География искусства. Вып. 5. — М.: Институт Наследия, 2009. — С. 75–108.

Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. — СПб: Алетейя, 2003. — 314 с.

Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — М.: Ойкумена, 2004. — 160 с.

Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. статей / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. — М.: ТОО Летопись, 1998. — 571 с.

Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. статей. — М.: РГГУ, 1998. — 226 с.

Петровский М. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. — СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. — 464 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. — СПб: Искусство—СПБ, 2003. — 616 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. — М.: Восточная литература, 1998. — 800 с.

Чертков Л.Ф. К семиотике пространственных кодов // Семиотика пространства. Сб. науч. тр. Междунар. ассоц. семиотки пространства / Под ред. А.А. Барабанова. — Екатеринбург: Архитектон, 1999. — С. 93–101.

History of cartography. Vol. 1–3. University of Chicago Press: 1987–2007. Vol. 1. Introduction by J.В. Harley. — P. 2.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ МОРСКИХ ОХОТНИКОВ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

(по итогам исследований 1970-х-2000-х гг.)

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта статья была в основном написана несколько лет назад для готовившегося тогда сборника Института Наследия, но осталась незаконченной. Сам сборник несколько раз откладывался, а с уходом из жизни первого и главного автора статьи, Людмилы Сергеевны Богословской (1937–2015), почти готовая статья тоже была отложена. Поэтому сейчас я предложил её редколлегии юбилейного сборника к 80-летию Ю. А. Веденина в слегка подправленном виде.

За истёкшие шесть лет ситуация, в которой готовился первоначальный вариант статьи, изменилась радикально, в чём-то — драматически. Не стало Л. С. Богословской — моего соавтора, партнёра и спутника в работах на Чукотке с конца 1970-х гг. В память о ней мы недавно издали сборник статей и воспоминаний с романтическим названием «Лицом к морю» (Крупник, 2016), в котором участвовали многие авторы настоящего издания. Ю. А. Веденин перестал быть директором Института Наследия, и очень быстро этот институт для нас «закончился». С приходом новой администрации мы один за другим покинули это место, которому отдали многие годы жизни и с которым у нас связаны самые добрые воспоминания.

Юрий Александрович пригласил меня в институт в 1997 г. в качестве «аффилированного сотрудника», и я с радостью пробыл в этом необычном звании почти 17 лет, работая всё это время рядом с Богословской в её Центре традиционной культуры природопользования. Вместе мы издали три книги о Севере под грифом института (Богословская и др., 2007; Богословская, Кривошеков, Крупник, 2008; Богословская, Крупник, 2013) и много совместных статей; возглавляли российскую часть международного проекта «СИКУ» (Sea Ice Knowledge and Use) по программе Международного полярного года 2007–2008 (Крупник, Богословская, 2007). Ушли из института почти все коллеги, с которыми я был дружен и сотрудничал все годы. Это — очень грустная история; но о ней уже рассказано много на страницах этой книги и нет необходимости повторяться.

Однако многие другие, фундаментальные части жизни не изменились, хотя и образовалась пустота после ухода Богословской и без Института Наследия. Остался Север — прекрасный, наполненный смыслом, культурой и историей, и притом — незащищённый. Осталась грандиозная социальная задача — охранять его Природу и поддерживать его Культуру перед лицом безрассудного промышленного освоения и бюрократического государства. Сколько помню себя рядом с Богословской, это было всегда наше первое и главное «служение». Оно таким останется, потом ещё для наших детей и внуков, и детей тех, кто живёт на Севере.

Самым замечательным образом почти не изменился один человек — Юрий Александрович Веденин. Впервые мы встретились во второй половине 1980-х гг. Он пришёл ко мне в Институт этнографии АН СССР, где я тогда работал, по рекомендации нашего общего друга и коллеги А. В. Дроздова. Как два географа: он — активный, я — бывший, мы мгновенно нашли общий язык; правда, найти его с Ведениным всегда легко. Он хотел поговорить о «географии искусства» — теме, которая волновала его в те годы и потом оставалась предметом интереса следующие 30 лет его жизни (Веденин, 1990; 1997). Общаться с ним было необычайно интересно: он задавал нужные, заводящие вопросы; говорил о своих взглядах и новых методах «картографирования культуры». Невозможно было представить, что спустя 10–15 лет я буду сам заниматься теми же делами да ещё в институте, где Веденин будет директором.

Потом мы встретились в 1990-е гг. в Вашингтоне, в Смитсоновском институте, где я уже работал. Разговор зашёл о передвижной этнографической выставке «Перекрёстки континентов. Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски», которую мы хотели привезти из Америки для тура по городам Дальнего Востока, но не могли найти поддержку в нужных отделах Министерства культуры. Веденин с радостью согласился помочь и действительно помог, притом столь эффективно, что через два года мы привезли выставку в Хабаровск, потом отправили её в тур по четырём дальневосточным городам и ещё издали красочный русский каталог (Шонсонне, Крупник, 1996) под грифом наших двух институтов. Этот каталог стал «знаковой» книгой для читателей, музейных работников и национальной интеллигенции коренных народов Дальнего Востока. Уверен, что без Веденина мы бы всего этого не добились. А потом он пригласил меня сотрудничать с Институтом Наследия, и я с радостью согласился.

Главными для меня в личности Веденина и затем — в руководимом им институте были удивительная открытость и доброжелательность в сочетании с высокими академическими критериями работы. В институте всегда было интересно и легко (то есть, для меня «легко», но, очевидно, не для Веденина), здесь постоянно рождались новые идеи, планы и замечательные научные мысли. Именно так, в принципе, должно быть в науке; но мы знаем, что так обычно не бывает. И за этот удивительный творческий мир на одном «отдельно взятом острове» мы всегда будем благодарны Ю. А. Веденину.

Именно на одном из институтских семинаров в феврале 2009 г. я сделал доклад о морском льде как «культурном ландшафте» северных народов, притом — особом ландшафте, который исчезает каждый год и снова восстанавливается благодаря культу-

ре и знаниям использующих его людей (Крупник, 2013). Потом мы издали с Богословской книгу, где концепция морского льда как «культурного ландшафта» использована как основа изложения и анализа собранных в ней материалов (Богословская, Крупник, 2013). Без знакомства с Ведениным и сотрудничества с Институтом Наследия вряд ли бы мне пришло в голову оформить мои мысли о роли народных знаний в такую концепцию, да ещё и написать о необходимости сохранения «ледового культурного ландшафта» в условиях быстрых изменений северных культур и потепления Арктики. Я благодарен ему за эти идеи, за замечательное интеллектуальное общение, в котором именно такие гипотезы могут рождаться (ср. Веденин, Кулешова, 2004). Это — очень редкое человеческое качество: не только творить самому и притом хорошо творить, но и создавать обстановку, в которой легко и успешно творится *другим*.

Известно, что Веденин не любит хвалебных слов, — поэтому пусть он простит меня за это вступление.

* * *

Проблемы сохранения природного и историко-культурного наследия требуют специального решения на территориях проживания аборигенных народов и малочисленных этнических групп, где оба вида наследия составляют единый неделимый комплекс в реальной жизни и в мировоззрении этих сообществ.

Ярким примером является Восточная Чукотка — участок древней Берингии, имеющий исключительное значение в истории освоения человечеством нашей планеты. Именно через эту территорию пролегли пути народов из Северной Евразии в Северную Америку и Американскую Арктику, вплоть до Гренландии. Переселения с континента на континент длились многие тысячи лет, и последние десять тысяч лет Восточная Чукотка, Западная Аляска и разделяющий их Берингов пролив играли выдающуюся роль в истории азиатско-американских контактов в силу своего уникального географического положения. Древние и ныне живущие здесь народы оставили гигантский комплекс археологических и культурных памятников: от палеолитических стоянок до более поздних жилых и ритуальных сооружений из костей китов, а также прекрасные изделия из моржового клыка, кости, дерева, оленьего рога, уникальные фольклорные, песенные и танцевальные традиции.

За этот длительный период поколения людей освоили наземные и морские биоценозы Берингии и превратили их в культурные ландшафты особого рода благодаря своим знаниям растительного и животного мира, организации экологически оптимального расселения, созданию системы священных территорий, почитанию и охране разнообразных объектов природы. Отделить друг от друга природную и культурную составляющие Берингийского наследия невозможно. Это отражают традиционные знания коренных жителей Восточной Чукотки — эскимосов и чукчей, передаваемые изустно от поколения к поколению и лишь отчасти зафиксированные в письменной форме за последние десятилетия (Богословская и др., 2007; 2008; Богословская, Крупник, 2013; Крупник, 2010; Krupnik, Chlenov, 2013).

В современных условиях сохранять культурное и природное наследие Восточной Чукотки как единое целое крайне сложно по многим причинам. Одной из них является ведомственный характер современного законодательства России, где охрана природы осуществляется одной группой законов и одними ведомствами, а охрана культуры и культурных памятников — другой группой законов и другими ведомствами. При этом современный вектор развития коренных народов направлен в сторону всё ускоряющегося их отрыва от своей природы и национальной культуры, включая утрату родных языков и ускоренное индустриальное освоение территорий их исконного проживания (Богословская, 2014).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Исключительное географическое положение на стыке двух континентов и двух океанов превратило район Берингова пролива в своеобразный миграционный коридор и перекрёсток миграционных путей наземных и морских организмов из различных областей Земли (Рис. 1), а также в один из главных очагов формирования холодостойких видов флоры и фауны нашей планеты. В целом, природные комплексы Берингова пролива представляют уникальный блок биосферы, который оказывает воздействие на многие процессы и явления, происходящие на Земле (Богословская, 2003; Богословская и др., 1979).

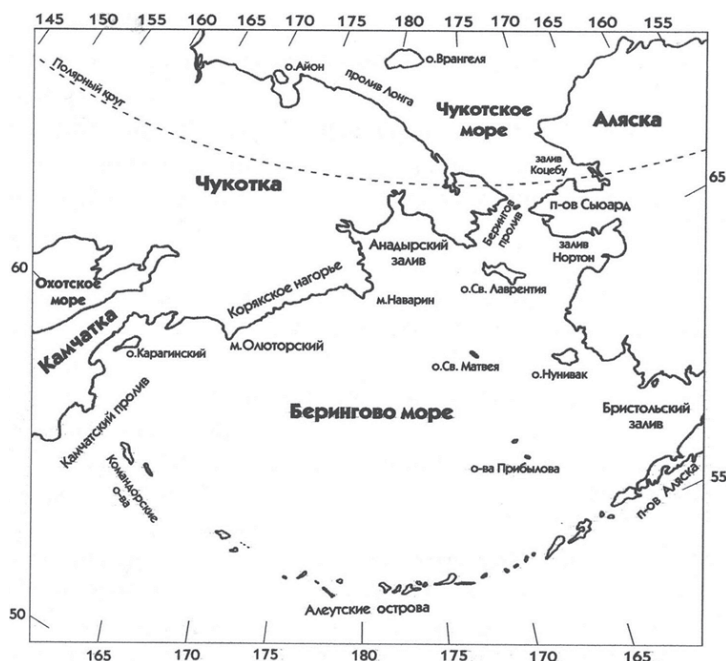

Рис. 1. Географическое положение региона Берингова пролива

Морские экосистемы Чукотского полуострова обладают необычайно высоким для Арктики уровнем биологического разнообразия и продуктивности. В зна-

чительной мере эти качества определяются холодноводностью его морских пространств и особенностями их ледовых условий — сочетанием сложной и динамичной системы стационарных полыней и ледовых трещин с разводьями, полями дрейфующих льдов и обширными участками берегового припая (Рис. 2). Ледовые ландшафты Чукотского полуострова можно рассматривать в качестве особой высокопродуктивной морской экосистемы, которая обеспечивает в течение длительного зимнего периода жизнь множества организмов, включая и человеческие сообщества.

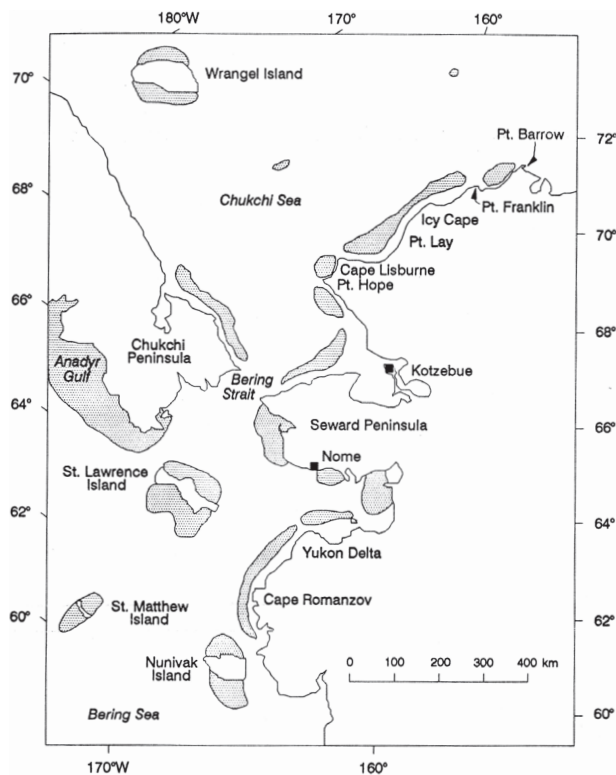

Рис. 2. Схема размещения крупных полыней в регионе Берингова пролива (no: Burns, J.J., Montague, J.J. and C.J. Cowles (eds.), 1993)

Морская зверобойная культура, сформировавшаяся на берегах Чукотского полуострова более 3.000 лет назад, в настоящее время сосредоточена главным образом на участке побережья между современным селением Уэлькаль в заливе Креста, в северо-западной части Берингова моря, и селом Ванкарем на арктическом побережье Чукотского моря. Только от косы Руддер до Колючинской губы в разное время располагалось около 160 древних и исторических аборигенных поселений, приуроченных к местам зимней концентрации морских зверей и птиц, а также множество сезонных стоянок охотников, рыбаков и собирателей (Рис. 3).

Рис. 3. Традиционные прибрежные поселения и стоянки коренных жителей Чукотского п-ова по литературным, археологическим и полевым данным. Впервые напечатано в английском варианте (Bogoslovskaya, 1993)

Современные коренные народы, азиатские эскимосы-юпик и береговые (приморские) чукчи — прямые потомки древних морских охотников Берингии. Как и много веков назад, они добывают для своего питания десять видов морских млекопитающих: это усатые киты, гренландский (*Balaena mysticetus*), серый (*Eschrichtius gibbosus*) и до 1970-х гг. горбач (*Megaptera novaeangliae*); белуха (*Delphinapterus leucas*), а также ластоногие: тихоокеанский морж (*Odobenus rosmarus divergens*), кольчатая нерпа, или акиба (*Phoca (Pusa) hispida*), морской заяц, или лахтак (*Erignathus barbatus*), ларга (*Phoca larga*), полосатый тюлень, или крылатка (*Histiophoca fasciata*) и в отдельные годы также морской лев (сивуч *Eumetopias jubatus*). За исключением серого кита, горбача и сивуча, все перечисленные виды морских зверей тесно связаны со льдами. Кроме них, пищевыми объектами приморских жителей являются более 20 видов морских и околоводных птиц и примерно столько же видов морских рыб и беспозвоночных.

На территории активной промысловой деятельности морских охотников Чукотки, между посёлками Уэлькаль и Ванкарем, различия ледовой обстановки, ветрового режима, характера течений, а также концентрации зимних и летних биоресурсов явились основой для формирования десяти локальных «промыслово-экологических ареалов» (Рис. 4). Эти экологические ареалы можно рассматривать как локальные варианты морской зверобойной культуры Берингова пролива, которые складывались столетиями и просуществовали вплоть до эпохи концентрации берегового населения и закрытия аборигенных посёлков Чукотки в 1950–1980-е гг. (Krupnik, Bogoslovskaya, 1999). Каждая такая локальная культура имела свой промысловый район, свой годовой хозяйственный цикл, основанный на охотничьем календаре; обладала собственным набором приёмов морской охоты и техники безопасности при передвижении и охоте во льдах.

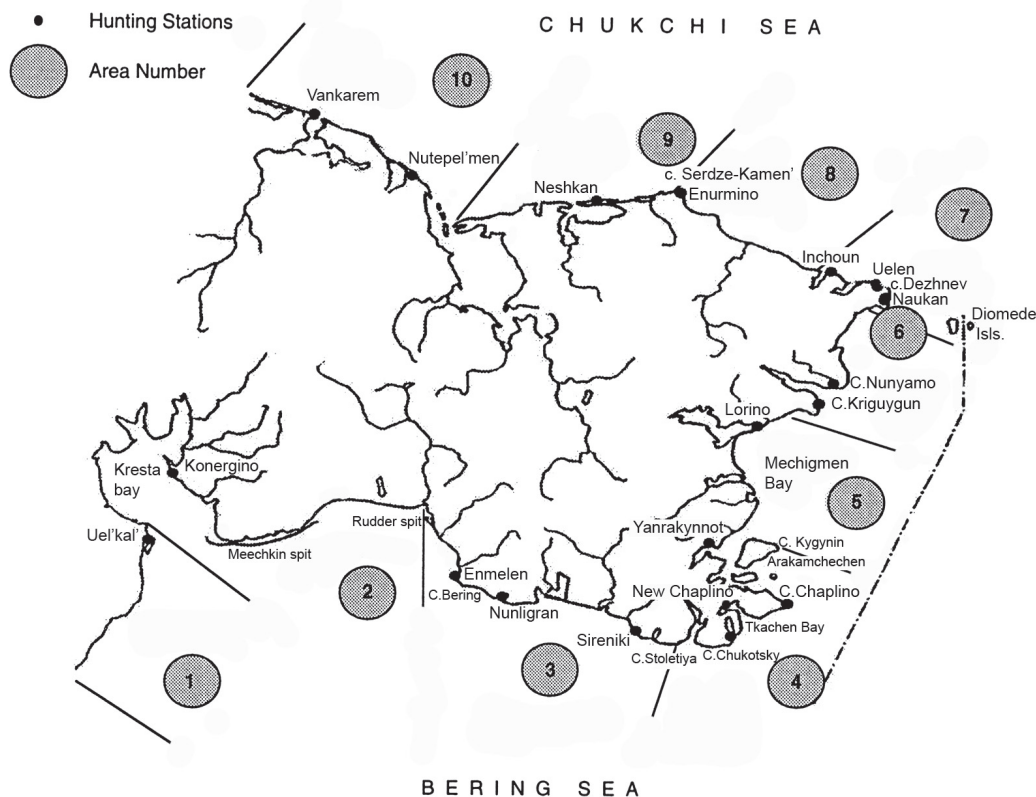

Рис. 4. Локальные «промыслово-экологические ареалы», пространственные варианты аборигенной промысловой культуры на Чукотском п-ове (впервые опубликовано: Krupnik, Bogoslovskaya, 1999, с изменениями)

На южном побережье Чукотского полуострова (ареалы 1–3) использование местных природных ресурсов исторически связано с Сиренинской полыньей. Это обширное пространство зимней «открытой» воды длиной около 150 км, шириной от 30 до 80 км тянется вдоль южного берега Чукотки от мыса Столетия до косы Руддер. К северо-западу от косы Руддер оно сменяется разводьями, которые в более тёплые годы достигают входа в залив Креста. В Сиренинской полынье постоянно зимуют морские и околотовдные птицы; их скопления порой насчитывают многие десятки тысяч особей (Богословская, Вотрогов, 1981). Например, по наблюдениям в марте — начале апреля 1980 г. здесь преобладали обыкновенная гага (*Somateria mollissima*), серебристая чайка (*Larus argentatus*) и моевка (*Rissa tridactyla*), в небольших количествах отмечен берингийский баклан (*Phalacrocorax pelagicus*), а также вилхвостье чайки (*Xema sabini*). По сообщениям морских охотников посёлка Сиреники, записанным в 1980-е гг., в феврале — марте на льдах, окаймляющих полынью, регулярно держались большие стаи (до 500 особей) розовой чайки (*Rhodostethia rosea*). На скалистых береговых участках размещаются колонии морских птиц (Рис. 5), включая самые многочисленные на Чукотском полуострове (Богословская и др., 1988; Копуяхов et

al., 1998). Сиреникская полынья — удобное место зимовки и размножения небольшой группы гренландских китов: в начале апреля охотники постоянно встречают их детёнышей размером «в два моржа» (Богословская, 2003; Bogoslovskaya et al., 1982). Моржи и лахтаки также зимуют и размножаются на льдах Сиреникской полыньи и весной активно мигрируют отсюда на север (Богословская и др., 2007).

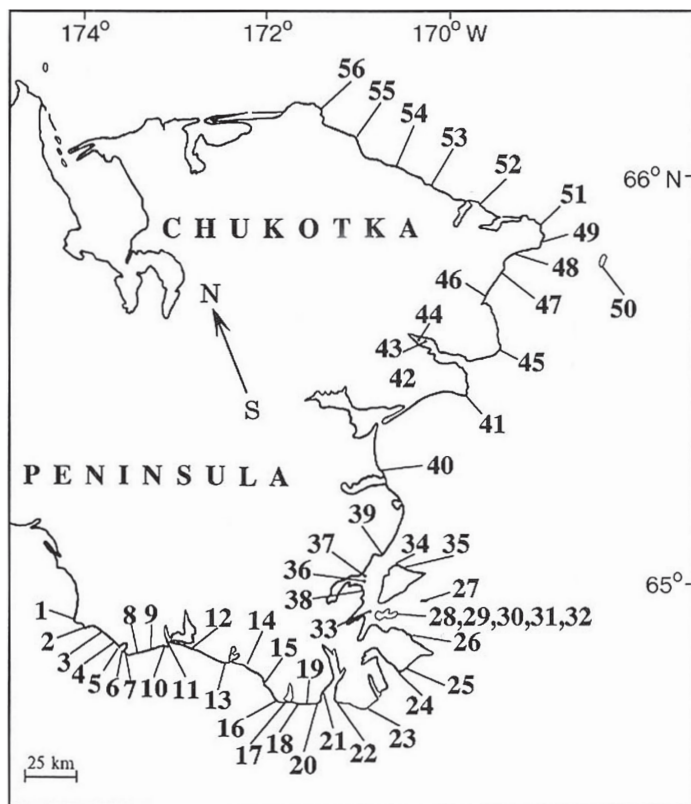

Рис. 5. Размещение важнейших птичьих базаров на побережье Чукотского п-ова (Копычikov et al., 1998).

Вдоль **восточного побережья** Чукотского полуострова (ареалы 4–6) зимой образуются устойчивые припайные льды. Но имеются достаточно обширные стационарные полыньи и разводья дрейфующих льдов у мысов Чаплина, Кыгынин (остров Аракамчен), Кригуйгун, Нунямо, Пээк, где зимуют морские звери и птицы. Далее к северу, в самом «горле» Берингова пролива (ареал 7), между старым селением Наукан, существовавшим до 1958 г. у мыса Пээк, и восточным берегом о. Ратманова, море обычно замерзает. Но течения и ветры часто ломают ледовое покрытие, создавая весьма динамичную систему разводий, привлекающих гренландских китов, белух и белых медведей (Рис. 6; Богословская, 2003; Bogoslovskaya, 2003). Весной море у Наукана вскрывается очень рано, поэтому прежде охотники-чукчи Уэлена перебирались сюда и свои первые охоты проводили вместе с науканскими эскимосами.

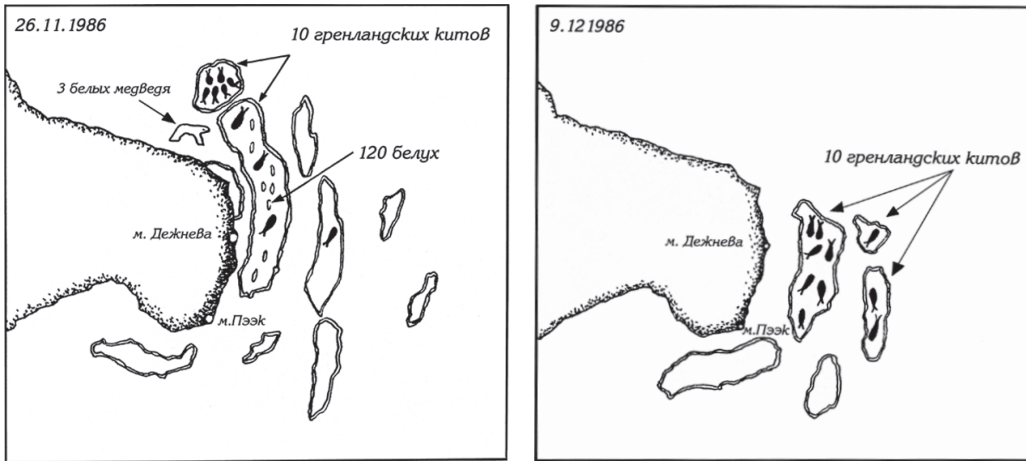

Рис. 6. Гренландские киты и белухи в полыньях возле мысов Дежнёва и Пээк, возле них «дежурят» три белых медведя. За животными наблюдал и зарисовал их распределение В. М. Шкробот, командир экипажа вертолета Ми-8. Он сообщил, что белухи покинули полыньи через три дня, а гренландские киты ушли из полыней только 4 января 1987 г.

Вдоль арктического **северного берега** Чукотского полуострова (ареалы 8–10) лежит протяжённая, до 1000 км, но узкая, шириной всего 30–50 км, заприпайная полынья, называемая Чукотской прогалиной, или Восточно-Чукотской полыньей (Спирidonov и др., 2011). В более холодные зимы она бывает короче и тянется лишь от села Уэлен до села Ванкарем, то есть примерно до 175° з.д. Именно существование этой постоянной полыньи определило формирование района устойчивого промысла морского зверя вдоль арктического побережья Чукотки.

Стационарные полыньи и ледовые трещины служат своеобразными «опорными точками» раннего весеннего прилёта морских птиц. Уже в начале — середине апреля в Сиренинской полынье появляются глупыши (*Fulmarus glacialis*) и начинает собираться множество перелётных видов пластинчатоклювых, чистиковых и чайковых птиц. Все они ждут, когда освободятся от снега и льда места их гнездования в более высоких широтах. Из субтропических лагун Калифорнии в Сиренинскую и Чаплинскую полыньи устремляются серые киты, по всей вероятности, используя различные ветви так называемого «поперечного течения», идущего от Алеутской гряды в направлении Чукотки. В начале мая, когда Анадырский залив и Берингов пролив ещё забиты льдами, киты распространяются по полыньям и разводьям вдоль Чукотского полуострова, и в течение мая здесь можно встретить соседствующие друг с другом и активно питающиеся группы гренландских и серых китов (Votrogov, Bogoslovskaya, 1980; Bogoslovskaya et al., 1982; Krupnik et al., 1983). Осенью серые киты держатся в местах формирования стационарных полыней до второй половины — конца декабря, а в тёплые годы одиночные животные даже зимуют здесь (Богословская, 2003).

РАЗМЕЩЕНИЕ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

За тысячелетнюю историю морского зверобойного промысла коренные народы Чукотки выработали свои правила устойчивого долговременного использования арктических экосистем. Карты размещения исторических береговых селений (Рис. 3) демонстрируют способность древних охотников экологически грамотно распределять промысловую нагрузку на популяции животных, а также снижать антропогенное воздействие на хрупкие, малоустойчивые природные комплексы Арктики. Чтобы достичь этого при строительстве постоянных селений, морские охотники Чукотки соблюдали три главных условия (Bogoslovskaya et al., 1982; Bogoslovskaya, 1983; Богословская и др. 2007; Крупник, 1983).

(1) Традиционно аборигенные приморские селения создавались возле зимней «открытой» воды — необходимой естественной основы морской зверобойной культуры в регионе Берингова пролива.

Все сообщества морских охотников жили у стационарных полыней, ледовых трещин и участков моря с подвижным ледовым покровом. Доскональное знание особенностей ледового режима позволяло им вести круглогодичный промысел морского зверя. Современные посёлки, стоящие на устойчивом береговом припае (например, Янракыннот — Рис. 7 или Лорино) или посёлки в бухтах (как Новое Чаплино, Лаврентия, Провидения), появились лишь в советское время, в результате закрытия и сселения многих мелких посёлков и стойбищ или строительства новых административных центров.

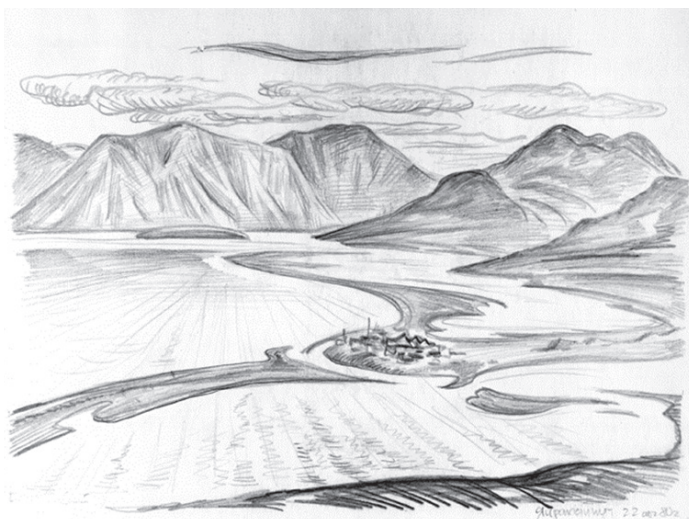

Рис. 7. Посёлок Янракыннот в устье реки Марич, пролив Сенявина. Рисунок С.А. Богословского, 1980 г.

(2) Традиционные селения располагались на стыках экосистем, где биологическое разнообразие и продуктивность природных комплексов всегда наиболее высоки, а энергетические затраты охотников на их добычу минимальны.

При снижении продуктивности одного вида биологических ресурсов жители могли усилить промысловую нагрузку на другие виды. Так, в периоды низкой численности морского зверя на первый план временно выходили рыболовство, охота на птиц и собирательство, включающее сбор беспозвоночных, яиц колониальных видов морских и околородных птиц и около 30 видов наземных и морских растений.

(3) Равномерное размещение вдоль побережья небольших селений и сезонных охотничьих стоянок способствовало равномерному распределению промысловой нагрузки на популяции морских зверей и уменьшению антропогенного воздействия на окружающую среду.

Даже в местах с богатыми природными ресурсами обычно создавался не один крупный посёлок, а несколько самостоятельных селений на некотором удалении друг от друга с небольшим количеством жителей, обычно 30–60 человек. Например, в нижнем течении реки Чегитун существовала группа из пяти посёлков; в районе мысов Пээк и Дежнёва — из четырёх; возле горы Тунытлен — четыре селения, в окрестностях мыса Чаплина — шесть–восемь селений (Bogoslovskaya, 1993; Богословская и др., 2007).

Понимая закономерности северной природы, коренные жители обычно избегали создавать большие поселения, особенно на мягких плавущих почвах. Даже в местах с высоким уровнем биологического разнообразия и продуктивности они предпочитали селиться близко расположенными, но отдельными небольшими группами, интуитивно стремясь снизить антропогенную нагрузку на почвенно-растительный покров. Исключение составляли только большие китобойные посёлки эскимосов и чукчей, где численность населения могла достигать 150–200 (и более) человек. Но чаще приморские жители стремились объединять усилия нескольких небольших соседних селений лишь на короткое время сезонного промысла китов.

Особо следует сказать о селениях на так называемых «поворотных мысах», которые для всех морских охотников Арктики являются стратегически важными местами. С поворотных мысов, где меняется направление берега и морских течений, обычно просматриваются огромные морские пространства. Именно к таким мысам на протяжении тысячелетий близко подходят киты, моржи и тюлени во время своих сезонных миграций. Такие мысы играют важную роль в формировании биологического разнообразия и продуктивности морских и прибрежных экосистем. Азиатские, американские и гренландские эскимосы почитают каждый поворотный мыс и называют его «место, где всё становится ясным». На поворотных мысах обычно создавались парные селения, на каждой из его сторон, число жителей в них могло достигать 100–150 человек. Если погода и ледовые условия были неблагоприятны для охоты с одной стороны мыса, охотники переходили на другую его сторону. Так, на мысе Кригуйгун существовали «парные» селения Аккани и Яндагай; на мысе Нунямо — селения Нунямо и Чини; на Дежнёвском массиве — селения Кенисхун (Дежнёво), Уэлен и Наукан; а на поворотном мысе Чаплина охотники периодически охотились либо с его северной, либо с южной стороны, в зависимости от сезона и направления ветра (Bogoslovskaya, 1993; Krupnik, Chlenov, 2013; Рис. 3). Возраст некоторых селений на поворотных мысах, судя по найденным предметам и данным радиоуглеродного анализа, насчитывает более 2500 лет.

В целом вся восточная часть Чукотского полуострова, прилегающая к Берингову проливу, может рассматриваться как огромный поворотный мыс, разделяющий Тихий и Ледовитый океаны. Анализ успешности аборигенного морского промысла в годы с преобладанием северных или южных ветров показал, что северные ветры благоприятны для охоты на южном берегу Чукотского полуострова (сёла Сиреники, Нунлигран, Энмелен). Они очищают Сиреникскую полынью от дрейфующих льдов, но ломают припай и прижимают льды к северному побережью (сёла Уэлен, Инчоун, Энурмино, Нутепельмен, Ванкарем). Южные ветры, напротив, приносят удачу охотникам на арктическом побережье, но нагоняют льды в Сиреникскую полынью и закрывают берег для промысла живущим здесь эскимосам и чукчам (Крупник, Bogoslovskaya, 1999).

Помимо экологически целесообразной системы расселения морские охотники соблюдали целый ряд правил личного и коллективного поведения во время охоты и нахождения на берегу, а также выполняли множество запретов и ритуалов. Всё это вместе тысячелетиями помогало сохранять высокий уровень биоразнообразия и продуктивности морских экосистем Чукотского полуострова.

Традиционные знания эскимосов и береговых чукчей о ледовом покрове, локальных особенностях климата и биологии морских животных обширны и не имеют аналогов в научных источниках. Обладая целостным видением окружающего мира, морские охотники способны к быстрому и качественному прогнозу изменений погодных условий и поведения животных (Bogoslovskaya, 2003; Богословская, Крупник, 2013). Настоящий охотник знает и помнит очень многое. Каждый год откладывает в его памяти свои особенности погоды, состояния моря и льдов, распределения зверей и их поведения. По всем этим признакам опытный охотник складывает промысловую картину года, которую можно использовать снова при повторении сходных условий. Охотники, выросшие в традиционной среде, имеют представление о циклических колебаниях климата и ледовой обстановки: им рассказывали об этом их деды, которые вели промысел зверя в 1930-е годы. Ещё в 1970–1980-е гг. старики помнили, что за несколькими исключительно суровыми зимами в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (Арсеньев, 1935) наступило сильное потепление середины 1930-х годов, а потом вновь наступило похолодание. Поэтому колебания естественных процессов не пугают коренных жителей Арктики: за свою тысячелетнюю историю они привыкли к тяжёлым временам и знают, как их превозмочь. По-настоящему они страшатся непредсказуемых и, как правило, негативных последствий вторжения индустриальной цивилизации, особенно в её массивированном хозяйственно-промышленном воплощении, навсегда меняющем исконную среду обитания коренных народов (Богословская, 2014).

К сожалению, в современных условиях во многих общинах нарушены традиции устной передачи народных знаний от старших поколений к младшим, и прежние правила использования территории, техники безопасности, навигации во льдах, вместе с тонкими охотничьими навыками исчезают по мере ухода из жизни старых людей. В связи с этим авторы статьи считают, что экологические знания морских охотников Чукотки о своих исконных территориях необходимо фиксировать и сохранять для молодых поколений коренных жителей, продолжающих дело своих предков (ср. Богословская и др., 2008; Богословская, Крупник, 2013; Голбцева, 2009; Крупник, 2000; Леонова, 2014).

ЖИЛИЩА

Развалины жилищ и селений морских охотников обычно хорошо видны на местности, благодаря выступающим на поверхность китовым костям, использованным при строительстве (Рис. 8), и особенно по приметным белым столбам из нижних челюстей гренландских китов. К сожалению, сейчас они подвергаются разрушению не только под воздействием естественных эрозионных процессов, но также из-за агрессивной деятельности людей.

Рис. 8. Развалины древнего поселения Масик на южной косе Мечигменского залива. Фото С.А. Богословского, 1981 г.

Руины селений и культурные слои, содержащие большое количество ценных предметов древнего искусства из клыка и кости, уничтожаются при новом строительстве практически во всех современных посёлках (Лорино, Инчоун, Уэлен, Сиреники и др.). Удалённые древние стоянки грабят самодельные, или «чёрные», археологи, а также браконьеры и охотники за древностями. По древним поселениям и жилищам нередко ездят на вездеходах (а в недавнем прошлом — даже и на танках, как по брошенным жилищам в пос. Уназик-Старое Чаплино). Примеры бережного отношения к памятникам культурного наследия, за исключением немногих участков, посещаемых туристами (как, например, памятник «Китовая аллея» — см. ниже), к сожалению, единичны. Известно несколько вариантов технологии сооружения древних и традиционных аборигенных жилищ в регионе Берингова пролива, которые определялись геологическими характеристиками места поселения и доступными строительными материалами. Зимние жилища в основном были полуподземными и состояли из вырытого котлована с укрепленными стенками и каркасным перекрытием с крышей из дёрна, плавника и костей китов (Рис. 9).

Основным конструктивным материалом служили кости гренландских и серых китов (Днепровский, Лопатин, 2012). Модулем всей конструкции зимнего жилища была нижняя челюсть гренландского кита длиной около 4–5 м.

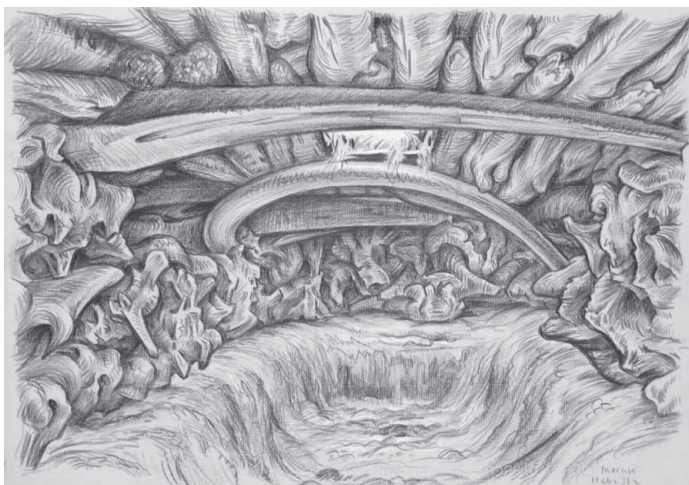

Рис. 9. Внутренний вид древнего жилища в пос. Масик. Рисунок С.А. Богословского, 1981 г.

Дерево широко использовалось только там, куда течения приносили плавник, например, поселение *Пайпельгак* в устье реки Чегитун (Бронштейн, Днепровский, 2000). На скалистых берегах мыса Дежнёва и островов Диомида главным строительным материалом служили естественные каменные блоки (валуны), из которых складывались фундамент и даже стены индивидуальных жилищ (Рис. 10).

Рис. 10. Каменные жилища в пос. Имаклик на о. Ратманова (Большой Диомид). Фото А.С. Форштейна, 1929 г. Музей антропологии и этнографии РАН. И-115–82

В наши дни Чукотский полуостров представляет собой огромное «месторождение» древних селений, культовых сооружений и захоронений. Многие из них имеют мировое значение как памятники человеческой адаптации к жизни в высоких широтах, высокого развития аборигенного искусства, социальной и духовной жизни (Арутюнов, Сергеев, 1969; 1975; Арутюнов и др., 1982; Бронштейн и др., 2007; Бронштейн, Днепровский, 2012; Гусев, 2006; Диков, 1977 и др.)

СВЯЩЕННЫЕ КОСТИ И КАМНИ ЖИТЕЛЕЙ ЧУКОТКИ

Практически каждое традиционное поселение приморских жителей, помимо жилой и промысловой зоны, обладало системой культовых сооружений, построенных из китовых костей, черепов моржей и белых медведей, а также камней. Внутри селения и на его окраинах вертикально вкапывались в землю черепа и нижние челюсти гренландских китов, они обкладывались черепами молодых серых китов в местах активного промысла этого вида. На окраине селения, обычно в скалистой осыпи, располагались индивидуальные захоронения и целые могильники. За пределами посёлка также создавались «поминальные места» представителей разных родственных групп, обычно в виде кругов из камней, кострищ и скоплений оленьих рогов (Krupnik, Chlenov, 2013).

Из черепов серых китов со скуловой шириной 75–90 см древние жители сооружали ритуальные кольца и кучи, нередко добавляя туда сходные по размеру камни. Такие объекты можно увидеть на мысе Кыгынин (остров Аракамчечен) и далее к северу, в развалинах крупных посёлков Ныхсирак (мыс Халюскина), Масик (южная коса Мечигменской губы), Поутен, Инчоун и др. (Богословская и др., 1979; Богословская, 1993; Chlenov, Krupnik, 1984). Очень подробно микрогеография ритуальных объектов описана для эскимосского посёлка Гэмбелл (Сивукак) на о-ве Св. Лаврентия, где живёт много потомков переселенцев из эскимосских селений Чукотки (Krupnik, 2004).

В поселениях и неподалёку от них воздвигались также священные кучи из черепов моржей, выкладывались рядами черепа белых медведей, из них сооружались и жертвенники. Так, ряд из 21 черепа белых медведей обнаружен в 1977 г. на острове Аракамчечен (Рис. 11), а жертвенник из двух черепов этих зверей — в районе селения Наукан (Богословская, 1985; Кочнев, 2004).

По традиционным представлениям жителей Берингова пролива (и шире — всех эскимосов и большинства коренных народов Севера), охотник не «добывает» зверя. Напротив, животное само приходит в гости к тому, кто первым его увидел, и как бы само встаёт под выстрел или гарпун охотника (см. подробнее: Krupnik, Vakhtin, 1997; Willerslev, 2007). Морской зверь «погостит» у людей, отдаст своё мясо и шкуру и снова уйдёт в море. Уходящий из гостей зверь должен иметь кости целыми, а мясо потом нарастит на них сам. Поэтому разделка морских животных традиционно проводится по естественным членениям (суставам), а их кости в прошлом не разрешалось грызть собакам. Черепа, в которых обитают души животных, ещё в середине XX века выкладывали в священные линии, кольца и кучи. В праздники такие черепа и священные столбы из челюстей гренландских китов кормили ритуальной пищей.

Рис. 11. Выкладка из черепов белых медведей у древнего посёлка Кыгынин на о-ве Аракамчечен. Фото А. Лемберга, 1978 г.

Самыми «великими гостями» традиционно считались гренландский кит и белый медведь. Кит у эскимосов и чукчей является главным промысловым зверем. По традиционным представлениям, добыча гренландского кита или белого медведя считалась признаком того, что охотник был «избран» духом моря. Особо почитались черепа и нижние челюсти добытых гренландских китов. По словам Леонида Кутылина, чукотского охотника из пос. Янракыннот, черепа и челюсти гренландских китов ставили, «чтобы предки видели, как мы помним о них, как соблюдаем традиции». Жители «кормили» их после каждой удачной охоты и по праздникам. Старики любили сидеть возле них — по их представлениям, гренландский кит более чем любой другой зверь, помогал обдумывать прошлое и одновременно давал духовные силы, чтобы заглянуть в будущее.

В 1985 г. один из авторов (ЛБ) и охотники из пос. Сиреники В. Миенков и Т. Панаугье обследовали несколько таких вкопанных старых черепов гренландских китов в заброшенном селении в бухте Поутен. В их костную ткань были воткнуты и даже ввёрнуты небольшие фрагменты рёбер молодых лахтаков, нерп и оленей с остатками высохшего мяса. Это явно были следы «ритуального кормления» черепов, причём сравнительно недавние. Подобный череп был обнаружен в 1986 г. среди остатков заброшенного посёлка Кунга на северной стороне острова Ратманова, откуда жители ушли на соседний американский остров Малый Диомид в самом начале XX века. Он был буквально «инкрустирован» бедренными костями гнездящихся здесь колониальных морских птиц, больших конюг, кайр и белобрюшек.

Непременным атрибутом почти всех обследованных старых посёлков являются поля вертикально поставленных священных камней-менгиров высотой от 30 см до 1 м и более (Рис. 12). Если в непосредственной близости не было подходящего места, то жители могли соорудить поле и на значительном удалении. Именно таким образом поступили те, кто когда-то населял посёлок Масик (*Мечигмен*) на низменной южной косе Мечигменской губы. Они поставили менгиры на удалении от посёлка примерно в 25–30 км, в районе мыса Халюскина. К свяственным камням-менгирам не полагалось ходить «просто так» — их посещали только для проведения ритуалов, которые не сохрани-

лись до наших дней. Самые большие, иногда выше человеческого роста многотонные менгиры обнаружены в окрестностях покинутого посёлка Имаклик на южной стороне о. Ратманова, откуда жители были выселены в 1948 г. (Богословская, 1988).

*Рис. 12. Менгирное поле у мыса Халюскин, восточная Чукотка.
Фото Н.Б. Конюхова, 1984 г.*

Известны крупные культовые сооружения, которые могли быть воздвигнуты только усилиями жителей нескольких посёлков. Это — знаменитая «Китовая аллея» на острове Ыттыгран (Арутюнов и др., 1982 — Рис. 13), ныне самый популярный туристический объект на Чукотке, и поле менгиров о. Ратманова. Ритуалы, связанные с этими памятниками, вряд ли удастся восстановить — уже в 1970-х годах коренные жители мало что могли сказать о них.

*Рис. 13. «Китовая аллея» — древний памятник
из челюстей и черепов гренландских китов на о-ве Ыттыгран.
Рис. С.А. Богословского, 1981 г.*

Одно из самых загадочных культовых сооружений Чукотского полуострова — обширное поле сложных выкладок из небольших камней, огороженное невысокой, до 30—40 см высоты, однорядной каменной стенкой. Оно расположено неподалёку от заброшенного селения Сингак (*Синг,ак*), примерно в 30 км к северо-западу от Сиреников (Богословская, 1993). По смутно сохранившимся преданиям, посёлок был оставлен жителями не позднее конца XVIII в.; но ещё в 1987 г. нам удалось идентифицировать несколько так называемых «поминальных кругов» — каменных куч в память об ушедших предках. К ним даже в то время ещё приходили старшие мужчины из некоторых семей эскимосов пос. Сиреники, чтобы положить камень после смерти члена своей семьи.

Почитались также скалы и естественные «камни-скульптуры» необычной формы, например, каменные «человечки» на мысе Чукотском (по-эскимосски он называется *Юга:г'ыт*, что означает «стоячие камни, похожие на людей» — Рубцова, 1971) или удивительные по форме кекуры на вершине мыса Кригуйгун. Каждая такая каменная фигура-кекур, напоминающая живое существо, имела своё название; возле некоторых в 1981 и 1986 гг. обнаружены следы кормления. К сожалению, известен лишь один термин чаплинских эскимосов, связанный с культурой камней — *сяглыг'ак'* («камень, под которым есть щель, ведущая в подземный мир» — Рубцова, 1971). Если представления о священных черепах и других частях скелета гренландского кита были ещё живы в памяти старейшин в конце прошлого века (Арутюнов и др., 1982), то многие термины и понятия, связанные с прошлым почитанием камней, выделяющихся скал и природных объектов, вероятно, уже утрачены. Важным источником таких уже полузабытых знаний служат словари местных топонимических названий на национальных языках народов Чукотки (Краусс, 2004; Леонтьев, Новикова, 1989; Меновщиков, 1971), а также записи фольклорных преданий (см. Сиреникский текст «Мыльа» — Меновщиков 1964).

К сожалению, условия современной жизни оправдывают опасения эскимосов и чукчей, что с разрушением традиции устной передачи народных знаний от старших поколений к младшим происходит не только утрата накопленной веками экологической и пространственной информации, но сужается само понятие «обитаемого», или символического пространства (Krupnik, Vakhtin, 1997). В прошлом вся окружающая территория, а также используемые участки моря и льдов были для эскимосов и чукчей знакомым «культурным ландшафтом», заселённым людьми, животными, духами предков и различными сверхъестественными существами. В наши дни и, особенно, в глазах молодёжи такие насыщенные культурные ландшафты сократились до небольших «островов» вокруг крупных современных посёлков и древних заброшенных селений. Эти «острова» культурного ландшафта теперь разделены пространствами «дикой природы» с минимальной культурной информацией. Здесь люди ловят рыбу, собирают растения и грибы, путешествуют на вездеходах и снегоходах и, соответственно, ведут себя согласно новым правилам поведения. Поэтому сохранение (и восстановление!) знаний современных жителей Чукотки об их историческом культурном ландшафте будет важнейшим стимулом бережного отношения людей как к природному, так и культурному наследию региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальная система расселения и культурные ландшафты народов Берингова пролива демонстрируют преемственность традиций природопользования многих поколений морских охотников Восточной Чукотки. Они составляют неотъемлемую часть культурного наследия не только Российского Севера, но и всей Арктики.

Структура традиционного природопользования, его роль в сохранении биологического и культурного разнообразия нашей планеты отражены в особенностях традиционного образа жизни и мировоззрения каждого народа. Так, у коренных народов Чукотки до сих пор считаются священными животными короткоклювый пыжик (*Brachyramphus brevirostris*), косатка (*Orcinus orca*) и волк (*Canis lupus*). Охотники, особенно старики-эскимосы и чукчи, очень уважительно относятся к косатке, считая этого зверя таким же охотником, как они сами. Вплоть до конца XX в. охотники-зверобой посёлка Сиреники, приметив в море косаток, «угощали» их и сыпали им в воду табак, сухой чай, крошили сигареты. Люди видели в них своих помощников: косатки пугают моржей, которые, стараясь спастись от хищников, выскакивают из воды и становятся лёгкой добычей стрелков. Сходные даже в деталях способы коллективных охот волков и косаток породили представление о том, что, в сущности, это два сезонных обличья одного и того же зверя. На косаток никогда не охотились; пожилые охотники до сих пор стараются не трогать и волков.

К сожалению, многие уникальные знания угасают вместе с уходом из жизни старых людей и переходом молодого поколения с родных языков на русский в качестве средства общения, в том числе в море на охоте, при передвижении во льдах и в тундре. Со смелой языки происходит неизбежное «утонышение» культурного ландшафта, поскольку в русском языке просто нет многих понятий и терминов для экологической среды региона Берингова пролива (Богословская, Крупник, 2013). Например, по рассказам, ещё в середине XX в. охотники-эскимосы использовали самостоятельные названия для толстоклювой кайры (*Uria lomvia*) и тонкоклювой кайры (*Uria aalge*), более редкого вида на Чукотке. Однако уже к 1980-м годам сохранилось только одно слово, для толстоклювой кайры, — *алъпа*, этим словом называют теперь птиц обоих видов, хотя прекрасно различают их. Нами записано около 50 эскимосских терминов, связанных с моржами, но, как показал опыт, современные молодые охотники не знают и четверти из них. Ещё тревожнее положение с традиционными терминами для разных видов льдов, направлений ветров и морских течений, которые ещё помнят старшие охотники, но уже почти не используют в своей практике охотники среднего и молодого поколений.

Культурные ландшафты коренных народов Чукотки создавались опытом многих поколений людей и теперь, в свою очередь, являются мощным фактором поддержания этнокультурного разнообразия. Даже относительно «упрощённые» современные культурные ландшафты начала XXI века различаются по своей структуре и насыщенности в сознании коренных и приезжих жителей Чукотки, приморских охотников и тундровых оленеводов, эскимосов-юпик и приморских чукчей, и даже жителей отдельных посёлков. Каждая из этих групп сохраняет и насыщает своё «культурное пространство» в соответствии со своими знаниями, традициями, опытом использования территории, отношением к прошлому и тем, что можно

назвать «экологическими ценностями». Но наряду с большим этническим и локальным разнообразием многих черт культурных ландшафтов существуют общие принципы традиционного природопользования, которые на самом высоком уровне могут быть сведены к следующим.

(1) Традиционные способы природопользования коренных народов и других малочисленных этнических групп Севера являются устоявшимися, исторически сложившимися компонентами современных экосистем и демонстрируют принципы долговременного, экологически сбалансированного освоения окружающей среды, основанного на использовании главным образом возобновляемых ресурсов.

(2) Коренные народы могут вести длительное (многопоколенное) и устойчивое природопользование в экосистемах, не нарушенных современным промышленным освоением (или слабо нарушенных), которые сохраняют близкий к исходному уровень биологического разнообразия и продуктивности.

(3) Традиционные способы природопользования осуществляются как образ жизни северных этносов, а не как отрасли хозяйства. Являясь основой уникальных систем жизнеобеспечения, они представляют собой часть общемировой культуры, древний и успешный опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт индустриального урбанизированного общества последних двух веков.

(4) Традиционные способы природопользования были и остаются единственной формой и условием существования национальных культур, которые обеспечивают сохранение и воспроизводство этнической самобытности, действие механизмов культурной преемственности и стабильность этнолингвистической ситуации северных народов.

(5) Локальные варианты традиционных способов природопользования — это основы локальных культур, неразрывно связанных с внутриэтнической структурой народов Севера (племенной, популяционной, этнотерриториальной), которая оберегает генофонды коренных народов и пространственно воплощена в традиционных культурных ландшафтах, аборигенных системах расселения и хозяйственного использования территорий.

Мы благодарны нашим партнёрам по изучению культурных ландшафтов региона Берингова пролива — охотникам, старейшинам, местным знатокам национальных языков и традиций, которые щедро делились с нами своими знаниями и видением окружающего мира, без чего наши исследования и выводы были невозможны. В статье в качестве иллюстраций использованы рисунки художника С. А. Богословского, сделанные в ходе экспедиций на Чукотку в 1980—1981 гг. Карты и фотографии к статье подготовлены Е. С. Богословской.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев В. А. Морской промысел млекопитающих в Чукотском и Восточно-Сибирском морях // Советский Север, 1935. № 3–4. — С. 106–112.

Артюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая Аллея. Древности островов пролива Сенявина. — М.: Наука, 1982.

Артюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). — М.: Наука, 1969.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). — М.: Наука, 1975.

Богословская Л.С. Особенности традиционного природопользования народов Российской Федерации // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. С. 14–20.

Богословская Л.С. Киты Чукотки: Пособие для морских охотников. — М.; Провидения; Анадырь: Институт Наследия, 2003. — 324 с.

Богословская Л.С. Будущее российской Арктики — система культур или сумма технологий? // Культура Арктики / Ред. У.А. Винокуров. — Якутск: ИД СВФУ, 2014. — С. 123–137.

Богословская Л.С., Вотрогов Л.М. Массовые зимовки птиц и китов в полыньях Берингова моря // Природа, 1981. № 11. — С. 42–43.

Богословская Л.С., Конюхов Н.Б., Звонов Б.М. Птичьи базары восточного побережья Чукотского полуострова // Изучение и охрана птиц в экосистемах Севера. — Владивосток, 1988. — С. 24–27.

Богословская Л.С., Кривощёков В.С., Крупник И.И. (сост., ред., авт.) Тропую Богораза. Научные и литературные материалы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 354 с.

Богословская Л.С., Крупник И.И. (сост., ред., авт.) Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.

Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла. Научно-методическое пособие. — М.: Институт Наследия, 2007. — 480 с.

Богословская Л.С., Членов М.А., Юрцев Б.А. Острова пролива Сенявина — уникальный природно-культурный комплекс // Природа, 1979. № 9. — С. 91–97.

Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия — 2000. — М., 2001. — С. 587–619.

Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Эквен: история изучения (1961–2011) // Вехи на мысах (Сборник статей к 80-летию С.А. Арутюнова) / Ред. М.М. Бронштейн, И.И. Крупник. — М. Гос. музей искусств народов Востока, 2012. — С. 20–31.

Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Сухорукова Е.С. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. — М.; Анадырь, 2007.

Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1990. № 1. — С. 5–17.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. — СПб: Дмитрий Буланин, 1997.

Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия // Обсерватория культуры, 2013. № 1. — С. 66–73.

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. (ред., сост.). Культурный ландшафт как объект наследия / — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004.

Голбцева В.В. Морской лёд как источник жизни для жителей Берингова пролива // Берингия — мост дружбы. Мат. межд. научно-практической конф. — Томск: изд-во ТГПУ, 2009. — С. 39–51.

Гусев С. В. Музей на перекрёстке двух континентов // Наследие народов Российской Федерации, 2006. № 2(16). — С. 34–45.

Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности) // — М.: Наука, 1977.

Днепровский К. А., Лопатин Н. В. Методика исследования поселений в условиях вечной мерзлоты (по материалам древнеэскимосских памятников Чукотки Эквена и Пайпельгака) // Вехи на мысах (Сборник статей к 80-летию С. А. Арутюнова). Ред.: М. М. Бронштейн, И. И. Крупник. — М.: Гос. музей искусств народов Востока, 2012. — С. 52–59.

Краусс М. Названия мест (топонимы) // Словарь языка науканских эскимосов. Сост.: Е. В. Головкин, Е. А. Добриева, С. Джейкобсон, М. Краусс. — Фэрбенкс: Центр изучения языков коренного населения Аляски, 2004. С. 319–369.

Крупник И. И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски. — М.: Наука, 1983. — С. 65–95.

Крупник И. И. (сост.) Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1990 гг. — М.: Институт Наследия, 2000.

Крупник И. И. (ред., сост.) Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской. — М.: Тип. «Август Борг», 2016.

Крупник И. И., Богословская Л. С. Изменения климата и народы Арктики. Проект СИКУ в Берингии // Экологическое планирование и управление, 2007. № 4(5). — С. 77–84.

Леонова В. (сост.) Наукан и науканцы // Нувук, ак, ынкам нвук, ах, мит. — Владивосток: Дальпресс, 2014.

Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. — Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989.

Меновщиков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. — М.; Л.: Наука, 1964.

Меновщиков Г. А. Древние названия на карте Чукотки. Краткий топонимический словарь. — Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1972.

Рубцова Е. С. Эскимосско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1971.

Спиридонов В. А., Гаврило М. В., Краснова Е. Д., Николаева Н. Г. (ред.) Атлас биологического разнообразия морей и побережий Российской Арктики. — М.: WWF России, 2011.

Шонсонне В. (сост.), Крупник И. (ред.). Перекрёстки континентов. Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски (каталог выставки). — Вашингтон; Москва: Арктический научный центр Смитсоновского института и Российский институт культурного и природного наследия, 1996.

Bogoslovskaya L. S. 1993. List of the villages of the Chukotka Peninsula (2000 B.P. to present) // *Beringian Notes*. NPS, Alaska Region. V. 2. № 2. Pp. 2–11.

Bogoslovskaya L. S. 2003. The Bowhead whale off Chukotka: integration of scientific and traditional knowledge // *Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic*. (McCartney, A. P., ed.). Edmonton and Salt Lake City: Canadian Circumpolar Institute and University of Utah Press, Pp. 209–254.

Bogoslovskaya L.S., Votrogov L.M., Krupnik I.I. 1982. The Bowhead Whale of Chukotka: Migrations and Aboriginal Whaling // *Rep. Int. Whal. Commn.* 32. Pp. 391–399.

Konyukhov N.B., Bogoslovskaya L.B., Zvonov B.M., Van Pelt T.I. 1998. Seabirds of the Chukotka Peninsula, Russia // *Arctic*. V. 51. № 4. Pp. 315–329.

Krupnik I. 2004. The Whole Story of Our Land: Ethnographic Landscapes in Gambell, St. Lawrence Island, Alaska // *Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations*. I. Krupnik, R. Mason and T. Horton, eds. *Contributions to Circumpolar Anthropology*, Vol. 6. Washington, DC: Arctic Studies Center. Pp. 203–227.

Krupnik, I., Aporta C., Gearheard, S., Laidler, G.L., Kielsen Holm, L., eds. 2010. *SIKU: Knowing Our Ice. Documenting Inuit Sea Ice Knowledge and Use*. Dordrecht: Springer.

Krupnik, I.I., Bogoslovskaja, L.S., Votrogov, L.M. 1983. Gray Whaling off the Chukotka Peninsula: Past and Present Status // *Rep. Int. Whal. Commn.* 33. Pp. 557–561.

Krupnik I., Bogoslovskaya L. 1999. Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // *Arctic Research of the United States*. V. 13. Pp. 15–24.

Krupnik I., Chlenov M. 2013. *Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait: 1900–1960*. Fairbanks: University of Alaska Press.

Krupnik I., Vakhtin N. 1997. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition // *Arctic Anthropology* 34(1). Pp. 236–252.

Votrogov L.M. and L.S. Bogoslovskaya. 1980. Gray Whales off the Chukotka Peninsula // *Report of Intern. Whal. Commn.* 30, SC/31/Doc 55. Pp. 435–437.

Willerslev, Rane. 2007. *Soul Hunters. Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley: University of California Press.

ГОРОЖАНЕ-ДАЧНИКИ В ДЕРЕВНЕ И СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследуя самые разные виды деятельности в сельской местности, я в последние годы всё больше внимания уделяю дачникам: как мощному нашествию горожан летом и в выходные дни в пригороды, так и их желанию спрятаться от цивилизации в удалённых деревушках. Тема эта в России, несмотря на самое массовое в мире распространение дач, то возникала, то затухала. И только в последние годы поток работ о втором — дачном — жильё растёт. А одним из основных первопроходцев этой темы, во многом пробудившим во мне интерес к ней, является Юрий Александрович Веденин. И первые исследования, в том числе карты дачных и садовых товариществ вокруг Москвы, появились ещё в 1970—1980-х гг. (Веденин и др., 1976; Территориальная..., 1986; Московский..., 1988).

С Юрием Александровичем Ведениным мы знакомы уже несколько десятков лет, но начали вместе работать на базе Угорского проекта на периферии Костромской области². Именно там возникла идея попытаться сохранить северные деревни в их традиционном внешнем виде при наплыве туда дачников. Одно другому вовсе не противоречило. Более того, дачников больше всего привлекали не только ландшафты с разнообразием лесов, речных долин, лугов, заброшенных и используемых полей (до сельскохозяйственного освоения на этом месте была тайга), но и сами северные деревни с большими почерневшими избами, сеновалами, русскими печами и банями. Эти дома были построены в начале или в середине XX века настолько добротно, что для дачного использования их горожанами требовался лишь небольшой внутренний ремонт с добавлением некото-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований 15-06-08421 «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ».

² Угорский проект — проект Сообщества профессиональных социологов, руководимый Н. Е. Покровским, нацеленный на изучение современной сельской местности Нечерноземья, удалённой от больших городов, а также местного населения, традиционных отраслей хозяйствования и нового дачного освоения этой местности горожанами. См.: www.ugory.ru, Угорский проект.

рых удобств при сохранении внешнего облика и, соответственно, неповторимой ауры северных деревень. Но опыт соседних районов показывал, что всегда может появиться человек с деньгами, который захочет воздвигнуть посреди старинной деревни современный коттедж или особенно рьяно, в соответствии со своими вкусами, провести реставрацию старой постройки, внося абсолютно неприемлемый для большинства дачников, в основном московской интеллигенции, диссонанс. Тогда и начались попытки разработки основ получения для группы нетронутых преобразованиями костромских деревень статуса «достопримечательное место» и первые переговоры с местными властями.

С начала 1990-х годов благодаря распространению идей Конвенции об охране Всемирного природного и культурного наследия заметно возросла роль исторических территорий как объектов наследия. Особую роль среди территориальных объектов наследия стал играть культурный ландшафт как результат сотворчества человека и природы. В Российском НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва выработаны следующие принципы определения культурного ландшафта как наследия (Культурный..., 2004, Сельские..., 2013):

— наследие включает не только недвижимые и движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, ремёсла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение;

— наследие представляет собой системное образование, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды;

— основным объектом охраны становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами культурной и хозяйственной деятельности.

В соответствии с законом № 73-ФЗ от 2002 г. к объектам культурного наследия народов Российской Федерации относятся:

— памятники — отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями;

— ансамбли — локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединённых памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, административного, торгового, производственного, научного, учебного и религиозного назначения;

— достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места народных художественных промыслов, центры исторических поселений, памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов, историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей.

Надо признать, что в Угорском поселении, удалённом от Костромы на 230 км, а от Москвы почти на 600 км, надёжных оснований для достопримечательного места было немного, хотя территорию Угорского поселения можно отнести к староосвоенным, заселённым угро-финскими народами, а впоследствии славянами. По данным директора Мантуровского краеведческого музея С. Н. Торопова, писцы, работавшие здесь ещё в 1658–1659 гг., отмечали изрядно заселённую территорию. Первый деревянный храм в селе Халбуж, впоследствии поглощённом селом Угоры, появился ещё в 1633 году. С 1817 г. стоит каменная церковь.

Узловыми точками достопримечательного места, объединяющего «гроздь» небольших деревень вдоль реки Унжи (притока Волги), могли бы стать церковь в селе Угоры и парк усадьбы Отрада в соседней деревне Давыдово (объявленный в 1996 году региональным памятником природы) на высоком берегу Унжи. Сама усадьба, принадлежавшая костромским помещикам Апухтиным, не сохранилась, осталось только её описание. В 1822 году на дочери Дмитрия Апухтина Наталье женился герой Отечественной войны 1812 года и декабрист М. А. Фонвизин, венчание происходило в Угорской церкви. После восстания декабристов он был сослан в Читу. Наталья Дмитриевна отправилась туда вслед за мужем. После смерти М. А. Фонвизина она вышла замуж за И. И. Пуццина. Круг их общения и знакомств был очень широк, в него входил и А. С. Пушкин. Существуют свидетельства тому, что она могла послужить прототипом пушкинской Татьяны из «Евгения Онегина».

*Начало реставрации церкви в Угорах, постройки 1817 г.,
в которой венчались М. А. Фонвизин и Н. Д. Апухтина*

По переписи 1897 года, на территории Угорского поселения жили 1,9 тысяч человек, к 1926 г. — более 2,5 тысяч. Культурные ландшафты здесь специфичны. Само название — Угоры — говорит о селе на высоком берегу реки Унжи с прекрасным видом на окрестности. Лесные земли способствовали изначально мозаичному освоению этой территории. Однако полоса вдоль высокого правого берега Унжи была полностью освоена и распахана, а деревни цепочкой тянутся вдоль берега реки.

Современное местное население (в Угорском поселении осталось менее 300 человек и в 2011 г. оно было объединено с соседним Леонтьевским поселением) продолжает уменьшаться, стягиваясь к Угорам. Сельский ландшафт теряет колхозно-индустриальную составляющую: большие поля и бетонные фермы в основном заброшены.

Река Унжа вблизи Угорского поселения

Модели хозяйственного сжатия территории в районе свелись к нескольким основным:

1. Сохранение отдельных небольших агропредприятий, поддерживаемых муниципальными структурами или региональными агрохолдингами. Они на порядок сократили обрабатываемые земли и поголовье скота, минимизируют количество занятых. Тем не менее они выполняют важную культурную функцию — сохраняют освоенность вокруг деревень, препятствуя наступлению леса.

2. Сохранение мелкого частного сельского хозяйства при его сильном сжатии. Семей, готовых продать свою продукцию и тем более расширять производство при обилии свободных земель, крайне мало. Главным ограничивающим фактором, помимо человеческого капитала (весь XX век уезжали молодые и самые активные люди), оказывается транспортная доступность и возможность сбыта продукции. Последняя проблема решается с помощью дачников (молока, сметаны, творога, овощей даже не хватает всем желающим), которые тем самым сохраняют, хотя и выборочно, традиционное сельское хозяйство жителей. Но кратковременная сезонность потребления не приводит к увеличению числа жителей, готовых заниматься этим производством. Фермеры в таких районах, как правило, приезжие, и их единицы.

3. Использование природных ресурсов леса и воды (сезонная работа на лесозаготовках, сбор грибов и ягод со сбытом их дачникам и перекупщикам, охота). Самое популярное — собирательство, некоторые семьи в сезон ежедневно ходят в лес, как на работу.

4. Дачное реосвоение деревень жителями крупных городов. В Угорском (Леонтьевском) поселении доля дачников из крупных городов составляет около половины домовладельцев, а в его малых деревнях — большинство.

В Угорском поселении возник ещё один вид деятельности, поддерживающий окружающие деревни, — научные исследования. После нескольких лет, проведённых летом в деревне в качестве дачника, у её основателя Н. Е. Покровского и его коллег появились замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. С начала 2000-х годов их стал поддерживать Российский фонд фундаментальных иссле-

дований, что позволило организовывать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область, проводить исследования, научные конференции в деревенских избах на обширных сеновалах, площадью 50–70 кв. метров, переделанных под залы заседаний, издавать книги. Всё больше учёных: социологов, экономистов, географов, философов, биологов — стало приезжать с научными целями, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Сложилась междисциплинарная группа исследователей, которых интересовали современное состояние удалённых от городов российских нечернозёмных деревень, их ломающиеся традиционные уклады, проблемы и перспективы. При этом и местные жители, и дачники ближайших деревень активно вовлекались в организацию, особенно при проведении конференций, собирающих в маленькой деревушке до 50–70 учёных из разных городов России и из других стран. В перерывах между конференциями проводились научные экспедиции с опросами местных жителей, властей и дачников. Научные сотрудники стали проводить отпуск в купленных ими домах в деревне, становясь обычными дачниками с «включённым наблюдением» окружающей сельской местности.

Всё это позволило увидеть новые возможности развития периферийных нечернозёмных районов.

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ В УДАЛЁННЫХ ОТ ГОРОДОВ ДЕРЕВНЯХ

Тема традиций в современной сельской местности в моих исследованиях возникла именно по инициативе Ю.А. Веденина, когда он попросил меня сделать доклад на эту тему применительно к староосвоенным нечернозёмным территориям в Институте Наследия (Нефёдова, 2013). Приведу выдержки из некоторых своих работ, касающихся темы традиций в сельской местности и возможностей их сохранения, в том числе при дачном реосвоении.

Расширение и сжатие освоенного пространства внутри страны — явление нормальное, связанное с миграциями, демографическими волнами, экономическими кризисами и т.п. Во второй половине XX века, когда стала затухать предыдущая волна освоения пространства России, в староосвоенной зоне явно проявились накопленные в результате миграций населения в районы нового освоения и в города сдвиги, ведущие к фрагментации сельского пространства. Они долго не осознавались ни властями, ни общественностью. В 1990-х гг. резкая экономическая поляризация и демографические изменения заставили говорить о сжатии здесь освоенных земель и ускорении стягивания населения и экономики в отдельные очаги.

Проблема сохранения сельских традиций напрямую связана с поляризацией и сжатием освоенного пространства и «уходом» носителей этих традиций. Определений традиций множество. В данном случае под традициями понимаются элементы культуры, которые первоначально всегда возникали как инновации, спонтанно в форме адаптации к среде или навязывались извне. Но если каким-то поколением они начинали восприниматься как норма, и этот опыт передавался и, главное, воспринимался следующими

поколениями, они постепенно становились традициями. Поэтому существует несколько пластов традиций, и они могут меняться.

Отсюда несколько важных вопросов:

- что собой представляют сейчас сельские традиции на Ближнем Севере³,
- какой исторический пласт этих традиций можно и нужно сохранять,
- кто может сохранить сельские традиции,
- кому это нужно.

Кто сохранит традиции и какие? Главное — сами люди, носители традиций. Быстрая индустриализация и урбанизация XX века наряду с демографическими потерями привели к очень сильной убыли сельского населения в Нечерноземье. Даже во второй половине XX века в советский период население сократилось здесь наполовину, а в удалённых периферийных районах областей — на 70–80%. И хотя в 1990-е гг. общие тренды сельско-городских миграций в России временно изменились, территорий Ближнего Севера, кроме пригородов крупных центров, это коснулось мало. В настоящее время, как и 30–40 лет назад, главной проблемой в районах сельской депопуляции остаётся отъезд молодёжи, удержать которую не удаётся.

Продолжающиеся миграции сельского населения в города в начале XXI века говорят о том, что урбанизация в России не завершена. Представление, что эту тенденцию можно переломить увеличением доходов населения, — очередная иллюзия. В 1980-х гг., когда работали все агропредприятия, а зарплаты в городе и деревне почти сравнялись, отток из сельской местности был сильнее, чем сейчас. Современное население в деревне во многом держит нищета. Если у людей появляются деньги на квартиру в городе, на обучение детей, многие уезжают.

Система сельского расселения реагирует на динамику демографических процессов, усиливая сжатие пространства. Оставшееся население тянется к сравнительно более жизнеспособным центральным местам (до нескольких сотен жителей). Число умерших малых деревень растёт, а бывшие средние населённые пункты, в которых доживают свой век преимущественно старики, стремительно деградируют, превращаясь в малые с теми же перспективами, если туда не приедут мигранты или дачники. Объединение сельских поселений и финансовый кризис только ускорили процессы концентрации и обезлюдения удалённых деревень.

В Костромской области за пределами пригорода и полупригорода (то есть вне пояса районов-соседей Костромы 1-го и 2-го порядков) из 2300 сельских населённых пунктов около 600 деревень уже не имеют постоянных жителей, а в 850 деревнях живут менее 10 человек в каждой, то есть они тоже вскоре лишатся постоянного населения.

³ К Ближнему Северу относится обширная территория Северного Нечерноземья, характеризующаяся в прошлом не очень плотным, но земледельческим освоением, а ныне в значительной части подверженная запустению. Именно земледельческое освоение ещё в досоветское время и созданное там советское индустриальное сельское хозяйство отличают Ближний Север от Дальнего. Южную границу Русского Севера обычно выделяют по характеру культурного ландшафта с традиционной северной архитектурой изб и отчасти — по ареалу распространения северорусского наречия. Ближний Север включает Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и Кировскую области, а также юг Карелии и Архангельской области, север Тверской, Ярославской и Нижегородской областей (Потенциал..., 2014, Ойкумена..., 2016).

Типичный дом на Ближнем Севере из двух состыкованных срубов: жилой части и хозяйственной (внизу скотный двор, над ним сеновал, в широкие ворота которого по пандусу въезжали телеги с сеном)

Судя по размеру типично северных домов с высокой подклетью под жилой частью и объединённой с ней под одной крышей двухэтажной хозяйственной частью (внизу — скотный двор, сверху — сеновал), рассчитанной на большое количество скота, люди здесь жили зажиточно. Общая площадь домов составляет 150–180 кв. метров).

Практиковавшийся здесь веками способ реставрации домов традиционно опирался на обилие леса и населения: раскатали дом, заменили брёвна и всей древесиной собрали. Теперь такой способ могут заменить только деньги. Но те, у кого они есть, уезжают.

Возникает вопрос: может ли кто-то сохранить огромные разрушающиеся северные дома и целые деревни при сильной не только количественной, но и качественной (в результате длительного отрицательного социального отбора) деградации населения? Исследование деревень разного размера показало, что доля носителей традиций зависит от размера поселения. В центрах сельских администраций (ныне поселений) их меньше, поскольку туда съезжались разные люди, там относительно промывной режим. А отсюда и постоянные нарушения традиционной архитектуры, включая обшивку домов сайдингом и т.п. В самых малых деревнях (менее 10 человек) остались старики — носители традиций, но передавать их уже некому. А в сельских пунктах среднего размера (30–60 человек) население самое традиционное. Недаром в них труднее и пришлым людям (дачникам, мигрантам). Но если посмотреть на возрастной состав населения, то очевидно, что через пару десятков лет старики — главные хранители традиций, которые составляют в деревнях более половины населения, уйдут, немногочисленная молодёжь уедет. А для среднего ныне поколения, озабоченного последние 25 лет выживанием при отсутствии работы на месте, традиции давно ушли на задний план.

Многие культурологи считают, что именно в местах, удалённых от административно-хозяйственных центров, сохраняется традиционный сельский уклад и ландшафт. Од-

Деревня Угоры и её обитатели

нако периферийность имеет своим следствием сильную депопуляцию, которая не только уменьшает число носителей традиций и тех, кто готов их воспринимать, но и разрушает саму экономическую и ландшафтную среду их проживания.

В связи с депопуляцией возникает вопрос: какие традиции мы хотим и можем сейчас сохранить?

1. Можно ли сохранить носителей традиций — самих жителей? Резко переломить демографическую и миграционную ситуацию в настоящее время не представляется возможным. Глобализация обострила проблему важности соответствующей запросам молодёжи социальной среды. Молодые люди, благодаря телевизору, интернету, имеют возможность сравнивать, и это сравнение не в пользу деревни. Сделать удалённую деревню привлекательнее большого города на данном этапе можно только для городских дачников.

2. Можно ли сохранить образ жизни населения? Тоже спорно. Если спросить местных жителей, хотят ли они сохранить свой образ жизни в старых избах без газа, водопровода и т.п., ответят в разных районах, конечно, по-разному. Но там, где сильна депопуляция, сохранить свой образ жизни хотят разве что закоренелые алкоголики. А это не то культурное наследие, которое надо беречь.

3. Можно ли сохранить материальную культуру и архитектурные ценности? Это возможно, но выборочно и с помощью внешних импульсов при определённой консервации хозяйственной жизни на территории.

4. А отсюда — можно ли сохранить природно-хозяйственный ландшафт, который напрямую связан с традиционными видами деятельности? Попробуем ответить и на этот вопрос.

Какой природно-хозяйственный ландшафт мы хотим сохранить? В Нечерноземье различия в землепользовании во многом связаны с разницей в количестве и качестве населения. Пригород — это меняющийся и развивающийся природно-хозяйственный ландшафт, сохранивший крупное сельскохозяйственное производство и быстро насы-

щаемый новыми постройками дачников. Периферия — стагнирующий и сжимающийся природно-хозяйственный ландшафт, иной мир: с депрессивным сельским хозяйством, разрушающимися деревнями. И там, и там меняются сельские традиции, но по разным причинам. В пригородах есть кому их менять, на периферии — некому сохранять.

Судьбы сельской нечернозёмной периферии и её населения долгие годы были тесно связаны с сельским и лесным хозяйством как основными работодателями. Сельское хозяйство всегда дифференцировали два вида ренты (по плодородию и по положению). Влияние природы на этот сектор считалось ключевым и в начале XX века, и в позднесоветское время. Но политика самообеспечения регионов, осушение и распашка земель в зонах природного риска говорили, скорее, о пренебрежении естественными природными ограничениями.

Удалённость от больших городов в современных условиях инфраструктурной необустроенности и истощения человеческого потенциала в периферийных районах также представляет собой существенный риск жизни и деятельности населения. Статистика показывает, что даже при массовом производстве (зерновых, молока) интенсивность и продуктивность скота и земель в Российском Нечерноземье падают по мере удаления от города. Это привело к наиболее сильному кризису сельского хозяйства именно в периферийных районах, если их не облюбовали крупные агрохолдинги, расположенные в пригородах, но имеющие филиалы в отдельных очагах на периферии. Особенно сложная экономическая ситуация во внутренней периферии, то есть на территориях, расположенных между крупными городами, примером которой и служит Мантуровский район Костромской области, удалённый на 230–300 км от Костромы, Кирова, Нижнего Новгорода. В последние двадцать пять лет хозяйственная деятельность в таких районах свёртывается, всё больше соответствуя наличию природного и человеческого потенциалов, география которых в советское время зачастую игнорировалась.

На территории Угорского (ныне Леонтьевского) поселения социалистический колхозный пласт уходит. Но и потенциал развития традиционного личного подсобного хозяйства местных жителей очень низок. Проблема сохранения сельских традиций упирается в главный вопрос — кто приходит на смену? В таких районах фермерством чаще занимаются приезжие: бывшие военные, горожане или выходцы из Средней Азии. Это надежда для таких районов — если их не вытолкнет среда. Но они вряд ли сохранят местные традиции.

Стимулом к восстановлению (реконструкции) полуутраченных традиций зачастую становятся внешние импульсы, особенно туристический спрос. Например, в Каргопольском районе Архангельской области из-за привлекательности самого Каргополя и деревянных церквей вокруг туристы стимулируют сохранение материально-хозяйственной культуры и восстановление ремёсел (хотя при повышенном спросе легко перейти ни китч).

Ещё один внешний импульс — дачники. В Угорском поселении это, главным образом, интеллигенция среднего и пожилого возраста и среднего достатка. Её роль в глубинке всё увеличивается. В таких отдалённых районах местное население и дачники пока ещё находятся в равновесии. Опросы показали, что 70% населения относится к появлению дачников положительно, остальным просто всё равно. И ценят их, главным образом, за то, что они поддерживают дома и оживляют деревню.

На самом деле дачников больше. Дети большинства местных бабушек живут в городах, часть их приезжает на лето в деревню. Со временем они унаследуют дома и тоже станут дачниками, если не продадут их. Но это поколение уже мало заинтересовано в сохранении традиций.

Какие традиции надо сохранять? В наших анкетах (опрошено 20% местного населения и все наличные дачники Угорского и Леонтьевского поселений) был вопрос о возможных перспективах развития данного места⁴. Подавляющее большинство дачников не хочет здесь видеть крупного производства: промышленного, сельскохозяйственного. Зато многие (за исключением отшельников) считают перспективным фермерство, туризм, небольшие лесоперерабатывающие предприятия, заготовку грибов и ягод. А местные жители почти все ностальгируют по уходу колхозных традиций, когда была работа, когда всё делали вместе, когда поля были засеяны льном и гуляли стада скота.

Собрание бытового инвентаря в частном сельском музее

Особый вопрос, который мы задавали, прямо касался местных сельских традиций. Интересно, что половина местных жителей затруднилась ответить на этот вопрос или ответила, что традиций нет. И всего 7% дачников отметили, что традиций не сохранилось. Это различие очень важно: сельские традиции для дачников, приехавших в такую даль, в том числе и ради них, а не только ландшафта, оказались важнее, чем для местных жителей. Под традициями они понимают сохранение типичной для этих мест архитектуры, местные праздники, песни, отношение к природе, сбор её даров, а также бережное отношение к предметам деревянной дореволюционной материальной культуры. Это лишний раз доказывает, что существуют разные пласты традиций. И если дачники приезжают сюда за более древним пластом традиций, то для местных жителей последний колхозный пласт зачастую важнее предыдущих.

⁴ Изучение дачного сообщества на периферии Костромской области опиралось на глубинные интервью с дачниками и местными жителями, а также на анкетные опросы. Первый опрос был проведён на базе Сообщества профессиональных социологов в Угорском и Леонтьевском сельских поселениях Мантуровского района Костромской области в 2008 г. (Нефёдова, 2008). Было опрошено с помощью студентов 80 местных домохозяйств (20% всех домохозяйств в исследуемых деревнях) и 30 наличных дачников. В 2014 г. был проведён повторный опрос дачников.

При этом никаких ремёсел у местных жителей не сохранилось, хотя на чердаках пылится множество деревянных изделий, прялок, деталей ткацких станков. Но традиции ткачества утеряны практически полностью. Как и распространённый здесь прежде валяльный промысел (производство валенок). Лишь дачники и школа, которая на грани выживания, пытаются создавать музеи деревянной материальной культуры начала XX века.

Кому это нужно? Из всех приведённых примеров видно, что прежде чем отвечать на вопрос, можно ли сохранить сельские традиции, надо понять: кому это нужно? Субъектов множество: местное население (причём у разных поколений разная способность воспринимать традиции), мигранты, городские дачники, туристы, бизнес, местные власти, государство и, наконец, учёные.

Самыми заинтересованными в традициях данного места остаются всё-таки местные бабушки. Но времени для передачи традиций у них осталось мало, да часто и некому. Среднее поколение отчасти перенимает традиции, а молодёжь — нет. По заинтересованности в сохранении сельских традиций к средневозрастному местному поколению близки (и даже его превосходят) дачники, которые тоже в основном среднего возраста. Но набор интересующих их сельских традиций иной. Учёные, конечно, тоже заинтересованы в сохранении традиций, но со стороны.

А на другом конце — туристы, проезжающие или проплывающие по реке мимо. Они мало интересуются традициями, им важна только природа. Экскурсанты едут от объекта к объекту, а между ними спят в автобусе, разве что купят что-то на память. Поэтому для них ещё могут сохраняться ремёсла, но чаще — «лубок».

У региональных властей заинтересованности мало. Они хотят сохранить и восстановить сельское хозяйство, желательно колхозы, для чего всё-таки нужны люди, да ещё порой — отдельные архитектурные памятники. А мигранты и бизнесмены озабочены своим хозяйством и плохо вписываются в местную среду.

В целом, по соотношению возможностей и желаний населения, можно выделить четыре варианта:

1. Местные жители хотят — традиции можно сохранить (тип хозяйства, жилища, промыслы, обычаи). Это — оптимальный, но в удалённой глубинке редкий вариант.
2. Местным всё равно, но можно сохранить тип застройки, усадьбы и т.п. Здесь работают внешние импульсы (в т.ч. бизнес, власти, дачники). Но есть опасность рьяной, далёкой от традиций реконструкции.
3. Местные хотят, но нельзя сохранить (духовное наследие там, где потеряна трансляция из поколения в поколение).
4. Местные не хотят и сохранить нельзя (в районах наиболее сильной депопуляции или притока инокультурных мигрантов).

Всегда есть конфликт внутренних и внешних интересов и конфликт между интересами разных внешних групп. Дело не только в сохранении традиций. Ближний Север должен и может меняться. Инновации не противоречат традициям. Главное, чтобы они укладывались в оболочку традиций данного места.

Есть ещё один особый вид воспроизводства сельских традиций — экопоселения. О них в последнее время много говорят и пишут. Но они обычно не вписываются в су-

ществующие населённые пункты, искусственно реконструируя традиции «на отшибе» так, как они их понимают, порой причудливо по-сектантски. Иное дело — городская дачная интеллигенция, купившая дома в деревнях, которая пытается сохранить остатки хотя бы материальной культуры, типичной именно для данного места.

ДАЧНОЕ СООБЩЕСТВО В УДАЛЁННЫХ ДЕРЕВНЯХ

В Угорском сельском поселении, состоящем из 10 деревень, осталось 12% населения начала XX века (Покровский, Нефёдова, 2013). Ориентация сельского населения на города ярко выражена. При анкетировании населения на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в городе?» отрицательно ответили лишь 15% опрошенных. В трёх четвертях домохозяйств местных жителей, в основном старше 50 лет, дети уже живут в городах, хотя и навещают своих родителей, привнося плоды городской культуры. Горожане-дачники составляют половину собственников земельных участков поселения, а в малых деревнях — 70–90%.

Формирование угорского сообщества дальних дачников, как некоего нового явления по сравнению с дачными сообществами пригородов, было весьма типично и отличалось от других удалённых периферийных районов лишь деталями (Нефёдова, 2015; Аверкиева, Нефёдова, 2016). Оно началось в 1970-х гг. В Угорском поселении это было связано либо с потомками местных жителей, уехавшими в Москву, либо с профессиональными интересами (недалеко была создана опытная станция Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН). Горожане были очарованы первозданной красотой ландшафтов и стали покупать дома в деревнях (неформально, записывая их на местных жителей). Приезжающие к ним друзья и коллеги также покупали почти даровые дома, и к концу 1970-х летом здесь функционировало смешанное деревенско-дачное, ещё сравнительно молодое сообщество. Формировались даже «профессиональные» деревни дачников: деревня ученых-биологов, деревня журналистов, искусствоведов, учителей и т.п. Относительно свободный режим частичной удалённой работы позволял им жить здесь летом относительно долго.

В 1990 гг. эта первая дачная романтическая волна, когда ещё и деревня была жива, и городские дачники чувствовали себя в ней органично, заканчивается. Начинается вторая, «прагматическая» волна. Дачники при катастрофической убыли населения и развале колхозов предпринимают попытки спасти и деревню, и себя в ней. Одни безуспешно пытались познакомиться с сельским хозяйством, другие использовали организационные возможности для приглашения в деревню новых фермеров. Последний проект поначалу даже казался удачным. Московские дачники выкупили в деревне дом, предоставили приехавшей из-под Свердловска семье немалый кредит из личных средств на обустройство, в деревне появился скот, наладилась продажа продукции. Однако постепенно деятельность новых фермеров всё больше переориентировалась на перепродажу вместо производства. Дело кончилось большим скандалом, когда обнаружили финансовые махинации, и фермерская семья переехала в город.

Третья, научно-исследовательская волна дачного освоения, связанная с базой Угорского проекта, оказалась более успешной. К концу 1990-х гг. здесь формируется своеобразное научное сообщество. В 2010-х гг. этот проект достигает расцвета, его состав расширяется, уже несколько изб, обычно используемых как дачи, в периоды массовых конференций функционируют как залы заседаний. Ежегодно издаются сборники научных трудов, значительная часть которых посвящена исследованию сельских периферийных районов Нечерноземья. Но даже в спокойное летнее время Угорский проект служит важным звеном, консолидирующим дачников на большом пространстве, и не только их. Дачники-интеллигенты, как и в былые времена, несут просвещение в деревню: некоторые занимаются с многочисленными сельскими детьми, дают уроки работы на компьютерах, рукоделия. Организуются лекции, на которые собирается в основном дачное население из окрестных деревень, но приходят и некоторые местные жители. Дачники в курсе многих событий не только в своей деревне, но и в других. Всё это служит важным каналом взаимодействия городской и сельской интеллигенции (Нефёдова, Николаева, Покровский, 2016).

Четвёртая волна обозначилась в последние годы и связана с реальным дауншифтингом⁵ — круглогодичным проживанием москвичей в деревне. Начало ей было положено оседанием в деревне семьи биолога и художницы и переходом на занятие сельским хозяйством (правда, с сохранением творческих занятий и небольшого бизнеса в Москве). Похожий путь совершила ещё одна семья москвичей, которая арендовала 10 га земли и занялась разбивкой сада. При этом глава семьи — академик РАН — сохраняет свои научные исследования, а новую деятельность ведёт, в основном, его жена. Другой пример связан с творческими занятиями. Переехав в деревню после выхода на пенсию и попробовав преподавание в школе, работу в колхозе, москвичка занялась изготовлением кукол, которые у дачников и участников научных конференций идут нарасхват. А созданная москвичом мини-база для экотуризма в виде подготовленных специально для отдыхающих сельских домов с улучшенными удобствами в небольшой живописной деревушке на берегу Унжи не находит постоянных клиентов, загружаясь лишь в периоды семинаров и конференций. Но все это — единичные случаи, крошечные ручейки на фоне расширяющегося потока дачников из больших городов, приезжающих на пару недель или несколько месяцев летом. При этом симбиоз местного сельского и пришлого дачного населения в удалённой нечернозёмной глубинке является необходимым условием существования и тех, и других. И не потому, что жители специально сторожат дома дачников. Просто они знают всех местных, а чужих в такой глубинке практически нет. Дачники, в свою очередь, поддерживают не только дома в умирающих деревнях, но и местных жителей, привозя им продукты, давая работу, если осталось трудоспособное население. В Угорском поселении некоторые молодые ребята, получая заказы на зиму на ремонт купленных горожанами домов, остаются в деревне.

⁵ Дауншифтинг в переводе означает сброс скорости, переход горожан на иную интенсивность жизни, часто со сменой занятий.

Городские дачники в Угорском поселении на 85% — москвичи. Их быт и обустройство, занятия и отдых, взаимоотношения с местными жителями уже описывались (Нефёдова, 2008; Покровский, Нефёдова, 2013; Потенциал., 2014, с. 156–165). Сельским хозяйством дачники не занимаются. Однако кошение травы вокруг дома на довольно больших участках отодвигает от деревень пожароопасные сухие травы и лесную поросль. Ремонт деревенских изб и приспособление их к нуждам горожан при сохранении почти неизменного внешнего вида занимает значительную часть времени. Половина дачников регулярно ходит в лес по грибы и ягоды. Треть отметила, что именно здесь они много читают, причём классическую литературу, мемуары. Многие занимаются основной профессией или творчеством (пишут, рисуют, вяжут, занимаются фотографией и т.п.). Важно, что для некоторых это не второе, а третье жильё, дополнительно к «ближней» даче в Подмосковье.

Очередной опрос дачников в 2014 г. показал, что каждый пятый из них оказался представителем первой волны 1970–80-х гг., каждый третий купил дом в 1990-х гг., ещё треть — в 2000-х, остальные — в последние 4 года. То есть процесс пока не затухает. Однако изменения экономического положения (как в отдельных семьях, так и в стране в целом) могут сделать поездки на дальние дачи слишком затратными. А в случае изменения налоговой политики содержание дальних дач может стать непосильным. Но даже если в стране не произойдёт никаких социально-экономических катаклизмов, то волны дачного освоения столь удалённых районов могут начать спадать из-за того, что возраст многих современных дачников станет препятствием для передвижения на столь большие расстояния, а молодёжь интересуется удалёнными дачами гораздо меньше.

Изменение баланса между постоянным сельским и новым непостоянным городским населением в деревнях привело к переосмыслению роли местной истории и культуры, ценностей ландшафта, значения сельских традиций. Причём инициаторами сохранения культурного и природного наследия выступают в первую очередь горожане-дачники (Нефёдова, Николаева, Покровский, 2016). Тем не менее в Костромской области существует несколько примеров и инвестиционных проектов, инициированных именно дачниками, например, крупные производители мраморной говядины (Аверкиева, 2012) попали в регион с сугубо рекреационно-дачными целями и постепенно решили инвестировать средства в его развитие.

Прямое участие горожан в сельской жизни всё же встречается редко. Приведу пример усадьбы «Хвалевское», восстановленной потомками дворянского рода Качаловых на северо-западной периферии Вологодской области. Новые хозяева озаботились не только восстановлением дома и огромного парка, но и развитием села, на окраине которого находится усадьба, большая часть жителей которого либо безработные, либо работают на отходе в городах. Разрабатывается план реконструкции села и усиления его привлекательности, в том числе с туристическими, культурными и научно-организационными целями, стимулом чего может стать сама усадьба.

И всё же главная роль дальних дачников в деревнях, даже при сезонном их пребывании, состоит в сохранении антропогенного культурного ландшафта — поддержании домов, деревень и частично местных жителей, а тем самым и сохранении освоенности территории, её спасении от полного опустошения и зарастания лесом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отмечу, что проект создания достопримечательного места на базе старинных деревень Леонтьевского поселения (включающего ныне и Угорское), инициированный дачниками — членами Угорского проекта, был местными властями «положен под сукно». А ведь хозяйственная деятельность и строительство, а тем более — отдых на территории достопримечательных мест вполне допустимы. Более того, деятельность во многих случаях желательна, поскольку составляет основу жизненного уклада населения (если она способствует сохранению традиций). Ограничения касаются только смены принятого в этом месте архитектурного облика строений и общего вида деревень, которые необходимо согласовывать.

Тем не менее, если сельские жители удалённых от больших городов периферийных районов хорошо осознают все выгоды появления дачников, то оценки влияния дачников на жизнь поселений местными властями далеко не однозначны (Между домом..., 2016. С. 385—419). В интервью с представителями органов местного самоуправления и районных властей неоднократно отмечалось: «Прибытка от дачников немного, а претензий и требований от них всегда хватает». Дачники не создают официальных рабочих мест, которые могли бы дать поселению подоходный налог и оживление рынка труда. И хотя некоторые дачники вкладывают собственные средства в ремонт отдельных объектов сельской инфраструктуры, они не в состоянии своими силами поддерживать дороги, требуя этого от властей. В общем, они не дают муниципальным властям почувствовать себя полноправными хозяевами «своей» территории. Но дело не только в амбициях местной власти. Нищие бюджеты не позволяют осуществлять желания дачников. Для некоторых поселений, где количество дачников велико, летний сезон оборачивается набором проблем: вывоз мусора, поддержка дорог и т.п. Горожане отчасти спасают деревни, их обустройство, отдельные дома, активизируют местную торговлю, могут предложить местным жителям временную работу, но они не спасут прежнее сельское сообщество и сельское хозяйство. Более того, по мере исчезновения в некоторых деревнях местного населения жизнь городских дачников тоже может стать проблематичной. Местные власти не заинтересованы в сохранении дорог постоянной инфраструктуры, автолавок и т.п. ради сезонного летнего населения, поскольку в соответствии с законом 131-ФЗ, субсидии выделяются исходя из численности только местного населения.

Новые волны дачного реосвоения депопулировавших деревень приводят лишь к выборочному очаговому сохранению культурно-хозяйственных ландшафтов в наиболее живописных местах и не останавливают тотального сжатия освоенного пространства. Вокруг всех этих очагов может заново возникнуть и новое сельское хозяйство в небольших объёмах, для местного обслуживания и снабжения малых городов, а также для поставок экологически чистой продукции в крупные центры.

Российские власти, тем не менее, в последние годы взяли курс на укрупнение сельских локальных администраций и концентрацию услуг в районных центрах и крупных сёлах. В результате малые деревни при плохих дорогах и отсутствии общественного транспорта выпадают из зоны обслуживания, что только усилит депопуляцию и поляризацию пространства. В рассматриваемом Угорском поселении объединение с соседним Леонтьевским «удалило» небольшие деревни от центра поселения с 5—7 до 15—20 км и только стимулировало отъезд остатков местной молодёжи. Конечно, обвинять в этом только власти некорректно. Возможно, Россия

слишком велика. Как известно, денег на её обустройство мало, а сообщества, в том числе дачные, недостаточно активны. Но в этих условиях и происходят размывание и потеря традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева К.В. Инновации в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Известия РАН. Серия «География», 2012. № 4. — С. 40–51.

Аверкиева К.В., Нефёдова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России, 2016. № 1. — С. 103–128.

Веденин Ю.А., Панчук С.И., Филиппович Л.С., Юдина Е.Г. Формирование дачных и садовых кооперативов на территории Московской агломерации // Известия АН СССР. Сер. геогр., 1976. № 3.

Культурный ландшафт как объект наследия / Ред. *Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова*. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения / Ред. *Т.Г. Нефёдова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова*. — М.: Новый Хронограф, 2016.

Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда. Опыт географического исследования. — М.: Институт географии РАН, 1988.

Нефёдова Т.Г. Российская глубинка глазами её обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / Ред. *Н.Е. Покровский*. — М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.

Нефёдова Т.Г. Сохранение сельских традиций Ближнего Севера: иллюзия или реальность // Теоретические и практические проблемы сохранения культурного и природного наследия: Материалы международной конференции 26–27 апреля 2010 г. — М.: Институт Наследия, 2010. — С. 112–126.

Нефёдова Т.Г. Дачи в России: полимасштабное исследование // Демоскоп-Weekly, № 657–658 (5–18 октября), 2015.

Нефёдова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования, 2016. № 12. — С. 52–61.

Ойкумена Ближнего Севера России / Ред.-сост. *Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефёдова*. Авторы: *К.В. Аверкиева, Л.М. Баскин, А.В. Дроздов, С.Т. Жуков, В.А. Зайцев, Т.Г. Нефёдова, Н.Е. Покровский, Е.С. Преображенская, А.И. Трейвиш*. — М.: Университетская книга, 2016.

Покровский Н.Е., Нефёдова Т.Г. «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // Новые идеи в социологии: монография / Ред. *Ж.Т. Тощенко*. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — С. 314–339.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. *Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефёдовой*. — М.: Логос, 2014, — 492 с.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. *М.Е. Кулешовой*. — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013.

Территориальная организация отдыха населения Москвы и Московской области / Отв. ред. *В.С. Преображенский*. — М.: Наука, 1986.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОГРАНИЧЬЯ И БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ УТВЕРЖДЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА¹

Рекреационная экспедиция лета 1975 г. на Украину, которой руководил Юрий Александрович Веденин (тогда старший научный сотрудник Отдела физической географии Института географии РАН), — одно из самых поэтичных воспоминаний студенческих лет одной из авторов этой статьи, Ольги Вендиной. Особенно хороши были дни, проведенные в Сорочинцах близ Полтавы. Широкий Псёл с берегами, покрытыми сочной травой, белая церковь, скрывающаяся среди зелёных кущ, празднование дня Ивана Купалы с кострами на берегу, люди, до смешного напоминающие изображения круглолицых бандуристов и чернобровых красавиц с картин Харьковского художественного музея, а главное — большой тенистый сад, где расположилась экспедиция. Раскладушки участников экспедиции стояли прямо под развесистыми деревьями, и ночью, закрывая глаза, можно было услышать, как осыпаются спелые абрикосы, а утром проснуться от солнца, просвечивающего сквозь плотную занавесь листвы и пятнающего всё кругом. Тогда, конечно, студенческая компания мало что знала о культурных ландшафтах и несомой ими символической нагрузке, но со всей чуткостью молодости некоторые впитали эту идею из воздуха, ощутив связь преходящей человеческой жизни и вечности холмов, рек, неба и абрикосов, падающих с деревьев каждое лето.

* * *

Зигмунт Бауман, характеризуя современные государства, использовал метафору садовника, который, ухаживая за своим участком земли, пропальвывает сорняки и сажает (насаждает) полезные растения, проявляя заботу о сохранении ландшафтного дизайна и внесении в него актуальных изменений (Bauman, 1987). Эта метафора довольно точно описывает си-

¹ Исследование было выполнено в Институте географии РАН благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, в рамках проекта «Российское пограничье: вызовы соседства» (грант № 14-18-03621, руководитель В.А. Колосов).

туацию пограничья, где наглядно проявляются различия подходов и предпочтений соседних «государств-садовников», на свой лад культивируемые ими пространства, насыщая их разнообразными знаками, монументами и символами. С помощью памятников утверждаются определённые идеи, «укореняется» политическая мифология, решаются многообразные задачи — от укрепления патриотизма и поддержания национальной гордости до доказательства несостоятельности претензий политических оппонентов и исторических врагов.

Подобная политика далеко не всегда достигает своей цели: её осуществлению мешает различие культурных и административно-политических границ. Культурные границы в подавляющем большинстве случаев представляют собой зоны (иногда чрезвычайно обширные) плавных переходов или культурной чересполосицы, а политические — это линии, обозначающие жёсткие пределы юрисдикции государств. Примеры их совпадения редки, государственная граница, как правило, рассекает относительно однородные в культурном отношении ареалы, «принуждая» население, живущее по разные стороны от проведённой черты, следовать разным правилам. Достаточно очевидно, что навязываемый порядок далеко не всегда встречает одобрение людей, даже если они ему подчиняются. Латентное несогласие проявляется в отстаивании своих культурных особенностей, локальных идентичностей, исторической памяти, формировании пантеона местных героев, другими словами, в создании «своей» версии истории, не вписывающейся в большой государственный нарратив. История страны и её регионов входит в противоречие с историей нации. Если принять во внимание роль, которую культура сыграла в становлении современных государств и обосновании их легитимности², становится понятно, почему наличие приграничных сообществ, обладающих отличиями, не сводимыми к общему знаменателю, воспринимается как риск нелояльности, мятежности, ирредентистских и сепаратистских настроений³.

Идея «естественности» совпадения культурных и государственных границ получила широкое распространение в конце XIX века, она имела своих горячих сторонников и в России⁴. Её реализация требовала использования разнообразных средств — от насильственных (войны, этнические чистки и отселения) до воспитательных (патриотизм, система школьного образования, служба в армии, языковая политика) и от рациональных до эмоциональных, предполагающих трансформацию общественных представлений под воздействием произведений искусства и монументальной пропаганды.

² Современные государства претендуют на то, чтобы быть политическим выражением культурного единства народа (независимо от обосновывающих его аргументов). Как пишет Б. Андерсон, «*быть нацией* — это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени» (Андерсон, 2016 [1981]). См. также: Геллнер, 1991 [1983]; Stepan, Linz, Yadav, 2011; Stepan, 2010.

³ Может возникнуть впечатление, что подозрительное отношение к жителям приграничных областей является следствием формирования национальных государств. Однако ещё Аристотель в «Политике» писал, что пограничных жителей не стоит допускать к участию в обсуждении вопроса о войнах с их соседями, «так как они, руководясь собственными интересами, не в состоянии подать правильный совет» [Аристотель. Политика, кн. VII. 1330a (20)].

⁴ Например, Николай Страхов писал, что «в начале нынешнего века стала возникать сознательная идея, что наилучший порядок тот, когда пределы государства совпадают с пределами отдельного народа. Европа ищет для себя самого естественного порядка и всё твёрже и спокойнее укладывается в свои естественные раздель; не будь великого интернационального зла, социализма, начало народности, исповедуемое Европой, обещало бы ей успокоение» (Страхов, 2010 [1882], с. 395–396).

Последним принадлежит особая роль. *Во-первых*, памятники и мемориалы, вписанные в ландшафт, сохраняются длительное время, становясь «второй природой». *Во-вторых*, памятники как символические маркеры территории выполняют функцию «якорей» локальной идентичности. *В-третьих*, памятники — это своего рода восклицательные знаки, расставленные в «тексте» культурного ландшафта (Пятигорский, 1996; Лотман, 1992), они свидетельствуют о внимании к наиболее важным, с точки зрения становления нации, страницам истории и личностям. Доносимое ими послание адресовано всем, и оно доходит до всех, независимо от степени лояльности человека государству.

В «наступлении» памятников на границы отчётливо прослеживаются две тенденции. Одна связана с расширением культурного суверенитета государства за пределы политической юрисдикции, другая — отражает ревнивое отношение власти к присутствию на «своей» территории знаков и символов иных политико-культурных образований. В первом случае государство реализует стратегию продвижения «своего» видения истории на территорию соседа и поддерживает культурную отличительность населения пограничья⁵, во втором — прикладывает значительные усилия к стиранию нежелательных исторических воспоминаний, знаков и символов на своей территории, массовому замещению одних монументов другими, пересмотру музейных экспозиций и пр.⁶

Изучение культурного ландшафта пограничья постсоветских государств даёт множество примеров реализации обоих сценариев, но особенно ярко описанные тенденции проявляются на Украине, где политика утверждения национального суверенитета через монументальную пропаганду достигла большого масштаба. Причины этого кроются не только в размерах страны и переживаемой сегодня драме, но и в многососедском положении Украины, граничащей с семью странами, в особенностях формирования современной территории государства, значительных различиях исторических судеб её регионов и идентичностей населения.

ГРАНИЦА МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЕЙ: ОТ ЕДИНОГО ПРОСТРАНСТВА К МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМУ РУБЕЖУ

Рассуждать о восточных границах Украины невозможно без оглядки на советское прошлое, к которому сегодня на Украине добавляется эпитет «колониальное». Однако, как пишет Рональд Суни, Советский Союз стал единодушно восприниматься как

⁵ Поскольку никакие границы не способны защитить от проникновения идей, нарративов и символов, произведённых за рубежом, то подобная политика является вполне легитимным средством борьбы за культурно-символическую власть на сопредельных территориях. Ту власть, которая благодаря эффекту мобилизации настроений людей, позволяет решать геополитические задачи и получать эквивалент того, что раньше достигалось с помощью армии или экономической экспансии (Бурдые, 2007).

⁶ Э. Ренан ещё в конце XIX века проницательно заметил, что создание нации основано не только на общих воспоминаниях, но и на общем забывании того времени, когда различные группы не образовывали единую нацию. Именно потому прогресс исторических и географических исследований представляет опасность для элит «молодых» наций, требующих пересмотра истории и создания её новых версий (Ренан, 1902).

империя только после своего распада, вследствие чего обществоведы увидели в нём нелегитимное составное политическое образование, потенциально неспособное сдерживать рост внутренних наций (Суни, 2007). Этот глобальный мейнстрим способствовал легитимации прежде маргинальных общественных нарративов в отношении России и их превращению в доминирующий политический дискурс⁷.

Итогом сведения истории взаимоотношений Украины с Россией и русскими исключительно к угнетению и пребыванию украинцев в «тюрьме народов» стало формирование представления о России как стране, «укрававшей» у украинцев не только возможности развития, которые могли бы поставить Украину в один ряд с ведущими европейскими державами, но и саму историю и культуру. В этом взгляде на украинскую историю, как в зеркале, отражаются идеи Милана Кундера, высказанные им в эссе «Трагедия Центральной Европы» (Kundera, 1984a)⁸. «Что же значит Европа для венгра, чеха, поляка?» — задавался вопросом Кундера и отвечал: «Для них слово «Европа» относится не к географии, а к сфере духа, являясь синонимом слова «Запад». В тот момент, когда Венгрия перестаёт быть частью Европы, она перестаёт быть частью Запада, а значит — лишается собственной истории и судьбы, утрачивает свою суть. <...> Нам пора осознать: происходящее в Праге или Варшаве в основе своей — это не драма Восточной Европы, Советского блока или коммунизма; это драма Запада — ему угрожают, его теснят, промывают ему мозги, а он упорно защищает свою суть»⁹.

Все эти аргументы, основанные на подмене понятий, хорошо узнаваемы и широко растиражированы. Однако для нас важна не их правомерность или обоснованность, а то, что они воспринимаются в качестве таковых, что люди более склонны к поиску тех, кому можно верить и кто донесёт до них «истину», чем к поиску знания. На этой потребности базируются технологии политических манипуляций. Они позволяют влиять на поведение людей не прямо (что чаще всего оценивается негативно), а через механизмы интериоризации продвигаемых/навязываемых представлений, конструируемых с опорой на ценностные ориентиры индивидов. Ещё Эмиль Дюркгейм отмечал, что действенность социальных и политических регуляторов определяется не только их принудительной силой, но и желательностью для индивида (Durkheim, 2012). Отзвук в душе человека заставляет относиться с доверием к тому, что иначе было бы отвергнуто.

Возвращаясь к Украине, хотелось бы обратить внимание на то, что массовая борьба против «российской гегемонии» и «империализма» развернулась в стране не «до», а «после» обретения Украиной независимости, достигнув своего апогея спустя четверть века после распада СССР. Главный нерв этой борьбы крылся не в экономической или политической сфере, а в культуре, стремлении размежеваться с Россией и утвердить это

⁷ Большой интерес представляет опубликованное в 1995 году исследование печатных СМИ западных областей Украины (Миллер, 1995). Практически все сформулированные тогда идеи являются достоянием современных общенациональных СМИ Украины и звучат с высоких политических трибун.

⁸ Широко известно альтернативное название эссе: «Похищенный Запад, или Прощание с Культурой» (Kundera, 1984b).

⁹ Цитируется по Кундера М. Трагедия Центральной Европы / пер. с англ. А. Пустогаров // Проза. ру. Доступ: <http://www.proza.ru/2005/12/16-142>

размежевание не только «на бумаге», но и в пространстве, усиливая различия пейзажа по разные стороны границы, превращая его в зримый рубеж. Достичь этого непросто, учитывая тесноту связей между двумя странами, обилие культурных заимствований и взаимовлияний.

Современная линия российско-украинской границы была документально закреплена относительно недавно — в 1920-е годы, никаким конкретным историческим реалиям она не соответствовала и пересекла несколько исторических провинций. В период работы Комиссии по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР (1924 г.) украинская сторона настаивала на приоритете этнографического принципа проведения границы, что позволило бы выявить «подлинные» очертания украинской территории, а российская — указывала на невозможность его сквозного применения в силу смешанности населения и культур, необходимости учёта мнения людей и экономической целесообразности. Многочисленные территориальные споры между сторонами потребовали вмешательства высших партийных органов. Постановление Президиума ВЦИК отразило политические приоритеты того времени: борьбу с «великодержавным шовинизмом великороссов», поддержку «национального самоопределения», поскольку нерусские меньшинства — объект угнетения царизма — рассматривались как естественные союзники пролетариата¹⁰, и, наконец, укрепление «слабого» украинского рабочего класса за счёт включения в состав Украины промышленных городов и районов бывшей Российской империи. Предлагалось идти навстречу УССР *всюду*, где это *резко не нарушает* интересов пограничного населения РСФСР (Борисёнок, 2005). В результате восточная граница УССР стала выполнять одновременно функции этнического водораздела (отличительности) и культурного (пролетарского) единства.

Со временем различия между соседними республиками единого государства слабели, а сходство, которое и до того было значительным, нарастало. Мощные социально-экономические сдвиги, которые пришлось пережить на советские годы (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования, миграции, и пр.) и Великая Отечественная война, резко обострившая чувство национального (а не этнического) единства в борьбе с общим врагом, способствовали гомогенизации культуры местного населения. Утвердившаяся система единых знаков и символов обеспечила, как и повсюду в СССР, «минимум разнообразия на максимуме пространства».

На обширной территории, включающей почти всю Левобережную Украину, Донбасс, промышленный юг Украины и соседние территории России, сформировался украинско-российский континуум, характеризующийся глубокой этнокультурной интерфе-

¹⁰ Ленин считал необходимым различать национализм угнетающих и угнетаемых наций, видя главную опасность для молодого советского государства в «великорусском шовинизме». Сталин, хорошо знакомый с реалиями Грузии, обращал внимание на то, что и угнетаемые народы способны быть угнетателями, подчёркивая опасность местных национализмов для государственного строительства. Из отчётного доклада на XVII съезде ВКП(б): «Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? <...> Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности. На Украине ещё совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сожмнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью».

ренцией, смешанным этническим составом населения, незначительной вариативностью традиционной культуры и осознанием своей близости к России, независимо от этнической самоидентификации (Чижикова, 1988). Широкое распространение получило двуязычие — свободное владение и параллельное использование русского и украинского языков. Тесные контакты населения способствовали возникновению *суржика* — разговорного языка, производного от русского и украинского, но не сводимого ни к одному из них (Куроختина, 2012). Наличие трансграничной культурной общности выразилось и в локальных особенностях восприятия населения, его двойной или «размытой» идентичности (Городяненко, 2009), эклектичности самосознания (*хохол, но русский в душе*), исторической памяти и культурном наследии. Проведённые в этом культурном ареале социологические исследования показали, что среди опрошенных в Брянской области на долю тех, кто считает «своими земляками» жителей приграничных городов Украины — Новгорода-Северского, Сум, Глухова, Харькова, Волчанска и др., приходится около 10%, в Курской — таковых 25%, а в Белгородской — 30%. При этом в категорию «земляков» часто не попадали жители «своей» области, если места их жительства располагались на значительном удалении от границы (Крылов, Гриценко, 2012).

Однако было бы опрометчиво рассматривать этот обширный трансграничный ареал как зону плавных переходов от большей выраженности украинских элементов культуры к большей выраженности русских и наоборот. Картина намного сложнее. *Во-первых*, в сознании людей, пусть и в стёртом виде, сохраняется память об историко-культурных провинциях, обладавших различной юрисдикцией, таких как Область Войска Донского, Слобожанщина, Гетманщина, Великое Княжество Литовское, которые сегодня разделены между областями России, Украины и Белоруссии. Эти знания, будучи ранее достоянием интеллектуалов, краеведов и музейных работников, дают всё больше поводов для широких публичных дискуссий, реанимации канувших в прошлое нарративов, установки местных монументов и мемориалов. *Во-вторых*, несмотря на взаимное дружелюбие и тесные связи российского и украинского населения приграничных районов, механизмы конструирования представлений друг о друге различаются. Если россияне рассматривают соседние украинские области как территории проживания земляков, независимо от этнической принадлежности людей, то с украинской стороны границы локальная модель отношений между соседями вытеснена политизированной моделью отношений между государствами. В результате на российских соседей переносится ответственность за политику российского государства. *В-третьих*, различие в отношении к «украинскому» в России и «русскому» на Украине, которое так ярко проявляется в современном кризисе, но уходит корнями в XIX век, все постсоветские годы способствовало подчёркиванию значимости украинского начала и ослаблению чувства «протоестественности» существования российско-украинской границы, проведённой «по живому телу» народа (Гриценко, Крылов, 2012).

Результатом происходящих тектонических процессов стало «растрескивание» сложившегося культурного ареала, прежде консолидированного единством взглядов на события прошлого и привычками людей. Постепенно малозаметная в культурном и политическом отношении граница между Россией и Украиной начала трансформироваться в исторический рубеж, конфликтность которого подчёркивалась возводимыми

или сносимыми мемориалами и памятниками. Новая «актуальная» версия прошлого потребовала ревизии событий советской эпохи. Первая масштабная кампания по монументальной пропаганде продвигаемых идей была развернута после «Оранжевой революции» 2004 года и нацелена на увековечивание памяти о голоде зимы 1932/1933 годов, вошедшем в историю как Голодомор. Вторая — после событий «Евромайдана» 2013–2014 годов, потребовавшего декоммунизации публичного пространства страны, очищения его от советских символов и памятников.

Закон «О Голодоморе» был принят Верховной Радой Украины в 2006 году, юридически определив эти трагические события как *геноцид*, т.е. сознательные и целенаправленные действия советского руководства по уничтожению этнических украинцев. Публичное отрицание данной точки зрения было признано административным правонарушением. Президент страны Виктор Ющенко чрезвычайно эмоционально высказывался по этому поводу: *«Те, кто сегодня отрицают Голодомор, глубоко и убежденно ненавидят Украину, ненавидят нас, ненавидят наш дух, наше будущее, они отрицают не историю, они отрицают украинскую государственность»*¹¹. Закон также обязывал региональные и местные органы власти участвовать в возобновлении и сохранении национальной памяти украинцев о жертвах трагедии, устанавливая мемориалы и памятные знаки. Кампания развернулась на всей территории страны. В местных исторических и краеведческих музеях появились разделы, посвященные Голодомору, их главным экспонатом стали увесистые тома с именами умерших от голода. Однако эмоциональная составляющая экспозиций доминировала над документальной в силу недостаточности архивной базы и материалов исследований. Отличительной чертой политики увековечивания памяти жертв Голодомора в регионах восточной Украины стало возведение новых мемориалов в наиболее заметных местах, нередко на дорогах, ведущих к российским границам. Учитывая, что для украинской публицистики характерно отождествление понятий «советское руководство» и «московские власти», подчёркивающее их равную чуждость Украине, то обвинительное послание, доносимое памятниками, считается как переадресация нынешней «московской власти» — наследнице и правопреемнице прежней.

Другая мемориальная кампания связана не с возведением новых памятников, а с массовым сносом прежних. В апреле 2015 года, спустя год после событий Евромайдана, Верховная Рада Украины приняла закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики». Основное острие закона было направлено против памятников Ленину, а также деятелям и героям советской эпохи. У закона была своя предыстория.

Случаи демонтажа памятников Ленину «накануне» и сразу «после» обретения Украиной независимости происходили достаточно редко и не имели характера вандализма. Например, во Львове Ленина убрали с площади перед оперным театром ещё осенью 1990 года, а в Ужгороде — в 1991. Следующий этап пришёлся на период президентства

¹¹ Обращение президента на Михайловской площади. Информационное агентство УНІАН. 25 ноября 2006. Доступ: <https://www.unian.net/politics/24192-yuschenko-ne-prosit-a-trebuje-ot-vr-priznaniya-golodomora-genotsidom.html>

Ющенко, когда начался массовый снос советских памятников на Западной Украине. Однако на остальной территории страны такие случаи были единичны и не поддерживались общественностью. Стихийный снос монумента Ленину митингующими в Киеве в декабре 2013 года открыл эпоху вандального разрушения памятников в регионах центральной Украины, волна которых прокатилась в 2014 году. «Народная воля» была легитимирована законом о декоммунизации, после принятия которого были демонтированы памятники Ленину на востоке страны: в Сумской, Харьковской, Донецкой и Луганской областях. Одновременно началось массовое переименование городов, посёлков, площадей и улиц. Единственным ареалом, незатронутым декоммунизацией, остались мятежные территории непризнанных ДНР и ЛНР, где по мере возможностей памятники вождю пролетариата реставрировались наряду с военными мемориалами.

Происходящее на Украине внешне сильно отличается от наблюдаемого в российском пограничье, где успехи советского времени не отрицаются, памятники Ленину приведены в порядок, выросло число музеев, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, торжественно открыты новые мемориалы. Однако сущностно процессы очень схожи, они направлены на символическую репрезентацию страданий и жертв народа, его героизма и исторической исключительности, необратимости постсоветских изменений и неотвратимости общественного осуждения «злодейств» правящих режимов.

В России эта политика прошла ряд этапов: с конца 1980-х до середины 1990-х годов она была подчинена задачам обоснования «европейского поворота» страны и радикальной трансформации прежнего «тоталитарного» порядка, если угодно, декоммунизации с её неизбежными сносами памятников и переименованиями. С конца 1990-х возобладала более умеренные установки на преодоление исторических разрывов, преемственность прошлого и настоящего, признание контрпродуктивности стигматизации целых исторических периодов, с которыми была связана жизнь многих поколений и которые оставили после себя «трудные вопросы» для историков и политиков. В 2000-х годах доминирующей стала идея национального примирения: новая Россия была объявлена законной наследницей «тысячелетнего государства», что открыло дорогу разнообразным размышлениям и спекуляциям на имперскую тему. Стержнем «консервативного разворота» стало возвращение к идее «великой державы», доказавшей право на этот титул своей историей и победой во Второй мировой войне. Мобилизация идей прошлого, в частности реинкарнация парадигмы «официальной народности» как единства власти и людей, опосредованного религией — гарантом высшего суда и справедливости, не только навязывалась «сверху», но и отвечала запросам массового сознания. Большинство россиян и тогда, и теперь высоко ценят роль государства как института, заботящегося об обществе. При этом интересы общества связываются не с политическими правами, а с обеспечением социальной справедливости и относительной эгалитарности. С одной стороны, это свидетельствует о распространённости патерналистских настроений, но с другой — создание «справедливого» и «великого» государства, имеющего тысячелетнюю историю, рассматривается людьми как важнейшее достижение народа, которое он призван сохранить. Чувство принадлежности к великой стране и патриотизм являются сегодня ключевыми ценностями россиян (Демидова, Николаев, 2016).

Такая смена идеологием отразилась и на культурном ландшафте российско-украинского пограничья, где возникли памятники Св. кн. Владимиру, Св. Серафиму Саровскому, Петру I и даже Ивану Грозному, отмечено место встречи Петра I и Мазепы в Острогжске. Были отреставрированы прежние и построены новые храмы и часовни, обрели государственное покровительство монастыри. Новый блеск куполов сильно контрастирует с полузаброшенными и обветшалыми символами советской эпохи, прославлявшими труд и самоотверженность советского человека.

Чрезвычайно болезненно стали восприниматься попытки ре-интерпретации событий и итогов Второй мировой войны, составляющих пантеон славы России. Первый кризис, затронувший пограничье, разразился в 2007 году в связи с переносом памятника советскому воину-освободителю из центра Таллина на военное кладбище. Тогда впервые было выдвинуто предложение о создании закона, запрещающего пересматривать итоги истории Второй мировой войны, что, по мнению авторов идеи, открывало дорогу для «реабилитации нацизма». Первая предложенная версия закона предполагала создание Общественного Трибунала¹². Однако закон был отклонён, а вместо трибунала были созданы «Президентская комиссия по борьбе с фальсификаторами истории» и чуть позже — «Российское военно-историческое общество». Далее были предприняты ещё две неудачные попытки инициировать принятие «мемориального» закона. Идею удалось реализовать в 2014 году на фоне украинского кризиса. Принятый закон [ФЗ, 2014, № 128-ФЗ] устанавливает уголовную ответственность за публичные действия по распространению «заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Защищаемая этим законом политика, по сути, направлена на свёртывание общественных дискуссий и авторитарное навязывание апологетического нарратива национального прошлого (Малинова, 2015). В этом смысле политические стратегии символического заполнения приграничных пространств Украины и России выглядят как близнецы.

Итогом такого сходства становится нарастание различий в культурном ландшафте пограничья. Прежние советские каналы межобластных и межреспубликанских связей, основанные на личных знакомствах и взаимных обязательствах, постепенно «отмирают», а новые автономные механизмы взаимодействий крайне слабы. Постсоветский интеграционный дискурс, в основе которого лежало представление о единстве исторического, социально-культурного и хозяйственного пространства российско-украинского пограничья ушёл в прошлое, а противостоящий ему — дезинтеграционный, напротив, обрёл большое число сторонников (Вендина, Кирюхин, Колосов, 2011). Согласно ему граница Украины с Россией является важным для национальной безопасности рубежом, разделяющим два независимых государства, две этнические и исторические общности, имеющие разные интересы и потенциал развития. Крайним выражением этой точки зрения является строительство «европейского вала», призванного защитить границы Украины от российского вторжения,

¹² «Проект: Федеральный закон “О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников”». Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1153517.html>

который обещает стать монументом эпохи. Пока трудно судить о долговременных последствиях проводимой сегодня политики, вопрос в том, в какой мере локальные приграничные сообщества признают предлагаемую им версию истории в качестве «своей», посчитав свои прежние представления «навязанными» извне.

ГРАНИЦА «УКРАИНА-ЕС» В ЗАКАРПАТЬЕ: ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ

Этнокультурная мозаичность и сложная политическая история являются главными отличительными чертами Закарпатской области Украины. После распада Австро-Венгрии в октябре 1918 года Закарпатье непродолжительное время входило в состав Венгрии в виде автономной области Руська Краина. По Трианонскому договору 1920 года она была передана в состав Чехословакии, образовав административную область Подкарпатская Русь. Несмотря на статус автономии и признание прав меньшинств, чешское правительство сохраняло контроль над территориальным управлением региона: рычаги реальной власти были в руках Праги. Чешский язык практически сразу вытеснил венгерский из школ и государственных учреждений и последовательно вытеснял русинский. Возникли античешские настроения, как в своё время — антивенгерские, и усилились прорусские. Ответом на них стала поддержка украинофильства со стороны молодой чешской демократии, опасавшейся экспорта революции из СССР. В то же время соседние Венгрия и Польша поддерживали античешскую оппозицию и обсуждали вопрос о потенциально возможной линии будущей венгерско-польской границы.

Первый Венский арбитраж, состоявшийся в конце 1938 года, «вернул» южные районы Словакии и Подкарпатскую Русь в состав Венгрии, однако отказ Польши передать Германии «Данцигский коридор» заставил немецкие власти рассматривать сценарий возникновения венгерско-польской границы как нежелательный. Поэтому с реализацией решения арбитража не торопились. Немецкая оккупация Богемии и Моравии весной 1939 года означала распад Чехословакии. Образовалась марионеточная Словацкая республика и неожиданно реализовался проект Карпатской Украины со столицей в Хусте. Новое непризнанное государство запросило протектората Германии, но Третий Рейх предпочёл дать карт-бланш Венгрии на введение войск в южные районы Словакии и Подкарпатскую Русь (теперь Карпатскую Украину) в обмен на лояльность и экономическую поддержку венгерского правительства. «Возвращение» закарпатских земель в Венгрию состоялось, возникла реальная венгерско-польская граница, которая просуществовала шесть месяцев.

Начало Второй мировой войны обесмыслило все политические интриги на поставстро-венгерском пространстве. Территория, за которую шла борьба между молодыми независимыми государствами, превратилась в коридор для беженцев, прежде всего евреев из Польши. Венгерский суверенитет продержался до 1944 года, в марте в страну были введены немецкие войска, в октябре в Закарпатье вошла советская армия. Была образована Закарпатская Украина. После завершения войны в июне 1945 года между правительством СССР и Чехословакией был подписан договор об обмене территория-

ми. С января 1946 года Закарпатская Украина превратилась в Закарпатскую область Украинской ССР. В то время это оценивалось как восстановление исторической справедливости, завершение исторического процесса «воссоединения украинских земель в едином Украинском Советском государстве» (Украинский советский энциклопедический словарь, 1988).

Первые годы после присоединения к Украинской ССР Закарпатье находилось в социальной изоляции. Здесь действовал жёсткий пограничный режим, местная молодёжь не призывалась в армию, связи с Румынией, Венгрией, Чехословакией и Польшей были разорваны, семьи разделены. И сегодня эти земли маркированы заброшенными дорогами и полуразрушенной инфраструктурой. Новый пограничный регион был милитаризован. Помимо военных подразделений, отвечающих за безопасность государственных границ, здесь были развёрнуты радиолокационные службы и соединения быстрого реагирования. Практически во всех городах появились военные городки. Ограничения стали постепенно сниматься в 1950-х годах. Местное население массово поехало на заработки в центральные области России и Украины, быстро освоило русский язык. Одновременно в Закарпатье направлялся поток гражданских специалистов из промышленно развитых областей России и Украины.

Распад СССР принёс новый виток перемен. Активизировалась борьба за признание статуса русинов как отдельного народа в составе Украины и восстановление русинской автономии, интенсифицировались отношения закарпатских диаспор со своими «материнскими» государствами. Ощущение «кровной связи» с ними стало цениться гораздо выше, чем принадлежность к Украине или бывшему СССР. В 2004 году на привычные межгосударственные границы наложилась граница «Украина-ЕС». Это время обозначило и «цивилизационный выбор» Украины в пользу европейской интеграции. Важным следствием расширения ЕС для Закарпатской области стало её вовлечение в серию программ приграничного сотрудничества, реализовывавшихся по линии INTERREG, а также PHARE и TACIS. Основная часть проектов была направлена на сотрудничество в области охраны окружающей среды, развития гражданского общества, культурные и научные обмены и, что особенно важно, восстановление исторической памяти (Tanaka, 2006). В области находится множество мест, связанных с событиями, включёнными в исторические хроники других государств. Легитимность их обозначения на нынешней территории Украины обосновывалась идеями исторического примирения, национального покаяния, восстановления справедливости, создания единой Европы «без границ».

Новые подходы к осмыслению прошлого и возможность рассказать «свою историю» с помощью монументов и памятных знаков, установленных на территории соседних стран, должны были способствовать установлению взаимного доверия и межгосударственной открытости, но вместо этого они актуализировали прежние идеи, фобии и притязания, создав для их продвижения новые легитимные каналы. «Диалог культур» стал использоваться в качестве ширмы, прикрывающей конфликт интересов. Так, памятник первому президенту Чехословакии Томашу Масарику, подаренный муниципальными властями Чешской Липы своему побратиму — Ужгороду, был «кисло» встречен украинскими и венгерскими общественными организациями Закарпаття, в отличие от энтузи-

азма русинских. Другой пример — село Солотвино, где был установлен бронзовый бюст Стефана III Великого. Молдавский господарь лишь условно может считаться земляком солотвинцев, да и сами жители села вряд ли мечтают о возрождении средневековой Великой Молдавии. Однако они хотят подчеркнуть отличие «своей» истории и «своих» героев от истории и героев страны, в которой живут. И в этом их поддерживает румынское правительство, оказывая финансовую поддержку культурным начинаниям.

В целом в постсоветские годы символический ландшафт Закарпатья претерпел значительные изменения: резко выросло количество и разнообразие всевозможных монументов, установленных в самых разных местах — на улицах городов, в сёлах, на горных перевалах и в полях. Они посвящались как историческим личностям и знаковым событиям, так и «простым» людям. В Перечине появился памятник местному почтальону, в Ужгороде — фонарщику, в Мукачево — трубочисту и ученику кондитера. Создание таких памятников инициировалось муниципалитетами или даже отдельными людьми, но, конечно, не они определяли изменение культурного ландшафта. Роль первой скрипки принадлежала государству, стремящемуся с помощью монументальной пропаганды утвердить свой культурный суверенитет, подчёркивая совпадение духовных устремлений народа (осознания себя украинцами) и задач национально-государственного строительства. Однако этнокультурная сложность закарпатского общества, противоречивость его истории, множественность национализмов и отсутствие фигур, в оценке деятельности которых существует общественный консенсус, не позволил символической политике украинского государства стать инструментом социальной интеграции. Навязывание героев, памятных дат и оценок исторических событий нередко сталкивалось с их отторжением, если не всеми, то значительными группами населения, или перекодированием идей, ради продвижения которых были установлены памятники.

Яркий пример — замещение памятника Ленину памятником Тарасу Шевченко. По мысли скульптора и архитектора, Шевченко должен был стоять «крепко, стойко и гордо...», как сама украинская нация. Однако «хмурый, завернутый в плащ Кобзарь, который стоит с высоко поднятым воротником и руками, сложенными на груди», вызвал у местных жителей иные ассоциации: его прозвали «графом Дракулой»¹³, намекая скорее на близость к Венгрии и Румынии, нежели к Украине. Другими словами, ни бронзовый Ленин, хотя за него заступались местные коммунисты, ни гранитный Шевченко — икона украинской культуры, не рассматриваются местным сообществом как «свой»: оба памятника стали объектами насмешек, а значит, и привносимые ими идеи девальвировались¹⁴.

Символом культурного поворота от советской идеологии к национальному возрождению и памяти предков должен был стать и памятник великим славянским просветителям Кириллу и Мефодию, установленный в Мукачево. Однако и он высветил нежелательный для украинского государства подтекст. Ещё с середины XIX века в регионе бытует миф о крещении Закарпатья святыми Кириллом и Мефодием на 120 лет

¹³ Закарпатские памятники глазами обычного туриста. Электронное информационное издание UA-Reporter.com. 19.07.2011. Доступ: <http://www.ua-reporter.com/novosti/105715>

¹⁴ Этот тезис подтверждает и развёрнутая в 2006 году мэрией Ужгорода кампания по переносу памятника Шевченко с центральной площади на новое место ради осуществления строительных планов.

раньше, нежели состоялось крещение Руси (а значит, и Украины). В качестве основного аргумента приводится тот факт, что солунские братья осуществляли свою миссию в Моравии и Паннонии, на землях смежных с современным Закарпатьем (Дронов, 2006; Ильницкий, 2013). В результате св. Кирилл и Мефодий из символа объединения народа, превращаются в фигуры, легитимирующие фундаментальные различия внутри страны, которых и без того хватает.

Ситуация становится ещё сложнее, когда деятельность исторических личностей даёт поводы для противоположных оценок. Позитивное отношение одних аннулируется негативным отношением других. Одна из таких фигур — Августин Волошин, первый президент самопровозглашённой республики Карпатская Украина. Деятельность Волошина очень по-разному оценивается с позиции украинских и русинских историков. Для первых — он несомненный украинский патриот и герой, для вторых — человек, выражавший чаяния проукраинской партии, реализовавший эти амбиции в сложных политических условиях и несущий ответственность за гибель людей (Magosi, 1978).

Неоднозначное отношение к Волошину усиливается просчётами создателей монумента. Бронзовая фигура держит в правой руке акт провозглашения Карпатской Украины, а левой (!) — благословляет прохожих. Жест — далеко не канонический. Отсутствие общественного консенсуса в отношении Волошина подчёркивается памятником другому греко-католическому священнику — Александру Духновичу, стороннику русофильского течения и просветителя русинов. Памятник Духновичу также далёк от совершенства, но свою паству он благословляет по правилам — правой рукой. Возможно, что памятники Духновичу и Волошину могли бы мирно соседствовать в Ужгороде, репрезентируя разные эпохи и разные настроения, но они были установлены практически напротив друг друга на разных берегах реки, что неизбежно прочитывается как противостояние.

Наибольшую активность в продвижении своих символов на территории Закарпатья демонстрирует Венгрия. Из беседы с управляющим директором НКО «Агентство территориального развития и экологического менеджмента» в городском совете Ньиредьхазе (Венгрия): *«Мы уже прошли три периода подачи проектных заявок в рамках программ приграничного сотрудничества. Самое большое количество проектов было подано на изучение и восстановление венгерских монументов на территории Словакии, Румынии и Украины. Не забывайте, что мы разделённая страна. Но мы стараемся учитывать интересы друг друга, помогаем соседям, поддерживаем их монументы на венгерской стороне»*. Реальность оказывается более конфликтной, чем рассуждения. Философия национального примирения плохо воспринимается сторонниками идей национального возрождения и героической борьбы за самоопределение народа.

Показательна история Верецкого перевала. Для венгров это — восточный предел «обретённой родины». Здесь легендарный орёл-Турул сбросил победный меч вождю семи мадьярских племён и указал место новой счастливой жизни. Первый монумент на Верецком перевале, посвящённый тысячелетию этого события, появился в 1896 году на волне венгерского национального возрождения, но время его не пощадило. Для украинцев Верецкий перевал — это место, где была продемонстрирована готовность

украинского народа жертвовать жизнью ради обретения собственной государственности. Краткая хроника событий такова.

После принятия Венским арбитражем решения о передаче южных районов Словакии и части Закарпатья с городами Ужгород, Мукачево и Берегово в состав Венгрии правительство автономной Подкарпатской Руси переехало в Хуст. Тогда же было принято новое название — Карпатская Украина и начала создаваться «Организация народной обороны — Карпатская Сечь». 15 марта 1939 года — в день ликвидации независимости Чехословакии и провозглашения независимости Карпатской Украины, — венгерское правительство направило Волошину предложение разоружиться и мирно войти в состав Венгрии. Оно было отклонено — и объявлена всеобщая мобилизация. Начались бои. Кроме сечевиков, венгерским частям противостояли отряды чехословацкой армии, которые быстро покинули позиции. Сечевики стали нападать на чехов, отбирая у них оружие. Последние от пассивного сопротивления венграм перешли к их поддержке, передавая оружие местному венгерскому населению, приветствовавшему «захватчиков». Венгерскую армию поддерживали также польские части, которые заняли часть области. Началась война всех против всех. На третий день драмы члены правительства Карпатской Украины эмигрировали. Сечевики оказались без руководства, предоставленные своей судьбе. Оставшиеся в живых уходили в Румынию и Польшу, где их ловили, интернировали и расстреливали. Верецкий перевал был одним из таких мест.

В 2007 году во время визита президента Украины В. Ющенко в Венгрию по случаю открытия в Будапеште памятника Тарасу Шевченко, была достигнута договорённость о восстановлении венгерского монумента на Верецком перевале и сооружении памятника расстрелянным сечевикам. Летом 2008 года оба мемориала, находящиеся на расстоянии двух километров друг от друга, были открыты. С момента открытия венгерский памятник стал площадкой для ежегодно повторяющихся политических акций украинских националистов. В 2008 году они водрузили на него государственный герб Украины и прикрепили мемориальную доску с надписью «Вечная память героям Украины — Карпатским Сечевикам, с извинением от венгерского народа». В 2009 году памятник разрисовали сине-жёлтыми полосами, написав: «Будапешт, покайся за Карпатскую Украину!». Самый громкий «протестный акт» состоялся в 2011 году, когда монумент обложили автомобильными шинами, облили бензином и подожгли. Сами активисты оценивали свои акции как патриотизм, а их оппоненты — как вандализм.

Из газетного интервью Олега Куцины — участника поджога и председателя закарпатского отделения ВО «Свобода»: *«Думаю, так должен сделать любой украинец, если на могилах твоих предков, воевавших за украинскую государственность, потомки тех людей, которые расстреливали их, строят неоимперский символ... Для венгров этот памятник символизирует границы их государства <...> Но почему-то установлен он не на границе Украины и Венгрии, а на старой границе империи»*. С ним в диалог вступает Миклош Ковач — председатель Общества венгерской культуры Закарпатья: *«Верецкий перевал — это идиома в венгерском историческом сознании, не несущая никакого оскорбления для Украины. К сожалению, это*

не удаётся донести до понимания наших оппонентов из-за острой асимметрии в политической культуре и представлениях о базовых понятиях»¹⁵.

Этот заочный обмен любезностями проявляет не только взаимную глухоту, но и общую логику аргументации, построенную на обосновании своей правоты через обвинения и унижение оппонента. Каждая сторона использует общий арсенал ценностей, таких как государственный суверенитет, национальная идентичность (сознание), демократичность в противовес имперскости, добрососедские отношения и пр. Приведённый диалог отражает не *асимметрию политических культур*, а острую конкуренцию за право на производство культурной продукции, за символическую власть и контроль территорий, разделённых границей. В борьбе с венгерским памятником на Верецком перевале отражается не «дикость» одного народа и «культурность» — другого, а неравенство символических капиталов, которыми располагают венгерская и украинская стороны конфликта¹⁶.

Дефицит социальной интеграции в Закарпатье формирует и дефицит символического капитала, определяющего возможность достижения консенсуса в обществе. Этот дефицитом объясняется и вандализм в отношении венгерских монументов, включая обливание краской памятников Шандору Петефи и стремление продемонстрировать укоренённость украинства в культуре Закарпатья, как в случае установки в Мукачевском замке памятника князю Федору Кориатовичу Гедиминович, литвин и князь Подольский (Каменец-Подольский), владевший Паланком в течение 20 лет на рубеже XIV—XV веков, он, по мнению украинской власти, является украинцем. Бронзовая фигура Федора Кориатовича представляет его в каноническом образе древнерусского князя, очень отличающемся от его трансильванских изображений XVIII века.

Ключевую роль в наращивании украинского символического капитала на западной границе играют памятники жертвам борьбы за независимость страны. Особое место занимает впечатляющий мемориальный комплекс «Красное поле», расположенный между

¹⁵ Мартин В. Распри на перевале. Зеркало недели / ZN.UA. 16 августа 2013. Доступ: <http://gazeta.zn.ua/internal/raspri-na-perevale-.html>

¹⁶ Не менее яркий пример даёт конфликт, связанный с мемориалом «польских Орлят» на Лычаковском кладбище Львова. Мемориал был создан в 1920 году как символ победы Польши в польско-украинской войне 1918—1919 годов и одновременно как дань благодарности польскому гражданскому населению города, оказавшему сопротивление армии самопровозглашенной Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). В 1951 году мемориал был разрушен, в 1971 году по нему проехался бульдозер. Восстановление мемориала началось в постсоветские годы, но продвигалось крайне медленно. К 2002 году он был готов, но его открытие было сорвано. В заявлении Львовского горсовета от 16 мая 2002 года говорилось: «Мы категорически против восстановления построенного в межвоенные годы польского господства во Львове помпезного пантеона. <...> Мировая история пока что не знала случая, чтобы народ независимой страны на родной земле соорудил подобные пантеоны своим бывшим поработителям». Официальное открытие мемориала «польских Орлят» состоялось только после «Оранжевой революции» летом 2005 года одновременно с мемориалом воинам Украинской Галицкой Армии, «павшим в боях за Львов». Для придания символического веса украинскому захоронению сюда из Берлина были перевезены останки Евгения Петрушевича — Президента ЗУНР и лидера украинского национально-освободительного движения начала XX века.

Хустом и Виноградово, открытый в 2009 году. Невысокий курган, имитирующий братскую могилу, венчает крест, доминирующий над равниной, окружённой горами. «Здесь, на Красном Поле — гласит текст мемориальной таблички — 15 марта 1939 года, когда в Хусте Сойм Карпатской Украины провозгласил государственную независимость, почти безоружные воины Карпатской Сечи задержали наступление многократно превосходивших их в силе венгерско-хортистских войск и все полегли за свободу провозглашенной державы. Вечная Слава защитникам Карпатской Украины!».

Под стать памятнику и патетическая риторика местных СМИ. «Этот клочок земли с каждым годом всё острее ассоциируется с цветом пролитой крови. Калиновые кусты, которых ежегодно становится больше и больше, обнимают ветвями-полотенцами деревянные плечи постамента со Страстным крестом, который напоминает не только о величии национального подвига, но и о горечи трагедии, когда национальная идея оказалась заложницей и замороженных политиков, и геополитических интересов соседних государств»¹⁷.

Описанное противостояние памятников превращает ландшафт Закарпатья в очень конфликтный и многослойный «текст», описывающий и через описание конструирующий реальность в политически детерминированных формах. В символических баталиях сталкиваются интересы очень разных агентов — от социальных и этнических групп до государств, стремящихся поддержать веру людей в то, что именно они обладают историческими правами на данные территории, именно они творили её историю и именно их взгляд на происшедшие события является её правдивой версией.

ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ?

Почему особенности культурного ландшафта пограничья имеют принципиальное значение? Какая разница, что за памятники стоят на далёких рубежах родины, если вся политика определяется «в центре» и если *a priori* главная функция границ — разделять зоны ответственности государств? Ответ достаточно очевиден: в условиях глобализации и всё более непростой геополитической ситуации жители лимитрофных регионов осознают свою культурную отличительность, а локальные элиты, основываясь на культурных аргументах, выдвигают политические требования, расширяя свои полномочия и привилегии. Миссия налаживания партнёрских отношений между соседними странами, отвечающая задачам глобальной, или более скромно — макро-региональной, экономической интеграции, отчасти возложенная на приграничные регионы, трансформируется в процессы консолидации разделённых границами сообществ. Культура, языки и этничность оживают даже там, где они казались прочно забытыми, а бывшие меньшинства переживают второе рождение. Эти процессы в пограничье вряд ли получили бы развитие и широкое распространение, если бы не были поддержаны позитивными оценками этнокультурного разнообразия в целом, его мар-

¹⁷ Страстной крест на Красном поле // Украинская служба новостей, 14.10.2010. Доступ: <http://wexims.ru/read/2474/index.html>

кетингом, конкуренцией диаспор с национальными государствами и продвижением дискурса мультикультурализма как наиболее современной и гуманистической политики, обеспечивающей равенство и права человека.

Наибольшей активности деятельность приграничных сообществ достигла в странах, где реакцией государства на рост культурного разнообразия становилось продвижение/навязывание единой национальной культуры. Однако действия, которые раньше обеспечивали консолидацию населения, в новых условиях повлекли за собой потерю государством доверия части своих граждан и ослабление легитимности власти. Это дало основание для пессимистического прогноза, согласно которому культура была в прошлом тем, что лежало в основе создания национальных государств, и она же станет тем, что их разрушит (Eagleton, 2000). Этот вывод заставляет вспомнить пророчество В. Соловьева: «*Национальное самосознание есть великое дело, но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него есть самоуничтожение*» (Соловьев, 2007, с. 15). Безупречность этих формул затмевает то, что они основаны на экстраполяции наблюдаемой ситуации в будущее, однако политика, завися от индивидуальных решений людей, способна меняться, а значит, и итог может быть иным.

Но что необходимо сделать, чтобы символическая политика, визуализированная в ландшафте, перестала быть инструментом ведения войн исторической памяти и способствовала бы их прекращению, чтобы возникла плюралистическая версия национальной идентичности, учитывающая различия локальных культур? Достижима ли в принципе такая цель, ведь признание сложности исторических реалий требует и признания многосторонней ответственности за события прошлого, а не только обвинений и разоблачений «врагов» и их пособников. Это тяжёлый путь, который предполагает отказ от устоявшихся стереотипов и некогда эффективных политических рецептов, переход от понимания государства как института легитимного насилия, основанного на мандате большинства, к государству как институту власти, основанному на компромиссе между разными группами населения. Это требует пересмотра представлений об общественном благе, уступок и отстаивания интересов всех, а не давления или авторитарного навязывания «правильных» взглядов доминирующих групп.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаев. Ред. С. П. Баньковская. — М.: Кучково поле, 2016 [Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — London: Verso, 1981].

Борисёнок Е. Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / Отв. ред. Л. Е. Горизонтов. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005.

- Бурдые П.* О символической власти // Социология социального пространства. — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. — С. 85–96.
- Вендина О.И., Кирюхин А.М., Колосов В.А.* Россия — Украина: сотрудничество в обмен барьеров / Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. — М.: Новый Хронограф, 2011. — С. 227–253.
- Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. — М.: Прогресс, 1991. [Gellner E. Nation and Nationalism. — Oxford: Blackwell, 1983].
- Городяненко В.Г.* Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Этносоциология, 2009. № 1. — С. 89–96.
- Гриценко А.А., Крылов М.П.* Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних регионах России и Украины // Культурная и гуманитарная география, 2012. Т. 1. № 2. — С. 126–140.
- Демидова Е.И., Николаев А.Н.* Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса // Власть, 2016. № 4. — С. 14–20.
- Дронов М.* Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси, 2006. № 1(1). — С. 92–104.
- Ильницький В.* Кирилл и Мефодий: закарпатский аспект. Издание «День». Киев. Ужгород, 11 января 2013. Доступ: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraine-incognita/ kirill-i-mefodiy-zakarpatskiy-aspekt>.
- Крылов М.П., Гриценко А.А.* Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2012. № 2. — С. 28–42.
- Курохтина Т.Н.* К вопросу об определении понятия «суржик» // Славяноведение, 2012. № 3. — С. 93–101.
- Лотман Ю.М.* Семиотика пространства // Ю.М. Лотман. Избранные статьи в 3 томах / Том 1 «Статьи по семиотике и типологии культуры». Таллин: Изд. «Александр», 1992. С. 386–471.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: РОССПЭН, 2015.
- Миллер А.И.* Образ России и русских в западноукраинской прессе // Полис, 1995. № 3. — С. 124–132.
- Пятигорский А.М.* Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // А.М. Пятигорский. Избранные труды. — М.: Изд. «Языки русской культуры», 1996. — С. 16–17.
- Ренан Э.* Что такое нация? // Собрание сочинений Эрнеста Ренана в 12-ти томах / Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. VI. — Киев: Изд. Б.К. Фукса, 1902. — С. 87–101.
- Соловьев В.С.* О народности и народных делах в России // Владимир Соловьев. Национальный вопрос в России. — М.: АСТ, 2007. — С. 15.
- Страхов Н.Н.* Наша культура и всемирное единство // Н.Н. Страхов. Борьба с Западом. — М.: Институт русской цивилизации, 2010, — С. 395–396.

Суни Р. Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. — М.: Наука, 2007. — С. 36–82.

Украинский советский энциклопедический словарь в 3-х томах. — Киев: Изд-во Укр. советск. энцикл., 1988. Т. 1. — С. 622–623.

Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. — М.: Наука, 1988.

Bauman Z. Legislators and Interpreters. On Modernity, post-Modernity and Intellectuals. — Cambridge: Polity Press, 1987. — P. 51–67.

Durkheim E. Political Sociology // Selected Writings / Ed. by A. Giddens. Cambridge University Press, 2012 [1972]. — P. 189–202.

Eagleton T. Towards Common Culture // T. Eagleton. The idea of Culture. — Oxford: Blackwell Publishing, 2000. — P. 112–130.

Kundera M. The Tragedy of Central Europe // New York Review of Books, 1984a. Apr., 26. 31, no. 007. — P. 33–38.

Kundera M. Kidnaped West or Culture Bows Out // Granta, 1984b. Vol. 11: Greetings from Prague. Essays & Memoire. — P. 95–118.

Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Harvard University Press, 1978.

Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State”, but Possible Democratic “State-Nation”? // Institutions, Ideas and Leadership in Russian Politics. Palgrave Macmillan (UK), 2010. — P. 184–217.

Stepan A., Linz J. and Yadav Y. Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011.

Tanaka H. Carpathian Euroregion and Cross-Border Governance // The Journal of Comparative Economic Studies, 2006. Vol. 2. — P. 59–80.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛУГА И МЕЛИОРАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ФЕНОМЕНЫ НАСЛЕДИЯ В МОНАСТЫРСКОМ ЛАНДШАФТЕ СОЛОВКОВ

(на примере острова Большая Муксалма)

Публикация данной статьи отражает многообразие работ, выполнявшихся в Институте Наследия, руководимом в 1992—2013 гг. Юрием Александровичем Ведениным. Благодаря его профессиональному уровню и широте взглядов, в институте поддерживались исследования самого разного масштаба и значения — как всероссийского, так и локального, но все они в совокупности стали огромным вкладом в дело охраны культурного и природного наследия России. Соловецкий архипелаг — особое место, являющееся и объектом Всемирного наследия, и особо ценным объектом наследия народов РФ, и духовной святыней России, и местом памяти замученных и убиенных в годы репрессий. Это также территория проживания и праведных трудов жителей посёлка и насельников монастырских, поскольку монастырская жизнь на архипелаге восстанавливает свои не только сакральные, но и хозяйственные структуры и функции. Вопросами систематизации и дальнейшего выявления наследия, анализом проблемных ситуаций и разработкой предложений по сохранению и использованию островов долгие годы плодотворно занимался Сектор исследований Соловецкого архипелага и Беломорья МАКЭ Института Наследия под руководством Вячеслава Павловича Столярова, о чём свидетельствуют многочисленные публикации и карты, подготовленные этим сектором в сотрудничестве с институтскими картографами¹. В результате проведённой в институте министерской «оптимизации» 2013—2015 гг. Соловецкий сектор был ликвидирован, и деятельность одного из старейших подразделений института прекратилась.

В 2009 г. руководство Соловецкого монастыря обратилось в Институт Наследия с просьбой дать оценку состояния мелиоративной сети и сенокосных угодий на острове Большая Муксалма в связи с возобновлением хозяйственной деятельности (в том числе животноводства) в Свято-Сергиевском ските. При содействии Ю. А. Веденина и В. П. Столярова на архипелаг была отправлена экспедиция в составе двух человек — ав-

¹ Главный из этих трудов — научная карта «Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие» масштаба 1:50000, 2005 г. издания и фундаментальная работа «Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие. Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения». — М., Институт Наследия, 2006. — 680 с.

Свято-Сергиевский скит на острове Большая Муксалма. Фото из архива МАКЭ, 2004 г.

торов настоящей статьи. В августе 2009 года нами было осуществлено полевое обследование территории, в результате которого составлена общая характеристика состояния мелиоративных земель острова, различных их участков и ряда гидротехнических сооружений, а также даны рекомендации по восстановлению мелиоративной сети и сенокосных угодий. Отчёт, включая большое количество графической информации (карты, схемы, планы, аэро- и космоснимки, чертежи), был представлен Соловецкому монастырю весной 2010 г.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

В географическом отношении остров Большая Муксалма (третий по величине из островов Соловецкого архипелага — 19 кв. км) представляет собой сочетание залесенных холмов и гряд, заболоченных крупных ложбин и котловин, болот и небольших озёр, безлесных тундроподобных участков (пустошей), приморских лугов и обширных культурных лугов, а также разнообразных береговых форм и открытых пространств, включая морские, что создаёт уникальную ландшафтную мозаику и богатство живописных пейзажей острова. Наряду с культурными ценностями, здесь представлены редкие типы природных сообществ и памятники природы: аапа-болото в юго-восточной части острова — водно-болотное угодье, имеющее международное значение; гряда (плато) Фавор с прилегающими с востока ярко выраженными морскими террасами — своеобразный геоморфологический комплекс, имеющий научное, сакральное и эстетическое значение; гнездовья орлана-белохвоста (вид Красной книги МСОП) и ряд других.

Большая Муксалма выделяется также спецификой хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря. Здесь находилась основная база молочного животноводства мона-

стыря. Монастырская ферма (коровница) основана в начале XVI в. В 1828–1865 гг. сооружён «Каменный Муксаломский мост» — уникальное инженерное сооружение, соединившее острова Б. Соловецкий и Б. Муксалма («Большая морская дамба»). В 1872–1876 гг. возведён каменный храм во имя прп. Сергия Радонежского, затем комплекс хозяйственных строений и келейный корпус, после чего в 1901 г. основан Свято-Сергиево-Радонежский скит. С образованием скита ускорилось освоение заболоченной низины под сельскохозяйственные (сенокосные) угодья.

Соловецкий монастырь в течение столетий, начиная с конца XV — начала XVI в. и до 1917 г., проводил на острове Б. Муксалма работы по мелиорации земель и созданию сенокосных угодий.

Вначале под сенокосы и огороды осваивались в основном земли около усадьбы скита: во-первых — заболоченная низина, простирающаяся на северо-восток острова; во-вторых — сравнительно слабо увлажнённые лесные и закустаренные участки; в-третьих — приморские луга в устье канала, соединяющего систему островных озёр с морем. По землеустройству 1908 г. на Б. Муксалме сенокосы занимали 50 десятин 600 кв. саженей, или 54,9 га; огороды занимали 1056 кв. саженей, или 0,48 га.

Однако бурное развитие хозяйственной деятельности (в том числе животноводства) Соловецкого монастыря в начале XX века (с 1909 г.) потребовало значительного увеличения площадей сенокосов и пастбищ на острове. Увеличение кормовой базы было возможно только в результате преобразований природной среды острова Б. Муксалма, путём создания обширной мелиоративной сети и культурных лугов. В процессе создания культурных лугов природная среда не просто была преобразована на мелиорируемых землях, а претерпела коренные изменения. Вновь мелиорируемые земли не следует называть окультуренными лугами, так как болотная растительность была здесь полностью заменена луговой растительностью, произрастающей на вновь созданных культурных почвах. Природные комплексы заболоченных низин между озёрами и в ряде других мест были полностью заменены на комплексы культурных лугов. Мелиорация земель на острове была завершена к 1917 (1920) году. Площадь всех сенокосных угодий на Б. Муксалме была доведена с 54,9 га до 160–170 га. После закрытия Соловецкого монастыря началась деградация культурных лугов.

Восстановление этих земель важно не только для возрождения хозяйственной деятельности монастыря, но для увековечения данного *уникального способа преобразования природной среды на Севере России.*

Монахи Соловецкого монастыря создали особый тип культурного ландшафта на острове Б. Муксалма — с *культурными лугами* (сенокосными угодьями), которые являются *ценным объектом природно-культурного наследия* на Севере России.

Для проведения исследования были использованы архивные материалы Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) 1988–1992 гг. (руководитель П. В. Боярский) и Соловецкого сектора МАКЭ 1993–2009 гг. (заведующий В. П. Столяров); лесостроительные материалы Соловецкого лесхоза 1989 и 2003 гг.; работа Ю. М. Критского «История освоения и изучения островов Большая и Малая Муксалма» 1989 г.; архивные материалы Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника; карта А. И. Ага-

ева «Специальный план островов, принадлежащих Соловецкому монастырю», 1908; топографические карты М 1:25000 (1968); аэрофотоснимки (2003); космоснимки (2009). Мы очень благодарны за помощь и участие, проявленные к нам со стороны директора Соловецкого лесничества Л. И. Проурзина и иноков Соловецкого монастыря.

ХРОНОЛОГИЯ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В начале исследования была составлена хронология антропогенного освоения и ведения сельскохозяйственной деятельности на Муксаломских островах с 1476 по 2009 г. Она содержит более 90 дат. На основании данной хронологии были выделены периоды сельскохозяйственной деятельности на Муксаломских островах:

- монастырский — с конца XV в. по 1920 г.,
- советский — 1920–1990 г.,
- современный — с 1990 г.

Монастырский период (1476–1920 гг.) — полное владение Соловецкого монастыря Соловецким архипелагом согласно жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича Соловецкому монастырю на владение островами, в том числе «Нуксары» (1476 г.). В монастырский период выделяются три этапа по степени освоенности земель под сенокосы и пастбища:

1 этап — с 1476 по 1828 г.

Это время характеризуется использованием и освоением естественных кормовых угодий под сенокосы и пастбища для скота на землях, наиболее пригодных по природным условиям и на которых не требовалось больших затрат по их преобразованию. В основном — это низинные луга около скита на острове Б. Муксалма, на которых проводились сравнительно малозатратные осушительные работы; мало и средне увлажнённые, покрытые древесной растительностью склоны, которые очищались от неё и камней; приморские луга. В усадьбе были сооружены отдельные постройки скотного двора.

2 этап — с 1828 по 1909 г.

Происходит дальнейшее освоение естественных кормовых угодий под сенокосы и пастбища для скота путём более сложных мелиоративных мероприятий. На острове Большая Муксалма осушаются болота между усадьбой и первым (ближним) озером, вырубаются леса на сильно увлажнённых слабонаклонных склонах, расчищаются от камней засорённые территории и т. д. Так создаются окультуренные, более продуктивные луга. В результате строительства через морской пролив «малой дамбы» скот стали перегонять на пастбища острова Малая Муксалма, где были одновременно «расчищены луга». С 1828 года начато обустройство усадьбы и комплекса скотного двора. К 1908 г. на острове Б. Муксалма сенокосы занимали 54,9 га, огороды 0,48 га. Эти сенокосы и огороды относятся к староосвоенным землям на острове. Площадь окультуренных земель составила около 3% от всей площади острова.

3 этап — 1909—1920 гг.

В связи с интенсивным развитием животноводства началось создание на острове обширной мелиоративной сети и культурных лугов, в процессе которого природная среда на мелиорируемых землях претерпела коренные преобразования. Были освоены переходные болота (между первым и вторым озёрами и ряд других участков), а также различные природные комплексы на слабонаклонных склонах и террасах, непосредственно примыкающих с юга и севера к староосвоенным землям. Сенокосы на этих культурных лугах относятся к новоосвоенным землям. Площадь сенокосов на мелиорируемых землях доведена до 160—170 га, что составило около 9% от всей площади острова. В усадьбе возводится здание скотного двора с массивным валунным взвозом, птичник, заводится племенное хозяйство (рогатый скот лучших пород), начинает действовать конный завод, ведутся книги племенных животных. Формируется культурный ландшафт усадьбы и освоенных земель. Это этап расцвета монастырской хозяйственной деятельности на острове Б. Муксалма.

Советский период (1920—1990 гг.) — характеризуется полным запретом монастырской деятельности и хозяйствованием на Соловецких островах организаций и предприятий, не заинтересованных в сохранении монастырской культуры ведения сельского хозяйства. Происходит переход к экстенсивному использованию мелиоративных систем и сенокосных угодий, а в конечном итоге полное прекращение их использования. На протяжении 70 лет происходила деградация мелиорированных земель. В советский период выделяются три этапа по характеру использования, а точнее, разной степени деградации мелиоративных земель и сенокосных угодий на острове Б. Муксалма.

1 этап — с 1920 по 1939 г. Этап характеризуется экстенсивным использованием мелиоративных систем и сенокосных угодий. В начале сельскохозяйственные работы (короткий период: 1920—1923 гг.) ведёт совхоз «Соловки». С 1923 по 1939 г. Муксаломские острова входят в состав Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), то есть с 1923 по 1939 г. на островах был один, но своеобразный хозяин. Во времена концлагеря здесь располагался Сельскохозяйственный отдел СЛОН. В это время на острове Б. Муксалма силами заключённых велось молочно-мясное хозяйство. Изменился характер ведения хозяйственной деятельности, использовались те природные ресурсы и сельскохозяйственные земли, в которых нуждался СЛОН, ненужные земли забрасывались. Всё это вело к уничтожению культурного ландшафта, созданного многовековой деятельностью монастыря. Начался процесс заиливания, заболачивания и зарастания монастырской мелиоративной сети и зарастания сенокосных угодий. Началось разрушение неиспользуемых монастырских построек в усадьбе.

2 этап — с 1939 по 1967 г. Этап характеризуется хозяйствованием на Соловецких островах многочисленных предприятий и организаций (включая оборонные), их полной незаинтересованностью в сохранении монастырского наследия. В это время, хотя и использовались сенокосные угодья и огороды на острове Б. Муксалма, хозяйство велось избирательно, то есть на тех землях, которые обеспечивали потребность меняющихся пользователей. Остальные земли забрасывались, мелиоративная сеть не чистилась, гидротехнические сооружения практически не ремонтировались и не восстанавливались. Это вело к дальнейшему ухудшению состояния мелиоративных систем и сенокосных угодий. Разрушались неиспользуемые монастырские хозяйственные строения.

3 этап — с 1967 по 1990 г. Хозяйственная деятельность на островах осуществляется администрацией посёлка, лесхозом, турбазами и созданным в 1967 году филиалом Архангельского областного краеведческого музея (с 1974 года — Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник). Это время избирательного подхода к охране культурного и природного наследия на Соловецком архипелаге, повлекшего дальнейшее разрушение и уничтожение многочисленных монастырских объектов на острове Б. Муксалма. Практически прекратилась сельскохозяйственная деятельность на острове. Полностью заброшена мелиоративная сеть (усиливаются процессы заиливания, зарастания и заболачивания), деградируют сенокосные угодья (превращаются в заболоченные луга, частично зарастающие древесной растительностью). Происходит дальнейшее ухудшение экологической обстановки и культурного ландшафта.

Современный период (с 1990 г.) характеризуется деятельностью на Соловецких островах многочисленных организаций, введением частной собственности и конфликтной ситуацией между различными собственниками и уровнями власти на Соловецких островах. Соловецкий лесхоз преобразуется в лесничество (понижение статуса). Восстанавливается Соловецкий монастырь. Современный период подразделяется на 2 этапа:

1 этап — с 1990 по 2009 г.

Этот этап характеризуется сложными взаимоотношениями между администрацией островов, музеем-заповедником, монастырём и др. организациями на Соловецких островах. Важно также отметить, что территория, где расположен скит и практически почти все сенокосы на мелиорированных землях, в 1941 г. была закреплена за военными организациями для нужд обороны страны и не имеет сейчас статуса земель лесного фонда. Данная ситуация осложняла освоение сельскохозяйственных угодий на острове Б. Муксалма. Деградация мелиоративных земель на острове усиливалась, так как естественные процессы заболачивания и зарастания в это время прогрессивно нарастали, в результате мелиоративная сеть и сенокосные угодья практически пришли в полный упадок. Сохранившиеся сооружения усадьбы на Б. Муксалме в основном поддерживались малоэффективными консервационными работами.

2 этап — с 2009 г. по настоящее время

По благословию наместника Соловецкого монастыря архимандрита Порфирия началось восстановление Сергиевского скита и его сельскохозяйственной деятельности. По просьбе монастыря в августе 2009 г. Соловецким отрядом МАКЭ проведены первые предварительные полевые исследования состояния мелиоративных систем и сенокосных угодий и даны первоочередные рекомендации по их освоению. В 2010 г. Патриарх Кирилл благословил восстановление Сергиевского скита на острове Б. Муксалма. Начаты работы по воссозданию усадьбы скита.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЛИОРАТИВНОЙ СЕТИ И ЕЁ КЛАССИФИКАЦИЯ

Первые и наиболее полные исследования мелиоративной сети были проведены МАКЭ в 1988—1992 гг. Проведено обследование и сделана геодезическая съёмка основной мелиоративной системы (далее в нашей работе — Центральная мелиоративная система), дан

её подробный чертёж в М: 1: 5000, показаны узловые места системы и местоположение основных гидротехнических сооружений. Чертёж достаточно подробно отображает Центральную мелиоративную систему, но в картографическом плане она нанесена не совсем точно и конфигурация её искажена (по-видимому, сказалось отсутствие аэрофотоснимков). В работе МАКЭ даны графические зарисовки шлюза, плотин, бассейна, подземных коллекторов, мостов, а также других гидротехнических сооружений и отдельных участков каналов. Данные материалы помогли нам при полевой работе в 2009 году решить ряд спорных вопросов по ряду гидротехнических объектов (утраченных в наше время).

Наиболее точная картина всей мелиоративной сети на острове дана на планах (М: 1:25000) лесоустройства Соловецкого архипелага, составленных в 1989 и 2003 гг. На этих лесоустроительных планах, на основе дешифрирования цветных аэрофотоснимков (М: 1:10000), показаны выделы сенокосов на мелируемых землях.

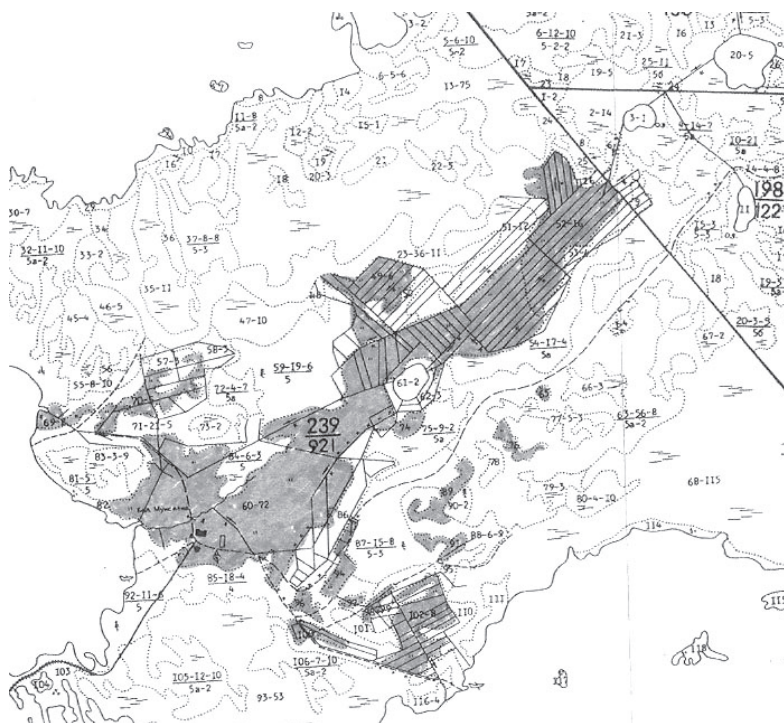

Схема лесоустройства, 1989. Сенокосы закрашены

На основании материалов лесоустройств и полевого обследования авторы пришли к выводу, что мелиоративная сеть на острове состоит из отдельных мелиоративных систем. Выделенные мелиоративные системы были ранжированы по их значимости, состоянию и очерёдности мелиоративных восстановительных работ:

- 1 — Центральная мелиоративная система (ЦМС),
- 2 — Северная мелиоративная система (СМС),

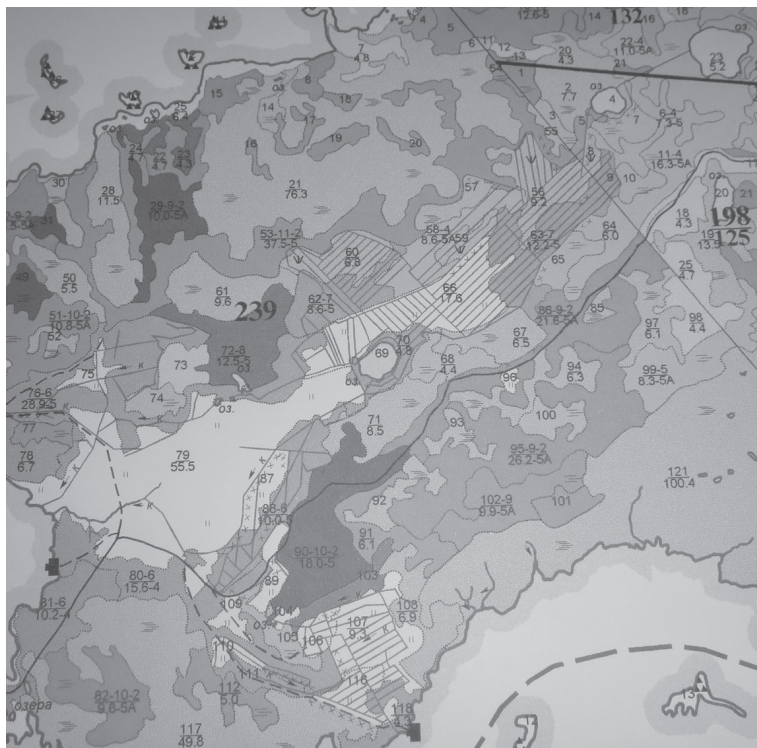

Схема лесоустройства, 2003.
Сенокосы не закрашены

Мелиоративные системы на острове Б. Мухсалма

- 3 — Южная мелиоративная система (ЮМС),
 4 — Водораздельная мелиоративная мини-система (ВМС),
 5 — Огородная мелиоративная мини-система (ОМС).

На основе подсчёта контуров осушительной сети, анализа ряда исторических материалов, включая аэро- и космоснимки, а также полевого обследования в 2009 г. была подсчитана площадь мелиорированных земель на разные годы, начиная с 1908 г., по каждой мелиоративной системе (табл.).

Таблица. Общая площадь (га) сенокосных угодий на мелиорированных землях острова и площади (га) на выделенных мелиоративных системах в разные годы

	1908 год	1920 год	1989 год	2003 год	2009 год
ЦМС	54,9	130–140	95	75	65–70
СМС	–	10	5	2	1
ЮМС	–	16	9	4	1
ВМС	2	2	2	2	2
ОМС	0,48	2	1	1	1
Всего	57,4	160–170	112	84	70–75

Приведённые площади за 1920, 1989, 2003 и 2009 годы отображают динамику, т.е. возрастающий процесс заболачивания и зарастания сенокосных угодий на выделенных мелиоративных системах, а конкретно — уменьшение площади культурных лугов на мелиорируемых землях острова.

Во время полевого обследования в 2009 г. на выделенных мелиоративных системах были описаны 42 точки наблюдений (с фотофиксацией) на каналах, гидротехнических сооружениях и на мелиорированных землях с описанием луговой, болотной и древесной растительности. Эти исследования позволили дать характеристику современного состояния мелиоративных систем и сенокосных угодий на острове.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ МЕЛИОРАТИВНЫХ ЗЕМЕЛЬ

А. Центральная мелиоративная система. Центральная мелиоративная система (ЦМС) занимает основную площадь мелиорируемых земель. ЦМС приурочена к заболоченной низине дна древнеледниковой долины (длиной около 3 км, шириной 0,5–0,2 км), перекрытой песчаными отложениями морских террас, простирающейся от западного побережья острова (абс. выс. над ур. моря 0 м) на северо-восток, вглубь острова, к первому и второму озёрам (абс. выс. около 9 м). Долина имеет слабополгий

уклон (0,6%) от морского побережья к первому озеру (нижний участок) и почти плоскую поверхность (уклон — 0,1%) от первого озера ко второму (верхний участок).

Природные условия на слабо заболоченном нижнем участке благоприятствовали его освоению под мелиорируемые сенокосы. На этом участке и расположены 54,9 га сенокосов, указанных в землеустройстве 1908 г. (между усадьбой скита и первым озером). Здесь был проложен магистральный канал и создана сравнительно редкая осушительная сеть.

На верхнем участке, где проводилась мелиорация земель с 1909 г., условия были менее благоприятные из-за фактора сильной заболоченности, что и определило большие трудовые затраты при их освоении. Таким образом, природные условия определили этапы и способы создания ЦМС, что дало основание подразделить мелиорированные земли на староосвоенные (к 1908 г.) и новоосвоенные (с 1909 г. по 1917–1920 гг.).

Освоение верхнего участка ЦМС обусловлено, как отмечалось, возрастающей потребностью монастыря в естественных кормовых угодьях, так как с увеличением монастырского стада естественные сенокосные угодья на острове не могли обеспечить животных необходимым количеством корма (к середине XIX в. на ферме содержалось уже более 150 животных). Так как сенокосы на острове в 1908 г. занимали только 54,9 га земли, то при среднем укосе в 12 ц сена с 1 га, всего за год заготавливалось 660 ц. Остальное сено на протяжении всей зимы доставлялось на монастырскую усадьбу Сергиевского скита с Большого Соловецкого острова. Туда же, на прибрежные пастбища, через дамбу приходилось перегонять часть монастырского стада летом.

Для обеспечения кормовой базы животноводческого хозяйства осушаются болота, «разделяются тундровидные места под рукотворные луга», постепенно формируется культурный ландшафт обширной древнеледниковой долины, примыкающей к скиту с северо-востока.

Интересно привести один исторический материал, характеризующий проводившиеся работы. В газете «Новое Время» (№ 12386 от 4 сентября 1910 г.) напечатана телеграмма из Архангельска нижеследующего содержания: «В Соловецком монастыре, по инициативе настоятеля архимандрита Иоанникия, произведён в относительно крупном размере опыт обращения тундр в луга. Уже теперь, всего через два года, снято 100 пудов сена, настолько хорошего, что, по словам архимандрита, лошади предпочитают это сено овсу. Архимандрит Иоанникий предполагает в близком будущем содрать мох с площади в несколько сот десятин на новой пустынной территории и обратить тундры в луга».

Осушительные работы на верхнем участке ЦМС, представлявшем из себя обширное переходное болото, проводились в следующем порядке: прокладывались магистральный, нагорные и головные мелиоративные осушительные каналы; водный сток из нагорных и головных (сбросных) каналов поступал в Верхний магистральный канал (соединяющий второе и первое озёра) и обводные каналы (огигающие с северо-запада первое озеро). В истоках Южного и Северного магистральных каналов (из первого озера) и истоке Верхнего магистрального канала (из второго озера) были сооружены шлюзы для регулирования водного стока.

За один год расчищали и приготавливали под посев к весне до 10 десятин торфяного болота (11 га). Агротехника была такой — прокапывались дренажные канавы (по две канавы на десятину), впадающие в проведённый ранее магистральный или головные каналы, в результате уровень воды опускался на 2 аршина (1 аршин = 71 см). Далее верхний моховой слой (очес) 2–3 вершка (1 вершок = 4,4 см) снимался кирками и складывался в кучи, высушивался и сжигался, зола разбрасывалась по осушенной территории. Паровым плугом на глубину 5 вершков проводилась вспашка, потом проходили дисковой бороной и разбрасывали навоз. На подготовленную поверхность высевались семена: клевера красного, белого и шведского, тимофеевки, вики, овса шведского, костра, пырея и других растений. В конце боронили простой бороной.

В результате производимых работ на ЦМС площадь новоосвоенных сенокосных угодий была доведена до 75–85 га, а общая площадь сенокосов на ЦМС (включая староосвоенные) составила 130–140 га. Урожай же разнотравья, полученный в результате проведённых мелиоративных работ, для северной местности был исключительно высок и достигал в лучшие годы 16,5 центнеров сена с 1 га. В результате общее количество всего скашиваемого сена в различные по урожайности годы увеличилось в 2,5–3 раза (по сравнению с 1908 г.).

С закрытия монастыря в 1920 году на протяжении 90 лет шёл процесс деградации мелиорируемых земель ЦМС. С 20-х по 60-е годы прошлого века мелиорируемые земли ещё частично использовались в сельском хозяйстве, но не проводилась никакая работа по их улучшению и обустройству, а гидротехнические сооружения практически не ремонтировались, каналы и дренажные канавы не чистились. Но особенно этот процесс усилился в конце советского (1967–1990 гг.) и в современный (1990–2009 гг.) периоды, когда на острове Б. Муксалма практически была прекращена любая сельскохозяйственная деятельность. В это время резко возросли процессы заболачивания, заочкаривания и закустаривания сенокосных угодий ЦМС. Их площадь (130–140 га на 1920 г.) уменьшилась и составила в 1989 г. — 95 га, в 2003 г. — 75 га и в 2009 г. — 65–70 га, т.е. площадь сенокосных угодий на момент полевых исследований 2009 г. уменьшилась практически в 2 раза.

Что касается состояния растительного покрова на мелиорированных землях ЦМС, то первыми вышли из оборота новоосвоенные луга, на них процесс деградации начался раньше, и к настоящему времени здесь уже сформировалась болотная и древесная растительность. На аэрофотоснимках 2003 г. отчётливо видно, как сверху от второго озера к первому идёт активный процесс заболачивания и зарастания мелиорированных земель. Полная деградация сенокосных угодий, т.е. превращение их в болото, ярко проявилась на заболоченных участках ниже второго озера.

В переходной зоне ЦМС, выше и ниже первого озера, для местообитаний с временно избыточным увлажнением характерны щучковые луга, которые по мере заболачивания сменяются осоковыми болотистыми лугами. На плоских поверхностях встречаются щучково-разнотравные и дернисто-осоковые луга. В зависимости от условий рельефа, почв и времени использования наблюдается большое разнообразие ассоциаций этих основных формаций. На участках выше и ниже первого озера хорошо заметно, как кустарничково-моховые группировки с вереском вклиниваются в щучковые луга.

Только в юго-западной части ЦМС, на староосвоенных землях у скита, в составе лугов увеличивается доля разнотравья. Это разнотравно-злаковые луга. В растительном покрове ещё сохранились виды культурных растений, высевавшихся здесь в прошлом. Это связано с тем, что дренажная сеть в нижней части мелиоративной системы ещё функционирует, а хозяйственная деятельность с перерывами продолжалась и в недавнем прошлом. Здесь хорошо заметна мозаичная структура растительного покрова. На плоских сравнительно сухих возвышенных участках преобладает разнотравье: кульбаба осенняя, тысячелистник обыкновенный, горошек заборный, клевер луговой, чина луговая, щавель длиннолистный, очанка коротковолосистая с небольшой примесью злаков — в основном овсяницы красной и полевицы обыкновенной. В небольших по площади сырых понижениях доминирует щучка дернистая, образующая плотные кочки, высотой 10–20–40 см.

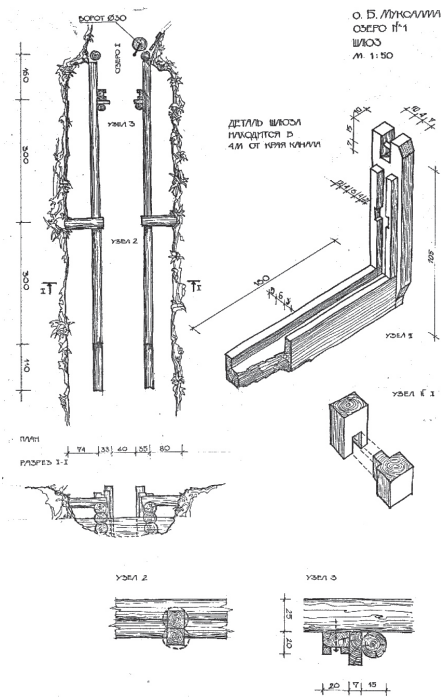
На основании проанализированных материалов по точкам наблюдений можно сделать вывод, что при полной деградации культурных лугов на мелиорируемых землях начинают восстанавливаться природные комплексы, бывшие до их преобразования.

В то же время полевые исследования современного состояния луговой растительности на площадях «сохранившихся сенокосных угодий» показали, что их нельзя считать продуктивными сенокосами, так как они превратились практически в разной степени заболоченные и закочкаренные малопродуктивные луга. Луга без сенокосения, внесения удобрений и ухода за мелиоративной сетью находятся на разных стадиях деградации.

Основная канальная сеть ЦМС находится в сравнительно пригодном состоянии, особенно Южный и Северный магистральные каналы на староосвоенных землях и Верхний магистральный канал на новоосвоенных землях. В общем это понятно, потому что ЦМС имеет самый большой водный бассейн на Б. Муксалме, а на Соловецких островах количество атмосферных осадков (400–600 мм в год) значительно превышает испаряемость (около 150 мм в год), поэтому магистральные каналы выполняют, кроме своей основной функции, функцию гидрографической сети. Наибольший их промыв происходит в периоды половодья и паводков. По-видимому, до освоения острова Б. Муксалма существовал естественный ручей из первого озера в море, что подтверждает характер русла устьевого участка Южного магистрального канала.

Нагорные и головные каналы находятся в худшем состоянии. Однако они продолжают дренировать территорию, исполняя роль сезонной гидрографической сети. Все виды каналов из-за отсутствия плотной дернины на береговых склонах частично оплыли и заросли, не только кустарниками, но разреженными рядами из поросли берёзы, что хорошо видно на аэрофотоснимках. Практически все дренажные канавы заилились и заросли мохово-травянистой и кустарниковой растительностью.

Важную роль в функционировании ЦМС имели гидротехнические сооружения и особенно шлюзы в истоках магистральных каналов. Шлюз в истоке Южного магистрального канала из 1-го озера особенно ценен, так как через него подаётся вода непосредственно в усадьбу скита. Состояние этого деревянного шлюза в 1988 г. показано на чертеже, а современное — на фотографии 2009 г.

Чертеж шлюза на выходе Южного канала из первого озера. Архив МАКЭ, 1988 г.

Остатки шлюза на выходе Южного канала из первого озера. Фото из архива МАКЭ, 2009 г.

В 1988 г. была ещё видна его конструкция (с двумя створами), что позволяет предположить, что шлюз выполнял, кроме водорегулирующей функции, ещё и транспортную функцию (лесосплавную). Авторы отчёта, сравнивая данный шлюз с аналогичным шлюзом на Восточной озёрно-канальной системе Соловецкого монастыря, предполагают, что на Б. Муксалме существовал лесосплав. Лесосплавная система включала: второе озеро — Верхний магистральный канал (в истоке канала такой же шлюз) — первое озеро — Южный магистральный канал (в истоке канала шлюз). Размеры разрушенных деревянных шлюзов и характеристики Верхнего и Южного магистральных каналов позволяют предположить, что лесосплав был к усадьбе скита. Имелась возможность свободного сплава дровяного леса, который, как известно, заготавливался монахами сажеными (косая сажень = 248 см) брёвнами, диаметром до 20 см. Заготавливался дровяной лес, вероятно, зимой и сплавлялся в период половодья.

Третий деревянный шлюз в истоке Северного канала, показанный на подробном чертеже (МАКЭ, 1988), не сохранился, и его остатки нами не обнаружены. По-видимому, он был более простой конструкции и выполнял только водорегулирующую функцию.

На ЦМС были также созданы водорегулирующие и водораспределительные плотины, вододелители, глухие земляные запоры на каналах, водоподводящие и водоотводящие каналы и подземные коллекторы к скотному двору, бассейну, бане и другим сооружениям, построены мосты и коллекторы при прокладке дорог. Наиболее сложная система гидротехнических сооружений существовала в нижнем течении Южного маги-

стрального канала в районе усадьбы. В настоящее время все эти гидротехнические сооружения разрушены или полностью уничтожены. Данное состояние гидротехнических сооружений требует более детального обследования ЦМС, а также подробного изучения архивных и изданных материалов инженером-гидротехником, с последующими проектами по их восстановлению.

Создание ЦМС от скита до второго озера было завершено в 1915 (1917) г. и по сложившимся природным условиям развитие её далее на северо-восток было практически невыполнимо, так как между вторым и третьим озёрами расположено верховое болото с мощным торфяником, по которому проходит водораздел двух бассейнов на острове (с небольшим превышением над уровнем второго озера, абс. выс. около 10 м).

Это подтверждает и дальнейшее развитие мелиоративной сети на острове. Так как сенокосных угодий не хватало, были выбраны другие направления по созданию культурных лугов, т.е. стали мелиорироваться сравнительно небольшие массивы заболоченных земель в районе скита к югу и северу от Центральной мелиоративной системы — это Северная и Южная мелиоративные системы.

Б. Северная мелиоративная система. Северная мелиоративная система (СМС), небольшая по площади, расположена к северу от староосвоенных земель ЦМС за всхолмленной низкой грядой, в плоской заболоченной котловине, сложенной морскими песчаными отложениями. Котловина расположена близко к нижнему участку Северного магистрального канала ЦМС, куда и направлен водный сток по головным каналам СМС. Освоение системы, по-видимому, проходило в период 1915—1917 гг.

Это единственная система, которая не была обследована в 2009 г., не исследовали её и предыдущие экспедиции. Поэтому мы опирались на материалы лесоустройств 1989 и 2003 гг., с корректировкой по аэрофотоснимкам 2003 г., а также более поздним (на 2009 г.) космоснимкам.

Предположительно под сенокосы в СМС было освоено около 10 га, судя по материалам лесоустройства 1989 и 2003 гг., площадь сенокосов уменьшилась соответственно до 5 га и 2 га, а к настоящему времени остался всего 1 га открытых пространств. Значительная часть мелиоративной системы заболочена и заросла древесной растительностью. Да и оставшиеся открытые пространства, по-видимому, представлены заболоченными лугами с изменившейся травянистой растительностью.

Сейчас СМС не пригодна для использования под сенокосы. Ввиду общей обстановки с сенокосными угодьями на острове, задача вторичной мелиорации земель СМС не является первоочередной. Здесь следует только прочистить главный и сбросные каналы, чтобы предотвратить дальнейший процесс заболачивания мелиорированных в прошлом земель, что облегчит их восстановление, когда будет в том потребность.

В. Южная мелиоративная система. Южная мелиоративная система (ЮМС), небольшая по площади, расположена к юго-востоку от староосвоенных земель ЦМС, за юго-западной оконечностью Центральной моренной гряды. ЮМС занимает слабо заболоченный подгорный шлейф юго-восточного склона Центральной гряды, сложенный слоистыми супесчаными отложениями с включением каменистого материала,

и сильно заболоченную слабонаклонную (в юго-восточном направлении, к морю) поверхность первой морской террасы (абс. выс. 3–5 м), сложенную песчаными отложениями, без валунных включений.

Предположительно под сенокосы в ЮМС было освоено около 16 га. На подгорном шлейфе был вырублен лес и проведена очистка от камней. На морской террасе была создана канальная и частая дренажная сеть с выходом головного канала к морю. По данным лесоустройства 1989 г. площадь сенокосов уменьшилась до 9 га. В схеме лесоустройства 2003 г. допущена ошибка, сенокосы показаны на всей площади ЮМС, однако по аэрофотоснимку 2003 г. видно, что площадь сенокосов составляла не более 4 га. Детальные полевые исследования 2009 года и изучение более поздних космоснимков ЮМС показали, что практически все сенокосы (около 8 га) на подгорном шлейфе заросли древесной растительностью, здесь сохранились только отдельные луговины (1 га). Значительная часть поверхности морской террасы сильно заболочена и заросла древесной растительностью, а на оставшихся открытых пространствах в нижней части террасы полностью восстановилась болотная растительность. Каналы и дренажные канавы оплыли и заросли, их обозначают разреженные ряды из поросли берёзы и кустарников.

По такому быстрому заболачиванию поверхности морской террасы можно предположить, что освоение ЮМС под сенокосные угодья не было завершено, то есть не проведены полностью мероприятия, аналогичные проведённым на новоосвоенных землях ЦМС. Это была последняя мелиоративная система, создававшаяся на острове. По-видимому, работы были остановлены в 1920 г. в связи с закрытием Соловецкого монастыря.

В настоящее время на бывших мелиорированных землях ЮМС возможно восстановление сенокосных угодий (около 8 га) на подгорном шлейфе путём расчистки от древесной растительности и восстановления продуктивности луговой растительности. Нужно только прочистить главный и сбросные каналы для предотвращения дальнейшего заболачивания, что облегчит восстановление здесь сенокосных угодий, когда в них будет потребность.

Г. Водораздельная мелиоративная мини-система. Водораздельная мелиоративная мини-система (ВМС) находится в 700–800 м от усадьбы скита, к югу от Ивановской дороги. Состоит из двух примыкающих участков: южного верхнего поля и северного нижнего поля. Общая площадь ВМС составляет 2 га, в том числе южное поле — 1,3 га и северное поле — 0,7 га.

Южное поле расположено на выровненной поверхности четвёртой морской террасы (абс. выс. 15–18 м), у юго-западной оконечности Центральной гряды. Его ограничивают осушительные сбросные каналы, по которым сток направлен в сторону ЮМС. На самом лугу дренажных канав нет. Поверхность южного поля плоская, с отдельными блюдцеобразными понижениями небольшой глубины.

Северное поле расположено на выровненной поверхности третьей морской террасы (абс. выс. 11–13 м), вдоль юго-западной оконечности Центральной гряды. Оно более увлажнённое, чем южное поле, так как с юго-востока ограничено высоким юго-западным склоном Центральной гряды. У подножья этого склона проложен нагорный канал. С других сторон северное поле ограничивают осушительные сбросные каналы, по ко-

торым сток направлен в сторону ЦМС. Поперёк этого поля проходят несколько дренажных канав, в настоящее время заиленных и заросших. Поверхность северного поля плоская с блюдцеобразными понижениями небольшой глубины.

Южное поле, а потом и северное поле были, по-видимому, освоены до 1909 г., на это указывают идеально выбранное место по рельефу, а также расположение у главной, Ивановской, дороги на острове. Общая площадь мини-системы не менялась с её создания. Долговременное её использование подтверждается практическим отсутствием процесса заболачивания, а также наличием плотного дернового покрова.

В настоящее время на ВМС сохранились мезофильные (средне увлажнённые) злаково-разнотравные окультуренные луга. Только в отдельных западинах (особенно на северном поле) выросли куртины древесной растительности и единичные кусты.

Водораздельная мелиоративная мини-система после сравнительно простых агротехнических мероприятий может использоваться под сенокосы.

Д. Огородная мелиоративная мини-система. Огородная мелиоративная мини-система (ОМС) находится в 750 м к юго-востоку от усадьбы скита, по левую сторону дороги на Южный причал.

Бывшие огороды приурочены к выровненной поверхности между второй и третьей морскими террасами (абс. выс. 8–10 м). Поверхность узкой полосой вытянута под крутым склоном (высотой около 10 м) юго-западной экспозиции, сложена хорошо дренируемыми морскими песчаными отложениями, без валунных включений (те валуны, которые падали со склона, были убраны к подошве склона и к дороге). Таким образом, под «огороды» было выбрано одно из самых лучших мест на острове. Они защищены высоким крутым склоном от северных ветров, местоположение «огородов» под склоном юго-западной экспозиции является самым тёплым (по ориентации к солнцу).

По схеме землеустройства 1908 г. площадь огородов составляла 0,48 га. Старые огороды, по-видимому, находились в северо-западном углу современных «огородов». ОМС на всей площади — около 2 га — была создана почти сразу после 1908 г., что можно объяснить увеличением потребности скита в огородных культурах в то время, а также характером мелиоративной канальной сети на мини-системе. Площадь, освоенная под огороды, чётко видна на архивном аэрофотоснимке 1943 г. и топографической карте 1968 г.

При создании ОМС были прорыты два основных канала: нагорный канал по краю «огородов» вдоль подножья крутого склона и головной канал посередине «огородов» параллельно нагорному каналу, которые сбрасывали воду от центра «огородов» в две стороны (на северо-запад и юго-восток). Также было прорыто несколько поперечных каналов и дренажных канав, сбрасывающих воду в сторону дороги и далее за дорогу в сторону низины.

В настоящее время ОМС сохранилась на площади около 1 га. В недавнее время земли здесь в основном использовались под сенокос, остальная юго-восточная часть была заброшена и заросла мелколистственным лесом. Сохранившийся северо-западный участок ОМС представлен осоково-щучковым культурным лугом с участием злаков и разнотравья и небольшим участком современного огорода (на севере участка). Культурный луг избыточно увлажнён в результате начавшегося процесса заиливания и зарастания дренажных канав и каналов.

ВЫВОДЫ

Проведённое в 2009 г. на острове Б. Муксалма полевое обследование показало, что общее состояние мелиоративной сети и сенокосных угодий далеко от удовлетворительного. В настоящее время большинство каналов (за исключением магистральных) действует малоэффективно, дренажные канавы практически все вышли из строя. Сохранившиеся луговые угодья нельзя считать полноценными сенокосами, так как они превратились в малопродуктивные луга, в разной степени заболоченные и закороченные. Культурные виды растений заменены влаголюбивыми и кочкообразующими видами злаков и осок. Значительная часть лугов заросла кустарником и лесом или превратилось в болото. Общая площадь монастырских мелиорированных земель на острове, составлявшая 160–170 га к 1917 (1920) году, в настоящее время сократилась до 70–75 га.

Если говорить об отдельных выделенных мелиоративных системах, то при проведении небольшого объёма работ, практически пригодны к использованию Водораздельная и Огородная мелиоративные мини-системы.

На **Водораздельной мелиоративной мини-системе** уже в настоящее время можно использовать под сенокосы мезофильные (средне увлажнённые) луга, сохранившие довольно высокую урожайность. Необходимо прочистить окаймляющие ВМС каналы и восстановить дренажную сеть на северном поле (нижнем участке), выкорчевать куртины древесной растительности. Сами луга не требуют глубокой перестройки их структуры, необходимы только сравнительно простые агротехнические мероприятия.

Для обеспечения скита огородными культурами следует осваивать **Огородную мелиоративную мини-систему**. Необходимо прочистить каналы и дренажные канавы на всей площади ОМС. Посев и посадку огородных культур можно производить сразу после пахоты и внесения удобрений. Землю, не занятую под огороды, необходимо сразу использовать под сенокосы. Заросшую лесом юго-восточную часть ОМС можно осваивать по необходимости.

Центральная мелиоративная система нуждается в проведении кардинальных мероприятий по восстановлению мелиорируемых сенокосных угодий. Первоочередной задачей является удаление избыточной влаги с мелиорируемых земель путём восстановления системы каналов и основных водорегулирующих гидротехнических сооружений.

В ЦМС наиболее перспективны к восстановлению под сенокосные угодья *староосвоенные земли* от усадьбы скита до первого озера (нижний участок ЦМС). Из них наиболее сохранившиеся луга — по правому и левому берегам Южного канала в окрестностях усадьбы. На следующем этапе желательно разрабатывать луга между первым и вторым озёрами — *новоосвоенные земли* (верхний участок ЦМС), начиная с юго-западной части участка, то есть с территории, прилегающей к первому озеру.

Для восстановления всей ЦМС потребуются значительные временные и материальные затраты: расчистка всей территории от древесной растительности, очистка каналов и их берегов, восстановление дренажных канав, воссоздание разрушенных гидротехнических сооружений, планирование территории и проведение сравнительно сложных агротехнических мероприятий.

Северная и Южная мелиоративные системы в настоящее время не требуют первоочередного восстановления. Здесь нужно только прочистить головные, нагорные и сбросные каналы, чтобы предотвратить процесс заболачивания данных мелиорированных земель, что облегчит их восстановление впоследствии. При необходимости на ЮМС возможно восстановление сенокосных угодий на подгорном шлейфе путём расчистки суходольных участков от древесной растительности.

Кроме указанных мероприятий, на острове Большая Муксалма необходимо продолжение более детальных полевых исследований мелиоративной сети и лугов. Основное внимание следует уделить **Центральной мелиоративной системе**:

— установить абсолютные уровни высот над уровнем моря естественных водных поверхностей первого, второго и третьего озёр;

— провести геодезическую съёмку основных узлов канальной мелиоративной сети;

— ранжировать каналы по их назначению и дать конкретные рекомендации по их полному восстановлению;

— дать более детальное описание сохранивших лугов (с картированием), определить конкретные участки для воссоздания культурных лугов и рекомендовать очерёдность восстановления сенокосных угодий;

— провести изыскания всех гидротехнических сооружений, определить их роль в ЦМС и разработать проектную документацию по их восстановлению.

Мелиоративные системы и образованные на них культурные луга (сенокосные угодья), демонстрирующие способы монастырского природопользования в одном из известнейших на начало XX века монастырских хозяйств России, бесспорно являются объектами природно-культурного наследия и требуют к себе соответствующего отношения. Восстановление этих земель имеет как хозяйственное, так и исключительное историко-культурное значение. Памятники монастырской культуры — не только архитектурные шедевры в обрамлении красот северной природы, но и хозяйственные угодья, и уникальные гидротехнические системы, без создания и поддержания которых был бы невозможен тот экономический расцвет монастыря, которого он достиг в начале прошлого века.

Во время полевых работ в 2009 г. на острове Б. Муксалма были также продолжены исследования по выявлению объектов природного наследия на Соловецких островах (проводимые Соловецким отрядом с 1993 г.) и был выявлен ряд таких объектов. Но особо надо сказать об обнаруженном уникальном для данной местности природном образовании на северо-западной оконечности плато (гряды) Фавор — *суффозионной воронке*.

Воронка образовалась на нижней выположенной аккумулятивной структурной террасе плато (абс. выс. около 20 м) в результате выноса тонких обломочных частиц (механическая суффозия) и частично растворённых веществ (выщелачивание) потоками поверхностных и грунтовых вод, фильтрующихся в толще тонкодисперсных горных пород. Это вызвало последующее оседание осадочных толщ с формированием на поверхности замкнутого понижения — ярко выраженной воронки. Можно предположить, что в начальный период её образования здесь была небольшая впадина ледникового

Суффозионная воронка. Вид с юго-запада. С северо-восточной стороны воронки по ложине поступает временный водный сток. Фото из архива МАКЭ, 2009.

генезиса с озерком. Воронка имеет овальную форму и ориентирована с северо-востока на юго-запад, её примерные размеры 40x50 м. Временный водный сток (в результате снеготаяния и дождевой) поступает во впадину по ложине с северо-востока. Суффозионная воронка задернована и частично закустарена. Её положение на структурной террасе плато Фавор и характер наблюдаемых процессов дают основание для предположений о наличии в теле плато полостей, то есть подземных пустот («пещер»). Уникальность объекта заключается в том, что это первый «псевдокарстовый» природный объект, обнаруженный на Соловецких островах. Наличие на Б. Муксалме данного объекта свидетельствует о возможности проявления «карстово-суффозионных» процессов и в других местах архипелага. Открытие природных достопримечательной архипелага ещё не исчерпало себя и ждёт новых исследователей этого уникального в природном и культурном отношении оазиса в Белом море — Соловецкого архипелага.

Часть 4

ПОД СЕНЬЮ ГЕОГРАФИИ: НАСЛЕДИЕ И ТУРИЗМ

РЕКРЕАЦИЯ И ТУРИЗМ В ФОКУСЕ ЛИЧНОСТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЕДЕНИНА

В нашей жизни не так уж много счастливых моментов, и их надо ценить. Самое большое счастье приносит общение с людьми, близкими по духу. Встреча на жизненном пути с Юрием Александровичем Ведениным помогла не потерять жизненные ориентиры и понять: жить надо в гармонии с собой и окружающим миром. А мир этот, доставшийся нам от предков, надо знать и беречь, чтобы передать его как НАСЛЕДИЕ нашим потомкам. Вот такая простая и великая логика, которой следует Юрий Александрович, и увлекает за собой единомышленников, одаряя их счастьем общения — профессионально глубокого, дружески надёжного и тёплого. Очень трудно отойти от эмоционального восприятия личности Ю.А. Веденина, но жанр требует фактического повествования и раскрытия некоторых страниц научно-организационной деятельности и развития его творческого наследия.

Веденин Ю. А. — один из основоположников рекреационной географии. Юрий Александрович — удивительно многогранная личность, и одна из его граней — участие в разработке теории рекреационной географии, которая стала неотъемлемой составной частью нашей науки — экономической, социальной, политической и рекреационной географии. Мы сейчас воспринимаем это как само собой разумеющийся факт. Но в 70-е годы прошлого века создание теории рекреационной географии стало научным прорывом мирового уровня и вошло в «золотой фонд» отечественной науки. К сожалению, этот научный подвиг ещё не оценён в полной мере географами и представителями других наук, которые, тем не менее, активно используют теоретико-методологическую базу рекреационной географии. По сути дела был открыт новый объект исследования рекреационной географии в контексте глобального объекта изучения географической науки.

Рекреационная география, по словам Ю. А. Веденина, призвана изучать закономерности «функционирования и развития территориальных систем организации рекреационной деятельности людей, то есть деятельности, осуществляемой в свободное время и направленной на восстановление и развитие физических и духовных сил человека» (Веденин, 1982, с. 3). В рамках нового направления исследований были обоснованы

ваны важнейшие научные категории: территориальная рекреационная система, рекреационное пространство, рекреационное время и др., что привело к созданию теории рекреалогии и послужило основой для фундаментальных и прикладных исследований данного аспекта деятельности людей. Особый вклад в изучение географических основ туристско-рекреационной деятельности и обоснование концепции территориальной рекреационной системы наряду с Ю. А. Ведениным внесли В. С. Преображенский, Н. С. Мироненко, И. Т. Твердохлебов и др. (Мироненко, Твердохлебов 1981; Преображенский, 1977; Преображенский и др., 1992; Теоретические основы..., 1975). Наиболее полное отражение новое направление географической науки нашло в коллективной монографии «Теория рекреалогии и рекреационной географии» (Преображенский и др., 1992). По мнению авторов, «объектом рекреалогии является человек, а предметом исследования — деятельность в свободное от непреложных занятий время как представляющая собой неотъемлемую часть физической, социальной и духовной жизни личности» (С. 15).

Теоретической основой учения, сформировавшегося в нашей стране, является понятие о *рекреационной системе* как «социальной демозкологосистеме» (Преображенский и др., 1992, с. 11), которая является базовой концепцией для построения частных моделей, отражающих туристско-рекреационную деятельность. Исходная модель является достаточно полной и универсальной, что составляет её особую ценность.

Пространственный инвариант категории — *территориальная рекреационная система* (ТРС) — предполагает, что отношения между элементами системы должны быть опосредованы территорией (Теоретические основы..., 1975). ТРС представляет собой частный случай рекреационной системы, переведённой в «географическую плоскость». В данной ситуации вступает в силу географический принцип: все элементы рекреационной системы получают топологическую привязку в геопространстве, в связи с чем система обретает конкретные параметры, географические координаты и в этом качестве предстаёт как объект изучения географической науки.

Персонифицируя вклад Ю. А. Веденина в формирование теории рекреационной географии, необходимо отметить следующее: он предвидел современный тренд географических исследований — от статики к динамике. Наметившаяся в географии тенденция перехода к изучению динамических свойств географических объектов характеризует закономерный этап развития науки. Имеющая достаточно сложную «судьбу», но утвердившаяся в конечном счёте хронологическая концепция, целью которой является познание чрезвычайно сложной, но преимущественно статичной географической картины мира во всём многообразии её форм, в том числе территориальных систем и структур как «препарированных» вариантов географических объектов, позволила решить ряд научно-методических, теоретических и прикладных задач. Динамическая концепция не противоречит хронологической, но определяет дальнейшее направление развития географической науки. И сейчас уже со всей ответственностью можно говорить о новом направлении географических исследований — «девелопментологии» (Трейвиш, 2006). Это же касается и территориальных рекреационных систем. Так вот, Ю. А. Веденин ещё в самом начале 1980-х годов, опережая своё время, подготовил моногра-

фию о динамике территориальных рекреационных систем, в которой рассмотрел принципы пространственно-временного подхода в рекреационно-географических исследованиях (Веденин, 1982).

Заложенная основоположниками рекреационной географии теоретическая база позволила сделать следующий шаг в исследовании рекреации и туризма. И в этом велика роль Юрия Александровича Веденина, который «благословил» изучение территориальных туристско-рекреационных систем на основе геосистемного анализа в контексте территориальной организации общества. Диссертационное исследование автора этих строк выполнялось в Смоленском гуманитарном университете под руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора географических наук, профессора А. И. Чистобаева, а в Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита докторской диссертации (Мажар, 2009). Ведущей организацией выступил Институт Наследия под руководством Ю. А. Веденина. Юрий Александрович не оставил этот факт без человеческого внимания и при первой же возможности организовал для коллег маленький «праздник географии». И мы всегда будем признательны ему за поддержку и те «уроки жизни», которые учили в любой ситуации оставаться надёжным, порядочным и честным человеком.

Актуальность современных исследований туристско-рекреационной деятельности связана прежде всего с тем, что основные научные категории, в том числе «территориальная рекреационная система», формировались в «дорыночную эпоху», когда в условиях плановой экономики возможным было прямое управление процессом развития рекреационных систем. Переход на рыночную систему отношений внёс существенные коррективы в формирование и развитие рекреационных систем, а также в процессы туристско-рекреационного районообразования. Главной движущей силой системообразования в рыночных условиях стало экономическое поведение всех субъектов рынка, что в туристско-рекреационной сфере проявляется как туристский спрос со стороны потребителей и туристское предложение со стороны поставщиков турпродукта. Кроме того, изменившаяся геополитическая ситуация в нашей стране и в мире в целом существенно повлияла на географию туристских потоков и принципы организации туристско-рекреационной деятельности.

В настоящее время пришло осознание того, что развитие рекреации и туризма — это не самоцель. Главной задачей является повышение качества жизни людей в странах и регионах, а это зависит от эффективности территориальной организации общества на всех уровнях иерархии. Немаловажным является и тот факт, что составная часть рекреации — «туризм» стал настолько значимым явлением, что в какой-то мере «затмил» основную категорию, и компромиссный «туристско-рекреационный» вариант прочно вошёл в научный оборот, послужив основой категории «территориальная туристско-рекреационная система» (ТТРС). Именно ТТРС в настоящее время и выступает в качестве объекта изучения географической науки (Мажар, 2008).

Территориальная туристско-рекреационная система (ТТРС) является современным инвариантом категории «территориальная рекреационная система» (ТРС) с определёнными отличиями, которые заключаются в конкретизации и «су-

жении» понятия «рекреация». Как известно, рекреация охватывает широкий круг возможностей для удовлетворения потребностей людей в отдыхе, в том числе — и в месте постоянного проживания. Туризм является одним из видов рекреационной деятельности, связанных с организацией путешествий и пребыванием людей вне места постоянного проживания. Таким образом, «туристско-рекреационный» вариант понятия характеризует в основном многогранную туристскую деятельность, включая обеспечение комфортных условий отдыха туристов.

ТТРС является схематичной и упрощённой моделью туристско-рекреационной деятельности, отражающей соответствующий сектор социально-экономического пространства. Одним из преимуществ ТТРС как модели является её нацеленность на изучение внутренних связей, характера отношений между элементами системы, познание сущности явления. При всей своей кажущейся простоте ТТРС позволяет достаточно полно проанализировать пространственные особенности организации рекреации и туризма, элементарный состав и внутренние связи. Элементарный состав ТТРС — одна из ключевых проблем формирования системы. Именно через элементы системы и сложившиеся между ними связи раскрывается сущность ТТРС любого уровня иерархии. Классический подход к изучению состава территориальных рекреационных систем, предложенный основоположниками рекреационной географии, предполагает объединение однородных элементов в рамках гетерогенной системы в определённые подсистемы (Мироненко, Твердохлебов, 1981; Теоретические основы..., 1975).

Территориальная туристско-рекреационная система как объект изучения географической науки и базовая модель в познании туристско-рекреационной деятельности требует детального анализа основных свойств и закономерностей формирования. Уникальность данного объекта изучения состоит в том, что это, с одной стороны, — классическая территориальная система с соответствующими свойствами, с другой — инвариант универсальной рекреационной системы как социальной демозкологосистемы, главным свойством которой является антропоцентричность. Но все они базируются на философской категории «система». Следовательно, этим системам присущи как общесистемные и геосистемные свойства, так и свойства, отражающие пространственный аспект одного из сложнейших видов деятельности — рекреации и туризма (их можно квалифицировать как специфические). Все системные свойства позволяют определить возможности и направления изучения ТТРС и соответствующего сектора геопространства, проанализировать динамические процессы системных преобразований и их целенаправленной трансформации с целью оптимизации интегральных общественных систем и регионального развития (Мажар, 2008, 2009).

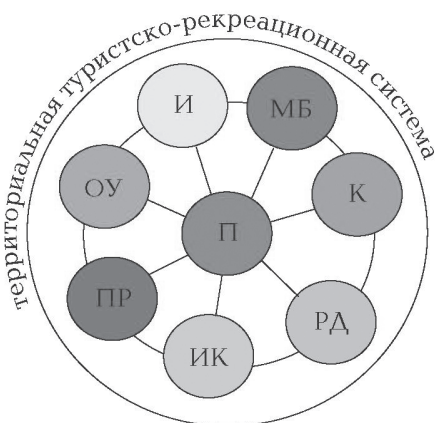
На основе понимания изложенной выше системной соподчиненности можно в самом общем виде представить иерархию свойств ТТРС (таблица, составлена автором). Подразумевается, что для ТТРС характерны не только специфические свойства, но и все системные свойства других уровней. Таким образом, именно совокупность всех системных свойств, сфокусированных в ТТРС, определяет характер и особенности её развития.

*Таблица. Иерархия основных свойств
территориальных туристско-рекреационных систем*

Уровень организации системы	Свойства системы
1 уровень Система как философская категория	Эмерджентность, целостность, наличие цели, взаимозависимость элементов, наличие внутренних связей, открытость, самоорганизация, иерархичность, структурированность, полисистемность и т.д.
2 уровень Интегральная геосистема (в составе взаимосвязанных природных и общественных геосистем)	Формирование в пределах географической оболочки (эпигеосферы), мерность (наличие пространственных параметров), топологичность (наличие географических координат для всей системы и её элементов), наличие территориальной структуры, неперемещаемость в пространстве и т.д.
3 уровень Общественная геосистема	Наличие общественно значимой цели, социально-экономический характер элементов системы, управляемость, «вертикальная» полисистемность (наличие территориальных систем разного вида на одной и той же территории), наличие территориальных структур (линейно-узловой, территориально-отраслевой, территориально-функциональной), динамические свойства и т.д.
4 уровень Территориальная туристско-рекреационная система	Наличие социально значимой цели, демо- (антропо-) центричность системы за счёт рекреационных потребностей человека, специфический характер элементов системы (объекты туристско-рекреационной сферы), «горизонтальная» полисистемность (иерархическая соподчиненность), полиструктурность, функциональное разнообразие, специализация, высокий уровень мобильности и самоорганизации, управляемость и т.д.

Специфические свойства системы во многом определяются *характером элементов* системы, в качестве которых предстают объекты туристско-рекреационной сферы. Элементарный состав ТТРС — одна из ключевых проблем формирования системы. Именно через элементы системы и сложившиеся между ними связи раскрывается сущность ТТРС любого уровня иерархии. Вместе с тем, набор элементов и полнота элементарного состава зависят от многих предопределяющих факторов, и в первую очередь — от типа ТТРС, что определяется характером туристско-рекреационной деятельности, многообразие форм которой с трудом поддаётся систематизации. Кроме того, полнота элементарного состава зависит от этапа освоения туристско-рекреационного пространства и стадии формирования ТТРС. В условиях столь высокой неопределённости на уровне теоретического осмысления проблемы наиболее приемлемым представляется классический подход, позволяющий объединить разнокачественные объекты в рамках гетерогенной системы в несколько подсистем: инфраструктурная, организационно-управленческая, природно-рекреационная, историко-культурная, рекреационно-деятельностная (основная функциональная), материально-бытовая (проживание, питание), кадровая (обслуживающий персонал), потребительская (туристы) и др. Все подсистемы объединены прямыми

и обратными связями, что обеспечивает целостность ТТРС. В самом общем виде ТТРС можно представить на принципиальной схеме.

- Подсистемы:*
- П – потребительская (туристы)
 - И – инфраструктурная
 - ОУ – организационно-управленческая
 - ПР – природно-рекреационная
 - ИК – историко-культурная
 - РД – рекреационно-деятельностная (основная функциональная)
 - МБ – материально-бытовая (проживание, питание)
 - К – кадровая (обслуживающий персонал)

*Принципиальная схема территориальной туристско-рекреационной системы.
Составлено автором на основе схемы рекреационной системы
В. С. Преображенского (1975)*

Указанные подсистемы носят обобщённый характер, что позволяет наполнять их реальным содержанием в зависимости от уровня иерархии и функционального характера ТТРС. Не исключено, что указанные подсистемы не охватывают все возможные варианты объектов в условиях чрезвычайного разнообразия туристско-рекреационной деятельности (космический туризм, экстремальный туризм и т. д.). В таких особых случаях целесообразно включение в конкретную схему ТТРС дополнительных оригинальных подсистем. Необходимо подчеркнуть, что при любом наборе элементов все подсистемы взаимосвязаны, что обеспечивает целостность ТТРС.

Сущность пространственно-временной организации рекреации и туризма и протекающих в данной сфере динамических процессов отражают территориальные туристско-рекреационные системы, в которых фокусируются все пространственные и временные характеристики. В свою очередь именно динамические свойства территориальных систем, в данном случае туристско-рекреационных, определяют характер и особенности развития туристско-рекреационного пространства.

Формирование и развитие всех географических объектов определяется воздействием условий и факторов, изучение которых является важным элементом географического анализа не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Это связано с тем, что через воздействие на условия и факторы можно влиять на динамические процессы, протекающие в территориальных системах. То же можно сказать и в отношении развития рекреационной деятельности: «Чтобы этот процесс носил целенаправленный характер и был управляем, необходима научная оценка условий и факторов, обуславливающих развитие и размещение рекреационной отрасли» (Миرونенко, Твердохлебов, 1981, с. 74).

К сожалению, в настоящее время нет единства в отношении трактовки понятий «условие» и «фактор», в связи с чем необходимо обратиться к рассмотрению данного

вопроса. Все явления, обуславливающие, или порождающие, другие явления, называются причиной. Понятие «причина» очень объёмно. Оно включает как явления внутри объекта (*внутренние причины*), так и явления вне его (*внешние причины*). С точки зрения геосистемного подхода все рассматриваемые нами категории соотносятся с процессом формирования и развития территориальных систем как геопространственных образований. И в данном случае все явления целесообразно рассматривать во взаимоотношениях изучаемого объекта и его среды. В таком случае *внутренние причины связаны со свойствами самой системы, а внешние причины — со свойствами среды*. Предположительно, внутренние причины имеют большую силу воздействия на процессы, протекающие в системе, и их можно квалифицировать как «факторы». Следовательно, условия — это внешние причины, оказывающие влияние на процессы и явления, но не определяющие их характер и свойства. В данной ситуации разграничение территориальной системы и среды её формирования является важной методологической проблемой. Её решение лежит в ментальной плоскости, так как «граница» между системой и средой является абстрактной, воображаемой линией в определённых научных построениях, позволяющих схематично представить полисистемный характер геопространства.

Какие же понятия динамического ряда отражают изменения, происходящие в территориальных системах? Это прежде всего — «развитие», «эволюция», «сдвиги», «деформация», «трансформация». Все они близки по значению, но каждое из них несёт особую смысловую нагрузку. Так, например, «развитие» необходимо воспринимать как общее свойство всех интерактивных динамических систем, связанное с изменением количественных и качественных характеристик. При этом очевидно, что развитие может быть как со знаком «плюс» (прогрессивное), так и со знаком «минус» (регрессивное). «Эволюция» отражает долговременный, как правило, позитивный процесс системных изменений на протяжении длительного времени. Под «сдвигами» в целом понимается проявление новых тенденций в территориальной структуре хозяйства, изменение пропорций и соотношений в рамках сложных систем. Особый интерес, на наш взгляд, представляют «деформация» и «трансформация», отражающие более интенсивные изменения, протекающие в конкретных территориальных образованиях, но кардинально различающиеся по своей сущности. Процесс деформации характеризует площадные, континуальные объекты, игнорируя при этом их системную сущность и наличие структуры. Деформация характерна также для бесструктурных объектов, которые могут менять форму в зависимости от внешних условий. В географии, имеющей дело, как правило, с двухмерным пространством, процессу деформации подвержены ареалы, районы, зоны, регионы. Связано это с изменением геометрической формы, конфигурации географических границ и других площадных характеристик. Для изучения динамических процессов, протекающих в территориальных социально-экономических системах, метод «деформации» неприемлем, так как он игнорирует внутреннюю структуру объекта, не позволяет понять механизм внутренних геосистемных изменений на региональном уровне. В связи с этим особый интерес вызывает процесс «трансформации».

Под трансформацией следует понимать такое изменение геосистем, при котором меняются топологические и функциональные характеристики соответствующих территориальных структур. Это чрезвычайно сложный процесс, проявляющийся практически на всех иерархических уровнях — от глобального до регионального и локального. Приблизиться к пониманию этого процесса, выявить закономерности трансформации и научиться целенаправленно регулировать его — это значит найти ключ к оптимизации территориальной организации общества.

Прикладные аспекты изучения трансформации территориальных общественных систем связаны с решением вполне конкретных задач: изучением механизма трансформации, условий и факторов, а также характера их влияния на геотрансформационные процессы; разработкой рекомендаций по воздействию на территориальные структуры для их целенаправленной трансформации и прогрессивного развития территориальных общественных систем; научным обоснованием государственной региональной политики с учётом геотрансформационных процессов. Таким образом, научное и прикладное значение изучения процесса трансформации определяет важность и актуальность данного направления исследований.

На фоне очевидной активизации туристско-рекреационных исследований стали более рельефно просматриваться проблемы, требующие детального изучения в рамках географической науки. Принципиально важным для науки является тот факт, что сами основоположники рекреационной географии обозначили проблемы и задачи, требующие дальнейшего изучения (Теоретические основы..., 1975, с. 144–147). С методологической точки зрения это позволяет обеспечить преемственность исследований и полноту информации.

Среди поставленных задач необходимо, на наш взгляд, особо выделить следующие: необходимость изучения всех свойств рекреационно-географического пространства, что связано с дальнейшим осмыслением общегеографических категорий (геопространство, геосистема и др.), изучение генезиса и эволюции рекреационно-географического пространства (в том числе на уровне индивида, социальных групп, территориальной общности), географический анализ и осмысление принципиально новых фактов (рекреационные потребности, ценности, деятельность, поведение, культура, рекреационная эффективность, самоорганизация рекреационной деятельности и др.), исследование разнообразных типов территориальных рекреационных систем и форм существования рекреационно-географического пространства и, наконец, влияние рекреации и туризма на социально-экономическое развитие стран и регионов. Иначе это можно назвать проблемой «регионального синтеза». Оптимальный подход к её решению кроется, на наш взгляд, в геосистемном анализе регионального развития, основанном на представлении туристско-рекреационной системы как составной части интегральной территориальной общественной системы. Очерченный круг задач, к решению которых в настоящее время лишь подходят современные исследователи, требует дальнейшей разработки как основополагающих географических категорий, так и методов исследований. В частности, одним из наиболее эффективных подходов к изучению многогранных проблем формирования и развития территориальных туристско-рекреационных систем и их влияния на развитие регионов является геосистемный подход, позволяющий наиболее полно осмыслить теоретические основы рекреационной географии и проанализировать сущность территориальных туристско-рекреационных систем как объекта изучения географической науки.

Опираясь на сформированную трудами отечественных учёных научно-методологическую базу туристско-рекреационных исследований, можно предположить, что следующий этап географического изучения ТТРС будет связан с изучением элементарного состава, структуры, свойств и функций, а также с влиянием данных систем на интегральные системы других видов и в конечном счёте на социально-экономическое развитие регионов. Это требует, с одной стороны, использования всего научно-методического арсенала географической науки, с другой — сохранения «рационального зерна» рекреалогии как междисциплинарного направления научных исследований и рекреационной географии как одного из разделов географической науки.

Конец XX века для всех нас был сложным временем, так как в условиях становления рыночной экономики наука должна была определить свою роль в социально-экономическом развитии общества. Теоретические исследования отошли на второй план, уступив первенство прикладным направлениям науки. Кроме того, сформировался запрос общества на теоретическое обоснование и практические рекомендации в повышении эффективности социально-экономического развития регионов. Свою лепту в региональное развитие должны были внести рекреация и туризм. И вот тогда — в самом начале нового тысячелетия — созрела идея долгосрочного международного проекта «Туризм и региональное развитие», которую поддержали коллеги географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и прежде всего — Николай Семёнович Мироненко, более десяти лет рецензировавший сборники в рамках проекта. В работу проекта активно включились зарубежные коллеги, и мы до сих пор с благодарностью вспоминаем болгарского географа Марина Бочварова, долгое время работавшего в Польше. Не оставляет своим вниманием данный проект и видный белорусский географ Иван Иванович Пирожник. В своё время активное участие в проекте принимали представители смежных наук, среди которых был один из теоретиков туризма — видный экономист Вильям Ильич Азар. Большую лепту в реализацию проекта внёс Сергей Павлович Шпилько. Но главным человеком в проекте стал Юрий Александрович Веденин, который в 2000 году не просто поддержал идею, а возглавил Научный комитет и остаётся на своём посту по сей день!

Ключевыми мероприятиями проекта являются международные научно-практические конференции, которые организуются в Смоленске при поддержке администрации Смоленской области на базе Смоленского гуманитарного университета. В прошлом конференции проводились один раз в два-три года, а сейчас — ежегодно, так как ситуация на туристском рынке развивается весьма динамично, а международный проект вот уже 17 лет является своеобразным инструментом мониторинга ситуации в сфере рекреации и туризма. Состоявшиеся за прошедшие годы девять конференций (2000, 2002, 2004, 2008, 2011, 2013–2016 гг.), в которых приняли участие более девятистот человек, позволили исследовать актуальные проблемы внутреннего и международного туризма и выработать соответствующие рекомендации для федеральных и региональных органов власти, а также для представителей турбизнеса, научных учреждений и учебных заведений.

*Участники VIII Международной научно-практической конференции
«Туризм и региональное развитие» (Смоленск, 2015 г.)*

Практически все конференции прошли под председательством Юрия Александровича; он не просто принимал участие в разработке рекомендаций, взвешивая каждое слово, но и учил молодых коллег видеть ключевые проблемы в контексте интересов всей страны. Девять сборников научных статей, каждый из которых прорецензирован Ю. А. Ведениным, являются своеобразным «зеркалом», отражающим развитие научной мысли в её теоретическом и прикладном ключе на протяжении полутора десятков лет. Все без исключения международные конференции «Туризм и региональное развитие» включали в себя практическую часть, а именно: профессиональные поездки на объекты туристско-рекреационной сферы в Смоленской области, инициатором и активным участником которых был Ю. А. Веденин. Каждый раз большая группа профессионалов, приезжая на туристский объект, где проводилось выездное заседание, привлекала местных работников сферы туризма к обсуждению насущных проблем. И всегда это становилось важным событием, придававшим импульс в развитии туристско-рекреационной деятельности.

За время реализации проекта «туристский научный десант» посетил города воинской славы Вязьму и Ельню, Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А. С. Грибоедова «Хмелита», объекты Смоленского государственного музея-заповедника, в том числе Музей М. И. Глинки в Новоспасском, Историко-культурный комплекс «Теремок», связанный с именем М. К. Тенишевой, и др. А в 2015 году, обсуждая проблемы развития туризма в российско-белорусском приграничье, участники конференции вместе с Ю. А. Ведениным посетили Белоруссию (г. Витебск и его окрестности). Отметим радостное для нас совпадение: 10-я юбилейная Международная научно-практическая конференция «Туризм и региональное развитие» (2017 год) совпала со знаменательным 80-летним юбилеем Юрия Александровича Веденина. Есть возможность вместе с юбиляром осмыслить особенности современного этапа развития рекреационной географии и оценить роль рекреации и туризма в региональном развитии.

Для Смоленщины Юрий Александрович Веденин — близкий и дорогой человек. Его любят и почитают все смоленские географы — и не только! Особые профессиональные

и дружеские отношения сложились с коллективом Национального парка «Смоленское Поозерье», который из всех «заповедных людей» считает Ю.А. Веденина «главным по наследию» (Богданов, 2016). Для Смоленского гуманитарного университета Юрий Александрович Веденин — учитель и наставник, уважение и признательность к которому обрели реальное выражение, а именно: решением Учёного совета СГУ в 2013 году Ю.А. Веденину присвоено звание «Почетный профессор Смоленского гуманитарного университета». Огромный интерес у профессионалов вызывают его публикации в научном журнале «Региональные исследования» (Веденин, 2016). В 2016 году Юрий Александрович передал часть своей научной библиотеки Смоленскому гуманитарному университету, что стало важным событием для всех студентов и преподавателей. Мы восприняли это не только как особую ценность, но и как некую эстафету, переданную молодым исследователям.

Нелёгкая, но интересная и наполненная смыслом жизнь профессора Веденина Ю.А. подарит нам ещё много счастливых моментов. И будут новые глубокие мысли и новые творческие работы. И главная книга пока ещё в работе. Юрий Александрович пишет книгу о своей жизни, но не сухие мемуары, а жизнеутверждающую и, как говорит сам автор, весёлую книгу о жизни. И в этом — высшая мудрость настоящего Учёного, доброго Учителя, глубокого Мыслителя, думающего Гражданина, а главное — настоящего Человека.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов Е.В. Главный по наследию // Люди заповедные. 100-летию со дня первого российского заповедника посвящается. Сборник публикаций. — Сочи: Типография «Оптима», 2016. — С. 23–33.

Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем — М., 1982. — 190 с.

Веденин Ю.А. О некоторых проблемных ситуациях в сфере сохранения культурных ландшафтов // Региональные исследования. — 2016. № 2. — С. 141–148.

Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы. — Смоленск: Универсум, 2008. — 212 с.

Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: геосистемный подход к формированию и развитию: Диссертация на соискание учёной степени доктора географических наук — Санкт-Петербург, 2009. — 379 с.

Мироненко Н.М., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. — М.: Изд-во Московского университета, 1981. — 208 с.

Преображенский В.С. Территориальная рекреационная система как объект изучения географических наук // Известия АН СССР. Сер. географическая. — М., 1977. № 2. — С. 15–23.

Преображенский В.С., Зорин И.В., Квартальнов В.А., Веденин Ю.А. и др. Теория рекреологии и рекреационной географии. — М., 1992. — 172 с.

Теоретические основы рекреационной географии / Отв. ред. В.С. Преображенский. — М.: Наука, 1975. — 223 с.

Трейвиш А.И. Географическая полимасштабность развития России (город, район, страна и мир): автореф. дис. ... докт. геогр. наук — М.: ИГРАН, 2006. — 50 с.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК НОВОЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В 1960-х гг. в центре внимания отечественных географов была проблема оценки природных условий отдыха (Веденин, Мирошниченко, 1969; Преображенский В.С., Веденин Ю.А., 1971). Несомненный интерес проявлялся и к туризму, в том числе к описанию наиболее популярных мест и маршрутов, связанных со спортивным и познавательным туризмом (Гранильщикова и др., 1966; Штюмер, 1970).

Уже в 1970-х гг. в научный оборот было введено новое понятие — рекреационная география, объединившая все виды деятельности, осуществляемые в свободное время с целью восстановления физического и духовного здоровья человека, его всестороннего развития. Всё это нашло отражение в монографии «Теоретические основы рекреационной географии», вышедшей в 1975 году. В качестве главных направлений рекреационной деятельности рассматривались санаторно-курортное лечение, оздоровительный отдых и туризм. Таким образом, туризм, в соответствии с этими представлениями, воспринимался лишь как один из видов рекреационной деятельности, связанной с путешествиями и походами. Большинство публикаций по данной тематике касались описания объектов туризма — памятников истории и культуры, природных и культурных достопримечательностей, а также туристских маршрутов, различающихся по их познавательной ценности, по степени сложности их прохождения и пр. В дальнейшем география туризма стала рассматриваться как часть географии сферы услуг и одна из отраслей хозяйственной деятельности и была отнесена к социально-экономическим дисциплинам (География туризма, 2009).

В настоящее время отношение к туризму как объекту географических исследований коренным образом меняется. Это связано со многими причинами, обусловленными как реальными изменениями в жизни общества, так и развитием географической науки и реакцией географов на глобальные вызовы. Значение туризма в жизни общества и освоении географического пространства выросло до поистине глобальных масштабов. Это один из наиболее мощных рычагов, определяющих многие экономические, политические,

экологические и социокультурные процессы, которые сегодня происходят в мировом пространстве. Перед научным сообществом встают новые задачи, решение которых невозможно без коренных изменений в самом подходе к исследованию этого феномена. В связи с этим возникает необходимость выделения особого научного направления в системе географических дисциплин — туристической географии, существенно отличающейся от рекреационной географии, имеющей свои цели, предмет и методы исследования.

За рубежом в последнее десятилетие появился ряд работ, обосновывающих специфичность в рамках синтетической по сути географии её отраслей — туристической географии и рекреационной географии (Hannam, 2008, Williams, 2009). В *рекреационной географии* особое внимание уделяется оценке рекреационных ресурсов и эффективности их использования, размещению учреждений отдыха, санаториев, пансионатов, туристских баз, гостиниц и зон отдыха. В том же ряду следует рассматривать и отдых в деревне, на даче или на садовом участке. Пространственная составляющая, хотя и учитывается при анализе рекреационной деятельности, но имеет явно второстепенное значение. Она рассматривается прежде всего в связи с доступностью и предпочтением выбора мест отдыха для так называемых «рекреантов» и ценностью рекреационных ресурсов, представляя рекреационную деятельность в относительно статичном контексте.

Главным объектом исследования *туристической географии* являются разнообразные формы пространственного поведения туристов, то есть людей мобильных, часто путешествующих с целью сохранения здоровья, интеллектуального и духовного обогащения и получения удовольствия от взаимодействия с окружающей средой. Особое внимание обращается на изучение территориальных закономерностей поведения людей во время их туристической деятельности, особенностей восприятия ими культурных и природных ландшафтов и связанных с ними объектов культурного и природного наследия и влиянию этого процесса на организацию географического пространства.

Туризм рассматривается как фундаментальный процесс, оказывающий существенное воздействие на формирование территориальных структур и институтов, активно влияющих на характер взаимодействия человека и окружающей среды. При этом следует иметь в виду, что уже длительное время мы являемся свидетелями того, как туризм начинает рассматриваться не только в качестве занятия, осуществляемого в свободное время, а как *форма* отношения человека к своей жизни, когда она экспонируется на значительные пространства и доставляет интеллектуальное или духовное наслаждение. Это может быть связано и с занятиями, выходящими за рамки свободного времени: в частности с участием в экспедициях, пребыванием в командировках, обучением в других городах и за рубежом и т.д. Туристическая составляющая становится не только одним из видов деятельности, но и пронизывает всю жизнь современного человека.

В настоящее время именно туризм во многом определяет представление о целостности и разнообразии географического пространства как среды обитания современного человека. Сеть туристических маршрутов охватывает сегодня практически всю поверхность земного шара. При этом имеются в виду не только организованные массовые туристские потоки, но и индивидуальные поездки или пешие походы по местам, не связанным с их регулярным туристским освоением. Образуется своеобразная «туристическая паутина», которая оплетает всю поверхность земного шара.

В чём состоит суть туристической географии и чем обусловлена необходимость её введения в систему географических наук? Туристическая география, в нашем представлении, может быть представлена как наука, базирующаяся на парадигме постмодерна, что предполагает возможность многообразной интерпретации знаний об организации географического пространства и способствует усилению роли интегративных подходов в географии, связывающих различные географические дисциплины в единую географическую науку. Впрочем, постмодерн приветствует как дифференциацию дисциплин, так и междисциплинарные исследования. В его свете не так уж важно становится оградить свою науку частоколом терминологий от смежных отраслей.

Следует иметь в виду, что в мировой науке туристическая география рассматривается как достаточно старая дисциплина, ведущая начало от антропогеографии, страноведения, краеведения. В России интерес географов к туризму проявился ещё в середине 1960-х гг., когда заметно расширилась вся сфера, связанная с туристической и рекреационной деятельностью. Вместе с тем, следует признать, что отечественная туристическая география — это ещё очень юная наука, заняться которой в полной мере стало возможным с начала 1990-х гг. в связи с резко возросшим объёмом туристских поездок населения, определённой деидеологизацией науки и общей гуманизацией географии. В физической географии специалиста, занимающегося туристической географией, стал в большей степени интересоваться человек, а в экономической и социальной географии — природа. Особую важность туристической географии для всего спектра географических дисциплин придаёт интегральная специфика данной науки. Она смыкает физическую географию с социально-экономической, а их вместе — с историей и страноведением. Наряду с гуманитарной и культурной географией, туристическая география придаёт вектор единства и целостности всей географии.

В силу своего естественно-гуманитарного положения, туристическая география призвана преодолевать междисциплинарные барьеры. Интеллектуальное вдохновение черпается из всевозможных сфер, а в самой туристической географии трудятся учёные и специалисты из других областей. Методологически и содержательно эклектичная туристическая география, будучи тесно связанной со всеми предметами географического, исторического, социального и культурологического цикла, заимствует у этих наук не столько методы исследования, сколько интерпретационный аспект.

СИНКРЕТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ТУРИЗМА

Туризм как предмет исследований не отождествляется с синтезом. Скорее, это синкретическое соединение трудно сопоставимых образов мышления и взглядов. Но благодаря синкретическому началу туризм удачно вписывается в парадигму постмодерна и способствует появлению интегративных подходов даже в такой комплексной науке, как география.

Туризм придаёт новое дыхание географическим описаниям и, можно надеяться, разбивает их шаблонность. От физико-географических и экономико-географических характеристик туристско-географические описания отличаются естественно-гуманитарным наполнением. Н. В. Багров пишет: «...мы вступаем в такой период развития зна-

ний, который, с определённой долей вероятности, могут со временем назвать — «веком географии». Ибо география своей предметной областью охватывает в пределах геониверсума неисчислимо множество явлений и процессов физической, химической, биологической и социальной природы в пространственном масштабе от микромира до ближнего космоса и от отдельного индивидуума до биосферы и социосферы в целом» (Багров, 2004, с. 14).

Добротные страноведческие и краеведческие обзоры тех или иных территорий всегда были основой для туристической деятельности, а соответственно и туристической географии. В своих лучших образцах эти компиляции превращаются в синтетические естественно-гуманитарные обобщения. Особая притягательность туристической географии заключена в её тесном переплетении с СМИ. В союзе с ними она формирует в общественном сознании образ территории, отражая в ней «самое-самое».

В. С. Преображенский отмечал, что ландшафтоведение не выживет, если будет считаться лишь физико-географической наукой, а не общегеографической, и не станет рассматривать человека по отношению к ландшафту не как внешнюю силу, а как его компонент (Преображенский, 1998). Именно наука о туризме заставляет исследователя рассматривать ландшафт как целостность. «А ведь действительно, кому он был нужен, этот ландшафт? Чёрной металлургии? Нефтегазодобывающей и перерабатывающей индустрии? И вдруг туризм — сфера, предмет труда которой состоит не в изменении природы, а в её восприятии. Единственная сфера, заинтересованная в сохранении целостного ландшафта...» (Зорин, 2012, с. 33).

Очень большое значение для становления туристической географии как интегральной географической дисциплины имеет современная концепция культурного ландшафта. В ней даётся новое представление о культурном ландшафте как территориальном комплексе, сформировавшемся в процессе взаимодействия человека и природы при определяющей роли культуры; культура выступает в данном случае не только в роли фактора, определяющего функционирование, формирование и развитие культурного ландшафта, но и как важнейшая его компонента (Веденин Ю. А., Кулешова М. Е., 2004). При этом имеется в виду не только материальная, но и духовная культура, в том числе искусство, наука, фольклор и топонимика. Таким образом, культурный ландшафт рассматривается как сложное ноосферное образование, сформировавшееся в процессе взаимодействия человека и природы, в основе которого лежит определённая система гуманитарных ценностей. Ноосферная (гуманитарная) концепция культурного ландшафта строится на приоритете интеллектуальных и духовных ценностей, определяющих отношение людей к природе и к результатам их собственной деятельности (Стрелецкий, 2010). Всё это позволяет рассматривать туристическую географию в совокупности с географией человека как наиболее важный связующий фактор между естественными и гуманитарными науками. Заявив о своём естественно-гуманитарном начале, туристическая география сможет выступить лидером нового интеграционного знания.

Туристическая география расположена на перекрёстке разнообразных дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, как прикладных, так и фундаментальных. Ещё Альфред Геттнер утверждал, что «география не может ограничиваться никаким определённым кругом явлений природы или человеческой жизни, она должна охватывать

сразу все царства природы и вместе с ними человека. Она не будет ни естественной, ни гуманитарной <...> но той и другой вместе» (Геттнер, 1930, с. 116).

Не будет большой ошибкой утверждать, что из всех кафедр классического географического факультета наиболее универсальной и постдисциплинарной может стать кафедра туризма. Если, конечно, не выродится в экономическую географию гостиничного дела. Будучи естественно-гуманитарной по своему существу, кафедра туризма наиболее близка к тому, чтобы предоставлять студентам универсальную — собственно университетскую подготовку, в которой естественно совмещаются природные и общественные территориальные системы, а история смыкается с географией.

ВЫЗОВЫ ПОСТМОДЕРНА И ТУРИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Всеобщая компьютеризация населения и его доступ к Интернету оказались настолько эпохальными, что получили название эпохи «третьей волны» (первые две именовались «эпохой пара», затем «нефти и электричества»). «Третья волна» настолько изменила мир, что его в противоположность предшествующему индустриальному этапу модерна стали называть миром постмодерна (*постмодернизма, постпозитивизма, постиндустриальной или постэкономической стадией*). В противовес традиционному пониманию развития в виде экономического роста, постмодерн порождает концепции человеческого развития (*human development*), понимаемые как расширение возможностей выбора (Зубаревич, 2009).

Сетевые технологии предоставили человеку беспрецедентную возможность выбора наряду с невиданной доселе степенью мобильности и автономности. Теперь человек может работать, пребывая в путешествии, и путешествовать, оставаясь на работе. Стёрлись чёткие различия между работой и домом, городом и деревней, обучением и развлечением, буднями и каникулами, виртуальностью и реальностью. Труд перестал быть жизненно необходимым для части населения. Многие предпочитают меньше зарабатывать, но иметь больше свободного времени, чтобы путешествовать, или работают лишь для того, чтобы путешествовать. Отдалённые путешествия становятся главной статьёй семейных расходов.

Если ещё недавно туристский рынок существовал за счёт рабочих и служащих, находящихся в оплачиваемых отпусках, то при создавшейся свободе выбора туризм перестает быть атрибутом исключительно свободного времени. Сфера туризма размылась, и он вступил в повседневную жизнь. Появились даже суждения о «конце туризма» (Gale, 2009).

Своеобразной формой туризма стал образ постоянной жизни в различных средах. Это бывает, когда человек приобретает второе жильё (дачу) в сельской местности и живёт попеременно в квартире и на даче (*second-home tourism*). Всё большее число обеспеченных людей вообще не имеет постоянного места жительства. Их жизненный стиль заключён в перемещении от одной локальности к другой. В те или иные формы туризма на Земле оказались втянутыми около 3 млрд человек. Каждый третий житель планеты пребывает какое-то время в году в роли туриста. Интернет и массовый туризм вовлекли в процесс географического познания самые широкие слои населения. Глобальный Форум экономики туризма ещё в 2012 г. отмечал, что не менее 1 миллиарда человек в мире стали «стихийными» географами. «Если говорить о том, что в первую очередь

движет самостоятельным путешественником, то, по-видимому, потребность познания будет на первом месте в сравнении с потребностями в отдыхе, лечении, развлечениях» (Зырянов, Зырянова, 2015). Даже если туризм осуществляется исключительно ради поиска удовольствий, то и они не проходят без обретения научных знаний и географического опыта. «Сама среда путешествия, новые условия бытия активизируют познавательные способности человека» (Зорин, 2005, с. 5–6).

Туризм становится яркой и доступной формой самоутверждения и индивидуализации личности. Из пассивного потребителя турпродукта турист превращается в его творца, реже обращаясь к гиду или турагентству, чаще получая информацию из Интернета.

Появление геотегов и фотохостингов различной конфигурации и плотности открывает эру географической народной науки (*geographical citizen science*) (Haklay, 2013), или, проще говоря, «народной географии».

В целом ряде стран появились «добровольцы по сбору географической информации» («*volunteered geographic information*» — VGI). Примерами научных проектов, созданных в рамках распространения такого рода информации, являются статьи в *Wikipedia*, *Twitter* и *Flickr*, сервисы *OpenStreetMap*, *TomTom*, *NAVTEQ*, некоторые виртуальные глобусы.

Открылись возможности использования мобильных телефонов как своего рода динамических экспертиз наиболее впечатляющих деталей территории (сенсоров географической среды).

Классическая география нацелена на объяснение сущностных характеристик природы, на создание объективного знания и объясняющих теорий. «Народная география», формирующаяся в недрах традиционной или массовой культуры, оперирует бытовыми понятиями и образами, которые возникают в результате непосредственного наблюдения и практической деятельности. Они сохраняют субъективное начало, даже если создаются с помощью новейших компьютерных технологий, как, например, интегрированные с веб-сайтом *Panoramio* аэрофотокосмические изображения земной поверхности, размещённые на геосервисах Викимэпия и *Google Earth* (Соколова, 2011, с. 148).

Долгое время обыденные представления людей о пространстве считались ненаучными и воспринимались учёными как предрассудки. Но, помимо знания профессиональных географов, есть разнообразные географические знания непрофессионалов. Они относительно самостоятельны и реально сосуществуют, у каждого свои достоинства и недостатки, но они не тождественны друг другу (Николаенко, 2001). И нет оснований оценивать обыденное географическое знание как второсортное.

Туристическая география, в большей степени, чем какая-либо другая отрасль науки, заполняет поле между народной географией и географической наукой, страноведением, краеведением.

Среди виртуальных представлений различных субъектов о пространстве и месте главенствуют те, что были когда-то отнесены В.С. Преображенским (1997) к «бытовой геоэкологии». Это пейзажная аттрактивность, криминогенная обстановка, различия в дифференциации цен, инфраструктурная и экологическая рутины повседневной жизни и проявления местных знаний об объектах и пространстве. Состоят они из когнитивных (познавательных), аффективных (эмоциональных) и ценностных (аксиологических) компонентов (Павлюк, 2007).

Постмодерн выдвигает перед географической наукой задачу освоения обыденных интерпретаций пространства индивидами и группами людей (Gerlach, 2010). Эта проблема является важнейшей задачей, которую приходится решать в рамках туристической географии. В противоположность целостным и завершённым научным интерпретациям пространства, вернакулярная реальность является источником формирования разнообразных виртуальных образов, определяющих суть туристической географии.

Выделение вернакулярных (от *vernacular* — местный, народный, обыденный) районов, как бы далеко они ни расходились со статистикой или «объективной» геометрией территории, утверждается как важный вклад географии в общенаучную методологию. Этот подход привнёс в географию семантический анализ пространства разными социокультурными и этнокультурными группами, символику смысла и ценности места, топофильные и топофобные образы (Смирнягин, 2010). Для туристической географии такое отношение к географическому пространству и его дифференциации является определяющим. Благодаря этому подходу можно объяснить пространственные закономерности поведения людей, выявить причины привлекательности различных территорий. В рамках культурной географии, тесно связанной с туристической географией, существует представление о культурных районах, где используются принципы, заложенные в представлении о вернакулярных районах (как пример — Кенозерский национальный парк или Бородинский музей-заповедник). Вернакулярные районы нередко представляют реальную ситуацию в более яркой и символической форме. Например, по привычным картам можно не понять, что специфику некоего селения определяет полигон твёрдых бытовых отходов или своеобразие такого населённого пункта заключено в контролирующей его бандитской этнической группировке. Но они будут главенствующими в вернакулярных представлениях. Конечно, для развития туризма одним из определяющих принципов является образный подход и формирование на этой основе бренда территории (см., например, карту Н. А. Соболева «Природные объекты — символы России», составленную на основании результатов конкурса «Россия 10» (Соболев, 2015). Так, например, в масштабе России используются такие бренды, как Русский Север — живая память России, Русское Черноземье — поэтическая душа России, Русский заводской Урал — земля сказов, зелёного камня и металла, Русское Приморье — земля путешественников, амурского тигра и женьшеня и т.д. (Веденин, 2004).

Сельские жители более ярко воспринимают пространство за пределами населённого пункта их пребывания в площади, высотах, протяжённости, ориентации, тогда как для жителей городов имеют значение локализация и функциональная принадлежность территорий, системы связей между ними («пять минут от метро»). За пределами города для них начинается другое пространство, которое наделено иными свойствами и подпадает под характеристики бескрайности, пустоты (Гладкий, 2013).

На основе пространственной самоидентификации формируются социальные движения горожан, выдвигающих какие-либо требования к городским властям с позиции права местных сообществ самим принимать решения по развитию своего города.

Интернет разрушает бюрократические барьеры в территориальном управлении. Запросы через Интернет, свободный доступ к информации о деятельности муниципальных, региональных и федеральных органов власти, организация петиционных кампаний

в сетях, электронные референдумы, голосования и многое другое входят в современное представление об электронной демократии.

Территориально-локальные проблемы всё чаще объединяют географически очень далёких пользователей сети. На смену территориальным сообществам идут сообщества сетевые. Само краеведение становится сетевым. На его основе прослеживается становление философско-сетевой основы муниципального управления (микрполитики). Его цели на такой основе, видимо, совпадают с задачами ландшафтной политики. Жизнь и пространство всё более структурируются в паттернах и терминах сетей и потоков с ожидаемым исчезновением значения столиц и границ. Прослеживается появление эффективных форм прямого народного участия в развитии своего города, деревни, села. Надежды на воплощение анархических чаяний о прямом народном самоуправлении соседствуют с представлениями о грядущем жёстком контроле общества через протоколы Интернета, подтверждаемые мощными формами цензуры.

Утверждается, что постиндустриальное общество будет построено не по типу иерархии институтов, а по типу сетевой паутины и порождаемого ею виртуального пространства (Тоффлер, 2010). Паутина, в которой нет ни фундаментального, ни второстепенного, становится центральной парадигмой постмодернистского общества (Генис, 2003).

Важнейшим фактором, определяющим фундаментальные основы туристической географии в современном познании мира, является то, что наука о туризме исследует туризм как важный инструмент повышения качества жизни человека и её продления, но не путём долголетия, а путём перемещения в пространстве. Но и туризм втягивает в процессы верификации научного знания самые широкие слои населения. С ним наука обретает массовый характер. Возникает своего рода «народная наука» (*«citizen science»*) и краудсорсинг (*crowdsourcing*) научного знания (Cooper C., Dickinson J., Phillips T., Vonney R., 2007; Sui D, Elwood S., Goodchild M., 2013). Можно ожидать, что главным фактором её дальнейшего развития станет рост популяции хорошо образованных людей, профессионально не связанных с научной деятельностью. С увеличением свободного времени занятия наукой всё более реализуются как самый серьёзный вид отдыха.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК НАУКА О КРАСОТЕ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛИ

Появление эстетического направления в географии и прежде всего в туристической географии является наиболее ярким признаком её вхождения в мир постмодерна. Постмодерн заставляет предположить, что не практика, а красота является критерием истины. И тут постмодерн сближается с географией, «*которой разыскание всякого рода “начальных истоков”, “единственно верных начал”, “всеобъемлющих универсальностей”, <...> “фундаментальных целостностей”, “окончательных состояний” в общем случае противопоказано*» (Тютюнник, 2011).

Туризм сдвигает в сторону пространственного и культурологического подхода всё поле социально-экономических и ландшафтно-экологических дисциплин. От сенсорно-измерительной интерпретации ландшафта туризм ведёт к его эстетическому восприятию.

Если в природопользовании в центре внимания находится воздействие человека на географическую среду, в фокусе гуманитарной географии (географии человека/антропогеографии) лежит воздействие географической среды на человека, то в туристической географии центр смещён на восприятие человеком географического пространства, его интеллектуальное и духовное освоение. В первом приближении его можно сфокусировать на аксиологических (ценностных), эстетических и образовательно-оздоровительных ресурсах географической среды. Особое внимание придаётся эстетической оценке культурных и природных ландшафтов как важнейших компонентов географического пространства. Некоторые учёные считают, что география — это наука о красоте земного шара. Так именовал географию географ И. Н. Гладдин: *«Мы изучаем науку о гармонии и красоте земного шара — географию <...> География заставляет человека смотреть на мир не через узкую щель своей специальности, а с высоты, с высоты птичьего полёта. С высоты высокой горы она показывает ему все царства мира. Наш угол зрения — 360 градусов. В географии есть протест против всё растущей и оупляющей специализации. И в этом, быть может, лежит причина упорного непонимания её в среде академических специалистов <...> География поддерживает в человеке жизнерадостность, гоняя его по всему земному шару, внушает ему любовь ко всему сущему, развивает в нём божественную благожелательность, философски-ироническое отношение к невзгодам и лишениям и высший космополитизм. География, заставляя человека знакомиться с целым рядом подсобных наук, расширяет наш кругозор безгранично и научает видеть красоту там, где неопытный глаз её может и не заметить»* (Гладдин, 1922).

Туристическая география вбирает в себя постдисциплинарные подходы интенсивнее, чем остальные отрасли географии. Среди них — изучение мобильности человека, образа территории, лечебных мест, идентичности и эстетики пространства, культурного и природного наследия, национальных парков, сельских дач, городов, устойчивого развития, воспитания и образования за пределами помещений. Подчас эти направления развиваются изолированно или даже находятся в конкурентных отношениях с соседними научными проблемами. *«Туризм способствует развитию географических наук и системы географического образования, росту в обществе интереса к географическим сведениям»* (Зырянов, 2014, с. 10).

Пребывание человека в иных, отличных от привычных для него, ландшафтах, где он чувствует себя комфортно, испытывает положительные эмоции, получает удовольствие, — область исследований туристической географии. Объективной оценки красоты не существует, и без субъективного момента не остаётся самой красоты. Однако чаще всего красивыми считаются контрастные и контактные среды: берег реки, моря, вершины и гребни горных массивов, бровки склонов, поляны и опушки в лесу, островок леса в степи. Б. Б. Родоман отмечал, что *«...важнейшим ресурсом рекреации оказывается само разнообразие природно-антропогенного ландшафта и его контрастность, выраженная густотой и конфигурацией границ...»* (Родоман, 1971).

Основоположник пермакультурного дизайна Дэвид Холмгрен отмечает, что природный и особенно биологический мир снабжает нас величайшим разнообразием паттернов (знаков, узоров, стилей) природы. Паттерны повсюду вокруг нас. Их образуют

волны, песчаные дюны, деревья, листья, туман, облака, снег, дождь. Они представлены сетями, кругами, точками, разветвлениями, кривыми, спиралями, меандрами, слоями, арками, склонами, пиками, геометрическими формами, повторяющимися орнаментами, ритмами. Их созерцание успокаивает, наводит на размышления, настраивает на медитацию (Holmgren, 2002).

Некоторые места воспринимаются людьми как сакральные. В старину о таких местах говорили, что там нисходит благодать. В таких местах нередко сооружали культовые постройки, сюда навещались паломники. Сакральные места являются своего рода особыми «энергетическими точками» культурного ландшафта (Кулешова, 2004). Подчеркивается первичность природной основы для культурного ландшафта и приуроченность священных мест к определённым локусам ландшафта.

Таким образом, туризм увязывает воедино самые разнообразные сферы деловой активности и сегменты рынка — к примеру, транспорт и гостиничный бизнес, строительство и инвентаризацию красивых пейзажей. В его пределах смешиваются различные отрасли экономики, государственные структуры, неформальные объединения, уклады жизни, технологии, предметы потребления, услуги и инфраструктуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление туристической географии связывается с фундаментальным расширением всего поля географической науки, что вписывается в парадигму постмодерна. Туристическая география может выступить лидером нового постдисциплинарного интеграционного географического знания. Оно будет стимулировать современную географию не только к развитию технологий преобразования природы и её охраны, не к нормированию воздействия человека на природу, а к формированию нового географического мировоззрения.

В каждой отрасли географии, связанной с осмыслением туризма как пространственного явления, выделяется суть: в природопользовании — воздействие человека на географическую среду, в гуманитарной географии — воздействие географической среды на человека, в туристической географии — восприятие человеком географического пространства, его интеллектуальное и духовное освоение. С внедрением последней в нашей науке возникают новые аксиологические (ценностные), эстетические, образовательные и оздоровительные ресурсы, которые должны быть осмыслены и систематизированы. Это следующий шаг в развитии нового «крыла» единой географии.

ЛИТЕРАТУРА

- Багров Н.В. География в информационном мире. — Симферополь, 2004. — 213 с.
- Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 338—405.

Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 13–36.

Веденин Ю. А., Мирошниченко Н. Н. Оценка природных условий для организации отдыха // Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1969. № 4. — С. 51–60.

Генис А. Культурология. — М.: У-Фактория, 2003. — 544 с.

География туризма / Под ред. А. Ю. Александровой. — М.: КНОРУС, 2009. — 592 с.

Геттнер А. География, её история, сущность и методы / Под ред. Н. Баранского. — М.; Л., 1930. — 416 с.

Гладкий О. В. Апперцепція простору, її людяність та людино вимірність // Економічна та соціальна географія, 2013а. Вип. 2(67). — С. 19–28.

Гладцин И. Н. «Утверждение географии» (Речь представителя студентов на годовичном акте Географического института 30 января 1922 г.) // Геогр. вестн., 1922. Вып. 1. — 18 с.

Гранильщикова Ю. В., Вейцман С. Г., Шимановский В. Ф. Горный туризм. — М.: Физкультура и спорт, 1966. — 121 с.

Григорьев Ал. А. География всемирного наследия. — СПб: Астерион, 2012. — 344 с.

Зорин И. В. Феноменология туризма. Избр. соч. — М.: Наука, 2005. — 552 с.

Зорин И. В. Рекреационная сущность туризма // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования / Тр. VII Межд. научно-практ. конф. Москва, 27–28 апреля 2012. — СПб: Д.А.Р.К., 2012. — С. 31–38.

Зубаревич Н. В. Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность, 2009. № 1. — С. 38–53.

Зырянов А. И. География и туризм: различие и общность интересов // Современные проблемы сервиса и туризма, 2014. № 1. — С. 10–15.

Зырянов А. И., Зырянова И. С. Самостоятельные путешествия: Маршрутное планирование. — Пермь, 2015. — 154 с.

Котляров Е. А. География отдыха и туризма. — М., 1978. — 184 с.

Котляков В. М., Комарова А. И. Туризм: природа — культура — путешествия. Пятиязычный словарь. — М.: Изд. дом Кодекс, 2013. — 672 с.

Кулешова М. Е. Культурно-ландшафтное районирование Кунгурского края // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 383–405.

Николаенко Д. В. Рекреационная география: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. — 288 с.

Павлюк С. Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества: на примере США и России. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М.: Географ. ф-т МГУ, 2007. — 24 с.

Преображенский В. С. Бытийный географизм и географическая наука // Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1993. № 3. — С. 40–54.

Преображенский В. С. Бытовой географизм // География. Приложение к газете «Первое сентября», 1997. № 25.

Преображенский В. С. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // Известия РАН. Сер. географ., 1998. № 3. — С. 14–19.

Преображенский В. С., Веденин Ю. А. География и отдых: — М.: Знание, 1971.

Родоман Б. Б. Географические проблемы отдыха и туризма // Территориальные системы производительных сил. — М.: Мысль, 1971.

Смирнягин Л. В. Возможности и потребности заимствований теоретических основ западной географии // Теория социал.-эконом. географии: современное состояние и перспективы развития. Мат. межд. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.) / Ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова. — Ростов н/Д., 2010. — С. 78–82.

Соболев Н. А. Экологический каркас России: Индикативная схема / Ред. А. А. Тишков. — М.: Институт географии РАН, РГО, 2015. — 16 с.

Соколова А. А. Зона Волго-Балтийского водного пути на геоизображении Google Earth: виртуальное пространство и визуализированная реальность // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2011. № 141. — С. 148–160.

Стрелецкий В. Н. Культурная география в странах Запада и России: пути формирования и современная самоидентификация // Теория социал.-эконом. географии: современное состояние и перспективы развития. Мат. межд. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). — Ростов на/Д., 2010. — С. 257–265.

Теоретические основы рекреационной географии. — М.: Наука, 1975. — 245 с.

Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2010, 784 с.

Тютюнник Ю. Г. Философия географии. — Киев: Изд. комп. ун-та «Украина», 2011. — 204 с.

Штюмер Ю. А. Карманный справочник туриста. — М.: Профиздат, 1970. — 256 с.

Cooper C., Dickinson J., Phillips T., Bonney R. Citizen science as a tool for conservation in residential ecosystems // Ecology and Society, 2007. № 12(2). — P. 11.

Gale T. Urban beaches, virtual worlds and «The End of Tourism» // Mobilities, 2009. № 4 (1). — P. 119–138.

Gerlach J. Vernacular mapping and the ethics of what comes next // Cartographica, 2010. № 45. — P. 165–168.

Haklay M. Citizen Science and Volunteered Geographic Information: Overview and Typology of Participation // Crowdsourcing Geographic Knowledge Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice / *Sui D., Elwood S., Goodchild M.* (eds.) — Berlin: Springer, 2013. — P. 105–122.

Hannam K. Tourism geographies, tourist studies and the turn towards mobilities // Geography Compass, 2008. № 2 (1). — P. 127–139.

Holmgren D. Permaculture. Principles and Pathways Beyond Sustainability. — Hampshire: Permanent Publications, 2002. URL: <http://library.uniteddiversity.coop/Permaculture/Permaculture-Principles and Pathways Beyond Sustainability.pdf>.

Sui D., Elwood S., Goodchild M. (eds.) Crowdsourcing Geographical Knowledge: Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice. — Berlin: Springer, 2013. — 396 p.

Williams S. Tourism geography: a new synthesis. 2-nd ed. — London and New York, 2009. — 310 p.

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ТУРИЗМА Ю. А. ВЕДЕНИНА

ВВЕДЕНИЕ

В 1982 г. московское издательство «Наука» опубликовало монографию Ю. А. Веденина «Динамика территориальных рекреационных систем», которая сразу стала бестселлером для всех, кто в то время увлекался исследованиями в области туризма. Автору этих строк посчастливилось получить эту книгу с дарственной надписью, поскольку в 1981–1982 гг., будучи сотрудником Дагестанского филиала АН СССР, он проходил стажировку в руководимой Юрием Александровичем Рекреационной лаборатории Института географии АН СССР.

Не помешает вспомнить, что это было за время. Год 1982-й по существу стал годом окончания в СССР периода «брежневского застоя», за которым в 1983 г. по стране вихрем пронеслась «андроповская кампания по закручиванию гаек» в изрядно разболтанном к тому времени социально-экономическом механизме советского общества. А с 1985 г. под девизами «плюрализм», «гласность», «демократия» и «рыночные отношения» в стране начались революционные преобразования («горбачёвская перестройка»), приведшие к распаду СССР и, в частности, к почти полному развалу туристической сферы в постсоветском пространстве. В 90-е гг. аналогичные деградационные процессы постигли и российскую туризмологию: закрылась Рекреационная лаборатория в Институте географии РАН, сократились исследования проблем туризма на географическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, снизился общий уровень академических и университетских исследований в этой сфере (Миرونенко, Эльдаров, 2016).

Подобно российской экономической теории, которая с 90-х гг. всецело переключилась на доктрину рыночных отношений, теория отечественной рекреационной географии, во многом благодаря научным трудам Ю. А. Веденина, стала чётко различать пространственно-временные контуры «закрытых» (центрированных на потребности туристов) и «открытых» (центрированных на ресурсы дестинаций) систем организации отдыха (Веденин, 1982а). Соответственно, начали складываться методологические условия для обоснования путей и способов согласования зачастую остро конфликтующих друг

с другим интересом туристов («гостей») и местного населения («хозяев») дестинаций (Эльдаров, 1987). К числу первых научных публикаций, нацеленных на изучение такого рода гуманитарных проблем туризма в нашей стране, следует отнести работу Б. Б. Родомана, посвящённую вопросам пространственно-временной оптимизации миграционной активности столичных туристов и сельских жителей Подмосковья (Родоман, 1971).

Вынесенное в заголовок статьи понятие «параметрия» предполагает апелляцию к философским законам диалектики, как-то: «отрицание отрицания», «единство и борьба противоположностей», «переход количества в качество» и т.д., которые пока ещё никто не отменял. Основной упор в работе делается на конкретные пары (от англ. *pair* — пара) асимметричных элементов или процессов как внутри, так и вовне территориальных рекреационных систем.

Целью данной статьи является рассмотрение параметрии туризма, определяющейся противоречивостью прежде всего внешних факторов развития территориальных рекреационных систем («мифология оседлости — мифология кочевания», «прогресс в промышленности — прогресс в транспорте», «трудовые миграции — туристские миграции», «военная экспансия — туристская экспансия» и т.д.) На основе проведённого анализа формулируются новые представления о структуре туризмологического знания и определяются более адекватные современным реалиям направления его совершенствования. Предлагается поисковый прогноз тенденций роста и падения показателей российского межрегионального туризма в период текущего столетия.

Для объяснения механизмов динамики и эволюции территориальных рекреационных систем использовались общенаучные методы исследования: сравнение, логический вывод, моделирование и экспертные оценки. Методологическую основу проведённого исследования составляет разработанный Ю. А. Ведениным пространственно-временной подход к параметрическому анализу территориальных рекреационных систем (Веденин, 1982б). Поскольку рекреационная деятельность представляет собой мобильный географический процесс, в качестве дедуктивных концептов используются модели простейших физических механизмов — маятника или качелей, кольцевого или спирального циклов и т.д.

Важное место в работе отводится идеям Л. Н. Гумилёва об оседло-кочевой параметрии этногенеза и диалектике «мифологических полюсов» в таких процессах (Гумилёв, 1990). Данные представления согласуются с теоретическими выводами Ю. А. Веденина о мифотворчестве как важнейшем факторе формирования ресурсного потенциала дестинации (Веденин, 1997). Элементы туристской мифологии, как известно, украшают путеводители и маршрутные карты, интерьеры отелей и ресторанов, музыкальное сопровождение рекреационных занятий и т.д. Мифология способна определять характер сценариев и ролей в тех самых «театрах на природе», которые спонтанно разыгрываются в местах сосредоточения туристов (Родоман, 1981). В качестве яркого примера манипуляционных функций мифологии в туризме служит легенда о доисторическом подводном монстре, которая до сих пор притягивает туристов со всего света к шотландскому озеру Лох-Несс (Эльдаров, 2012).

Туристские миграции представляют собой лишь один из множества видов кочевой активности людей. При этом научное осмысление кочевания будет по-настоящему эф-

фективным лишь в сравнении с диалектически противоположным типом географической адаптации — оседлостью (формирование семей, усадеб, поселений, государств, империй как целостных общественно-территориальных систем, а также социальных иерархий внутри каждой из них) (Эльдаров, 1998). Параметрия оседло-кочевых процессов имеет свои аналоги природе, в таких схожих реакциях большей части живых существ на изменения окружающей среды, как: 1) создание убежищ (гнезд, нор, логов и т.д.) с целью воспроизводства и защиты новых поколений; 2) сезонные миграции (переходы, перелёты, переплытия и т.д.) в поисках благоприятной среды обитания.

В физическом пространстве-времени, где действуют термодинамические законы сохранения энергии, невозможно выработать один вид энергии без затрат какого-либо другого. Так и в общественной среде люди, избавляясь от одних форм непримиримой вражды, неизбежно приходят к другим, которые со временем начинают казаться совершенно безысходными. Этот закон сохранения «психоэмоциональной энергии», собственно, и объясняет работу так называемого «маятника человеческих противоречий» (Эльдаров, 2000). Если «большой маятник» служит выражением исторических перемещений людей между центрами (регионами) формирования межклассовых и межкультурных конфликтов, то «малый маятник» — между социально напряжёнными промышленно-урбанизированными и эмоционально расслабляющими туристско-рекреационными территориями.

ПАРАДИНАМИКА И ЦИКЛИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРИЗМЕ

Абстрагируясь от множества теоретических диад географии, подробно описанных А. Д. Арманом (Арманд, 1993), обратимся далее к обоснованной Ю. А. Ведениным пространственно-временной концепции туризма. На основе этого подхода в своё время были определены конструктивные направления изучения и решения проблем туризма с учётом закономерностей функционирования и развития двух типов пространственно-временных систем отдыха населения — «закрытого» (субъектно-центрированного) или «открытого» (объектно-центрированного). В «закрытых» системах в роли ведущего фактора регионального развития выступают потребности населения, реализующиеся в виде конкретных циклов рекреационных занятий. Крупная городская агломерация с окружающими её рекреационно привлекательными пространствами — это типичный закрытый район туризма, в основном работающий на удовлетворение спроса населения агломерации. Целостность «открытых» систем обеспечивается туристско-рекреационными ресурсами территории (природными, культурно-историческими, материально-техническими, трудовыми и т.д.). Ресурсный район туризма выступает как бы открытым объектом по отношению к внешнему рекреационному спросу (Веденин, 1982а).

Современная рыночная экономика предполагает новый взгляд на модели Ю. А. Веденина и возможности их использования при изучении процессов рекреационно-хозяйственного кластерообразования. В «потребительском» типе рекреационных кластеров ядрами хозяйственной деятельности выступают производственные структуры (предприятия, фирмы, корпорации и т.д.), обеспечивающие своих работников фондами и маршрутами туризма. Напротив, в «ресурсных» кластерах такими ядрами служат

специализированные курортные и туристские предприятия или их локализации, экономически связанные с объектами обслуживающего хозяйства (Александрова, 2014; Мироненко, Эльдаров, 2014).

Теоретические представления Ю. А. Веденина о рекреационном пространстве-времени в своё время мы постарались дополнить адаптационным подходом к изучению рекреационных систем с упором на биосоциальные механизмы их парадинамики и парагенеза (Эльдаров, 1988; Эльдаров, 1998). При этом исходной идеей послужило то, что, подобно живым организмам, общественно-территориальные системы могут иметь как нормальные, так и проблемные (порочные) по характеру воспроизводства здоровья циклы. Для описания таких циклов в научной литературе принято использовать схемы с контурами (кольцами) обратных связей.

В циклической последовательности сменяют друг друга основные информационные фазы туризма как адаптационного процесса: 1) антиципация (предвкушение, образ) рекреационных занятий, 2) временное использование дестинации в рекреационных целях (нормальная или проблемная ситуации), 3) воспоминания о дестинации и проведённом отдыхе по возвращении домой («след»). Представленная ниже схема адаптационного процесса в туризме была разработана с учётом теоретических выводов известного американского туризмолога Клайна Дженсена (Jensen, 1970).

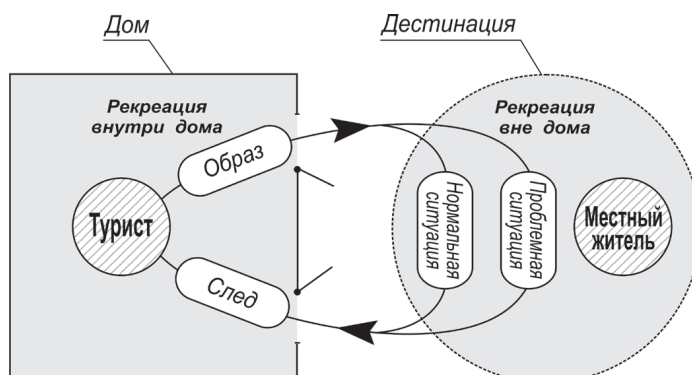

Схема сочетания нормального и проблемного циклов туризма (по: Jensen, 1970)

На схеме видно, что механизмы адаптации в туризме начинаются с образного (мифологического) восприятия рекреационной среды, затем они осуществляются в нормальном или проблемном (стрессовом, конфликтном, бедственном и т.д.) режимах и заканчиваются субъективными оценками проведённого отдыха, в том числе и опыта преодоления возникших в пределах дестинаций проблем. Дом в этой модели олицетворяет как собственно жилище (если рекреация осуществляется рядом с ним), так и конкретный населённый пункт, регион, страну, континент (если рекреация осуществляется за пределами их границ).

Заметим, что процесс смещения туризмологических исследований к вопросам самоорганизации рекреационных систем, поведенческим и адаптационным механизмам их функционирования в нашей стране стал проявляться главным образом в 1980-е гг. (Ве-

денин, 1977; 1982; Родоман, 1980, 1981; Мироненко, Эльдаров, 1987). С этого же времени на Западе активизировался научный поиск в области культурологических проблем туризма (Barker, 1982; Elsasser, Leibudgut, 1982; Travis, 1984; Rauch, 1988; Burns, Holden, 1995 и др.). Среди таких публикаций стоит выделить книгу Р. Батлера и Т. Хинча «Туризм и коренные жители» о влиянии туризма на жизнь коренных народов (Indigenous Peoples) дестинаций (Butler, Hinch, 1996). В ней ставится задача целенаправленного изучения разнообразных последствий развития туризма для жизни «хозяев» дестинаций, в частности спонтанно возникающих кросс-культурных взаимосвязей и фильтров в отношениях между ними и туристами. Также делается вывод: чем чётче взаимные представления «гостя» и «хозяина» о потребностях и интересах друг друга, тем вероятнее ход бесконфликтного и устойчивого развития дестинации (Мироненко, Эльдаров, 2016).

Следовательно, дестинация — это не просто территория посещения туристами, но и площадка, где достигается компромисс между разными людьми. Что касается самого термина «дестинация», то он не сразу прижился в советской науке о туризме: идеология социалистического обобществления земельных ресурсов и целенаправленного управления ими предусматривала предельно строгое иерархическое ранжирование наделов туризма (стоянка — предприятие — район — область — экономический район — советская республика — страна в целом — лагерь социализма). В результате, например, социально-географическая концепция эволюции дестинаций на примере туристских стоянок, достаточно глубоко проработанная Ю. А. Ведениным ещё в середине 1970-х гг. (Веденин, 1975, 1977), в зарубежной туризмологии оказалась незамеченной. К первому опыту изучения циклических процессов в эволюции туристских систем в зарубежной литературе совершенно неоправданно относят разработанную Р. Батлером в 1980 г. общую модель жизненного цикла туристской дестинации (Butler, 1980).

В перечисленных выше работах зарубежных авторов приводятся не только примеры разнополюсного (положительного или отрицательного) влияния туризма на характер развития дестинаций, но и альтернатив самого туризма как экономического и социокультурного явления. В частности, рассматривается параметрия таких понятий, как «туристская дестинация» и «этническая резервация» (поселения остатков коренных народов) (Butler, 1992).

Принято считать, что массовый туризм способствует эколого-экономическому и социокультурному облагораживанию территорий, тогда как агрессивный империализм — их деградации. На оккупированных землях практически всегда разворачиваются «порочные круги» социально-экономической депрессии (Эскеров, 2000; Полян, 2012). Но депрессией могут охватываться и туристские дестинации, если при их освоении игнорируются гуманитарные вопросы комплексного обустройства территорий (Веденин, Эльдаров, 2015).

Теоретически обоснованная Ю. А. Ведениным пространственно-временная концепция туризма стала служить методологической базой для поисковых рекреационно-географических исследований в нашей стране, снабдив научный поиск альтернативными моделями функционирования и развития туристских дестинаций (1982). Причём, ведя речь о положительных и отрицательных, оптимистических и пессимистических сценариях развития дестинаций, мы тем самым внедряемся в пока ещё крайне слабо изученные и исключительно деликатные темы геополитической и социально-экономиче-

ской эволюции империй, их отношений с реальными и потенциальными сателлитами (Blaut, 1993; Carew, 1994; Misra, 2001). Однако если игнорировать подобные проблемы, то со временем можно стать невеждами в понимании тех общественных процессов, которые способны серьёзно осложнять социально-политические и межкультурные отношения как в стране, так и за её пределами.

ОСЕДЛЫЙ И КОЧЕВОЙ АСПЕКТЫ МИФОЛОГИИ

И оседлый, и кочевой способы самоорганизации жизни социумов (от отдельной семьи до народонаселения страны, империи) неразрывно связаны с мифологией. Последняя в своей расширенной трактовке — это совокупность мифов, определяющих фантастические представления людей об окружающем мире (Эльдаров, 2002). Мифологию пространства, в том числе и рекреационного, обществоведы-географы часто определяют как «образ жизни населения» (Щитова, 2005).

Мифология реагирует практически на любые изменения среды, служащие стрессом для индивида или социума. Смягчение стрессовых явлений и доведение социального организма до состояния психологического комфорта — это и есть главные синергетические и целеполагающие (в политическом смысле — манипуляционные) функции мифологии. Она сильно активизируется в состоянии повышенной тревоги, физической или моральной подавленности и слабости социума. При этом не только мифопочитание и мифопоклонение выступают способами защиты или отвлечения сознания людей от угнетающей их объективной реальности, но и вдохновенный процесс мифотворчества. Идея, заключённая в мифе, одухотворяет людей, служит важным фактором их духовной консолидации, независимо от их этнической или классовой принадлежности. При этом часто не имеет значения то, какая это идея — разумная или абсурдная, реалистическая или фантастическая, благородная или порочная.

В мифологии оседлости и кочевания отражаются специфические морально-психологические пределы адаптации к изменениям окружающей среды. В данном случае имеются в виду прежде всего пороги безопасности социумов по отношению к природным и техногенным катастрофам, а также к актам притеснения и насилия, которыми сопровождается их движение во времени (оседлость) и пространстве (кочевание). Например, порогом оседлости для архаичных, то есть самых примитивных, а вместе с тем и наиболее показательных социальных систем, как, например, лесные племена, из века в век служит голод по причине истощения вокруг их стоянок охотопромыслового и прочего продовольственного потенциала. В горной местности таким порогом выступает коллективное беспокойство из-за возможности разрушения села в результате оползневых, селевых и иных природно-гравитационных процессов. При этом «хозяин», покидая своё насиженное место, превращается в «гостя» по отношению к более безопасной, а потому более желанной для него территории. Наглядной эволюционной моделью процесса покидания людьми «насиженных мест» служит туристский лагерь в условиях дикой природы, чей рост и функционирование полностью прекращаются в результате постепенного (от сезона к сезону) разрушения привлекательных качеств среды самими же туристами (Веденин, 1975).

Усиливая мотивацию смены людьми мест своего обитания, мифология тем самым подчёркивает свою разнополюсность: с одной стороны, она идеализирует чужие страны, а с другой — девальвирует духовные ценности родной земли. Данный феномен впервые был подмечен Л. Н. Гумилёвым, который указал на два основных фактора стабильной миграции жителей России в западные страны — мифы о свободе и экономическом благополучии в последних, с одной стороны, и мифы о варварстве россиян, с другой (Гумилёв, 1993, с. 313). Туристская деятельность «гостей» способна формировать в сознании «хозяев» дестинаций образы более благополучных и привлекательных условий жизнедеятельности, что иногда служит поводом для возникновения у последних мотиваций смены места жительства.

С распадом СССР поток туристов из промышленно развитых регионов страны в Дагестан и другие республики Кавказа, как известно, практически полностью иссяк. Всплеск националистических и сепаратистских настроений обусловил крушение прежде устойчивых туристических связей в стране, утрату прежнего весьма тесного межнационального и межрегионального сотрудничества в туристско-рекреационной сфере (География туризма, 2014). К первому «звонку» в проявлении агрессивности со стороны жителей туристских дестинаций в пространстве бывшего СССР можно отнести общественно-политические волнения в столице Абхазии 1978 г., выражавшие недовольство сухумцев засильем на их земле санаторно-курортной моноструктуры, которая в условиях прежней социалистической экономики не давала никакой прибыли (Проблемы развития..., 1982). На фоне исключительно развитой цитрусоводческой моноструктуры, которая уже с брежневских времён почти полностью перешла в рыночно-теневой сектор экономики, работа в обобществлённой сфере туризма для тружеников этой грузинской автономии казалась просто недоразумением. В период с 1989 по 1991 гг. имели место поджоги туристских баз, расположенных в горной зоне Дагестана. Сначала были сожжены спальные корпуса турбазы «Гергебиль», затем эта же участь постигла высокогорные турбазы «Ботлих» и «Гуниб». Причины поджогов туристских строений местные исламские радикалы не скрывали, выражая таким образом свой протест против некоторых форм поведения туристов на территориях с традиционно строгими канонами жизни мусульман (Эльдаров, 2000).

При анализе оседло-кочевой параметрии в современных имперских государствах важно учитывать гендерную асимметрию в социально-демографических процессах и в первую очередь связанных с естественным воспроизводством. В такой асимметрии одна сторона характеризует маскулинную (мужскую) доминанту оседлой имперской власти, а другая — феминную (женскую) доминанту выездных туристских потоков. Как покажут наши дальнейшие выводы, анализ гендерной параметрии особенно полезен при прогнозировании геоадаптационных процессов в условиях не только общественно-политического, но и рекреационного развития постимперских (включая и нынешнюю Россию) государств и их сателлитов.

В этой связи напрашивается пример с Кубинской революцией 1959 г., в манифестах которой был заявлен протест против деморализующего влияния туристской экспансии со стороны «северного соседа». В первой половине XX в. Куба как южный штат и отсталый сырьевой придаток США на глазах превращалась не только в круп-

ный центр производства и перевалки наркотиков, но и главный организующий центр преступного мира Центральной и Северной Америки. Американское влияние стало угрозой для национальной самобытности и морального облика кубинского народа. Привлечение к обслуживанию американских туристов значительной части населения способствовало распространению психологии прислужничества, привычки жить на подачки, нездоровой атмосферы азартных игр, проституции. Накануне революции на острове насчитывалось 100 тыс. проституток, 21 тыс. человек была занята в игорном бизнесе, и это тогда, когда безработицей была охвачена примерно четверть кубинского населения (Строганов, 1995, с. 135).

Данная постановка вопроса, на наш взгляд, может служить поводом, чтобы вникнуть в тему социально- и этнопсихологических предпосылок относительно недавнего и довольно скоротечного процесса отторжения от России бывших союзных республик СССР. Такой анализ нам представляется интересным хотя бы потому, что распад советского государства начался в период расцвета российского туризма.

Надо иметь в виду, что главная инициатива, приведшая к отторжению Острова Свободы от США, исходила из недр кубинского общества, то есть от социума-хозяина, государство которого превращалось в туристскую дестинацию для сравнительно богатого социума-гостя. Что же касается случая с СССР, то главным инициатором национального дробления этой страны выступила его новая политическая элита, представлявшая собой не только социума-хозяина по отношению к накопленному центром за советский период огромному экономическому, научно-техническому и культурному потенциалу, но также и социума-гостя по отношению к южным инациональным дестинациям (в первую очередь Грузии как активно формирующейся туристической «Мекки» для советских женщин). Поэтому при изучении всего спектра факторов обвального крушения советского государства, на наш взгляд, не стоит игнорировать основательный психолого-политологический анализ параметрии «гость — хозяин» на предперестроечном этапе развития межреспубликанских туристских связей. В данном вопросе необходимо реально оценивать главный маскулиный тип геополитического центра страны, который в те времена образцово представлялся «партийными священнослужителями». Однако в рекреационных антиципаниях феминной половины российского социума этот тип партнёра со своим «кадиллом идеологии», конечно же, ни в коей мере не мог соперничать с образом тёплого, щедрого и сравнительно деидеологизированного грузина.

Для завершающих этапов самых масштабных по пространственному охвату и историческому времени циклов формирования человеческой оседлости в виде мировых держав закономерными становятся мифы о культурном превосходстве имперской нации. Подобные закономерности геополитического развития древних империй — Великого Рима, Китая, Монголии, Великобритании и др. — весьма лаконично и убедительно показаны в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска» (Бжезинский, 2003, с. 13–42). Этим автором делается вывод о существовании устойчивой корреляции между пиками державного высокомерия у имперских наций и началом их геополитического распада.

Можно привести много примеров проявления культурного превосходства центра по отношению к национальным окраинам и в пространстве Советского Союза. Остановимся только на одном из них: мифологии, украшающей достаточно продолжительный

трудомиграционный поток молодых выпускниц педагогических и медицинских учебных заведений из средней полосы России в южные республики страны в период с 1920-х до конца 1940-х гг. Действительно, разносторонняя деятельность трудовых мигрантов из числа представителей русской интеллигенции — специалистов в области образования, медицины и науки, а также квалифицированных инженерно-технических кадров — в тот период помогла осуществить в Дагестане грандиозные социокультурные и экономические преобразования. Многим «интеллигентам-отходникам» из Старорусской зоны была присуща идея имперского подвижничества, а вместе с ней и чувство особой моральной ответственности перед дагестанским народом (Дибирова, 2005).

Переезд молодых педагогов из центральных областей страны в Дагестанскую АССР советская мифология трактует как целеполагающую акцию государства по обеспечению роста в этой республике образования и культуры. Но не только это послужило причиной. Согласно рассказам самих переселенок, реалии зачастую были иными: девушки уезжали на юг по своей воле, хотя и опирались при этом на поддержку государства в решении транспортных и некоторых организационных вопросов. В основе этой воли в большинстве случаев лежал банальный страх снова оказаться в своей деревне, разрушенной антикулацкими репрессиями в 1920-х и основательно деморализованной голодомором 1932–1933-х гг. (Донесение прокурора..., 1933). И каких-либо иных причин для столь масштабных и продолжительных трудовых миграций, не подкреплённых «длинным рублем» от государства (как в случаях с мобилизационными кампаниями в Комсомольск-на-Амуре, целину, БАМ и т.д.) представить себе трудно.

Памятник русской учительнице в Махачкале

Миф об «отправлении» государством молодых учительниц на «южный трудовой фронт» сильно активизировался в последний период геополитической нестабильности Дагестана (Эмиров, 2002). В 2006 г. он был материализован в виде 10-метровой брон-

зовой скульптуры «Русская учительница» как символа благодарности дагестанцев русскому народу. Памятник молодой женщине, держащей в правой руке открытую книгу глобус, а в левой — глобус, был воздвигнут в Махачкале у автотрассы при въезде в неё со стороны республиканского аэропорта.

Это яркий пример того, как мифы способствуют не только усилению привязанности людей к родной земле, но и упреждению возникновения на ней опасных ситуаций. Аналогичная защитная рефлексия дагестанской власти в последние годы послужила поводом для возведения на улицах различных городов Дагестана целого ряда обелисков, памятников и стел, возвеличивающих имя первого российского императора Петра Великого. Нет нужды доказывать, что практически весь период перестройки над Дагестаном дамокловым мечом висела опасность переноса пламени войны из соседней Чеченской республики.

Музейный комплекс «Домик Петра I» в Дербенте

Таким образом, за многообразными функциями мифологии скрываются самые разные способы обеспечения устойчивого и безопасного развития территорий, в том числе и туристских дестинаций.

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОГЕНЕЗ И ЦИКЛИЧНОСТЬ ТУРИЗМА

Согласно положениям теории функциональных систем советского академика-нейрофизиолога П. К. Анохина, живые системы, сталкиваясь с определённой последовательностью повторяющихся внешних воздействий, способны фиксировать эту последовательность в цепях химических реакций практически на всех физиологических уровнях организма, включая генный (Анохин, 1962). За счёт таких записей в генетической

памяти организма вырабатывается рефлекс их неосознанного повторения от поколения к поколению. Поэтому при наблюдении повторяющихся событий в истории конкретного социума, думается, не будут лишними попытки установления главных стрессовых факторов их возникновения.

Пожалуй, самая масштабная по историческому охвату тема политогенеза России связана с параметрией мощнейших очагов геополитической активности на евразийском континенте за всю человеческую историю — средневековых Монголии и Московии. По мнению классиков геополитической науки Хэлфорда Маккиндера и Карла Хаусхофера, оба этих ареала последовательно (первый — с XIII по XV в. и второй — с XV по XX в.) представляли оси мировой истории (Pivot Area) (Маккиндер, 1995; Хаусхофер, 2001). Эти учёные сошлись и во мнении, что вторая беспрецедентная по географическому размаху волна экспансии (Российская империя) являлась генетическим отголоском первой (Монгольская империя).

Гораздо меньшими пространственно-временными параметрами характеризуются процессы развития российского социума под влиянием внутренних факторов политогенеза. Речь в данном случае пойдёт о главной Terra Incognita в отечественном общественнознании, которая определяется вопросами изучения таких психополитических особенностей поведения центральной власти Российского государства, как, во-первых, склонность к латентным (нелегальным, «теневым») формам правления и, во-вторых, предрасположенность к организации тотальных конфискационно-приватизационных кампаний (Улыбин, 1991; Рывкина, 1999; Эльдаров, 1999, 2000).

Последняя из указанных черт проявила себя дважды в XX столетии: сначала в виде ленинского, затем — горбачёвского переворота. Этими событиями 1920-х и 1990-х гг. довольно чётко определяются границы того порочного социально-демографического цикла воспроизводства имперской власти, который был сгенерирован в середине XIX в. При этом мы разделяем критическое отношение профессора ИГРАН Григория Гольца к существующему мифу о том, что Октябрьская революция обусловлена в решающей степени фактором экономического и социального угнетения народных масс России. Он совершенно обоснованно утверждает: «Наибольшего экономического развития царская Россия достигла в 1916 г., а не в 1913 г., как это было принято считать за все годы советской власти: в 1913 г. мы действительно достигли максимума по сбору зерновых и удельной урожайности. По промышленному же производству максимум был отмечен в 1916 г. <...> Падение экономического потенциала началось одновременно с революцией в 1917 г. и достигло наибольшей глубины в 1920—1921 гг. В свете этого становится ясно, что революция в крестьянских и солдатских массах прошла не только под идеологическими знамёнами, как мы учили в школах, но и по совершенно тривиальному мотиву — дозволенности с оружием разграбить всё, что возможно» (Гольц, 2000, с. 29).

Величина межреволюционного цикла в истории российского социума измеряется с учётом характерной для имперского развития любого государства маскулиной доминанты в его идеологии и политике (Кон, 2009; Janey et al., 2006). Этот цикл имеет среднюю протяжённость 69—75 лет и складывается из трёх отцовских поколений по рождению сыновей-первенцев в интервале 23—25 лет (социальный цикл), а так-

же параллельного процесса: смены двух «элитно-имперских» ступеней с интервалом в 35–38 лет, равным промежутку времени появления у начальников-погононосителей (судьбоносного звена в генезисе имперской и постимперской власти) сыновей-наследников (элитный цикл). «Смесь» этих двух циклов демографического воспроизводства, образно выражаясь, «имперского солдата» и «имперского генерала», способна обеспечивать довольно чёткую повторяемость социально-политических и геополитических событий в диапазоне примерно 73-х лет. Использование такого рода социально-демографического знания об особенностях российского имперогенеза позволяет по-новому взглянуть и на динамику военно-политических событий на Северном Кавказе в XIX в., и на наиболее значимые для социологов-прогнозистов тенденции общественно-политического развития страны в XXI в.

Причём интерполяционно-прогнозные оценки хода военно-политической истории России, по нашему мнению, должны быть особенно скрупулёзными в отношении к периоду 1850-х гг., когда произошло коренное перевооружение царской армии: она перешла на высокоэффективное (в современной терминологии — летальное) стрелковое оружие с резными стволами. Важно то, что именно это военно-технологическое новшество послужило для царской армии главной предтечей успешного завершения примерно полувековой военной кампании на Северном Кавказе.

Государственно-экспроприационная (в основном проявившаяся в период 1920-х гг.) и затем государственно-приватизационная (период 1990-х гг.) кампании — это единый рубец на 73-летней дорожке «исторической пластинки» нашей страны. Началом этого рубца служит последний этап Большой Кавказкой войны от периода освоения царской армией летального вооружения во второй половине 1850-х до победного молебна на Красной поляне в 1864 г. Как нам представляется, с учётом этой циклической закономерности можно строить прогнозные заключения об очередном проявлении всплеска государственно-присвоенческой активности в эволюции России (по всей видимости, теперь уже экспроприационного) на период 2060-х гг.

Имперско-присвоенческая и рекреационно-освоенческая формы социальной активности в принципе являются антагонистами, как в пространстве, так и во времени. А потому можно прогнозировать, что имевшее место в недавней российской истории довольно выразительное падение объёмов туристских миграций в самом начале дезинтеграционных процессов в 1990-е гг. проявит себя не менее ярко и в преддверии шестого десятилетия нынешнего столетия.

Что касается периода расцвета («золотого века») российского туризма, который прослеживался со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг., то, исходя из отмеченной цикличности общественно-политических событий, его следует ожидать где-то в диапазоне 2035–2055 гг. Данный период совпадёт с ослаблением «постимперской ренты» и снижением объёмов добычи углеводородного сырья, что приведёт к сокращению доходов россиян и, соответственно, переключению туристских потоков от зарубежья в сторону более дешёвых туристских дестинаций в южных приморских регионах страны. Не исключено, что именно этот новый виток рекреационно-освоенческой активности населения страны как раз и станет предтечей 4-го по счёту отголоска «геоприсвоенческих» кампаний, которые следуют друг за другом в истории России.

К особому историко-генетическому синдрому, на наш взгляд, следует отнести и нынешний рост геополитической активности страны. Не исключено, что он является историческим отголоском того состояния исключительно сильной великодержавной эйфории, которое глубоко зарубцевалось в социогенетическом коде нашей страны в период, начавшийся с сокрушительных побед СССР в Великой Отечественной войне (1943 г.), испытательно-показательного взрыва первой атомной бомбы СССР (1949 г.) и закончившийся годами условного крушения эпохи сталинизма (середина 1950-х гг.).

Прогнозирование на «исторической пластинке» политогенеза страны очередного «щелчка» в 2060-е гг. от рубца, образовавшегося ещё в далёких 50-х гг. XIX в. и усилившегося затем дважды в XX столетии, более или менее верифицировано реальными тенденциями развития российского социума. Что же касается самых последних социокультурных и геополитических процессов в стране, то они только-только начинают подходить к своей активной фазе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рекреационно-освоенческая активность людей способна чутко реагировать на всплески политических эмоций в стране. В некоторых случаях она выступает зеркальным отражением геополитической активности государства.

Население России, особенно из числа представителей центральной власти, болезненно восприняло распад великой Советской империи, как и нынешнее стремление бывших союзных республик вступить в блок НАТО. Эти политические эмоции, в свою очередь, негативно сказываются на организации зарубежных туров, на условиях пересечения туристами государственных границ.

Но, как справедливо отмечает известный французский политолог Доминик Моизи, страх и унижение — это не главные из всех борющихся в российском сознании эмоций. Гораздо важнее уловить то естественное стремление общества к изменениям, без которого невозможно обрести надежду на лучшее будущее (Моизи, 2010). И добавим к этому: без которого невозможно избавиться от уже сильно заезженной «пластинки истории» со специфическими скрипами и скрепами имперского прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова А. Ю. Новейшее представление о сфере туризма как системе // *Современные проблемы сервиса и туризма*, 2014. № 1. — С. 24–38.

Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. — М.: Медицина, 1975. — 477 с.

Арманд А. Д. Янь — Инь география // *Географическое пространство: соотношение знания и незнания*. — М.: Изд. РОУ, 1993. — С. 24–27.

Бжезинский Э. Великая шахматная доска / Пер. с англ. *О. Ю. Уральской*. — М.: Межд. отношения, 2009. — 280 с.

Веденин Ю.А. Методика определения избирательности систем занятий во время отдыха по отношению к природным комплексам // Географические проблемы организации туризма и отдыха. Вып. 1. — М., 1975. — С. 16–29.

Веденин Ю.А. К изучению эволюции рекреационных функций территории // Изв. АН СССР. Сер. География, 1977. № 4. — С. 36–59.

Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. — М.: Наука, 1982а. — 190 с.

Веденин Ю.А. Принципы и методы исследования функционирования территориальных рекреационных систем: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. — М.: ИГАН, 1982б. — 49 с.

Веденин Ю.А. Мифология туристских ресурсов // Профессионально-квалификационная структура и образовательные стандарты в сфере рекреации и туризма. Часть II. — М.: РМАТ, 1997. — С. 4–5.

Веденин Ю.А., Эльдаров Э.М. Роль Н.С. Мироненко в гуманизации российской рекреационной географии // Николай Мироненко. Страницы жизни. Научные идеи и работы. Педагогическая деятельность. Воспоминания / Под ред. В.А. Колосова, Е.В. Милановой. — М.: Изд. МГУ, 2015. — С. 101–111.

География туризма / Под ред. А.Ю. Александровой. — М.: Кнорус, 2013. — 592 с.

Гольц Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // Общественные науки и современность, 2000. № 1. — С. 23–35.

Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990. — 280 с.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М.: Мишель и Ко, 1993. — 336 с.

Дибирова Н.Х. Роль русской интеллигенции в развитии образования и науки Дагестана в 1920–1940-е гг.: Автореф. дис. ... к.и.н. — Махачкала: ДГУ, 2005. — 34 с.

Донесение прокурора Средне-Волжского края В.М. Бурмистрова первому секретарю крайкома ВКП(б) В.П. Шубрикову о случаях каннибализма в Приволжском и Чапаевском районах. 3 мая 1933 г. Совершенно секретно. (Электронный ресурс) // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/30319> (дата обращения 20.06.2017)

Кон И.С. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг, 2008. № 4. — С. 5–16.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. — М.: Время, 2009. — 496 с.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис, 1995. № 4. — С. 162–169.

Мироненко Н.С., Эльдаров Э.М. Новые аспекты рекреационной географии // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 119. Вып. 1, 1987. — С. 75–81.

Мироненко Н.С., Эльдаров Э.М. Развитие идей и моделей в географии туризма // Вопросы географии. Сб. 139. — М., 2014. — С. 38–61.

Мироненко Н.С., Эльдаров Э.М. Тенденции и перспективы развития рекреационной географии в России // География и природные ресурсы, 2016. № 2. — С. 12–18.

Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. — М.: МШПИ, 2010. — 216 с.

Полян П.М. Причерноморье как амфитеатр геноцида и депортаций // Неприкосновенный запас, 2012. № 1 (81). — С. 92–110.

Проблемы развития регионального хозяйственного комплекса Абхазской АССР / Б. Ш. Ашуба и др. — Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 236 с.

Родоман Б. Б. Географические проблемы отдыха и туризма // Территориальные системы производительных сил. Глава XII. — М.: Мысль, 1971. — С. 311–342.

Родоман Б. Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования // Географические науки и районная планировка. Вопросы географии. Сб. 113. — М.: Мысль, 1980. — С. 117–127.

Родоман Б. Б. Уровни использования окружающей среды и общение людей в сфере досуга // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 495. Рекреация и охрана природы. — Тарту, 1981. С. 15–21.

Рывкина Р. В. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra: Теневые отношения. Том 4. № 1, 1999. — С. 25–39.

Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки: Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1995. — 415 с.

Улыбин К. А. Порок нации или... // Теневая экономика. — М.: Экономика, 1991. — С. 45–64.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. — М.: Мысль, 2001. — 426 с.

Щитова Н. А. География образа жизни: теория и практика регионального исследования: Автореф. дис. ... д.г.н. — М.: МГУ, 2005. — 38 с.

Эльдаров Э. М. Географические задачи изучения адаптационного механизма рекреации // Применение современных методов исследования в географии. — Иркутск: ИГУ, 1987. — С. 141–142.

Эльдаров Э. М. Поисковое экономико-географическое прогнозирование рекреационного освоения района (на примере Приморского Дагестана): Автореф. дис... канд. географ. наук. — М.: МГУ, 1988. — 23 с.

Эльдаров Э. М. Геоадаптационные процессы в социально-экологических системах Дагестана: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. — М.: МГУ, 1998. — 44 с.

Эльдаров Э. М. Теневая экономика как атрибут теневого общества // Региональные аспекты социальной политики. Вып. 1. — Махачкала: ДГУ, 1999. — С. 75–86.

Эльдаров Э. М. Туризм в маятнике человеческих противоречий // Вопросы структуризации экономики, 2000. № 7. — С. 113–123.

Эльдаров Э. М. Аналогия мифологий (Электронное издание) // «Русский журнал». 19.02.2002. URL: www.russ.ru/politics/20020219-el.html (дата обращения 20.06.2017).

Эльдаров Э. М. Некоторые вопросы адаптации в сфере туризма // Труды Географического общества Республики Дагестан. Вып. 40. — Махачкала, 2012. — С. 82–87.

Эмиров Э. Как защитить русских // Газета «Новое дело», 2002. № 22. 31 мая.

Эскеров Д. Б. Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудозыбыточном регионе. — Махачкала: Юпитер, 2000. — 312 с.

Barker M. Traditional landscape and mass tourism in Alps // The geographical Review, 1982. Vol. 72. N4. — P. 395–415.

Blaut J. M. The Colonizer's Model of the World. — New York: Guilford Press, 1993. — 246 p.

Burns P., Holden A. Tourism: a new perspective. — London: Prentice Hall, 1995. 240 p.

Butler R. Alternative tourism: The thin edge of the wedge // *Tourism Alternatives.* / *S. Eadington*, ed. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992. — P. 31–46.

Butler R., Hinch T. Tourism And Indigenous Peoples. — Padstow: TJ Press, 1996. — 440 p.

Carew J.R. Rape of Paradise: Columbus and the Birth of Racism in the Americas. — Brooklyn, N.Y.: A&B Books, 1994. — 232 p.

Elsasser H., Leibudgut H. Touristische Monostrukturen Problem im schweizerischen Berggebiet // *Geogr. Rundschau*, 1982. Vol. 34. N5. — P. 228–234.

Janey B.A., Janey N.V., Goncherova N., Savchenko V. Masculinity ideology in Russian society: Factor structure and validity of the multicultural masculinity ideology scale // *The Journal of Men's Studies*, 2006. N14(1). — P. 93–100.

Jensen C. Outdoor Recreation in America. — Minneapolis, 1970. — 285 p.

Journal of Men's Studies, 2006. Vol. 14. N1. — P. 93–108.

Misra M. The Empire Strikes Back // *New Statesman*. 11.12.2001. Vol. 130. Is.4563. — 25 p.

Rauch A. Vacances et pratiques corporelles: La naissance des morales du dépaysement. — Paris, 1988. — 191 p.

Travis A. Social and cultural aspects of tourism // *Industry and Environment*, 1984. N1. — P. 22–24.

ТУРИЗМ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Дискуссии о перспективах развития Калининградской области — российского эксклава на Балтике — не утихают уже на протяжении многих лет после распада Союза. Эксперты предлагают различные способы компенсации эксклавноности региона: развитие приграничного сотрудничества, закрепление статуса открытой экономической зоны (ОЭЗ), создание территории опережающего развития (ТОР) (Фёдоров, 2010; Oldberg, 2000). В том числе многие авторы предлагают рассматривать индустрию туризма как одну из возможных точек роста региональной экономики (Драгилева и др., 2005; Корнеев, Кропинова, 2010; Кропинова, 2010).

Привлекательность Калининградской области как туристской дестинации обеспечивает большое число объектов историко-культурного наследия, приморское положение региона, благоприятные и разнообразные природно-ландшафтные условия. Эти важные составляющие туристско-рекреационного потенциала позволяют развивать практически все виды туризма, в том числе пляжный, культурно-познавательный, деловой, оздоровительный, экологический. Есть также большие перспективы для развития круизного (морского и речного) и сельского туризма (Кропинова Е., Кропинова К., 2014). Развитие туризма в регионе характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, Калининградская область — это эксклав, поэтому перспективы туризма, как и любой другой отрасли экономики, во многом определяются уровнем отношений России с соседними странами и прежде всего — с Литвой и Белоруссией. Как для российского, так и для иностранного туриста посещение Калининградской области связано с пересечением государственной границы. Эксклавноность определяет и особое отношение федерального центра к данному региону: многочисленные преференции в виде прямых государственных инвестиций и особых условий хозяйствования сочетаются с постоянными опасениями относительно потенциальных автономистских или даже сепаратистских устремлений области.

Во-вторых, Калининградская область — это регион, сравнительно недавно ставший частью России, а его культурный ландшафт долгое время формировался как часть культурного пространства Восточной Пруссии. Несмотря на то, что значительная часть

объектов наследия здесь в значительной степени пострадала во время или вскоре после Второй мировой войны, именно его элементы выступают главными объектами притяжения как для российских, так и для иностранных туристов (Бахтин, 2014).

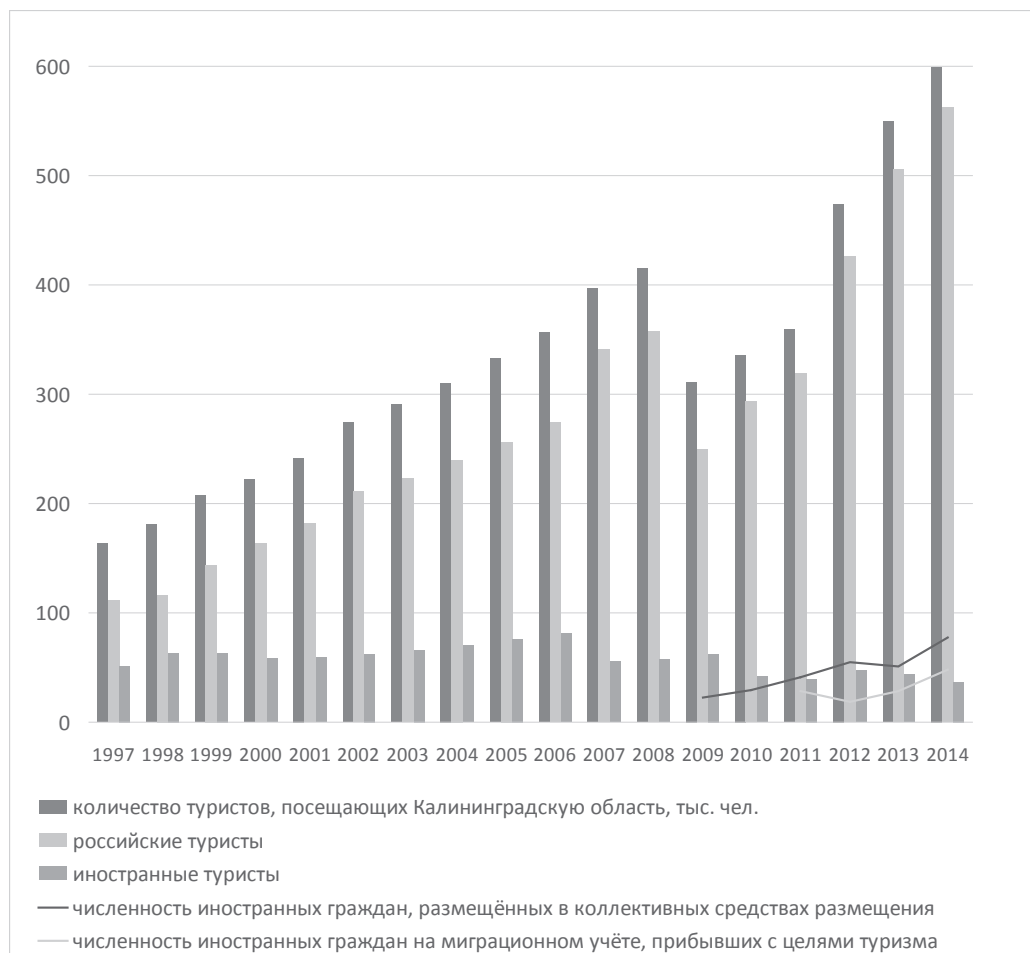
Отмеченные выше обстоятельства рождают многочисленные противоречия. Первое из них касается вопроса охраны наследия, с одной стороны, и развития туризма — с другой. По словам Ю. А. Веденина, туризм и сохранение наследия часто считаются взаимодополняющими видами деятельности, так как именно наследие является одним из основных ресурсов развития туризма. Однако именно туризм в ряде случаев приводит к деградации культурного ландшафта. Главным свойством культурного наследия является его подлинность, для туризма же важнее всего показать привлекательность объекта, его красоту, выразительность архитектурных форм, декора (Веденин, 2016). Так как в Калининградской области целостность подлинных объектов наследия в значительной степени утрачена, в экспертной среде ведутся многочисленные дискуссии между сторонниками полного воссоздания разрушенных до основания памятников и сторонниками сохранения руин с использованием различных градостроительных методов (Кропинова Е., Кропинова К., 2014).

Второе противоречие связано с поиском баланса между желанием федеральных властей, с одной стороны, оставить регион в российском культурном поле, с другой — опереться на преимущества прусского наследия для привлечения как российских, так и иностранных туристов.

В представленной статье рассмотрена взаимосвязь между туризмом и культурным наследием в Калининградской области через призму видения их развития местными властями. Исследование основано на материалах двух экспедиций в Калининградскую область (в 2012 и в 2014 гг.), в ходе которых была проведена серия интервью с представителями бизнеса, в том числе туристического, экспертного сообщества, региональной и местных администраций, таможенных служб, религиозных и некоммерческих организаций. В результате была собрана обширная эмпирическая база, которая позволила комплексно оценить проблемы и перспективы использования культурного наследия и туристической отрасли в Калининградской области, проанализировав взгляд разных акторов. Кроме того, информационной основой статьи стали ведомственная статистика, стратегии и программы регионального и городского развития, результаты мониторинга туристических потоков и опросов, предоставленные Министерством по туризму Калининградской области, Калининградским туристским информационным центром и Агентством по международным и межрегиональным связям.

Культурное наследие как драйвер развития туризма. После распада СССР Калининградская область стала настоящим открытием для туристов. В советский период «закрытому» и сильно милитаризованному региону было трудно конкурировать с соседними странами Прибалтики. Так называемый «Советский Запад» был популярнее у отечественных туристов, как с точки зрения культурно-познавательного, так и с точки зрения лечебно-оздоровительного туризма. По данным Министерства по туризму Калининградской области, число туристов, посетивших эксклав, выросло за постсоветский период почти в 1,5 раза: с 400 тыс. в конце 1980-х гг. до 600 тыс. чел. в 2014 г. (Ве-

домственная статистика., 2015). Основной прирост общего числа туристов обеспечили российские граждане, доля которых выросла с 68,3% в 1997 г. до 93,7% в 2014 г. (см. рис.). При этом почти половину потока составили жители Москвы (27,9%) и Санкт-Петербурга (22,7%).

Число туристов, посещающих Калининградскую область
(Аналитический обзор..., 2013, 2015; Аналитический отчет..., 2014)

После официального открытия области для иностранцев в 1991 г. первыми посещать регион начали так называемые ностальгические туристы — граждане Германии, родившиеся и выросшие на территории бывшей Восточной Пруссии. В конце 1990-х — начале 2000-х к ним добавились их дети и внуки, а также просто любознательные немцы, интересующиеся собственной историей. «Ностальгический туризм» — общий феномен для всего российско-польского и некоторых участков российско-литовского пограничья, где граждане Германии составляют значительную часть потока туристов. В Польше их доля колеблется от 17–25% в Сопоте и Гданьске до 59% в Ольштыне (Tourism..., 2015).

В Литве туристы из Германии, помимо столицы страны (74,4 тыс. чел. в 2014 г.), часто выбирают для визита территории Прусской Литвы (Клайпедский уезд — 52,9 тыс. чел., Алитусский уезд — около 8 тыс. чел.) (Tourism..., 2015).

Кроме граждан Германии, доля которых сохраняется на уровне 60–70% в течение всего постсоветского периода, иностранные туристы прибывают в регион также из Литвы и Польши, но их доля не так велика (в среднем по 3–5% на каждую из стран). Однако жители сопредельных регионов Литвы и Польши, регулярно приезжающие в Калининградскую область за покупками, с личными или деловыми целями, составляют значительный потенциал для увеличения числа иностранных туристов в области. В любом случае Калининградская область явно проигрывает по числу принятых иностранных туристов своим главным конкурентам — Варминьско-Мазурскому и Поморскому воеводствам Польши (в 2,3 и 5,6 раза) и Клайпедскому уезду Литвы (в 2,5 раза).

Анализ ведомственных опросов и статистики Министерства по культуре и туризму Калининградской области показывает, что, наряду с другими составляющими (48% российских туристов посещают регион с лечебно-оздоровительными, а 35% иностранцев — с деловыми целями), культурное наследие создаёт основу туристско-рекреационного потенциала региона. Именно исторические памятники Восточной Пруссии, в составе которой территория современной Калининградской области развивалась наиболее продолжительное время, привлекают сегодня и российских (30%), и зарубежных туристов (50%).

Дискуссии вокруг культурного наследия области: осмысление и переоценка.

Ю.А. Веденин выделяет несколько стадий развития культурного ландшафта как объекта наследия. Первая стадия — этап формирования культурного ландшафта; вторая стадия — осознание историко-культурной ценности ландшафта и отнесение его к категории культурного наследия; третья стадия — заметный рост публичной привлекательности культурного ландшафта; четвёртая стадия — переход к эффективной системе управления, ориентирующейся на достижение разумного баланса между сохранением ландшафта как объекта наследия и его использованием (Веденин, 2008). Роль Калининградской области в качестве «военного форпоста» СССР сказалась не только на специфике эволюции региона как туристско-рекреационной системы, но и на путях развития культурного ландшафта как объекта наследия. Заметный рост публичной привлекательности культурного ландшафта региона, стремительное превращение его в объект туризма говорит о переходе на третью стадию его развития. В то же время в области продолжается осмысление и переоценка отдельных элементов культурного наследия, относящихся к прусскому периоду.

Отношение к культурному наследию региона зависит в первую очередь от оценки настоящего и восприятия прошлого, где переплетены Средневековье, эпоха Просвещения, две мировые войны, советский и современный периоды (Кретинин, 2012). В советское время историческое наследие региона воспринималось через призму борьбы с символами нацизма и германского милитаризма; это переросло в борьбу с памятью о Восточной Пруссии. Официальная символическая политика советского периода сводилась к поддержанию памяти о войне и стиранию следов довоенного и досоветского

прошлого. Вопрос о восстановлении знаковых объектов Калининграда оставлял большинство населения равнодушным и вызывал идеологические подозрения. Вплоть до семидесятых годов среди жителей города было распространено мнение о временности советского присутствия.

После распада Союза в регионе продолжился активный процесс переосмысления событий прошлого и переоценки доставшегося после Второй мировой войны культурного наследия. В фокусе многих дискуссий местного сообщества были и остаются пути использования культурного наследия региона. В этом процессе была неизбежной и психологически объяснимой некоторая идеализация немецкой истории региона, которая в условиях намечающейся дискредитации советского опыта приобрела форму подчёркнутого уважения к немецкому наследию и пренебрежительного отношения к культуре советского периода.

С конца 1990-х гг. предпринимаются попытки изменения системы исторических символов. Во-первых, появилось множество знаков правомерности российского присутствия на данной территории, необходимых для утверждения идентичности местного населения: православный кафедральный собор в центре Калининграда, поклонные кресты, монумент Елизавете I в Балтийске как императрице, в годы правления которой территории Восточной Пруссии на некоторое время вошли в состав России благодаря победе в Семилетней войне. Тогда же был возведён православный собор и Русская набережная. Во-вторых, появились знаки российско-германского послевоенного примирения, такие как кладбище в Балтийске, где захоронены останки военнослужащих немецкой армии, мирных жителей, военнопленных стран антигитлеровской коалиции. В-третьих, возникла заинтересованность в символах высокой культуры и глубокой истории бывшей Восточной Пруссии. Восстановлен кафедральный собор Кёнигсберга и ряд укреплений, построен квартал, имитирующий немецкий город, вспомнили об Альбрехте и Фридрихе Великом. Российская и польская стороны как бы подводят черту под советским прошлым.

Городские здания и монументы, маркирующие культурный ландшафт, изначально служат реперами идентичности горожан, а задачи сохранения исторической среды города (памяти места) воспринимаются ими как задачи самосохранения, способствуя солидаризации городского сообщества (Вендина, 2015). Памятники оказываются важны в первую очередь как свидетели и результат конкретных событий, символы неоднозначности истории. Они служат важными средствами формирования идентичности — пространственно-временными маркерами.

В калининградском сообществе есть запрос на восстановление исторической памяти города, обустройство публичных пространств и выработку политики, сливающей в единое целое Калининград и Кёнигсберг. Это проявляется в том числе в опросах населения. Заметная доля опрошенных нами¹ студентов ассоциирует Калининград с Кёнигсбергом и Восточной Пруссией, подчёркивая близость города к Европе и его отличия от среднестатистических российских городов — (кирпич, брусчатка, другая архитектура). Эти

¹ В 2013 г. авторами проведён опрос 675 студентов Балтийского федерального университета (Калининград), Гданьского (Польша) и Клайпедского (Литва) университетов.

ассоциации заметны в уличных граффити с прежними именами городов и улиц и в характере сувенирной продукции. Так, на обложке двуязычной туристической карты Калининграда/Кёнигсберга можно увидеть несуществующий Королевский замок, прочитать прежние немецкие названия улиц (Колосов, Вендина, 2014).

Некоторые опрошенные нами эксперты считают, что в области сложилось своё особое сообщество, изолированное от остальной территории России в силу эксклавности региона и сформированное преимущественно из приезжих людей и их потомков, которые с детства растут в ином культурном ландшафте, окружённые памятниками культуры, мало связанными с историей их страны.

«В рамках программ приграничного сотрудничества и других международных проектов Евросоюз завалил Калининградскую область своими памятниками. Калининградский школьник и так ходит на экскурсии к могиле Канта, а тут ещё построили новые памятники Шопену, Донелайтису, королеве Луизе и другим деятелям европейской, но не российской культуры. Они создают среду, в которой остаётся очень мало российского. Эта среда быстро меняется, восстанавливается немецкая топонимика... Не имея своих корней, молодёжь начинает воспринимать немецкое прошлое как своё...» (мужчина, около 50 лет, координатор международного сотрудничества со странами ЕС).

Калининградская область в поисках туристского бренда: особая роль наследия. Каким же видится будущее культурного наследия и приоритеты развития туризма в регионе калининградским властям? С начала 2000-х гг., когда написание стратегий регионального развития становится системным явлением, туризм приобрёл значение одной из «приоритетных отраслей экономики» области. В 2003—2006 гг. были разработаны новые стратегические документы, напрямую связанные с развитием туризма, — «Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года» и «Государственная программа развития туризма и рекреации в Калининградской области на 2002—2006 годы» (Стратегия..., 2003; Государственная программа..., 2005). В Областной программе развития туризма (2003—2007) основное внимание было уделено идее продвижения региона в качестве «Янтарного края», при этом традиции добычи, обработки и исторические маршруты транспортировки янтаря рассматриваются как «специфический элемент историко-культурного наследия региона» (Государственная программа..., 2005). В рамках данной идеи предлагалось запустить целый ряд проектов — торгово-ремесленная Янтарная улица в Калининграде, международные маршруты (Большое, Среднее и Малое янтарное кольцо) по отдельным сегментам так называемого Великого Янтарного пути. Региональные и отраслевые стратегии этого периода были пронизаны идеей формирования общего туристско-рекреационного пространства с соседними странами и апеллировали к общему историческому прошлому территории пограничья, к развитию общего культурного пространства и сохранению культурного наследия Восточной Пруссии. Подчёркивалось, что общее прусское наследие способно привлечь большое число туристов, однако требует значительных средств на реставрацию памятников той эпохи.

Второй этап (2007—2013 гг.) характеризуется постепенным изменением приоритетов в развитии туризма в Калининградской области. Принятая в 2007 г. новая Областная целевая программа уже не концентрируется на разработке особого Калининградского бренда. В документах отсутствует упоминание о «Янтарном крае», а в среднесрочной перспективе главными флагманскими проектами для привлечения отечественных и иностранных туристов должны были стать созданная в 2007 г. ОЭЗ туристско-рекреационного типа «Куршская коса» и анонсированный в 2009 г. проект игровой зоны «Янтарная» (Целевая программа..., 2007). Создание же единого туристско-рекреационного пространства рассматривается уже как отдалённая перспектива, что, вероятно, связано с очередным витком усиления барьерных функций границ с Польшей и Литвой.

На третьем этапе (с 2014 г.) в региональных стратегических документах, касающихся развития туризма, отсутствует даже упоминание о создании общего с соседними регионами Польши и Литвы туристического продукта. Бренд «Кёнигсберг — столица Восточной Пруссии» выпал из поля зрения государственной программы развития туризма, несмотря на то внимание, которое уделяется реставрации объектов культурного наследия. Основа же успешного продвижения региона видится в создании ярко выраженного центра притяжения, «якорного» проекта, к которому относят строящийся океанариум, тематические парки, игровые зоны (Стратегия..., 2012). Для позиционирования калининградского туристического продукта в качестве российского предлагается концепция «Россия в Европе», а для привлечения и российских, и иностранных туристов — концепция «Европейская Россия» и связанный с ней якорный проект в виде «тематического парка международного значения». В Стратегии вновь появляется концепция позиционирования региона в качестве «янтарного края», которая предполагает реализацию трёх якорных проектов — «Янтарное сердце России» (Калининград), «Янтарное кольцо России» (туристические кластеры внутренних районов области) и проект «От косы до косы» (велодорожка с кемпингами вдоль всего побережья Балтийского моря). Один из немногих якорных проектов, который так или иначе апеллирует к прусскому наследию и построению трансграничного туристско-рекреационного пространства, — проект «Старый город», подразумевающий воссоздание части исторической застройки внутреннего города и формирование культурно-познавательного кластера в центре Калининграда (О государственной..., 2013). В «Стратегии социально-экономического развития городского округа «Город Калининград» на период до 2025 г.» один из приоритетных проектов также посвящён развитию исторической части центра как части историко-культурного наследия Европы для включения в европейские туристические потоки.

Поскольку вопрос о будущем внутреннего города — самый сложный и однозначного решения не имеет, разработку проекта планировки исторического ядра было решено предварить профессиональной и общественной дискуссией и определить градостроительное решение на конкурсной основе. В 2014 году прошёл Международный архитектурно-градостроительный конкурс на разработку концепции развития территорий исторического центра города «Королевская гора и её окружение» («Сердце города»). В этом конкурсе проявилось восприятие современного и будущего облика, культурных и архитектурных доминант Калининграда архитектурной и экспертной общественностью.

Большинство архитекторов и градостроителей из 14 стран мира предложили оставить в качестве доминанты центральной части городской территории Дом Советов как объект культурного наследия советской эпохи. В 18 из 19 представленных проектов планируется реновация Дома Советов в том или ином виде. При этом идея восстановления Королевского замка большинством архитекторов не поддерживается. Только три проекта предлагают воссоздать Королевский замок или его элементы в виде эфемерной проволочной конструкции, «вывернутого вовнутрь» замка или замка, выполненного в виде внутренних фасадов новых зданий по периметру исторических стен. Важными доминантами центральной территории предложены городской музей, выставочные холлы, конференц-залы, пешеходные зоны, веломаршруты, водный канал и фуникулёрная дорога. В основе большинства проектов лежит историческая реконструкция на месте сохранившихся фундаментов зданий. Эксперты делают акцент на возможности с исторической достоверностью познакомиться с историко-культурным наследием «нового старого» города. По мнению архитекторов, этот проект близок к приёму, популярному в азиатских странах, — воссоздание утраченных памятников с выделением их в исторические «резервации», окружённые морем коммерческого строительства (Бабуров, 2008).

Однако отношение экспертов к псевдофахверковому новоделу и ретростилизации неоднозначно. По мнению Ю.А. Веденина, внедрение инноваций в историческую среду редко достигает задуманных результатов и приводит к тому, что город начинает терять свою историческую составляющую (Веденин, 2016; Интервью., 2014). Он превращается в благоустроенное, комфортное для жизни поселение, но лишается своей истории, привычной для жителей исторической среды. В результате исторической реконструкции целостность городского ландшафта может быть в какой-то степени восстановлена, но его подлинность будет полностью потеряна. В то же время местные жители относятся к проекту с симпатией, что может быть объяснено слишком сильной мечтой калининградцев о Кёнигсберге (Вендина, 2015).

Тем не менее вопрос будущего калининградского наследия пока остаётся открытым. После смены региональных властей в 2016 г. какие-либо решения по реализации проекта застройки исторического центра «Сердце города» были приостановлены. По мнению экспертов, до выборов губернатора Калининградской области в сентябре 2017 года дальнейшая судьба Королевской горы и проекта «Сердце города», скорее всего, не прояснится (Интервью., 2016).

Заключение. Официальные концепции развития туризма в Калининградской области развивают в первую очередь те подходы к позиционированию регионального туристического продукта, которые отличают регион от соседних приграничных территорий. С одной стороны, такой подход кажется странным, поскольку бренд «Восточная Пруссия», который продвигался в рамках Программ приграничного сотрудничества с Польшей и Литвой, можно считать сложившимся. С другой стороны, отсутствие упоминания об этом бренде в официальной стратегии, вероятно, связано с перманентными фобиями федерального центра относительно возможных проявлений сепаратизма на западном рубеже нашей страны, что разделяется частью местных экспертов. В связи с этим концепция «Россия в Европе» имеет больше шансов на развитие, чем концеп-

ция «Русского Запада» или «Европейской России», которые изначально подчёркивают «особость» и «инаковость» региона.

Однако на сегодняшний день Калининградская область в качестве «России в Европе» малоинтересна в силу недостаточного числа соответствующих объектов показа, способных привлечь российских или иностранных туристов. Прусское же наследие, в наибольшей степени привлекающее иностранных туристов, перспективно продвигать в сотрудничестве с Литвой и Польшей в рамках общего бренда «бывшая Восточная Пруссия». Трансграничные туристические маршруты и историко-культурное наследие Восточной Пруссии могут сыграть важную роль для привлечения иностранных туристов. Ещё одним трансграничным брендом может стать Всемирный путь янтаря, потенциальные туристские маршруты которого также охватывают приграничные территории соседствующих стран.

Принимая во внимание большое число ограничений, препятствующих реализации значительного туристско-рекреационного потенциала области (транспортная доступность, визовые проблемы, языковой барьер, слабое развитие малого бизнеса, административные барьеры, непривлекательность в качестве туристической дестинации для населения соседних регионов Польши и Литвы), в области необходимо наладить качественную систему информирования о событиях (концертах, фестивалях, распродажах), происходящих в регионе. Большим подспорьем для этого могло бы стать изучение польского опыта по привлечению калининградских туристов. Частью системы информирования могла бы стать также специальная сертификация заведений на предмет готовности к приёму туристов из Польши (или других стран). Подобный подход хорошо зарекомендовал себя в Поморском и Варминьском-Мазурском воеводствах, где появилась программа сертификации «Russian Friendly Здравствуйте!», объединяющая объекты, подготовленные к обслуживанию русскоязычных туристов.

Благодарности. Исследование было выполнено в Институте географии РАН в рамках ГЗ№ 0148–2015–0036, экспедиция 2014 г. в Калининградскую область была проведена благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда (грант «Российское пограничье: вызовы соседства» № 14–18–03621).

ЛИТЕРАТУРА

Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Калининградской области по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе за 2012 год. — Калининград: УФМС РФ по Калининградской области, 2013.

Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Калининградской области по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе за 2014 год. — Калининград: УФМС РФ по Калининградской области, 2015.

Аналитический отчёт о проведённом выборочном обследовании населения Калининградской области с целью мониторинга состояния туристской отрасли (II квартал). — Калининград: Научно-технический центр «Перспектива», Министерство по туризму Калининградской области, 2014.

Бабуров В. Возвращение в Кёнигсберг: Перспективы возрождения исторического ландшафта города // *Архитектурный вестник*, 2008. № 4 (103). Доступ: <http://archvestnik.ru/ru/magazine/av-4-103-2008/vozvrashchenie-v-kenigsberg-perspektivy-vozrozhdeniya-istoricheskogo-lands>

Бахтин А. П. Ситуация с памятниками культурного наследия в Калининградской области // *Слово.ру: Балтийский акцент*. Выпуск № 1, 2014. — С. 91–104.

Веденин Ю. А. О некоторых проблемных ситуациях в сфере сохранения культурных ландшафтов // *Региональные исследования*, 2016. № 2 (52). — С. 141–149.

Веденин Ю. А. Пути развития культурного ландшафта как объекта наследия // *Региональные исследования*, 2008. № 4. — С. 3–10.

Ведомственная статистика Министерства по туризму Калининградской области. — Калининград, 2015.

Вендина О. И. Калининград: проект будущего и запросы молодёжи // *Известия РАН. Серия географическая*, 2015. № 4. С. 95–106.

Государственная программа развития туризма и рекреации в Калининградской области на 2002–2006 гг. // *Закон Калининградской области № 155 от 5 июня 2002 г. в редакции Закона Калининградской области № 619 от 30 июня 2005 г.* Калининград: Администрация Калининградской области, 2005.

Драгилева И. И., Корнеев В. С., Кропинова Е. Г. Международное сотрудничество и развитие туризма в Калининградской области // *Регион сотрудничества*, 2005. № 1. — С. 11–19.

Интервью с архитектурным критиком Попадиным А. Доступ: http://zastroyschiki39.ru/read/experts/659_seichas-zastroischiki-predlagayut-konservy-aleksandr-popadin (январь 2017).

Интервью с директором-организатором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва Ю. А. Ведениным: «Важно, чтобы было как можно меньше белых пятен...» // *Культура в современном мире*, 2014. № 1 Доступ: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2014/01/2014-01_r_kvms7.pdf

Колосов В. А., Вендина О. И. Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // *Балтийский регион*, 2014. № 4. С. 7–30.

Корнеев В. С., Кропинова Е. Г. Программа приграничного сотрудничества Литва-Польша-Россия на 2007–2013 годы в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики и обеспечении устойчивого развития территории // *Балтийский регион*, 2010. № 7. — С. 152–156.

Кретинин Г. В. Из Кёнигсберга в Калининград: о формировании этнокультурной идентичности. Доклад на международной конференции «Этнокультурная идентичность автохтонных меньшинств в приграничных районах». 02.10.2012 Доступ: <https://riss.ru/analytics/976/>

Кропинова Е. Г. Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 2010. № 1. — С. 113–119.

Кропинова Е. Г., Кропинова К. А. Архитектурные ландшафты Калининграда как объекты притяжения городского туризма // Балтийский регион, 2014. Вып. № 4 (22). — С. 94–109.

О Государственной программе Калининградской области «Туризм»: постановление Правительства Калининградской области от 24.12.2013 г. № 993. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Очерки истории Восточной Пруссии / *Кретинин Г. В., Брюшинкин В. Н., Гальцов В. И. и др.* — Калининград: Янтарный сказ, 2002. — 536 с.

Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 г. // Постановление Администрации Калининградской области № 392 от 15 июля 2003 г. — Калининград: Администрация Калининградской области, 2003. — 72 с.

Стратегия социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу // Постановление от 2 августа 2012 г. № 583 О стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу. — Калининград: Администрация Калининградской области, 2012. — 189 с.

Фёдоров Г. М. Калининградская дилемма: «коридор развития» или двойная периферия? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион, 2010. № 2. — С. 5–15.

Целевая Программа Калининградской области «Развитие Калининградской области как туристического центра на 2007–2014 гг.» // Постановление Правительства Калининградской области от 22.02.2007 № 69 (ред. от 24.04.2013 № 258).

Oldberg I. The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast // Cooperation and Conflict., 2000. Vol. 35. No. 3. P. 269–288.

Tourism in 2014. Statistical Information and Elaboratories. — Warsaw: Central Statistical Office, 2015. — 254 p.

Tourism in Lithuania, 2014. — Vilnius: Statistical Department of Lithuania, 2015. — 124 p.

СМЫКАЮЩИЕСЯ КРУГИ

В творчестве Юрия Александровича Веденина есть сквозная тема, развивавшаяся несколькими циклами. Каждый казался законченным кругом. Но они не были независимы друг от друга и только казались законченными. Связаны они темой туризма. Её круговой характер вполне созвучен исходному значению слова, производному, как полагают, от латинского «*tornus*» — вращать, кружить.

Первый круг разрабатывался в Институте географии Академии наук СССР. Два последующих уже вне этого института. В Институт географии мы с Юрием Александровичем пришли в начале 1960 годов. Тогда и познакомились.

Страновед по образованию, я сразу же после зачисления в штат института был направлен на его Курский стационар. Серьёзные полевые и тем более стационарные физико-географические исследования для меня были делом новым. Наши страноведы в те времена изучали свои объекты заочно, главным образом по литературным источникам. По-настоящему работать в поле нас не учили. Мне пришлось осваивать это ремесло почти с белого листа.

Мой руководитель, Давид Львович Арманд, возглавлявший стационар, в то время был увлечён физикой ландшафта. Это оригинальное направление, Давидом Львовичем придуманное, было незнакомо большинству наших ландшафтоведов. А я с интересом и охотой стал его постигать. Так я оказался на передовом рубеже географии, чем очень гордился. И посматривал на всех коллег снисходительно, даже с некоторым превосходством.

В Институте географии Юрий Александрович работал вначале у Ю. В. Медведкова в новой для того времени области экологии человека. После ликвидации лаборатории вовлёкся в разворачивавшуюся у нас в институте работу по рекреационной географии и туризму. Это было тоже достаточно новое направление. Однако молодому снобу, каким я был тогда, оно не казалось серьёзным делом. Тем более что наши стили научной работы стали заметно различаться. Моим было изучение потоков вещества и энергии в конкретных ландшафтах лесостепи. Изучение по возможности количественное. В группе же рекреологов занимались теоретизированием, строили модели «территориальных рекреационных систем», как мне представлялось, весьма абстрактные.

Но вскоре ситуация стала меняться. Теоретические построения географов-рекреологов и безжизненные, как вначале казалось, модели наполнялись конкретным содержанием. Возникла типология и география рекреационных систем. Концептуальные конструкции привлекли внимание архитекторов-градостроителей, курортологов. Круг участников исследований заметно расширился.

Такое развитие исследований случается не слишком часто. Обычный путь от эмпирики к обобщениям рекреационная география прошла в обратном порядке. Теперь, в развёрнутом виде она уже не казалась мне легковесной.

*В перерывах между учёными изысканиями.
Экспедиция Института географии конца 1970-х годов в Подмоскowie*

А затем наши пути разошлись. Я оставался в рамках прежнего направления работы. А вот Юрий Александрович занялся совершенно новым делом. Он стал директором-организатором Института культурного и природного наследия. Институт получился очень привлекательным для представителей, казалось бы, весьма далёких друг от друга областей — для ландшафтоведов, архитекторов, работников музеев, фольклористов, историков, культурологов, художников. По сравнению с другими институтами число его сотрудников было небольшим, но всех объединяла общая работа — изучение и сохранение наследия. Всем находилась интересная задача. Все чувствовали, что полезны друг другу.

Неудивительно, что географы разных специализаций оценили этот опыт синтеза концепций и результатов отраслевых эмпирических исследований. Многие коллеги из Института географии, из МГУ и других коллективов, знавшие прежние работы Юрия Александровича, охотно вовлекались в инициированные им проекты.

И тут возникает второй круг рекреационно-туристских дел Юрия Александровича, но уже в контексте наследия. Нужно было осмысливать противоречие — наследие

необходимо оберегать, но оно становится туристско-рекреационным ресурсом. Его потребление противоречит задаче его сохранения. Необходим компромисс. Однако как его достичь?

Проблема «туризм — наследие» во многом похожа на основное противоречие в экологическом туризме. Одна из целей экотура, привлекающая его участников, это посещение территорий (акваторий) нетронутой, дикой природы. Таковых на Земле остаётся всё меньше, а их посещение даже экотуристами, придерживающимися принципа минимизации ущерба природе, неизбежным следствием имеет постепенную утрату первозданности.

Мне пришлось столкнуться с этим противоречием в ходе ландшафтно-планировочных работ. Как и в случае с наследием, здесь нужен компромисс. Как и в случае с наследием, здесь нет идеального решения.

Этот второй круг сблизил наши интересы. Занимаясь экотуризмом и ландшафтным планированием, я стал лучше понимать проблематику наследия.

Третий круг разработки сквозной темы привёл Юрия Александровича к формированию основных представлений о туристической географии как о новой географической дисциплине. Эта работа только начинается. Но без сомнения, её результаты будут столь же значимы, как коллективная монография 1980 года «География рекреационных систем СССР», или как авторская книга «Очерки по географии искусства» 1997 года, а также как фундаментальный труд «Культурный ландшафт как объект наследия» 2004 года. Нет сомнения и в том, что будущая книга или книги, посвящённые туристической географии, продолжат сквозную тему творчества Юрия Александровича. И укрепят связи между всеми его творческими кругами.

Это убеждение основывается на присущих Юрию Александровичу стилю мышления и работы. Это стиль классического географа — многоаспектность анализа и склонность к синтезу, любовь к пестроте окружающего мира и умение видеть в его «чехарде» главное. Следовать императиву Александра Блока «Твой взгляд — да будет твёрд и ясен. Сотри случайные черты — И ты увидишь: мир прекрасен».

A grayscale photograph of a large, leafless tree in a snowy landscape. The tree is the central focus, with its intricate branches spreading out. In the background, a building with several windows is visible, partially obscured by other trees. The ground is covered in snow, and the overall atmosphere is quiet and wintry.

Часть 5

**НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ
НАСЛЕДИЯ В ДЕЙСТВИИ:**

**МУЗЕИ-ЗАПОВЕДНИКИ,
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА
И ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ
ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ**

ЗАПОВЕДНЫЕ ЛЮДИ

«Есть милая страна, есть угол на земле...»

Е. А. Баратынский

В начале 60-х годов прошлого столетия, во всяком случае, среди студентов Московского университета было повальное увлечение живописью и личностью литовского художника Микалоюса Чюрлёниса. Издавались репродукции его картин, монографии. Все были заворожены открывающимся нам новым миром — миром переживаний, чувств, ассоциаций, недосказанности. Но среди всех картин Чюрлёниса была одна, которая сумела рассказать об особом уголке земли и о возможности особо бережного к ней отношения. Этой картиной художника была «Сказка королей». Я напому её сюжет. На фоне неба, мрака, первозданной тьмы стоят два седобородых старца и держат в руках полусферу, хранящую внутри сказочный мир с домиками, деревьями, солнцем и постоянным светом и теплом, которые оно даёт. Два старца смотрят на всё это с доброй улыбкой и нескрываемым удивлением. Я абсолютно уверена, что люди, занимающиеся созданием, сохранением и развитием заповедников, — такие «старцы», знающие, что заповедник — это воплощение духа, самой сути природы и человека. Они могут быть очень молоды, но в них есть мудрость понимания, что такие уголки земли совершенно необходимы, ибо необходимы людям свет, тепло, приобщение к истории, понимание красоты и гармонии.

Музеи-заповедники, национальные парки, природные заповедники — все они разные, непохожие, как всё в нашем мире, но это явления одного порядка, и сохранение их должно быть в высшей степени делом государственным. Однако в исторической памяти российского заповедного дела мы отчётливо видим одну тенденцию: заповедное дело, как правило, делается душой и руками, творческой энергией и жизнью «заповедных людей».

В начале 60-х годов в музей-усадьбу Мураново им. Ф. И. Тютчева, которая называлась ещё «Дом поэтов», приехал молодой человек — Юрий Веденин. Он только что вернулся из путешествия по Северу, и мурановская, в основном московская и ленинградская, университетская молодёжь восторженно слушала его северные рассказы. Он открывал нам самих себя, он рассказывал о России, о местах, от нас географически удалённых, так, как будто всё это было рядом, как будто наша самая великая беда была в том, что мы этого не знаем и там не были. Он говорил о красоте Севера, о жизни

северных деревень, о разрушении и величии деревянных церквей, он говорил о чистых реках и озёрах так нежно, что было ясно всем, что эта его любовь навсегда. Самое интересное заключалось в том, что его рассказ о необходимости сохранить красоту Севера заставил совершенно по-иному посмотреть и на Мураново. Появилось неодолимое желание сохранить это место, вдохновлявшее поэта Баратынского и связанное с памятью Ф. И. Тютчева, в том виде, который запечатлён был на старых наивных акварелях, развешанных по стенам Мурановского музея.

Ещё в музейном обиходе не было слова «заповедник», но пришедшее осознание необходимости сберечь хотя бы малый уголок земли, *заповеданный* нам прошлыми поколениями, заставило подумать и о возможности определения границ этого *заповеданного* уголка и, конечно, границы начали определяться строками Е. А. Баратынского:

Вид на мурановские холмы
из усадебного окна

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берёз ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых;
За ним встаёт гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкий,
А там счастливый дом... туда душа летит...

Оказалось, что сохранение «милей страны» дело невероятно сложное. Прошли десятилетия. Но в самых сложных случаях все музейщики всегда знали, что есть человек, который поможет, подскажет и сделает всё возможное, а иногда и невозможное, чтобы заповедные места по России остались защищёнными. И этим человеком был и остаётся Ю. А. Веденин.

Любой музей-заповедник подразумевает не только сохранившийся и сохранённый архитектурный ансамбль с сохранившимся и сохранённым ландшафтом, но некий *собор* людей, душа которых этому заповеднику принадлежит.

Людей, для которых главное в человеческом бытии — любовь, красота и гармония. Даже если всё начинается лишь с одного убеждённого в этом человека, вокруг него через некоторое время появляются люди, без которых заповедник немислим и которые без него немислимы тоже. Для меня первым примером такого уникального явления был Семён Степанович Гейченко. Первый приезд к нему в Михайловское в 1965 году с группой тогдашних молодых директоров будущих музеев-заповедников: Поленово, Мураново, Спасское-Лутовиново, Мелихово и других помог увидеть и понять, что даже *один* человек, убеждённый в правильности своего дела, преданный творчеству и идее созидания, может сделать очень многое на своей земле.

Влюблённость, а вернее сказать, — одержимость Пушкинскими местами давала Семёну Степановичу Гейченко просто сверхъестественную силу в достижении цели — в создании заповедника. Невозможно было устоять перед натиском этой убеждённости, и Семёну Степановичу стали помогать многие замечательные (я бы сказала — лучшие!) представители русской культуры и политические деятели того времени. Тогда же многие из них подружились с молодыми директорами других музеев и стали помогать и им в сохранении их «милой страны». В Поленово стали приезжать замечательные ленинградские художники В. Звонцов и П. Фомин, скульптор Ю. Васильев и многие-многие другие. И все они постепенно встали в ряды защитников другого заповедного места — Поленовского музея.

Окрестности усадьбы Поленово, 2007 г.

Что должен хранить заповедник? Наверное, тишину, пение птиц, шелест листьев и шум травы. Всё то, по чему тоскует душа человека. Иногда очень хочется испытать настоящей воды. Из родника, на который вы случайно можете наткнуться в лесу. Вот так и заповедник! Прикасаясь к его жизни, вы прикасаетесь к чистому источнику, в котором купается и возрождается ваша душа. Как это объяснить людям, которые растут не с шелестом травы в душе, а с шелестом бумаги? Для которых сухие цифры отчётов и слова меняющихся, часто ненужных, циркуляров важнее созерцания просыпающейся весной природы и запаха талой воды при половодье? Как объяснить, что в заповеднике ты стараешься сохранить чувство восторга, от которого замирает сердце, когда с паперти церкви ты смотришь окрест и видишь реку, поле за рекой, маленькую деревушку и понимаешь, что это и есть твоя Родина, твоя Россия.

И, наверное, в эту минуту человек становится патриотом, потому что нельзя, ты не можешь, ты не должен отдать кому-либо на поругание эту землю, эту «милую страну». И когда разного рода функционеры начинают посягать именно на эту «милую

страну», ты думаешь только об одном: ну неужели мало земли в России для строительства заводов, фабрик, коровников и свиноферм, нелепых коттеджных посёлков, лагерей барачного типа? Неужели негде больше добывать щебень, гравий, песок и прочее? Почему надо убить в себе патриота и воспитать в себе бессердечного потребителя, готового сию минуту уничтожить красоту ради собственного насыщения?

Каждый человек, который занимается созданием заповедника, чувствует себя солдатом на передовой. Отступить нельзя, потому что, как правило, за тобой не очень много единомышленников. Но когда появился Институт Наследия и во главе его стал Ю. А. Веденин, стало намного легче. Все прекрасно знали, что есть человек, который сумеет поддержать в трудную минуту. Юрий Александрович входит в великую обойму «заповедных людей» — Дмитрий Сергеевич Лихачёв, Савва Васильевич Ямщиков, Алексей Ильич Комеч, Владимир Юрьевич Кеслер и все великие русские реставраторы, оставившие добрый след на нашей земле. Это — те же «добрые старцы», которые могут держать в руках полусферу с «милым светлым уголком».

Ю. А. Веденин — не только практик и «играющий тренер», но и известный теоретик. Именно его работы, основанные на доскональном знании и абсолютных реалиях музейной деятельности, позволяют в его статьях и книгах найти ответы на многие вопросы, возникающие во время создания заповедника. Я думаю, что это могут подтвердить все те, кто когда-то занимался или занимается сейчас, наверное, самым нужным делом на земле — сохранением её заповедных уголков.

О заповедниках и «заповедных людях» можно говорить много и долго, но лучше всего сказал об этом когда-то Иван Бунин, даже не предполагая в своём лексиконе слово «заповедник»:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

«Заповедные люди» не часто встречаются друг с другом, но всегда очень радуются встречам на каких-либо общих мероприятиях. Так и мы с моим старым другом Юрием Александровичем Ведениным встречаемся очень редко. Но, наверное, знаем друг о друге всё: радуемся творческим успехам, профессиональным достижениям, поздравляем друг друга со знаменательными семейными событиями и огорчаемся по поводу неудач и, особенно, по поводу ухода любимых нами людей. Но каждый из нас знает, что мы вместе. Мы — «деревья из одного заповедного леса». И это очень «примиряет с человечеством», как мы когда-то говорили в юности. Только всем нужна, как говорил профессор Преображенский, та самая *главная справка*, позволяющая быть спокойным за главное дело нашей жизни — сохранение «милой страны».

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В РАЗВИТИИ БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Согласно информационно-аксиологическому подходу, разработанному в Институте Наследия под руководством Ю.А. Веденина, культурный ландшафт как объект наследия представляет собой «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимобусловленности». Ключевые термины при рассмотрении культурного ландшафта в контексте информационно-аксиологического подхода — «наследие, информация, предметная ценность, природно-культурный территориальный комплекс, развитие (эволюция), аутентичность, целостность». Важно отметить, что в культурном ландшафте «природные и культурные компоненты составляют единое целое, а не только являются фоном или фактором воздействия одного по отношению к другому» (Веденин, Кулешова, 2004).

Двадцатилетняя работа, которую Бородинский музей-заповедник проводил совместно со специалистами Института Наследия при непосредственном участии и под руководством Ю.А. Веденина на основе обозначенной концепции культурного ландшафта, имеет как научное, так и практическое значение. Её научные результаты многократно оглашались на совместных конференциях «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия», они опубликованы и доступны в Интернете на сайте музея-заповедника.

Эта совместная работа позволила определить основные параметры культурного ландшафта полей сражений различных исторических периодов, выявить закономерности и перспективы их развития, составить ландшафтное описание Бородинского поля в единстве его природных и культурно-исторических характеристик. В практическом отношении применение концепции культурного ландшафта к Бородинскому полю стало убедительным обоснованием для утверждения его границ и режимов содержания как объекта культурного наследия федерального значения — достопримечательного места «Бородинское поле и памятники на нём».

Поля сражений — это во многих отношениях особые объекты наследия. Как правило, к объектам культурного наследия относятся результаты созидательной деятельности человека, а поля битв, наоборот, являются результатом деятельности разрушительной. Усадьбы, монументы, архитектурные памятники сразу после создания становятся привлекательными объектами для людей, а поля сражений — только спустя годы и десятилетия. Для большинства памятников изменения — фактор исключительно негативный, а поля сражений должны измениться, чтобы стать памятниками. Их превращение в объекты наследия обусловлено не только самим сражением, но и развитием данной территории в предшествующий и последующий периоды.

Во все времена поля сражений не создавались, а выбирались. Для этого была необходима территория с особым соотношением открытых и закрытых пространств, высот и впадин, наличием коммуникаций. Природный или естественно сформировавшийся культурный ландшафт территории, избранной для сражения, рассматривается нами как исходный или первичный. Это пространственно-территориальный каркас, морфологическая основа, степень сохранности которой определяет узнаваемость местности как поля сражения. Основные параметры первичного ландшафта поля сражения: географическое положение местности, степень и характер использования её природных ресурсов, объёмно-пространственные характеристики основных элементов природного и искусственного происхождения, их функциональные взаимосвязи и пространственное взаимосочетание. Совокупность этих параметров отражает военно-оборонительный потенциал местности, делает возможным её использование не только в хозяйственных, но и в военных целях. Наиболее очевидно этот потенциал первичного ландшафта выражен в тех случаях, когда местность становится полем сражения неоднократно, как это было на Бородинском поле в 1812 и в 1941 гг.

При подготовке к сражению, превращаясь в позицию для расположения войск, основные элементы первичного ландшафта не столько изменяются материально, сколько получают временно новое функциональное назначение. Отрицательные формы рельефа становятся естественными препятствиями или укрытиями, высоты — опорными пунктами или артиллерийскими позициями, поля — пространством для размещения войск и манёвра, леса — преградами и прикрытиями резервов. В результате кратковременного интенсивного разрушительного воздействия на оборудованный для ведения боевых действий первичный ландшафт «накладывается» целенаправленно формируемый военно-исторический культурный ландшафт поля сражения. Он является военным по своему происхождению и временному функциональному назначению, историческим — по информационному содержанию и значению события, культурным — как целенаправленно созданный, особый вариант взаимодействия человека и природы, в том числе — путём разрушения.

Полностью сохранить целостность и аутентичность военно-исторического ландшафта поля сражения невозможно в принципе. Изменяясь в результате природных процессов, объективно ведущих к уничтожению материальных свидетельств сражения, и возобновления мирной жизни, он в течение нескольких десятилетий приобретает облик, близкий к тому, какой был до сражения. Наконец, важным фактором изменения военно-исторического ландшафта служит его мемориализация. Это не только установ-

ка на поле сражения разнообразных памятных знаков, но и закрепление в народной памяти прямой ассоциативной связи между историческим событием и местностью, на которой оно произошло. Территория поля сражения постепенно превращается в мемориально-музейный ландшафт, соответствующий ассоциативному типу культурного ландшафта по классификации ЮНЕСКО, становится объектом культурного наследия (Горбунов, 2003).

Композиционные элементы культурного ландшафта поля сражения образуют сложную систему смысловых и визуально-пространственных взаимосвязей, включая в себя памятники-свидетельства, памятные места и памятные объекты, памятные знаки, а также объекты наследия, не связанные с главным событием. Для сохранения и грамотного управления таким сложным комплексом необходима систематизация его составляющих, что и было осуществлено автором и стало концептуально-предметной основой всех последующих разработок. Данный подход, как мы полагаем, представляет методическую ценность применительно к любым полям сражений и уже используется исследователями и проектировщиками.

Памятники-свидетельства — это материальное подтверждение самого факта сражения на данной территории, его масштабов, важный источник для научной реконструкции хода боевых действий. К ним относятся укрепления, захоронения и археологический культурный горизонт, в котором сохраняются артефакты, непосредственно связанные с боевыми действиями — использованные боеприпасы, обломки оружия, предметы обмундирования.

Памятные места и памятные объекты — это свидетели сражения, сохранившиеся элементы первичного ландшафта, которые занимают практически всю территорию поля сражения, обладая особой информационной, научной и эстетической ценностью. Памятники-свидетели сражения — это поля, леса, реки и ручьи с оврагами, озёра и болота, возвышенности, дороги, исторические населённые пункты, усадебные ансамбли,

*Место переправы французских войск при атаке на Шевардинский редут.
Фото А.А. Парамоновой. 2011 г.*

архитектурные сооружения. На их территории с разной степенью точности можно выделять места расположения войск, эпизодов сражения, ранений и гибели его участников, переправ, несохранившихся укреплений и т.п. С точки зрения ассоциативности культурного ландшафта поля сражения, его военно-исторической ценности и привлекательности для туристов существенное значение имеет отсутствие на памятных местах дисгармонирующих современных объектов и целостность их визуального восприятия хотя бы с обзорных точек.

Памятные знаки фиксируют на местности информацию о событиях и их участниках. Их функциональное назначение не ограничивается увековечением памяти о героях сражения. Будучи вторичными относительно других объектов наследия, они выявляют значение памятников-свидетельств и памятных мест, зачастую являясь гарантией их сохранения. К памятным знакам относятся символические монументы, памятники воинским частям и участникам сражения, мемориально-архитектурные комплексы и здания, надгробия, музейные экспозиции, информационные знаки. Ярко выражая ассоциативность культурного ландшафта, они, как правило, имеют самостоятельную художественную ценность. В тех или иных сочетаниях, масштабах и формах, в разной сохранности указанные элементы есть на всех полях сражений (Горбунов, 2004).

Поле Бородинского сражения расположено в западной части Можайского района Московской области. Бородинское поле представляет собой систему слабоволнистых моренных и водноледниковых равнин, с небольшими моренными и камовыми холмами (так называемыми курганами), с довольно густым эрозионным расчленением оврагами, балками, речками и ручьями: Москва-рекой по восточной границе и пересекающей

Памятник пионерам (инженерным войскам). 1912 г. Фото 2011 г.

поле р. Колочь с притоками. События генерального сражения начали развиваться вдоль реки Колочь — главного водотока данной местности. При селе Бородино в реку Колочь впадают сразу три притока — река Воинка, ручей Стонец и ручей Семёновский. Здесь находится событийный центр исторического пространства битвы. К нему тяготеют и ключевые высотные доминанты — Курганная высота (Красный холм) и Горкинские курганы.

Элементы гидросети, рельефа и растительности, к которым привязаны определённые эпизоды битвы и исторические оценки, являются «важнейшими ландшафтными «участниками» битвы. Сегодня эти элементы формируют ассоциативное пространство ландшафта, определяют его природно-культурный каркас, составляют предметную ценность и подлежат документированию, как и любой памятник культуры» (Кулешова, 2013). Благодаря работам по изучению ландшафта Бородинского поля «многие спорные вопросы, связанные с местонахождением войск и их передвижениями по полю битвы, получили наглядное разрешение» (Ивченко, 2009).

«Битва гигантов» состоялась 26 августа (7 сентября) 1812 г. и продолжалась пятнадцать часов. Боевые действия происходили на пространстве по фронту около 4 километров. Обеими сторонами было сделано около 120 тысяч орудийных и 3 миллиона ружейных выстрелов. Потери убитыми и ранеными составили около 45 тысяч человек в русской и около 40 тысяч человек во французской армии. Обе армии остались ночевать на поле сражения. Разбить армию Кутузова Наполеону не удалось.

Ландшафт поля Бородинского сражения изначально воспринимался как главный памятник этому историческому событию. Об этом свидетельствуют стихотворения со-

Правый берег реки Колочь — оборонительный элемент русской позиции в Бородинском сражении. Фото 1912 г. (из фондов Бородинского музея-заповедника)

временников «битвы гигантов» с красноречивыми названиями: «Надпись на Бородинском поле», «Дума на полях Бородина», «Чувства при виде Бородинского поля».

Поля, холмы Бородина!
Для чад пребудьте отдаленных,
В веков грядущих времена,
Как обелиск побед свершенных.

(Маркина, Фоменко, 2007, с. 48).

В этих поэтических строках место генерального сражения между войсками Российской императорской армии под командованием генерала от инфантерии М. И. Голенищева-Кутузова и Великой армии императора французов Наполеона впервые получило название «Бородинское поле».

«Поля Бородина» — это обширная территория площадью около 11 тысяч гектаров, которая в начале XIX века делилась на 57 земельных участков — дач, включая 4 села, 19 деревень, 25 пустошей. В 13 населённых пунктах были одноэтажные господские деревянные дома, в 6 усадьбах — яблоневые сады, в 8 — мукомольные водяные мельницы. Крестьяне занимались хлебопашеством — возделывали озимую рожь, яровой ячмень, овёс, пшеницу-лебянку, лён, коноплю и гречиху (Пономаренко Е. В., Офман Г. Ю., Пономаренко С. В., 1995).

С XVI до середины XIX века на описываемой территории преобладала переложная система земледелия. Рядом с поселениями, на склонах и водоразделах рек и ручьёв располагались пахотные земли. Каждый участок распахивали в течение 20–30 лет, после чего его оставляли зарастать лесом. Такой участок, временно непригодный к сельскохозяйственному использованию, называли перелогом. По достижении деревьями 20–40 лет лес использовали для заготовки дров, а через 40–60 лет участок снова вводили в распашку. Одновременно в распашке находилось около 15% территории. За относительно небольшой промежуток времени вся территория «проходила» через распашку. Поймы и берега рек, ручьёв и оврагов служили сенокосами и не зарастали кустарником. Строевым лесом и болотами на склонах и плакорах оставалось занято лишь несколько процентов территории. В породном составе преобладали мелколиственные породы и ель, с участием дуба и липы. Непосредственно перед 1812 годом значительная площадь леса была сведена, а заброшенные истощённые пашни не успели зарости лесом, в результате чего площадь открытого, нелесного пространства составляла 51% и была максимальной (Бородинское поле, 1994, с. 66–69). Именно это обстоятельство сделало данную местность пригодной для «битвы гигантов». Выбранная М. И. Кутузовым для сражения позиция при селе Бородино была, по его словам, «одной из наилучших, которые только на плоских местах найти можно».

Ландшафт поля после сражения зафиксирован на плане, снятом инструментально в сентябре 1812 г. тремя капитанами инженер-географами: Пресса, Шеврие и Реньо (Pressat, Chevrier, Regnault). План вычерчен штрихами в масштабе 200 туазов в старом парижском дюйме (171, 4 сажени в английском дюйме), цифровой масштаб плана 1:14 400. На плане штрихами отображён рельеф местности, без высотных отметок, но с чётким выделением оврагов и возвышенностей, крутизна склонов которых выра-

жена плотностью штриховки; наглядными условными знаками леса на плане отделены от кустов, выражена даже густота кустарника, детально показаны луга и болота; обозначен каждый дом с отметкою тех из них, которые были сожжены; подписано число дворов в деревнях, названия которых нередко перепутаны; зафиксированы полевые дороги, в том числе появившиеся после сражения (Парамонова, 2013). Территория поля сражения на нём почти полностью совпадает с границами Бородинского поля на более поздних планах А. И. Хатова и А. А. Жомини.

С картографическими материалами, сохранившими основные характеристики ландшафта, связано появление на Бородинском поле первого памятника. Спасская церковь была построена М. М. Тучковой на месте гибели мужа — Багратионовых флешах — в 1820 г., после получения ею «Плана позиции при селе Бородине близ гор. Можайска 1812 г. августа 25» (кроки поручика Е. И. Траскина).

Следует отметить, что для уточнения ландшафтных характеристик поля битвы (открытые и лесопокрытые пространства, рельеф, видовые точки), известных по картографическим источникам, можно использовать и немногочисленные, но исторически достоверные литографии по рисункам участников сражения. Поручик Сумского гусарского полка, адъютант М. И. Кутузова, талантливый художник-баталист А. И. Дмитриев-Мамонов запечатлел в рисунке поле битвы, находясь на высоте в деревне Горки, с которой М. И. Кутузов наблюдал за ходом сражения. Немецкий художник А. Адам, воспитанник Мюнхенской академии художеств, прикомандированный к 4-му Итальянскому корпусу Великой армии, запечатлел карандашом не только батальные сцены и биваки итальянской гвардии, но и окрестности Бородина с запада и востока, до и после сражения. Десять дней спустя после «битвы гигантов» на поле сражения, ставшем полем смерти, сделал свои зарисовки другой немецкий художник Х. В. Фабер дю Фор, офицер артиллерии вюртембергских частей армии Наполеона.

*Сражение у Москвы, в окрестностях Бородина вечером 5 сентября.
Литография по рис. А. Адама. Мюнхен, 1827—1833 гг.*

Главным направлением мемориализации Бородинского поля на протяжении первых ста лет его существования было сохранение памяти о погибших участниках битвы, а также увековечение и прославление подвига русской армии. Она осуществлялась как результат переплетения частных инициатив и государственной политики. По мнению современных культурологов, Бородино является классическим примером характерного для русской культуры XIX — начала XX в. тесного взаимодействия православной и светской мемориальных традиций: «знаменитый мемориальный комплекс на Бородинском поле, включавший в себя и музейные экспозиции, и многочисленные архитектурно-скульптурные монументы, начинался всё же с основания храма и монастыря Маргаритой Тучковой» (Святославский, 2003, с. 61).

В этом отношении примечательно определение значения памятников, которое дал митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) в речи «при заложении в Москве Триумфальных ворот» 17 августа 1829 г. Он говорил о памятниках естественных, каким для отдельного человека может быть даже дерево, связанное с особым событием. Если же «человек желает и для других сделать памятным то, что для него незабвенно», то он создаёт «искусственные памятники». Такой памятник — это «безмолвный проповедник», это «книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути; и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать её». По этой причине «мудрость государственная благоприятствует устройению памятников, дабы они в свою очередь внушили народу любовь к Отечеству, дабы, возведая добродетели и подвиги предков, к тем же добродетелям и подвигам поощряли потомков» (Сочинения Филарета..., 1877, с. 129–130).

Сохранение «естественного» памятника — центральной части Бородинского поля и установка на её главной возвышенности «искусственного памятника» стали основой для начала реализации обширного плана императора Николая I по увековечению памяти об Отечественной войне 1812 года. В день 25-летия Бородинского сражения 26 августа 1837 г. был подписан Высочайший Указ Николая I, которым Департаменту уделов было «повелено»: «Московской губернии Можайского уезда село Бородино приобрести в дар Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу». В территорию Бородинского имения (около 800 га) вошла зона активных боевых действий с руинами полевых укреплений (батарея Раевского, Багратионовы флеши, Горкинские батареи, французские укрепления Е. Богарне), ландшафт которой сохранялся путём возобновления традиционного природопользования.

После проведения конкурса Академии художеств и определения возможных мест установки, император выбрал проект бородинского памятника А. А. Адамини и утвердил место его возведения — «на большой батарее или люнете, находящемся на левой стороне дороги, едучи из Москвы в Смоленск», то есть на месте батареи Раевского. Бородинский монумент был заложен 9 мая 1837 года. О том, какое значение придавали этому событию современники, можно судить по словам участника Бородинской битвы Н. Т. Любенкова: «Пусть драгоценный этот памятник оживит воспоминания, пусть воины наши, узрев его, возбудятся ещё большею ревностию и соделаются достойными на великие жертвы, пусть примиренные враги с тайным ропотом отойдут прочь. Завидя обелиск гигантам Европы, у них затмится мысль нового вторжения в Россию, где громовые кары их настигли» (Любенков, 1837, с. 37).

*Главный монумент российским воинам. 1839 г. Разрушен в 1932 г.,
воссоздан в 1987 г. Фото 2012 г.*

У монумента было решено перезахоронить останки П. И. Багратиона. Отдельным указом повелевалось построить дом-сторожку для инвалидов, назначенных ухаживать за памятником, и хранить в нём «один экземпляр плана Бородинского сражения из Военно-топографического депо, покрыв план этот лаком для большей прочности». Господский дом в селе Бородино был перестроен в небольшой двухэтажный императорский дворец.

К 1839 г. на Бородинском поле сохранились и появились структурные элементы, присущие музейно-мемориальному культурному ландшафту поля сражения, которые за последующие 175 лет разрушались, изменялись или целенаправленно развивались. К ним относятся, в соответствии с разработанной классификацией:

памятники-свидетельства Бородинского сражения — руины земляных укреплений, братские могилы и могила с перезахоронением останков генерала П. И. Багратиона, культурный горизонт с артефактами военного происхождения;

памятные места и объекты — поля, леса, реки и ручьи с оврагами, возвышенности, болота, дороги, населённые пункты, архитектурные памятники (четыре церкви) — свидетели сражения;

памятные знаки — архитектурно-мемориальные комплексы (Спасо-Бородинский монастырь и императорский дворцово-парковый ансамбль в селе Бородино), символический монумент на батарее Раевского, надгробие на могиле П. И. Багратиона. На Бородинском поле появился музей — старейший из существующих на полях сражений (Горбунов, 2000).

Столетний юбилей Бородинского сражения можно считать временем относительной завершённости процесса преобразования усадебно-крестьянского и военно-исторического ландшафта Бородинского поля в ассоциативный культурный ландшафт мемориально-музейного типа. Согласно плану рекогносцировки укреплений, сохранившихся на Бородинском поле к 1902 г., главные свидетельства сражения в то время продолжали

существовать. Воссозданные в том виде, какой они имели перед началом боёв, полевые укрепления (Шевардинский редут, южный люнет Багратионовых флешей, три Масловских укрепления), 33 установленных на местах боевых действий армейских подразделений монумента, символические монументы на командных пунктах М. И. Кутузова и Наполеона Бонапарта, новое здание музея — всё это сформировало образ Бородинского поля как мемориала. Именно этот образ был зафиксирован на «Плане Бородинского поля по топографической съёмке 1912 года корпуса военных топографов капитанов М. Я. Кожевникова и Н. М. Гришкевича». К столетию битвы Бородинское поле превратилось в объект культурного наследия, состояние и пространственную структуру которого можно считать эталонной (Горбунов, 2005, с. 9) для оценки аутентичности и целостности его историко-культурного ландшафта.

Памятники лейб-гвардии Измайловскому полку и гвардейской артиллерии. 1912 г. Фото 2011 г.

В 1920–30-е годы на Бородинском поле произошли разрушения, обусловленные идеологическими причинами. Существовавшие на поле четыре музея в 1923 г. были соединены в один и отнесены к учреждениям, работа которых «протекает преимущественно в местном масштабе». После закрытия и разорения обители в феврале 1929 года на картах вместо Спасо-Бородинского монастыря появился новый населённый пункт — посёлок Ворошилово. Трудовая коммуна с этим названием, колхоз, военный госпиталь, школа, туристическая база, сменяя друг друга, находились в её стенах до 1970-х годов. В 1932 г. был уничтожен монумент на батарее Раевского и разрушен склеп с прахом П. И. Багратиона.

Осенью 1941 года Бородинское поле стало частью 36-го укрепрайона Можайской линии обороны. Здесь создавалось семь батальонных районов обороны, каждый из них должен был включать не менее 20-ти железобетонных дотов и 10-ти дзотов для пушек и пулемётов, противотанковые рвы, блиндажи, стрелковые окопы, ходы сообщения. К началу боёв эти полевые укрепления были построены лишь наполовину.

На Бородинском поле удалось на 6 дней, с 12 до 18 октября, задержать продвижение фашистских войск к Москве, что дало время сосредоточить резервы и остановить противника на тыловом рубеже Можайской линии обороны. Эти бои стали началом Московской битвы. В ходе контрнаступления 20 января 1942 г. был освобождён Можайск, а на следующий день — Бородинское поле. Отступающие фашистские войска сожгли здания музея и домик М. Тучковой, разрушили Бородинский дворцовый ансамбль. После указанных событий Бородинское поле стало памятником военной истории двух Отечественных войн.

Бородинское сражение — это 30 памятников-свидетельств (19 земляных артиллерийских укреплений и 11 могил, большинство — индивидуальные перезахоронения), около 40 памятников — свидетелей сражения (из них 28 памятных мест, включая места разрушенных объектов), около 50 памятных знаков, включая Спасо-Бородинский монастырь и Императорский дворцово-парковый ансамбль в селе Бородино.

Артиллерийский дот у с. Ельня. Фото Лазаревой А. Н.

Шестидневные бои в октябре 1941 года — это более 70 памятников-свидетельств (военно-инженерные сооружения Можайской линии обороны и 11 братских могил советских воинов) и 2 памятных знака (памятник-танк Т-34 воинам 5-й армии и церковь-памятник Покрова Пресвятой Богородицы у воинского кладбища в д. Ельня).

Первые научные разработки территориального подхода к сохранению объектов наследия специалистами Института Наследия и появление в законодательстве понятия «уникальная историко-культурная территория» позволили нам выделить для изучения и музеефикации Бородинского поля особые пространственные единицы — мемориально-экспозиционные ландшафтные комплексы. Каждый из них включал в себя в различных сочетаниях как объекты культурного наследия, связанные с событиями 1812, 1941 годов

или историко-краеведческой тематикой, так и современные элементы культурного ландшафта, существующие и создаваемые. Определение структурных единиц музеефикации Бородинского поля позволило начать систематизированное изучение локальных памятных мест в единстве их историко-культурных и природных составляющих (Горбунов, 1999).

Представление о Бородинском поле как ассоциативном культурном ландшафте стало основой «Программы сохранения и восстановления историко-культурного ландшафта Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника». Она была разработана в 2001 г. Институтом Наследия при непосредственном участии и научном руководстве Ю. А. Веденина. В ней выработаны принципы и методы изучения и описания Бородинского поля как культурного ландшафта, вытекающие из определения этого понятия в документах ЮНЕСКО и связанные с номинацией объектов Всемирного культурного и природного наследия. В результате культурно-ландшафтного районирования территории Бородинского поля было выделено 14 комплексов, каждый из которых включает в себя как объекты культурного наследия, так и современные элементы культурного ландшафта (Горбунов, Кулешова, 2004). В зависимости от степени задействованности каждого из них в Бородинском сражении, мемориально-экспозиционные комплексы объединены в следующие группы: центральная зона боевых действий 1812 г. (Багратионовский, Семёновский, Центральный), периферийная зона боевых действий

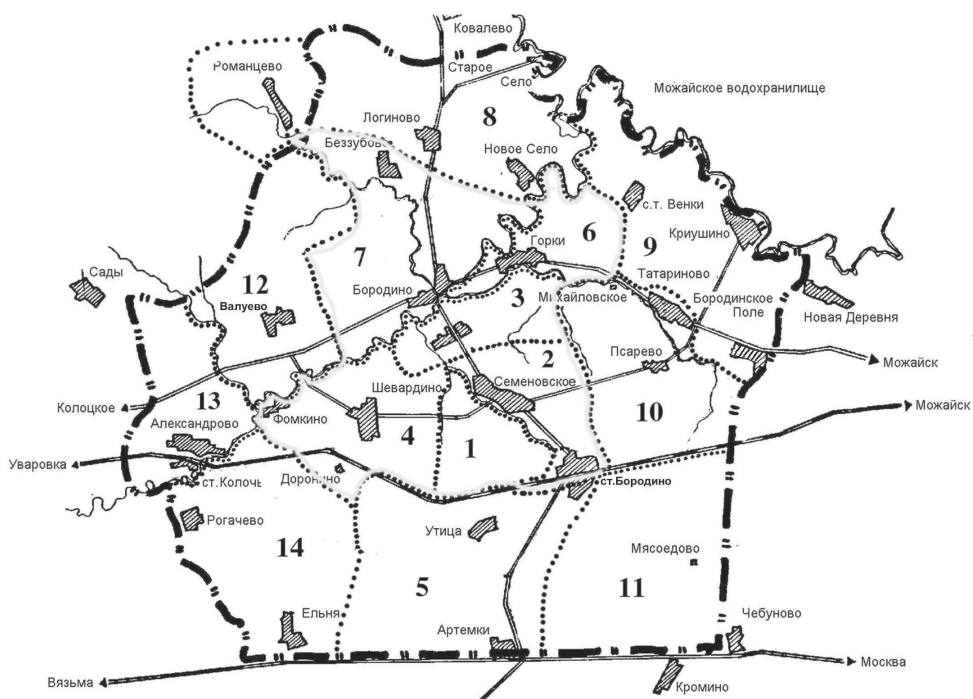

Схема мемориально-экспозиционных комплексов: 1 — Багратионовы флеши; 2 — Семёновский; 3 — Центральный; 4 — Шевардинский; 5 — Утицкий; 6 — Горкинский; 7 — Бородинский; 8 — Старосельский; 9 — Криушинский; 10 — Татариновский; 11 — Мясоедовский; 12 — Валуевский; 13 — Александровский; 14 — Ельнинский

1812 г. (Шевардинский, Утицкий, Горкинский, Бородинский, Старосельский), зона исходного расположения войск и резервов 1812 г. (Криушинский, Татариновский, Мясоедовский, Валуевский, Александровский), зона боевых действий 1941 г. (Ельнинский). В программе определены пять приоритетных мемориально-экспозиционных комплексов, для которых разработана система соответствующих мероприятий. Главные из них связаны с развитием исторически сложившихся мемориально-архитектурных ансамблей и созданием мемориально-ландшафтных экспозиций.

Программа сохранения и восстановления историко-культурного ландшафта Бородинского музея-заповедника одобрена его Учёным советом, а также Президиумом Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В протоколе ВООПИК особо отмечена «обоснованность проектных решений, в частности, касающихся вопросов функционального зонирования, дальнейшего развития музея-заповедника, выделения 14 мемориально-экспозиционных территориальных комплексов, восстановления утраченных объектов в целях последующего экспозиционного использования, устранения диссонансных зелёных насаждений с целью восстановления утраченных исторических визуальных взаимосвязей, а также предложений по традиционному природопользованию, базирующихся на концепции устойчивого развития».

А. В. Горбунов, Ю. А. Веденин, Г. А. Зайцева в Утицком лесу

В целях подготовки Бородинского музея-заповедника к 200-летию Бородинского сражения его коллективом и ООО «Экокультура» (рук. Г. А. Зайцева) была разработана Программа комплексного развития Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника на период 2007–2012 гг. Миссия музея определена как «сохранение, изучение и музеефикация уникального историко-культурного ландшафта Бородинского поля сражения

как памятника двух Отечественных войн, его использование в культурно-просветительных и воспитательных целях, актуализация исторической памяти о Бородинской битве».

Главная цель данной программы — разработка модели развития музея-заповедника и управления его территорией, которая должна исходить из приоритета сохранения и реализации культурно-исторического потенциала Бородинского поля и учитывать развитие соответствующих видов хозяйственной деятельности и систем жизнеобеспечения населения. Музеефикацию Бородинского поля предложено осуществлять путём развития ассоциативности его культурного ландшафта. Для того чтобы хранящие неизгладимый, но невидимый отпечаток «битвы гигантов» внешне обычные поля, овраги, перелески «заговорили», вызвали интерес, привлекли особое внимание, превратились из обречённых на роль потенциальных дачных участков в уникальные достопримечательности, к ним надо относиться как к музейным экспонатам. Использование всех композиционных элементов культурного ландшафта (памятников-свидетельств, памятных мест и объектов, памятных знаков) должно осуществляться в целях сохранения и создания ассоциативного образа происходивших здесь исторических событий, адекватного его выражению в исторической науке, народной памяти и культурной традиции. Эту сложную задачу предлагается решить созданием нескольких мемориально-ландшафтных экспозиций.

Цель создания мемориально-ландшафтной экспозиции — дать возможность посетителям получить образное представление об эпизодах сражения, происходивших на целостном в мемориально-историческом плане участке культурного ландшафта, большая информативность которого не получила визуального выражения. Её основными экспонатами могут стать не только немногочисленные памятники — свидетельства битвы, но и памятные места — природные элементы, получившие путём реставрации экспозиционный вид. Их невидимую связь с боевыми действиями можно сделать явной с помощью установки экспозиционных знаков. В отличие от памятных знаков назначение экспозиционных знаков состоит не столько в увековечении события, сколько в информационном и образном выражении того мемориального содержания, которое получили в результате сражения внешне обычные природные объекты — поля, леса, холмы, овраги. Экспозиционные знаки — это целенаправленно созданные ассоциативные элементы историко-культурного ландшафта в виде схем, обозначений в натуральную величину на местности расположения воинских подразделений, художественных композиций и образных инсталляций. В мемориально-ландшафтной экспозиции могут быть воссозданы некоторые из утраченных элементов военно-исторического ландшафта — укрепления или их фрагменты, мосты, плотины, полевые дороги.

Наиболее подробная документация разработана для мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарей Раевского». Её предложено создать на территории площадью 64 га, с пешим маршрутом осмотра около двух километров. Основой для неё является максимальное сохранение всех уцелевших элементов военно-исторического ландшафта и восстановление между ними утраченных визуальных связей. Реставрация природных элементов ландшафта состоит в придании им внешнего облика, близкого к тому, какой они имели в 1812 г., но с уважением к поздним исторически ценным слоям ландшафта — например, частичное удаление древесной и кустарниковой растительности в овраге ручья Огник, воспроизведение крестьянского надела с трёхпольным землепользованием (Горбунов, 2004). К сожалению, ни одна из названных программ не была рассмотрена

и утверждена Министерством культуры РФ, в результате чего возможности их реализации были весьма ограничены.

Вид с воздуха на центральную часть поля битвы

Многолетняя работа коллектива Бородинского музея-заповедника, проводимая в соответствии с научной концепцией культурного ландшафта и совместно с руководимым Юрием Александровичем Ведениным коллективом, получила международное признание. В 2007 г. Бородинский музей-заповедник был награждён премией ЮНЕСКО имени Мелины Меркури «за сохранение и организацию использования культурных ландшафтов». По мнению М. Е. Кулешовой, «Бородинское поле, вне сомнения, представляет всемирную ценность, но ни одно поле битвы не включено во Всемирное наследие, поскольку этот тип наследия воспринимается ответственными органами ЮНЕСКО как заключающий в себе пропаганду насилия, что несовместимо с миссией ЮНЕСКО и ценностями Всемирного наследия» (Кулешова, 2013).

Важность дальнейшего изучения историко-культурного ландшафта Бородинского поля отмечена в монографии д.и.н. И. А. Шеина «Война 1812 года в отечественной историографии»: «общее мнение историографов и историков сходится на том, что, несмотря на обширную литературу, до настоящего времени достоверная картина генерального сражения пока ещё окончательно не воспроизведена» (Шеин, 2013, С. 398–399). Поэтому так важно сохранить дошедшие до нас «свидетельства» и «свидетелей», утраты которых, несмотря на все предпринимаемые охранные мероприятия, всё-таки продолжают, поскольку продолжается повседневная жизнь на территории поля, которая далеко не всегда согласуется с целями его мемориализации.

Опасность разрушения исторического ландшафта Бородинского поля возникла в 2010 г., накануне 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. На территории Бородинского музея-заповедника, включая места главных событий Бородин-

ской битвы, расположено 86 фермерских процента всех земель сельскохозяйственного назначения. Постановлениями главы сельского поселения «Бородинское» вид разрешённого использования 16 земельных участков был изменён с «для ведения крестьянского/фермерского хозяйства» и «сельскохозяйственного производства» на «для дачного строительства». Одновременно администрацией Можайского муниципального района были приняты решения о предоставлении в аренду под дачное строительство ряда земельных участков, расположенных за пределами границ населённых пунктов.

Вследствие этого в сентябре 2010 г. на Бородинском поле, за пределами исторически сложившейся застройки, было начато строительство домов в районе д. Фомкино (10 га на месте расположения французских войск), д. Старое Село и пос. Венки (8,6 и 9,4 га на местах действий казачьего корпуса М.И. Платова), южнее д. Семёновское, в непосредственной близости к монументам русским воинским частям (1,5 га). Было построено 11 коттеджей, на площади около 20 га, в результате земляных работ уничтожен археологический культурный горизонт Бородинского сражения и боёв в октябре 1941 года. В результате многочисленных проверок прокуратура выявила на территории музея-заповедника более 140 фактов незаконного строительства. Часть из них была успешно оспорена в судах различных инстанций, удалось добиться прекращения строительства и даже сноса коттеджей. Одним из существенных оснований для этого стали аналитические и проектные материалы «Программы сохранения и восстановления историко-культурного ландшафта Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника».

Концепция культурного ландшафта стала основой для обоснования границ территории и разработки режима сохранения Бородинского поля в качестве достопримечательного места, утверждённого Министерством культуры Российской Федерации в марте 2012 г. В приложении № 4 к этому приказу под громоздким названием «Характер использования территории Достопримечательного места, ограничения на использование данной территории, требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории Достопримечательного места» зафиксированы допустимые и недопустимые с точки зрения современного законодательства изменения историко-культурного ландшафта. Земельные участки в границах достопримечательного места «Бородинское поле и памятники на нём» отнесены к землям историко-культурного назначения. Характер использования этой территории определён как «обустройство композиционных элементов культурного ассоциативного ландшафта; сохранение военно-исторических памятников, мемориализация полей сражений 1812 г. и 1941—1942 гг.». В историко-культурный опорный план достопримечательного места «Бородинское поле и памятники на нём» включены не только памятники истории, архитектуры и монументального искусства, но и исторически и пространственно связанные с ними территории, сохранившие ценные военно-исторические, планировочные и ландшафтные элементы, трассы исторических дорог, леса и водные объекты, панорамные раскрытия и видовые точки, формирующие единый историко-культурный комплекс. В его составе обозначены 74 объекта культурного наследия федерального значения, а также 64 объекта, обладающих культурной и исторической ценностью. Последние включают в себя военные коммуникации, участки позиций армий Кутузова и Наполеона, овраги в зоне боевых действий.

После празднования 200-летия Бородинского сражения наличие неутверждённых, но научно обоснованных программ стало основой для продолжения научных исследо-

ваний и перспективного планирования деятельности Бородинского музея-заповедника. В 2014 г. сотрудниками отдела картографии и геоинформационных систем Института Наследия при участии Бородинского музея-заповедника разработана и издана карта-схема «Бородинское поле в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В соответствии с концепцией культурного ландшафта на ней обозначены не только военно-инженерные сооружения Можайской линии обороны как памятники-свидетельства, но и памятные места, мемориальные объекты а также памятники 1812 года как свидетели октябрьских боёв 1941 г. При создании карты-схемы для выявления местоположения памятников, кроме полевых обследований, использовались материалы аэрофотосъёмки и военной кинохроники.

В 2014 г. по указанию Министерства культуры РФ в дополнение к вышеназванным программам разработана Концепция развития Бородинского музея-заповедника. Концепция учитывает необходимость сочетания функционального (по направлениям деятельности) и территориального (по участкам территории) подходов, а также позволяет устранить противоречия между сохранением историко-культурного ландшафта поля сражения и развитием музея-заповедника. Культурный ландшафт Бородинского поля должен стать объектом музейного показа, превращаясь в целенаправленно формируемый и развиваемый музейно-мемориальный ландшафт. Для того чтобы сделать объектами экскурсионного показа максимальное количество памятников и памятных мест, в Концепции предусматривается создание нескольких музейных центров. Военно-исторические центры «Батарея Раевского», «Семёновский», «Ельнинский» предназначены для комплексного показа Бородинского поля как памятника военной истории путём реконструкции и дополнения новыми элементами существующих памятных объектов. Культурно-исторические музейные центры: «Бородинское имение российских императоров» (мемориально-выставочный и административный), «Бородино» (военной реконструкции и туризма), «Багратионовы флеш» (паломнический), «Сельцо Михайловское» (литературно-исторический), «Гудкова дача» (эколого-туристический), «Макрушино» (этнотуристический) также связаны с военной историей, но имеют каждый своё функциональное назначение.

В Концепцию развития Бородинского музея-заповедника включены мероприятия по музефикации Бородинского поля, которые представляют собой разумный компромисс между сохранением основных черт исторического облика ландшафта поля сражения и потребностями современного использования территории. Предлагаемый путь музефикации Бородинского поля является органическим продолжением его исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Научн. ред.: Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 13–36.

Горбунов А.В. Мемориально-экспозиционные комплексы как структурные элементы изучения, сохранения и развития Бородинского поля // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. — М., 1999. — С. 30–37.

Горбунов А. В. Бородинское поле как объект культурного наследия, 1839–1999 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. — М., 2000. — С. 43–47.

Горбунов А. В. Историко-культурный ландшафт полей сражений как объект наследия // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. — М., 2003. — С. 22–34.

Горбунов А. В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие // Культурный ландшафт как объект наследия / Научн. ред.: Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 230–245.

Горбунов А. В. Научная концепция мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарея Раевского» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. — Можайск, 2004. — С. 69–85.

Горбунов А. В. Музеефикация Бородинского поля: программы и их реализация // Бородинское поле: музей и памятник. К 165-летию основания Бородинского музея-заповедника: Сб. науч. иссл. / Сост. А. В. Горбунов. — М.: Полиграф сервис, 2005. — 274 с.

Горбунов А. В., Кулешова М. Е. Культурно-ландшафтное районирование территории Бородинского поля // Культурный ландшафт как объект наследия / Научн. ред.: Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 446–460.

Ивченко Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. — М.: Квадрига, 2009. — 384 с.

Кулешова М. Е. Ландшафтное наследие Бородинского поля // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012: Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. / Сост. А. В. Горбунов. — Можайск, 2013. — С. 289–309.

Любенков Н. Т. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб, 1837.

Маркина Т. В., Фоменко И. Б. Бородинское сражение в русской книге 1812–1912 гг. // Здесь, на полях Бородина, с Россией билася Европа... / Ред. Черепашенцев М. Р., Горбунов А. В. и др. — М.: Схолия, 2007. — 431 с.

Парамонова А. А. План Пресса, Шеврие, Реньо как источник научной реконструкции ландшафта поля сражения 26 августа 1812 г. // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012: Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. / Сост. А. В. Горбунов. — Можайск, 2013. — С. 310–332.

Пономаренко Е. В., Офман Г. Ю., Пономаренко С. В. Исторический анализ изменения ландшафта Бородинского поля // Бородинское поле. История, культура, экология. — М., 1995. — С. 37–74.

Святославский А. В. Памятник в России // Культура памяти: Сборник науч. статей / Научн. ред. Э. А. Шулепова, сост. А. В. Святославский. — М., 2003.

Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Том 3. — М., 1877.

Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. — М., 2013. — 464 с.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И ОБУСТРОЙСТВА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ПОЛЯ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Созданный в начале 1990-х гг. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва под руководством Ю. А. Веденина выбрал в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности разработку методологических и теоретических проблем сохранения и использования значительных по своим пространственным характеристикам территорий — культурных ландшафтов, которые включают в себя разнообразие объектов историко-культурного и природного наследия. Такие ландшафты, являясь по своей сути отдельными самостоятельными единицами наследия, составляют единое пространство, объединённое общей историей, социокультурным предназначением и ресурсами для раскрытия историко-культурного и природного потенциала (Культурный ландшафт., 2004).

Активные исследования по созданию типологии культурных ландшафтов, методологии их вычленения и изучения, разработки вопросов сохранения и менеджмента, которые велись музейно-заповедным сообществом России под методическим руководством Института Наследия, по времени совпали с акцентированием внимания государства и общества на необходимости сохранения и обустройства одной из важных категорий культурных ландшафтов — полей сражений — в целях увековечения памяти погибших защитников Отечества. В этом направлении в 1995–1996 гг. был предпринят ряд законодательных инициатив и организационных мер, первым результатом которых стал Федеральный закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». В 1996 г. к старейшему в России Государственному Бородинскому военно-историческому музею-заповеднику присоединились новые федеральные учреждения культуры на полях славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России — Куликовской битвы 1380 г. в Тульской области и Прохоровского танкового сражения на Курской дуге 1943 г. в Белгородской области¹.

¹ Указ Президента РФ от 26.04.1995 г. «О создании Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»; Постановление Правительства РФ от 19.02.1996 г. № 164 «О мерах по обеспечению деятельности Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле» в Белгородской области» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 10. Ст. 963; Постановление Правительства РФ от 14.10.1996 г. № 1204 «О создании и мерах по обеспечению деятельности Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» в Тульской области» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 43. Ст. 4941.

Тем самым в нашей стране было положено начало формированию системы музеев и мемориалов на месте разных по хронологии, природно-географической среде, военно-исторической проблематике, набору объектов наследия исторических ландшафтов, которые типологически объединились в особый тип комплексных объектов наследия — поля битв (Шульгин, 2000, 2002).

Данная группа культурных ландшафтов, несмотря на всё их разнообразие, имеет свою чётко обозначенную специфику. Человеческое общество всегда выделяло их как места событий, предопределивших будущее страны. Восприятие таких памятников и ландшафтов всегда имело высокую психоэмоциональную окраску и огромный потенциал для патриотического воспитания, так как эти объекты неразрывно связаны с трагическими, полными самопожертвования событиями, где войны ценою своей жизни отстаивали право на будущее своей Родины. Народная, православная, гражданская, культурная и военная традиции в бесконечной череде войн и боевых столкновений многовековой отечественной истории вычленили именно те, которые стали судьбоносными для нашего народа, которые навсегда оставили яркий след в социокультурной памяти. Значимость полей сражений и их военно-исторических объектов была подтверждена законодательно их выделением в качестве отдельных памятников и достопримечательных мест в системе объектов культурного наследия России².

Все эти теоретические положения можно с полным правом отнести к Куликову полю. Поле Мамаева побоища имеет свою неповторимую историю формирования, мемориализации, изучения и сохранения. Современный этап в истории поля Куликовской битвы даёт нам широкие возможности для различного рода теоретических обобщений, осмысления вопросов, связанных с опытом работы именно с объектами, ландшафтами и памятниками средневековых сражений. Как показывает не только российская, но и европейская практика, многие аспекты локализации, научного исследования, мемориализации и музеефикации этой категории культурного наследия ещё слабо изучены и проработаны с различной степенью детализации.

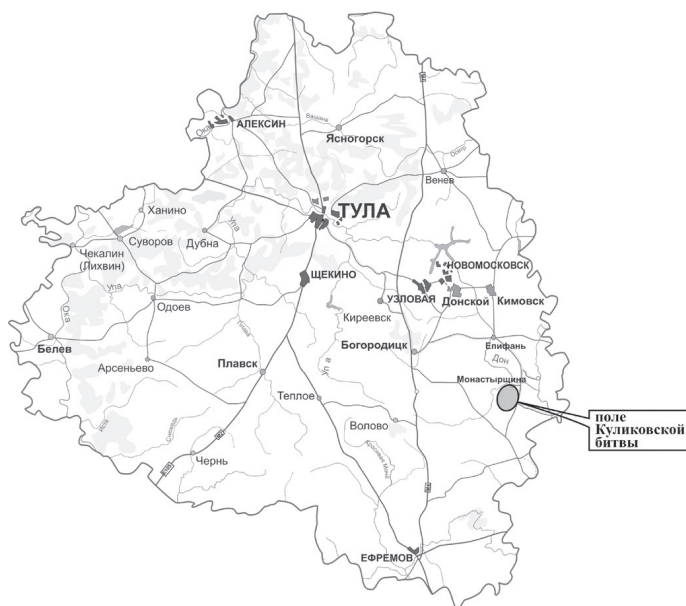
Данные письменных источников, современных археологических, палеогеографических и военно-исторических исследований поля Куликовской битвы и прилегающей местности засвидетельствовали коренные отличия сражений нового и новейшего времени от средневековых (до эпохи широкого применения огнестрельного оружия). Эти отличия неразрывно связаны с эволюцией военного дела, качественного и количественного арсенала применяемого наступательного вооружения, видами и типами защитного вооружения, соотношением различных родов войск и их манёвренностью. В свою очередь это диктовало стратегию и тактику полевых сражений, что прямым образом сказывалось на степени первоначальной трансформации ландшафта, где они происходили.

Как известно, Куликовская битва 21 сентября 1380 г. стала кульминацией русско-ордынского противостояния. Она закончилась победой русских полков под ру-

² См. ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

ководством великого князя московского Дмитрия Ивановича. В народной памяти осталось это событие, окрашенное в трагические тона из-за гибели многих русских воинов, дав толчок формированию национального самосознания и созданию русского централизованного государства (Горский, 2000, Хорошкевич, 2003). Длительное накопление и всестороннее изучение внушительного корпуса разнообразных источников позволило реконструировать многие пространственные, военные характеристики самого события, а также истории формирования современного ассоциативного культурного ландшафта Куликова поля.

Сражение русских и ордынских ратей произошло более шести столетий назад в малонаселённой местности пограничья Литвы, Орды и Рязани, в 140 км к югу от границы Московского княжества (р. Ока). Ныне это юго-восток Тульской области на границе с Липецкой и Рязанской областями.

Поле Куликовской битвы на территории Тульской области

Сражение состоялось ранней осенью на участке северной лесостепи, южнее слияния Дона и Непрядвы. Палеогеографические реконструкции ландшафта района поля битвы показали, что это была местность с хорошо развитой овражно-балочной системой. Здесь водораздельные территории в основном были заняты участками ковыльных степей, а поймы и тальвеги балок и речек и их крутосклонные берега — древесной растительностью широколиственных дубрав (Гласко и др., 2005).

Пространственно-временные характеристики Мамаева побоища диктовались инициативой агрессора — темника Мамая, который медленно двигался на Русь привычным для ордынцев Муравским шляхом. Ему навстречу устремилась союзная рать князя Дмитрия, далеко оторвавшаяся от традиционных для обороны от степняков окских бе-

регов и бродов. Большинство историков сходится во мнении, что столь дерзкий по своему замыслу и расстоянию рейд русских полков был вызван необходимостью встретить Мамаю до подхода к нему его союзников (Масловский, 1881).

Согласно летописным свидетельствам, встреча противоборствующих сил состоялась в верховьях Дона, на устье Непрядвы. На военном совете московских воевод решено было избрать оборонительную тактику ведения боя. Заранее отдавая инициативу врагу и хорошо изучив особенности тактики ведения боя ордынцами, место для битвы выбрали на участке узкого и извилистого степного коридора на водораздельном участке балки Рыбий верх и р. Смолки. Здесь рельеф до минимума сводил возможности манёвренной степной конницы и исключал возможность охвата с флангов с выходом в тыл и полным окружением русских построений. Выбранная позиция навязывала Мамаю невыгодное во всех отношениях фронтальное боестолкновение.

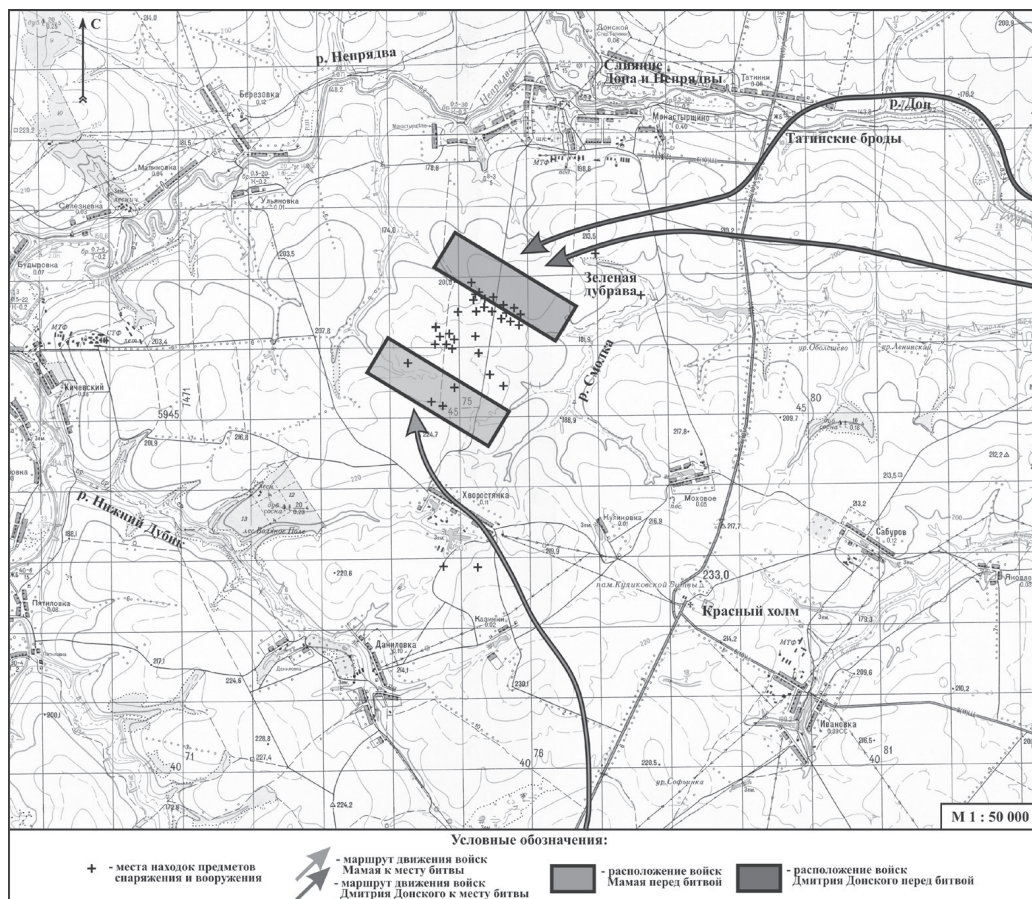
Само Мамаево побоище представляло собой полевое скоротечное (около трёх часов) сражение, состоявшее из серий встречных фронтальных атак кавалерии (древнерусский термин «суимы»), которая в значительной степени состояла из тяжеловооружённых всадников с наступательным оружием таранного типа (массивные копья, рогатины). Современные подсчёты предполагают наличие в рядах противоборствующих сторон по 6–10 тысяч воинов (Двуреченский, 2014, с. 125). Источники сообщают нам об упорном, кровопролитном характере битвы, исход которой решил внезапный удар Засадного полка в тыл наступавшим воинам Мамаю. Тактика ведения кавалерийского боя на встречных курсах, а также дальнейшее преследование ордынцев воинами полка Владимира Серпуховского предполагала значительный по площади охват территории боестолкновений. Поле битвы осталось за русскими. В течение недели шёл сбор военных трофеев и захоронение погибших в бою соратников.

Указанные характерные черты и обстоятельства Мамаева побоища во многом определили особенности формирования исходного военно-исторического ландшафта. Прежде всего надо отметить, что Куликовская битва, как и большинство средневековых сражений, не оставила после себя каких-либо фортификационных сооружений, рвов, насыпей либо иных серьёзных воздействий на растительность и рельеф поля битвы. Это вкуче с пустынностью местности позволяет уверенно утверждать, что и до, и после сражения ландшафт поля битвы остался близким к исходному природному.

Из памятников-свидетельств сражения следует назвать обломки и целые предметы вооружения и снаряжения, утерянные участниками битвы. Кавалерийский характер сражения привёл к тому, что выпавшие в грунт воинские предметы составили широкий многокилометровый шлейф на значительной площади левобережья Дона и Непрядвы. Значительная их часть была собрана в качестве военных трофеев русскими воинами сразу после боя (Фехнер, 1990). Большинство утерянных предметов было собрано крестьянами при распашке территории сражения в XVIII — середине XX в. (Наумов, Наумова, 2012). Всего сейчас известно более чем 200 упоминаний о находках средневекового вооружения. Значительная часть предметов (сабли, мечи,

кольчуги, энколпионы, амулеты-змеевики, наконечники копий, сулиц, фрагменты пластинчатых доспехов и др.) относилась ко времени Куликовской битвы. Другая часть находок (огнестрельное оружие, мисюрки, знамёна, бердыши и др.) осталась после пограничных стычек с крымскими татарами, ногайцами, событий Смутного времени XV–XVII вв.

Вторым свидетельством битвы надо назвать братские могилы русских воинов, павших в сражении. Вероятно, в согласии с хорошо известной практикой позднего русского средневековья, павших могли предавать земле строго по «полкам» (отрядам, состоящим из жителей одной местности или города) отдельно от других. В результате на Куликовом поле могло остаться с десяток скудельниц с относительно небольшим количеством трупов в каждой из них. Значительная часть из убитых могла быть увезена обратно на родину (Булычев, 2014, с. 41). Пустыньность местности, где состоялось сражение, скудность письменных свидетельств и отсутствие апробированных методик поиска подобного рода объектов существенно осложняют процесс их локализации.

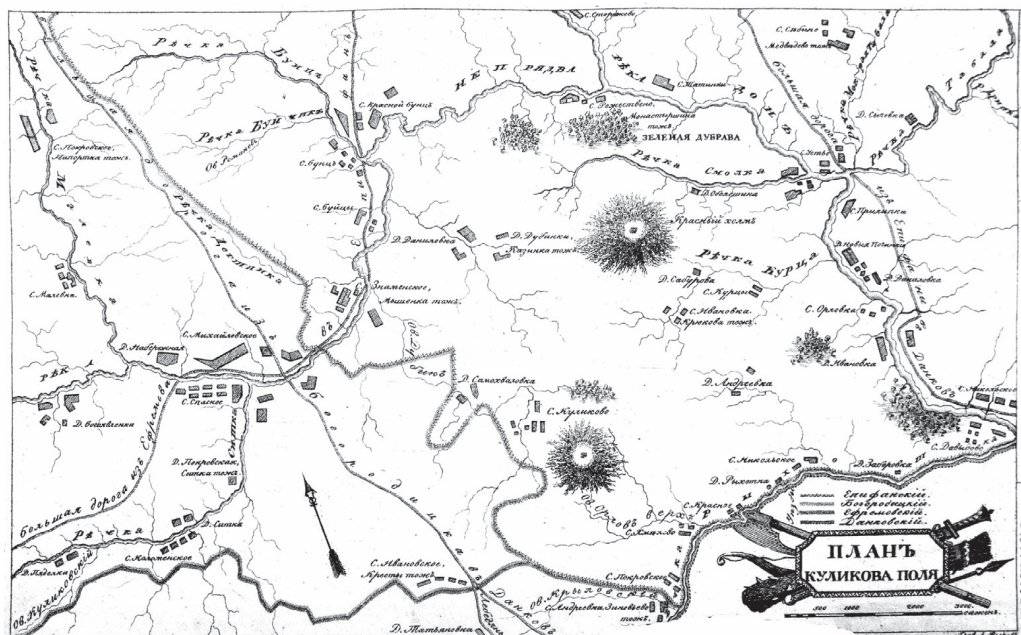
Современный план Куликовской битвы на основе данных палеогеографических реконструкций и поисковых работ на поле сражения

Указанные материальные следы битвы наглядно показывают, сколь мало осталось современному поколению от тех далёких, овеянных седой славой времён, как труден путь их локализации и изучения. Но есть самый главный и уникальный свидетель битвы — сам ландшафт поля битвы с сохранившимися его природными компонентами — овражно-балочной и речной сетью, рельефом, участками реликтовой растительности и др.

Дальнейшая судьба военно-исторического ландшафта поля Куликовской битвы была связана с историей русского южного пограничья XV–XVII вв., хозяйственным освоением и эксплуатацией природных ресурсов Куликова поля в XVIII–XX вв. В течение длительного периода времени (почти три столетия) район сражения оставался практически нетронутым человеком. Лишь с конца XVII в. начинается сельскохозяйственное освоение территорий «за Доном и Непрядвой», первоначальный этап которого растянулся практически на весь XVIII в.

Изначальное, стихийное, увековечивание памяти о Куликовской битве началось уже первыми переселенцами на Куликово поле XVII–XVIII вв. из разных уголков России. Находки нателных крестов, сломанного оружия, обрывков доспехов при пахоте постоянно напоминали местным жителям об этом знаменательном событии. В названиях природных урочищ Зелёной дубравы, Непрядвы, Дона, Красного холма, Татинских бродов, местных легендах и преданиях сохранялась народная память о Куликовской битве (Демидов, 2000).

Надо отметить, что в истории Куликова поля завершение хозяйственного освоения территории в конце XVIII в. практически совпало по времени с возникновением научного интереса к обстоятельствам и месту сражения. Это позволило местному помещику С. Д. Нечаеву в 1821 г. только лишь на основе мест находок предметов вооружения того времени дать расширенное определение места сражения: «начиная от берегов Непрядвы

План местности Куликовской битвы, составленный С. Д. Нечаевым в 1821 г.

и впадающей в неё речки Ситки, до истока вливающихся в Дон речек Смолки и Курцы, выпахивают наиболее древних оружий...» (Нечаев, 1821, с. 125).

Нет сомнений, что уже в детстве С. Д. Нечаев был под впечатлением старинных легенд и преданий о Мамаевом побоище, как об этом писал его современник и сосед по епифанским поместьям Н. Д. Иванчин-Писарев: «Ещё младенцу, мне наговорено было много о походе на Мамаю. Село Куликовка, в дачи которого входит часть знаменитого поля битвы, с XVI столетия принадлежало моим предкам... Рассказы старых дворовых людей, тамошних уроженцев, крестики, выпаханные там крестьянами и хранившиеся у нас до нашествия Французов, всё питало моё воображение подробностями, отчасти и вымышлено чудесными, сего похода и битвы Задонской» (Иванчин-Писарев, 1843, с. 120).

Расширенная трактовка границ поля сражения С. Д. Нечаева в целом выдержала проверку временем и впоследствии уточнялась новыми находками из этой местности. Таким образом, сама история позволила решить для Мамаева побоища сложнейшую проблему всех средневековых баталий, а именно проблему локализации. Первые исследователи Куликова поля смогли зафиксировать (если не лично, то путём опросов старожилов) первую и наиболее массовую волну находок, связанную с первичной распашкой целинных чернозёмов места сражения.

Локализация битвы послужила отправной точкой создания следующей группы объектов культурного ландшафта Куликова поля — мемориальных памятников и храмов на месте сражения.

Целенаправленная государственная установка мемориальных объектов на месте Мамаева побоища началась лишь спустя 450 лет. Она стала возможной в начале XIX в. после появления в среде прогрессивно мыслящего дворянства народно-патриотических настроений победоносной Отечественной войны 1812 г. Ещё одной причиной стал небывалый успех в России многотомной «Истории...» М. Н. Карамзина, который определил интерес русской интеллигенции к героическому прошлому русского народа и, в частности, к Куликовской битве (Наумов, 1999). Уже в XIX столетии на Куликовом поле были опробованы на практике или в проектах все основные формы мемориализации военно-исторических событий, включая создание здесь музея воинской славы, куда должны были бы войти находки предметов вооружения Куликовской битвы из коллекций местных помещиков (Гриценко, Наумов, 2005).

Понадобилось ещё около ста лет, чтобы колесо истории совершило новый оборот в развитии изучения этого памятного места. Всероссийское празднование 600-летнего юбилея сражения выявило явный диссонанс между значимостью события и степенью изученности многих его крайне важных обстоятельств, прежде всего, связанных с полем сражения. Это осознавалось как научной общественностью, так и представителями властных структур и организаторами торжеств и, прежде всего, министром культуры РСФСР Ю. С. Мелентьевым.

Для изучения Куликова поля сформировался уникальный научный коллектив единомышленников, во главе которого встали подлинные энтузиасты и патриоты отечественной науки: археолог Б. А. Фоломеев, историк А. К. Зайцев, геоморфолог М. П. Гласко, географ Н. А. Хотинский, биолог В. И. Данилов, архивист Н. К. Фомин и др.

Во главу угла всей научной работы был поставлен постулат о том, что Куликово поле — это тот объект, в котором военно-исторические и культурные элементы в ландшафте неразрывно связаны с его природной составляющей. Базовыми в организации

процесса научного познания стали принципы комплексности, многопрофильности и системности, которые диктуют привлечение всех возможных научных методик для получения результата. Только соединение усилий природоведов, палеогеографов, геоморфологов, палеоботаников, археологов, историков и многих других учёных по комплексному изучению «ландшафта сражения» и его элементов позволило осуществить прорыв в области наших представлений о сражении.

Многолетние плодотворные научно-исследовательские работы позволили не только выявить, изучить и представить общественности уникальные историко-природные объекты и ландшафты Куликова поля, но и разработать алгоритм изучения полей средневековых сражений, основы которого были разработаны А. К. Зайцевым (Зайцев, 2005). Многие методики, созданные на Куликовом поле, в дальнейшем с успехом применялись при изучении полей сражений при Бородино, Молодях, Тарутино и др.

Как и в начале XIX в., значительные по объёму научные материалы о Куликовом поле, собранные на новом этапе в 1980–1990-х гг., требовали их практического применения в разнообразных формах и мероприятиях по сохранению и дальнейшему использованию памятников в культурно-просветительских и воспитательных целях.

Эта задача осуществилась в создании на Куликовом поле федерального военно-исторического и природного музея-заповедника. Присутствие в названии организации равнозначных дефиниций «военно-исторический» и «природный» далеко не случайно. Именно в этом заключается неразрывная глубокая связь и взаимообусловленность этих двух категорий наследия на Куликовом поле.

Все исходные исторические названия и объекты, связанные с историей Куликовской битвы (слияние Дона и Непрядвы, Зелёная дубрава, Смолка, Татинские броды и др.) являются элементами природного ландшафта. Развивая эту мысль, надо отметить, что в таком случае современный природный ландшафт поля битвы становится не только недвижимым объектом культурного наследия, но и музейным объектом, к которому применимы все определения, функции и методики, связанные с его использованием в музейных целях. А это значит, что историко-природный ландшафт надо изучать, хранить, обеспечивать целостность, заниматься вопросами его консервации и реставрации, использовать его в презентационных музейных мероприятиях и программах. Мемориальные памятники и сооружения, музейные экспозиции в данном случае выступают как сопутствующие, иллюстративные, вспомогательные элементы для представления общественности главного свидетеля Куликовской битвы.

Истекшие три с половиной столетия активной хозяйственной деятельности сильно изменили внешний облик Куликова поля. В погоне за урожаями были практически полностью уничтожены широколиственные леса и ковыльные степи. В результате многовековой распашки сильно изменился почвенный покров. Массовое бесконтрольное применение гербицидов и минеральных удобрений в советский период сильно сказалось на флоре и фауне этой территории. В погоне за массовой посадкой ветрозащитных лесополос здесь появились никогда ранее не произраставшие породы деревьев и кустарников (тополь, североамериканский дуб, пузыреплодник и др.).

В то же время Куликово поле осталось в стороне от куда более тяжких и во многих случаях невосполнимых потерь элементов ландшафта, связанных прежде всего с раз-

витиём промышленности. Трудно себе представить, какой бы выглядела эта местность после разработки здесь многокилометровых угольных разрезов открытой добычи, подобных Ушаковскому или Кимовскому, размещения Кимовского водохранилища (52 га) (севернее Куликова поля) или каких-либо других крупных промышленных объектов и карьеров.

Затяжной экономический кризис 1990-х гг. в целом благоприятно сказался на природной среде Куликова поля. Это выразилось в регенерации элементов природного ландшафта, расширении числа участков самопроизвольного восстановления степной растительности, разрастании деревьев и кустарников по берегам рек, возобновлении ранее исчезнувших и расширении существующих популяций фауны Куликова поля.

С другой стороны, ситуация с развитием музейно-заповедного дела на Куликовом поле к моменту создания музея-заповедника оказалась близкой к оптимальной. Формирование нового учреждения культуры осуществлялось на основе солидной научной базы, которая позволяла представить себе весь спектр объектов историко-культурного и природного наследия, их расположение, численность, характеристики и т. д. Таким образом, для коллектива заповедника уже заранее был известен основной ресурсный потенциал территории с точки зрения музейного строительства и создания охраняемых территорий.

Разносторонний и глубокий объём научных знаний о Куликовом поле органично слился со значительным опытом в разработке различных аспектов сохранения и использования культурного и природного наследия, создания и управления уникальными территориями и ландшафтами в различных регионах России, который накопил к этому времени профильный научный центр России в лице Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Одним из главных первых шагов Государственного музея-заповедника «Куликово поле» стало создание концепции его развития (Концепция..., 1999). Создание этого документа показало, насколько может быть продуктивна совместная работа трёх движущих сил развития нового учреждения культуры — молодого коллектива заповедника, учёных, работавших на Куликовом поле, и научных сотрудников Института Наследия. Теоретический и практический опыт работы с культурными ландшафтами удачно внедрился в конкретные результаты научных изысканий объектов археологического, исторического и природного наследия, определив круг целей и задач музея-заповедника в деле совершенствования форм, методов и направлений дальнейшей деятельности на Куликовом поле.

Согласно концепции, в целях сохранения и использования наследия уникальной историко-культурной и природной территории — поля Куликовской битвы — музей-заповедник должен осуществлять:

- восстановление и сохранение исторических ландшафтов Куликова поля;
- разработку и реализацию методических подходов к изучению поля битвы как особого территориального объекта наследия;
- подготовку, создание и внедрение в практику презентационных форм деятельности на Куликовом поле с учётом опыта российских и зарубежных музеев военно-исторического профиля.

С самого начала своего существования заповедник начал реализовывать комплекс мер по созданию эффективных инструментов правовой защиты историко-культурных ландшафтов Куликова поля. Начало этому процессу было положено решением чрезвычайно важной задачи — формирования заповедного ядра Куликова поля — поля битвы. В течение немногим более 10 лет вся научно локализованная территория сражения (более 3580 га) была выведена из состава частных земель сельскохозяйственного назначения в федеральную собственность и находится в постоянном (бессрочном) пользовании музея-заповедника.

Это удалось сделать благодаря кропотливой и постоянной работе заместителя директора музея-заповедника Н. Ю. Травина (1966—2015) с муниципалитетами и местным населением за счёт фонда перераспределения земель, земель запаса и земельных участков коллективно-долевой собственности. Все земельные участки постановлениями Правительства РФ уже переведены в категорию земель историко-культурного назначения.

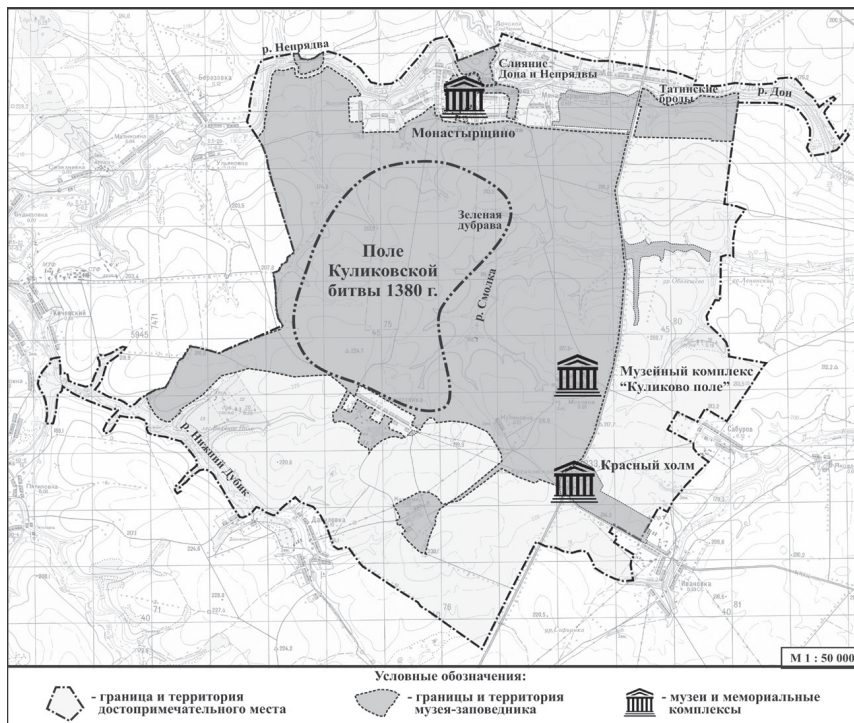
Направление деятельности по правовому оформлению территорий культурного ландшафта имеет чрезвычайно большое значение, несмотря на значительные объёмы документации и работы с органами регистрации и кадастра. На все земельные участки имеются свидетельства Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии о регистрации права постоянного (бессрочного) пользования и государственной собственности РФ (поставлены на кадастровый учёт в государственной системе координат МСК 71.1). Сведения внесены в Государственный кадастр недвижимости, Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним, Государственный фонд данных, реестры Росимущества, Росреестра, Минкультуры и правообладателя.

Грамотное и всеобъемлющее правовое оформление заповедной территории позволило свести до нуля на Куликовом поле возможные риски внешних угроз посягательства на особо ценные исторические ландшафты, что мы не раз наблюдали на других объектах в российской действительности последнего времени.

Формирование и успешное продвижение различных направлений изучения, сохранения и презентации первого ратного поля России, значительный вклад в развитие российской культуры и патриотического воспитания граждан послужило основанием для включения музея-заповедника в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ³. Значительную роль в экспертной оценке достижений заповедника сыграл научный коллектив Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия во главе с Ю. А. Ведениным.

Следующим важным мероприятием стало создание на Куликовом поле достопримечательного места федерального значения «Куликово поле и памятники на нём»

³ Указ Президента РФ № 1089 от 30.09.2009 г. «О включении федерального государственного учреждения культуры «Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации от 01.01.2009 г. № 40. С. 4685 (Часть II).

Карта-схема границ и территории достопримечательного места «Куликово поле и памятники на нём» с основными музеями, мемориалами и памятными объектами

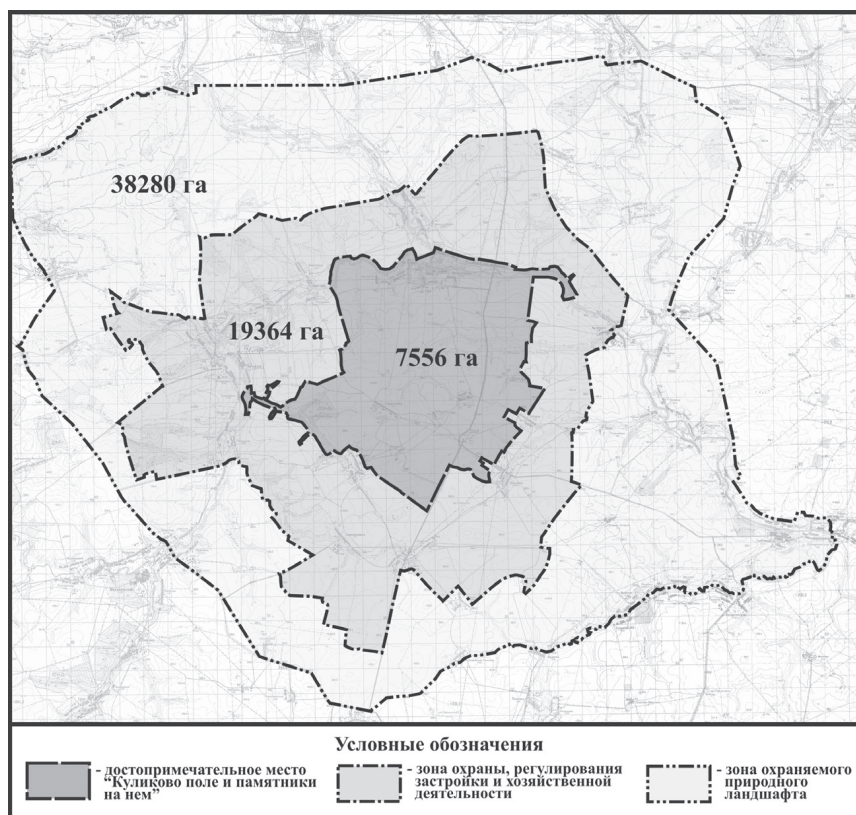
площадью 7556 га. Его граница, характер использования, ограничений и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству утверждены соответствующими приказами Министерства культуры РФ⁴. В постоянном (бессрочном) пользовании музея-заповедника находится около 50% территории достопримечательного места, что позволяет заповеднику реально контролировать всю его территорию, не разрушая её традиционного хозяйственного уклада, и осуществлять деятельность по восстановлению исторического ландшафта.

Дальнейшее совершенствование правовых гарантий сохранения ландшафтов Куликова поля осуществляется путём разработки и включения в Правила землепользования и застройки местных муниципальных образований специальных разделов, посвящённых регулированию градостроительной деятельности и решению земельных вопросов на территории

⁴ Приказ Министерства культуры РФ № 904 от 20.08.2012 г. «Об утверждении границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Куликово поле и памятники на нём» как достопримечательного места» (зарегистрирован в Минюсте РФ 10.09.2012 г., реестровый № 25422, опубликован в «Российской газете» 14.11.2012 г.); Приказ Министерства культуры РФ № 1462 от 21.08.2014 г. «Об утверждении характера использования, ограничений и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству территории объекта культурного наследия федерального значения — достопримечательное место «Куликово поле и памятники на нём», расположенного в Богородицком, Кимовском и Куркинском районах Тульской области» (зарегистрирован в Минюсте РФ 9.10.2014 г., регистрационный № 342777, опубликован в «Российской газете» 19.11.2014 г.).

достопримечательного места⁵. Важнейшим шагом в данном направлении является разработка и постановка на кадастровый и государственный учёт территориальных зон с различными видами разрешённого использования земельных участков, их границ, архитектурно-планировочных параметров, режимов использования земель и градостроительных регламентов.

В связи с необходимостью защиты пространственных характеристик Куликова поля, имеющего значительную территорию и особенности рельефа, следующей фазой деятельности в данной сфере должно стать создание зон охраны достопримечательного места как объекта культурного наследия. Это необходимо для поддержания объёмно-пространственных характеристик поля Куликовской битвы.

Карта-схема границ и территории планируемых зон охраны достопримечательного места «Куликово поле и памятники на нём»

Как уже было сказано, Куликово поле — значительный по своей площади объект культурного наследия, расположенный на равнинной местности. Главным предметом

⁵ Решение Собрании представителей муниципального образования Кимовский район 5-го созыва № 72-359 от 26 января 2017 г. «Об утверждении Правил землепользования и застройки муниципального образования Епифанское Кимовского района»; Решение Собрании представителей муниципального образования Куркинский район № 19-2 от 28 июня 2016 г. «Об утверждении Правил землепользования и застройки муниципального образования Михайловское и муниципального образования Самарское Куркинского района».

его охраны являются градоформирующие и ландшафтнообразующие объекты исторической застройки, объёмно-пространственной композиции и природного ландшафта. Многие из элементов предмета охраны достопримечательного места, такие как система расположения доминант ландшафта и их соотношение с окружающим пространством, высотные характеристики рельефа местности, визуальные бассейны и точки наилучшего восприятия, исторические панорамы с ближайших линий водоразделов, находятся зачастую в нескольких десятках километров от поля битвы.

Строительство любых высотных промышленных объектов в пограничье достопримечательного места в условиях равнинной местности неизбежно ведёт к разрушению внешнего восприятия поля битвы — главного объекта Куликова поля. Рассчитать необходимые параметры удалённости таких промышленных сооружений и регулировать такую застройку на границах достопримечательного места возможно лишь путём создания зон охраны и регулирования строительной и иной хозяйственной деятельности в границах этих зон.

Немаловажной причиной необходимости создания ещё одного «пояса обороны» является то, что часть элементов ландшафта, относящихся к Куликовской битве (предполагаемое место лагеря Дмитрия Донского, переправы через Дон, участки подходов русских войск к своему лагерю и от лагеря к полю битвы, местность преследования ордынцев Засадным полком Владимира Серпуховского и др.), не вошла в границы достопримечательного места.

Ещё одним важным доводом в пользу зон охраны является возможность совместить зону охраняемого природного ландшафта, площадью около 38 тыс. га с границей проектируемого природного заказника федерального или регионального подчинения, который в Тульской области пока не создан. Реализация этого проекта позволит усилить правовую охрану культурного и природного наследия Куликова поля на площади, более чем в 5 раз большей территории достопримечательного места. Под юрисдикцией заказника и охранных зон окажутся 15 памятников природы, более 20 крупных широколиственных лесных массивов, свыше 150 памятников археологии различных эпох, 10 памятников архитектуры и 8 памятников истории.

Следующей по степени значимости для музея-заповедника целью стало восстановление исторического ландшафта поля Куликовской битвы. Эта идея родилась как один из практических результатов крупномасштабного почвенно-геоморфологического и эколого-ландшафтного картографирования района поля сражения и изучения его биологического разнообразия. У истоков этой идеи стояли М. П. Гласко и В. И. Данилов. По распространению ареалов типов почв с детальной привязкой к элементам рельефа (до микроформ) было реконструировано пространственное распределение основных типов и ареалов лесных, степных и луговых растительных сообществ. Создание на поле сражения охраняемой территории позволило приступить к опытно-техническим экспериментальным работам по воссозданию исторического ландшафта Куликовской битвы. Уникальность и длительность работ по воссозданию лесостепных экосистем предопределили сложность и многовариантность разработки научно-методических подходов к восстановлению основных типов экосистем для его реконструкции.

С начала 2000-х гг., согласно разработанным технологическим картам, началась ручная и механизированная посадка саженцев широколиственных культур леса в исто-

рических границах Зелёной дубравы и на прилегающей территории. Производственные работы по восстановлению ковыльной степи начались с закладки значительных по площади опытных участков. Восстановление ковыльной степи в условиях современного агроландшафта сталкивается с многочисленными трудностями, так как подобного опыта не существует в мировой практике. В настоящее время происходит сравнение динамики роста, формирования степных сообществ на эталонных природных и экспериментальных участках, где использовались различные методы посадки ковыля. Одним из направлений работы является изучение эволюции значительных по площади многолетних залежей Куликова поля.

Восстановление ковыльной степи на месте Куликовской битвы, 2012 г.

Ручная посадка саженцев дуба на месте исторической Зелёной дубравы, 2014 г.

Параллельно с работами по восстановлению лесостепных ландшафтов на поле сражения проводятся планомерные поисковые военно-археологические исследования, методика которых постоянно совершенствуется. На современном этапе изучения следов сражения на Куликовом поле накоплен уникальный опыт, созданы и отработаны методики научного поиска следов средневекового сражения шестивековой давности при почти полном отсутствии письменных свидетельств. Данные разработки стали передовыми не только в России, но и в мировой практике. С середины 1990-х гг. начались планомерные поисковые исследования с использованием металлодетекторов. По специально разработанной методике поисковых планшетов были изучены 165 га поля сражения, выявлено 5 разномасштабных по площади и по насыщенности находками «скоплений» предметов, относимых к реликвиям Куликовской битвы. В результате этих работ предварительно удалось выявить зону построений русского и ор-

Находка наконечника сулицы на поле Куликовской битвы, 2005 г.

Части предметов вооружения и снаряжения воинов XIV в. с поля Куликовской битвы. Из находок последних лет

дынского войска и зону основного боестолкновения. В настоящее время выявлено более 55 находок, представленных как предметами вооружения, так и предметами походного инвентаря и конского снаряжения.

Важным направлением работ является поиск русских воинских захоронений на поле сражения. Работы в этом направлении велись с применением различных методик начиная с 1980-х гг. В последнее время наиболее перспективным направлением является применение новых наземных и дистанционных технологий исследования больших территорий на предмет выявления объектов, скрытых в земле. Поисковым работам на поле битвы должны сопутствовать локализация и полевые изыскания мест воинских лагерей войск Дмитрия Ивановича и Мамая накануне и после битвы. Такие работы пока не вышли за рамки рекогносцировочных, существуют разные точки зрения на локализацию этих недолговременных объектов.

Не потеряло своей актуальности направление по изучению опубликованных и архивных источников, музейных коллекций с целью поиска упоминаний или реально сохранившихся предметов, связанных со сражением. Созданная база данных этих свидетельств Куликовской битвы насчитывает более 165 описаний находок и предметов, хранившихся в частных коллекциях и музейных собраниях России. Эта база ежегодно пополняется новыми данными.

Активная исследовательская и природно-восстановительная деятельность на культурных ландшафтах Куликова поля и их объектах способствует популяризации научных результатов среди широких слоёв населения. За истёкший период заповедником разработаны все доступные в настоящее время формы приобщения посетителей к уникальной истории и природе Куликова поля. Даже, казалось бы, обыденные лесовосстановитель-

*Международный военно-исторический фестиваль
на празднике 630-й годовщины Куликовской битвы, 2010 г.*

ные работы методом ручной посадки саженцев быстро трансформировались во Всероссийскую патриотическую акцию памяти «Зелёная Дубрава», где каждый может посадить своё дерево на Куликовом поле.

С самого начала своего существования музей-заповедник начал формировать систему событийных мероприятий, отражающих главные и социально значимые аспекты, связанные с Куликовым полем и Куликовской битвой. Замечательной традицией Куликова поля, которую продолжил музей-заповедник, является организация и проведение праздничных мероприятий, посвящённых годовщинам Куликовской битвы. Такие праздники проводились и ранее, но особый размах они приобрели с 1997 г., когда их главным организатором стал музей-заповедник. Одновременно на Куликовом поле в дни праздника начинает проходить Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово», в котором ежегодно принимают участие сотни представителей военно-исторических клубов России и ближнего зарубежья.

Крупнейшим проектом музея-заповедника последних лет стало создание нового музейного комплекса «Куликово поле». Возникшая в начале 2010-х гг. объективная потребность в новом музейном строительстве была тесно увязана с жесточайшими требованиями сохранения уникального ассоциативного ландшафта Куликова поля. Выбор строительной площадки, утверждение концептуального архитектурного решения объёмов, формы и семантики фасадов объектов и сооружений велось в режиме широкого обсуждения в среде музейщиков, природоведов, архитекторов, специалистов по ландшафтному дизайну и др. Был объявлен открытый конкурс на проект-идею архитектурного облика музейного комплекса и создана комиссия, в которую вошли 20 привлечённых специалистов.

На всех стадиях разработки концепции и проектных решений нового музейного объекта Куликова поля значительную роль играли специалисты Института Наследия и лично его директор Ю.А. Веденин. Бесценный опыт работы научного коллектива института с культурно-историческими территориями России позволил наилучшим образом учесть специфику ландшафта и историю Куликова поля, удачно вписать новый музейный комплекс в существующую структуру равнинного рельефа и историческую среду окружающей местности. Для этого были выбраны такие формы корпусов и зданий музея, плавные силуэты которых похожи на природные очертания и рельефные образования, без вертикальных доминантных элементов. Основное здание музея было частично скрыто наползающим рельефом за счёт применения наклонных крыш, покрытых травянистым дерном. В фасадах зданий и сооружений максимально применялись натуральные материалы, в стилистике экстерьеров — элементы древнерусской архитектуры и мемориальных памятников Куликова поля.

Строительство заняло чуть более двух лет, и в год 50-летия первого музея на Куликовом поле — 30 декабря 2015 г. музейный комплекс был сдан в эксплуатацию. Уникальность комплекса заключается в том, что при его проектировании и строительстве учитывались все потребности как музея, так и туристов Куликова поля.

Созданная по последнему слову науки и техники новая экспозиция «Сказание о Мамаевом побоище. Новое прочтение» предоставляет посетителю возможность познакомиться со всеми последними достижениями историков, изучающих прошлое Куликова поля. Информация в новом музее представлена для разных уровней посетителей, до-

Центральное здание нового Музейного комплекса «Поле Куликовской битвы», 2016 г.

ступня как детям, так и самым взыскательным гостям, глубоко интересующимся темой Куликовской битвы. Новый музейный комплекс уже сейчас ставит на качественно новую ступень развитие туризма на Куликовом поле в ходе кратковременных и многодневных визитов.

Сегодня музей-заповедник находится в стадии динамического развития. Реализуя и совершенствуя традиционные для Куликова поля направления музейно-заповедной деятельности, он активно внедряет в жизнь новые формы и методы работы с культурными ландшафтами, постоянно расширяя зоны своего присутствия. Наиболее перспективным в данном отношении сегодня видится создание археологических музеев под открытым небом, развитие событийного и экологического туризма, обустройство рекреационных зон, создание новых стационарных музейных объектов и экспозиций, посвящённых ранее незадействованным группам и категориям объектов наследия, уникальным природным комплексам и страницам истории Куликова поля.

ЛИТЕРАТУРА

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. — М., 2011.

Булычев А. А. Куликово поле: живые и мертвые. — Тула, 2014.

Гласко М. П., Гольева А. А., Сычева С. А., Бурова О. В. Ландшафты Донского побоища: возвращение утраченного // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. Труды ГИМ. Вып. 150. — М., 2005. — С. 227–256.

Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. — М., 2007.

Горский А.А. Москва и Орда. — М.: Наука, 2000. — 242 с.

Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. Труды ГИМ. Вып. 150. — М., 2005. — С. 300–303.

Двуреченский О.В. Масштабы Донского побоища по данным палеогеографии и военной археологии // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латина до позднего средневековья. — Тула, 2014.

Демидов С.И. История мемориализации Куликова поля // Куликово поле: возрождение памяти. — Тула, 2000. — С. 7–12.

Дмитрий Донской и эпоха возрождения. События, памятники, традиции. — Тула, 2001.

Зайцев А.К. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. Труды ГИМ. Вып. 150. — М., 2005. — С. 181–208.

Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. — М., 1843.

Концепция Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» / Под ред. П.М. Шульгина // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. — М.; Тула, 1999. С. 61–148.

Куликово поле: Антология публикаций XIX–XX вв. / Сост. А.Н. Наумов. — Тула, 2014.

Куликово поле. Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общ. ред. В.П. Гриценко. — Тула, 2007.

Куликово поле: возрождение памяти. Тула, 2000.

Куликово поле и Донское побоище 1380 года. Труды ГИМ. Вып. 150. М., 2005.

Куликовская битва в истории России. Вып. 1. — Тула, 2006.

Куликовская битва в истории России. Вып. 2. — Тула, 2012.

Куликовская битва. Указатель литературы: 1980–2005 / Сост. Л.Д. Поголяева. — Тула, 2005.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешиной. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. — М., 2005.

Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI в. — М., 2011.

Масловский Д.Ф. Из истории военного искусства в России. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского, 1380 года, до Куликовской битвы включительно // Военный сборник, 1881. Т. CLIX. № 8. Отд. 1. — С. 214–215.

Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. — М.; Тула, 1999.

Наумов А.Н. Основные этапы изучения и мемориализации Куликова поля и сражения 1380 г. // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. — М.; Тула, 1999. — С. 16.

Наумов А.Н., Наумова Т.В. Находки с Куликова поля XIX — 30-гг. XX в.: их состав, обстоятельства обнаружения и владельцы // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. — Тула, 2012. — С. 148–149.

Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы, 1821. Ч. 118. № 14. — С. 125.

Памятники Куликовского цикла / Сост. *А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин.* — СПб, 1998. — 412 с.

Реликвии Донского побоища: Находки на Куликовом поле / Сост. *О.В. Двуреченский.* — М.: Квадрига, 2008. — 88 с.

Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 г. // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып.73. — М., 1990. — С. 74. Рис. 1.

Хорошкевич А.Л. Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. Т. 2. — Тула, 2003. — С. 176.

Шульгин П.М. Поле битвы — особый тип историко-культурной территории // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. — Тула, 2000. — С. 7–14

Шульгин П.М. Поле битвы как особый объект наследия // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы». Москва — Куликово поле. 31 мая — 2 июня 2000 г. — Тула, 2002. — С. 9–14.

МИССИЯ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА — СОХРАНЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА

Российская культура часто переживает нелёгкие времена. Это и социально-политические потрясения, которых пришлось немало на долю России в XX в., это и военные невзгоды, это, конечно, и всевозможные сокращения и «оптимизации». Но, к счастью, российская культура неуничтожима, как и преданные ей люди. Российское культурное наследие всеобъемлюще, всепроникающе, всепрощающе. Русская культура могуча тем, что она самовоспроизводится, сама перемальвает все и всяческие невзгоды. Она сама расставляет всё и всех по своим историческим местам, определяет культурную иерархию событий и явлений, людей и идей. То культурное наполнение истории, которое выработано-отобрано веками, продолжает своё существование, воспроизводится в тысячах и миллионах сохраняющих и преумножающих культурное наследие России поступков и событий, в каждодневной работе граждански ответственных и творческих личностей.

С самого начала своего существования Пушкинский Заповедник стал хранителем уникального пушкинского ландшафта, который можно с полным правом называть «овеществленной поэзией». Посещая Михайловское, Тригорское, Петровское, любой человек может видеть визуальные «иллюстрации» к любимым пушкинским стихам и, читая эти строки, очаровываться видами природы, сохранившимися со времён Пушкина и вдохновлявшими поэта. Гуляя по усадьбам Заповедника, посетитель может наблюдать и «холм лесистый», и «нивы золотые», и «дорогу, изрытую дождями», — практически всё, что есть в пушкинских лирических стихах.

Всю без изъятия культурную историю нашей страны Пушкинский Заповедник пережил вместе с ней. Непросто шло юридическое закрепление мемориального пушкинского ландшафта, тернистыми путями руководители заповедника, его сотрудники, учёные, специалисты добивались включения в состав заповедной территории всего комплекса окружающих Михайловское земель и угодий, озёр и лесов, рощ и садов, лугов и речных пойм. Иногда приходилось «пробивать» очевидные решения на самом «верху», апеллировать к вышестоящему руководству, доказывая подчас приоритет сохранения пушкинского наследия над сиюминутной материальной выгодой.

Первоначально Декретом СНК РСФСР в 1922 г. в заповедник вошли только усадьбы Михайловское, Тригорское и могила А. С. Пушкина в Святогорском монастыре — всего около 200 га. В 1927 г. встал вопрос о включении в состав заповедника «холма лесистого» и земли за озером Маленец, вместе с самим озером. Уже тогда руководство заповедника понимало необходимость соединения вместе всех пушкинских земель, образующих единое «художественное» целое. В 1938 г., обратившись непосредственно к Председателю СНК СССР В. М. Молотову, руководству музея удалось добиться включения в заповедную территорию участка заливного луга вдоль озера Петровское (Кучане), соединившего земли заповедника в Михайловском и Петровском.

Но Великая Отечественная война внесла свои жестокие коррективы: были почти полностью стёрты с лица земли все музейные усадьбы и только пушкинский ландшафт израненный, но не убитый остался немым свидетелем происшедшего. В 1945 году директором музея-заповедника «Михайловское» был назначен Семён Степанович Гейченко, который по крупицам стал заново собирать всю пушкинскую историю, «...находя и всякому облаку и дереву его «законное» место и выведывая у них, как быть равным им в подлинности и правде»¹. Именно с этого времени началась история обновлённого и воссозданного заповедника.

*Вид на оз. Кучане, р. Сорочь и прилегающий ландшафт.
Просматривается усадьба Михайловское — крайняя слева с южного берега.
Усадьба Петровское — справа на восточном берегу (фото Н. А. Алексеева)*

¹ В. Курбатов. Домовой. Семен Степанович Гейченко: письма и разговоры. — Псков; с. Михайловское, 2013. — С. 12.

В 1965 году Решением исполкома Псковского областного Совета депутатов трудящихся было положено начало сохранению прилегающей к усадьбам Михайловское, Тригорское и Петровское местности: пушкинского ландшафта. И только спустя 20 лет, в 1983 году, был подготовлен и согласован исполнительным комитетом Пушкиногорского районного Совета народных депутатов «Проект генплана района Пушкинского государственного музея-заповедника, детальной планировки пос. Пушкинские Горы и охранных зон памятников истории и культуры» (арх. Г.П. Боренко), который был утверждён решением Псковского областного Совета народных депутатов. В 1987 г. решением Пушкиногорского райисполкома охранные зоны были увеличены в районе с. Велье и усадьбы Лысая Гора. Проект зон охраны 1983 года получил развитие в научно-проектной документации «Схема развития Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в с. Михайловское», выполненной в 1988 г. институтом «Спецпроектреставрация» (рук. проекта В. Ю. Кеслер).

В основу концепции этого проекта входило сохранение крупного территориального комплекса, развитие которого определяет единый историко-культурный сюжет. Основной целью охраны стала историческая целостность усадебных комплексов, основанная на обширной системе взаимосвязей мемориальных объектов с окружающим ландшафтом, включая историческую застройку поселений.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ 1995 г. «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области», Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина в Михайловском был преобразован в Государственный мемориальный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» Министерства культуры Российской Федерации. Площадь территории музея-заповедника с расположенными на этой территории памятниками истории и культуры составила 9713 га. Администрация Псковской области и Министерство культуры РФ должны были уточнить границы территории музея-заповедника и установить в 1995—1996 гг. его зоны охраны. После согласованной работы министерства и областных властей администрации Пушкиногорского, Красногородского и Островского районов приняли постановления о демаркации границ Пушкинского музея-заповедника и его филиалов. Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1995 г. Пушкинский Заповедник был включён в состав Государственного свода особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Сразу после этого началась кропотливая работа по определению охранных зон музея-заповедника. До начала 2000-х гг. было подготовлено несколько проектов охранных зон, но они не были утверждены, а с начала 2000-х стремительно стало меняться законодательство. В 2008 г. Санкт-Петербургский научно-исследовательский и проектный институт по реставрации памятников истории и культуры («Спецпроектреставрация») разработал временный Проект зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Пушкинского Заповедника, но и он не был утверждён в связи с правовой неопределённостью законодательной базы в отношении музеев-заповедников на тот период.

Вид на Савкину горку и, на заднем плане, дисгармонирующую застройку д. Деловцы

Вместе с тем с приходом в 2004 г. нового главы администрации Пушкиногорского района защищённость заповедных территорий существенно ухудшилась. Администрация Пушкиногорского района в это время приняла целый ряд решений об отмене предыдущих постановлений о границах территории Пушкинского Заповедника, и мемориальные земли оказались незащищёнными. Начались многочисленные проблемы с застройщиками: скупка и перепродажа паевых земель, перевод земель сельскохозяйственного назначения в земли населённых пунктов, неконтролируемая застройка населённых пунктов вблизи музеев-усадб. Сложилась очень сложная правовая ситуация в отношении использования ценного культурного и природного наследия. Желание многих застройщиков вплотную, «окно в окно», созерцать уникальные пушкинские места стало приводить к изменению пространственной среды, являющейся невосполнимой ценностью, культурным каркасом всей заповедной территории. Стало ясно, что без сохранения всех элементов мемориального пространства — открытых пространств, планировочной структуры, разнообразия объектов культурного наследия и природного ландшафта — невозможно сохранение национального достояния, культурного феномена, имеющего мировое значение.

Необходимо было найти правовые средства сохранения мемориальной территории как большого многофункционального организма, имеющего в своей структуре объекты наследия, различные по виду, структуре и способам охраны. Перед руководством музея-заповедника встал вопрос о необходимости придания авторитетного статуса основной территории вокруг Михайловского и двум кластерным участкам (Велье и Голубово), связанным с именем А. С. Пушкина на псковской земле. В 2006 г. в заповедник на несколько дней приехал Ю. А. Веденин, который на основании своей краткой, но весьма содержательной рекогносцировки и многочасовых обсуждений с руководством предложил установить для литературно-мемориального ландшафта как целостного объекта наследия статус достопримечательного места. На протяжении последующих лет в му-

зее-заповеднике велась напряжённая работа по установлению такого статуса — одной из наиболее действенных форм сохранения культурного ландшафта. Это было необходимо и для охраны ландшафта, и для регламентации пользования землями в границах Михайловского с окрестностями, и для установления зон охраны заповедных объектов.

На протяжении нескольких лет сотрудники Пушкинского Заповедника и специалисты Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, руководимого Ю.А. Ведениным, вместе со специалистами из научных центров Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы вели всестороннюю научно-исследовательскую работу по выявлению достопримечательного места как объекта культурного наследия, по изучению внутренней структуры и состояния мемориального ландшафта. Был проведён анализ поставленных на охрану и вновь выявленных объектов культурного наследия с учётом их ландшафтной значимости, исследована топонимика территории, проведены биоэкологические исследования, составлена гидрологическая и общегеографическая характеристика бассейна реки Сороть, дана оценка экологической ситуации, определены лесохозяйственные и лесорастительные условия. Экспедиционные исследования показали большое разнообразие ландшафтов и их высокую историко-культурную, научную и экологическую ценность.

По заданию Министерства культуры РФ в 2009—2012 гг. ООО «Реставрационно-строительная компания Альфарекон» совместно с Пушкинским Заповедником выполнила «Проект по определению режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах территории достопримечательного места, связанного с пребыванием А.С. Пушкина в Псковской области». На тот момент ситуация противостояния музея как хранителя исторического ландшафта и собственников земель, желающих распоряжаться участками по своему усмотрению и не принимавших никаких ограничений, достигла пика напряжённости. Поэтому в 2011 году Государственный комитет Псковской области по культуре взял на себя ответственность, выпустив приказ, определяющий на время разработки проекта достопримечательного места правовой режим использования земель и земельных участков в границах Пушкинского Заповедника как особо ценного объекта культурного наследия народов РФ. Другими словами, на всей особо ценной территории был введён мораторий на проведение любых работ, ведущих к изменению существующего ландшафта.

На базе глубоких и всесторонних исследований, проводившихся с 1965 по 2010 г. профессиональными специалистами (Г.П. Боренко, В.Ю. Кеслер, ряд специалистов Института Наследия), территория, обладающая исключительной историко-культурной ценностью, была уже выявлена. Границы достопримечательного места на 90% совпали с границами территории, определённой Постановлением Правительства РФ 1995 г. «О мерах по сохранению и дальнейшему развитию Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в с. Михайловском Пушкиногорского района Псковской области». Это целостная территория, включающая исторически и пространственно связанную систему объектов культурного наследия с их окрестностями, куда, помимо пушкинских музеев-усадб, вошли: долина реки Сороти с озёрами Кучане и Маленец; холмы напротив Михайловского и Савкиной Горки; поля за рекой Сороть, напротив усадьбы Тригорское, пойма речки Луговки с холмами, с которых открываются далёкие перспективы окрестностей и традиционные сельские пейзажи с деревнями Бугрово, Березино, Гай-

Карта-схема Пушкинского Заповедника с границами достопримечательного места (материалы Концепции развития Пушкинского Заповедника на период до 2024 г.)

ки, Луговка. В единый комплекс достопримечательного места из-за удалённости от основного ядра не вошли лишь находящиеся в соседних Островском и Красногородском районах бывшая усадьба Голубово и городище Велье.

Задачей последнего проекта явилось уточнение ранее разработанных режимов использования заповедных земель и приведение их в соответствие с Законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительным кодексом. Приказом № 1985 Министерства культуры РФ от 2.12.2013 «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А. С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области» было отнесено к объектам культурного наследия федерального значения и утверждён предмет его охраны. А в 2014 году вступил в силу документ, по которому Пушкинский Заповедник теперь строит свои отношения с застройщиками. Это приказ № 303 Министерства культуры РФ «Об утверждении характера использования, ограничений и требований к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории объекта культурного наследия федерального значения «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А. С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области». Приказом определены четыре режима использования земель вне населённых пунктов и девять режимов использования земель в населённых пунктах. В территорию достопримечательного места вошли 27 населённых пунктов, которые разделены на пять категорий в зависимости от их историко-культурной ценности и состояния.

Сегодня Пушкинский Заповедник выполняет функцию хранителя мемориально-исторического ландшафта. Вопросы же юридического согласования строительства, проектирования и ведения хозяйственной деятельности на территории достопримечательного места решает Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия.

Определение и закрепление мемориальных территорий в составе Пушкинского Заповедника, длившееся без малого столетие, стало важнейшим этапом в его истории, когда с помощью не только историко-культурного, но и юридического обоснования стала возможна их всеобъемлющая защита — не только от времени, но прежде всего — от бескультурья отдельных правообладателей недвижимости. Тем не менее работа по сохранению мемориального ландшафта в музее-заповеднике на этом не закончилась. Теперь необходимо было определиться в действиях по поддержанию и частичному восстановлению мемориального пушкинского ландшафта.

В 2013 г. Пушкинский Заповедник вновь обратился в Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва с просьбой оказать содействие в разработке новой Концепции развития, которая отразила бы не только изменившийся статус мемориальных земель, но и определила бы пути и способы сохранения, развития и рекультивации мемориального ландшафта. И опять директор института Ю. А. Веденин и специалисты института начали совместную работу с музеем-заповедником, теперь — по созданию новой Концепции развития. В традициях работ дореформенного института её отличают комплексность, всесторонность, внимание к мелочам и деталям, часто определяющим живую ткань заповедного организма, дотошное, доскональное изучение на месте проблем деятельности музея-заповедника, реализуемой

на девяноста семи квадратных километрах достопримечательного места. Только изучение на месте, в натуре, природно-ландшафтной, музейной, просветительной и хозяйственной фактуры, исследование вживую работ по сохранению, сбережению, восстановлению пушкинского литературно-мемориального культурного ландшафта позволило учёным института в сотрудничестве с коллективом заповедника создать Концепцию его развития. Такую концепцию, которая стала на сегодняшний день определяющим документом, научной программой его жизни и деятельности на текущий период и на перспективу.

Содержание концепции развития музейной территории на период до 2024 года во многом определялось теми научными достижениями, тем колоссальным вкладом в культурное строительство России, которыми ознаменована творческая деятельность Ю. А. Веденина и руководимого им института. Он принимал непосредственное участие в её разработке после ухода с поста директора как главный научный сотрудник Института Наследия, а затем уже как сотрудник Института географии РАН. Имя Ю. А. Веденина, стоящее в перечне авторов Концепции, придаёт ей научный авторитет, так необходимый сегодня в музейной работе.

В разработке Концепции принимали участие многие научные сотрудники Института Наследия, соратники Веденина, в большинстве своём вынужденно покинувшие институт в 2013–2016 гг.² Творческий научный коллектив был сформирован к.э.н. Павлом Матвеевичем Шульгиным, зам. директора Института Наследия по научной работе в 1992–2013 гг. В него вошли: С. К. Губенко, к. арх. И. Г. Иванова, д.г.н. В. Н. Калужков, к.г.н. М. Е. Кулешова, В. М. Матасов, Е. Ю. Недбальская, к.г.н. О. Е. Штеле. Вместе с учёными института большую работу по подготовке Концепции выполнили сотрудники Пушкинского Заповедника, каждый из которых не только предоставил все необходимые данные о своём участке музейной работы, но вносил конкретные предложения по перспективам его развития. Директор музея-заповедника, к.э.н. Г. Н. Василевич, лично инициировал на Учёном совете музея-заповедника 13 апреля 2013 г. (в этот день исполнился 21 год Институту Наследия «веденинского созыва») создание новой Концепции развития музея. В коллектив авторов со стороны музея-заповедника вошли: нач. отдела краеведения А. М. Васильев, нач. службы массовых мероприятий Н. В. Виноградова, нач. службы творческих проектов А. Е. Бойцова, гл. хранитель музейных территорий Е. Н. Дмитриева, хранитель музея «Пушкинская деревня», к. филол. н. В. Ю. Козмин, нач. экскурсионно-методической службы Е. А. Михайлова, гл. хранитель музейных лесов и парков Г. Н. Пиврик, гл. хранитель музейных фондов Д. С. Плотникова, вед. спец. службы музейных территорий А. А. Степанов, заместитель директора музея по научной, музейной и экскурсионной работе Л. П. Тихонова. Большой творческий коллектив разработал и представил новую Концепцию Пушкинского Заповедника, которая стала новым словом в деле сохранения пушкинского ландшафта. И не только. Она явилась добрым памятником творческому коллективу единомышленников.

² П. М. Шульгин, О. Е. Штеле — представлены в настоящем сборнике; В. Н. Калужков в настоящее время руководит кафедрой регионологии на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; И. Г. Иванова — доцент кафедры истории архитектуры и градостроительства МАРХИ; Недбальская Е. Ю. — зав. отделом культурно-просветительских программ Государственного музея Л. Н. Толстого на Пречистенке; С. К. Губенко продолжает работать в Институте Наследия.

Вид от усадьбы Михайловское на запад: слева просматривается уступ Савкиной Горки, справа через озеро — уголья д. Дедовцы (фото Н.А. Алексеева)

Центральным разделом Концепции стала разработка основных направлений поддержания и развития культурных ландшафтов музея-заповедника. Концепция скрупулёзно описывает природно-культурное разнообразие, выявляет уникальные природно-культурные ландшафтные комплексы на заповедной территории, даёт им качественные, содержательные характеристики, увязывает их в том числе с мемориальными и историческими явлениями и событиями и, наконец, подробно указывает на необходимые мероприятия, долженствующие сохранить и восстановить исторический ландшафт на территории заповедника.

Новая Концепция констатирует, что «главнейшее, что сохранилось достоверно с пушкинских времен в музее-заповеднике, — это ландшафт. Природа дошла до нас фактически не тронутой с той поры, это и создаёт неповторимую пушкинскую атмосферу». Согласно этому положению, Концепция определяет важнейшие мероприятия по поддержанию этого уникального качества заповедника.

Во-первых, необходимо восстановление заброшенных усадебных комплексов пушкинской поры, исторические места расположения которых входят в территорию музея-заповедника. В описании основных проектов Концепции предложены музейное содержание, музейно-туристские функции предлагаемых к воссозданию усадеб.

Во-вторых, необходимо восстановление полноты ландшафтного облика существующих музеев-усадб заповедника. Для этого предназначено проектное описание новых объектов музейного показа на базе предложенных к восстановлению хозяйственных и иных усадебных построек: крестьянских изб, птичников, каретных сараев, амбаров и проч.

Вид на усадьбу Михайловское от д. Дедовцы

В-третьих, для возрождения подлинного пушкинского пейзажа необходимо восстановление традиционных сельскохозяйственных угодий в пределах существующих усадеб: полей ржи и льна, пастбищ, сенокосов, огородов, ягодников и т.д. Современное депрессивное состояние сельского хозяйства всего российского Нечерноземья, в том числе и Псковской области, делает эту задачу особенно актуальной, поскольку её реализация препятствует зарастанию ландшафтных объектов кустарником и мелколесьем, заболачиванию лугов и сенокосов и пр. Восстановление хозяйственной деятельности на усадьбах и вокруг них позволит также создать новые музейные программы, связанные с показом циклов различных сельскохозяйственных работ.

В-четвёртых, на территории музея-заповедника необходимы восстановление и расчистка важных структурных элементов историко-культурного ландшафта — исторических дорог и троп, а также системы озёр, прудов, малых речек и ручьёв. Эти элементы соединяют различные ландшафтные комплексы в единое целое, в противовес современным асфальтовым дорогам, которые удобны для туристов, но не являются исторически оправданными и тем более — достоверными.

В-пятых, необходима поддержка на территории заповедника традиционной деревянной застройки, исторически сложившейся в этом регионе и характерной для него.

В-шестых, «важно продолжать традицию создания новых пушкинских образов, наращивать их «плотность», продолжая работы по ландшафтно-адекватной локализации

героев произведений Пушкина на территории музея-заповедника». Концепция предлагает такую «локализацию» на месте воссоздания исчезнувших усадеб, например музей романа «Евгений Онегин» или музей героев пушкинских сказок.

*Выход от дома в Михайловском на еловую аллею
в Михайловские рощи*

Наконец, новая Концепция подробно выявляет угрозы пушкинскому ландшафту и предлагает мероприятия по поддержанию основных культурно-ландшафтных комплексов. Среди этих угроз названы: зарастание поймы реки Сороть; обмеление, зарастание и заболачивание озёр Кучане, Велье; «омертвление» ландшафта, связанное с отсутствием сенокосов и выпаса домашнего скота; неадекватная ландшафту коттеджная застройка деревень Зимари, Воронич, Бугрово, Бирюли; оползневые процессы на крутых склонах городищ, долины Сороти и оврагов; зарастание усадебных прудов; зарастание сельскохозяйственных угодий мелкоколесьем и кустарником. Кроме указанных угроз, существуют ещё и некоторые специфические трудности поддержания культурного ландшафта, например утрата визуальных связей городища Врев с окружающей местностью, зарастание городища.

Мероприятия, необходимые для купирования (понятие, введённое в научный оборот Ю.А. Ведениным) указанных угроз, подробно прописываются Концепцией и включают прежде всего агротехнические работы в виде корчевания, вырубки, уборки, вспашки, дискования, боронования, засева лугов, обработки полей, а также стимулирование выпаса скота, организацию «демонстрационных» сенокосов, создание зелёных кулис, выкашивание территорий, дноуглубление и расчистку водных

объектов. Предлагаемые Концепцией меры по ликвидации угрожающих ландшафту процессов направлены в первую очередь на воссоздание в возможно полном виде пушкинского и, более того, — традиционного русского ландшафта северо-западной России, который испокон веков, до наступления постсоветской эпохи, господствовал в этих местах. Приоритет его сохранения, поддержания и восстановления очевиден. Концепция, в которой этот приоритет впервые определён, является не просто руководящим документом в деле сохранения культурных ландшафтов, но и, в немалой степени, памятником самоотверженности и научного творчества учёных Института Наследия и музейных работников заповедника, глубокого понимания ими задач его культурного развития.

За прошедшее столетие проделана огромная работа по сохранению мемориального пушкинского ландшафта. Сотни неравнодушных людей, учёных, музейных работников, служащих внесли свой вклад в сбережение и преумножение пушкинского наследия. Сегодня Пушкинский Заповедник является учреждением, имеющим сложную инфраструктуру охраны культурного наследия, полностью соответствующую всем отечественным и мировым требованиям в этой сфере. Это даёт ему возможность с честью исполнять свою общественную, национальную, всемирную миссию хранения и передачи пушкинского наследия поколениям граждан России, всем, кого объединяет русская культура.

ИСТОЧНИКИ:

Проект генплана района Пушкинского Государственного музея-заповедника, детальной планировки пос. Пушкинские Горы и охранных зон памятников истории и культуры / Рук. арх. *Г.П. Боренко*. — Москва, 1983.

Научно-проектная документация «Схема развития Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в с. Михайловское» / Рук. *В. Ю. Кеслер*, институт «Спецпроектреставрация». — Москва, 1988.

Научно-проектная документация «Генеральный план Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Псковской области» / Рук. *В. Ю. Кеслер*, институт «Спецпроектреставрация». — Москва, 1992.

Проект установления охранной территории Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Пушкиногорском, Островском, Красногородском районах / СевЗапНИИгипрозем. — Псков, 1995.

Экологическое исследование территории Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» / Рук. *Г. А. Зайцева*, ООО «Экокультура». — Москва, 1998.

Отчёт о результатах научно-исследовательских работ по оценке воздействия антропогенных и природных факторов на экологическую ситуацию в бассейне реки Сорочь / ФГУ по водному хозяйству «Псковводхоз». — Псков, 2002.

Научно-исследовательский отчёт «Инвентаризация флоры Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника

А. С. Пушкина «Михайловское» / Рук. *Н. Б. Истомина*, Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова. — Псков, 2007.

Научно-исследовательский отчёт «Инвентаризация фауны позвоночных животных Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» / Рук. *Л. С. Щерблыкина*, Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова. — Псков, 2008.

Научно-исследовательский отчёт «Инвентаризация лишенобиоты Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» / Рук. *Н. Б. Истомина*, Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова. — Псков, 2008.

Отчет о научно-исследовательской работе «Анализ внутренней структуры и состояния культурного ландшафта в границах зон охраны Пушкинского Заповедника как достопримечательного места» / *М. Е. Кулешова*, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва, 2008.

Микротопонимы музея-заповедника «Михайловское» / *О. Н. Глазунова*, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. — Москва, 2009.

Научно-проектная документация «Проект по определению режимов использования земель и градостроительных регламентов в границе территории проекта достопримечательного места, связанного с пребыванием А. С. Пушкина в Псковской области» / Рук. *Е. В. Пуришева*, ООО «РСК Альфарекон». — Москва, 2011.

Концепция развития Пушкинского Заповедника на период до 2024 года / Рук. *П. М. Шульгин*. — с. Михайловское, 2015.

КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОМПЛЕКС «ОЗЕРО СВЕТЛОЯР И СЕЛО ВЛАДИМИРСКОЕ». К ИСТОРИИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Юрию Александровичу Веденину —
одному из хранителей Святынь Китежских

«В граде Китеже, в граде Китеже, на безлистом илистом дне... Погодите же! Погодите же! Слышен колокол в тишине!» — эти строки принадлежат перу Виталия Бетаки. Легенда о граде Китеже, сокрывшемся в глубинах озера Светлояр, — одна из самых поэтических и патриотических легенд о древней Руси.

Представления о Китеже христианизировались в русле общих процессов, происходивших в русской культуре. Однако даже в поздних фольклорных образах различимы лежащие в их основе архетипы, которые сложились в древней мифологической традиции. Они живут в генетической памяти поколений, передающих своё культурное наследие по законам преемственности. Эти же первообразы пульсируют и в «сверхличном, или коллективном, бессознательном», что со всей очевидностью проявляется в народном творчестве и особенно — в мифологии, которую К. Г. Юнг отождествляет с «коллективной психикой, а не индивидуальной» (Криничная, 2004, с. 712). «Познание духовной глубины Светлояра вышло из народа и идёт к народу волнующим своим сказом. Веянием своего духа оно исходит из русской культуры и возвращается в неё <...> Светлояр — «золотая жила» художников, поэтов, композиторов, мыслителей, которым доступна духовная глубина жизни. Эзотерически эта легенда вскрывает высшую реальность человека и народов» (Иоанн., 1992, с. 509–510).

Своё второе рождение озеро Светлояр получило во времена раскола в церкви, когда в начале XVIII века более 40 тысяч старообрядцев пришли в керженские леса, спасая святую веру предков. Тогда озеро Светлояр с легендой о граде Китеже стало главной святыней верующих. В старообрядческих книгах нет речи о погружении Китежа в воды Светлояра. Есть закрытие града Христом. Китеж уходит в иное измерение. Именно так записал А. Печерский (П. И. Мельников) устное предание о граде Китеже, ставшее основой общерусского мифа:

«Цел тот город до сих пор — с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженецкими узорчатými теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, не гниющего леса домами. Цел град,

но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, божьим повеленьем, когда безбожный царь Батый, разорив Русь Суздальскую, пошёл воевать Русь Китежскую... Не допустил Господь басурманского поруганья над святыней христианскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сыскать, ослепленные. И досель тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отражённые в воде стены, церкви, монастыри, терема княженецкие, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских».

Есть предания и о погружении Китежа на дно Светлояра, когда Христос, вняв молитве в храме, спасает град от татар. Максим Горький слышал в детстве такое предание от бабушки, что и описал в повести «В людях».

Нет нужды говорить, насколько чудесная легенда, распространившаяся вместе с романом М. П. Мельникова-Печерского «В лесах» (1875 г.), затронула чувства образованных людей России. Появляется знаменитое «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н. А. Римского-Корсакова (1904 г.). Образ непокорённого города воплощают в своих картинах художники Н. К. Рерих, А. М. Васнецов, К. А. Коровин, М. П. Клодт, М. В. Нестеров, Ф. С. Богородский, Н. М. Ромадин, И. С. Глазунов. Поэты и писатели — А. Н. Майков, М. Горький, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский, Э. Н. Гиппиус, М. М. Пришвин, Н. А. Клюев, С. А. Есенин, И. А. Бунин, А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, И. С. Шмелёв, И. А. Ильин — многократно возвращаются к Китежу.

Овладевая умами и вдохновляя на творчество, образ Китежа в начале XX века побуждал многих интеллигентов приобщиться к созерцанию и сопереживанию «праведной Руси». В село Владимирское Семеновского уезда Нижегородской губернии, находящееся рядом с озером Светлояр (сегодня это Воскресенский район Нижегородской области), приезжали многие из них. Стремление к устройению общества и поиск смысла жизни притягивали к берегам Светлого озера. Почти каждый, кто побывал «у стен града невидимого» и был преисполнен ярких впечатлений, оставлял красочные описания своего странствия.

Райнер Мария Рильке в своём известном письме к Леониду Пастернаку (отцу поэта) писал 14 марта 1926 года о том, что исконная («глубинная... умеющая всё претерпеть») Россия не погибла, а лишь «вернулась ныне к своим потаённым корням, как это было уже с ней однажды во времена татарщины <...> и, объятая темнотою, незримо и медленно, в святой своей неторопливости собирается с силами для какого-нибудь ещё, быть может, далёкого будущего» (Рильке .., 2003, с. 550).

Охваченная коммунистическими идеями, Россия подверглась социальному переустройству, но её сокровенная суть осталась нетронутой. Придёт время, и она явит миру свой ослепительный, незамутнённый («нерукотворный») лик. Такого рода представления были распространены даже в советский период.

Идея русского Китежа, коренившаяся в народной легенде, вырастает в общенациональный миф. Происходит это прежде всего из потребностей общественного сознания. Успех романов Мельникова-Печерского, оперы Римского-Корсакова, стихотворений

Клюева и Волошина объясняется не только их художественными достоинствами, он напрямую связан с движением русской общественной мысли: от народничества 1860—1870-х годов к религиозному народничеству начала XX века; от революционной волны в первой половине 1900-х годов к богоискательству и богостроительству, охватившим в «эпоху реакции» различные слои русского общества; от яростных дискуссий вокруг проблемы «народ и интеллигенция», предельно обострившихся в период между двух революций, до полного переосмысления понятия «народ» после победы большевизма. Нараставшее на этом фоне внимание к Китежу представляется вполне естественным (Азадовский, 2013).

Легенда, как видно, оказалась жизнеспособной. Два мифа (о Святой Руси и невидимом граде) постепенно слились воедино, и Китеж стал жить в нашей культуре как воплощение трагической судьбы России, как выражение её неосуществлённых мечтаний о Царстве Божием и Небесном Иерусалиме, о праведной, райской жизни. Сюжет разросся, превратился в систему представлений, в ёмкую метафору, трактовать которую можно по-разному, но ядро её остаётся неизменным: образ богоспасаемой, святой страны. В этом и заключается уникальность «местной легенды», давно преодолевшей свой старообрядческий генезис.

«Китежский миф, повествующий о прошлом, объясняющий искупительный путь настоящего и дающий опору для веры в будущее, становится средством осмысления русской истории» (Карлсон, 2011, с. 352).

Да, китежский миф превратился в миф о России, какой она до сих пор предстаёт зачарованному взору: несбыточная утопия, «наш неосуществимый сон», как сказал М. Волошин. По словам Л. Анненского, «обаяние и тайна есенинской Руси — в тихо лучащемся отсутствии». Ключевые образы — звон и сон (дрёма, туман, дымка). Есенинская Россия (небесный град Китеж) тихо дремлет под звон колоколов «на туманном берегу»:

Молочный дым качает ветром сёла,
Но ветра нет, есть только лёгкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей весёлой,
Вцепивши руки в жёлтый крутосклон.

Или:

И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

Лирический герой Есенина в стихотворении «За тёмной прядью перелесиц...» прямо отождествляет себя с поэтом:

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Это очень показательные строки. Две России — «земная» и «небесная» — уживаются в душе поэта, хотя его тоска — о голубой Руси, небесном граде Китеже. Лирический герой Есенина — «вечно странствующий странник», «в лазурь уходящий». А родина потому и любима смертной любовью, что это оставленная родина. Мотив покинутого отчего дома — ведущий в лирике Есенина (Художественный мир., 2011). Покинутый отчий дом и есть град Светлый, «небесная Россия», которую автор тонко чувствовал, искал, а при моментах соприкосновения воспевал через красоту природы и «крестьянский космос русской души».

Мы видим, как из местной легенды миф о граде Китеже стал одним из национальных символов России. И сегодня «небесная Россия» как и «небесный град Китеж» существуют в разных сакральных местах: в Кенозерье, Сибири, Тверской области и др.

Заслуживает внимания параллель между градом Китежем и Порженским погостом, который расположен в священной роще на территории Кенозерского национального парка. Что общего между Нижегородским Заволжьем и Русским Севером? Исторически озеро Светлояр входило в Макарьевский уезд Нижегородской губернии. На озере был скит известного Макарьевского монастыря на Волге. Монастырь получил своё имя в честь того Макария Унженского, благодаря чудотворной иконе которого была основана местная обитель на Хергозере в Кенозерье.

Порженское упоминается в сказании о чудесах иконы Макария Унженского, события которого относятся к первой половине XVII века. Сердце нынешнего храмового комплекса — находящаяся в святой роще церковь Георгия Победоносца — была построена местными крестьянами в 1782 году. По другим сведениям, церковь была срублена в этом же году, но на территории особо почитаемой местными жителями Макарьевской пустыни, находящейся в 10 верстах от Порженского, и лишь в 1820-х годах перенесена в село и установлена на кладбище в святой роще.

Озеро Светлояр с окрестностями

В легенде о граде Китеже главный действующий герой — Георгий. И в храме Владимирской Иконы Божией Матери в селе Владимирском есть придел в честь Святого Георгия. Близ озера расположен святой ключ Кибелёк, в народе его называют Георгиевским, а рядом Георгиевская купальня. Существует легенда об образовании источника. Считается, что сам Георгий Победоносец вызвался защищать град Китеж, и его лошадь в этом месте оступилась и из-под копыта забила вода — целебная и чистая, как слеза.

Интересна связь с Хергозерской Макарьевской пустынью (Макарьевский монастырь). В памяти коренного населения в единственном месте на Кенозерье сохранился один из основных обрядов, который совершался большинством паломников в эту местность, — это заветное обползание «на четвереньках» озера, где располагалась пустынь (или обход — учитывая громадные размеры водоёма). В Макарьевской пустыни основной святыней считалось озеро, вода которого почиталась за святую и исцеляла. В обрядовый комплекс посещения этого культового места входило омовение в водах озера, моление у поклонного креста, стоявшего на мысу, посещение храма и пр. Возможно, эта традиция родственна старообрядческим традициям с озера Светлояр, где издавна обползали озеро, давая обеты. Но в Светлояре не купались, настолько почитали это святое место. Таким образом, есть связь в духовных традициях почитания сакральных мест Нижегородского Заволжья и Русского Севера.

И в наши дни на берега озера Светлояр опять начинают приходиться верующие, паломники. Одновременно с этим территория у озера пользуется туристической популярностью и превратилась в некое подобие зоны отдыха не только районного, но и областного значения, что создаёт большие проблемы как этического, так и организационного порядка. Образно говоря, Светлояр стонет от того, как ведёт себя отдыхающая публика на его священных берегах.

Мы чувствуем, как незримо разрушается духовное наследие, благодаря умалению, а подчас — и осквернению, вековых устоев и традиций. Однако «сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной самодисциплины и социальной» (Лихачёв, 1983, с. 82). Длительный процесс исторического развития общества, окружающей среды ведёт к нарастанию мощности культурного слоя, к формированию сложной и разнообразной культурной среды. Д. С. Лихачёв обращает внимание на обратный процесс: «“Запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со всё прогрессирующей скоростью» (Лихачёв, 1983, с. 93).

Понимание необходимости защиты озера, ландшафта и исторического села Владимирского существовало и двадцать, и пятьдесят лет назад. Решением исполнительного комитета Горьковского областного Совета народных депутатов от 20 октября 1965 года № 915 озеро Светлояр было взято на охрану как памятник природы. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 1997 года

№ 1626 его статус повышен до федерального уровня; распоряжением администрации Нижегородской области от 1 ноября 1995 года №1469-р (с изменениями на 11 марта 1999 года) установлена охранный зона памятника. С организацией природного парка регионального (областного) значения «Воскресенское Поветлужье» (постановление правительства Нижегородской области от 10 июня 2008 года № 232) озеро оказалось включённым в состав территории парка. Село Владимирское тоже не оставалось без внимания: учитывая его историко-культурную связь со Светлояром, село объявили историческим населённым местом местного значения (решение Нижегородского областного Совета народных депутатов от 6 апреля 1993 года № 109-м). По сегодняшней терминологии Владимирское должно являться историческим поселением регионального значения.

Однако все эти нормативные правовые акты касались лишь небольших участков целостной ландшафтно-исторической территории, а с изменением законодательства в начале 2000-х годов село Владимирское вообще оказалось за пределами правового поля в части возможностей охраны его исторических составляющих. На территории села официально числится лишь один объект культурного наследия — Владимирская церковь. Тем временем принятый в 2002 году Федеральный закон № 73-ФЗ об объектах культурного наследия (ОКН) ввёл новое для России понятие — достопримечательное место (ДМ) как один из видов ОКН. Появилась возможность относиться к целой территории во всей её комплексности как к памятнику истории и культуры.

В этой связи чрезвычайно актуальными и важными были разработки Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, давшие направление действий и базу для обоснований утверждения статуса ДМ Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское». На основании исследований по выявлению историко-культурной, ландшафтно-исторической и ландшафтно-экологической значимости территории, проведённых специалистами Научно-исследовательского предприятия «Этнос» под руководством И.С. Агафоновой и А.И. Давыдова в 2012—2013 годах, были разработаны критерии оценки ДМ, определены его границы, описаны части и элементы, подлежащие охране и сохранению. Выполненная документация позволила придать Культурно-ландшафтному комплексу «Озеро Светлояр и село Владимирское» статус объекта культурного наследия (постановление правительства Нижегородской области от 20 января 2015 года № 17) и утвердить «Предмет охраны» этого достопримечательного места.

Надо отметить, что тесное сотрудничество с Институтом культурного и природного наследия начиналось значительно ранее. Ещё в 2006 году Юрий Александрович Веденин вместе с Мариной Евгеньевной Кулешовой, приняв участие во вторых Китежских чтениях в селе Владимирском, высказали своё научное и творческое видение по вопросам сохранения озера Светлояр и окружающего ландшафта. Затем состоялся их приезд для подготовки предложений по сохранению природного и культурного наследия и его развитию на территории природного парка «Воскресенское Поветлужье» и окрестностей. Было посещение усадьбы Левашовых в деревне Галибиха и деревянной Троицкой церкви 1713 года в селе Троицкое. Вспоминается момент, когда Юрий Александрович

Ю. А. Веденин с коллегами (слева — А. Б. Гроза и И. В. Петров, справа — М. Е. Кулешова и И. К. Русакомский) знакомится с территорией природного парка «Воскресенское Поветлужье», 2008 г.

поднялся на колокольню. Созерцая окружающий ландшафт, он вспомнил о Кенозере и сказал, что уж очень родное и созвучное по чувствам переживает в душе, как на Порженском погосте, — и водная гладь, и обзор с холма, и природа, и испытанное благоговейное состояние души. Вспомнил и о хранительнице Кенозерья Елене Флегонтовне Шатковской, сказав, что и она бы тоже нашла что-то очень похожее в этих двух местах — одном, находящемся в глухом Нижегородском Заволжье, другом — в глуши Русского Севера (побывав в 2016 году на Порженском, можем это подтвердить через свои личные переживания).

Уже тогда были озвучены предложения по музеефикации ландшафта у озера Светлояр. Написанный Ю. А. Ведениным набросок «Программы сохранения и эффективного использования культурного и природного наследия в Воскресенском районе и прилегающих к нему территориях», частично реализованной, не потерял актуальности и сегодня. Вот его текст:

«ПРОГРАММА СОХРАНЕНИЯ
И ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСКРЕСЕНСКОМ РАЙОНЕ
И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕМУ ТЕРРИТОРИЯХ
(ТЕЗИСЫ)

В основе формирования и освоения культурного и природного наследия Воскресенского и соседствующих с ним районов лежат следующие объекты и явления:

- озеро Светлояр и легенда о граде Китеже;*
- история старообрядчества и мест расселения старообрядцев;*
- река Ветлуга с расположенными на её берегах старинными сёлами, деревянными церквями, усадьбами и раскрывающимся с высоких её берегов панорамами.*

Программа сохранения и использования наследия может включать в себя три основных проекта:

- организацию регулярного международного фестиваля искусств «Град Китеж». Фестиваль включает презентацию музыкальных театров, раскрывающих историческую и мифологическую тему, проведение по этой же теме художественных выставок. Фестиваль должен проводиться в Нижнем Новгороде, городах и крупных поселениях Нижегородского Заволжья и на озере Светлояр. В перспективе в фестивале могут принять участие российские и зарубежные театры, отдельные солисты, имеющие в своей программе арии из оперы «Сказание о граде Китеже», других сочинений Римского-Корсакова или его учеников (например, Стравинского);*

- организация особо охраняемой территории (возможно, природного парка) вдоль реки Ветлуги с выделением на его территории системы достопримечательных мест и историко-архитектурных ансамблей. Формирование на территории парка и примыкающих к нему территорий туристской инфраструктуры;*

- организация музея-заповедника «Град Китеж» на базе Светлоярского природного заказника. Внесение этой территории в Государственный реестр объектов наследия в качестве достопримечательного места с дальнейшим отнесением его к историко-культурным заповедникам;*

- организация музея старообрядчества в гор. Семёнове и отдельных музейных экспозиций на месте бывших скитов и в местах, где сохранились старообрядческие кладбища.*

Первым этапом на пути организации фестиваля «Град Китеж» может стать проведение районного праздника, приуроченного к дате первого представления оперы Римского-Корсакова с приглашением солистов Нижегородского оперного театра. Этот праздник может быть проведён на территории районного центра Воскресенского района и в селе Владимирском. К этому празднику может быть приурочена выставка.

Другой праздник, который может быть проведён на территории Воскресенского района, а потом на территории других районов, расположенных вдоль реки Ветлуги, это фестиваль реки, празднование, посвящённое этой реке. Праздник должен проходить на реке, и основная тема праздника — красота реки, её духовное и природное бо-

гатство, история её освоения, история народов, живших когда-то и проживающих сегодня на этой реке. Очевидно, можно подумать о создании музея реки Ветлуги. Такой музей может быть организован на территории Природного парка или в Воскресенском.

Тема града Китежа может быть раскрыта в визит-центре музея-заповедника «Град Китеж», в селе Владимирское.

Тема града Китежа должна быть освоена в сувенирном деле. Необходима государственная или муниципальная поддержка ремесленникам для создания производства и реализации такого рода продукции. Необходимо взять под контроль художественный уровень изготавливаемых сувениров, найти экономические стимулы для привлечения к этому производству хороших художников.

Третья тема, которая может быть раскрыта на территории района, — это организация в Воскресенском районе экскурсионного маршрута, посвящённого лесопромышленникам и купцам Нижегородского Заволжья. Музейная экспозиция на эту тему может быть создана на базе Воскресенского краеведческого музея. Это сделает его более привлекательным для туристов из Нижнего Новгорода и других регионов России.

Наконец, одним из важнейших условий развития территории района следует назвать бережное, тактичное отношение к той исторической градостроительной среде, которая сложилась и сохранилась в старых населённых пунктах — сёлах и деревнях. Новая застройка и новое строительство должны учитывать стилевые архитектурные особенности поселений, чтобы не разрушить их традиционную исторически сложившуюся структуру, представляющую собой градостроительное наследие района, составляющее его имидж и во многом определяющее его привлекательность для посетителей. В то же время новые сооружения не должны особенно выделяться, их формы и параметры должны быть достаточно корректными по отношению к существующей исторической застройке. Традиционные сельские поселения становятся редким культурным феноменом, и их ценность со временем будет неуклонно расти.

Ю. А. Веденин
2006 г.»

Интересно, что несколькими годами раньше, в начале 2000-х, ещё до поездки Юрия Александровича на озеро, Институт Наследия в рамках Концепции развития музеев-заповедников на уровне Правительства РФ выдвинул предложение о создании двух музеев-заповедников в Нижегородской области: «Град Китеж» и музей-заповедник, посвящённый старообрядчеству, — на родине протопопы Аввакума в селе Григорово Большемурашкинского района. А когда уже шла работа по обоснованию придания статуса достопримечательного места культурно-ландшафтному комплексу «Озеро Светлояр и село Владимирское», именно Юрий Александрович предложил «Озеро Светлояр» поставить на первое место, а не после «села Владимирского», как это было в рабочем документе.

Поддержка и консультации со стороны Ю. А. Веденина сыграли значительную роль в обосновании и утверждении границ ДМ, определении предмета охраны объекта культурного наследия, разработке требований к градостроительному регламенту. Научные разработки Ю. А. Веденина и М. Е. Кулешовой, а также С. Б. Горбатенко

На тропе вокруг оз. Светлояр: Т.Г. Павлова,
Ю.А. Веденин, А.Б. Гроза, 2006 г.

по теме культурных ландшафтов легли в основу подготовки обоснования ценности культурно-ландшафтного комплекса, сформулированного в заключения Государственной историко-культурной экспертизы (эксперты И. С. Агафонова и А. И. Давыдов) следующим образом:

«Проведённые историко-библиографические и натурные исследования и изученные материалы дают необходимую полноту и информативность для вынесения объективного решения об историко-культурной значимости объекта, в котором *в неразрывном единстве присутствуют материальная и духовная составляющие*. На основании *топографической идентификации объекта установлена и описана его граница*, он обладает индивидуальной, ярко выраженной, исторически, градостроительно и ландшафтно обусловленной пространственной структурой, имеет несомненную ландшафтно-историческую и историко-культурную ценность. Основополагающим критерием здесь является наличие самого озера Светлояр — материального носителя духовной составляющей — идеи духовного обновления. Масштабы значимости этой идейной и духовной составляющей выходят далеко за рамки конкретного озера, села и даже региона. Они имеют огромное значение для всей русской культуры в самом широком и глубоком её понимании. Отсюда ещё один критерий оценки территориального комплекса — *высокая общественная, публичная значимость объекта, задаваемая его духовной, идейной составляющей, уникальность и самобытность объекта*.

Ландшафт, окружающий озеро, носит следы сакрализации. Об этом говорят наименования холмов, памятные кресты на почитаемых местах, расположенных по ходу движения вокруг озера, камень-следовик (углубление — след на нём, по народному поверью, оставила Богородица). Важными дополнениями являются другие сакральные объекты (Святой источник — ключ Кибелек и могилы Трёх Святых старцев), находящиеся в некотором отдалении от озера и связанные с ним тропой и ландшафтом.

Ключ Кибелёк и святой колодец

Неотъемлемой частью объекта как культурно-ландшафтного комплекса является село Владимирское, сохранившее характерные особенности старинного заволжского поселения и связанное с озером территориально и планировочно. *Высокая степень сохранности и целостности исторического ландшафта, исторической планировки и застройки села Владимирского является ещё одним основополагающим признаком объекта.*

Именно на этом основана современная культурная жизнь села, *преимущественно развивающая лучшие традиции данной территории, в первую очередь — культурно-воспитательные. Налицо присутствие в пределах территории объектов, активно участвующих в процессе воспитания, творческого развития личности, изучения культурного наследия.* Таким образом, объект представляет собой *тип выдающегося развивающегося ландшафта, который сохраняет активную роль в современном сообществе, в нём продолжаются эволюционные процессы.* Этим в полной мере обусловлена его *социокультурная ценность.*

Для культурно-ландшафтного комплекса «Озеро Светлояр и село Владимирское» в полной мере характерно присутствие *«духа места», имеющего мифоритуальные истоки, связанные в первую очередь с сакрализацией озера.* Село Владимирское являлось местом бытования «Китежского летописца», отразившего легенду о невидимом граде Китеже. Отсюда мифология местности, топонимика, потребность в реализации внутренних творческих сил людей (живущих здесь, приезжающих) — культура *живого этнокультурного ландшафта.*

Каждая часть достопримечательного места имеет свой *выразительный художественный образ.* В первую очередь это касается самого озера Светлояр с его правильной яйцевидной формой, чистой прозрачной водой, на которое открываются *живописные виды* со многих точек окружающего ландшафта — высокого и холмистого в южной части и низменного в северной. Неотъемлемыми составляющими образа территории являются леса, окружающие озеро, подводящая к озеру от села Владимирского

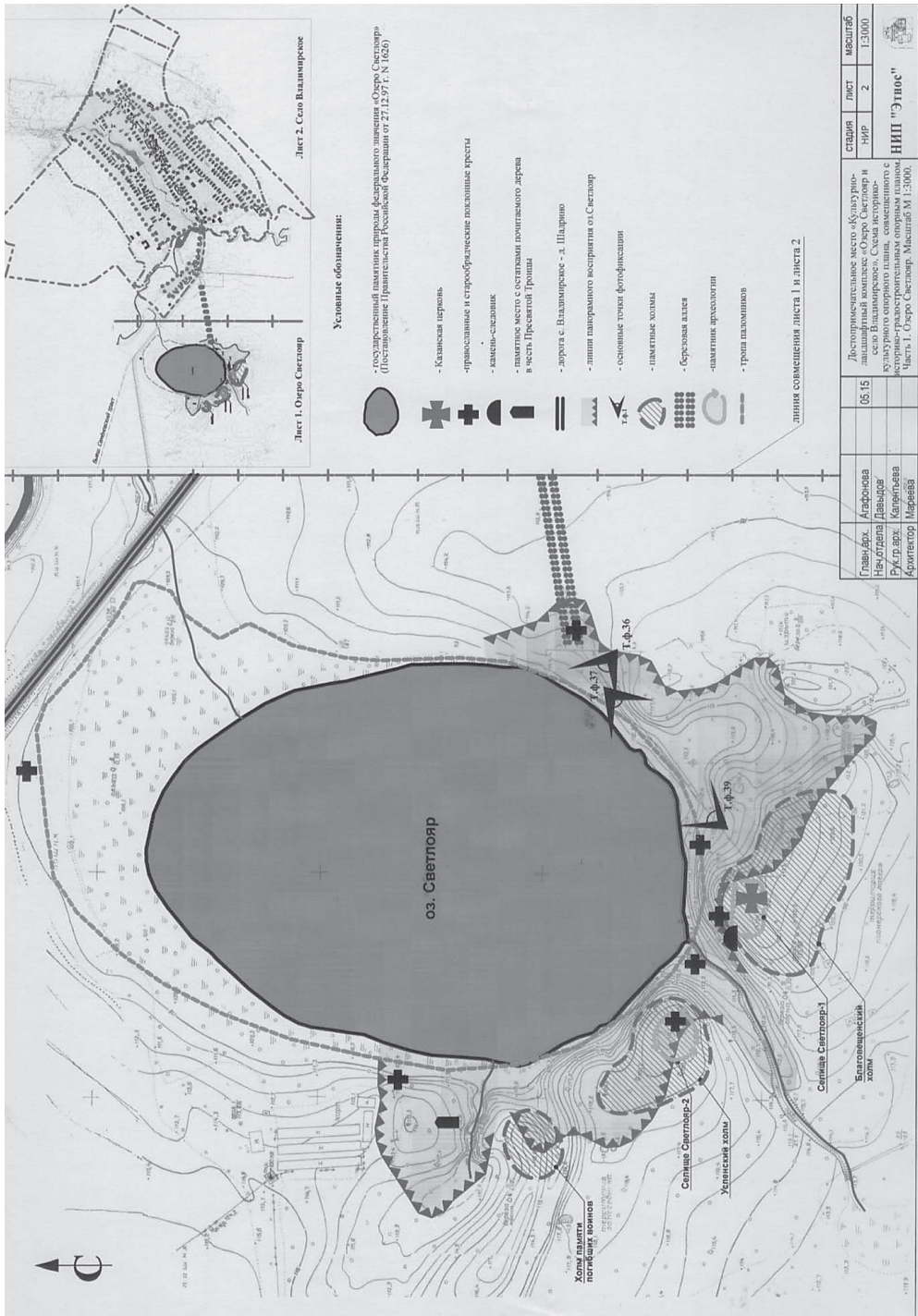

Схема предмета охраны озера Светлояр

длинная светлая берёзовая аллея, специально посаженная в 1960-х годах. Открытые пространства пахотных земель и лугов обуславливают наличие панорамных видов на природные окрестности и видов на село Владимирское, обеспечивают визуальные связи между отдельными частями. Речки Люнда, Теплуха и их пруды не являются определяющими для культурно-ландшафтного комплекса, но добавляют живописности и привлекательности облику и образу села Владимирского.

Существуют цепочки ассоциативных связей, каждое звено которых вызывает в памяти другие составляющие: Светлояр — град Китеж — Китежская Русь; Светлояр — праздник Купалы; село Владимирское — Светлояр — ритуальный обход озера — поклонные (памятные) кресты и памятные места — Кибелёк — Георгиевская купальня — могилы Трёх Святых старцев; село Владимирское — Воскресенское Поветлужье — Светлояр; село Владимирское — престольный праздник Владимирской церкви — чудотворная Владимирская икона Богородицы. Все части ДМ, объединённые святым озером и реально связанные друг с другом географически и планировочно, в совокупности своей представляют тип ассоциативного ландшафта.

Наличие озера Светлояр в сочетании с живописным природным ландшафтом и его сакральными объектами, топосами, эволюционно развивающимся поселением и возможностями развития инфраструктуры на близлежащих территориях обуславливают высокий туристический потенциал объекта.

Наличие археологических культурных слоёв в районе озера и речки Люнды (на сегодняшний день выявлено три объекта, один из них включён в реестр объектов культурного наследия) свидетельствует о давности освоения данной территории и также является значимым для истории региона. Кроме того, мемориальная значимость территории и отдельных объектов связана с пребыванием здесь выдающихся деятелей культуры — писателей и поэтов.

Именно совокупность всех этих основополагающих параметров, носящих ландшафтно-исторический, ландшафтно-экологический, историко-культурный, историко-архитектурный, градостроительный, художественный, ассоциативно-культурный характер, лежит в основе выделения культурно-ландшафтного комплекса «Озеро Светлояр и село Владимирское» как объекта культурного наследия. Комплексность, многослойность, масштабность и универсальность объекта в полной мере отвечают определению «достопримечательного места», данному в Федеральном законе № 73-ФЗ. Таким образом, этот историко-культурный ландшафт, получивший высокую оценку и идентифицированный, может быть предложен к включению в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в качестве достопримечательного места».

Озеро Светлояр является одним из ярких примеров культурного ландшафта. По классификации ЮНЕСКО — это ассоциативный тип: ландшафты, хранящие в себе память о выдающихся исторических событиях, исторических личностях, или ландшафты, связанные с художественными произведениями и религиозными верованиями. При этом необходимо отметить, что культурный ландшафт как объект наследия рассматривается весьма широко. Он включает не только вещественно выраженные природные и культурные объекты, но и сохранившуюся здесь живую традиционную

культуру, мифы и легенды, хранителем которых является население, проживающее на этой территории.

Культурно-ландшафтный комплекс «Озеро Светлояр и село Владимирское» — развивающийся культурный ландшафт, который играет активную роль в современном обществе. Но это замечательное само по себе обстоятельство таит огромную опасность для достопримечательного места. Несмотря на имеющиеся защитные меры, существуют серьёзные проблемы существования озера как ландшафтного объекта наследия, угроза потери самобытности исторического села и превращения его в дачно-коттеджный посёлок в окружении турбаз и ресторанов. Явственно ощущаемый «дух места» с его мифо-ритуальными истоками и идеей духовного обновления может уже в самое ближайшее время оказаться заменённым на дачный, курортный, развлекательный. Чтобы противостоять этим процессам, необходимы в том числе юридические и нормативно-правовые меры.

Рядовая застройка села Владимирского

Важной составляющей, предшествующей разработке документа, регулирующего характер использования различных участков территории и устанавливающего ограничения и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству (градостроительный регламент), является определение предмета охраны — описанных чётким юридическим языком параметров объекта культурного наследия, которые в совокупности определяют образ территории и «дух места». Именно они должны быть сохранены при любой возможной здесь хозяйственной деятельности.

Предмет охраны имеет свои особенности для каждой из двух частей достопримечательного места — природно-ландшафтной и селитебной зон.

Для природно-ландшафтной зоны к предмету охраны отнесены основные композиционные элементы ландшафта (озеро Светлояр с его береговыми склонами и памятными холмами; берёзовая аллея, ведущая к озеру; ручей — ключ Кибелёк с Георгиевской купальней; лесные массивы; луговые пространства и земли сельхозназначения); планировочная и объёмно-пространственная структура местности, включающая основные композиционно-планировочные узлы и оси (направления дорог, «тропы паломников», особенности рельефа местности и старый Семёновский тракт); пейзажи (конкретные виды и панорамы), открывающиеся с главных точек восприятия природного и культурного ландшафта и определяющие выразительность архитектурно-художественных образов. К предмету охраны относятся и знаковые материальные объекты культурного ландшафта, причём не только конкретные объекты (например, камень-следовик), но и параметры объектов: местоположение, основные габариты, строительный материал (дерево, сруб) Казанской церкви, выстроенной в 2001 году на основании распоряжения губернатора Нижегородской области от 1996 года и отмечающей место бывшей здесь в XIX — начале XX века часовни. Аналогично трактуется и способ охраны и сохранения поклонных (православных и старообрядческих) крестов вокруг озера, крестов, отмечающих могилы Трёх Святых Старцев (по другой версии — трёх богатырей): местоположение объектов, материал изготовления — дерево, основные габариты крестов (в пределах существующих), тип крестов (восьмиконечные).

К сожалению, за пределами утверждённого предмета охраны остались два пункта, первоначально нами обозначенные, но вызвавшие некоторое непонимание в связи со сложностями их юридического толкования и необходимостью дополнительных подробных разъяснений:

Казанская церковь на высоком берегу оз. Светлояр

— звуковая палитра культурного ландшафта: естественные звуки живой природы, преобладающие звуки тишины, имеющие особое значение в связи с преданием о колокольных звонах, доносящихся со дна озера Светлояр;

— традиционные способы поддержания сакрального смысла культурного ландшафта: религиозные праздники и обряды, крестные ходы вокруг озера, устройство деревянных поклонных крестов.

Между тем то, что происходит сегодня на Светлояре 6 июля, когда престольный праздник главного храма села переходит в народное празднование, заслуживает особого внимания. В этот день, собирающий здесь огромное число людей, проходят крестные ходы с Владимирской иконой Богоматери, ночной обход вокруг озера со свечами «Китежский Благовест», театрализованные представления на тему «Град Китеж — душа России», художественные выставки, концерты художественной самодеятельности, ярмарки изделий народных промыслов.

К предмету охраны территории в пределах поселковой черты села Владимирского отнесены следующие объекты и параметры:

— планировочная структура села, включая её элементы — трассировку и линии застройки улиц Советской, Первомайской, Пролетарской, Октябрьской, Школьной, Культуры; местоположение общественно значимых участков планировочной структуры и пространственных доминант, их градостроительное и функциональное назначение (дамба и определяемая её местоположением поперечная улица, пересечение её с улицей Советской — «Кресты»; территория объекта культурного наследия — Владимирской церкви; историческая территория Никольской церкви; зона общественно-культурного назначения между улицами Советской и Октябрьской — со сквером, Домом культуры, музейно-туристическим комплексом «Град Китеж»; зона культурно-образовательного назначения с Историко-художественным музеем «Китеж», детским центром творчества «Китеж» с выставочным залом, посвящённым керамике); усадебную структуру жилой застройки (индивидуальные жилые дома с приусадебными участками), масштаб застройки; тип организации уличного фронта;

— объёмно-пространственная структура села, включая её элементы — масштабные и силуэтные характеристики исторической застройки; систему высотных доминант (Никольская и Владимирская церкви, пожарная каланча с водонапорными баками), составляющую пространственно-видовой каркас села;

— местоположение, историческая (проектная) объёмно-пространственная структура, архитектурное решение фасадов, подлинные архитектурные детали фасадов исторически ценного градоформирующего объекта — Никольской церкви;

— местоположение, существующая и/или историческая объёмно-пространственная структура (с возможностью реконструкции с возведением пристроенных в дворовой части), общий исторический архитектурный облик, подлинные ценные архитектурные детали фасадов, историческая форма крыши и традиционные кровельные материалы, историческая система покраски и цветовое решение исторически ценных градоформирующих объектов (далее следует перечисление ценных по своим архитектурно-художественным, историческим и другим параметрам конкретных объектов историко-градостроительной среды);

— образные, типологические и стилистические характеристики исторической застройки — типологические характеристики уличных фасадов исторической жилой застройки, выходящих на красные линии улиц, являющихся основными композиционными осями (Советской, Первомайской, Пролетарской, Октябрьской, Школьной), хозяйственных и бытовых построек; в первую очередь — исторические структура, масштаб, пропорции уличных фасадов домов; характер и пропорции архитектурных деталей фасадов; типы традиционно используемых элементов малых архитектурных форм — деревянные (не глухие) ограждения участков и др.;

— исторически сложившееся функциональное зонирование. Здесь следует отметить, что перечисленные ниже функциональные зоны имеют все основания для их закрепления и сохранения: преимущественное размещение жилых домов на основной территории села; действующие православные храмы; развитый общественно-культурный центр; активно работающий культурно-образовательный центр; торгово-обслуживающая и туристическо-культурная зона в районе улицы Советской; рекреационная зона по правому берегу речки Люнды;

— элементы природного и антропогенного ландшафта: речки Теплуха и Люнда; особенности рельефа местности; запруды-дамбы на речках; зелёные участки общего пользования с прудами;

— виды и панорамы, открывающиеся с основных точек восприятия сельского ландшафта.

Говоря о предмете охраны села Владимирского в целом, следует отметить главный принцип, по которому отбирались параметры предмета охраны ДМ: сохранению подлжит выразительность архитектурно-художественного образа села, а соответственно — не только сами ценные объекты исторической застройки, но и характерные их параметры, от которых этот образ зависит.

*Пожарная каланча и характерная застройка
общественного центра села*

Историческая застройка центральной части села

«Правила землепользования и застройки (градостроительные регламенты)» для села Владимирского были разработаны в составе генерального плана села ещё в 2005 году. Документация эта уже тогда не учитывала тонкости нового на тот период законодательства 2002 года об объектах культурного наследия, а к настоящему времени она в ряде своих разделов значительно устарела.

Сегодня особенно важно установить актуальные «правила игры» для уникального культурного ландшафта, в особенности — для его наименее защищённой части — исторического села Владимирского. При поддержке гранта Европейского Союза Научно-исследовательским предприятием «Этнос» под руководством И. С. Агафоновой были разработаны «Требования к осуществлению деятельности в границах территории достопримечательного места, требования к градостроительному регламенту в границах территории достопримечательного места» (согласно № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

«Требования» структурированы таким образом, чтобы было понятно, какие именно параметры объекта культурного наследия должны с их помощью сохраняться. Так, например, для обеспечения сохранения *планировочной структуры села* необходимо: сохранить и закрепить исторические линии застройки и тип организации уличного фронта (дома поставлены по красным линиям улиц либо с небольшим отступом и организацией палисадников) по улицам Советской, Первомайской, Пролетарской, Школьной, Октябрьской, Культуры; провести реконструкцию общественно значимых участков планировочной структуры и пространственных доминант в соответствии с их функциональным и градостроительным значением; сохранить усадебную структуру жилой застройки и учитывать при формировании земельных участков исторические принципы парцелляции, а увеличение жилплощади (в случае необходимости) обеспечивать за счёт

пристроенных объёмов в дворовой части с допустимым увеличением площади застройки в пределах 50%; сохранить в незастроенном виде элементы природного ландшафта (речки Теплуха и Люнда с системами прудов, зелёными массивами и поймами вдоль рек; зелёные участки общего пользования с прудами), где допускается размещение временных объектов, связанных с рекреационной функцией (пляжные объекты, в том числе деревянные мостки, скамейки и т.п.).

Для сохранения объёмно-пространственной структуры села в «Требования» добавляются вертикальные и силуэтные параметры: одно-двухэтажные индивидуальные жилые дома с двухскатными или вальмовыми крышами, возможность применения мезонинов; сохранение рельефа местности; реставрация и реконструкция существующей системы высотных доминант (Никольская и Владимирская церкви, пожарная каланча, водонапорные башни), составляющих пространственно-видовой каркас села; восстановление столбовых часовен в районе «Крестов», в районе пересечения улиц Школьной и Новой.

Для обеспечения сохранности на своём историческом местоположении исторически ценных градоформирующих объектов — зданий и сооружений (всего тридцать семь объектов), формирующих историческую застройку и объединённых в том числе масштабом, объёмом, структурой, стилем, конструктивными материалами, цветовым решением и декоративными элементами, предусмотрены ограничения, необходимые при их возможной реконструкции (сохранение исторических высотных параметров, сохранение исторического общего архитектурного облика, просматриваемого с основных видовых точек, — точки определяются проектом), сохранение исторических форм и размеров архитектурных деталей фасадов, сохранение подлинных ценных элементов

Деревянный одноэтажный дом в 3-4 оси света по главному фасаду с фронтонным завершением		Деревянный одноэтажный дом-пятистенок в 5-6 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном		Деревянный на каменном этаже дом в 3-4 оси света по главному фасаду с фронтонным завершением	
Деревянный одноэтажный дом в 3-4 оси света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном		Деревянный одноэтажный дом-шестистенок в 7-9 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном		Деревянный на каменном этаже дом в 3-4 оси света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном	
Деревянный одноэтажный дом-пятистенок в 5-6 осей света по главному фасаду с фронтонным завершением		Деревянный одноэтажный дом в 5-6 осей света по главному фасаду с трехосновным мезонином и фронталом		Деревянный на каменном этаже дом-пятистенок в 6 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном	
				Деревянный на каменном этаже дом-шестистенок в 6 осей света по главному фасаду с вальмовой кровлей со слуховым окном	

Рекомендуемые типы застройки

Пример декора — наличники на окнах

фасадного декора, восстановление (воссоздание) утраченных исторических параметров, в том числе — ценных деталей и элементов декора).

Запрещающие меры касаются перемещения объектов и изменения общего исторического облика главных (уличных) фасадов и их параметров, в том числе изменение размеров и пропорций исторических оконных проёмов, обшивка фасадов панелями типа «сайдинг» и другими искусственными современными материалами. В «Требованиях» даны и рекомендации в отношении указанных объектов: сохранение (в основном) исторической объёмно-пространственной структуры, сохранение исторической формы крыш и традиционных кровельных материалов, сохранение исторической системы отделки, исторической системы покраски фасадов, их цветового решения.

По отношению к рядовым объектам историко-градостроительной среды требования аналогичны, но существенно смягчены и носят в основном рекомендательный характер. Что касается объектов советской и постсоветской застройки, то их реконструкция должна проходить без увеличения высотных параметров по специальным проектам, которые могут предусматривать в том числе изменение внешнего архитектурного облика с ограничениями, подробно описанными в регламенте, либо с приведением внешнего облика к облику исторической застройки.

Чрезвычайно важна расшифровка пункта, касающегося сохранения образных, типологических и стилистических характеристик застройки при новом строительстве и реконструкции застройки. Понятно, что использование методов компенсационного строительства здесь предпочтительно. Но в случае, когда эти методы не могут быть применены, следует учитывать при проектировании новых объектов типологические, плотностные, планировочные, композиционные, масштабные, высотные и силуэтные параметры исторической застройки села Владимирского и окрестностей, традиции использования строительных материалов. Габариты новой застройки должны обеспечивать масштабное соответствие с окружающей исторической средой на основе наиболее устойчивых пространственно-планировочных признаков и приёмов, характерных для жилой застройки региона, а также исключать создание фона, неблагоприятного для

восприятия памятников и других исторически ценных градоформирующих объектов. С этой целью указаны ограничения по параметрам объектов разрешённого нового капитального строительства и реконструкции (максимальная и рекомендуемая протяжённость уличных фасадов для домов разного типа, предельные высотные размеры, а также ограничения, касающиеся силуэта построек, масштабности фасадов и стилистики, строительных материалов и приёмов, цвета и декора).

Наглядной иллюстрацией возможных архитектурных решений служат таблицы с рекомендуемыми к применению архитектурно-композиционными приёмами построения объёмов и фасадов жилых домов — приложение к регламенту.

Важными для сохранения образа исторического поселения служат и ограничения в отношении хозяйственных и бытовых построек, традиционно используемых элементов малых архитектурных форм. Основным является требование к внешнему виду ограждений участков: разрешение устройства глухих дощатых заборов-штaketников высотой в пределах 1,5 м и запрещение глухих, в том числе металлических (профнастил) заборов, покраска ограждений в нехарактерные для сельской архитектуры яркие цвета.

Элементы благоустройства (скамьи, урны, цветочницы, светильники, колодцы, киоски) должны иметь облик, соответствующий характеру объекта культурного наследия. Подробно описаны ограничения в отношении средств наружной рекламы и информации — с целью не допустить негативное влияние на восприятие историко-градостроительной среды села.

Направленность развития села как части достопримечательного места подкрепляет пункт «Требований», говорящий о необходимости закрепления исторически сложившихся функций и функциональных подзон, имеющих перспективу устойчивого развития.

Ряд положений в «Требованиях» касается установления ограничений на проезд автотранспорта в летнее время, создания условий для запрещения транзитного транспортного движения по улицам Советской и Школьной (практически мы, таким образом, обратили внимание на необходимость строительства объездной дороги), запрещения устройства автопарковок и автостоянок, за исключением парковок для гостевых и туристических автомашин и автобусов на площадках при культовых объектах, при объектах социальной инфраструктуры (многофункциональный культурный центр по улице Советской, Историко-художественный музей «Китеж» и др.); при въезде на территорию села с транзитной автотрассы предлагается организовать автостоянку. Принятие этих мер будет способствовать нормализации обычной жизни села, испытывающего сейчас большую перегрузку в летний период.

В «Требованиях» уделяется внимание необходимости капитального ремонта и реконструкции объектов инженерной и транспортной инфраструктуры, в том числе реконструкции запруд-дамб на речках Теплухе и Люнде (с учётом оптимизации водного режима речек), разрешается, в случае необходимости, строительство аналогичных объектов. Запрещается прокладка инженерных коммуникаций (теплотрасс, газопровода) вдоль красных линий улиц (Советской, Первомайской, Пролетарской, Октябрьской, Школьной, Культуры) надземным способом.

- двускатная, четарехскатная крыша без перелома

- крыша мансардного (дачного) типа с переломом

- симметричная крыша

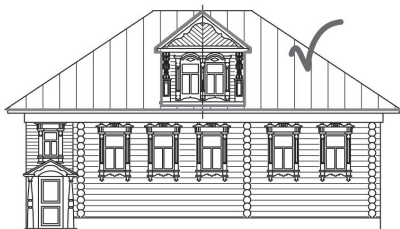
- асимметричная крыша

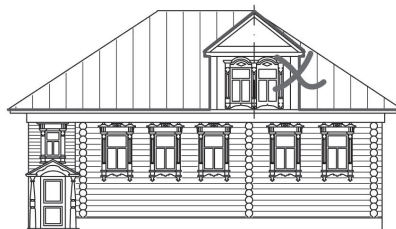
- центральное слуховое окно, расположенное на оси симметрии фасада

- несколько слуховых окон, в т.ч. разного типа, расположение со смещением относительно оси симметрии фасада

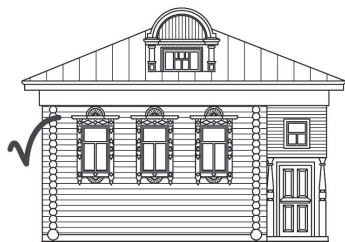

- центральное слуховое окно - мезонин

- устройство мезонина со смещением относительно центральной оси главного фасада

Примеры архитектурно-композиционных приёмов, рекомендуемые и не рекомендуемые

- главный фасад в 3 - 7 осей света

- изменение количества, закладка существующих оконных проемов, 2 оси света по главному фасаду

- вертикальная форма оконных проемов, традиционные пропорции соотношения высоты и ширины, Т-образная расстеловка рам

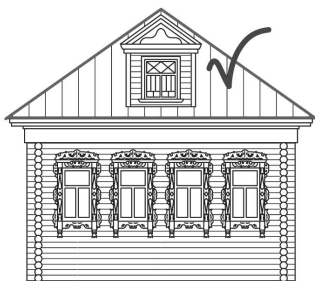
- горизонтальная форма окон, нарушение пропорций соотношения высоты и ширины; расстеловка окон не соответствует исторической, нарушены пропорции

- традиционные формы и пропорции чердачных окон в тимпане фронтона

- нетрадиционные формы и пропорции чердачных окон в тимпане фронтона

- традиционные формы и пропорции слуховых окон вальмовой крыши

- нетрадиционные формы и пропорции слуховых и чердачных окон (устройство световых фонарей, выходящих на главный фасад)

Примеры архитектурно-композиционных приёмов, рекомендуемые и не рекомендуемые

Отдельные пункты «Требований» касаются двух храмов села. Действующая деревянная Владимирская церковь (1766 г.) имеет статус объекта культурного наследия и, соответственно, защищена действующим законодательством от неумелых реконструкций («Требования» лишь напоминают об этом). Что же касается краснокирпичной Никольской церкви, то она, не достроенная в 1908—1914 годах и лишённая пятиглавия в советский период, не имеет сегодня официального статуса памятника и нуждается в грамотной реставрации. Именно это требование «научной реставрации храма с восстановлением изначальной проектной объёмно-пространственной структуры (пятиглавие, колокольня над западным входом), приспособлением для современного использования при сохранении подлинных архитектурных деталей фасадов» закреплено в документе, касающемся достопримечательного места.

Разработанный документ прошёл предварительное обсуждение в органах районной администрации, получил согласование Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области. Однако дальнейшая судьба его неоднозначна. Проведённые в конце марта 2016 года публичные слушания показали, что часть людей не готова принять предложенные ограничения, понимая их как ущемление прав и возврат в прошлые века. Очевидно, что на сегодняшний день преждевременно было бы настаивать на принятии документа в полном объёме. К тому же недостаточная проработанность ряда пунктов действующего законодательства об объектах культурного наследия, имеющиеся нестыковки с градостроительным законодательством РФ в сочетании с реальным уровнем жизни подавляющего большинства сельских жителей действительно могут стать серьёзным препятствием для нормальной жизни в селе Владимирском. И в первую очередь это может затронуть тех, кто живёт в самых красивых и старых домах, которые, как правило, требуют ремонта, а подчас — и серьёзной реконструкции. Действующее сегодня законодательство РФ не позволяет на государственном и административном уровне помогать содержать и ремонтировать ценные старинные постройки, как это делается, например, в странах Европы (субсидии владельцам памятников истории и культуры, поддерживающим исторический облик зданий, и др.)

Различия в архитектурно-композиционных приёмах современной и исторической застройки

Таким образом, предстоит большая работа — прежде всего с местными жителями. Необходимо, чтобы именно они поняли, что заложено в идею сохранения историчности Владимирского, какие преимущества даст сохранение традиций строительства и градостроительства, сохранение старых наличников, крыш, масштаба и пропорций уличных фасадов домов, ограждений участков, а тем самым — исторического образа села.

Именно в этом ключе в рамках упоминавшегося ранее гранта для села Владимирского разработан каталог рекомендуемых типов жилых домов, фасадов, деталей декора, малых архитектурных форм, а также варианты эскизных проектов, совмещающие традиционный облик дома и современный комфорт. Материалы эти общедоступны и переданы главному архитектору Воскресенского района и во Владимирский сельсовет. Что же касается нормативно-правовых документов, то на сегодняшний день во вновь разработанные документы территориального планирования и Правила землепользования и застройки вошла лишь часть рекомендаций и ограничений по ДМ (например, касающаяся внешнего вида заборов и размеров жилых домов).

В сложившихся условиях целесообразно говорить о музеефикации культурного ландшафта озера Светлояр и прилегающих достопримечательностей. Музеефикация здесь понимается как включение историко-культурных и природных объектов в музейное пространство, наделение их функциями музейного экспозиционирования с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, природной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру.

В 2016 году, в связи с начавшимся функционированием нового здания (Музейно-туристический комплекс «Град Китеж»), находящегося в ведении Историко-художественного музея «Китеж», это учреждение получило новое наименование: Историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Град Китеж». Таким образом, уже в названии подчёркивается фактическая комплексность подхода к музейной деятельности, которая предполагает как сохранение исторических ценностей, так и новые формы взаимодействия с местным населением и гостями территории, развитие исторически ценных параметров культурного ландшафта. Используются такие приёмы, как интерактивы, праздники, посиделки и культурные мероприятия с местным населением; при этом делается акцент на популяризацию традиционной культуры, приобщение к ценностям патриотизма, выстраивание живой связи с исторической памятью предшествующих поколений. Одна из форм работы с населением — «Китежский календарь», в котором расписаны ежемесячные мероприятия, связанные с народной культурой, задающие ритм действий и погружающие нас в традиции и быт наших предков в созвучии с календарём природного цикла. Таким образом, музей-заповедник «Град Китеж» актуализирует культурное наследие и вписывает его в современную культурную среду, выступает как центр социокультурных коммуникаций в сельских поселениях.

Представляется очень важным сохранять и развивать в людях стремление познать свою Родину, её природу и историю — Притяжение Светлояра, основанное на стремлении людей к воссозданию в душах своих образа Светлого Града, созвучного образу Небесного Града Китежа. Это притяжение базируется на нравственных законах и обо-

гащено верой, знаниями и опытом; а живительный источник Матери Природы, великий символ многих поколений, позволяет найти точку опоры и сохранить равновесие в разные эпохи, в том числе и в непростые периоды глобальных перемен.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский К. Тоска и томление по Святой Руси // Новое литературное обозрение. 2013. № 119 (1). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3261>

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиеп. Дно Светлояра // Иоанн Сан-Францисский, архиеп. Избранное / сост. Ю. Линник. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — 575 с.

Карлсон И. Поиски Руси Невидимой: Китежская легенда в русской культуре. 1843–1940. — Goteborg, 2011. — 392 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. — 1008 с.

Лихачёв Д.С. Земля родная. — М.: Просвещение, 1983. — 256 с.

Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи. — СПб, 2003. — 656 с.

Художественный мир Есенина и отголоски «есенинского мифа», 2011. — Электронный ресурс: <http://www.testsoch.info/xudozhestvennyj-mir-esenina-i-otgoloski-eseninskogo-mifa>

«ЗАПОВЕДАННОЕ КЕНОЗЕРЬЕ» В НАУЧНОМ И ЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Ю. А. ВЕДЕНИНА

Понимание культурного ландшафта как ценного природного и историко-культурного комплекса, феномена культуры и объекта наследия, включающего в себя материальный и нематериальный (духовный, информационный) компоненты, актуализировано в России в конце XX века благодаря научному новаторству одного из ярких представителей российского культурного ландшафтоведения — Ю. А. Веденина.

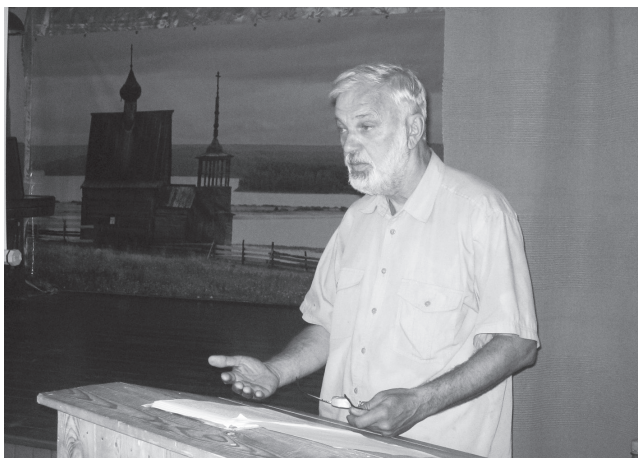
Процессы гуманизации российской географии, наметившиеся в конце XX века, привели к тому, что культурологический подход к проблеме ландшафта стал более заметным. Материальные и духовные ценности ландшафта рассматриваются в качестве одного из эффективных факторов его формирования.

Концептуальные идеи, полевые исследования культурных ландшафтов ведущих научных сотрудников Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (директор института в 1992—2013 гг. — Ю. А. Веденин) и его научных партнёров стали ключевыми для изучения культурного ландшафта Кенозерья, природного и историко-культурного ареала Европейского Севера, маркированного границами Кенозерского национального парка. Продуктивность концепции культурного ландшафта Кенозерья как объекта наследия состоит в её смысловой многозначности и междисциплинарности. Большое значение для исследовательской практики имели концепции и методические конструкты: территориальных природно-культурных комплексов (Ю. А. Веденин, Б. Б. Родоман, М. Е. Кулешова, В. Н. Калуцков); культурного ландшафта как духовно-символического сакрального пространства (М. Н. Мелютина, Н. М. Терехин); фольклора как способа репрезентации и интерпретации культурного ландшафта (Н. М. Ведерникова, Н. В. Дранникова, А. А. Иванова, А. Б. Мороз, С. Е. Никитина и др.); микропонимки как формы структурирования культурного ландшафта (И. И. Муллонен, В. Н. Калуцков); монастырского ландшафта как типа культурного наследия (М. Е. Кулешова, В. П. Столяров и др.); культурного ландшафта как феномена культуры и категории наследия (Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, В. Н. Калуцков); эстетической оценки и эволюционной устой-

чивости ландшафтных структур как основы принятия решений (Е. Ю. Колбовский); культурно-ландшафтного зонирования и стратегического планирования на примере Кенозерья (Ю. А. Веденин, Д. В. Тормосов, А. В. Козыкин). Принципиальной основой многих исследований стала информационная парадигма культурного ландшафта Ю. А. Веденина.

Качественно новым не только для Кенозерского национального парка, но и для всей российской системы федеральных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) стало выделение культурных ландшафтов как комплексного объекта управления.

В результате сотрудничества Кенозерского национального парка с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия в конце 1990-х — начале 2000-х годов была разработана концепция культурного ландшафта Кенозерья как объекта наследия (Культурный ландшафт., 2004), подчеркнута особая специфика Кенозерского национального парка как института обеспечения сохранности и полноценного развития всех видов наследия — природного и культурного, материального и нематериального. ЮНЕСКО выделяет три основные категории культурного ландшафта: рукотворные (целенаправленно созданные), естественно сформировавшиеся и ассоциативные. К естественно сформировавшимся ландшафтам относят сельские, этнические ландшафты, где коренное население остаётся носителем традиционной культуры. Именно к этой категории отнесены культурные ландшафты Кенозерья, исторически сформировавшиеся в результате гармоничного взаимодействия природы и культуры.

Ю. А. Веденин делает доклад на конференции «Кенозерские чтения», 2007 г. (фото Д. И. Федотова)

Крестьянский ландшафт Кенозерья имеет центрическую полизональную структуру (Кулешова, 2004б). Основу формирования культурного ландшафта составляет куст приозёрных деревень. Поселения в Кенозерье располагаются у водоёмов. Расстановка домов-комплексов продиктована конфигурацией озёрных участков, заливов, мысов. Вокруг деревни формируется несколько зон, различаемых по характеру природопользования.

Ближними к ней будут акватория озера и массивы общинных полей с небольшими пере-лесками, образующие вместе с озером пояс открытого пространства. Следующая, весьма обширная зона — мозаичное чередование полян и лесов. Зона имеет радиально-лучевую структуру. Поляны и луга сосредоточены вдоль основных дорог, соединяющих поселения, либо уводящих к дальним озёрам с рыболовными и охотничьими угодьями. Лесолуговые угодья сменяются лесными и озёрно-лесными промысловыми угодьями. Периферийная зона лесов, болот и малых озёр — обязательная составляющая культурного ландшафта. В границах куста деревень, окружающих их полей и лесов, столетиями создавалась единая система производственных, социальных и сакральных учреждений.

Доминантами культурного ландшафта Кенозерья служат уникальные материальные свидетельства крестьянской культуры — церкви, часовни, поклонные кресты, «святые» рожи, а также связанные с ними народные верования и традиции, престольные праздники, которые были и остаются важнейшим элементом духовной жизни местного населения.

Кенозерский национальный парк — единственный национальный парк в России, взявший при организации на свой баланс почти 60 памятников архитектуры, среди которых — шедевры русского деревянного зодчества XVIII — XIX веков. Здесь сформированы и профессионально работают бригады плотников из местных жителей, способные вести самые сложные работы по реставрации памятников, строительству объектов туристской инфраструктуры. За 25 лет полностью отреставрирован 21 памятник культовой архитектуры, на 18 проведены противоаварийные работы.

В 1996 году Кенозерский национальный парк стал участником российско-норвежской программы по сохранению культурного наследия под эгидой Российско-Норвежской смешанной комиссии по охране окружающей среды. Сопредседателем Рабочей группы по культурному наследию с норвежской стороны был Даг Мюклебюст, с российской стороны — Юрий Александрович Веденин. Именно тогда началось наше сотрудничество, переросшее, смеем надеяться, в дружбу. Человек энциклопедических знаний, учёный, географ, художник, Юрий Александрович и его единомышленники

Подписание протокола о совместной деятельности рабочей группы по культурному наследию в рамках российско-норвежского сотрудничества по окружающей среде.

Слева направо: Юрий Веденин, Елена Шатковская, Даг Мюклебюст, Даг Ларсон, 1999 г.

(М. Е. Кулешова, Н. М. Ведерникова и др.) стали научными партнёрами Кенозерского национального парка на долгие годы.

Во многом благодаря Веденину Рабочая группа по охране культурного наследия и руководство Риксантикварена сочли необходимым и возможным распространение опыта реставрации Никольской часовни в д. Вершинино на другие объекты. За эти годы полностью отреставрированы 5 часовен в разных деревнях; спасены от гибели три деревянные церкви, находившиеся в аварийном состоянии; проведены пожарно-охранные мероприятия на отдалённых памятниках. Продолжение сотрудничества на следующих объектах способствовало сближению подходов и методов реставрационных работ, предоставило возможность для обмена научными и практическими знаниями.

Процесс реставрации часовни Святого Духа в д. Глазова, использование лифтинговых систем, 1998 г.

Заканчивается реставрация памятника федерального значения — Почезерского храмового комплекса XVIII века. Здесь в 2002 году впервые в России норвежскими и российскими плотниками-реставраторами была осуществлена уникальная операция по подъёму 200-тонной летней шатровой церкви 1700 года с помощью технологии лифтинга и замены венцов в теле памятника, не прибегая к его раскатке.

Вряд ли мы смогли бы осуществить работы по воссозданию из руин одного из самых сложных объектов — Гужовской мельницы — первой на Северо-Западе России восстановленной действующей водяной мельницы образца XIX века, если бы не финансовая поддержка Риксантикварена. Реставрация этого сложного комплекса гидротехнических сооружений продолжалась в течение 5 лет.

Главный итог сотрудничества — местному населению возвращена роль главного действующего лица в охране наследия. Таким образом, произошло переосмысление общественного и социального значения его сохранения. Именно местное население является реальным носителем традиционной народной культуры, её творцом и хранителем.

Большинство памятников архитектуры находится в сельских поселениях, неразрывно связано со своим историческим окружением и составляет с ним единый комплекс. Сохранение целостности окружающей памятники историко-культурной среды является важной задачей, поскольку традиционная планировка и застройка сами по себе представляют значительную ценность и несут информацию о культуре Кенозерья.

Ключевой вопрос — останется ли деревня деревней, сможем ли мы сохранить дух места, образ живой территории? Без архитектурной среды не сможем. К сожалению, постройки коттеджного типа, разрушающие исторический облик деревень, появляются и в Кенозерье. Реально работающим правовым механизмом, способным защитить заповедную территорию от уродливой застройки, являются Правила землепользования и застройки и зоны охраны памятников истории и культуры. Впервые в России Правила землепользования и застройки разрабатывали не администрации муниципальных образований, а сотрудники Парка с привлечением высококвалифицированных специалистов при поддержке Евросоюза.

В 2010—2011 годах на средства Минкультуры РФ были разработаны 20 проектов зон охраны памятников истории и культуры на основе выполненных ранее историко-архитектурных опорных планов деревень, благодаря финансовой поддержке Минприроды в 2012 году проведена их историко-культурная экспертиза. После доработки они переданы на утверждение в правительство Архангельской области. В совокупности это позволяет сохранить исторически ценную систему планировки, зарезервировать возможности для восстановления ранее утраченных элементов, убрать позднюю диссонирующую застройку, сохранить соответствующую памятнику среду и ландшафт, обеспечить наиболее полное выявление достоинств памятника, благоприятные условия его зрительного восприятия (Шатковская, 2013, Колбовский, 2015).

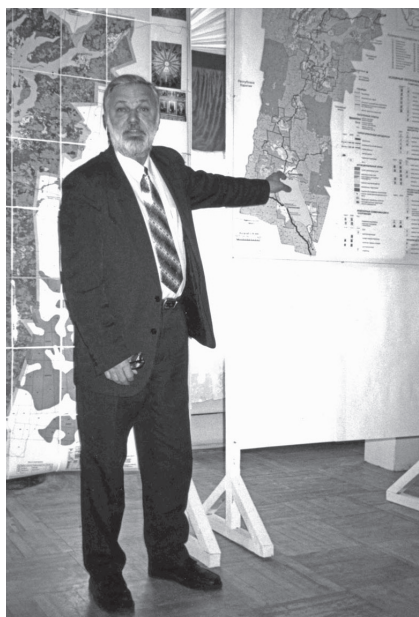
Ю. А. Веденину принадлежат научные работы, в которых рассматриваются важнейшие вопросы охраны и использования культурного и природного наследия (Веденин и др., 2004). Его публикации в сборниках научно-практической конференции «Кенозерские чтения», посвящённые путям формирования интегральной системы ООПТ (основные принципы и методы современного подхода к сохранению культурного и природного наследия) (Веденин, 2009), роли объектов наследия в сохранении и развитии сельской местности (Веденин, 2015) задают вектор развития для заповедных территорий.

Культурный ландшафт представляет собой не только природный, историко-культурный, но социокультурный территориальный комплекс. Концепция фольклора как способа отражения культурного ландшафта Кенозерья, разработанная Н. М. Ведерниковой, актуализировала комплексный подход к изучению нематериального наследия (Ведерникова, 2004). Устные тексты представляют подлинный интерес, когда изучается место проживания исполнителей, история их деревень, хозяйственный и праздничный уклад, родословия, позволяющие сохранять память поколений.

Сотрудники Института Наследия проводят опрос жителей д. Зехнова, слева направо на ступенях крыльца: Н.М. Болознев, Ю.А. Веденин, М.А. Оболенская, 2001 г.

Комплексная система действий и мероприятий по сохранению и поддержанию культурных ландшафтов была разработана в процессе подготовки Менеджмент-плана (План управления и развития) Кенозерского национального парка на 2001–2005 гг. (2001). В этом документе была представлена первая типология и классификация культурных ландшафтов Кенозерья, дана их характеристика как объектов наследия в разных аспектах — природном, пространственно-географическом, культурном, этнографическом. И, пожалуй, самое главное — была произведена принципиальная корректировка действующего функционального зонирования и ввод в состав функциональных зон зоны охраны культурных ландшафтов с гибким режимом управления (определено, какие виды деятельности организуются и поддерживаются, какие допускаются, какие запрещаются). Этот регламент был закреплён в Положении о ФГУ «Национальный парк «Кенозерский» (утверждено приказом МПР № 166 от 5.03.2003 в редакции приказа МПР России от 17.03.2005 № 66, приказов Минприроды России от 27.02.2009 № 48 и от 26.03.2009 № 72). К сожалению, действующие нормы закона «Об особо охраняемых природных территориях» не предусматривают выделение зоны культурных ландшафтов, что не позволило нам зафиксировать правовой статус культурных ландшафтов в новом Положении о ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Ю.А. Веденин комментирует схему культурно-ландшафтного зонирования Кенозерья, 2001

На территории Парка выделены 24 культурно-ландшафтных комплекса (КЛК). Семь из них, представляющих наибольшую ценность по международным критериям, были отнесены к приоритетным, на них предполагалось сосредоточить практическую работу. Они поддерживают основную планировочную ось Парка, их состояние в значительной мере определяет потенциальную устойчивость, целостность и ценность культурного ландшафта Парка в целом (Веденин, Тормосов, 2004).

Актуальность и обширное понимание проблемы сохранения культурных ландшафтов Кенозерья продемонстрировал российско-норвежский проект «Развитие традиционных ландшафтов в Баренц-регионе на примере Кенозерского национального парка», реализованный в 2002–2004 годах. Цель проекта — определение перспективных методов ведения сельского хозяйства в жилых деревнях и разработка эффективных управленческих методов по сохранению культурных ландшафтов в оставленных местными жителями деревнях (Нордерхауг, Сикель, 2009). Особое внимание в проекте уделялось изучению различных типов луговой растительности, влиянию различных методов ведения сельского хозяйства на биологическое разнообразие культурных ландшафтов, находящихся на различных стадиях деградации, проведению семинаров с местными жителями по вопросам эффективного ведения животноводства, восстановительным работам на ландшафтных объектах. В те же годы специалистами Института Наследия были проведены работы по электронной визуализации культурных ландшафтов, возможностям использования мультимедийных средств для формирования баз данных по отдельным ключевым территориям, в частности Порженскому погосту и деревне Зехнова, и их актуальной презентации. Этими вопросами в институте занимался Сектор электронных публикаций, возглавляемый С. А. Пчёлкиным. Проект был основан на понимании того факта, что восстановление и использование традиционных культурных ландшафтов должно гармонично сочетать принципы сохранения биоразнообразия, защиты историко-культурного наследия и развития местной экономики. Этот проект дал старт для развития эксклюзивного туризма, основанного не на массовости, а на получении особых впечатлений от проживания в традиционных крестьянских избах, участии в сельскохозяйственных работах, потреблении экологически безопасных продуктов питания.

К сожалению, нам не удалось сохранить в полном объёме все семь приоритетных КЛК. Главнейшая проблема — зарастание полей и лугов, происходящее вследствие продолжающегося обезлюдения кенозерских заозёрных деревень, сокращения поголовья скота во всех населённых пунктах и прекращения сельскохозяйственной деятельности. Тем не менее при ограниченности трудовых и финансовых ресурсов была снижена угроза утраты важных элементов ландшафтов (расчистка старинных монастырских троп, дорог-тележниц, вырубка древесно-кустарниковой растительности для визуального раскрытия ценных панорам).

В 2014–2016 гг. сотрудниками Кенозерского национального парка совместно с российскими и норвежскими учёными были разработаны Планы управления семью приоритетными культурно-ландшафтными комплексами: Зехнова-Ряпусовским, Масельга-Гужовским, Думино-Долгозерским; Порженским; Ведягино-Тырышкинским; Шуйлахтинским; Почезерским. Эта работа началась в 2014 году в рамках трёхлетне-

го проекта «Деревянные памятники в культурном ландшафте Кенозерья. Мониторинг и поддержание», инициированного Директоратом по культурному наследию Норвегии. Эта работа была продолжена и в рамках проекта «Деревянная архитектура в культурном ландшафте. Вызовы современности» при поддержке Евросоюза. Основными авторами этих разработок стали сотрудники САФУ, национального парка и ряда привлечённых организаций: Третьяков С. В., Коптев С. В., Неверов Н. А., Ильина Н. С., Морозов В. В., Новикова Н. С., Богданов А. П., результаты их исследований и практические рекомендации представлены в целой серии отчётов, хранящихся в фондах Кенозерского национального парка. В Планах управления определены перечень и периодичность выполнения работ по поддержанию ландшафтов с учётом лесотехнического и эстетического аспектов, сохранения биоразнообразия. В реализации этих планов участвуют сотрудники Парка, местные жители и волонтеры.

Для управления культурными ландшафтами необходимо знание их ретроспективного развития и формирования. В 2014–2016 годах учёными МГУ им. М. В. Ломоносова, САФУ им. М. В. Ломоносова и норвежскими специалистами по картографическим, историографическим источникам, полевым материалам прослежена история формирования кенозерского культурного ландшафта за последние 150 лет. Для сохранения его эстетических качеств проведено обследование местности с целью выявления границ видимости, основных прозоров и панорам (Колбовский, 2015; Медовикова, 2015). Проведённые работы показывают, что, несмотря на зарастание сельскохозяйственных угодий в связи с резкими изменениями традиционного уклада жизни, на территории Кенозерья практически полностью сохраняется феномен культурного ландшафта Русского Севера.

Новая концепция поддержания и использования культурных ландшафтов Кенозерского национального парка предполагает, с одной стороны, искусственную «консервацию» и «реставрацию» приоритетных агроландшафтов в оставленных людьми деревнях. С другой стороны — разработку и реализацию программ поддержки местного населения в жилых деревнях, предрасположенности которого к поддержанию традиционного образа жизни необходимо использовать и развивать. Потребовалось переосмысление целевой основы хозяйствования. Акцент делается не столько на получении сельскохозяйственной продукции, сколько на поддержании старинных методов природопользования и бытового уклада, которые способствуют сохранению достоинств ландшафта, выступающего в качестве турпродукта.

Кенозерье по праву можно назвать «территорией культурного ландшафта», учитывая глубину и гармонию взаимовлияния человека и природы на этой земле. Доказательством этому служит включение в апреле 2014 года культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО (Кулешова, 2012; Кулешова, 2015; Максаковский, 2016).

Авторами концепции выдающейся универсальной ценности северорусского крестьянского ландшафта Кенозерья являются учёные Института Наследия (Ю. А. Веденин — руководитель работ, Н. М. Ведерникова, В. Н. Калужков, М. Е. Кулешова, Н. В. Максаковский), привлечённые исследователи (Е. Ю. Колбовский, МГУ им. М. В. Ломоносова, И. Н. Шургин, Фонд возрождения памятников деревянного зодчества) и специалисты Кенозерского национального парка (А. И. Анциферова,

М. Н. Мелютина, Е. Ф. Шатковская). В тексте документа отмечено: «Северорусский крестьянский ландшафт Заповеданного Кенозерья — сложный многокомпонентный феномен с многовековой историей его эволюционного формирования. Описание ландшафта и история его развития требуют привлечения широкого спектра специалистов и анализа различных источников информации, чтобы дать чёткое представление о номинируемом объекте во всей его комплексности, и чтобы было понятно, что критерии выдвижения объекта в Список всемирного наследия имеют объективную информационную основу. Основной акцент в работе сделан на взаимообусловленности и тесном взаимодействии природных и культурных элементов ландшафта, на зависимости его современного материального бытования от духовных, нематериальных характеристик и феноменов, на неразрывности очагов живой культуры с основными физиономическими характеристиками ландшафта, на исторической многослойности 500-летнего крестьянского ландшафта». На этих принципах основывалась школа культурного ландшафта, возникшая и зарекомендовавшая себя в дореформенном Институте Наследия им. Д. С. Лихачёва под руководством Ю. А. Веденина. Представленный объект — уникальное по сохранности и исключительное по репрезентативности явление, которое займёт достойное место в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО (Веденин и др., 2017).

Важным принципом современного подхода к сохранению культурного и природного наследия является, по мнению Ю. А. Веденина, признание того факта, что основным объектом охраны становится историко-культурная и природная среда. При этом основным предметом управления в сфере охраны становится не само наследие, а характер взаимодействия между наследием и человеком. Особо важным представляется бережное, уважительное отношение к местному населению, которое выступает в роли носителя традиционных культурных ценностей, а также как субъект и объект инновационных процессов, ведущих к формированию комфортной среды обитания и внедрения на территории ООПТ современной инфраструктуры. Такая инфраструктура должна, с одной стороны, соответствовать сегодняшним потребностям и нормам жизни, а с другой, — не оказывать деструктивного воздействия на охраняемые объекты культурного и природного наследия (Веденин, 2009).

Эта мысль Ю. А. Веденина необычайно близка стратегии развития Кенозерского национального парка. Основа культурного ландшафта — живущие в Кенозерье люди с их духовной культурой и мировоззрением, поэтому вектор развития Парка — сохранение коренного населения. Наше богатое природное и культурное наследие бессмысленно, если не будет его хранителей. Поэтому участие местного населения в деятельности Парка является важнейшим условием всех наших проектов, в том числе международных. Парк первым в России пошёл по пути реализации идеи устойчивого жизнеобеспечения местного населения. В течение многих лет он оказывает действенную помощь жителям в приобретении новых знаний: организуются обучающие семинары, стажировки, мастер-классы, фестивали традиционных знаний, выделяются мини-гранты на поддержку разработанных жителями проектов. За сравнительно короткий период Парку удалось достичь весьма ощутимых результатов по внедрению модели эколого-экономического рынка недревесных ресурсов леса. Совершенно оче-

видно, что сегодня местные жители от полного неприятия идеи национального парка в начале 1990-х годов приходят к пониманию нравственной и экономической выгоды сохранения наследия (Шатковская, 2015).

Многие проблемы сохранения и поддержания культурного ландшафта могут быть решены через грамотно ориентированные программы социальной поддержки местного населения как носителя традиций природопользования. Так, с 2013 года Парк стал оказывать безвозмездную помощь в сенокосении жителям, имеющим домашний скот и проживающим в заозёрных деревнях на Кенозере. Особое внимание уделяется овцеводству: в Кенозерье до сих пор сохранилась аборигенная порода «североевропейская короткохвостая овца», которая вызывает большой интерес финских, норвежских и эстонских специалистов. С их участием проводятся семинары и мастер-классы по содержанию овец и использованию продуктов овцеводства (Нордерхаут, Михельсон, 2012). Овцеводство позволяет решать сразу несколько задач: сохранение хотя бы в незначительном количестве сенокосных угодий, традиционных ремёсел (валяния и вязания), развитие сувенирного производства и создание дополнительных источников дохода для населения.

Большие надежды мы возлагаем на реализацию долгосрочного проекта «Модельное сельское подворье», в рамках которого заканчиваются реставрация и обустройство старинных домов в двух деревнях — Зехнова и Строева Горка. Семьи, которые будут в них проживать, начнут принимать туристов, содержать домашний скот, что самым благоприятным образом скажется на состоянии ландшафта.

Среди важнейших принципов, определяющих необходимость формирования интегральной системы сохранения и использования наследия, Ю. А. Веденин выделяет экономическую роль наследия как одного из важнейших факторов региональной и локальной экономики.

Восстановленная Гужовская мельница, 2007 (фото А. Леонтовича)

Задача Кенозерского национального парка — сохранить культурную самобытность коренного населения, наполнить жизнь деревни содержанием, чтобы было за чем местному населению там жить, а туристам приезжать. Одним из самых эффективных экономических механизмов поддержки населения и сохранения наследия является туризм. Туристическая деятельность осуществляется в старинных деревнях с их обаятельным архитектурным обликом. В них посетители получают уникальную возможность стать не пассивными наблюдателями окружающей жизни, а её соучастниками. С участием местных жителей возрождаются праздники народного календаря на основе локальных традиций и тщательного изучения этнографических материалов (Успенская ярмарка на Кенозере, Иванов день на Масельге). Украшением туристического предложения Парка являются интерактивные этнографические программы и мастер-классы, разработанные совместно с местными жителями. Безусловно, развитие туризма на основе традиционной народной культуры должно приносить и материальную, и моральную выгоду коренному населению — это один из главных экономических приоритетов Парка. В туристическую деятельность вовлечены не только взрослые жители Кенозерья, но и дети — участники 2-х Школ юного экскурсовода Парка. Сотрудничеству Кенозерского национального парка и местного населения, а также предпринимательским инициативам локального сообщества посвящён ряд аналитических работ (Шатковская, 2013, Шатковская, 2014).

В культурно-ландшафтных исследованиях Ю.А. Веденина важное место занимают вопросы не только сохранения, но и репрезентации и интерпретации наследия.

Кенозерский национальный парк — единственный среди ООПТ России, имеющий в своей структуре музейный фонд, в составе которого образцы материальной и духовной культуры коренного населения. В настоящее время музейный фонд насчитывает свыше 10000 предметов, в том числе 17 комплексов расписных «небес», иконы, предметы бытовой утвари, старопечатные и рукописные книги, документы. В результате реализации долгосрочной программы «Паспортизация деревень» собрана ценнейшая коллекция фотографий (более 1200) из семейных архивов местных жителей, текстовые и аудиозаписи бесед с местными жителями по тематическим опросникам. Подобные собрания материалов крайне редки в коллекциях классических музеев. Музейные собрания Кенозерского национального парка представляют собой депозитарий культурного наследия и локусы исторической ретроспективы в пространственной организации территории. Предметы музейного фонда являются основой для организации экспозиций, выставок, информационных центров на территории Парка.

«Объектом показа» в Парке является вся традиционная историческая среда. Инструменты показа — музейные экспозиции, экологические тропы, этно-ландшафтные театры, обеспечивающие взаимодействие между природой и культурой, иллюстрирующие особенности традиционного природопользования, раскрывающие секреты местных промыслов и ремёсел, традиционный жизненный уклад. Сегодня на территории национального Парка созданы 15 специализированных музеев и экспозиций, 7 экологических троп, 7 экскурсионных маршрутов. Система экологических троп и маршрутов общей протяжённостью 283 км тесно связана с памятниками истории и культуры, их посещение — ключевой элемент большинства туристических программ.

При проектировании музейных экспозиций мы стремимся к тому, чтобы предметы в них были окружены не только информационным и исследовательским полем, но и тесно связаны с человеческими судьбами коренного населения. Это обеспечивает связь местного сообщества со своим наследием и ответственность за его сохранение, а посетители не просто знакомятся с наследием, но и постигают человеческую ценность территории.

Отличительной чертой музейной практики Кенозерского национального парка является то, что музей соподчинён заповедной территории и представляет объекты наследия, созданные проживающими здесь людьми. Даже актуальная сегодня в музеях практика «реконструкция культурной среды» не может конкурировать с музеями, созданными на «родных» территориях.

Музей на заповедной территории имеет разнообразные формы. Экспозиция представляется как введение, подготовка к прочтению естественного ландшафтного пространства. Так, функцию навигации по южной части Кенозерского национального парка выполняет ЭКОмузей в деревне Морщихинская. Например, в тематической зоне экспозиции, посвящённой Наглимозерскому ландшафтному комплексу, демонстрируется карта, которая служит путеводителем для посетителей, желающих увидеть «живой» ландшафт во время путешествия по экологической тропе «Тропа предков» (Мелютина, 2015). В настоящее время проектируется новый информационный центр в деревне Масельга, посвящённый природному и историко-культурному наследию Масельга-Гужовского КЛК.

Почезерский погост после реставрации, 2013 г.

Экспонирование предметов в памятнике культовой архитектуры предполагает особую форму музеефикации. В 2017 году национальный парк планирует открытие экспозиции «Почезерский погост: история, архитектура, приход», которая разместится в колокольне и трапезной отреставрированного ансамбля Почезерского погоста (XVIII в.), одном из шести сохранившихся в России деревянных ансамблей-«тройников». Авторы дизайн-проекта предложили «экспозиционный минимализм» с целью сохранения атмосферы подлинности в интерьере памятника.

В реконструированном крестьянском доме образца XIX века в 2016 году открыт музей «В Начале было Слово». Старинный дом семьи Шишкиных расположен в сохранившемся традиционном ландшафте, где находятся особо почитаемая местными жителями «Тихвинская святая роща» и часовня во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (1846). Именно в Кенозерье записано свыше 3000 произведений устного народного творчества (былины, духовные стихи, лирические и исторические песни, сказки, былички, загадки, заговоры и др.). Поэтому миссией музея является представление кенозерской эпической поэзии, сопровождавшей жизнь человека от рождения до смерти.

Продолжением музейных экспозиций являются экологические тропы, именно на них происходит погружение в среду. При их обустройстве мы активно используем сочетание традиционных приёмов с этнографическими реконструкциями. Например, «Тропа предков» протяжённостью 15 км стала этно-ландшафтной экспозицией под открытым небом, на которой демонстрируются элементы традиционного природопользования местного населения и местные святыни. «Транскенозерская тропа» с насыщенным информационным обеспечением по утраченным деревням и сокроенному Порженскому погосту связывает северную и южную части Парка. На экологической тропе «Тарасовская боровина» представлены информационные стенды об истории утраченных деревень Бор и Тарасова, сохранившейся часовне во имя Святого Афанасия Александрийского, о хозяйственном и религиозно-праздничном укладе живших здесь людей.

Наследие Кенозерья имеет богатую историю. Благодаря активной работе сотрудников Парка и привлечённых специалистов, наследие живёт не только в формате исторической ретроспективы, оно становится участником событий жизни и обретает свою «постисторию» в пространственной организации территории.

Задача сохранения и поддержания исторически сложившихся культурных ландшафтов как одной из главных ценностей является важнейшей для Кенозерского национального парка. На территориях большинства других национальных парков эта тема до сих пор не вполне осмыслена, что часто выражается в неверных управленческих решениях, не способствующих сохранению целостности историко-культурных и природных комплексов.

Выразим надежду, что культурно-ландшафтный подход к наследию, признанный актуальным на уровне мирового сообщества, заставит пересмотреть существующие принципы в сфере охраны культурного наследия в России и позволит включать объекты культурного и природного наследия в единую систему управления.

*Одна из первых экспедиций Ю.А. Веденина на Кенозерье.
В лодке слева — Д.В. Тормосов, справа — А.В. Козыкин, конец 1990-х годов*

А что касается личного пространства, вынесенного в заголовок статьи... Конечно, Кенозерье стало личным пространством Юрия Александровича. А иначе разве возможно было бы сделать такой огромный объём работ, доказать, что Кенозерье — это не набор уникальных памятников природы, истории и культуры, а гораздо большее — территория, на которой всё взаимосвязано: природа, культура, традиции, мировоззрение людей, мифология, ассоциации, запахи, звуки. Вряд ли, если не было бы такого глубокого понимания этой территории, процессов, на ней происходивших, такого бережного отношения и любви к людям, которые там живут и работают. И это взаимно, дорогой Юрий Александрович! В конце 1990-х годов в одном из интервью Архангельскому телевидению на вопрос о личных чувствах к Кенозерью, он, немного смутившись, ответил, что это глубоко в душе, что каждый раз он наслаждается, бывая здесь. Образованный, с врождённой интеллигентностью, мягкий и одновременно твёрдо отстаивающий истину, Юрий Александрович, конечно, не вписывается в наше время эффективных топ-менеджеров. Но во все времена только такие неравнодушные люди, как Веденин, меняли этот мир к лучшему. Их мало, их никогда не было много. Сил Вам, дорогой Юрий Александрович, новых научных открытий на благо той России, которой Вы всю свою жизнь служите!

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.А. Озеро в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения — 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская. — Архангельск: ООО «Типография № 2», 2015. — С. 112–117.

Анциферова А. И. Совхоз «Кенозерский»: поддержание традиционных культурных ландшафтов в 1970–1980-х годах // Кенозерские чтения — 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / сост. *М. Н. Мелютина*; отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*. — Архангельск: ООО «Типография № 2», 2015. — С. 128–135.

Бьюрик К., Йоргенсен М. Полевые исследования и рекомендации для будущего управления Культурно-ландшафтным комплексом в д. Зехнова, 2014. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Бондарь Ю. Н., Калуцков В. Н. Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. Материалы 1-й Всерос. науч. конф. (18–22 августа 2003 г.) / Отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*; ред.-сост. *А. А. Куратов*. — Архангельск: Правда Севера, 2003.

Веденин Ю. А. Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. *Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова*. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 335–337.

Веденин Ю. А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. *Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова*. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 68–81.

Веденин Ю. А. Пути формирования интегральной системы особо охраняемых историко-культурных и природных территорий (основные принципы и методы современного подхода к сохранению культурного и природного наследия) // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник / Сост.: *П. С. Журавлёв (и др.)*; отв. ред: *Н. М. Терехин, Е. Ф. Шатковская*. — Архангельск: Поморский университет, 2009. — С. 14–25.

Веденин Ю. А. Роль объектов наследия в сохранении и развитии сельской местности // Кенозерские чтения — 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / Сост. *М. Н. Мелютина*; отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*. — Архангельск: ООО «Типография № 2», 2015. — С. 4–12.

Веденин Ю. А. (руководитель работ), *Анциферова А. И., Ведерникова Н. М., Калуцков В. Н., Колбовский Е. Ю., Кулешова М. Е.* (отв. исп.), *Максаковский Н. В., Мелютина М. Н., Шатковская Е. Ф., Шургин И. Н.* Отчёт о научно-исследовательской работе «Обоснование включения крестьянского северорусского культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО». Москва, 2017. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия (сборник), / Отв. ред. *Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова*. М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 13–36.

Веденин Ю. А., Козыкин А. В., Кулешова М. Е., Тормосов Д. В. Программа сохранения культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. *Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова*. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 532–548.

Веденин Ю. А., Тормосов Д. В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 425–445.

Ведерникова Н. М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта (по материалам экспедиционных выездов 2000–2002 гг.) // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб. Дмитрий Буланин, 2004. — С. 286–312.

Дранникова Н. В. Мифологический ландшафт Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Отв. ред. Н. М. Терехихин, ред.-сост. А. О. Подopleкин, П. С. Журавлев. — Архангельск: Поморский университет, 2008. Вып. 3. — С. 125–131.

Иванова А. А., Пономарева В. В. «Ране везде хозяева были... Леший в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения — 2015: «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е. Ф. Шатковская; сост.: М. Н. Мелютина. — Архангельск, 2016. — С. 101–116.

Козыкин А. В. Культурные ландшафты Кенозерского национального парка: проблема сохранения национального достояния // Russian Conservation News. — М., 2005.

Колбовский Е. Ю. Отчет по теме исследования: «Определение целевого состояния ландшафта в зоне охраняемого ландшафта объекта культурного наследия и разработка мероприятий по уходу за ландшафтами». Москва, 2015. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Кулешова М. Е. Принципы и методы оценки культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004а. — С. 62–66.

Кулешова М. Е. Реликтовый крестьянский ландшафт Русского Севера // Там же, 2004б. — С. 247–285.

Кулешова М. Е. Культурный ландшафт Кенозерья как перспективный объект Всемирного наследия. Критерии выдающейся универсальной ценности // Кенозерские чтения — 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / сост. М. Н. Мелютина; отв. ред. Е. Ф. Шатковская. — Архангельск: ООО «Типография № 2», 2015. — С. 68–74.

Кулешова М. Е. Методический инструментарий Европейской ландшафтной конвенции применительно к наследию Кенозерья // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сб. мат. V Межд. науч. конф. / Отв. ред. Е. Ф. Шатковская, сост. М. Н. Мелютина. — Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2012. — С. 306–317.

Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Максаковский Н. В. Потенциальное место Кенозерского парка в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО // Кенозерские чтения — 2015: «Заповеданное Ке-

нозерье: природа, культура, человек». Сб. мат. VII Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*; сост.: *М. Н. Мелютина*. — Архангельск, 2016. — С. 329–340.

Медовикова У. А. Научный отчет «Управление ландшафтами населенных пунктов Кенозерского национального парка в целях сохранения эстетических качеств визуальной среды», 2015. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 442.

Мелютина М. Н. Сокровенные образы Кенозерья (на примере Думино-Долгозерского ландшафтного комплекса) // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сб. мат. V Межд. науч. конф. / Отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*, сост. *М. Н. Мелютина*. — Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2012. — С. 58–73.

Мелютина М. Н. Монастырская топография Наглимозерского ландшафтного комплекса // Кенозерские чтения — 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Сб. мат. VI Межд. науч.-практ. конф. / Сост. *М. Н. Мелютина*; отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*. — Архангельск: ООО «Типография № 2», 2015. — С. 184–193.

Мелютина М. Н., Теребихин Н. М. Сакральный ландшафт Кенозерья: монография = Kenozero sacred landscape. — Архангельск: ОАО «Соломбальская типография. 2013. — 203 с.

Муллонен И. И., Захарова Е. В. Многослойная топонимия Кенозерья // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сб. мат. V Межд. науч. конф. / Отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*, сост. *М. Н. Мелютина*. — Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2012. — С. 152–162.

Нордерхауг А., Михельсон А. Овцы, шерсть и ландшафты Кенозерья // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: Сб. мат. V Межд. науч. конф. / Отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*, сост. *М. Н. Мелютина*. — Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2012. — С. 318–322.

Нордерхауг А., Сиккель Х. Кенозерский национальный парк // Развитие традиционных культурных ландшафтов Баренцева региона — модель КНП. — Тронхейм, 2009. — С. 15–18.

План управления и развития (Менеджмент-план) Кенозерского национального парка на 2001–2005 гг. 2001 г. Рукопись. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 328.

Тормосов Д. В. Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополя // Кенозерские чтения — 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сб. мат. V Межд. науч. конф. / Отв. ред. *Е. Ф. Шатковская*, сост. *М. Н. Мелютина*. — Северодвинск: ЗАО «Партнер НП», 2012. — С. 215–226.

Третьяков С. В., Коптев С. В., Неверов Н. А., Ильина Н. С. Сохранение и устойчивое управление агрокультурными ландшафтами в Каргопольском секторе Кенозерского национального парка // Вестник САФУ, 2014. № 3. — С. 40–47.

Шатковская Е. Культурный ландшафт Кенозерья как комплексный объект управления // Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности:

Материалы международной конференции (Валашский музей под открытым небом, Республика Чехия. 19–21 июня 2014 г.) б/г., б/м. — С. 109–117.

Шатковская Е. Ф. Кенозерский национальный парк — территория культурного ландшафта // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / под ред. М. Е. Кулешовой. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. — С. 119–128.

Шатковская Е. Ф. Местное население и развитие сельского туризма в Кенозерском национальном парке // Там же. — С. 139–148.

Шатковская Е. Ф. Культурное наследие Кенозерья. Спасти, сохранить, показать // Музей-заповедник: экология и культура: Материалы шестой Международной научно-практической конференции (станция Вёшенская, 4–6 сентября 2015 года). — Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2015. — С. 32–37.

Шатковская Е., Козыкин А., Веденин Ю., Тормосов Д. Кенозерье. Как сохранить русский национальный пейзаж. — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2014.

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И КОМПОНЕНТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

История организации и становления национального парка (НП) «Угра» тесно связана с Институтом Наследия. Партнёрские отношения сложились ещё в пору проектирования парка в 1994–96 гг., когда институтом, под руководством Ю. А. Веденина и П. М. Шульгина, разрабатывалась Программа сохранения и комплексного использования историко-культурного и природного наследия Калужской области (Новиков, 2006). Уже тогда сотрудники института внесли свою лепту в Схему организации и развития НП «Угра», обобщив имеющиеся сведения по историко-культурным ресурсам территории и предложив первую схему её культурно-ландшафтной дифференциации (Чалая, Иванова, 2004). Связи Института и парка стали ещё более тесными, когда НП «Угра» был определён одной из модельных площадок для подготовки Стратегии управления национальными парками России (ЦОДП, 2000–02 гг.). В это время наибольшее внимание было уделено вопросам изучения, сохранения, поддержания и восстановления культурных ландшафтов, а также духовному наследию парка (Кулешова, 2001; Кулешова, Ведерникова, 2001). Это способствовало внедрению концепции культурного ландшафта в практику управления национальным парком и перспективное планирование его деятельности (Кулешова и др., 2004). Кроме того, в парке была принята специальная Программа изучения и сохранения традиционной народной культуры и материальной культуры исчезнувших поселений, результатом которой в те годы явилось открытие в Беляевском лесничестве парка Музея истории Гжатского тракта.

При поддержке Института Наследия развивались и другие весьма важные для НП «Угра» направления исследований и использования историко-культурного потенциала его территории: усадебные и монастырские комплексы, поля великих сражений и битв. Научно-техническим советом парка были приняты долговременные программы изучения событий Великого стояния на Угре в 1480 г. и Великой Отечественной войны в 1941–43 гг., которые успешно реализуются и поныне (Новиков, Коваленко, 2011; Новиков, Массалитина, 2013). При содействии Института Наследия в Березичском лесничестве парка был открыт Музей истории Козельских засек — оборонительного рубежа XVI–XVII вв. на южной границе Московского государства (Рябов, 2007).

Ю.А. Веденин с коллегами в национальном парке «Угра», январь 2014 г.

Тема культурных ландшафтов, инициированная Институтом Наследия, в дальнейшем стала «стержневой» в жизни национального парка «Угра», обеспечивая сбалансированный подход к сохранению природных и историко-культурных памятников в его границах. Неслучайно поэтому участие парка в крупном проекте Еврокомиссии «Культурные ландшафты: традиции для развития» (Экоцентр «Заповедники», 2011–13 гг.), научно-методическое руководство в котором по-прежнему осуществлялось ведущими сотрудниками института (Сельские..., 2013). Новый виток сотрудничества с Юрием Александровичем Ведениным и его коллегами продолжился в совместной работе над «Методическими рекомендациями по сохранению и использованию объектов культурного наследия на территориях национальных парков» (Экоцентр «Заповедники», 2014–16 гг.) В предложенной для анкетирования типологии памятников истории и культуры национальных парков отдельным блоком были выделены объекты, связанные с историей природопользования и традиционным укладом жизни. Так появилась возможность погрузиться в данную тему более основательно и обобщить собранные по особо охраняемым территориям материалы.

* * *

В типологии объектов культурного наследия памятники истории, связанные с природопользованием и традиционным укладом жизни, достаточно уверенно обособляются от других категорий подобных объектов. Эти памятники отражают результаты воздействия человека на природную среду в процессе её хозяйственного освоения на основе складывавшихся веками навыков и приёмов. Несмотря на очевидную эволюцию традиционных способов и технологий использования природных

ресурсов, основные виды природопользования остаются неизменными на протяжении длительного времени и сопровождаются определёнными материальными свидетельствами — объектами традиционного природопользования (ОТП). Эти объекты зачастую формируют достаточно заметные по площади сочетания и нередко становятся определяющими для отдельных типов культурных ландшафтов (сельских, горнозаводских индустриальных, лесоводческих, промысловых и др.) В других случаях ОТП являются составными частями водохозяйственных, монастырских, усадебных и иных культурно-ландшафтных комплексов. Наряду с материальной стороной в ОТП нередко присутствует ментальная составляющая, которая также требует внимательного рассмотрения и описания. В частности, многие такие объекты тесно связаны с живой традиционной культурой (фольклором, одеждой, обрядами и т.п.) и находят отражение в мифологии и топонимике.

По видам природных ресурсов и основным формам традиционной хозяйственной деятельности можно выделить несколько групп памятников исторического природопользования. Это объекты недро-, лесо-, водо- и землепользования, а также памятники традиционной охоты, рыболовства, пчеловодства, собирательства, сельхозпроизводства и научного природопользования¹. Рассмотрим главные особенности и содержание этих групп с выделением разновидностей ОТП внутри каждой из них.

I. ПАМЯТНИКИ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

Памятники недропользования связаны главным образом с поисками, разведкой, добычей и переработкой различных полезных ископаемых, с историей горно-заводского освоения тех или иных территорий. Минерально-сырьевые ресурсы всегда являлись основой любой экономики и определяли технические возможности её развития. С другой стороны, данный вид природопользования наиболее тесно связан с наукой, и эффективность освоения минеральных ресурсов во многом определяется уровнем горно-геологических и химико-металлургических знаний. С некоторой долей условности к рассматриваемым памятникам можно отнести также скальные сооружения и камни сакрального, оборонного и иного назначения.

Их группы:

— *горные выработки: открытые* (карьеры, ямы, «закопушки», копи, торфяные и соляные «карты») и *подземные* (вертикальные — шахты, шурфы; наклонные — уклоны, брамсберги, «дудки»; горизонтальные — штреки, квершлаг);

— *старательские тропы и дороги, следы поисковых и буро-взрывных работ* (канавы, штольни, буровые площадки), *фактории, геологические базы и горно-заводские поселения;*

¹ Понятие «памятники» в данном контексте используется для обозначения объектов, представляющих историко-культурную ценность, но не как категория юридическая, и применяется ко всем историко-культурным достопримечательностям вне зависимости от того, включены ли они в установленном законом порядке в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

*Старые штольни по добыче известняка,
национальный парк «Самарская лука»*

Пещерный город-крепость Чуфут-Кале, Бахчисарайский музей-заповедник

— объекты кустарной и промышленной переработки полезных ископаемых: механической обработки (камней — строительных, жерновых, технических, декоративных, ювелирных), химической переработки и выварки (получения извести, минеральных красок, поваренной соли и др.), металлургической переделки и плавки (различные домницы и печи);

— пещерные города, крепости, храмы и другие скальные сооружения (некрополи, дольмены, винные и пороховые погреба);

— священные горы, скалы и камни (кромлехи, менгиры, сейды; «следовики», «крестовики» и «чашечные» мегалиты).

II. ПАМЯТНИКИ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Памятники лесопользования охватывают широкий спектр объектов этого важного вида хозяйственной деятельности: от истории лесной службы и лесоводства до практического употребления древесины как природного сырья. Велико оборонное значение леса в истории российского пограничья, а также его роль в обрядах и верованиях людей: «святые рощи», как и «засечные леса», были одними из наиболее ранних форм заповедания дикой природы.

Посадки лиственницы в бывшем Грязненском лесничестве, национальный парк «Угра»

Следы «подсочки» для сбора древесной смолы-«живицы», национальный парк «Себежский»

Углежоговая печь в д. Мужачи Калужской области, 1929 г. (фото А.Г. Макарова)

Среди таких памятников можно выделить:

- *ранние лесные школы и форст-институты;*
- *старые лесничества и кордоны (усадебные, конторы);*
- *дендропарки, лесопитомники, исторические лесопосадки (защитные лесополосы, эталонные культуры и т.п.);*
- *лесовозные дороги и лесосплавы (сплавные реки, «пристани», «запони», «отбойники», лотки);*
- *старые лесозаводы («лесопилки», «щеподралки»); места кустарной выделки деревянных изделий (обработка капа, изготовление посуды, бондарное производство);*
- *лесохимические промыслы: места углежжения, смолокурения, производства дёгтя, изготовления поташа, сбора «живицы» («подсочка»);*
- *оборонные леса (пограничные «засеки», сосновые и дубовые «корабельные рощи»);*
- *святые рощи и деревья («жальники», «мольбища»).*

III. ПАМЯТНИКИ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Вода, так же как минеральные и лесные ресурсы, прочно вошла в жизнь людей ещё на заре человечества. Она имеет огромное значение для жизнеобеспечения людей в качестве питья и лечебного средства, как главный источник энергии, а также как основа сельского хозяйства и водного транспорта. Использование воды для транспортных нужд и работы вододействующих механизмов обуславливает создание сложных и весьма трудоёмких гидротехнических сооружений (плотин, каналов, шлюзов).

Типы таких памятников:

- *источники пресных подземных вод (родники, ключи, колодцы);*
- *минеральные (в т.ч. термальные) источники и озёра, места грязелечения;*

Соляное озеро Баскунчак, природный заповедник «Богдинско-Баскунчакский»

*Северо-Двинский канал,
национальный парк «Русский Север»*

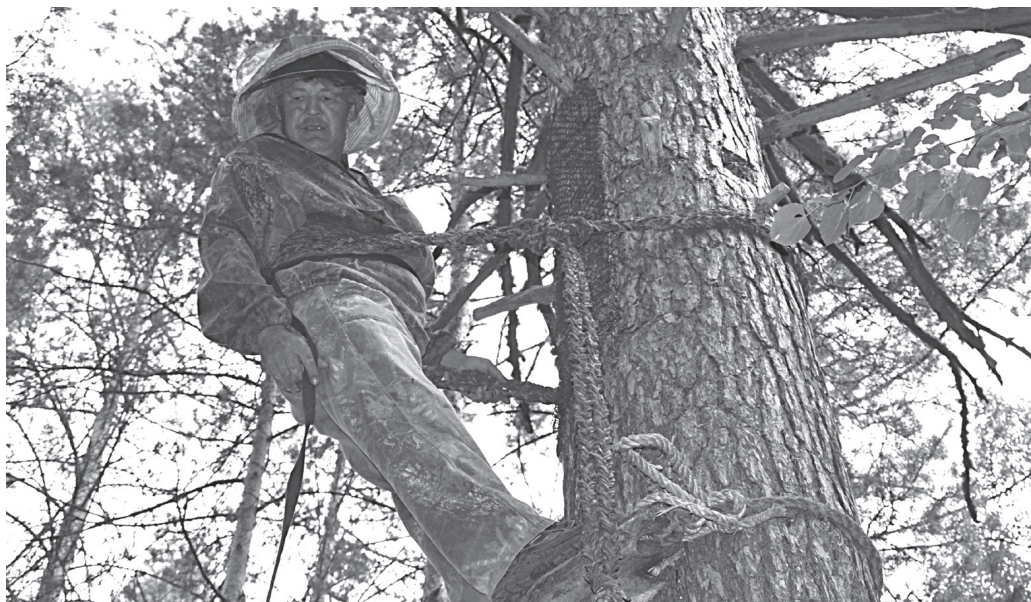
- водоводы (каналы, тоннели, трубопроводы), объекты мелиорации;
- водоподпорные плотины и защитные дамбы;
- озёрно-канальные системы водорегулирования.

IV. ПАМЯТНИКИ ТРАДИЦИОННОЙ ОХОТЫ, РЫБОЛОВСТВА, ПЧЕЛОВОДСТВА И СОБИРАТЕЛЬСТВА

В ряду традиционных форм хозяйствования различные промыслы являются одними из наиболее ранних видов природопользования, имеющими к тому же ярко выраженные ре-

Охотничья избушка, национальный парк «Кенозерский»

Пчеловод-бортевик за сбором мёда, природный заповедник «Шульган-Таш»

гиональные особенности. Объекты старых промыслов, несмотря на их архаичность, подчас демонстрируют примеры рачительного, «экологичного» отношения к окружающей среде:

- охотничьи угодья («охоты», «ловчие пути»);
- охотничьи ловушки (звероловные ямы, загоны, «самоловы», капканы);
- запорные ловушки и другие приспособления для рыболовства;
- промысловые дороги и постройки (рыболовецкие станы, охотничьи избышки, «лабазы», «ледники»);
- объекты бортевого пчеловодства;
- собирательство (сбор дикоросов и даров моря).

V. ПАМЯТНИКИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Вероятно, правильнее было бы назвать данную группу «Памятники землеустройства», так как именно землеустройство является основополагающим в системе землепользования и определяет границы землевладений. Процедура установления и закрепления на местности таких границ называется, как известно, межеванием, а результатом её являются межевые границы и знаки. К данной группе ОТП, кроме того, отнесены опорные геодезические пункты. Памятники землепользования образуют следующие группы:

- межевые границы (разделительные рвы, валы, заборы, просеки и др.);
- межевые знаки (камни, деревья, столбы, ямы и пр.);
- геодезические знаки (триангуляционные пункты: вышки, срубы, «туры»).

Старый межевой ров и вал по границе засечного леса, национальный парк «Угра»

VI. ПАМЯТНИКИ ТРАДИЦИОННОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Сельское хозяйство как отрасль материального производства сводится к возделыванию сельскохозяйственных культур и разведению животных для получения продукции растениеводства и животноводства. Памятниками традиционного природопользования в данном случае могут быть поля и пастбища, скотопрогонные дороги и загоны. Сюда также относятся места хранения и переработки первичного сельхозсырья (полевые станы, молотильные сараи, «риги», амбары, овчарни, сыроварни и др.). Все их можно подразделить на:

— *объекты животноводства* (пастбища, тропы и стоянки чабанов, «кошары», загоны);

Сенокосный луг в пойме р. Жиздры, национальный парк «Угра»

— объекты растениеводства (сельхозугодья: поля, сады, огороды, сенокосы, земледельческие террасы и оросительные каналы);

— объекты, связанные с хранением и первичной переработкой сельхозпродукции.

ВИ. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ НАУКИ

Природопользование нельзя рассматривать только как способ эксплуатации природных ресурсов для удовлетворения материальных потребностей человека. Природопользование подразумевает и совокупность мер, направленных, с одной стороны, на охрану среды жизни, с другой — на изучение закономерностей развития природных процессов, что необходимо для воспроизводства ресурсов и прогноза катастрофических явлений. С этих позиций природная среда выступает как объект научного исследования, которое может сопровождаться организацией различных полигонов и стационаров, а также особо охраняемых природных территорий. По времени возникновения данная группа памятников, очевидно, является наиболее молодой:

- *опытно-экспериментальные станции, полигоны;*
- *научные стационары и посты для наблюдений (мониторинга);*
- *особо охраняемые природные территории (отдельные заповедники, заказники, биосферные резерваты).*

Боровая опытная станция имени А.П. Тольского, Национальный парк «Бузулукский бор»

Бывшая полярная станция «Бухта Тихая», остров Гукера в архипелаге Земля Франца Иосифа, Национальный парк «Русская Арктика»

Объекты традиционного природопользования как категория памятников истории и культуры имеют важное значение для особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Примеры таких ОТП в государственных природных заповедниках (ГПЗ), национальных парках (НП), отдельных музеях-заповедниках и федеральных памятниках природы (ФПП) представлены в таблице. Сведения о них почерпнуты в немногочисленных изданиях, как в целом по заповедной системе (Памятники., 1998²; Путеводитель., 2011а, 2011б; Редкий., 2016), так и по отдельным ООПТ (Герасимов, 2000; Косенков, 2002; Культурно-историческое., 2015; Куршская., 2008; Марков Н., Марков Д., 2014; Памятники., 2014; Природное., 2002).

В качестве источников информации, кроме того, использовались анкетные данные 34 национальных парков, полученные в ходе опроса под эгидой Экоцентра «Заповедники» в 2014 г, а также личные архивы автора статьи. В указанной таблице выборочно приведены примеры по 36 заповедникам и 30 национальным паркам (всего более 130 памятников и их комплексов для 7 предложенных групп и 33 разновидностей ОТП). По имеющимся на сегодня обзорам наибольшее количество таких объектов выделено в национальных парках «Угра» (Новиков, 2017), «Лосиный остров», «Русская Арктика», «Югд ва», «Таганай», «Алания» и заповедниках «Ильменский», «Северо-Осетинский», «Висимский», «Печоро-Илычский», «Жигулёвский», «Окский».

² В данной работе отражены результаты анкетирования 60 ГПЗ, проведённого в 1997 г. Экоцентром «Заповедники».

Таблица.
Примеры памятников природопользования
в национальных парках и заповедниках

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОТП
I. Памятники недропользования	А. Горные выработки	ГПЗ «Ильменский» ГПЗ «Кандалакшский» НП «Таганай» ГПЗ «Жигулевский» НП «Самарская лука»	Более 600 копей по добыче камнесамоцветного сырья (XVIII–XX вв.) Шахты серебряного рудника, о. Медвежий (XVII–XVIII вв.) Евграфовский медный рудник (нач. XIX в.) Карьеры битуминозных песчаников с гудронными «озерами» (XIX в.) Штольни по добыче известняка (XIX–XX вв.)
	Б. Старательские дороги и геологические базы	ГПЗ «Буреинский» ГПЗ «Печоро-Ильчский» НП «Югыдва» ГПЗ «Олекминский» НП «Русская Арктика» (о-в Медвежий)	«Царская дорога», построенная старателями в XIX в. «Сибиряковский тракт», созданный иркутским золотопромышленником А. М. Серебряковым (конец XIX в.) Места расположения геологических баз и «балков» в 40–70 гг. XX в.
	В. Объекты переработки полезных ископаемых	НП «Угра» ГПЗ «Окский» НП «Прибайкальский» НП «Онежское Поморье» ГПЗ «Тебердинский»	Остатки железнорудного производства XVIII–XIX вв. на р. Серене (д. Серено-Завод) Развалины стекольного завода Русско-Балтийского общества в п. Брыкин Бор (кон. XIX — нач. XX в.) Старые печи для обжига известняка и получения извести (мыс Кадильный, XX в.) Остатки промыслов по выварке соли из природных рассолов (д. Пушлахта, XIX–XX вв.) Остатки мастерских по выделке каменных ручных жерновов (XV–XVII вв.)
	Г. Подземные скальные сооружения	ГПЗ «Северо-Осетинский» Бахчисарайский музей-заповедник ГПЗ «Шульган-Таш» НП «Алания» НП «Сочинский»	Дзивгисский пещерный оборонительный комплекс в Куртатинском ущелье Средневековый пещерный город-крепость Чуфут-Кале Капова пещера — языческое капище с наскальными рисунками палеолита Пещера-святилище Дигори-изад с остатками жертвенных животных Гробницы-дольмены эпохи мегалита (бронзовый век)

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОТП
I. Памятники недропользования	Д. Священные горы, скалы и камни	ГПЗ «Байкальский» ГПЗ «Печоро-Илычский» НП «Прибайкальский» ГПЗ «Хакасский» НП «Смоленское Поозерье»	Гора Обо в хр. Хамар-Дабан — сакральное место бурят Скалы плато Маньпупунер — объекты культа народа манси Мыс Бурхан (Шаманский) на о-ве Ольхон — одна из 10 буддийских святынь Азии «Шаман-камень» с петроглифами эпохи поздней бронзы — раннего железа Жертвенный камень — моренный валун на оз. Дго, легендарный культовый объект
II. Памятники лесопользования	А. Лесные школы	НП «Угра»	Урочище «Городок» под Козельском, где в 1804 г. образована одна из первых лесных школ в России; памятный обелиск
	Б. Старые лесничества и кордоны	НП «Смольный» НП «Угра» ГПЗ «Окский»	Лесной кордон «Орлово гнездо», впервые 4 г. Грязненское лесничество (конец XIX — 70-е гг. XX в.) с фрагментами построек, аллеями посадками лиственницы и лесовозной дорогой Дом лесничего кон. XIX века в д. Ветчаны (в нем проживал писатель А. И. Куприн)
	В. Дендропарки, лесопосадки	ГПЗ «Волжско-Камский» НП «Плещеево озеро» НП «Сочинский» НП «Лосиный Остров»	Дендрарий, заложенный в 1921 г. Казанским университетом, — свыше 500 видов экзотических деревьев Дендропарк им. С.Ф. Харитоновой (1952 г.) — более 600 видов деревьев и кустарников Дендропарки южных приморских растений Кудепстинский (1955 г.) и «Южные культуры» (1905–1910 гг.; 760 видов) Эталонные культуры сосны (14 га) посадки 1861 г. (ур. Сосновая Гривка)
	Г. Лесовозные дороги и лесосплав	ГПЗ «Пасвик» НП «Паанаярви» НП «Угра»	Лесовозная железная дорога-узкоколейка с остатками финского лесопильного завода (о-в Варлам) Лесосплавные каменные и бетонные отбойные стенки на берегу р. Оланки «Павловская пристань» — место складирования, сортировки бревен и вязки плотов на р. Угре
	Д. Старые лесопильные заводы	НП «Чаваш Вармане» ГПЗ «Окский» НП «Угра»	Фрагменты лесопильного завода конца XIX века в селах Шамурши и Русские Чукалы Остатки лесозавода купца Полунина (вторая половина XIX в.) Фундаменты немецкой пилорамы 1941–43 гг. в окрестностях с. Климов Завод

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОТП
II. Памятники лесопользования	Е. Лесохимические промыслы	НП «Таганай» НП «Зюраткуль» ГПЗ «Дарвинский» ГПЗ «Висимский» ГПЗ «Кивач» НП «Себежский» НП «Кенозерский»	Верхне-Киалимские углежоговые печи (сер. XIX в. — 1939 г.) и Старая Киалимская дорога с гатями для перевозки угля (45 км) на железодельательные заводы г. Златоуста Места вырубок леса и углежжения («елани») для Саткинского чугуноплавильного завода (1914–19 гг.) Углежоговые ямы и связанные с ними вырубки леса (XVIII–XIX вв.) Участки соснового леса с «подсочкой» — местами сбора древесной смолы-«живицы»
	Ж. Оборонные леса	ГПЗ «Калужские засеки» НП «Угра» НП «Чаваш Вармане» НП «Смольный» НП «Нижняя Кама»	Козельские засеки — часть Заокской (Большой) засечной черты, охранявшей южные рубежи Московского государства (XVI–XVII вв.) Фрагменты Карлинской (Тютюшской) засеки XVI–XVII вв. Остатки Алатырской и Пузской засек конца XVI–I-й половины XVII в. Молдавская и Язовские дубовые рощи (3000 га) в границах конца XVIII в. Боровецкая корабельная роща (XIX в.)
	З. Святые рощи	НП «Кенозерский» НП «Марий Чодра» НП «Угра» НП «Алания»	Свыше 30 святых рощ (участки хвойного леса) в деревнях, у часовен и погостов Старые березовые рощи с «мольбищами» — языческими святилищами и родовыми «тамгами» на деревьях «Заповедная роща» монастыря Оптиной Пустыни (360 га) со старовозрастными насаждениями сосны, дуба, липы и клена Святые деревья (рябина, клен, груша, сосна) в селах Караугомского и Харезикомского ущелий
III. Памятники водопользования	А. Источники пресных подземных вод	НП «Сайлюгемский» ГПЗ «Азас» НП «Орловское Полесье» ГПЗ «Воронежский» НП «Угра»	Целебные источники («аржаны»), посещение которых связано с обрядами Источник Чойган с древней «аржанной» тропой, используемой местными жителями Святой источник с часовней во имя Казанской иконы Божией Матери «Константинов ключ» у места поселения основателя Толшевского монастыря (XVII в.) Родники с «портомойками» — местами для полоскания белья

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОПТ
III. Памятники водопользования	Б. Минеральные воды и лечебные грязи	НП «Тункинский» ГПЗ «Джержинский» НП «Забайкальский» ГПЗ «Хакасский» ГПЗ «Богдинско-Баскунчакский»	Разнообразные по температуре и составу источники Аршан, Жемчутский, Шумак Термальные источники Гарга, Алла, Умхой, Кучигер, Сеюнский Термальные источники Змеиный, Нечаевский и минерально-грязевые Кулиных болот Минерально-грязевые озера Шира, Беле, Итколь, Улучколь Бессточное соляное озеро Баскунчак с залежами лечебных глин
	В. Водоводы	НП «Лосиный остров» ГПЗ «Хакасский» НП «Угра» ГПЗ «Окский» НП «Зюраткуль»	Ростокинский акведук (1785 г.) через реку Язу от Мытищинских источников Каналы древней оросительно-обводнительной сети (III тыс. до н.э.) в районе озёр Итколь и Шира Канал-водовод (ок. 2 км) от оз. Озерки к пруду парусно-полотняной фабрики (конец XVIII — XIX век) Мелиоративные каналы и шлюзы середины XIX века, в т.ч. Казенная канава — спрямленное русло р. Ламши Исток р. Б. Сатка в бетонном деривационном лотке от плотины ГЭС на оз. Зюрат-куль (1942–1949 гг.)
	Г. Плотины и дамбы	НП «Угра» ГПЗ «Приокско-Террасный» ГПЗ «Ильменский» НП «Куршская коса»	Мельничный пруд (50x70 м) с земляной плотиной на мощном роднике в д. Поповка (конец XIX — начало XX века) Мельничный пруд, построенный в конце XVIII — начале XIX века Остатки плотин «именных» мельниц Димитровцева, Рязанского, Гудкова и др. (конец XIX — начало XX в.) Старые «буны» (сваи) и валы с «фашинами» для защиты берега от размыва
	Д. Озерно-канальные системы	НП «Кенозерский» НП «Русский Север» Соловецкий музей-заповедник	Озёрно-канальная система «Масельгское-Ловусозеро» с действующей Гужовской мельницей (XIX в.) Северо-Двинский канал (127 км) между р. Шексной и оз. Кубенским: 8 плотин, 6 шлюзов (начало XIX в.) Озёрно-канальная система: около 50 озёр, более 200 каналов, плотин и шлюзов (XVIII–XIX вв.)

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОТП
IV. Объекты традиционных промыслов	А. Охотничьи уголья	НП «Лосиный остров»	Традиционное место (с XVI в.) охот русских князей и царей («Государева заповедная роща», «Государев ловчий путь»)
	Б. Охотничьи ловушки	ГПЗ «Лапландский»	Саамские ловчие ямы на оленей; священные камни-сейды — покровители охоты и рыболовства
		ГПЗ «Малая Сосьва»	Старые ловчие ямы на оленей хантов и манси
		НП «Паанаярви» НП «Калевальский»	Древние жертвенные камни-сейды саамов и карелов
		ГПЗ «Юганский»	Самоловные ловушки на глухарей — «сланды»
	В. Ловушки для рыболовства	НП «Угра»	Плетёные заколы («сежи») с проходом, закрывающимся вершей или кошелом (река Жиздра)
		ГПЗ «Мордовский»	Земляной канал между оз. Инорки и рекой Мокшей для ловли рыбы во время зимних заморов
Г. Промысловые дороги и постройки	ГПЗ «Остров Врангеля» ГПЗ «Командорский»	Землянки из камня, плавника и дёрна, в которых жили промысловики эскимосы и алеуты	
		НП «Берингия»	Бывшие поселения эскимосов-зверобоев с «мясными ямами» для хранения трофеев и «китовыми аллеями» из их костей
	НП «Онежское Поморье» НП «Русская Арктика»	Остатки промысловых изб поморов («тони»)	
	ГПЗ «Олекминский» НП «Кенозерский»	Старые охотничьи избышки («зимовье»)	
	ГПЗ «Кроноцкий» ГПЗ «Малая Сосьва»	Старые охотничьи тропы («юши») с «тесами»-зарубками — указателями движения	
	Д. Бортевое пчеловодство	ГПЗ «Шульган-Таш» НП «Башкирия»	Бортевые деревья с дикими пчёлами («бурзянками») в липовых и кленовых лесах
Е. Собирательство	НП «Онежское Поморье»	Фрагменты агарового завода в д. Лопатка	
V. Памятники землеустройства	А. Межевые границы	НП «Лосиный остров»	Межевые канавы в Лосинопогонном и просеки в Яузском лесопарках
НП «Алания» НП «Кенозерский»		Межевые валы из камней и моренных валунов	
ГПЗ «Калужские засеки» НП «Угра»		Межевые рвы и земляные валы по границам засечных лесов	
ГПЗ «Печоро-Ильчский»		«Широкая» просека — лесная граница между Вологодской и Пермской губерниями до нач. XX в.	
ГПЗ «Висимский» ГПЗ «Мордовский»		Разделительные просеки в казённых и частных лесах (XIX в.)	
ГПЗ «Жигулёвский»			

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОТП
V. Памятники землеустройства	Б. Межевые знаки	ГПЗ «Калужские засеки» ФПП «Калужской бор» НП «Угра»	«Гранные» деревья с затёсами в поворотных точках засек и сторожевых обходов Межевые знаки в виде земляных ям с камнями на дне (начало XIX в.) Кирпичный столб на Варшавском шоссе у р. Угры, где проходила граница Калужской и Смоленской губерний
	В. Геодезические знаки	ГПЗ «Висимский» НП «Русская Арктика»	Старые геодезические знаки в виде каменных туров Триангуляционный знак «Зыбь» на северном о-ве Новой Земли (залив Иванова)
VI. Памятники сельхозпроизводства	А. Объекты животноводства	НП «Югдва» ГПЗ «Северо-Осетинский» ГПЗ «Печоро-Илычский» НП «Сочинский» ГПЗ «Кабардино-Балкарский»	Старые стоянки и пастбища («ворги») на р. Кожим Скотопрогонные дороги, скальные гроты и каменные изгороди («кошары») для животных «Манская дорога» (Мансийская, Остяцкая) — старинная горная оленеводческая тропа «Ацангуер» — остатки древних пастушеских жилых и хозяйственных построек Развалины «кошей» (стоянок чабанов) на Каргашильском хребте (пер. пол. XX в.)
	Б. Объекты растениеводства	НП «Алания» ГПЗ «Хакасский» ГПЗ «Алтайский» ГПЗ «Северо-Осетинский» ГПЗ «Байкало-Ленский»	Земледельческие террасы, огороженные камнями, арычная система орошения полей Древние оросительные системы (каналы III тыс. до н.э.) Древние оросительные каналы («суваки») I тыс.н.э. Старые оросительные каналы в урочище Фашкау Остатки системы отвода поливной воды на луг («утуг»), XIX — начало XX в.
VII. Научное природопользование	А. Опытные станции, полигоны	НП «Бузулукский бор» НП «Куршская коса» ГПЗ «Ильменский» НП «Угра»	Боровая опытная станция, организованная А. П. Тольским (1904 г.) Орнитологическая станция «Фрингила» (1901 г.) Комплекс зданий Радиобиологической станции «Миассово» с мемориальными досками в память известных учёных Опытная сельхозстанция в одноимённом посёлке (1922 г.)

Группы	Разновидности	ООПТ	Памятники/ОТП
VII. Научное природопользование	Б. Научные стационары и посты	НП «Таганай»	Фрагменты бывшей метеостанции «Таганай-гора» (1112 м н.у.м.), 1932–92 гг.
		НП «Русская Арктика»	Остатки бывших полярных станций (с 1931 г.) на северном о-ве Новой Земли (мыс Желания) и архипелаге Земля Франца-Иосифа («Наугурская» — о-в Земля Александры, «Бухта Тихая» — о-в Гукера)
		НП «Забайкальский»	«Байкальские засечки» — отметки уровня озера, сделанные в 1878–81 гг. исследователем Байкала И. Д. Черским

Наиболее часто встречающимися являются памятники недропользования (горные выработки, объекты переработки полезных ископаемых, священные горы и камни), водопользования (минеральные источники и озёра)³ и традиционных промыслов (дороги и постройки). Единичные примеры пока имеются по таким, возможно, немногочисленным разновидностям ОТП, как «Лесные школы», «Охотничьи угодья», «Собирательство» и «Бортное пчеловодство». С другой стороны, необходимо подчеркнуть огромное значение ООПТ в сохранении и поддержке действительно редких и ценных памятников традиционного природопользования, к которым, кроме объектов бортного пчеловодства, следует отнести следы древних оросительных систем в засушливых и горных районах (ГПЗ «Хакасский», «Алтайский»), пещерные святилища, некрополи и оборонительные сооружения (ГПЗ «Шульган-Таш», «Северо-Осетинский», НП «Сочинский», «Алания»), фрагменты уникальных водно-канальных систем (НП «Русский Север», «Кенозерский»). Безусловно, велика роль заповедников и парков в охране и восстановлении ОТП, связанных с традиционным укладом жизни коренных народов и научным освоением Севера (ГПЗ «Остров Врангеля», «Командорский», «Олекминский», НП «Берингия», «Русская Арктика»). Исторический опыт говорит о том, что именно традиционные формы хозяйствования сберегли для нашей цивилизации весьма хрупкие экосистемы северных территорий страны, и они до сих пор остаются «кормящим ландшафтом» для местного населения. Наконец, следует отметить, что традиционные виды деятельности явились определяющими для формирования сегодняшних культурных ландшафтов и в других ООПТ: горно-старательских (добывающих) в ГПЗ «Ильменский» и НП «Таганай», старовозрастных широколиственных лесов бывших «засек» в ГПЗ «Калужские засеки» и НП «Угра», оленеводческих и звероловных в ГПЗ «Лапландский», «Печоро-Илычский», «Малая Сосьва» и НП «Югыд ва».

В заключение следует напомнить, что приведённые в данной статье примеры и выкладки охватывают значительную часть (примерно 100 территорий), но не все имеющиеся на сегодня ООПТ федерального значения (их уже более 150). Следовательно, работу по выявлению и изучению рассматриваемого ресурса

³ Указанные объекты водо- и недропользования одновременно могут рассматриваться как памятники неживой природы и историко-геологические объекты (Новиков, 2014).

са историко-культурного наследия в заповедниках и национальных парках необходимо продолжить. Это позволит расширить общий диапазон и количество памятников традиционного природопользования, что будет способствовать их сохранению и более эффективному использованию в эколого-просветительских и туристско-рекреационных целях.

ЛИТЕРАТУРА

- Герасимов В. М.* Лосиный остров на пути к Троице. — М., 2000. — 160 с.
- Косенков Г. Л.* Памятники истории и культуры, расположенные на территории национального парка «Смоленское Поозерье» (кадастр). — М., 2002. — 146 с.
- Культурно-историческое наследие заповедника «Хакасский» / Сост. Ю. Н. Есин. — Абакан, 2015. — 40 с.
- Куршская коса. Культурный ландшафт / В. И. Кулаков и др. — Калининград, 2008. — 432 с.
- Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты национального парка «Угра» // Природа и история Поугорья. Вып. 3. — Калуга, 2001. — С. 106–109.
- Кулешова М. Е., Ведерникова Н. М.* Национальный парк «Угра»: Культурные ландшафты и духовное наследие. — Калуга, 2001. — 49 с.
- Кулешова М. Е., Новиков В. П., Массалитина Г. А.* Менеджмент-план как инструмент сохранения культурных ландшафтов: на примере национального парка «Угра» // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 549–575.
- Марков Н. И., Марков Д. Н.* Эпоха мегалита на территории Сочинского национального парка. — Сочи, 2014. — 19 с.
- Новиков В. П.* К истории создания национального парка «Угра» в Калужской области // Природа и история Поугорья. Вып. 4. — Калуга, 2006. — С. 8–19.
- Новиков В. П.* Памятники неживой природы в национальных парках и заповедниках России // Творческое наследие Н. М. Пржевальского и современность. Четвёртые международные научные чтения. — Смоленск, 2014. — С. 211–218.
- Новиков В. П.* Памятники традиционного природопользования в национальном парке «Угра» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XVI Всероссийской научной конференции. — Калуга, 2017.
- Новиков В. П., Коваленко А. С.* Музеефикация полей сражений Великой Отечественной войны в национальном парке «Угра» // Природа и история Поугорья. Вып. 6. — Калуга, 2011. — С. 262–268.
- Новиков В. П., Массалитина Г. А.* Памятные места Великого стояния. — Калуга, 2013. — 40 с.
- Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под ред. В. П. Новикова. 2-е изд. — Калуга, 2014. — 260 с.
- Памятники историко-культурного наследия на территориях государственных природных заповедников (краткий обзор) / Сост. И. Е. Матюшкин. — М., 1998. — 41 с.

Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка. — Петрозаводск, 2002. — 175 с.

Путеводитель по заповедникам России / Отв. ред. В.В. Горбатовский. Книги 1–5. — М., 2011 а.

Путеводитель по национальным паркам России / Отв. ред. В.В. Горбатовский. Книги 1–3. — М., 2011 б.

Редкий экземпляр. Памятники истории и культуры заповедной России. — Красноярск, 2016. — 119 с.

Рябов С.А. Здесь государевым «украинам» было бережение. Российское пограничье — особый объект культурного наследия. — М., 2007. — 335 с.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М.Е. Кулешовой. — М., 2013. — 220 с.

Чалая И.П., Иванова И.Г. Культурно-ландшафтная дифференциация территории национального парка «Угра» // Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. — М: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 406–424.

ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В настоящей статье преимущественно на основе опубликованных источников приведён краткий обзор основных не прямых (косвенных, опосредованных) факторов, которые с начала 1990-х годов так или иначе влияют на состояние и тенденции развития российской системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) — важнейшего элемента национального природного наследия.

Под непрямыми факторами (indirect drivers) принято понимать те, которые воздействуют на уровень (силу влияния) или скорость изменения одного или нескольких прямых факторов (direct drivers), то есть тех, которые непосредственно влияют на экосистемные процессы. Прямые факторы (трансформация местообитаний, изменение климата, чрезмерная эксплуатация земель, загрязнение и др.), как правило, могут быть измерены с разной степенью точности. Влияние не прямых факторов (социально-политические и демографические процессы, экономическая деятельность, технологии и др.) часто можно оценить только на качественном уровне¹.

При подготовке статьи проанализировано около 150 доступных публикаций, среди которых примерно 10–15% приходится на интернет-источники. Надо отметить, что по причинам административно-управленческого и внутривластного характера (отчасти затронутым ниже), в России выходит недостаточно публикаций, посвящённых проблемам развития и деятельности ООПТ (особенно за последние 10–15 лет), чтобы их совокупность адекватно отражала ситуацию в рассматриваемой области. Пробелы относятся ко многим аспектам функционирования ООПТ и порой весьма показательны. Отсюда некоторая эклектичность и очевидные различия в полноте представленной информации. В специальной литературе существенно чаще обсуждается текущая деятельность охраняемых территорий и её результаты, но о проблемах упоминается неоправданно редко или скупо. Именно поэтому настоящий обзор, не претендуя на исчерпывающий анализ, посвящён

¹ Многие элементы системы государственного управления охраняемыми территориями в современных российских условиях заслуживают причисления к непрямым факторам. Однако эта система требует отдельного рассмотрения, а в настоящей статье затронуты лишь её отдельные аспекты.

главным образом опасным или негативным процессам, с которыми имеют дело заповедники, национальные парки и другие категории особо охраняемых природных территорий².

К началу 2016 г. в Российской Федерации действовали 103 государственных природных заповедника, 48 национальных парков, 64 государственных природных заказника федерального значения, 2243 государственных природных заказников регионального значения, более 8 тыс. памятников природы (в том числе 17 федерального значения), а также более 2,8 тыс. ООПТ иных категорий регионального и муниципального значения (Государственный доклад..., 2016). Несколько десятков федеральных и региональных ООПТ имеют международный статус биосферных резерватов, объектов Всемирного природного наследия и др.

Всего в России по состоянию на 1 января 2016 г. насчитывалось более 13 тыс. ООПТ федерального, регионального и местного значения, общая площадь которых с учётом морской акватории достигает 207,5 млн га (в том числе 60,1 млн га — федерального значения), что составляет 12,1% от площади территории России (без морских акваторий — 11,46%) (Государственный доклад..., 2016).

Если опираться на сходные количественные показатели, развитие системы ООПТ в России в постсоветское время было выразительно неравномерным, поэтому целесообразно обсуждать, по крайней мере, два периода: 1990-е годы и 2000—2016 годы (табл.)

*Таблица.
Некоторые количественные показатели
развития системы федеральных ООПТ в России*

Показатель	1990-е годы	2000—2016 годы
Создано заповедников	31	4
Создано национальных парков	24	13
Создано федеральных заказников и памятников природы	8	?
Расширение территории существующих заповедников и национальных парков	2,5 млн га	?
Преобразование федеральных заказников в региональные	0	13 (с 2015 г.)
По материалам: Степаницкий, Крейндин, 2004; Государственный доклад..., 2016.		

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

В 1990-е годы система российских федеральных ООПТ бурно расширялась и развивалась (создано 55 новых заповедников и национальных парков), несмотря на объективные экономические трудности накануне и после распада Советского Союза (табл.)

² В статье не рассматриваются ключевые орнитологические территории, водно-болотные угодья и иные категории ценных природных территорий с тем или иным защитным статусом.

В этот период приняты принципиально важные федеральные законы «Об особо охраняемых природных территориях» и «О животном мире» (1995), утверждены положения о государственных заповедниках и национальных парках (1991 и 1993), другие важные нормативно-правовые документы (Сборник..., 2000).

Активно развивались некоммерческие природоохранные организации, как общероссийские, так и региональные. Их инициативы, поддерживаемые преимущественно зарубежными спонсорами, существенно помогли многим ООПТ в условиях длительного и болезненного становления рыночной экономики. НКО обеспечивали информационную поддержку ООПТ (бюллетень «Заповедники и национальные парки», журнал «Охрана дикой природы», газета «Заповедные вести», справочник «Национальные парки России» и др.), уделяли серьёзное внимание систематизации многолетних исследований в заповедниках (Заповедники России..., 1994), разрабатывали планы управления ООПТ и стратегии их развития (Основные направления..., 1999; Охраняемые природные территории..., 1999; Стратегия..., 2002), проектировали региональные ООПТ и экологические сети (Формирование..., 1998; Шварц, 1998), проводили ежегодную массовую акцию «Марш парков» по привлечению внимания к ценности и проблемам ООПТ (Марш парков..., 1998, 2001), выполняли множество других проектов и мероприятий.

Война в Чечне (1994–1996, 1999–2000) и сопутствующая криминализация местных сообществ привели к серьёзным негативным последствиям для биоразнообразия и ООПТ Северного Кавказа (Формозов, 1999; Зонн С. В., Зонн И. С., 2002).

В 2000-е годы в стране взят курс на экономический рост «любой ценой», что привело к последовательной деэкологизации практически всех сфер деятельности. Главными проблемами стали направленное ослабление законодательной защиты ООПТ и отсутствие стабильного государственного управления ими.

В связи с ликвидацией самостоятельного природоохранного ведомства в 2000 г. управление ООПТ передано в ведение Министерства природных ресурсов и экологии. Последовавшие затем неоднократные реорганизации государственного управления системой ООПТ (Честин, 2001; О состоянии..., 2009) во многом способствовали невосполнимой потере ценнейших природоохранных традиций.

Безусловно, России необходима специальная федеральная экологическая служба, не подчинённая природно-ресурсному министерству. Невозможно совместить в одном ведомстве решение двух противоположных задач: эксплуатацию природных ресурсов и охрану природного наследия от воздействия хозяйственной деятельности (Честин, 2001; Чибилёв, 2014а; и многие др.). Это тем более очевидно для крупной страны с высокой степенью разнообразия экологических условий.

Показательно, что в период 2001–2005 гг. в стране впервые за предшествующие 50 лет не было создано ни одного нового заповедника и национального парка (Государственный доклад..., 2016). Правительственный план развития системы ООПТ на 2001–2010 гг. не выполнен (Степаницкий, 2009). Вместе с тем в субъектах РФ начался позитивный процесс по созданию дирекций региональных ООПТ.

«Основные направления государственной политики по развитию системы государственных природных заповедников и национальных парков в Российской Федерации

на период до 2015 года», принятые Минприроды России в 2003 г., не смогли остановить деградацию территориальной охраны природы, происходящую благодаря изменениям в законодательных актах. Так, изменение закона «Об особо охраняемых природных территориях», инициированное подготовкой к Сочинской олимпиаде и разрешившее создание спортивной инфраструктуры в национальных парках, создало условия для размещения на их территориях горнолыжных курортов. Изменения водного и лесного законодательства привели к резкому сокращению площадей водоохраных зон и защитных лесов. Новый Лесной кодекс фактически уничтожил защитный статус лесопарков и пригородных лесов. Декларацией оказалось положение Экологической доктрины РФ (2002), в соответствии с которым неотъемлемым компонентом развития всех регионов и страны в целом должно стать формирование природно-заповедного фонда России (О состоянии..., 2009).

В 2013 г. принят закон, ликвидировавший важнейший принцип бессрочности существования ООПТ и инициирующий опаснейший прецедент по преобразованию заповедников в национальные парки (№ 406-ФЗ от 28.12.2013). Другой закон от 2016 г. допускает выделение биосферных полигонов в границах заповедников (№ 254-ФЗ от 03.07.2016), то есть фактически легализует их хозяйственное освоение, включая застройку (Анализ выполнения..., 2016; Бриних, 2016), и окончательно лишает Россию возможности как-либо соответствовать международной концепции биосферных резерватов.

В 2013 г. внесены изменения в федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001), в результате чего территории традиционного природопользования (ТТП) перестали относиться к особо охраняемым природным территориям, что сильно осложнило процедуру их создания, которая и до этих изменений не была определена в полной мере. С 2001 г. не появилось ни одной ТТП федерального значения, но создано несколько десятков региональных ТТП, несмотря на отсутствие единообразного порядка и практики их организации (Анализ выполнения..., 2016).

На национальном и региональном уровнях отсутствуют правовые основы, учитывающие специфику сохранения степных ландшафтов (Чибилев, 2015).

В этот период (2000–2016 гг.) нарастало правовое и административное давление на деятельность экологических НКО. Официальный список зарубежных грантодателей сокращён в 7 раз и с 2008 г. состоит всего из 12 организаций. НКО, получающие финансирование из нероссийских источников, могут быть причислены к «иностранным агентам» фактически под любым надуманным предлогом, если органы юстиции сочтут что-либо в их работе «политической деятельностью» (Шевченко, 2016). При этом налоговые и иные льготы для отечественных спонсоров так и не были введены. Российские фонды или ликвидировали, или вынудили постепенно прекратить свою деятельность. Созданные вместо них источники грантовых средств абсолютно недостаточны даже для минимальной поддержки деятельности экологических НКО (О проблемах финансирования..., 2009).

В таких условиях многие НКО заметно сократили масштабы сотрудничества с ООПТ. Тем не менее полезные проекты и мероприятия продолжаются. Назовём лишь некоторые из них: природоохранное проектирование, разработка планов управления

ООПТ, аналитика, Марш парков, подготовка пособий и справочников, распространение зарубежного опыта и др. (Бишоп и др., 2000; Степаницкий, Крейндин, 2004; Штильмарк, 2005, 2014; Разработка планов управления..., 2006; Особо охраняемые..., 2009; Сельские культурные ландшафты..., 2013; Степные пожары..., 2015; Охрана федеральных ООПТ..., 2016; и многие др.).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Формирование рыночной экономики, не подкреплённой социальной и экологической ответственностью предприятий и компаний, сращивание бизнеса с властными структурами, внедрение криминала в экономические процессы, высокий уровень коррупции в стране имели самые серьёзные следствия для ООПТ.

В 1990-е годы интенсивное развитие территориальной охраны природы было осложнено хроническим недофинансированием (Никольский, 1991; Степаницкий, 1999, 2000), что вело к потере квалифицированных кадров, снижению научного потенциала ООПТ. Резко усилилась их изоляция, неприемлемая для научной деятельности. Усугубляли ситуацию и стандартные для заповедной системы проблемы обеспечения сотрудников жильём.

Однако федеральные ООПТ даже в этот период наиболее тяжёлых социально-экономических потрясений обеспечивали достаточно высокий уровень сохранения природных комплексов (см. например: Sieber et al., 2013), в то время как в региональных ООПТ часто регистрировались незаконные рубки охраняемых лесов (Природа Подмосковья..., 2009; Wendland et al., 2015; Shchur et al., 2017; и др.) и иные нарушения режима охраны.

В 2000–2016 годах основной угрозой заповедному делу России стала тенденция слияния функций и прерогатив заповедников и национальных парков, то есть навязчивое стремление открыть заповедники для туризма, заставляя их таким образом улучшать своё экономическое положение собственными силами (Штильмарк, 2003; Чибилёв, 2014а, б; Борейко и др., 2015).

Принуждение заповедников заниматься коммерческой деятельностью (прежде всего туризмом), имевшее место ещё в 1990-е годы (Тихомиров, 1995), привело к потере их природоохранного имиджа в среде чиновников и предпринимателей. Неудивительно поэтому, что продолжают множиться попытки нарушений установленных режимов охраны и пользования как федеральных, так и региональных ООПТ, объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Территории ряда существующих и проектируемых ООПТ и их охранных зон стали объектами незаконного строительства (Степаницкий, Крейндин, 2004; Сохранить национальный парк..., 2009; Спасти Утриш..., 2009; Российские экологи..., 2014; Bragina et al., 2015b). Зарегистрированы попытки устройства охотхозяйств в охранных зонах ООПТ или у их границ.

Бюджетное финансирование ООПТ в этот период и особенно в последние годы существенно увеличилось (Цербаков, 2004а, 2004б; Степаницкий, 2015), но оплата труда их сотрудников осталась, как правило, недопустимо низкой (Сиденко, 2010).

Проблемы региональных систем ООПТ отчасти можно оценить на примере Московской области, где в нарушение режимов охраны зарегистрированы рубки и посадки лесных культур, производство земляных работ и т.п., состояние около 15% ООПТ оценено как неудовлетворительное (Соболев, 1998; О важности сохранения..., 2009). Во многих регионах предпринимались попытки сокращения числа региональных ООПТ, их реорганизации, понижения статуса (с регионального на местный) или ликвидации (см., например: Соболев, 2004; Остановить уничтожение..., 2009; Лукьяненко А., Лукьяненко В., 2010).

Процесс создания ООПТ всех типов существенно усложнился. Важнейший принцип территориальной охраны природы — формирование экологических сетей разного уровня — на практике не воплощён, несмотря на наличие качественных проектов таких экосетей для многих субъектов РФ (Соболев, 2001, 2012). Перспективные федеральные и другие ООПТ в схемах территориального планирования, лесных планах субъектов РФ и в других нормативных документах, определяющих развитие территории, часто не учитываются. Не создана система резервирования территорий, планируемых к созданию ООПТ, отсутствует ответственность правообладателей земельных участков и иных природопользователей за сохранность оказавшихся в их ведении ценных природных объектов. Не получила развития практика создания негосударственных охраняемых природных территорий.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

В 1990-е годы в связи с падением уровня жизни населения и постепенным разрушением системы государственного контроля в охотничьих угодьях и на водоёмах браконьерство во многих регионах страны приобрело беспрецедентные масштабы, в том числе у границ ООПТ. Местами браконьерство оформилось в хорошо организованные и оснащённые преступные группировки, наносящие колоссальный урон биологическим ресурсам. Это привело к катастрофическому сокращению численности ряда животных: сайгака, кабарги, русской выхухолы, каспийского тюленя, осетровых рыб и др. (Зайцев, 2006; Хяхин, 2009; Неронов и др., 2013; Bragina et al., 2015a; и др.). Часто эти виды недостаточно защищены и в границах ООПТ, где их численность продолжает сокращаться. В 2000-е годы ситуация практически не улучшилась, хотя уровень браконьерства, вероятно, несколько сократился (чаще всего из-за резкого снижения продуктивности промысловых объектов).

Вместе с тем местное население в критических ситуациях выступает за сохранение близлежащих ООПТ, а порой непосредственно участвует в их защите (Скроденис, 2010; и др.), несмотря на мелкие и регулярные («бытовые») конфликты между жителями окрестных поселений и администрацией или службой охраны ООПТ. Некоторые заповедники, национальные и природные парки успешно сотрудничают с местными организациями территориального общественного самоуправления (ТОС), предпринимателями, муниципальной властью (Сельские культурные..., 2013).

Знания и традиции коренных народов и старожильческого населения при проектировании ООПТ или организации их деятельности часто не учитываются (Шульгин,

2007). Так, при создании национального парка «Берингия» вопросы традиционного природопользования были в значительной степени проигнорированы (Богословская, Вдовин, 2005; Вдовин, 2016). Нередко сотрудники ООПТ не умеют или не хотят наладить содержательный диалог с представителями коренного и старожильского населения.

В настоящее время в России на государственном уровне отсутствует подготовка специалистов для ООПТ (Мишин и др., 2001), а низкий уровень оплаты труда (Сиденко, 2010) является серьёзным препятствием для привлечения молодых специалистов биологических, географических и иных специальностей, которым часто преподают и основы заповедного дела (см. Иванов, Чижова, 2003). Сократилась подготовка специалистов-охотоведов (Машкин, 2007), многие из которых в прежние годы успешно работали в ООПТ. В отдельных ООПТ зарегистрированы попытки взимания платы за прохождение студенческих практик на базе охраняемых территорий, что не способствует формированию содержательных отношений с вузами, крайне важных для развития заповедного дела.

ТЕХНОЛОГИИ И НАУКА (ФАКТОРЫ)

В 1990-е годы имеющаяся материальная база ООПТ быстро разрушалась из-за отсутствия финансирования, а новыми техническими средствами их снабжали крайне скудно (Лаптев, 2004). Ситуация стала налаживаться в 2000-е годы: многие ООПТ смогли восстановить парк транспортных средств, отремонтировать или построить служебные помещения, приобрести оргтехнику, современные средства связи, наблюдения и пр. В последние годы в ООПТ активно создаются визит-центры и иная туристическая инфраструктура (Степаницкий, 2015). Однако в случае заповедников развитие возможностей для туризма чаще всего противоречит их предназначению.

С советских времён в ряде заповедников действуют питомники по восстановлению и разведению редких видов, например, зубра (Приокско-Тerrasный), стерха (Окский) и др. Их опыт имеет исключительное значение для биологии охраны природы и сохранения этих видов, а деятельность сопряжена с многочисленными трудностями финансового и часто административного характера (см. например: Что делать, 2013). В последние годы создание подобных питомников при ООПТ заметно активизировалось (см. например: Бакирова, Жарких, 2015; Семёнов, 2016).

В 1990-е годы ощутимую поддержку ООПТ традиционно оказывали научные учреждения и вузы: исследования по совместным программам, публикация научных результатов (см. например: Заповедное дело, 1996–2014), методическая поддержка и пр. В 2000-е годы такая работа несколько сократилась. Фактически прекратила свою деятельность Комиссия РАН по заповедному делу, помогавшая преодолевать научную изоляцию сотрудников заповедников. Тем не менее научный потенциал ООПТ по-прежнему исключительно высокий, потенциально востребованный и во многом уникальный.

Всероссийский научно-исследовательский институт охраны природы Минприроды России (ВНИИприроды, с 2014 г. — ВНИИ Экология), подвергшийся неоднократ-

ным реорганизациям и сменивший с 2003 г. около 10 руководителей, практически потерял свои прежде заметные позиции в области заповедного дела.

Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) со дня основания в 1992 г. целенаправленно занимался (под руководством Ю. А. Веденина) проблемами сохранения природного и культурного наследия в их совокупности и взаимовлиянии (в том числе на ООПТ), инициировал разработку и участвовал в создании многих полезных программ и научно-методических материалов для национальных парков и ООПТ иных категорий (см. например: Стратегия..., 2002; Культурный ландшафт..., 2004; Соловецкие острова..., 2006; Наши льды..., 2013; Сельские культурные..., 2013; и др.). Однако за несколько последних лет (начиная с 2013 г.) этот уникальный научный центр был фактически разрушен новым руководством, назначенным Минкультуры России, — потерял значительную часть ключевых сотрудников, утратил научно-методические функции по вопросам комплексного изучения природной и культурной составляющих наследия (Наука..., 2016).

В целом число специалистов в области заповедного дела, работавших вне учреждений ООПТ, в постсоветские годы неуклонно сокращалось и в настоящее время оно неоправданно низкое.

Многokrратно научная и природоохранная общественность выступала в поддержку ООПТ, представляла в органы государственного управления различные рекомендации по оптимальному формированию федеральной и региональных систем охраняемых природных территорий и их полноценному развитию (см., например: Скокова, 1991; Дёжкин, 1999, 2005; О состоянии..., 2009; Штильмарк, 2014). Начиная с 2000 г. содержательный диалог общественности с федеральными госструктурами постепенно выхолащивался и к настоящему времени окончательно разрушен. В частности, в подавляющем большинстве случаев органы исполнительной и законодательной власти или игнорируют мнение научных учреждений и НКО, или ограничиваются формальными отписками (Зелёное движение..., 2009). На региональном уровне ситуация может быть более позитивной.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

В целом демографические факторы на состояние ООПТ влияют незначительно. В наибольшей степени их воздействие сказывается в регионах с исходной высокой плотностью населения, подверженных интенсивной урбанизации (Московская, Ленинградская, Нижегородская области и ряд других). В таких регионах существенно усиливается пресс хозяйственной деятельности на природные комплексы, учащаются попытки незаконного захвата земель ООПТ или прилегающих к ним территорий (см., например: Природа Подмосковья..., 2009).

Депопуляция сельской местности и удалённых регионов привела к очевидному дефициту трудовых ресурсов для ООПТ и снижению квалификации принимаемых на работу сотрудников.

Зарегистрированы неоднократные случаи участия трудовых мигрантов в нелегальном обороте биоресурсов (рога сайгака, медвежьих лапы и др.) и браконьерстве (Гильфанова, 2008; Вайсман, 2013).

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И СЛЕДСТВИЯ

Приведённый выше обзор основных не прямых факторов, влияющих на отечественное заповедное дело, с очевидностью свидетельствует, что российская заповедная система (как федерального, так и регионального уровней) переживает чрезвычайно сложные времена. Гораздо более опасные, чем, например, хорошо известные «чёрные» периоды в её столетней истории — ликвидация многих заповедников в 1951 и 1961 гг. (подробнее об этих периодах см. Штильмарк, 2014). Последствия тех разрушительных событий, инициированных «внешними» по отношению к ООПТ силами, осуществлённых неграмотными (в природоохранном отношении) волонтеристами и имевших абсурдно-кампанейский характер, до сих пор до конца не преодолены.

В рассматриваемый нами период ситуация существенно иная. В 1990-е годы заповедная система, несмотря на трудности переходного периода к «рыночной экономике», стремительно расширялась, придерживаясь в целом принципов и основных традиций отечественного заповедного дела. Но с начала 2000-х годов фактор разрушения, «выпестованный» в органах госуправления, всё более внедряется в сущность заповедной системы, разъедая её изнутри, чему всячески способствует декларативно-декоративный характер экологической политики в России. Наиболее опасные составляющие этого интегрального разрушительного фактора, на наш взгляд, следующие: 1) туристическая «повинность» заповедников и/или иная коммерческая «повинность» национальных парков, 2) формализация основных заповедных понятий и принципов и, наряду с этим, размывание понятийных границ между разными типами ООПТ в условиях их крайне обеднённого разнообразия, 3) уничижительное отношение к заповедной науке, 4) деструктивная кадровая политика и 5) не менее деструктивная практика оплаты труда многих сотрудников ООПТ. Даже проблемы ослабления природоохранного законодательства, несмотря на их чрезвычайно негативную роль, несколько блёкнут на фоне такой административно-управленческой практики ответственного за ООПТ ведомства, которое, вероятно, или не считает нужным противостоять отечественным «рыночным» тенденциям, или же просто не способно выполнять эффективную природоохранную деятельность.

Надеяться на существенное «потепление» этой практики и этих тенденций в обозримом будущем, по-видимому, не приходится. Следовательно, перспективы заповедной системы — ключевого элемента национального природного наследия — во многом зависят от жизнестойкости замечательных заповедных традиций, заложенных ещё основателями российского заповедного дела (Г. А. Кожевниковым, В. Н. Сукачевым, В. В. Станчинским и др.), но оформившихся и закалившихся в течение его насыщенной 100-летней истории благодаря усилиям нескольких поколений хранителей заповедных земель.

ЛИТЕРАТУРА

Анализ выполнения задач государственной политики в области экологического развития и соответствующих поручений Президента Российской Федерации. — М.: WWF; НИА-Природа, 2016. — 54 с.

Бакирова Р.Т., Жарких Т.Л. Первый этап реинтродукции лошади Пржевальского в Оренбургском заповеднике. Подготовка инфраструктуры // Степ. бюл., 2015. № 45. — С. 62–64.

Бишоп К., Грин М., Филлипс А. Модели национальных парков. — М.: Изд-во ЦОДП, 2000. — 216 с.

Богословская Л.С., Вдовин Б.И. О создании национального парка в регионе Берингова пролива в качестве российской части международного парка «Берингия» // Препринт к парламентским слушаниям по организации российской части международного парка «Берингия». — М., 2005. — 4 с.

Борейко В.Е., Бриних В.А., Парникоза И.Ю. Заповедность (пассивная охрана природы). Теория и практика // «Охрана дикой природы». Вып. 73. — Киев: Логос, 2015. — 112 с.

Бриних В.А. Краткий анализ негативных изменений в положении государственных природных заповедников России // Заповедники Крыма — 2016: биологическое и ландшафтное разнообразие, охрана и управление. Тез. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 28–30 апреля 2016 г.). — Симферополь, 2016. — С. 29–30.

Вайсман А.Л. Нелегальный оборот флоры и фауны между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем // Ойкумена, 2013. № 3. — С. 26–37.

Вдовин Б. Л. С. Богословская — научный руководитель разработки ТЭО Парка «Берингия» (1990–1991) // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской. — М., 2016. — С. 298–316.

Гильфанова В.И. Российско-китайское взаимодействие на рынке охотничье-промысловой продукции (на примере Забайкальского края) // Вестник ЧитГУ, 2008. № 6 (51). — С. 163–166.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». — М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2016. — 639 с.

Дёжкин В.В. Охраняемые природные территории России // Охраняемые природные территории: Материалы к созданию Концепции системы охраняемых природных территорий России. — М.: Изд. РПО ВВФ, 1999. — С. 7–44.

Дёжкин В.В. Территориальная охрана природы в мире и в России // Россия в окружающем мире: 2005 (Аналитический ежегодник). — М.: Изд-во МНЭПУ, 2005. — С. 59–81.

Зайцев В.А. Кабарга: экология, динамика численности, перспективы сохранения. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. — 120 с.

Заповедники и национальные парки (бюллетень). — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 1993–2006. № 1–46.

Заповедники России. Сборник материалов Летописей природы за 1991/1992 годы: Информ.-справ. изд. — М.: Росагросервис, 1994. — 210 с.

Заповедное дело. Научно-методические записки. 1996–2014. Вып. 1–16.

Заповедные вести (газета). 1994–2004. № 1–86.

Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — 140 с.

Зонн С.В., Зонн И.С. Экологические последствия военных операций в Чечне // Энергия: экономика, техника, экология. 2002, № 6. С. 50–53; № 7. — С. 34–38.

Иванов А.Н., Чижова В.П. Охраняемые природные территории: Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 119 с.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Лаптев А.А. Выживать мы научились — хотелось бы жить // Охрана дикой природы, 2004. № 4 (30). — С. 13–15.

Лукьяненко А.В., Лукьяненко В.И. Основные этапы формирования региональной системы особо охраняемых природных территорий в Ярославской области, современное состояние, проблемы и пути их решения // Особо охраняемые природные территории регионального значения: проблемы управления и перспективы развития: Мат-лы межрегион. конф. — СПб, 2010. — С. 22–26.

Марш парков — 98: Сб. репортажей. — М.: Изд. ЦОДП, 1998. — 95 с.

Марш парков — 1999, 2000: сборник материалов / Сост. И.В. Чебакова и Е.И. Орленева. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2001. — 68 с.

Машкин В.И. О кадрах в охотничьем хозяйстве // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства, 2007. Вып. 1. — С. 276–277.

Мишин А.С., Козлов Ю.П., Никольский А.А. О подготовке специалистов особо охраняемых природных территорий // Вестн. РУДН. Сер. Экология и безопасность жизнедеятельности, 2001. № 5. — С. 60–65.

Наука очковтирательства, или кто и как собирается учить нас патриотизму // Инф. агентство «РЕГНУМ». 2016, 6 августа (URL: <https://regnum.ru/news/2164053.html>).

Национальные парки России: Справочник / Под ред. И.В. Чебаковой. — М.: Изд. ЦОДП, 1996. — 198 с.

Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост. и ред. Л.С. Богословская, И.И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.

Неронов В.М., Арылова Н.Ю., Дубинин М.Ю. и др. Современное состояние и перспективы сохранения сайгака в Северо-Западном Прикаспии // Аридные экосистемы, 2013. Т. 19. № 2 (55). — С. 5–14.

Никольский А.А. Заповедное дело в СССР: состояние, перспективы развития // Охота и охотничье хозяйство, 1991. № 6. — С. 2–5.

О важности сохранения заказников Московской области // Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — С. 83–84.

О проблемах финансирования проектной деятельности эконоНПО // Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — С. 128–129.

О состоянии и развитии системы охраняемых природных территорий в России // Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — С. 71–74.

Основные направления развития Центрально-Лесного биосферного государственного природного заповедника. — 2-е изд. — М.: Изд. ЦОДП и ЦЛГБЗ, 1999. — 40 с.

Особо охраняемые природные территории России: современное состояние и перспективы развития. — М.: WWF России, 2009. — 456 с.

Остановить уничтожение новгородских особо охраняемых природных территорий! // Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — С. 80–81.

Охрана дикой природы (журнал). — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 1994–2011. № 1–40.

Охрана федеральных ООПТ: правовые основы и практика правоприменения. Методические рекомендации / Авт.-сост. М.Л. Крейндин. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016. — 128 с.

Охраняемые природные территории: Материалы к созданию Концепции системы охраняемых природных территорий России. — М.: Изд. РПО ВВФ, 1999. — 246 с.

Природа Подмосковья: утраты последних двух десятилетий / М.Л. Карпачевский, А.Ю. Ярошенко, Ю.Э. Зенкевич и др. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2009. — 92 с.

Разработка планов управления (менеджмент-планов) для особо охраняемых природных территорий: Методические рекомендации. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. — 28 с.

Российские экологи просят Президента сохранить заповедник на острове Врангеля от военных // Гринпис России. 2014, 14 октября (URL: www.greenpeace.org/russia/ru/news/2014/15-10-medvedi).

Сборник руководящих документов по заповедному делу / Сост. В.Б. Степанюцкий. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2000. — 703 с.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М.Е. Кулешовой. — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. — 220 с.

Семёнов У.А. «Центр восстановления леопарда на Кавказе» — стратегия реинтродукции // Тр. Сочинского нац. парка. Вып. 10. — М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2016. — 110 с.

Сиденко М. О зарплатах в заповедной системе России // На заповедных болотах. Записки орнитолога. 2010, 4 ноября. Код доступа: URL: <http://marisidenko.livejournal.com/?skip=70>.

Скокова Н.Н. Эхо «новгородского веча» // Природа, 1991. № 8. — С. 49–55.

Скроденис Т.А. Роль местного сообщества в территориальной охране природы // Особо охраняемые природные территории регионального значения: проблемы управления и перспективы развития: Мат-лы межрегион. конф. — СПб, 2010. — С. 117–121.

Соболев Н.А. Особо охраняемые природные территории и охрана природы Подмосковья // Научные чтения, посвящённые памяти Н.Ф. Реймерса: Докл.

4-й конф. В связи с 850-летием г. Москвы. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. — С. 26–56.

Соболев Н.А. Трудности и перспективные задачи правового обеспечения формирования экологического каркаса // Науч. тр. гос. природ. заповедника «Присурский». Т. 5. Актуальные проблемы экологического права России. Ч. 1. Чтения, посвящённые памяти Колбасова О.С. — Чебоксары; М., 2001. — С. 81–83.

Соболев Н.А. Состояние региональных систем охраняемых природных территорий // Бюл. «Заповедники и национальные парки», 2004. № 45. — С. 15–19.

Соболев Н.А. Формирование Панъевропейской экологической сети в России // Ecological networks — introduction to experience and approaches. Proc. conf. (Chi in u, 13–14.10.2011). — Chişinău, 2012. — P. 27–33.

Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие. Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения / Под общ. ред. П.В. Боярского, В.П. Столярова; ред.-сост. В.П. Столяров, Г.Н. Колосова; ред. Ю.С. Захаров. — М.: Институт Наследия, 2006. — 680 с.

Сохранить национальный парк «Лосиный остров»! // Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — С. 78–79.

Спасти Утриш — жемчужину Черноморского побережья России! // Зелёное движение России и экологические вызовы: Мат-лы конф. (пос. Дубровский, Московская обл., 21–22 марта 2009 г.) — М.: Лесная страна, 2009. — С. 74–77.

Степаницкий В.Б. Проблемы организации охраны и контроля за соблюдением режима особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации // Охраняемые природные территории: Материалы к созданию Концепции системы охраняемых природных территорий России. — М.: Изд. РПО ВВФ, 1999. — С. 195–198.

Степаницкий В.Б. Финансирование государственных природных заповедников Госкомэкологии России в 1999 г.: основные итоги // Заповедники и национальные парки, 2000. № 31. — С. 9–12.

Степаницкий В.Б. Перспективные планы развития системы ФООПТ России: взгляд в историю // Особо охраняемые природные территории России: современное состояние и перспективы развития. — М.: WWF России, 2009. — С. 12–21.

Степаницкий В.Б. Организация и функционирование федеральной системы ООПТ: что изменилось за последние 10 лет // Заповедная Россия, 2015. 4 июня (URL: <http://news.zapoved.ru/2015/06/04/stepanickiy>).

Степаницкий В.Б., Крейндлин М.Л. Государственные природные заповедники и национальные парки России: угрозы, неудачи, упущенные возможности. — М.: Гринпис России, 2004. — 48 с.

Степные пожары и управление пожарной ситуацией в степных ООПТ: экологические и природоохранные аспекты. Аналитический обзор. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2015. — 144 с.

Стратегия управления национальными парками России. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. — 36 с.

Тихомиров В. Н. Хронические и «благоприобретённые» беды заповедной системы в России // Заповедное дело в новых социально-экономических условиях. Тез. докл. междунар. совещ. — СПб, 1995. — С. 3–8.

Формирование экологической сети Центра Русской равнины. — М.: Изд. ЦОДП СоЭС, 1998. — 81 с.

Формозов Н. А. Природа — жертва войны // Охрана дикой природы, 1999. № 1 (12). — С. 23–25.

Хахин Г. В. Русская выхухоль в опасности: динамика численности и проблемы охраны. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2009. — 104 с.

Честин И. Е. Разрушение государственного управления в области охраны окружающей среды — угроза экономической, экологической и социальной безопасности России // ЭКО-бюллетень ИнЭКА, 2001. № 11 (70).

Чибилёв А. А. Заповедник «Оренбургский»: история создания и природное разнообразие. — Екатеринбург: Ин-т степи УрО РАН, Оренбург. отд. РГО, 2014а. — 139 с.

Чибилёв А. А. Особенности формирования сети ООПТ в странах Степного пояса Евразии // Вестн. алтайск. науки, 2014б. № 4. — С. 198–203.

Чибилёв А. А. Заповедное дело в степной зоне Евразии // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та, 2015. № 6 (56). — С. 175–177.

Что делать?! // Приокско-Террасный государственный природный биосферный заповедник. 2013, 28 ноября (URL: www.danki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=144&Itemid=57).

Шварц Е. А. Экологические сети в северной Евразии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 4. С. 10–15.

Шевченко Д. Тест на устойчивость // Экология и право, 2016. № 3 (63). — С. 4–5.

Штильмарк Ф. Р. О проблемах природных заповедников и заповедного дела на данном этапе // Сб. мат-лов межрег. науч.-практ. конф. «Роль особо охраняемых природных территорий в экономике, экологии и политике Сибирского региона» (14–15.10.2003). — Ханты-Мансийск, 2003. — С. 13–18.

Штильмарк Ф. Р. Идея абсолютной заповедности. Помни праотцев — заповедного не тронь! // Охрана дикой природы. Вып. 52. — К.; М.: Киевский эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы, 2005. — 116 с.

Штильмарк Ф. Р. Заповедное дело России: теория, практика, история. — М., 2014. — 512 с.

Шульгин П. М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий российского Севера) // Мир России, 2007. № 3. — С. 147–166.

Щербаков А. В. Финансирование государственных природных заповедников МПР России в 2002 и 2003 гг.: основные итоги // Заповедники и национальные парки, 2004а. № 43. — С. 5–9.

Щербаков А. В. Финансирование национальных парков России в 2002 и 2003 гг.: основные итоги // Заповедники и национальные парки, 2004б. № 43. — С. 10–13.

Bragina E.V., Ives A.R., Pidgeon A.M. et al. Rapid declines of large mammal populations after the collapse of the Soviet Union // *Conservation Biology*, 2015a. Vol. 29. No. 3. — P. 844–853.

Bragina E.V., Radeloff V.C., Baumann M. et al. Effectiveness of protected areas in the Western Caucasus before and after the transition to post-socialism // *Biological Conservation*, 2015b. No. 184. — P. 456–464.

Shchur A., Bragina E., Sieber A. et al. Monitoring selective logging with Landsat satellite imagery reveals that protected forests in Western Siberia experience greater harvest than non-protected forests // *Environmental Conservation*, 2017. — P. 1–9 (*In press*).

Sieber A., Kuemmerle T., Prishchepov A.V. et al. Landsat-based mapping of post-Soviet land-use change to assess the effectiveness of the Oksky and Mordovsky protected areas in European Russia // *Remote Sensing of Environment*, 2013. Vol. 133. — P. 38–51.

Wendland K.J., Baumann M., Lewis D.J. et al. Protected area effectiveness in European Russia: a postmatching panel data analysis // *Land Economics*, 2015. Vol. 91. No. 1. — P. 149–168.

Часть 6

И ЕЩЁ О ЮБИЛЯРЕ

ДИАЛОГ С ЮРИЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ВЕДЕНИНЫМ

Юрий Александрович Веденин — прекрасный собеседник. Учёный, мыслитель, организатор науки, практик, носитель русской культуры, руководитель на протяжении сложнейших 20 лет (1992—2012) одного из самых передовых исследовательских институтов в области наследия. Все эти присущие ему качества делают общение с ним необычайно плодотворным и увлекательным. Опыт, накопленный Ю. А. Ведениным за десятилетия служения науке и культуре, позволяет учиться у него самым продуктивным способом, размышляя над вопросами, на которые он обращал и обращает внимание.

Счастлирое время знакомства и сотрудничества с Юрием Александровичем, с его коллегами по институту — это одновременно и время борьбы за сохранение культурного и природного ландшафта в Пушкинском Заповеднике. Будучи одним из старейших музеев-заповедников в России, Пушкинский Заповедник за свою 120-летнюю жизнь накопил большой опыт работы с литературным мемориальным ландшафтом, несущим в себе следы жизни и творческой деятельности одного из величайших национальных гениев — А. С. Пушкина.

Один из ключевых вопросов наследия — наследование. Дважды в минувшем веке происходил культурный перелом в нашей стране, следствием которого становились разрыв преемственности в образе жизни и переоценка ценностей в области наследия. Сегодня, как воздух, культуре нужна осторожная, направленная на защиту уцелевшего, всё ещё значительного, наследия политика наибольшего внимания и благоприятствования культуре. Но её-то, увы, и нет. Кризис национального наследия и наследования продолжает усиливаться. Тем важнее опираться на опыт и научные основания, разработанные совместно с Институтом Наследия музейным сообществом и практиками природоохранной отрасли Российской Федерации в 1992—2012 годах, продолжать поиск ответов на жизненно важные вопросы. Этому и посвящён и воображаемый диалог.

Александр Сергеевич Пушкин застал родовое имение матери Михайловское в пору начала жизни усадьбы. К моменту его первого приезда в 1817 году прошло чуть более сорока лет со времени создания архитектурно-усадебного ансамбля. Двести лет назад жизнь пушкинской усадьбы строилась по законам классической эпохи русского сель-

ского быта. Опыт жизни поэта в псковском имении с полным правом позволил ему предпослать «деревенским» главам романа «Евгений Онегин» обобщающий эпиграф из Горация с переводом по созвучию слов: «O Rus!» (О, деревня!) — «O, Русь!».

И в начале девятнадцатого века, и сегодня историко-культурный ландшафт Пушкинского Заповедника является летописью достижений и проблем, присущих русскому усадебному и литературному ландшафту. Важно и то, что при подготовке к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в период проведения реставрационных и реконструктивных работ, музей и привлечённые им специалисты составляли круг близких по духу и взглядам учёных, чьим рекомендациям сотрудники музея стремились целенаправленно следовать.

Предметом воображаемых диалогов с Юрием Александровичем Ведениным будет накопленный Институтом Наследия и Пушкинским Заповедником опыт работы с классическим русским мемориальным усадебным ландшафтом. Рассказать об учёном возможно, опираясь на его идеи, на основные направления его исследований. Есть книги и интервью, в которых Ю. А. Веденин и его коллеги обращаются к темам и идеям, которые составляют и предмет исследования учёных, и, в то же время, «боль души» граждан страны. Именно это и положим в основу дальнейших рассуждений.

Тема «личности и наследия» — одна из основополагающих в деятельности Института Наследия при Ю. А. Веденине. «...Восстанавливать памятники следует, принимая во внимание не только их самоценность, но также тех людей, которые с ними связаны» (Ю. А. Веденин). Существующие сегодня в России музеи-заповедники, как правило, имеют своих героев. Для Пушкинского Заповедника — это А. С. Пушкин, для других — поэты и писатели, полководцы, учёные, художники... Творчество гениев и великих деятелей истории, искусства, науки, шире — деятелей национальной культуры — оставляет зримый и, хочется надеяться, неизгладимый след в национальной жизни. История, сформировавшая ландшафт сельца Михайловского, археологами фиксируется на рубеже IV–V веков по Р. Х. Поколение за поколением безымянные для нас крестьяне и воины молчаливо своими трудами создавали облик уголка земли, в котором Пушкину предстояло провести «два года незаметных» в пору Михайловской ссылки 1824–1826 годов. Александр Сергеевич сердцем и душой принял красоту места, вдохновившего его на литературное творчество, он, словно народную легенду, «переписал» это место, дал ему образы, язык, имя. С тех пор в пространстве Пушкинского Заповедника не перестаёт осуществляться пушкинская работа — деятельность по культурному наследованию места, языка, литературы и... философии русской сельской жизни в формах, присущих северо-западу России. Личность и творчество поэта стали фактом национальной культуры и фактом биографии каждого, кому довелось побывать «у Пушкина». И эта эстафета продолжается, она одна только и может воплощать в себе процесс наследования, который всегда личностен, всегда имеет имя.

«Сейчас мы понимаем наследие как некую систему материальных и нематериальных ценностей, которые достались нам от предыдущих поколений. Эта система ценностей обладает... научной, культурной, эстетической, экологической значимостью, которую мы должны передать последующим поколениям» (Ю. А. Веденин). Размышляя над феноменом русской послереволюционной эмиграции

начала двадцатого века, включавшей в себя представителей аристократии и дворянства, священства и крестьянства, представителей научной интеллигенции, рабочих и ремесленников, обращаешь внимание на два удивительных для нас сегодня качества: тоску по Родине и умение организовать быт в самых трудных обстоятельствах. Они как бы унесли в себе и с собой насыщенную и разностороннюю русскую дореволюционную жизнь. Унесли всё, кроме родных пейзажей, кроме ландшафтов, в которых выросли, впитав всей душой неповторимую гармонию родной земли. И это последнее рождало иррациональное стремление, вопреки страху смерти, возвратиться назад, в Россию, домой. Сегодня, когда почти уже исчезла сельская жизнь, жизнь небольших древних провинциальных городков, всё менее доступно каждому новому поколению понимание того, чем жили сто лет назад наши предки, того, что мы ещё можем иногда испытать как атавистическое переживание. Чаще всего это происходит в таких местах как музей-заповедники. В Михайловском, в Спасском-Лутовинове, в Кенозерском национальном парке. Отмирание потребности человека в национальном ландшафте — болезнь социальная. И её последствия сопоставимы с душевной болезнью, влекущей за собой утрату языка, памяти, нравственности. С этим не хочется соглашаться, но, совершая «марш-броски» по нашей стране на «сапсанах», на автомобилях, глядя вниз сквозь иллюминаторы самолётов, возвращающихся из Европы в Россию, всмотритесь в рисунок и облик нашей родной земли. Она всегда была для человека русской цивилизации «матушкой», «кормилицей». Сегодня она более похожа на сироту-бродяжку, лишённую любви своих детей. *«Люди часто живут среди богатств и не замечают этого... Это не столько вина этих людей, сколько беда, потому что... это наследие чаще всего находится в чрезвычайно плачевном состоянии»* (Ю. А. Веденин).

«...Наследие — это очень широкое понятие, оно включает не только недвижимые объекты, но и нематериальную культуру, например, фольклор... традиционные исторические технологии...» (Ю. А. Веденин).

Встреча с сотрудником Института Наследия 1992—2012 годов, где бы он или она ни работали сегодня, — всегда праздник: разделённая радость глубины и красоты мышления, его ответственности и насущности, непрекращающегося поиска истины и форм её выражения. Институту принадлежали уникальные исследования, воплощённые в не менее яркую современную форму. Электронные саморазвивающиеся энциклопедии Кенозерья, мира М. В. Ломоносова, Шолоховских мест или усадьбы А. Т. Болотова позволяют не только рассуждать о ценности наследия русской цивилизации. Эти, как их теперь называют, «продукты» зримо показывают красоту и хрупкость, бесконечность и бесценность русской жизни в разных уголках нашей страны, всё величие русского наследия. Виды и детали ландшафтов, приёмы и тайны ремёсел, традиционные знания, возвращающиеся к нам из глубины веков как откровения, песни, сказания, мир народного творчества минувших времён, имена людей и рецепты их домашних блюд, этапы развития науки, научного мышления и научной практики россиян. В каждом случае, в каждом месте это — открытие вселенной, не менее интересное, чем космические находки астрономов. Ю. А. Веденину и сотрудникам Института за два коротких десятилетия удалось открыть для всех, «имеющих уши слышать, имеющих глаза видеть», сокровища культуры, равных которым нет. Но они — ничто, если некому (или незачем)

наследовать эти богатства. Со всей остротой учёными задан вопрос о наследии, ответ за которое ложится на нашу совесть.

«...Очень важна связь объекта наследия со средой. Нельзя сказать, что мы сохранили материальный памятник, если мы уничтожим окружающую его среду... Для нас сохранение среды чрезвычайно важно. Причём это касается и историко-культурной среды, и природной» (Ю. А. Веденин). В конце восьмидесятых годов двадцатого века от дома-музея А. С. Пушкина в селе Михайловском открывался вид на деревни пушкинской поры — Зимари и Дедовцы, — в которых и дома, и улицы всё ещё следовали традиции девятнадцатого века. В августе золото поспевающих хлебов радовало глаз и крестьянина, и горожанина. Пушкинскими строками ландшафт вторил словам экскурсоводов и пушкинских стихотворений. Стога сена, тщательно и любовно собранные на окрестных лугах, подтверждали вневременное единство жизни русской деревни. Вот уже двадцать лет всего этого нет. Отмена колхозов и совхозов очень скоро отменила и сам сельский труд. Закрылись сельские училища, школы. Пришла в негодность техника, иссякли силы последнего поколения крестьян, дети которых уехали в погоне за «лёгкой» городской жизнью, нарисованной безответственной телевизионной рекламой. Исчезли коровы, овцы, козы, лошади, петухи да куры. Едва ли не цирковым аттракционом стала сегодня уборка маленьких музейных огородов в присутствии детей из Москвы и Петербурга. Живые лошадь и корова удивляют теперь больше, чем самый дорогой и редкий автомобиль. Знаменитые заливные луга, пажити, поляны за пределами собственно музейных земель зарастают кустарником и деревьями. Обращение к властям всех уровней с просьбами и требованиями законодательно обеспечить право музеев-заповедников на осуществление работ по поддержанию историко-культурных ландшафтов, права безвозмездного изъятия и передачи земель, не используемых собственниками в распоряжение музеев-заповедников, ничего кроме непонимания, безразличия или раздражения не вызывает. На фоне глобальных задач ростовщического переустройства страны нет места для иного. А между тем Институтом Наследия в 1992—2012 гг. обосновано и доказано, что наследие — мощнейший ресурс развития страны, одна из основ благосостояния граждан. Издан Национальный Атлас России, в 4-м томе которого под научной редакцией Ю. А. Веденина представлено наше национальное наследие. Этот культурный ресурс имеет огромное значение не только для туризма, но и для развития современных экологически чистых технологий, и для презентации продукции традиционных видов деятельности, которые во всём мире пользуются повышенным спросом, и для здоровья нации, и для воспитания красотой... Историко-культурное наследие немыслимо без «человека культурного», участвующего в наследовании. Но именно этот вид «человека разумного», похоже, менее всего вписывается в примитивные схемы обогащения избранных, предлагаемые сегодня обществу в качестве нового слова экономической науки. И поэтому большинство историко-культурных ландшафтов, даже в границах «благополучных» музеев-заповедников, сегодня относятся к категории «деградирующих». А само наследие и обязательства государства по его содержанию стали восприниматься обузой для государства и бюджета страны.

Г. Н. Василевич и Ю. А. Веденин обсуждают перспективы пушкинского мемориального ландшафта в усадьбе Тригорское

«...Культурный ландшафт как результат сотворчества человека и природы». «Естественно сформировавшийся тип ландшафта». «Ассоциативный ландшафт». «...Компромисс между меняющимся миром и сохранением культурного наследия» (Ю. А. Веденин). Одно из свойств культурного ландшафта — его постоянная изменчивость. Причиной тому и законы развития природы, и научно-технический прогресс, и неравномерность процесса наследования. Дмитрий Сергеевич Лихачёв отмечал влияние орудий и технологий обработки земли на форму и размеры распаханых полей. «Подвижные картины» пушкинских пейзажей в начале двадцатого века, в пору послереволюционного переустройства сельского хозяйства и в семидесятые годы минувшего века — это очень разные картины. В пору жизни в Михайловском, словно Адам в райском саду, Пушкин «называл» части пленившего его ландшафта: «старинный запущенный сад, приют задумчивых дриад», «дорога, изрытая дождями», «пруд под сенью ив густых», «граница владений дедовских»... Сила художественного слова, слова гения, такова, что данные им культурные имена и знаки долго сохраняются и способствуют воспроизведению названных мест. Вновь и вновь прилагают хранители усилия для того, чтобы на месте «берёзы-седла», повреждённой ураганом, появилось новое дерево, напоминающее о прежнем. Чтобы место солнечных часов в Тригорском парке было зримым. А посетителям, подобно пушкинскому герою Дону Гуану, достаточно лишь намёка, и «воображенье дорисует остальное». Вернёт нам ощущение причастности к культуре минувших веков. Из поколения в поколение длится эта работа-игра, в которой ассоциации подтверждают подлинность литературного факта и коллективную память об устройстве места. Есть особое свойство культурного ландшафта — память места. Михайловское — одно из тех пространств, в которых частичное воссоздание архитектурных ансамблей по имеющимся документам, на основе разносторонних научных

исследований, доказывает правомерность такого подхода. Пять раз после войн и революций, хозяйственного небрежения и отторжения «чужеродной» дворянской культуры пришлось воссоздавать усадьбу Ганнибалов-Пушкиных «Михайловское». Частично воссозданы ансамбли построек в усадьбе Ганнибалов «Петровское» и в усадьбе Осиповых-Вульфов «Тригорское». Последняя по времени реконструкции — церковь Святого Георгия на городище Воронич. Сегодня мало кто из посетителей может представить себе Пушкинский Заповедник без воссозданной архитектурной среды. Смеем предположить, что без этой реконструкции Пушкинский Заповедник не только не был бы включён в число особо ценных памятников истории и культуры народов России: заповедного места с именем Пушкинский Заповедник на карте России, скорее всего, уже не было бы. О свойстве историко-культурного ландшафта органично принимать грамотно выполненные «имплантаты» свидетельствуем не только мы. Известен многовековой опыт воссоздания древних деревянных храмов Японии, которые всякий раз, будучи возобновляемы, принимают на себя всю полноту подлинности предшественника. Известен пример древнеримской постройки — плетёной из ветвей и укрепленной глиной «хижины». К моменту утраты этого исторического памятника в конце первого века по Р.Х. в нём не оставалось ни одного подлинного «прутика». Между тем силой исторических ассоциаций эта постройка, просуществовавшая несколько веков, признавалась подлинной, «той самой».

«Помимо подлинности, помимо целостности — а это два основных признака парка как объекта наследия — очень важны историческая репрезентативность и документальность... Признак документальности чрезвычайно важен для определения истинной ценности памятника. В связи с этим возникает ещё один вопрос. Можем ли мы его правильно воспринимать, прочитывать те историко-культурные коды, которые в него заложены?» (Ю. А. Веденин). Пушкинский Заповедник во всё время своего существования имеет дело с художественной реальностью. Порой кажется, что за чертой бытия писатели и поэты встречаются со своими созданиями, с героями написанных ими произведений. Известно, что в детстве мы неохотно расстаёмся с полюбившимися героями книг, ищем и желаем продолжения полюбившихся рассказов. Это часть нематериального наследия. Пушкинский Заповедник располагает уникальной «коллекцией» такого наследия: народные сказки и предания в пересказе Арины Родионовны, няни А. С. Пушкина; литературное наследие поэта, относящееся к михайловскому периоду жизни, сквозь волшебный кристалл которого мы воспринимаем современную поэту жизнь. Это и цикл сочинений, объединённых темой «Пушкин в Михайловском», насчитывающих сегодня более полутора десятков томов. Творчество рождает творчество. Это не только книги писателей, живописные и графические работы художников, видеофильмы, мультфильмы, кинофильмы, спектакли, но и дневники путешествий в Пушкиногорье, и примитивные по форме, но не по смыслу работы детей на пушкинскую тему. Ярким примером могут служить всем нам книги С. С. Гейченко, директора Пушкинского Заповедника в 1945—1993 годах: «У Лукоморья», «Завет внуку», «В стране, где Сороть голубая...», составленный и прокомментированный сборник «А. С. Пушкин. Стихи, написанные в Михайловском». В научную и сохранившуюся естественную среду пушкинского места были тонко вплетены живые

и эмоциональные образы хранителя. Они отличали Михайловское от других музеев-заповедников полнотой жизни, приближали и приближают к каждому пушкинскому памятнику образ поэта. Творчество — это один из самых надёжных способов восприятия наследия.

«...Мы пытаемся... разработать... принципы, которые позволяют сохранить не отдельные памятники, а именно комплексы. Поэтому основное внимание мы обращаем на сохранение культурных ландшафтов» (Ю. А. Веденин). На протяжении всей истории существования Пушкинского Уголка хранимое им наследие является предметом сотрудничества музейных хранителей, учёных, педагогов и посетителей. Современный музей-заповедник — это научно-практическое учреждение культуры, в котором непрерывно совершается работа по изучению и передаче наследия через современников иным поколениям, приходящим в жизнь. Хранительская работа охватывает собою десятки направлений научного знания, полноценное применение этого знания невозможно без привлечения «доброхотов». Это слово вошло в обиход нашего музея в послевоенные годы. Безвозмездный добровольный труд, направленный на процветание любимого пушкинского места, — одна из самых давних традиций общественной хранительской работы. Знания и умения посетителей, приезжающих в Заповедник не на экскурсии, но для деятельной жизни в границах музея, для изучения и глубокого проникновения в суть места, в содержание наследия, в его умножение — опыт, которым по праву гордится Пушкинский Заповедник. Из числа доброхотов «рекрутируются» новые сотрудники музея, создаётся реальная, а не виртуальная сеть живых, наполненных ответственностью отношений наследников культуры. Наше время трудно тем, что профессия музейного работника, работника культуры, обрекает входящего в неё на «простой человеческий подвиг». Суть его в том, что сделавший выбор и остающийся в профессии, особенно в музейном или библиотечном деле, обрекает себя на добровольный и незаметный подвиг, тем самым откликаясь на одну из заповедей блаженств: «блаженны нищие духом». Те, кто проходят это испытание, не ожидают благодарности, они не мыслят себя вне созидательной работы хранителей русской культуры. И это не рабство работы, но свобода добровольного служения.

Юрий Александрович Веденин и многие из его коллег принадлежат к этому особому миру, к Хранителям Наследия. Как писал А. С. Пушкин: *«...мало избранных, счастливых праздных./ Пренебрегающих презренной пользой,/ Единого прекрасного жрецов./ Не правда ль?»*

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЕДЕНИН — ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЛУЧШЕГО В НАУКЕ

Мне посчастливилось знать Юрия Александровича Веденина и сотрудничать с ним. Надеюсь, что ещё долгие годы у меня будет возможность встречаться с ним, участвовать в общих делах помощи культурным проектам, дискутировать и с благодарностью принимать его советы. В моём представлении профессор Веденин — истинный учёный, человек высочайшего интеллекта и благородства. Про таких людей яркий русский философ XIX века Н. А. Добролюбов сказал: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех, без них она затихла бы, заглохла бы. Мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса добрых и честных людей, но таких людей мало. Они — теин в чаю, букет в благородном вине, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Со всей ответственностью адресую эти слова Юрию Александровичу. Знаю, что он не любит высоких слов в свой адрес, живёт и работает не для наград и комплиментов. Но сказать об этом необходимо для того, чтобы люди знали о том огромном вкладе, который вносит Ю. А. Веденин в сохранение природного и культурного наследия России — того необходимого фундамента, без которого не может быть ни общества, ни государства.

Впервые я встретила с Юрием Александровичем в Государственной Думе. Я была депутатом Думы первого и второго созывов, членом комитета по культуре. Одним из главных дел, которые должен был осуществить комитет по культуре, была разработка и принятие принципиально нового закона о сохранении памятников истории и культуры. Со времени принятия прошлого закона на эту тему прошло двадцать лет, принципиально изменилась ситуация, старый закон не работал, в разных формах шло бесконтрольное разрушение и расхищение культурного наследия. Государству было не до культуры, и хотя Конвенцию ЮНЕСКО по природному и культурному наследию Россия ратифицировала, это оставалось только декларацией: собственного законодательства не было. Задача была сложнейшая: закон должен был предложить новую систему сохранения объектов культурного наследия. Были депутаты, связанные в своей прошлой деятельности с культурой, к которым отношусь и я, и всё-таки наших знаний и опыта явно не хватало. При комитете была создана рабочая группа, в которую входили учёные

и специалисты по охране культурного наследия. Работа, напряжённая и творческая, продолжалась три года. Там я и узнала Юрия Александровича, он и Алексей Ильич Комеч были мозговым центром этой работы. А для меня и, надеюсь, других заинтересованных депутатов это был настоящий университет, в котором главной формой постижения знаний, поиска истины были не лекции и поучения, а дискуссии, взаимообогащающие диалоги. Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» получился достойным. В нём нашли отражение многие новые идеи, изложенные в научных статьях Ю.А. Веденина.

Юрий Александрович участвовал в разработке и других законопроектов, регулирующих правовые отношения в сфере культуры: Федерального закона «О музейном фонде РФ и музеях в Российской Федерации», «О культурных ценностях, перемещённых в Советский Союз в итоге Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» и ряда других.

Скажу ещё об одном направлении работы, в котором мне посчастливилось участвовать вместе с Юрием Александровичем и учёными руководимого им института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Это разработка и реализация государственной программы «Культура русского Севера» — составной части программы «Культура России». Программа разрабатывалась в конце 1990-х годов, дополняясь новыми проектами, обновляясь, она является действующей и сегодня. К сожалению, в последние годы существенно уменьшилось её финансирование.

Почему именно Север? В содержание программы включены объекты культурного наследия, материального и нематериального, культурные проекты тринадцати северных областей, особое место занимают Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ. Эти регионы особенно пострадали в 90-е годы: закрылись, были приватизированы или разграблены многие предприятия, обеспечивавшие трудовую занятость, реализовывавшие социальные и культурные программы. Все эти регионы являются дотационными, а государству было не до них. Положение в этих регионах было особенно сложным и, добиваясь с большими усилиями принятия программы по поддержке культуры русского Севера, хотелось как-то им помочь.

Есть и ещё одно глубинное обоснование необходимости принятия такой программы: это особое место культуры Севера в русской культуре. Убеждена, что основные содержательные ценности русской культуры лучше всего сохранились на этой земле в силу целого ряда исторических и географических причин. Эти ценности оберегаются и передаются от поколения к поколению людьми, живущими на Севере. Об этом убедительно писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, глубокий исследователь русской культуры: «Север не может не тронуть сердце каждого русского человека тем, что он самый русский. Он не только душевно русский — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — в эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху Первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыбоволовецкие.

Мало книг о Севере как таковом, о мужественных и простых северных людях, никогда не испытывавших на себе гнетущей унизости крепостного права, сохранивших во всей своей манере держаться, работать, уважать друг друга, общаться друг с другом, хранить достоинство Человека» («Сказ о Беломорье». Москва, Архангельск, Поморский университет. Изд-во «Наука», 2004 год. Вступление, с. 3–4).

Юрий Александрович Веденин всё это знает, глубоко понимает и чувствует. Мне доводится встречаться с ним на деловых мероприятиях в самых различных уголках северной земли: в Кириллове и Вологде, в Каргополе и Кенозерском национальном парке, в Малых Карелах под Архангельском и в далёкой Кимже, во многих других местах. И везде он не гость, а свой человек, потому что много сил вложил в изучение и сохранение культуры этих заповедных мест. В годы его руководства Институт Наследия был удивительной организацией. Институт выпускал научные труды, которые пользовались большим спросом не только в нашей стране, но и за рубежом, проводил многочисленные научные конференции и симпозиумы, а вместе с тем сотрудники этого института оказывали огромную практическую помощь регионам. Их знали и уважали во всей стране. Система охраны культурного и природного наследия в новых условиях только складывалась, многое было непонятно, и без преувеличения именно этот институт был главной интеллектуальной силой, главным организатором этой работы. Крайне благоприятная атмосфера была и в самом институте на улице Космонавтов, 2. Ехали в этот дом со всех концов: музейщики и реставраторы, хранители наследия и сотрудники отделов культуры районов и городов, ехали за знаниями, за консультацией, за опытом. И во всём этом институт помогал. Даже гостиницу открыли, чтобы люди, приехавшие из регионов, смогли остановиться по доступной цене. Знаю об этом не понаслышке, много дней провела в этом институте, знакомясь с материалами экспедиций, с опытом работы по сохранению культурного и природного наследия в разных регионах России и других странах. Всё это институт изучал, обобщал и щедро делился со всеми, кто участвовал или хотел участвовать в сохранении и умножении культурного богатства Отечества. Думаю, что благожелательная, гостеприимная атмосфера института создавалась характером его директора, Человека, влюблённого в своё дело и прекрасно его знающего, энциклопедически образованного, умеющего уважать и ценить людей.

Программа «Культура Русского Севера» отличалась новыми, современными подходами к решению задач сохранения культурного наследия. Она предлагала систему мер по сохранению не отдельных памятников, а наследия целостного большого региона России. Впервые ставилась задача сохранить территории наследия и достопримечательные места, такие как исторические города, монастырские комплексы, исторические сельские поселения с их ландшафтами и живой традиционной культурой. Наследие сохраняется не только в музейной форме и фиксированных явлениях народной культуры, показанных на фестивалях и выставках, но и в живой культурной традиции, которая востребована современными людьми, молодёжью, и живёт в естественной культурно-ландшафтной среде. Программа предлагала соединить культурное развитие с решением экономических и социальных задач регионов.

Общая и главная цель Программы состоит в сохранении культуры русского Севера как уникального феномена российского и общемирового наследия. Этим и определяется

структура программы, которая включает в себя семь крупных структурных блоков. Первый — сохранение памятников истории и культуры. Предлагалось объединение федеральных и региональных средств для существенного увеличения финансирования, увеличение объёмов археологических и реставрационных работ. Второй блок — сохранение и развитие народной традиционной культуры, нематериального культурного наследия. Этот термин только входил в научный язык: в 2003 году была принята Конвенция ЮНЕСКО «О нематериальном культурном наследии» (К сожалению, в нашей стране она и сегодня не ратифицирована). Предстояло исследовать, готовить специалистов, разъяснять и осваивать это новое направление деятельности. Третий блок — музейная деятельность: развитие существующих и создание новых музеев и музеев-заповедников, специализация музейной деятельности, существенное расширение фондохранилищ и объёмов реставрации музейных ценностей. Четвёртый блок — формирование системы охраняемых историко-культурных территорий. В центре внимания этого раздела — исторические города и центры крупных исторических поселений, сельские поселения, пути и дороги, производственные зоны. Это существенно обогащало само понимание культурного и природного наследия. В процессе работы над программой Юрий Александрович неоднократно говорил, что одним из главных результатов её выполнения должно быть создание опорного культурного каркаса региона, который определяет возможность объективного сохранения и использования наследия. Такие «опорные точки» каркаса будут естественно формироваться на базе исторических городов и селений, музеев-заповедников и национальных парков. Работа эта началась уже в ходе разработки программы: на базе Кирилло-Белозерского монастыря, малого исторического города Кириллова и национального парка «Русский Север» в Вологодской области, на основе Кенозерского национального парка и города Каргополя в Архангельской области и других мест. С этим связан и пятый блок Программы — культура как отрасль специализации исторических городов и территорий. Это очень важно для тех населённых пунктов, где нет значительного промышленного или аграрного потенциала, и именно культура может стать локомотивом их развития. Развивая познавательный, гостевой, событийный, спортивный туризм (есть что посмотреть и показать: памятники культуры, подлинное народное искусство, великолепную природу) организации культуры дают стимул строительному, сельскохозяйственному и другому делу.

Шестой блок — чистое слово (памятники устной и письменной словесности). Север хранит в чистоте, яркости, многоцветности русский язык с его богатейшим словарным запасом. Достаточно назвать несколько имён писателей и поэтов, рождённых и вдохновлённых Севером, чтобы доказать необходимость такого блока в Программе: Михаил Васильевич Ломоносов, Степан Григорьевич Писахов, Борис Викторович Шергин, Фёдор Абрамов, Николай Рубцов, Василий Белов, Ольга Фокина, Владимир Личутин и многие другие.

Седьмой блок раскрывает задачи инфраструктурного, научного, экономического, правового и организационного обеспечения программы. К сожалению, реальное финансирование программы из федерального бюджета все эти годы было ниже необходимого, заявленного ней. Но благодаря ей активизировались регионы и многое удалось сделать. В октябре 2008 года ход реализации программы «Культура Русского Севера» был рассмотрен на заседании Коллегии Министерства культуры. Была положительно оценена

проведённая работа, ещё раз подтверждена принципиальная важность этой программы и принято решение продолжать её реализацию с большей настойчивостью. Хорошо помню, как после заседания коллегии собрались её разработчики и энтузиасты. Долго обсуждали, что не получилось и почему. Нас волновало, что наилучшие результаты были по первому и третьему блоку. Они были более понятны и освоены опытом. Задачи четвёртого и пятого блока были новыми, но, как справедливо утверждал Ю.А. Веденин, стратегически они наиболее перспективны. Тогда сами понятия «достопримечательное место», «культурный ландшафт» и другие ещё только осваивались профессиональным сознанием. Сегодня эти понятия вошли в законодательные и другие государственные документы, практическую деятельность по сохранению и актуализации природного и культурного наследия. Значит, учёные Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва в 1990-х — 2000-х годах смотрели далеко вперёд и являются настоящими Учёными.

Многих из них я знаю почти двадцать лет, хорошо знакома с научными трудами института, поэтому всё, что происходит в институте последние три года, воспринимаю как трагедию. Осуществляется уничтожение института, поощряемое Министерством культуры, наносится непоправимый ущерб всему делу сохранения природного и культурного наследия в стране. Знакома с письмами, подписанными десятками учёных и практиков сохранения наследия, в поддержку неоправданно уволенных специалистов и с протестом против губительных структурных изменений самого института. Сама писала Председателю Совета Федерации В.И. Матвиенко, обращалась к ряду депутатов. Пока всё бесполезно. Я не сомневаюсь, что специалисты, работавшие долгие годы в этом институте, будут востребованы. Такие специалисты — редкость и в нашей стране, и других странах. Но почему у нас развёрнута государством такая кампания по истреблению таланта, интеллекта, гуманитарного знания, системы образования? И, наконец, почему слова и призывы Президента страны так расходятся с действиями его подчинённых?!

СТАРШИЙ ТОВАРИЩ, КОЛЛЕГА И НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

У многих особо охраняемых природных территорий есть свои знаковые фигуры. Применительно к национальному парку «Смоленское Поозерье» таковые тоже имеют место быть. Скажем, Николай Михайлович ПРЖЕВАЛЬСКИЙ «достался» нам историческим порядком. Будучи уроженцем Смоленщины, он искренно почитал природу этих мест и заключительную часть своей короткой, но яркой жизни учёного-географа провёл в перерывах между своими широко известными путешествиями именно здесь — в посёлке, теперь являющимся главным населённым пунктом национального парка и носящем имя нашего великого земляка. Или Виктор Андреевич ШКАЛИКОВ — смоленский учёный, не только принявший громадное участие в проектировании и создании нашего национального парка, но и проделавший немалую работу для его становления.

Однако наряду с этими основополагающими для нашего учреждения фигурами есть ряд учёных, внёсших существенный вклад в теорию и практику заповедного дела — как в общем смысле, так и применительно конкретно к нашей территории. И если говорить о сохранении культурно-исторического и природного наследия, то, безо всякого сомнения, главным авторитетом в этой важной области теоретических и практических знаний для нас является **Юрий Александрович ВЕДЕНИН**. В конце 1990-х годов, когда специалисты нашего национального парка ещё только прокладывали основные векторы развития учреждения, именно этот человек на самом высоком профессиональном уровне помог нам правильно оценить значение культурного ландшафта, целостности историко-культурной и природной среды, местного населения как носителя нематериальных культурных ценностей и продолжателя традиционного природопользования. Говоря другими словами, Юрий Александрович помог нам сложить элементные пазлы наследия в единую историческую и в то же время современную структуру, чтобы осознать своё место в системе достопримечательных объектов страны. И, конечно же, он с тех пор стал для нас Учителем.

Видимо, в данном случае фамилия тоже играет свою адекватную роль: **ведущий** специалист в области сохранения культурно-исторического наследия, да ещё и с фамилией **Веденин**, просто обязан **вести** за собою!

Не постесняемся в который раз восторженно воскликнуть: вот Профессионал высочайшего класса, Личность в том деле, которому он служит много лет! И, понятное дело, высокие должности, звонкие звания, увесистые регалии и премии, а также иные признаки общественного признания в данном случае играют отнюдь не главенствующую роль. Профессионализм этого человека имеет глубинные корни, и все тончайшие особенности своего дела он освоил с возможной полнотой.

Юрий Александрович настолько интеллигентен как в своей профессии, так и вообще в жизни, что эта интеллигентность, будучи заметной сразу, тут же растворяется в море общего обаяния, свойственного далеко не всем учёным мужам. Всегда открытый и жизнерадостный, он высоко ценит «счастье человеческого общения», как говорил Экзюпери, и готов к этому общению на любом уровне. Но ведь и в общении он умеет быть далеко не ординарным!

Он очень понятен, потому что бесхитростен. Он абсолютно немеркантилен, что в наш «жадный» век удивительно и заслуживает отдельного уважения. В нём никогда не было должностного и всякого иного чванства и высокомерия, он в любых обстоятельствах оставался самым простым человеком, оттого народ к нему тянулся и продолжает это делать с нескрываемым удовольствием. Он чрезвычайно ценим и интересен, потому что сам умеет ценить и интересоваться. В нём нет ничего искусственного и напускного — он натурален, как сама Природа. Его кругозор грандиозен, и своими знаниями в профессии и мироустройстве он щедро делится со всеми, кто испытывает в этом потребность.

Несмотря на давние седины, он молод душой, оттого подвижен и лёгок на подъём. Насколько сложно представить Юрия Александровича сидящим в пыльном кабинете, заваленном академическими томами, настолько же и трудно перечислить, в скольких местах он побывал только по работе! Наши души греет тот факт, что в перечне этих мест, среди многочисленных объектов министерства культуры, присутствуют и «некультурные объекты», то есть особо охраняемые природные территории, в том числе и национальный парк «Смоленское Поозерье». (Быть может, потому полюбились нашему герою национальные парки, что по образованию он является лесником?!) Кстати, если кто не знает, именно Юрий Александрович является одним из зачинателей сближения культурного и природоохранного ведомств, — уж он-то прекрасно понимает, что сохранять огромное количество культурно-исторических объектов вне их природно-ландшафтного контекста почти бессмысленно.

Трудясь в Институте географии, Юрий Веденин впервые принял непосредственное участие в работах, связанных с особо охраняемыми природными территориями, в том числе и в процессе организации первых, тогда ещё советских национальных парков. Веденин был одним из разработчиков Стратегии управления национальными парками России, которую в начале 2000-х гг. формировал Центр охраны дикой природы. Он принимал непосредственное участие в разработке первого менеджмент-плана для Кенозерского парка, прошёл его территорию из конца в конец с экспедицией, заложил основы его культурно-ландшафтного районирования, что позже явилось и продолжает оставаться основой плановых работ по сохранению культурного и природного наследия в этом удивительном уголке Русского Севера. Нам довелось совместно с Юрием

Александровичем бывать на нескольких природных территориях и вникать на местах в очередные проблемы наследия. И всякий раз мы невольно поражались той трепетности, с которой он «вёл дела» с очередной охраняемой территорией — это было сродни отношению к живому человеку!

А Юрий Александрович — вот он: *«Сегодня невозможно говорить об охране природы вне учёта деятельности человека, причём относящейся и к сегодняшнему дню, и к истории. В настоящее время нет таких участков природы, где не прослеживалось бы влияние человека. При этом следует иметь в виду не только ту деятельность, которая влияет на состояние материальной части ландшафта, но и нематериальной тоже. Это религия, фольклор, этнография, топонимика и т.д. Такое представление самым непосредственным образом связано с документами, разрабатываемыми Всемирным центром наследия и ЮНЕСКО.*

...Необходимо сохранить всё многообразие природоохранных территорий. Все они вносят свой вклад в сохранение наследия. Но, с точки зрения комплексного культурно-ландшафтного подхода, особое внимание следует уделить национальным паркам, в которых продолжается традиционная деятельность человека, где сохраняются самые разнообразные формы природопользования, где живут люди, сохраняющие историческую память. Нужно осознавать, что местный социум на территории парков является таким же предметом заботы, как и природное и культурное наследие» [Интервью с Ю. А. Ведениным было записано Е. В. Богдановым летом 2015 г., фрагменты этого интервью вошли в книгу «Люди заповедные» (М.: Экоцентр «Заповедники», 2016. — 272 с.), где есть глава, посвящённая Юрию Александровичу — «Главный по наследию» (С. 23–33)].

Как известно, заповедники и национальные парки подчиняются Министерству природных ресурсов и экологии РФ. Музеи-заповедники подчиняются Министерству культуры РФ. Между первыми и вторыми много общего. На различных совещаниях и в разное время поднимался вопрос о том, чтобы объединить усилия двух ведомств по сохранению наследия. Именно Ю. А. Веденин вместе с директором ЭкоЦентра «Заповедники» Н. Р. Данилиной активно способствовал развитию сотрудничества между национальными парками и музеями-заповедниками, разведёнными по различным ведомствам, но объединёнными сходными функциями, миссией, задачами и проблемами.

В августе 2007 года в Кенозерский НП на очередные «Кенозерские чтения» впервые в истории одновременно съехались представители десятка с лишним национальных парков и музеев-заповедников. Обсуждали они, опять же впервые, пресловутый вопрос: как бы всем объединиться в одно целое в интересах сохранения лучших образцов отечественного природного и культурного наследия. Говорили много и содержательно, красиво и правильно. В конце, как подобает, приняли содержательную резолюцию, костяк которой как раз сформулировали те же Ю. А. Веденин и Н. Р. Данилина. Участники чтений обращались, советовали, просили и даже требовали, но... чиновников различного ранга, являвшихся адресатами этого документа, резолюция семинара оставила равнодушными.

В думах о судьбах наследия: Богданов Е.В., Кочергин А.С., Веденин Ю.А., Гриценко В.П. (фото Б. Царёва)

На совещании директоров национальных парков, которое состоялось в октябре 2008 года в Каргополе, специально приглашённый Ю.А. Веденин выступил с интереснейшим докладом «Актуальные проблемы охраны культурного и природного наследия в национальных парках». В докладе особо было подчёркнуто, что «современная концепция охраны наследия предполагает переход от сохранения отдельных памятников, от жесткого разделения объектов культуры и природы к сохранению комплексной и вместе с тем целостной историко-культурной и природной среды». И, продолжая и развивая тему этой самой «единой комплексной среды объектов культуры и природы», на совещании было принято «Кенозерское обращение». В нём руководству известных министерств предлагалось:

«1. Создать единую систему управления по сохранению и эффективному использованию заповедных историко-культурных и природных территорий (природных заповедников, национальных парков, музеев-заповедников);

2. Разработать и принять пакет законодательных и нормативных актов, обеспечивающих комплексный подход к охране и использованию заповедных территорий и управлению ими.

3. До принятия этих актов на заповедных территориях (в музеях-заповедниках, национальных парках и природных заповедниках) объявить мораторий на изъятие и приватизацию земель и объектов культурного наследия в их границах;

4. Принять меры для повышения статуса работников, занятых в системе заповедных территорий, что должно обеспечить их надёжную защиту и повысить эффективность их деятельности по охране культурного и природного наследия».

Цитируем Юрия Александровича: «Моей мечтой было и остаётся объединение природоохранных и историко-культурных территорий в одну систему. Как только я пришёл в Институт Наследия, я пытался спровоцировать эти ведомства к созданию координационной комиссии, которая могла бы решать общие проблемы, стоящие сегодня перед национальными парками, заповедниками и музеями-заповедниками. Затем мы с моими коллегами выступили инициаторами участия руководителей музеев-заповедников в совещаниях, которые организовывали природоохранное ведомство и национальные парки, в частности, Кенозерский национальный парк. Конечно, я бы очень хотел, чтобы в России возникла отдельная служба по охране историко-культурных и природоохранных территорий, по подобию Службы Национальных парков США. Но эта мечта пока остаётся нереализованной». Справедливости ради отметим, что об этом «мечтает» не один Юрий Александрович, а многие уважаемые и компетентные специалисты в области охраны природного и культурного наследия.

Между тем, человеку такого уровня и таких качеств, как Веденин, в современный период процветания мнимых «понятий» и «ценностей» трудно (даже почти невозможно!) утверждать свои жизненные и профессиональные принципы, отстаивать выверенную годами, не ориентированную на мнение начальства позицию. На протяжении двух десятков лет, будучи руководителем созданного им же Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Юрий Александрович де-факто относился к чиновникам. Однако все те добрые качества, что были перечислены выше, никогда не позволяли ему ограничиться этой чёрствой ролью и тем более — помыслить о том, чтобы стать таким же ловким, поднаторевшим в казуистике бюрократом. Именно поэтому среди многочисленного чиновничества, всегда «настроенного на волну начальства», он слыл белой вороной. В силу этого неудобного жизненного обстоятельства в последние годы на министерском уровне и было принято решение о его снятии с руководящей должности «по собственному желанию». И, конечно же, дело совсем не в должности, которой его лишили: главное, что его «детище», его Институт, которому он посвятил добрую часть своей жизни, «освободили» от специалистов — его коллег и аннулировали многие успешно начатые им разработки, заменив их имитациями исследований.

Подытоживая свою деятельность, Юрий Александрович отмечает: «Я думаю, что, несмотря на фактическую ликвидацию института, нам удалось создать научную школу, ориентированную на комплексный подход к наследию, на использование методов его сохранения, основанных на учёте и использовании природоведческих и культурологических закономерностей. В основе этой школы лежит концепция культурного ландшафта и культурно-ландшафтная парадигма представления о культурном и природном наследии. В настоящее время у этого подхода есть много сторонников, которые продолжают работать в данном направлении. Наиболее существенный вклад в развитие этого направления внесли Е.Д. Андреева, Д.Н. Замятин, В.Н. Калуцков, М.Е. Кулешова, О.И. Лавренова, Н.В. Максакровский, Р.Ф. Туровский, П.М. Шульгин и другие сотрудники. Что касается сегодняшнего состояния института, я думаю, что степень его перерождения уже

перешла границы допустимого и его восстановление проблематично. Необходимо создание новых институтов, научных центров, исследовательских лабораторий. Важную роль в этом развитии могли бы сыграть университеты, где бы тема наследия занимала значительное место, а также особо охраняемые территории, прежде всего — национальные парки и музеи-заповедники».

«Я из дела ушёл, из такого хорошего дела! / Ничего не унёс — отвалился, в чём мать родила» — эти строки Владимир Высоцкий написал почти полвека назад, а кажется, что он написал их нынче специально для Ю. А. Веденина. На самом деле Юрий Александрович продолжает оставаться на переднем крае борьбы за наше с вами наследие, и его вклад в профессию никогда не станет преходящим и проходящим. А вот тем, кто пытается подвергнуть этот факт сомнению, самое время задуматься, насколько благотворна их суэта sub specie aeternitātis, то есть с точки зрения вечности.

В апреле 2017 года мы с удовлетворением узнали о вручении общественной Премии имени Алексея Комеча «За общественно значимую гражданскую позицию в деле защиты и сохранения культурного наследия России» Юрию Александровичу Веденину в номинации «За личный многолетний вклад в дело изучения и охраны памятников». Вероятно, никого не нужно убеждать в том, что названия премии и её номинации полностью соответствуют масштабу и личностным качествам нашего героя.

Дорогой Юрий Александрович! Говорят, что юбилей — это когда много цветов, но ты при этом ещё жив. Так пусть же ещё многие годы Вас сопровождают такие «правильные» цветы! Желаем Вам как можно дольше оставаться в профессии, поскольку человек жив в первую очередь именно работой! И пусть Ваше окружение, кроме родных и близких, составляют только единомышленники и настоящие друзья — поверьте, к таковым относятся и авторы этого небольшого, но искреннего панегирика в Вашу честь.

ЗЕЛЕНЩИК

Мы знакомы с Юрием Ведениным с ранней осени 1959 года. Тогда мы были молодыми сотрудниками учреждения «Моспенареспромас»: **М**осковские **О**бластные **СПЕ**циальные **НА**учно-**РЕС**таврационные **ПРО**изводственные **МАС**терские треста «Мособлстрой». Слову «специальные» советская повсеместная практика придала оттенок чекистской секретности, хотя здесь и в десятках названий подобных советских организаций оно лишь напоминало о претензиях на профессионализм и на более высокие расценки (например, в работе каменщика). Тем не менее в общедоступные телефонные справочники такие учреждения не попадали из-за этого рокового слова. Смешную полупонятную аббревиатуру, намекающую на разрезание пены для какой-то промазки, запустил в обиход Николай Иванович Иванов — один из лучших людей, повлиявших на формирование моей личности. Он был коллегой и соратником моему первому начальнику Леонарду Владиславовичу Тыдману — яркому беспокойному экспериментатору, который отважно разворачивал свою судьбу на рискованные направления далеко за пределами казённой выучки историка искусства. Тыдман загорался, встречая молодых людей, не способных жить без активного идеалистического любопытства, без претензий на компенсацию. Например, он обеспечил долгую посмертную память умершему в 32 года химику Евгению Викторовичу Николаеву. Его в своё время государство поощрило премией за «Мыло-К» (против вшивости), но уже полвека он более известен как азартный, поэтичный и бескорыстный собиратель натурной, архивной и книжной информации о классицизме. Книги Е. Николаева о московском классицизме и об архитектурном наследии калужских земель, используемые до сих пор ценителями и знатоками искусства, старательно собрал, редактировал и довёл до выхода в свет Юрий Яковлевич Герчук, оставшийся в стороне от казённых символов самореализации в науке, потому что всерьёз занимался очень разными темами и вносил в них принципиальную ясность — например, в биографию самого знаменитого русского зодчего В. И. Баженова, в эволюцию российского натюрморта, в теорию об архитектонике печатной книги.

Юрия Веденина представили как «зеленщика», вероятно, не вдумываясь в точный традиционный смысл этого слова. Он отнюдь не торговал овощной зеленью и вообще

никогда не проявлял коммерческого прагматизма. Однако тогда среди людей, занятых кубометрами кладки и завхозными заботами, он со своими парково-ландшафтными мыслями казался пришельцем из какого-то соседнего нежно-акварельного мира. Незадолго до этого толстый журнал опубликовал повесть Владимира Войновича «Хочу быть честным» (о повседневной жизни прораба), поразившую меня обилием соответствий с реальной практикой, слегка приоткрывшейся мне в работе небольшого реставрационного участка. Юрия тогда она не касалась, и он воспринимался как гость из сложной жизненной среды, приятно дополнявшей отнюдь не беспечный, а временами даже опасный труд на ненадёжных строениях. «Зеленщиком» в симпатичном толковании этого слова его сделала архитекторская склонность к насмешливым созвучиям, паллиативно заменявшая ясное убедительное повествование. Она проявлялась то в эстрадно-концертных номерах труппы «Кохинор» (в МАРХИ), то в колкой переделке фамилий коллег.

Юрий не использовал родительские связи и закончил довольно скромный Лесотехнический институт. Самыми популярными воспитанниками того института оказались трое: комический киноактёр Савелий Крамаров, гипотетический самоубийца и олигарх Борис Березовский, а также Юрий Веденин. Пожив с родителями вблизи аристократической усадьбы Люблино, он вдруг переезжал в пригородное общежитие. Превращаясь на военной кафедре в лётчика-штурмана, он не раз прыгал с парашютом под Волчанском (на нынешней Украине, против Шебекинского района Белгородской области); азартно занимался физкультурой. Веденин совмещал монотонную подерёвную таксацию и интеллектуальные визиты к Екатерине Васильевне Гольдингер (1881—1973) — художнице дореволюционной выучки, искусствоведу и мемуаристке, делившейся ценной информацией о старинных усадебных парках.

К концу 1950-х гг., когда Тыдман свёл и сдружил Николаева, Веденина и меня, никогда не обожавшего классицизма, общественный интерес к этому великому стилю был предельно низким. В 1954 и 1955 гг. (с итоговым апогеем 4 ноября) Коммунистическая Партия Советского Союза, пытаясь вывести советскую экономику из плачевного состояния после имперской сталинской спеси, стала настойчиво порочить «архитектурные излишества» в фанфарной триумфальности пред- и послевоенного советского строительства. Началось тотальное вытеснение форм архитектурной классики «хрущёбами» (где кухня *жмёт в бёдрах*) и сборными «трупно-канительными» конструкциями («народные искажители» так объединяли понятия «крупноблочный» и «панельный»). Выпускники архитектурных вузов, мечтавшие о судьбах Леонардо да Винчи и Микеланджело, занялись привязкой типовых проектов детсадика к конкретной местности или эффектно расставались с дипломной профессией зодчего, как Андрей Вознесенский или Андрей Макаревич.

На фоне этого цунами, сметавшего изысканную архитектурную науку, немного выиграла реставрация дворцов классицизма. Туда ринулись лепщики высокой квалификации, потерявшие прежнюю работу. Перед тем они формовали и отливали сложные коринфские капители, во славу красивого социализма собиравшие пыль в палатах для лёгочных больных. Тогда, в условиях окостенелого советского планирования, реставраторы порой разбирали маловыразительные древние здания, чтобы набрать большемерный кирпич ради реставрации более выразительной соседней постройки. Долгожданные советские успехи в межконтинентальной ракетной технике, напугавшие Запад, совпали с новым коммунистическим наступлением на религию и культовые сооружения. Их идейно оттеняли жи-

лые и хозяйственные постройки городских и особенно сельских дворянских усадеб. Среди интеллигентов, сумевших уцелеть в сталинских «исправительно-трудовых» лагерях, оказалось лишь два члена Общества изучения русской усадьбы, приконченного в самом начале 1930-х гг., — Шмаров и Картавцев. К реанимации природно-растительной среды усадебных ансамблей и комплексов приступил и молодой Веденин. Его будущая ценность спокойного крупномасштабного теоретика историко-культурных ландшафтов напоминает судьбу Ореста Кипренского — лучшего портретиста-психолога в начале XIX века. В Императорской академии художеств Кипренский учился по классу исторической живописи, а всерьёз проявил себя по другому — портретному профилю, не пропитавшись косностью выверенных приёмов жанра в академической трактовке.

На формирование личности Веденина повлияла итоговая уживчивость противоречивых истоков и странного усложнения личной жизненной среды. В начале нашего знакомства люди постарше (и, я надеялся, сведущие) говорили, что биографии дворянских предков его матери пересекались с судьбами крепостных предков отца. Дворянская выдержка и великодушная терпимость к слабостям неуравновешенных и неуверенных людей младшего ранга определяли манеру поведения Ю. Веденина и в служебной обстановке, и среди друзей. Козыри его происхождения и текущей судьбы становились видными даже близкому окружению случайно, без минимального налёта тщеславия.

С замечательным зодчим, инженером, художником и литератором эпохи развитого классицизма Н.А. Львовым и князем Г.Г. Гагариным, в своих рисунках запечатлевшим участников Кавказской войны (самой долгой в истории России), была родственно связана мать Юрия Ирина Михайловна — застенчивый художник-прикладник. Однако её творчество влияло на психологическую атмосферу во многих советских квартирах — в ряду её профессиональных задач было создание эскизов обоев, тканей, покрывал, ковров (авторство, почти для всех анонимное). Отец Александр Фёдорович, испытавший ребёнком жёсткость жизни в детских домах, прошедший через Великую Отечественную войну, получивший образование архитектора и вполне реализовавший себя в этом качестве, а в старшем возрасте мастеровито и любовно создававший мебель для своих домочадцев, переплетал старинные книги или ксерокопии редких изданий, занимался живописью в оригинальной технологии. Химически она была близка стенописи на штукатурной основе, но рассчитана на угол зрения для малогабаритных станковых картин — получалось удачное подобие натюрмортов Шардена.

Юрий унаследовал художественные таланты родителей, но по их «лыжням» не пошёл. Он ездил через всю Москву, чтобы в Бескудникове заниматься живописью бок-о-бок с нонконформистами, чьё творчество пострадает при беспардонном разгроме «бульдозерной выставки» 15 сентября 1974 года, организованном госбезопасностью и горкомом КПСС. Художники, творчески близкие Веденину, решали эстетские задачи, далёкие от потребностей широкой зрительской публики, — например, писАли светло-светло-серым по белому, оттачивая тонкость своего тонального зрения. В начале 1960-х гг. популярный массовый журнал «Знание — сила!», не скованный в иллюстрациях пунктуальной информативностью, напечатал в цвете рисунок Веденина, мало похожий на тогдашнюю журнальную графику. Внизу большой печатной полосы с мелким наборным шрифтом приютилась геральдически симметричная пара дровосеков. Их фигуры состояли из синеватых иголок вроде инея.

Это был побочный фрагмент загадочной биографии с дальними целями, но начисто лишённой внешних многозначительных, а тем более тщеславных намёков. Готовность Веденина подтрунивать над собственными оплошностями и слабостями, с добродушной улыбкой цитируя бестактные замечания в свой адрес, помогла росту Юрия Александровича на общественном поприще, не привлекая преждевременного недоброго внимания. В 1960-е годы он скромно работал в институте «Курортпроект» (в глубине двора за шатровой колокольней на Софийской набережной), а мой рабочий стол тогда был в церкви Николы на Берсеневке, и мы нередко обедали вместе, в столовой учреждения «Главскототкорм», также за Софийской колокольней. Он шутил говорил о своих поездках на пляжи, где делал социологические подсчёты, потом ставшие подспорьем в серьёзной работе по рекреационной географии и закрепившие его контакты с академическим Институтом географии. Незаметно для меня Веденин защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, мельком упоминал о Лихачёвском Фонде культуры и, с большим опозданием для меня, об Институте Наследия.

Я не раз обижался на эту скрытность и далеко не сразу понял, что путаюсь в понятиях. Веденин много раз очень деликатно (почти застенчиво) указывал собеседнику выгодные методы работы, о которых тот не подозревал. Столь же неприметно он защищал своих младших соратников и не раз добивался признания их победы, не оповещая защищаемых ни в период их соперничества с конкурентами, ни после радостного финала. Подобная жизненная и профессиональная тактика совсем не свойственна нынешним околонучным администраторам, убеждённым в своей незаурядной ценности. Веденин помогал друзьям и коллегам возвышаться над прежним уровнем их достижений, а сам никогда не упивался собственной ролью покровителя, начальника или советчика и не щеголял дистанцией между собой и опекаемым.

Веденин создал необычный **РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ**, после чего непрерывно руководил этим учреждением 21 год. В последний из них Юрий Александрович, при поддержке Географического общества и в союзе с Институтом географии Российской академии наук, предпринял большой экспедиционный пробег по 53 населённым пунктам, затронутым радищевским «*Путешествием из Петербурга в Москву*». В местных музеях разного калибра Веденин держался очень скромно, притом без костюмной значительности, но всюду располагал к доверительному разговору региональных работников культуры: их притягивала весомость наблюдений и знаний Веденина при крайней скромности в его манере общения. Шло лето 2013 года. С начала года Веденин, прошитый титановыми ортопедическими штырями, утомительно и разнообразно болел, не выходя из затяжной усталости. Поэтому он отказался от серьёзного диалога с очень молодым самоуверенным министром, склепавшим докторскую диссертацию сомнительной научной кондиции, и, к сожалению, без спора уступил его странному предложению добровольно покинуть директорское кресло. Большинство прежних научных сотрудников, дополнявших друг друга разнородным научным багажом и обогащаемых методикой разных профессий, вскоре было вытеснено новым поколением администраторов, приученных к иным системам отчётности и формально-непреклонному рабочему режиму.

МОЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЮРИЮ ВЕДЕНИНУ

Я точно не помню, когда я познакомился с Юрой Ведениным, а на поиски старых дневников у меня нет сил. Я вспоминаю, прежде всего, рекреационную экспедицию на озере Селигер в 1969 г. Я тогда служил в МГУ, а в эту экспедицию, как и во многие другие, приезжал за свой счёт в качестве незваного гостя. Там при изучении географами туристских стоянок и сети тропинок выяснилось, что поведение самодеятельных туристов и стационарных отдыхающих в природной среде может служить моделью формирования культурного ландшафта. Это открытие Юрия Александровича и сделанный из него важный вывод, что какие-то малые процессы в ландшафте и человеческом обществе могут служить надёжными моделями больших процессов, меня очень вдохновило.

Институт Наследия возник на основе двух замечательных экспедиций — на Валаамские и на Соловецкие острова. Они проходили под эгидой Советского Фонда культуры, а их вдохновителем был академик Д. С. Лихачёв. Я участвовал только в первой, в конце лета 1988 г. Участники нашей экспедиции (десять полтора) все были яркими личностями. От Института географии были Юрий Веденин и мой друг Юлий Липец. Я представлял Всесоюзную лабораторию туризма и экскурсий.

По результатам Валаамской экспедиции я написал лично от себя пространную записку о том, что надо делать с Валаамом. О передаче некоторых зданий восстанавливаемому монастырю говорится в первом пункте, а дальше — обо всём на свете: землепользование, строительство, сельскохозяйственные фермы, организация туризма, энергоснабжение, транспорт, охрана природы, переселение и социальное обеспечение жителей... Спустя 20 лет в Московском Доме журналиста мы вспоминали об этих экспедициях вместе с Ю. А. Ведениным.

После изгнания меня из МГУ в 1984 г. я ютился в разных учреждениях, но участвовал в конференциях Института географии РАН и Института Наследия. После того как один из отраслевых институтов, в котором я числился, изменил свой профиль до такой степени, что стал обеспечивать обучение детей-инвалидов и подготовку рабочих из числа коренных москвичей для нужд Москвы, мне пришлось уйти и оттуда, но меня спас — подобрал и взял к себе в Институт Наследия Ю. А. Веденин.

В 2003—2008 гг. я часто ездил на экскурсии Общества изучения русской усадьбы, в котором Юрий Александрович был председателем. Эти поездки очень помогли мне поддерживать знакомство с современной российской глубинкой, с сельской местностью, в которую иным путём я не попал бы. Времена, когда мне, географу, оплачивали командировки и экспедиции, давно закончились. Я жил на пенсию, а зарплату, получаемую в Институте Наследия, всю тратил на путешествия и выездные научные конференции.

Я приходил в Институт редко, но зато как на праздник, в гости, заходил в комнаты, где сидели сотрудники, относившиеся ко мне тепло. Институт Наследия был моим последним пристанищем в служебно-зарплатной сфере. За эти восемь лет (2007—2015) у меня вышло около 132 публикаций — более четверти сочинений, опубликованных за всю жизнь.

Стараниями и с помощью Ю. А. Веденина и Д. Н. Замятина в связи с моим 80-летием был подготовлен сборник «Теоретическая и гуманитарная география». Обложку для него придумал и нарисовал я сам, снискав одобрение у профессиональных дизайнеров, чем немало горжусь.

Мне вообще очень повезло с начальством. С начальниками-чиновниками я почти не общался, от всяких контактов с ними я уклонялся месяцами и годами так успешно, что они обо мне забывали или, будучи часто сменяемыми, меня вовсе не видели. Я смог счастливо заниматься всю жизнь своими научными и литературными делами благодаря начальникам другого типа — настоящим учёным: Н. Н. Баранскому, Ю. Г. Саушкину, Д. Н. Замятину, Ю. А. Веденину. Именно этим четырём деятелям я обязан своей редкой «академической свободой».

Из веденинского гнезда, разорённого чиновниками, я «вылетел» в 2015 г. одним из последних, с триумфальной формулировкой «за прогул». Так завершился мой творческий прогул, продолжавшийся более 50 лет. По моим ощущениям, веденинский Институт Наследия продолжает существовать в некотором теновом и виртуальном виде, о чём красноречиво свидетельствует настоящий сборник. Обаятельный, добрый, жизнерадостный Юрий Веденин по-прежнему видится мне как лидер явно осуществившегося направления географии и культурологии, следы которого уже не вырubiшь никаким административным топором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы постарались показать палитру исследовательских интересов веденинского института, выходящих за пределы его стен и составляющих почву для сотрудничества с разными научными центрами и учреждениями. Сотрудники Института Наследия — как действующие, так и вынужденные уйти из него в связи со сменой его руководства и стиля управления культурой, продолжают оставаться единым коллективом. Этим коллективом вне официальных рамок в апреле 2017 г. была проведена конференция, посвящённая 25-летию создания института, продолжают творческие контакты его участники, выполняются совместные проекты. Это очень редкое и ценное явление, возникшее в первую очередь благодаря «наблюдающему участию» Ю.А. Веденина, ненавязчиво способствовавшего творческой самореализации каждого искренне заинтересованного в новых исследовательских ракурсах, всегда настроенного на позитивные решения. Юрию Александровичу удалось невозможное — не изменять своим принципам и оставаться при этом неконфликтным человеком, умеющим находить консенсус. Это свойство 21 год сдерживало благородное негодование тех его сотрудников, что готовы были вступить за свои поруганные идеалы в неравный «бой» с вышестоящими инстанциями с хорошо предсказуемым результатом.

Юрий Александрович был вынужден покинуть институт, своё детище, уже в 2015 г., два последних года безуспешно пытаясь вернуть его новому руководству базовые представления о смысле научной деятельности¹. Авторитет, порядочность и высочайшие компетенции Ю.А. Веденина никогда не подвергались сомнению у его коллег. Естественно, что в этой книге многие авторы не смогли избежать оценочных суждений о наблюдаемом ими перерождении института, и редакция не сочла возможным этому препятствовать².

¹ Открытое заявление Ю.А. Веденина об увольнении <http://hraniteli-nasledia.com/articles/kadry/yuriy-vedenin-ne-vizhu-vozmozhnosti-dlya-primeneniya-moego-opyta-i-znaniy/>

² См. публикации в прессе о происшедшем в Институте Наследия после ухода Ю.А. Веденина:
<http://www.archnadzor.ru/2015/06/06/otkryitoe-pismo-kolleg-v-podderzhku-yuriya-vedenina/>
<https://regnum.ru/news/cultura/2152466.html?t=1467514763>
<https://regnum.ru/news/2164053.html>
<https://regnum.ru/news/2286672.html>
<http://www.mk.ru/social/2015/04/03/cenzura-imenem-akademika-likhacheva.html>

Исследователи, работающие с наследием, часто отстаивают сохранение некоей святости наследия, не принимая во внимание, что их оппоненты находятся в принципиально иной системе координат и научно-этические аргументы им непонятны. Если в обществе преобладают то политические, то коммерческие императивы, если потребительство становится смыслом жизни, комфорт является исключительным мерилем привлекательности среды жизни, а казнокрадство — умением жить, то консенсус в нём принципиально невозможен, а имманентно присуще противостояние.

Наследие является важным экономическим ресурсом, и одной из мотиваций его охраны служит развитие экономики и получение дохода от разнообразной деятельности по его презентации, популяризации, туристско-рекреационному использованию. Но ресурс этот очень «нежный», и неумные манипуляции по повышению его доходности методами грубых реноваций, реконструкций, благоустройств, даже реставраций и капитализаций наносят удары по его аутентичности, подлинности — важнейшему качеству наследия. И в этом камень преткновения — в погоне за «товарностью» объекта, за посещаемостью и продаваемыми посетителям услугами легко можно изувечить сам объект. Напротив, умелое использование и поддержание всех его подлинных достоинств только увеличивает его стоимость и может стать одним из источников экономического процветания. Бизнес и наследие совместимы, только бизнес должен занимать подчинённое положение.

В современный период стремление капитализировать наследие (так же как и капитализировать науку) приводит к досадным недоразумениям, прежде всего, из-за «сбоев» в системах управления и уровня квалификации «управляющих». В Институте Наследия многие авторы этой книги были участниками настоящей научной работы в уникальном научном коллективе и, как оказалось, многое успели сделать за прошедшие годы. То, что было сделано, найдёт своего читателя, почитателя и продолжателя. Публикация этой книги — залог того, что так и случится.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ И КНИГ ЕГО СОТРУДНИКОВ ЗА ПЕРИОД С 1992 г. ПО 2013 г.¹

Захаров Ю.С., Мазуров Ю.Л., Фомченков А.К. Национальный парк в Приполярном Урале: аргументы и прецеденты. — М.: Институт Наследия, 1993. — 87 с.

Новая Земля. Т. 1. Кн. 1. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции / Колл. авт. Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 1993. — 112 с.

Новая Земля. Т. 1. Кн. 2. Вып. II. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции / Колл. авт. Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 1993. — 117 с.

Новая Земля. Т. 2. Вып. III. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции / Колл. авт. Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 1993. — 249 с.

Журнал «Территория» [журнал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия], 1994. № 1.

Комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия / Ред.-сост. *П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 174 с.

Новая Земля. Т. 3. Вып. IV. Труды Морской Арктической комплексной экспедиции / Колл. авт. Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 240 с.

Новая Земля: концепция формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий / Отв. ред. *П.В. Боярский*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 34 с.

Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов / Колл. авт. Отв. ред. *Ю.Л. Мазуров*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 215 с.

Черносвитов П.Ю. Освоение Крайнего Севера: опыт имитативного моделирования по материалам археологии. — М.: Институт Наследия, 1994. — 146 с.

Этнокогнитология: подходы к изучению этнической идентификации / Колл. авт. Отв. ред. *Э.А. Чамокова*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 156 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. / Колл. авт. Отв. ред. *Э.А. Чамокова*. — М.: Институт Наследия, 1994. — 128 с.

Ruben Mnatsakanian. L'Heritage Ecologique du Communisme dans les Republiques de l'ex — URSS. Editions Frisin-Roch, Paris, 1994. — 286 p.

Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия / Колл. авт. Отв. ред. *А.В. Каменец*. — М.: Институт Наследия, 1995. — 95 с.

Алов А.А., Владимиров Н.Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Вып. 1. Православие. — М.: Институт Наследия, 1995. — 135 с.

¹ Издания в данном списке расположены по годам выпуска (а в рамках каждого года — по алфавиту). Список картографических изданий Института Наследия приведён в статье А.И. Ельчиной.

Алов А. А., Владимиров Н. Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Католицизм. Протестантизм. Армянская апостольская церковь. — М.: Институт Наследия, 1995. — 112 с.

Веденин Ю. А., Лютый А. А., Ельчанинов А. И., Свешников В. В. Культурное и природное наследие России (концепция и программа комплексного атласа). — М.: Институт Наследия, 1995. — 119 с.

Гусев С. В. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. — 108 с.

Журнал «Территория» [журнал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия], 1995. № 2.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 1 / Ред.-сост. А. В. Каменец. — М.: Институт Наследия, 1995. — 80 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 2. Школьное краеведение: программы, идеи, опыт / Ред.-сост. В. Е. Туманов. — М.: Институт Наследия, 1995. — 130 с.

Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы / Колл. авт. Отв. ред. Р. А. Мнацаканян. — М.: Институт Наследия, 1995. — 145 с.

Проблемы и программы туристско-рекреационного использования природного и историко-культурного потенциала в регионах России / Колл. авт. Отв. ред. Ю. С. Пуприк. — М.: Институт Наследия, 1995. — 169 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. / Ред.-сост.: А. А. Пископель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. — М.: Институт Наследия, 1995. — 172 с.

Алов А. А., Владимиров Н. Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Ислам в России. — М.: Институт Наследия, 1996. — 122 с.

Алов А. А., Владимиров Н. Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Буддизм в России. — М.: Институт Наследия, 1996. — 68 с.

Античное наследие в культуре России / Колл. авт. Под общ. ред. Г. С. Кнабе. — М.: Институт Наследия, 1996. — 262 с.

Виллем Баренц на Новой Земле. Коллекция находок с места зимовья голландского мореплавателя Виллема Баренца / Отв. ред. Е. К. Дмитриева. — М.: Институт Наследия, 1996. — 32 с.

География искусства / Колл. авт. Отв. ред. Ю. А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 1996. — 160 с.

Дыгало В. А. А всё начиналось с ладьи... — М.: Просвещение, 1996. — 208 с.

Концепция национального атласа России. Проект / Авторы: А. А. Лютый, В. В. Свешников, А. И. Ельчанинов и др. — М.: Роскартография, 1996. — 96 с.

Наследие и государственная культурная политика (сборник аналитических и информационных материалов) / Отв. ред. Ю. А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 1996. — 96 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 3 / Ред.-сост.: А. В. Каменец, П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 1996. — 80 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 4. Экология и охрана наследия / Ред.-сост.: А. В. Каменец, П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 1996. — 101 с.

Рисуют дети Ямала / Ред.-сост.: Е. Д. Андреева, Н. М. Ведерникова, Р. Р. Мусина. — М.: Институт Наследия, 1996. — 80 с.

Соловецкие острова. Остров Большая Муксалма / Колл. авт. Под общ. ред. П. В. Боярского. — М.: Институт Наследия, 1996. — 238 с.

Шоссоннэ В. Перекрестки континентов: Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски. Каталог выставки. — Вашингтон: Арктический научный центр Смитсоновского института; М.: Институт Наследия, 1996. — 112 с.

Этнокогнитология. Вып. 2. Этноосознание / Колл. авт. Отв. ред Э. А. Чамокова. — М.: Институт Наследия, 1996. — 174 с.

Алов А. А., Владимиров Н. Г. Религиозная жизнь и культурное наследие России. Иудаизм в России. — М.: Институт Наследия, 1997. — 100 с.

Археологический фактор в планировочной организации территории / Колл. авт. Отв. ред. Ю. А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 1997. — 280 с.

Боярский П. В. Ecole Polytechnique. Развитие механики во Франции в конце XVIII и начале XIX веков. — М.: Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук, 1997. — 195 с.

Боярский П. В., Вехов Н. В. и др. Поселок Белушья Губа — столица полярного архипелага Новая Земля (1897–1997 гг.). — М.: Институт Наследия, 1997. — 101 с.

Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. — М.: Институт Наследия, 1997. — 224 с.

Ведерникова Н. М. Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX — начала XX в. Вып. 1. Народные обряды и поэзия. — М.: Институт Наследия, 1997. — 254 с.

Гавронски Е. Х. Дж., Боярский П. В. На Север с Баренцем. Совместные Российско-Голландские комплексные археологические исследования на Новой Земле в 1995 году / На русск. и англ. — Амстердам, 1997. — 254 с.

Исторический город Ялutorовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и его окружения / Отв. ред. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 1997. — 206 с.

Максаковский Н. В. Национальные парки в урбанизированных районах России. — Москва; Рязань, 1997. — 162 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 5 / Ред.-сост. А. В. Каменец. — М.: Институт Наследия, 1997. — 112 с.

Николаев С. В., Максаковский Н. В. Особо ценные территории природного и природно-историко-культурного наследия народов Российской Федерации. — М.: МНЭПУ, 1997. — 118 с.

Чалая И. П., Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. — М.: Институт Наследия, 1997. — 286 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 3 / Ред.-сост.: О. И. Генисаретский, С. Э. Зуев, А. А. Пископфель и др. — М.: Институт Наследия, 1997. — 144 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 4 / Ред.-сост.: Е. Л. Иванова, А. А. Пископфель, В. Р. Рокитянский, С. В. Соколовский, Л. П. Щедровицкий. — М. Институт Наследия, 1997. — 124 с.

Боярский П. В., Захаров Ю. С., Мазуров Ю. Л. и др. Парк Виллема Баренца на Новой Земле. На русск. и англ. — М.: Институт Наследия, 1998. — 56 с.

Ведерникова Н. М. Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX — начала XX века. Вып. 2. Необрядовая поэзия (духовные стихи, песни, сказки, предания, загадки, пословицы, поговорки и др.). — М.: Институт Наследия, 1998. — 250 с.

География искусства. Сб. статей. Вып. 2 / Отв. ред. Ю. А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 1998. — 256 с.

Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков. — М.: Институт Наследия, 1998. — 128 с.

Мониторинг археологического наследия (тезисы докладов). — М.: Институт Наследия, 1998. — 52 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 6 / Ред.-сост. А. В. Каменец. — М.: Институт Наследия, 1998. — 138 с.

Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Кн. 1. Природа. Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Колл. авт. Под общ. ред. П. В. Боярского). — М.: Институт Наследия, 1998. — 280 с.

Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Кн. 2. Ч. 1. Культурное наследие. Радиоэкология. Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Колл. авт. Под общ. ред. П. В. Боярского). — М.: Институт Наследия, 1998. — 276 с.

Природное и культурное наследие Арктики: изучение и сохранение. Тезисы докладов Международного симпозиума памяти Виллема Баренца «Охрана природы Арктики». На русск. и англ. — М.: Институт Наследия, 1998. — 240 с.

Проблемы сохранения и развития музеев-заповедников. Сб. статей / Отв. ред. Ю. А. Веденин. Сост. А. В. Горбунов, Г. А. Зайцева. — М.: Институт Наследия, 1998. — 180 с.

Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 5 / Ред.-сост.: А. А. Пископфель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. — М.: Институт Наследия, 1998. — 128 с.

Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов / Колл. авт. Отв. ред. Ю. Л. Мазуров. — М.: Институт Наследия, 1999. — 337 с.

Живая культура Российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки / Колл. авт. Ред.-сост. Е. Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 1999. — 264 с.

Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. Информационный сборник / Колл. авт. Науч. ред. Ю. А. Веденин. Сост. Г. Ф. Онуфриенко. — М.: Институт Наследия, 1999. — 96 с.

Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля / Колл. авт. Отв. ред. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия; Тула, 1999. — 141 с.

Колосова Г. Н. Природно-географический анализ исторических территорий: Соловецкий архипелаг. — М.: Институт Наследия, 1999. — 110 с.

Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития / Колл. авт. Отв. ред. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия; Тула, 1999. — 151 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 7 / Ред.-сост. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 1999. — 162 с.

Пископфель А. А. Научная концепция: структура, генезис. — М.: Путь, 1999. — 416 с.

Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами / Колл. авт. Науч. ред.: *Даг Мюклебюст* (Норвегия), *Ю.А. Веденин* (Россия). На русск., англ. и норв. яз. — М.: Институт Наследия, 1999. — 96 с.

Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10–11 декабря 1998 г. в Москве. / Отв. ред. *С.О. Шмидт*. — М.: ЦЦЮТур, 1999. — 316 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы третьей научно-практ. конф. Сб. статей / Отв. ред. *Ю.А. Веденин*. Сост. *А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева*. — М.: Институт Наследия, 1999. — 287 с.

Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы / Колл. авт. Ред.-сост. *Ю.Л. Мазуров*. — М.: Институт Наследия, 1999. — 161 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 6. Многообразие традиций и единство образовательного пространства / Ред.-сост.: *А.А. Пископфель, В.Р. Роки-тянский, Л.П. Щедровицкий*. — М., 1999. — 152 с.

Архив наследия — 1999. Науч. сб. / Колл. авт. Ред.-сост. *В.И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2000. — 304 с.

Болота и люди. Материалы международного семинара «Болота и археология» 1–9 сентября 1998 г. / Науч. ред.-сост.: *О.Л. Лисс, П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2000. — 212 с.

Вехов Н.В. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870–1910-е гг.) — Шадринск, 2000. — 71 с.

Изучение памятников морской археологии. Сб. статей / Отв. ред. *П.Е. Сорокин*. — СПб, 2000. — 240 с.

Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. — М.: ИМЛИ РАН, 2000. — 193 с.

Коч — русское полярное судно: проблемы, исследования и реконструкции / Отв. ред. *П.В. Боярский, П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2000. — 74 с.

Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. Сб. статей (по материалам семинаров 1998–1999 гг.) / Науч. ред.: *Ю.А. Веденин, С.В. Гусев*. — М.: Институт Наследия, 2000. — 233 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 8 / Ред.-сост. *П.М. Шульгин*). — М.: Институт Наследия, 2000. — 216 с.

Новая Земля. Природа, история, археология, культура. Кн. 2. Ч. 2 / Колл. авт. Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 2000. — 212 с.

Остров Вайгач. Книга 1. Памятники освоения Арктики / Колл. авт. (под общей ред. *П.В. Боярского, В.П. Столярова*). — М.: Институт Наследия, 2000. — 372 с.

Проблемы и перспективы развития туризма в странах с переходной экономикой. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. *Ю.А. Веденин*. — Смоленск, 2000. — 340 с.

Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Под ред. *Л.С. Богословской*. — М.: Государственная Дума РФ, 2000. — 224 с.

Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. / Под науч. ред. *И.И. Крупника*. — М.: Институт Наследия, 2000. — 528 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы четвёртой научно-практической конференции. Сб. статей / Отв. ред. Ю.А. Веденин. Сост. А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева. — М.: Институт Наследия, 2000. — 398 с.

Экология культуры. Альманах Института Наследия «Территория» / Ред.-сост. Ю.Л. Мазуров. — М.: Институт Наследия, 2000. — 216 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 7 / Ред.-сост.: А.А. Пископел, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. — М.: Институт Наследия, 2000. — 128 с.

Архив наследия — 2000. Научный сборник / Колл. авт. (ред.-сост. В.И. Плужников). — М.: Институт Наследия, 2001. — 336 с.

Кляус В.Л. Песни семейских укыра. Аудио CD. — М.: Институт Наследия, 2001.

Кляус В.Л. Традиционная культура старообрядцев (семейских) Забайкалья. Справочно-библиографический CD. — М.: Институт Наследия, 2001.

Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М. Культурные ландшафты и духовное наследие. — Калуга, 2001. — 48 с.

Культурная география / Науч. ред.: Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. — М.: Институт Наследия, 2001. — 192 с.

Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В. и др. Исследование уникальных археологических памятников из собрания государственного исторического музея — комплексов одежд XIII—XIV вв. — М.: ГИМ, 2001. — 350 с.

Мария Добровейн. На рубеже двух эпох: автобиографические записки / Подготовка текста, ред., предисл. и примеч. М.П. Прянишниковой. — М.: Институт Наследия, 2001. — 184 с.

Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия / Ред.-сост. Ю.Л. Мазуров. — М.: Институт Наследия, 2001. — 224 с.

Рогов В.М., Замятина В.А., Шульгин П.М., Плужников В.И., Штеле О.Е. и др. Уездный город Покров смотрит в будущее. Альбом-путеводитель. — Покров, 2001. — 38 с.

Русская усадьба на пороге XXI века. Хмелитский сборник. Вып. 3 / Ред. Ю.А. Веденин. — Смоленск, СГПУ, 2001. — 320 с.

Сорокин П.Е. Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. — СПб: Литера, 2001. — 128 с.

Хазин О.А. Трудный путь к Полтаве. — М.: Институт Наследия, 2001. — 106 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы Пятой Всероссийской научной конференции. Сб. статей / Отв. ред. Ю.А. Веденин. Сост. А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева. — М.: Институт Наследия, 2001. — 494 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 8 / Ред.-сост.: А.А. Пископел, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. — М. Институт Наследия, 2001. — 152 с.

Архив наследия — 2001. Науч. сб. / Сост. и науч. ред. В.И. Плужников. — М.: Институт Наследия, 2002. — 388 с.

География искусства: Сб. статей. Вып. 3 / Отв. ред. Ю.А. Веденин. — М.: Институт Наследия, 2002. — 200 с.

Завьялова Н.И. Усадьба Середниково («Лермонтовские места»). Опыт проектирования зон охраны. — М.: Институт Наследия, 2002. — 186 с.

Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы (1922–1930). — М.: Институт Наследия, 2002. — 56 с.

Кулешова М.Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. [Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России. Вып. 6.] — М., 2002. — 46 с.

Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Материалы Международного конгресса «Куликово поле среди ратных полей Европы» (Москва — Куликово поле. 31 мая — 2 июня 2000 г.) — Тула, 2002. — 176 с.

Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В. и др. Исследование уникальных археологических памятников из собрания государственного исторического музея — комплексов одежд XIII–XIV вв. Второе издание. — М.: ГИМ, 2002. — 238 с.

Максаковский Н.В. Развитие сети национальных парков в России [Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России. Вып. 3.] — М., 2002. — 36 с.

Максимова Т.В. Голландские живописцы XVII в. и их немецкие имитаторы в XVIII столетии (вопросы стиля и технологии). — М.: Институт Наследия, 2002. — 256 с.

Набиева У.Н. Культурная география Дагестана. — М.: Институт Наследия, 2002. — 210 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 9 / Ред.-сост. *П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2002. — 197 с.

Наследие и современность: десять лет Институту Наследия. Информационный сб. Вып. 10 / Ред.-сост. *П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2002. — 287 с.

Наследие и современность: Школьное краеведение: проблемы, программы, методики. Информационный сб. Вып. 11 / Ред.-сост. *В.Е. Туманов*. — М.: Институт Наследия, 2002. — 197 с.

Плужников В.И., Агеева Р.А., Илевич С.В., Юмжапова М.Д. 10 языков — 350 терминов европейской архитектуры. — М.: Институт Наследия, 2002. — 184 с.

Туманов В.Е. Школьный музей. Методическое пособие. — М.: ЦДЮТиК, 2002. — 154 с.

Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: исторический очерк (К 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). — М.: Институт Наследия, 2002. — 164 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы шестой Всероссийской научной конференции (Бородино, 14–16 ноября 2001 года). — М.: Институт Наследия, 2002. — 430 с.

А.А. Лютый и картографирование наследия России. Сб. статей. / Отв. ред. *Ю.А. Веденин*. — М.: Институт Наследия, 2003. — 182 с.

Богословская Л.С. Киты Чукотки: Пособие для морских охотников. — М.: Институт Наследия, 2003. — 324 с.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб: Алетейя, 2003. — 331 с.

Злочевский Г.Д. Русская усадьба. Историко-библиографический обзор литературы (1787–1992). — М.: Институт Наследия, 2003. — 464 с.

Кенозерские сказки, предания, былички / Вступит. статья, составл., примеч. Н.М. Ведерниковой. — М.: Институт Наследия, 2003. — 147 с.

Мазуров Ю.Л., Пакина А.А. Экономика и управление природопользованием: Учебное пособие для студентов естественных факультетов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 282 с.

Оборотова Е.А. От печки. Новосибирск: «Наука-Центр», 2003. — 224 с.

Пажи — рыцари России. (Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса) / Сост. Григорьев А.Б., Хазин О.А. Под ред. Г.Г. Тупикина. — М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. — 368 с.

Полярный архив. Т. 1. Труды морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. П.В. Боярского. — М.: Институт Наследия, 2003. — 500 с.

Проблемы сохранения историко-культурных территорий в России // Ориентиры культурной политики, Вып. 7 / Веденин Ю.А., Штеле О.Е., Шульгин П.М. — М.: ГИВЦ МК РФ, 2003. — 88 с.

Торопов В.Г. Словарь языка крымских цыган. — М.: Институт Наследия, 2003. — 72 с.

Туманов В.Е. Школьный музей: Методическое пособие. Изд. второе, исправленное. — М.: ЦДЮТиК, 2003. — 154 с.

Чалая И.П., Шульгин П.М. Историко-культурные и природные территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа. — М.: Институт Наследия, 2003. — 118 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы седьмой Всероссийской научной конференции (Бородино, 18–21 ноября 2002 года) / Науч. ред. Ю.А. Веденин. Отв. ред. Н.В. Вехов. Сост. А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева. — М.: Институт Наследия, 2003. — 448 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 9 / Ред.-сост.: А.А. Пископел, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. — М.: Институт Наследия, 2003. — 160 с.

Этнопедагогика. Теория и практика: Материалы XII чтений, посвященных памяти Г.С. Виноградова. Авторские образовательные программы по фольклору / Сост. С.Г. Айвазян. — М.: Институт Наследия, 2003. — 224 с.

Архив наследия — 2002. Научный сборник / Сост. и науч. ред. В.И. Плужников. — М.: Институт Наследия, 2004. — 432 с.

Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1 / Ред. Д.Н. Замятин — М.: Институт Наследия, 2004. — 431 с.

Дурбанский аккорд: Материалы Пятого всемирного конгресса по особо охраняемым природным территориям / Пер. с англ. Отв. ред. Ю.Л. Мазуров. — М.: Институт Наследия, 2004. — 272 с.

Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — 512 с.

«Золотое Кольцо Башкортостана»: обоснование и стратегия развития Национального туристского маршрута / Под ред. *П.М. Шульгина*. — М.: Институт Наследия, 2004. — 70 с.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. *Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой*. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

Материалы первой научно-практической конференции «Музей-заповедник: экология и культура» (ст. Вёшенская, 25–26 августа 2004 года). — Вёшенская, музей-заповедник *М.А. Шолохова*, 2004. — 172 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 12 / Ред.-сост. *П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2004. — 195 с.

Память, которой не будет забвенья. Сб. докум. районной ист.-краеведческой конференции, посвящённой Международному дню памятников и 75-летию Раменского района. — М.: Институт Наследия, 2004. — 79 с.

Путрик Ю.С., Терещенко А.А. Стандарты туристских общественных организаций. — М.: Институт Наследия, 2004. — 176 с.

Торопов В.Г. История и фольклор крымских цыган. — М.: Институт Наследия, 2004. — 88 с.

Филин П.А. Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». — М.: Институт Наследия, 2004. — 180 с.

Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра. Сб. текстов (1). Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 9. — М.: Наследие ММК, 2004. — 288 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы восьмой Всероссийской научной конференции (Бородино, 12–14 ноября 2003 года). Сб. науч. статей / Науч. ред. *Ю.А. Веденин*. Отв. ред. *Н.В. Вехов*. Сост. *А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева*. — М.: Институт Наследия, 2004. — 372 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 10 / Ред.-сост.: *А.А. Пископфель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий*. — М.: Институт Наследия, 2004. — 156 с.

Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations / Editors *Igor Krupnik, Rachel Mason, Tonia Horton*. — Washington D. C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution. 2004. — 415 p.

Архив наследия — 2003. Науч. сб. / Сост. и науч. ред. *В.И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 432 с.

Боярский П.В., Сметанин В.В., Соколов Ю.И., Химичук Н.В. История освоения полярного архипелага Новая Земля / Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 256 с.

Во отце окяна моря. К 15-летию возобновления Соловецкой обители (1990–2005) / Сост *В. Столяров*. Издание Соловецкой обители, 2005. — 50 с.

География искусства: Сб. статей. Выпуск 4 / Сост: *Т.В. Левина, О.А. Лавренова*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 274 с.

Головкин К.Г. Деревянные часовни Русского Севера (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область). Иллюстрированный перечень. — М.: Институт Наследия, 2005. — 224 с.

- Григорьев А.Б.* Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной церкви и Российской Армии. — М.: Кучково поле, 2005. — 472 с.
- Гуманитарная география. Науч. и культ.-просветительский альманах. Вып. 2 / Сост., отв. ред. *Д.Н. Замятин*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 512 с.
- Культурное наследие России и туризм / Науч. ред.: *Ю.А. Веденин, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 172 с.
- Максаковский Н.В.* Всемирное природное наследие. — М.: Просвещение, 2005. — 486 с.
- Современные трансформации российской культуры / Отв. ред. *И.В. Кондаков*. — М.: Наука, 2005. — 751 с.
- Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы / Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. 2. — М.: Наука, 2005. — 651 с.
- Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра. Сб. текстов (2). Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 9. — М.: Наследие ММК, 2005. — 800 с.
- Щедровицкий Г.П.* Мышление — Понимание — Рефлексия / Сост. и отв. ред.: *А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий*. — М.: Наследие ММК, 2005. — 320 с.
- Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы девятой всероссийской научной конференции (Бородино, 16–17 ноября 2004 г.) Сб. науч. статей / Науч. ред. *Ю.А. Веденин*. Отв. ред. *Н.В. Вехов*. Сост. *А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 462 с.
- Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 11 / Ред.-сост.: *А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий*. — М.: Институт Наследия, 2005. — 156 с.
- Ebbinge B.S. and Yu. L. Mazurov (Eds).* Pristine wilderness of the Taimyr Peninsula. 2004 Report, 2005. — Moscow: Heritage Institute. — 105 p.
- Архив наследия — 2004. Научный сборник / Сост. *В.И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2006. — 448 с.
- Гомбоев Б.Ц.* Культурные места Баргузинской долины // Сибирь: этнос и культуры. Вып. 10. — Улан-Удэ, 2006. — 287 с.
- Гуманитарная география. Науч. и культ.-просветительский альманах. Вып. 3 / Сост., отв. ред. *Д.Н. Замятин*. — М.: Институт Наследия, 2006. — 568 с.
- Девственная природа Таймыра. Отчет 2005 / Под редакцией *Б.С. Эббинге и Ю.Л. Мазурова*. На англ. яз. — М.: Институт Наследия, 2006. — 180 с.
- Злочевский Г.Д.* Наследие Серебряного века. Избранные страницы. — М.: Институт Наследия, 2006. — 368 с.
- Изучение природного наследия в Государственном мемориальном и природном заповеднике А.Н. Островского «Щельково»: гидробиологические исследования и экологический мониторинг водных объектов / Под общ. ред. *А.В. Есенина, А.В. Крылова, Г.И. Орловой*. — М.: МАКС Пресс, 2006. — 164 с.
- Мазуров Ю.Л.* Австралия: культ наследия. — М.: Институт Наследия, 2006. — 200 с.
- Материалы второй научно-практической конференции «Музей-заповедник: экология и культура» (ст. Вёшенская, 13–16 сентября 2006 года). — Вёшенская, музей-заповедник М.А. Шолохова, 2006. — 390 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 13 / Ред.-сост. *П. М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2006. — 244 с.

Соловецкие острова: Духовное, культурное и природное наследие. Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения / Под общ. ред. *П. В. Боярского, В. П. Столярова*. — М.: Институт Наследия, 2006. — 680 с.

Туманов В. Е. Школьный музей — хранитель народной памяти: Методическое пособие. Изд. третье, доп. — М.: ФЦДЮТиК, 2006. — 228 с.

Архив наследия — 2005. Научный сборник / Сост. и науч. ред. *В. И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 398 с.

Белый камень в архитектурных памятниках Московского кремля XIV–XVIII вв. (Материаловедческие исследования для решения историко-архитектурных задач) / Сост., отв. ред. *М. Г. Безруков*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 180 с.

Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. — М.: Институт Наследия, 2007. — 476 с.

Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. *Д. Н. Замятин*. Вып. 4. — М.: Институт Наследия, 2007. — 464 с.

Круглый стол «Законодательное обеспечение деятельности музеев-заповедников в современных социально-экономических условиях» / Сост.: *Веденин Ю. А., Штеле О. Е., Шульгин П. М.* — М.: Совет Федерации, 2007. — 64 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 14 / Ред.-сост. *П. М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 152 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 15 / Ред.-сост. *П. М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 144 с.

Основы морского зверобойного промысла: Научно-методическое пособие / *Л. Богословская, И. Слугин, И. Загребин, И. Крупник*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 480 с.

Рябов С. А. Здесь государевым «украинам» было береженье. Российское пограничье — особый объект культурного и природного наследия. — М.: Институт Наследия, 2007. — 335 с.

Тульская область. Одоевский край. Очерки прошлого и настоящего / Ред.-сост. *Е. Д. Андреева*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 386 с.

Чернышев М. Б. Клейма на железе в русском строительстве XVII–XIX веков. — М.: Институт Наследия, 2007. — 253 с.

Щукина Е. П. Подмосковные усадебные парки конца XVIII века. — М.: Институт Наследия, 2007. — 384 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 12 / Ред.-сост.: *А. А. Пископпель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий*. — М.: Институт Наследия, 2007. — 142 с.

Архив наследия — 2006. Науч. сб. / Сост. *В. И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 285 с.

- Архив наследия — 2007. Науч. сб. / Сост. *В.И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 304 с.
- Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением / Сост. и ред. *Е.Д. Андреева, Ю.Б. Виниченко, И.В. Кондаков*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 320 с.
- Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. *Д.Н. Замятин*. Вып. 5. — М.: Институт Наследия, 2008. — 432 с.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 759 с.
- Злочевский Г.Д.* Старинные усадьбы и дачи Подмосковья: Библиографический указатель (1992–2006). — М.: Институт Наследия, 2008. — 639 с.
- Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. — М.: Новый Хронограф, 2008. — 320 с.
- Кольские саамы в меняющемся мире. Коллективная монография / *Козлов А.И., Лисицын Д.В., Козлова М.А. и др.* — М.: Институт Наследия; ИЛ «АрктАн-С», 2008. — 95 с.
- Музей-заповедник: экология и культура. Материалы третьей международной научно-практической конференции (ст. Вёшенская, сентябрь, 2008 г.) — Вёшенская: Музей-заповедник М.А. Шолохова, 2008. — 200 с.
- Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 16 / Ред.-сост. *П.М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 174 с.
- Национальный атлас России. Том 4 «История. Культура» / Колл. авт. Гл. ред. *Ю.А. Веденин*. — М.: Роскартография, 2008. — 496 с.
- Отаровские чтения 2006–2007. Сб. статей. / Ред.-сост. *Е.Д. Андреева*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 100 с.
- Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы / Сост. и ред. *Л.С. Богословская, В.С. Кривощёков, И.И. Крупник*. — М.: Институт Наследия; ГЕОС, 2008. — 353 с.
- Экологические проблемы развития музеев-заповедников. Материалы Десятой Всероссийской научной конференции (Москва, 15–17 ноября 2005 г.). Сборник научных трудов / Под ред. *Ю.А. Веденина*. Сост. *А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 566 с.
- Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 13 / Ред.-сост.: *А.А. Пископел, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий*. — М.: Институт Наследия, 2008. — 179 с.
- География искусства. Сб. статей. Вып. 5 / Ред.-сост. *О.А. Лавренова*. — М.: Институт Наследия, 2009. — 354 с.
- Дни этнографического кино. / Отв. ред.-сост. *Е.Д. Андреева* — М.: Институт Наследия, 2009. — 146 с.
- Дыгало В.А.* Записки контр-адмирала. — М.: Кучково поле, 2009. — 464 с.
- Новая Земля / Под общ. ред. *П.В. Боярского*. — М.: Издательство «Paulsen», 2009. — 580 с.
- Культура Русского Севера. Мат. конференции «Пути сохранения культурного наследия Русского Севера» (Архангельск — Пинега — Каргополь, 28–30 октября 2009 г.) — М.: Институт Наследия, 2009. — 201 с.

Семёнов-Тян-Шанский, Вениамин Петрович. То, что произошло. В 2-х т. Том первый: 1870–1917. — М.: Институт Наследия, 2009. — 678 с.

Семёнов-Тян-Шанский, Вениамин Петрович. То, что произошло. В 2-х т. Том второй: 1917–1942. — М.: Институт Наследия, 2009. — 658 с.

Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Материалы XI междунар. науч. конф. / Под общей ред. Ю.А. Веденина, сост. А.В. Горбунов, Г.А. Зайцева. — Можайск. 2009. — CD-ROM.

Экспертиза объектов культурного наследия. Вып. 1. Темперная и масляная живопись / Сост.: Т.В. Максимова, Е.Ю. Садыкова, В.Н. Ярош. — М.: Институт Наследия, 2009. — 396 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 14 / Ред.-сост.: А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. — М.: Институт Наследия, 2009. — 145 с.

Архив наследия — 2008. Научный сборник / Сост. В.И. Плужников. — М.: Институт Наследия, 2010. — 372 с.

Архив наследия — 2009. Научный сборник / Сост. В.И. Плужников. — М.: Институт Наследия, 2010. — 414 с.

Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 6 / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. — М.: Институт Наследия, 2010. — 368 с.

Звук и отзвук. Сб. науч. статей / Ред.-сост. Е.Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 2010. — 310 с.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый Хронограф. 2010. — 240 с.

Культурное наследие Республики Татарстан: Древний Болгар и остров-град Свияжск / Сост. П.М. Шульгин, О.Е. Штеле. — Казань, 2010. — 160 с.

Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. — М.: Институт Наследия, 2010. — 327 с.

Максаковский Н.В. Памятники Всемирного наследия. Природа и культура. — М.: Дрофа, 2010. — 250 с.

Музей-заповедник: экология и культура. Сб. мат. Четвертой Всероссийской науч.-практ. конференции (станция Вёшенская, сентябрь, 2010 г.) — Вёшенская, музей-заповедник М.А. Шолохова, 2010. — 107 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 17 / Ред.-сост. П.М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 2010. — 248 с.

Отаровские чтения. 2008–2009. Сб. статей. Вып. 2 / Ред.-сост. Е.Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 2010. — 239 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сб. статей. Вып. 15 / Ред.-сост.: А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. — М.: Институт Наследия, 2010. — 205 с.

Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Природное и культурное наследие / Под общ. ред. П.В. Боярского. — М.: Издательство «Paulsen», 2011. — 80 с.

Барышев И. Б. Языческие святилища острова Вайгач / Под общ. ред. *П. В. Боярского*. — М.: Институт Наследия, 2011. — 319 с.

Вайгач. Остров арктических богов / Под общ. ред. *П. В. Боярского*. — М.: Издательство «Paulsen», 2011. — 576 с.

Василевич А. П., Ведерникова Н. М., Мищенко С. С., Никитина С. Е. Цвета российского флага в русской культуре. Монография. — М.: Изд-во МГОУ, 2011. — 224 с.

География искусства. Сб. статей. Вып. 6 / Ред.-сост. *О. А. Лавренова*. — М.: Институт Наследия, 2011. — 456 с.

Гусев С. В., Загорюлько А. В. и др. Археологические музеи-заповедники Российской Федерации: проблемы формирования и функционирования. Том 1. Европейская часть России. — Томск: ТМЛ-Пресс, 2011. — 256 с.

Злочевский Г. Д. Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы). — М.: Институт Наследия, 2011. — 368 с.

Надежда — гонка по краю земли: о великой арктической гонке, каюрах Чукотки и их верных друзьях, ездовых собаках, [1991—2011] / Сост. и науч. ред. *Л. С. Богословская*. — М.: Институт наследия; Анадырь: Ком. по спорту и туризму Чукотского АО, 2011. — 112 с.

Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия. Архитектурный словарь. — М.: Искусство — XXI век, 2011. — 424 с.

Смоленская земля. Дорогобужский район. Очерки прошлого и настоящего / Колл. авт. Ред.-сост. *Е. Д. Андреева*. — М.: Институт Наследия, 2011. — 436 с.

Туманов В. Е. Наследие в школьном музее (методическое пособие). — М.: Институт Наследия, 2011. — 242 с.

Херит де Вейр. Арктические плавания Виллема Баренца 1594—1597 гг. / Пер. *И. М. Михайловой*. Под общ. ред. *П. В. Боярского*. — М.: «Рубежи — XXI», 2011. — 279 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции / Ред.-сост.: *А. А. Пископнель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий*. Сб. статей. Вып. 16. — М.: Институт Наследия, 2011. — 166 с.

Архив наследия — 2010. Научный сборник / Сост. *В. И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2012. — 416 с.

Архив наследия — 2011. Научный сборник / Сост. *В. И. Плужников*. — М.: Институт Наследия, 2012. — 528 с.

Аудиовизуальная антропология. Культурное наследие как институт памяти / Ред.-сост.: *Е. Д. Андреева, В. О. Чистякова*. — М.: Институт Наследия, 2012. — 300 с.

Информационно-аналитические материалы на тему «Культурный атлас субъектов Российской Федерации: региональная диспропорция и пути решения» / Сост. *П. М. Шульгин, О. Е. Штеле, А. И. Ельчанинов*. — М.: Совет Федерации, 2012. — 186 с.

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 18 / Ред.-сост. *П. М. Шульгин*. — М.: Институт Наследия, 2012. — 192 с.

Отаровские чтения. 2010. Сб. статей. Вып. 3 / Ред.-сост.: *Е. Андреева, Н. Габриэлян*. — М.: Институт Наследия, 2012. — 216 с.

Садыкова Е. Ю. Мастер из Мулена. Жан Хей и французское искусство конца XV века между Средневековьем и Возрождением. — М.: Изд-во МГУ, 2012. — 253 с.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Ред.-сост.: А. А. Пископпель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. Сб. статей. Вып. 17. — М.: Институт Наследия, 2012. — 236 с.

Анналы ММК: 1979 (1). Проблемы построения теории мышления. Дизайнерское движение и перспективы его развития / Отв. ред. А. А. Пископпель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. — М.: Изд. «Наследие ММК», 2013. — 336 с.

Борисов А. А. Усамоедов. — СПб, 1907. В стране холода и смерти. — СПб, 1909 / Репринтное издание под общ. ред. П. В. Боярского. — М.: Издательство «Paulsen», 2013. — 330 с.

Ведерникова Н. М., Никитина С. Е. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). — М.: Институт Наследия, 2013. — 320 с.

Земля Франца-Иосифа / Под общ. ред. П. В. Боярского. — М.: Издательство «Paulsen», 2013. — 680 с.

Корсун И. С., Бессонов Н. В. Цыганская дорога. Воспоминания Ивана Корсуна с комментариями Николая Бессонова / Под ред. Л. Н. Черенкова. — М.: Институт Наследия, 2013. — 128 с.

Максимова Т. В. Технология голландской живописи XVII в.: деревянная и тканая основы. — М.: Институт Наследия, 2013. — 384 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 19 / Ред.-сост. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 2013. — 120 с.

Наследие и современность. Информационный сб. Вып. 20 / Ред.-сост. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 2013. — 172 с.

Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост. и ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.

Никитина С. Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). — М.: Институт Наследия, 2013. — 312 с.

Пископпель А. А. Конфликтное взаимодействие. Методология и теория. — М.: Наследие ММК, 2013. — 194 с.

Проблемы теоретической и гуманитарной географии: Сборник научных статей, посвящённый 80-летию со дня рождения Б. Б. Родомана. / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. — М.: Институт Наследия, 2013. — 364 с.

Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М. Е. Кулешовой. — М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. — 220 с., ил.

Теоретические и практические проблемы сохранения культурного и природного наследия. Материалы международной конференции. / Сост. и ред.: Ю. Веденин, Т. Семёнова. — М.: Институт Наследия, 2013. — 360 с.

**Составила О. Е. Штеле —
учёный секретарь Института Наследия
в 1994–2014 гг.**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Ирина Святославовна — гл. архитектор, сооснователь Научно-исследовательского предприятия «Этнос». Руководитель работ НИП «Этнос» по изучению и реставрации памятников архитектуры, охране и сохранению историко-культурного наследия. С 2012 г. — директор автономной некоммерческой организации культуры «Музей архитектора Святослава Агафонова» и организатор общественного объединения Экспертная платформа музея «Культурное наследие». Лауреат ряда премий Нижнего Новгорода в области краеведения, архитектуры и градостроительства.

Андреева Евгения Доновна — с.н.с. УНИ «Русская антропологическая школа» (РГГУ). В 1993–2013 гг. — зав. Сектором живой традиционной культуры Института Наследия. Ред.-сост. 10 сборников статей, посвящённых разным направлениям работы сектора, организатор 11 Международных семинаров по аудиовизуальной антропологии, множества выставок современных художников в выставочном зале института на ул. Космонавтов, 2. Организатор экспедиций по изучению культуры российской провинции.

Безруков Михаил Георгиевич — д.х.н., автор более 50 научных публикаций в отечественных и зарубежных журналах, автор 28 авторских свидетельств и патентов. Основные разработки связаны с изучением краснолаковых античных покрытий, с исследованиями технологии декоративной керамики коллекции Московского Кремля и его белокаменных построек в разные периоды застройки. Руководил Сектором научных основ экспертизы наследия в Институте Наследия в 1993–2008 гг.

Белощеева Анна Александровна — канд. искусствоведения, ведущий специалист музея МГХПА им. Строганова. В 1999–2013 гг. — научный сотрудник Сектора живой традиционной культуры Института Наследия. Основные направления исследований: художественное воплощение космологических представлений в декоре русской вышивки, типология мотивов русской вышивки и золотного шитья и их историческая трансформация; воплощение в русской иконописи идеи Шестоднева.

Богданов Евгений Викторович — член Союза российских писателей, член Союза журналистов России. С 1997 г. — гл. специалист по СМИ Национального парка «Смоленское Поозерье». Редактор газет: «Заповедные острова» (1998–2007), «Заповедное братство» (2008–2013), «Поозерье» (1997 — н. вр.). Автор пяти поэтических сборников и ряда научно-популярных книг природоохранной тематики — «Люди заповедные», «Прописаны в Поозерье», «Заповедные острова», «Вокруг Поозерья» и др.

Богословская Людмила Сергеевна (1937–2015 — д.б.н., специалист по экологии морских млекопитающих и традиционным культурам коренных малочисленных народов Российской Арктики. В 1993–2015 гг. возглавляла Центр изучения традиционной культуры природопользования Института Наследия. Более 40 лет проработала в Арктике. Автор многочисленных работ по нейроморфологии, животному миру и культурам эскимосов и чукчей. Разработчик ряда законодательных актов по защите территорий и традиционного образа жизни народов Севера. Одна из первых российских учёных, заявивших о необходимости комплексной защиты природного и культурного наследия.

Василевич Георгий Николаевич — к.э.н., засл. работник культуры, лауреат Госпремии РФ, директор Гос. мемориал. ист.-лит. и прир.-ланд. музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Автор концепции его развития на период 1994—2024 гг., один из авторов концепции его комплексной реставрации, реализованной в 1996—2007 гг. Автор проектов: энциклопедического справочника «Пушкинский Заповедник», изданий «Михайловская пушкиниана», «Святогорская галерея» и системы путеводителей. Учредитель чтений памяти С. С. Гейченко, М. В. Васильева, конференции памяти В. А. Агальцовой.

Веденин Юрий Александрович — д.г.н., проф., один из основоположников рекреационной географии, основатель информационно-аксиологической школы культурного ландшафта, председатель правления Общества русской усадьбы, лауреат премий Д. С. Лихачёва и А. И. Комеча. Автор многочисленных трудов по рекреационной географии, культурной географии, географии искусства и культурному ландшафту, культурному и природному наследию. Научный руководитель «Школы Наследия». Первый директор-организатор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (Института Наследия), которым руководил с 1992 по 2013 г.

Ведина Ольга Ивановна — к.г.н., в.н.с. Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Специалист в области социальной географии, социально-пространственной и этнокультурной дифференциации населения Москвы и развития города. Последователь научных воззрений Ю. А. Веденина в изучении роли деятельности мотиваций людей, их поведения и системы ценностей.

Ведерникова Наталья Михайловна — фольклорист, искусствовед (народное прикладное искусство и художественные промыслы), кандидат филологических наук. Участник более 20 научных экспедиций в разные регионы России. Ведущий научный сотрудник Института Наследия с 1993 по 2014 г. Область научных исследований — народное искусство как культурное наследие, живая традиционная культура российской провинции.

Волков Игорь Викторович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра археологического наследия Института Наследия. Область научных интересов: археология Золотой Орды, Причерноморья и сопредельных стран (XII—XIX вв.), историческая география, нумизматика, эпиграфика, история картографии.

Глазунова Ольга Николаевна — археолог, этнограф, сотрудник Института археологии РАН. Автор работ по микротопонимии и позднесредневековой археологии. Автор и руководитель ряда проектов, в числе которых — реконструкция изразцовых печей XVII—XVIII вв. Ново-Иерусалимского монастыря. Исследователь микротопонимики Бородинского поля, Пушкинского Заповедника, Ясной Поляны, Древнего Радонежа и др. В 2003—2010 гг. — сотрудник Сектора комплексных исследований Центрального региона России Института Наследия.

Голиков Валерий Платонович — к.б.н., зав. Центром традиционных технологий Института Наследия с 1992 по 2013 г., преподаватель РГРУ с 2008 по 2013 г., постоянный участник конференций MAGNUM ARS. Принимал участие в исследовании Туринской плащаницы, погребального комплекса Воскресенского монастыря в Московском Кремле, интерьерного комплекса Рундальского музея в Латвии, работал

с музейными коллекциями России, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана. Интересы — роль технологии в культуре, культурогенезе и культурном наследии.

Голубчиков Юрий Николаевич — к.г.н., в.н.с. кафедры рекреационной географии и туризма, а также научно-исследовательской лаборатории рекреационных исследований географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Национальной академии туризма. Автор многочисленных публикаций в области гуманитарной географии, включая монографии «Гуманитарная география в стратегиях выживания человечества», «Основы гуманитарной географии», учебника «География туризма» (в соавт.) и др.

Горбунов Александр Викторович — историк, источниковед, заслуженный работник культуры РФ, лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский». С 1987 по 2016 гг. — заместитель директора по научной работе Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. Автор многочисленных научных публикаций и проектов по культурным ландшафтам полей сражений, их сохранению и музеефикации. Автор ряда выставочных проектов.

Грамолина Наталья Николаевна — филолог, в 1990—2015 гг. — директор Государственного мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова, с 2015 г. — зам. директора по научной работе. Заслуженный работник культуры РСФСР, кавалер Золотого Почётного знака «Общественное признание» (1999). Имеет звание почётного гражданина Тульской области (2012). Инициатор развития просветительской, театральной и мемориальной традиций музея. Автор и участник многих выставочных и издательских проектов музея.

Гриценко Антон Алексеевич — к.г.н., научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, специалист в области изучения региональной и этнокультурной идентичности, ученик и идейный последователь М.П. Крылова. Область научных интересов — изучение приграничных пространств (border studies), социальная и культурная антропология.

Гриценко Владимир Петрович — директор Государственного музея-заповедника «Куликово поле». Сопредседатель Тульского регионального отделения ОНФ, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, Общественной палаты ЦФО, Общественного совета при министерстве культуры и туризма Тульской области. Лауреат Государственной премии РФ 2007 года. Награждён знаками «За достижения в культуре», «Общественное признание», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Гроза Алексей Борисович — директор природного парка «Воскресенское Поветлужье» и один из инициаторов его создания в 2008 г. С 2012 г. — директор Музея-заповедника «Град Китеж». Один из организаторов всех основных мероприятий, связанных с охраной, изучением, популяризацией, актуализацией культурного и природного наследия Воскресенского района Нижегородской области и озера Светлояр. Член Нижегородского отделения Союза охраны птиц России.

Гудима Тамара Михайловна — философ, профессор Московского гуманитарного университета. Депутат и член Комитета по культуре Государственной Думы 1-го и 2-го созывов. Разработчик законов об объектах культурного наследия, о перемещённых культурных ценностях, о музеях и музейном фонде и др. Член Комиссии по культуре

и образованию Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ в 1994—2000 гг. Научные интересы связаны с изучением диалектики духовного мира личности, гносеологических функций искусства.

Дмитриева Екатерина Николаевна — главный хранитель музейных территорий Гос. мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». В музее-заповеднике с 1999 года. Основные виды деятельности: сохранение историко-культурных ландшафтов и музейных историко-культурных территорий, сохранение, изучение и популяризация культурного наследия Пушкиногорья, решение вопросов, связанных с экологией заповедных территорий и краеведением.

Дроздов Александр Владимирович — к.г.н., в.н.с. Отдела физической географии и проблем природопользования Института географии РАН. Профессор Российской международной академии туризма. В 2006—2015 гг. — зам. гл. редактора журнала «Экологическое планирование и управление». Член редколлегии журнала «Известия РАН, серия географическая». Основные направления научных исследований: физическая география, ландшафтная экология, ландшафтное планирование, экологический туризм.

Душкина Наталия Олеговна — к. арх., проф. Московского архитектурного института; проф. Московского Государственного университета геодезии и картографии. Вице-президент Национального комитета ICOMOS, Россия. Эксперт ICOMOS по объектам Всемирного наследия. Научный руководитель «Школы наследия». Лауреат премий «Золотое сечение», премии им. А. И. Комеча. Автор и научный редактор многочисленных статей, сборников и монографий, опубликованных в России и за рубежом по истории архитектуры, теории консервации, охране культурного наследия, градозащите.

Ельчанинов Анатолий Иванович — к.г.н., сотрудник Института Наследия с 1992 г., зав. Отделом картографии и рекреационных систем (до 2013 г. — Сектор Российского национального атласа культурного и природного наследия). Член Русского географического общества (1977), Национальной Академии Туризма (2002), Союза краеведов России (2005). Лауреат премии Генри Форда за сохранение наследия. Сфера научных интересов: картографирование культурного и природного наследия, картографирование туризма, современные геоинформационные технологии.

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук, учёный секретарь Гос. мемориальн. ист.-лит. и прир.-ланд. музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское», доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета. Автор 150 научных работ по истории Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., национализации книжных собраний в 1918—1919 гг., истории Пушкинского заповедника в 1918—1925 гг.

Замятин Дмитрий Николаевич — к.г.н., доктор культурологии. В Институте Наследия в 2001—2015 гг. руководил подразделениями по гуманитарной географии и геокультурной политике. В настоящее время — г.н.с. Высшей школы урбанистики им. А. А. Высокоского НИУ ВШЭ. Автор концепций гуманитарной географии, метагеографии, геокультурного брендинга территорий. Ред.-сост. альманаха «Гуманитарная

география» (Институт Наследия, 2004—2010). Автор многочисленных книг и публикаций по гуманитарной географии, географическим образам, метагеографии, геокультуре и геополитике.

Захаров Юрий Семёнович — физико-географ, с.н.с. Института Наследия в 1992—2014 гг., Сектора исследований Соловецкого архипелага и Беломорья МАКЭ в 1998—2011 гг. Отв. исп. работ по проектам национальных парков «Онежское Поморье» (1994), «Русская Арктика» (1999), природного парка «Рыбачий» (2012). Один из авторов-разработчиков карт природного и культурного наследия Новой Земли (1995), Острова Вайгач (2000), Соловецких островов (2001, 2005, 2008). Исследователь озёрно-канальных и мелиоративных систем Соловецкого архипелага.

Зименко Алексей Владимирович — зоолог, природоохранник с 1970-х годов, генеральный директор Центра охраны дикой природы с 1999 г., творческая биография связана также с кафедрой зоологии позвоночных биол. факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Руководитель и участник многочисленных проектов по проблемам развития островных природно-социальных систем, по охране дикой природы, изучению поведения млекопитающих. Организатор и участник междисциплинарной программы «Командоры», автор проекта Командорского наземно-морского биосферного заповедника.

Зотова Мария Владимировна — кандидат географических наук, с.н.с. Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: исследования границ и приграничных территорий, география городов, социальная география, экономико-географические и геополитические проблемы развития постсоветских государств.

Колосов Владимир Александрович — д.г.н., проф., зам. директора Института географии РАН, зав. кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Международного географического союза (2012—2016), иностранный член Бельгийской Королевской академии наук, почётный член Французского географического общества. Автор многочисленных работ и проектов по политической географии и геополитике, территориальной идентичности, социальной географии, географии городов.

Кочергин Александр Семёнович — к.г.н., специалист по заповедному делу. С 1993 г. работает в национальном парке «Смоленское Поозерье», с 2005 г. является его директором. Президент Ассоциации заповедников и национальных парков Северо-Западного региона. Автор многочисленных публикаций по теоретическим и прикладным вопросам управления особо охраняемыми природными территориями, инициатор многих природоохранных проектов и акций.

Крупник Игорь Ильич — д.б.н., к.и.н., этнограф, эколог, специалист по традиционным культурам народов Севера, куратор арктических коллекций Национального музея естественной истории Смитсоновского Института (г. Вашингтон, США). Автор и составитель многих книг, каталогов и сборников по природопользованию и сохранению культурного наследия народов Сибири. Инициатор и главный координатор проекта СИКУ в 2007—2010 гг.

Кулешова Марина Евгеньевна — географ, к.г.н., автор публикаций, ред.-сост. книг и методических пособий, руководитель и участник проектов по культурным ланд-

шафтам, особо охраняемым территориям, музеям-заповедникам, правовой защите наследия, применению международного опыта. Автор концепции природно-культурного каркаса регионов. В Институте Наследия работала в 1992–2016 гг., с 1999 г. руководила подразделением по правовым проблемам управления культурными ландшафтами.

Кулиев Анатолий Николаевич — геоботаник, с.н.с. Сектора исследований Арктики МАКЭ Института Наследия с 1994 г. Один из разработчиков проектной документации по созданию национального парка «Русская Арктика» (1999) и природного парка «Рыбачий» (2012). Состоит в авторском коллективе разработчиков карт природного и культурного наследия Новой Земли (1995), Острова Вайгач (2000), Земли Франца-Иосифа (2011), Атласа Российской Арктики. Автор около 150 публикаций.

Лавренова Ольга Александровна — к.г.н., доктор философских наук, автор семиотической концепции культурного ландшафта, ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, проф. ГИТРа, преподаватель МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Культура и время» Музея имени Н.К. Рериха, член РГО. В Институте Наследия работала в период 1992–2013 гг.

Лопан Оксана Витальевна — старший научный сотрудник Центра археологического наследия Института Наследия. Область научных интересов: средневековая археология Восточной Европы.

Мажар Лариса Юрьевна — д.г.н., профессор кафедры географии и туризма, проректор по учебной и воспитательной работе Смоленского гуманитарного университета, почётный работник высшего профессионального образования РФ. Область научных интересов: территориальная организация общества, геосистемный анализ социально-экономических процессов, рекреационная география и туризм, территориальные туристско-рекреационные системы.

Максаковский Николай Владимирович — к.г.н., специалист по системам особо охраняемых территорий, национальным паркам, объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО, экологическому мониторингу объектов культурного наследия. Период работы в Институте Наследия — с 1992 по 2015 г., с 2010 г. — в должности руководителя Сектора уникальных историко-культурных и природных территорий (с 2014 г. — Центр мониторинга всемирного и национального наследия, с 2015 г. — Отдел Всемирного наследия).

Максимова Татьяна Васильевна — искусствовед, эксперт-технолог, художник-реставратор станковой масляной живописи 1-й категории. Автор двух монографий по технике живописи голландских живописцев XVII в. и немецких художников имитационного направления XVIII в., соавтор каталогов Саратовского и Вятского музеев, руководитель семинаров по технике живописи в связи с проблемами музейной экспертизы. Период работы в Институте Наследия — с 1995 г. до ликвидации сектора в 2013 г.

Мелютина Марина Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Института социальных и гуманитарных наук САФУ им. М.В. Ломоносова, в 2006–2016 гг. — замдиректора по науке национального парка «Кенозерский». Сфера научных интересов: сакральная география, традиционная культура, феноменология религии, гуманитарная география. Сост. и ред. сборников «Кенозерские чтения», сост. каталога «Небеса ручной работы» (2010), участник многочисленных музейно-выставочных и издательских проектов по Кенозерью.

Мозговой Сергей Александрович — к.и.н., рук. Центра исторического наследия Института Наследия. Около 30 лет (до 2004 г.) служил на надводных кораблях и подводных лодках Балтийского, Тихоокеанского и Северного флотов, в Штабе БФ, Главном Штабе ВМФ и Центральном аппарате Минобороны России. Автор многочисленных публикаций по военно-историческому и морскому наследию, политологии, военной социологии, религиоведению, проблемам свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями.

Наумов Андрей Николаевич — зам. директора по науке Государственного музея-заповедника «Куликово поле», к.и.н. Член Центрального совета ВООПИиК, общественного совета при Инспекции Тульской области по государственной охране объектов культурного наследия. Автор монографий и более 50 научных статей по историографии, археологии и истории Тульского края и Куликова поля. Лауреат Государственной премии РФ (2007 г.)

Нащокина Мария Владимировна — доктор искусствоведения, член-корр. РААСН, гл.н.с. НИИ теории, истории архитектуры и градостроительства, зам. председателя Общества изучения русской усадьбы, заслуженный архитектор РФ. Автор более 300 публикаций (в том числе 40 книг). Среди них «Русские сады» (2007) и «Русская усадьба Серебряного века» (2007). Редактор-составитель сборников (выпуски 6–22) «Русская усадьба». В 2008–2013 гг. — руководитель Сектора усадебной и садово-парковой культуры Института Наследия.

Нефёдова Татьяна Григорьевна — д.г.н., главный научный сотрудник Института географии РАН. Научные интересы связаны с социальной географией, проблемами сельской местности, мобильностью населения, сельскими традициями, освоением сельской местности городскими дачниками.

Никитина Серафима Евгеньевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН с 1970 г. Автор около 270 публикаций, в том числе 8 монографий. Сфера научных интересов: язык науки, язык фольклора, семантика, народная культура, взаимосвязь веры, языка и культуры русских конфессиональных групп. С 1994 г. по 2013 г. — ведущий научный сотрудник Сектора живой традиционной культуры Института Наследия.

Новиков Валерий Петрович — к.г.-м.н., первый директор-организатор (1997–2013 гг.), и гл. науч. сотр. национального парка «Угра», заслуженный эколог РФ (2010), член Экспертного совета по ООПТ Минприроды РФ. Лауреат Всероссийской премии «Хранитель наследия» (2016). Автор многочисленных работ по особо охраняемым природным территориям, геологическим памятникам природы, историко-культурному наследию (культурные ландшафты, традиционное природопользование, военная история и поля сражений).

Орфинская Ольга Вячеславовна — к.и.н., с.н.с. Центра исторических традиционных технологий Института Наследия в 2001–2013 гг., Отдела культурных ландшафтов и традиционного природопользования в 2013–2016 гг., Центра археологического наследия — с 2016 г. Сфера научных интересов — археологический текстиль.

Пископел Анатолий Альфредович — к.психол.н., д. филос.н., методолог, член Московского методологического кружка, редактор и издатель научной литерату-

ры. Профессор филос. ф-та МГУ. Автор свыше 180 научных работ в области историко-методологических и философских вопросов логики и психологии науки и научного творчества, этно-социо-психологии и конфликтологии. Один из основных биографов Г.П. Щедровицкого. В Институте Наследия — с 1992 г., в.н.с. Сектора теоретико-методологических проблем с 2003 г. до его ликвидации в 2013 г.

Плужников Владимир Иванович — к.иск., проф. Института искусства реставрации, действ. член Академии архитектурного наследия, в.н.с. Сектора свода памятников Государственного института искусствознания, лауреат премии Правительства РФ. Журнальный художник и корреспондент ж. «Изобретатель и рационализатор», дважды награждён медалью «Лучший журналист года». Специализация — архитектурная терминология, архитектура церквей, тюрем, подземных комплексов, космопсихология. В Институте Наследия руководит Центром информационного обеспечения и документации.

Рахматуллин Рустам Эврикovich — писатель, графоведа, градозащитник, преподаватель МАрхИ, сооснователь и координатор общественного движения «Архнадзор», программный содиректор «Школы наследия», ведущий программы «Облюбование Москвы» на канале «Россия-24». Лауреат Национальной литературной премии «Большая книга», Премии правительства России в области культуры, Премии им. Д. С. Лихачёва за вклад в сохранение культурного наследия России. Автор и соавтор ряда книг о Москве сооснователь журналов «Новая Юность» и «Московское Наследие».

Родоман Борис Борисович — теоретик географии, публицист, автор концепции «поляризованной биосферы», создатель языка картоидов, внёс весомый вклад в рекреационную географию. Предложил экологическую специализацию России в мировом хозяйстве. Автор более 400 печатных работ, включая монографии «Территориальные ареалы и сети» (1999), «Поляризованная биосфера» (2002), «География, районирование, картоиды» (2007). В 2007—2015 гг. работал в Центре гуманитарных исследований пространства Института Наследия, где печатался в альманахе «Гуманитарная география».

Рокитянский Владимир Ростиславич — культуролог, публицист, редактор. Переводит, редактирует, комментирует и готовит к изданию тексты мыслителей, которых считает важными для отечественной культуры. Соучастник проектов издания материалов архива Московского методологического кружка (издательство «Наследие ММК»). Ведёт живой журнал gignomai.livejournal.com с обсуждением философских, методологических, богословских и образовательно-педагогических вопросов. В Институте Наследия — с 1992 г., с 2003 по 2013 г. — с.н.с. Сектора теоретико-методологических проблем.

Рябов Сергей Алексеевич — канд. воен. наук, в.н.с. Центра исторического наследия Института Наследия. Более 30 лет проходил службу в Пограничных войсках. В Институте Наследия с 2004 по 2013 гг. работал в Секторе живой традиционной культуры. Автор и ведущий народного проекта «Энциклопедия Козельска» на сайте kozelskycyclopedia.ru. Автор монографии «Здесь государевым «украинам» было бережение. Российское пограничье — особый объект культурного и природного наследия» (2007). Научные исследования посвящены военно-историческому наследию и краеведению.

Саликов Евгений Александрович — к.и.н., с.н.с. Соловецкого отряда МАКЭ Института Наследия в 1993–2008 гг. Область научных интересов: миграционные процессы эпохи бронзы в Евразии; методологии соотнесения категорий этноса и археологической культуры (через культовое единство и духовно-символическое пространство).

Себенцов Александр Борисович — к.г.н., с.н.с. Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Область научных интересов: проблемы развития приграничных территорий, влияние границ на жизнь людей, география неконтролируемых территорий и непризнанных государств, география инвестиций, проблемы освоения Российского Севера и его регионов.

Стрелецкий Владимир Николаевич — д.г.н., зав. Отделом социально-экономической географии Института географии РАН, проф. Российско-германского научного центра РГГУ и кафедры региональной экономики и географии РУДН. Зам. глав. ред. журналов «Известия РАН. Серия географическая» и «Региональные исследования», автор более 200 научных трудов по теории и методологии культурной географии, проблемам региональной идентичности, культурному регионализму в Европе и России, исторической, этнической и социально-экономической географии России и стран Европы.

Тишков Аркадий Александрович — зам. директора Института географии РАН, член-корр. РАН, профессор, д.г.н., зам. глав. ред. ж. «Известия РАН. Серия географическая», заслуженный деятель науки РФ, почётный работник охраны природы РФ, награждён Золотой медалью РГО имени И. П. Бородина и медалью Н. Ф. Реймерса за вклад в сохранение природного наследия России, член Президиума и заместитель председателя Московского отделения РГО. Автор более 800 работ (в т.ч. 15 монографий) по теории географии, биогеографии, экономике природопользования и охране природы.

Туманов Валерий Евгеньевич — к.и.н., член центрального совета ВООПИК, член НМС по развитию школ туризма и краеведения Федерального центра детского и юношеского туризма и краеведения Минобрнауки РФ. Специализируется в области музееведения, краеведения, архивоведения. Имеет около 150 научных публикаций, в т.ч. 4 монографии. В Институте Наследия руководил Сектором краеведения с 1994 по 2015 г.

Черников Лев Николаевич (1936–2016) — один из крупнейших цыгановедов в СССР и России, с 1950-х годов посвятивший себя изучению разных аспектов цыганской культуры. Лингвист, полиглот, этнограф, историк — учёный с безграничной эрудицией, любивший и умевший делиться знаниями. Член РГО, член правления Цыганского фонда в Цюрихе. С.н.с. сектора живой традиционной культуры Института Наследия с 1996 по 2013 г. Автор многочисленных работ по цыганской культуре, используемых российскими и европейскими специалистами. Весной 2017 года в Швейцарии (при содействии и участии его российских коллег) вышел фундаментальный сборник статей на разных цыганских диалектах и многих европейских языках, посвящённый его памяти.

Шатковская Елена Флегонтовна — директор ФГБУ Национальный парк «Кенозерский» с 1991 г. Заслуженный работник культуры (2013), лауреат премии «Хранители наследия» (2012), почётный работник охраны природы (2011 г.), награждена

медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» (2003 г.), имеет почётный знак «За заслуги в заповедном деле» (2003 г.) и др. награды. Первая среди директоров национальных парков России стала внедрять ландшафтный подход в охрану наследия, организовала спасение десятков памятников архитектуры и поддержку живой традиционной культуры.

Шульгин Павел Матвеевич — к.э.н., руководитель Центра комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», один из организаторов Института Наследия, зам. директора по научной работе со дня основания института в 1992 г. до января 2014 г.

Штеле Ольга Евгеньевна — к.г.н., ведущий эксперт Центра комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», первый Учёный секретарь Института Наследия, работала в этой должности с 1994 г. по февраль 2014 г.

Щедровицкий Лев Петрович — к.психол.н., соучредитель Фонда «Архив Московского методологического кружка» (mmk-documentum); сореализатор проектов по изданию материалов Архива ММК в составе издательской группы «Наследие ММК». В Институте Наследия с 1992 года до его реорганизации в 2013 г. (с 2003 г. — зав. Сектором теоретико-методологических проблем).

Эльдаров Эльдар Магомедович — д.г.н., профессор кафедры менеджмента факультета управления Дагестанского государственного университета, председатель Дагестанского отделения Русского географического общества. Автор многочисленных работ, посвящённых общественной географии, социальной политике, географии туризма, региональной экономике, охране окружающей среды.

Ярош Валерия Николаевна — химик-технолог, к.х.н., специалист в области исследования, сохранения, реставрации, экспертизы материалов живописи, прикладного искусства, строительных и декоративно-отделочных материалов памятников архитектуры. Сотрудник Института Наследия с 1992 г., в 2007–2013 гг. — руководитель Сектора научных основ экспертизы объектов наследия, сектор ликвидирован при реорганизации института.

Пресс-релиз конференции
«Роль науки в изучении и сохранении наследия»,
посвящённой 25-летию Института Наследия
(Москва, 20 апреля 2017 г.)¹

20 апреля 2017 г. во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры прошла конференция «Роль науки в изучении и сохранении наследия». Поводом для её проведения стала памятная дата — 25 лет тому назад, 13 апреля 1992 г. был создан Российский институт культурного и природного наследия (Институт Наследия). Создание этого института было тесно связано с деятельностью замечательного русского учёного и просветителя Д. С. Лихачёва, чьи идеи и разработки во многом определили научную тематику института. Впоследствии институт получил имя Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Институт Наследия стал первой научной государственной организацией России и мира, где проблемы культурного и природного наследия стали рассматриваться в целостности, что было декларировано Конвенцией о всемирном наследии в 1972 г.

В работе конференции приняло участие более 40 учёных, в разное время работавших и продолжающих работать в сегодняшнем, уже реформированном институте, а также представители других научных учреждений, долгое время тесно взаимодействовавшие с сотрудниками института.

Конференция показала, что несмотря на вынужденный уход из института большей части научных сотрудников, их научная жизнь продолжается. Все они осознают свою общность и до сих пор воспринимаются научной общественностью как представители единого творческого коллектива. При этом развиваемые в институте идеи, заложенные в период 1992—2013 годов, активно используются и развиваются во многих других институтах страны.

Конференцию открыл Артём Геннадьевич Демидов — первый заместитель председателя ВООПИК, отметивший не только значимость работ, которую проводил Институт Наследия, но и то, что многие его сотрудники всегда были связаны с ВООПИК и активно участвовали в защите наследия.

По устоявшейся традиции конференцию вёл бессменный с 1992 по 2013 г. директор института Юрий Александрович Веденин. Он напомнил собравшимся о четырёх основных методологических основаниях работы института — широком представлении о категории наследия, целостности материального и нематериального наследия, неразрывности природного и культурного наследия, средово-территориальном подходе к любым объектам наследия и необходимости включения наследия в современную жизнь страны и общества.

Павел Матвеевич Шульгин, некогда руководивший Сектором региональных программ и занимавший должность зам. директора по науке со дня создания института

¹ Опубликовано на сайте Центра охраны дикой природы http://www.biodiversity.ru/news/forum/2017/science_conference.html

по 2014 г., в настоящее время является заведующим Центром комплексных региональных программ социально-культурного развития в Высшей школе экономики. Его опыт и знания востребованы как на федеральном, так и на региональном уровнях. Во время своего выступления на конференции он рассказал, как на основании разработанной в своё время в Институте Наследия методологии ведутся работы по включению компонента «наследие» в стратегические общероссийские программы. Вместе с бывшими и действующими сотрудниками института им недавно подготовлены планы управления для двух объектов культурного наследия Татарстана. Это Болгар, включенный в Список всемирного наследия, и Успенский собор в Свияжке — выдвигаемый в Список всемирного наследия в этом году.

Галина Алексеевна Зайцева, некогда руководитель Центра мониторинга наследия, ведёт работы по развитию музейного дела в нашей стране. В настоящее время она разрабатывает Концепцию сохранения памятников деревянного зодчества, привлекая к этому занятию многих известных реставраторов и историков деревянной архитектуры.

Дмитрий Николаевич Замятин, основатель нового направления в географической науке — гуманитарной географии, известный своими трудами по «имаджинальной» географии и «брендингу» территорий, ещё недавно — руководитель Центра гуманитарных исследований пространства в Институте Наследия, теперь разрабатывает новые теории освоения и осмысления городского пространства в Высшей школе урбанистики им. А. А. Высоковского (Высшая школа экономики). Присутствовавшие на конференции бывшие сотрудники Центра продолжают работать в области изучения культурного наследия и гуманитарной географии. Это И. И. Митин, К. А. Павлов, Н. Ю. Замятина и, конечно, классик географической науки — Б. Б. Родман.

Сергей Анатольевич Пчёлкин, некогда руководитель Сектора электронных публикаций в области наследия, продемонстрировал разработанные им методы изучения эволюции городского ландшафта на основе материалов, полученных с помощью киносъёмок разных лет, от начала XX века до наших дней. Его исследование базируется на 4-х «китах»: научное основание — город изучается в конкретном хронотопе; художественное содержание — текст города требует создания его библиотеки для монтирования художественных высказываний; образовательное содержание — преемственность системы ценностей от поколения отцов к детям; необходимость развития — не как зачистка от прошлого, а как продолжение разумно начатого.

С большим воодушевлением была встречена Серафима Евгеньевна Никитина, в настоящее время сотрудник Института языкознания РАН и в тоже время представитель бывшего Сектора живой традиционной культуры Института Наследия, широко известный в мире исследователь религиозной культуры. Её исключительно точные наблюдения о стержне культуры, выявляемом в связи с историей и условиями жизни народа, о традициях в культуре всегда глубоки и интересны. Тем более когда сопровождаются её пением — на этот раз она исполнила один из духовных стихов Русского Севера — Сон Богородицы. Вторым представителем сектора стал Михаил Александрович Полищук, работающий ныне в Государственном музее политической истории России.

О региональных исследованиях рассказали бывшие сотрудники института В. Н. Калужков, М. Е. Кулешова, И. Н. Быльченко. Владимир Николаевич Калужков, автор

концепции этнокультурного ландшафта, некогда сотрудник Сектора комплексных региональных программ, а ныне профессор, руководитель кафедры региональных исследований на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, рассказал о формировании ассоциативного ландшафта Пушкиногорья; посвящённые этой теме разработки вошли в недавно принятую Концепцию развития Пушкинского музея-заповедника «Михайловское».

Марина Евгеньевна Кулешова, некогда руководившая Отделом культурных ландшафтов, рассказала о недавно подготовленных материалах к номинационному досье, обосновывающих включение в Список всемирного наследия культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье». В разработке этого документа весомую роль играли бывшие сотрудники института (Ю. А. Веденин, Н. М. Ведерникова, М. Е. Кулешова, В. Н. Калущков, Н. В. Максаковский, Т. Ю. Семёнова).

Известное в Белгородской области историческое поселение «Таволжанка», связанное с именем Боткиных и сахарным заводом с заводской инфраструктурой, представила Ирина Николаевна Быльченко, также сотрудник дореформенного института, отправившаяся в Белгородскую область прививать любовь и уважение к наследию среди властных вертикалей регионального уровня.

Бывшее институтское краеведение представлял В. Е. Туманов, занимающийся ныне архивными изысканиями, дореформенный сектор усадебной культуры — Н. В. Ром, упразднённые традиционные технологии — В. Н. Ярош, бывший Соловецкий отряд МАКЭ — В. С. Грузинов, сектор комплексных исследований Центральной России — В. Н. Шеренкова, сектор традиционного природопользования — П. А. Алейников.

Пришли на учёный форум и коллеги, ещё пребывающие в стенах института и продолжающие свои тематические исследования. В их числе — Владимир Иванович Плужников, который совместно с С. А. Рябовым продолжил традицию российско-норвежского сотрудничества, ведущегося в институте начиная с 1996 г. Они стали разработчиками нового российско-норвежского проекта по исследованию и увековечению памяти о концентрационных лагерях, в которых размещались советские военнопленные в Норвегии в период Второй мировой войны.

Выступить пожелали и гости, в числе которых — Тамара Михайловна Гудима, давний друг дореформенного института, депутат Госдумы 1-го и 2-го созывов, в 2000-е годы работавшая с несколькими министрами культуры РФ, в настоящее время профессор Московского гуманитарного университета, при участии которой были разработаны многие законопроекты, определяющие развитие культуры и сохранение культурного наследия. Она напомнила о роли института в разработке российского законодательства, а также Государственной программы «Культура Русского Севера», где она принимала самое активное участие.

Высокую оценку роли дореформенного Института Наследия в развитии культурной географии дал один из ведущих учёных-географов, заведующий сектором экономической и социальной географии Института географии РАН Владимир Николаевич Стрелецкий. По его словам, именно Институт Наследия воспринял традиции российской культурной географии 1920-х годов и «прорвал» стереотипы советского ландшафтоведения, внедрив представление о культурном ландшафте в теорию и практи-

ку современной науки. Разработки института в 1990—2000-х годов имеют огромное прикладное значение и помогают географам всей России в их теоретико-методологических исследованиях.

Один из главных принципов, на которых всегда строилась работа института, — это принцип неразрывности природного и культурного наследия. Поэтому сотрудники института (Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, Н. В. Максаковский) принимали участие в различных программах, связанных с охраной не только культурного, но и природного наследия, в частности, в разработке Стратегии управления национальными парками России, выполнявшейся под руководством Центра охраны дикой природы. Директор Центра Алексей Владимирович Зименко в своём докладе обратил внимание конференции на то, что все наблюдаемые сегодня тренды, касающиеся охраны природного наследия, можно проследить и в отношении культурного наследия, и эти процессы вызывают большую тревогу. Под угрозой оказалась уникальная для мирового опыта система российских заповедников, последние поправки в законодательстве допускают не только их конвергенцию с национальными парками, но и преобразование в национальные парки, что дискредитирует идею заповедности и разрушает российскую систему заповедников.

От имени музеев-заповедников, с которыми институт всегда поддерживал творческие контакты, выступил Александр Викторович Горбунов, один из виднейших знатоков ландшафтов полей сражений. Именно он совместно с коллегами из института разрабатывал уникальные ландшафтные программы по Бородинскому полю, о которых и рассказал на конференции, а заодно представил и перспективы развития этой священной для россиян территории, уже не им придуманные: увеличение потоков посетителей, строительство сувенирных ларьков, проведение увеселительно-патриотических затей и т. д.

Было много вопросов и кулуарных обсуждений, была радость встречи тех, кому уже не суждено работать под одной крышей, вспомнилась старая творческая атмосфера института, создаваемая именно его коллективом. Что ж, можно жить, работать и ощущать свою целостность и в таком оригинальном формате.

Научное издание

В ФОКУСЕ НАСЛЕДИЯ

Сборник статей,
посвящённый 80-летию
Юрия Александровича Веденина
и 25-летию создания Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва

Составитель и ответственный редактор
Марина Евгеньевна Кулешова

Редактор
Юлия Бенционовна Виниченко

Корректоры
Т. Ю. Савченко, П. А. Арясова

Компьютерная верстка
Д. В. Панин, А. С. Руденко

Обработка фотографий:
А. А. Парамонова, Г. Н. Платова, О. Н. Глазунова, С. А. Пчёлкин
Фотографии предоставлены авторами статей, заимствования обозначены.
Фотография на шмуцтителе к части 6 предоставлена *О. Б. Глезер*.

Оформление картосхем
А. А. Парамонова

Утверждено к печати Учёным советом Института географии РАН

Подписано в печать 22.09.2017.
Формат 70×100/16. Печ. л. 43,0.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 90.

ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а
тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru